



РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК  
Дагестанский научный центр  
Институт социально-экономических исследований

№ 12 (74), 2016

Ежемесячный  
научный  
журнал

## РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ЭКОНОМИКИ

Выходит с 2004 года

Издается по решению Ученого Совета  
Института социально-экономических  
исследований ДНЦ РАН

Периодичность – ежемесячный. Свободная цена

**НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:  
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ**

**Петросянец В.З.** — доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института социально-экономических исследований ДНЦ РАН

**ЧЛЕНЫ СОВЕТА:**

директор Центрального экономико-математического института РАН, д.э.н., профессор, академик РАН

иностранный член РАН, д.т.н., профессор

директор Института проблем рынка РАН, д.э.н., профессор, член-корреспондент РАН

заместитель директора Центрального экономико-математического института РАН,

д.э.н., профессор, член-корреспондент РАН, академик РАЕН

директор Института экономики НАН Республики Армения им М. Котаняна, д.э.н., член-корреспондент НАН

директор Института социально-экономических проблем народонаселения РАН, д.э.н., профессор

руководитель Центра социальной демографии и экономической социологии Института социально-политических исследований РАН, д.э.н., профессор, член-корреспондент РАН

Заместитель Председателя Совета Федерации РФ, к.ф.н.

Начальник Отдела общественных наук РАН – заместитель академика-секретаря ООИ РАН по научно-организационной работе, д.э.н., профессор

директор Института экономики НАН Республики Армения им М. Котаняна, д.э.н., член-корреспондент НАН

Республики Армения

директор Института социально-экономических проблем народонаселения РАН, д.э.н., профессор

директор Института информатики и проблем регионального управления КБНЦ РАН, д.т.н., профессор

заведующая кафедрой «Национальная и региональная экономика», проректор ФГБОУ ВПО «Дагестанский государственный университет», д.э.н.

генеральный директор Фонда национальной энергетической безопасности (ФНЭБ), заведующий кафедрой «Прикладная политология», первый проректор ФГБОУ ВПО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», к.полит.наук, доцент

директор Омского института (филиала) ФГБОУ ВПО «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова», к.ю.н., д.э.н., профессор

директор факультета прикладных коммуникаций, заведующий кафедрой «Теория коммуникации» ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный университет», д.полит.наук, д.э.н., профессор

заведующая кафедрой «Государственное и муниципальное управление» филиала ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет» в г. Пятигорске, д.э.н., профессор

профессор кафедры «Экономика производства и статистика» Северо-Кавказская государственная гуманитарно-технологическая Академия, д.э.н., профессор

профессор, доктор геогр. наук, Институт Восточных Языков и Цивилизации, Франция, г. Париж

директор юридических наук, профессор Юридического факультета Токийского университета

д.э.н., профессор

к.э.н.

д.т.н., профессор

д.э.н., профессор

д.э.н., профессор

д.г.н., профессор

д.э.н.

д.э.н.

к.ф.н., доцент

к. ф.-м.н., доцент

к.э.н.

к.э.н.

к.э.н.

к.э.н.

к.э.н.

ответственный секретарь

тех. редактор

составитель (дизайн-верстка)

Зарегистрирован в Федеральной службе  
по надзору в сфере связи и массовых  
коммуникаций Российской Федерации  
(Роскомнадзор). ПИ №ФС77-58168  
от 29 мая 2014 года

Макаров В.А.

Акаев А.А.

Цветков В.А.

Клейнер Г.Б.

Римашевская Н.М.

Рязанцев С.В.

Умаханов И.М.-С.

Аносова Л.А.

Арутюнян В.А.

Локосов В.В.

Иванов П.М.

Магомедова М.М.

Симонов К.В.

Метелев С.Е.

Большаков С.Н.

Киселева Н.Н.

Кубанов А.М.

Жан Радвани

Кимитаката Матсузато

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:**

Дохолян С.В.

(главный редактор)

Гимбатов Ш.М.

(зам. главного редактора)

Абдулаев Ш.-С.О.

Ахмедуев А.Ш.

Гасанов М.А.

Мудуев Ш.С.

Бейбалаева Д.К.

Кутаев Ш.К.

Абдулагатов З.М.

Зоидов К.Х.

Багомедов М.А.

Деневизюк Д.А.

Курбанов К.К.

Петросянец Д.В.

Чернышов М.М.

Садыкова А.М.

Гитиномагомедова П.А.

Джамилев А.М.

*Материалы журнала отражают точку зрения авторов  
и не являются официальной позицией Института.*

*При использовании материалов ссылка на журнал обязательна*

Адрес редакции: 367030, г. Махачкала, ул. М. Ярагского 75

Наш сайт в Интернете: [www.rppe.ru](http://www.rppe.ru)

Тел. 62-45-16, 62-66-86, 8-928-800-222-0

© НП «Редакция журнала «Региональные проблемы преобразования экономики»

## СОДЕРЖАНИЕ

### **ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ НАРОДНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ**

#### **Экономика, организация и управление предприятиями, отраслями, комплексами**

##### *Промышленность*

**Ростовцев А.И., Чернявский С.В.** Ориентация российской газовой отрасли на внутренний региональный рынок как основа устойчивого развития экономики в условиях нестабильности..... 6

##### *АПК и сельское хозяйство*

**Антамошкина Е.Н., Луценко Я.В.** Оценка показателей продовольственной обеспеченности ЮФО..... 12

**Чередниченко О.А., Рыбасова Ю.В.** Продовольственная и экологическая безопасность в регионе: компромиссы и противоречия ..... 20

**Аллахвердиев А.И., Камилев М.К., Ханбабаев Т.Г., Догеев Г.Д.** Эффективность сельскохозяйственного использования земель и земельные отношения в регионе ..... 31

**Асриянц К.Г., Багавудинова К.Б.** Оценка эффективности реализации целевых программ развития АПК региона ..... 39

**Арсланов Ш.Д., Ниналалова Л.Г.** Политика государственной поддержки и развития сельского хозяйства: зарубежный опыт ..... 49

**Магомедханов М.М., Рамазанова З.Б.** Трансформация традиций землепользования в Нагорном Дагестане: исторический опыт и социально-экономический эффект ..... 56

**Сампиева Л.Д.** Основные направления реструктуризации сельскохозяйственных предприятий ..... 63

##### *Строительство*

**Магомедов А.Г.** Организационно-экономические аспекты управления инвестиционными и производственными рисками в линейном строительстве ..... 72

##### *Сфера услуг*

**Жук С.С., Селезнев П.С.** Социальные проекты как инструмент реализации социально-экономической политики государства..... 79

**Бобиев А.К.** Методологические подходы к анализу конкурентоспособности субъектов сферы высшего профессионального образования ..... 86

#### **Управление инновациями**

**Мустаев М.М., Мамбетова Ф.А.** Сетевая форма организации экономики как эффективная модель взаимодействия субъектов инновационной системы..... 96

#### **Региональная экономика**

**Ермилина Д.А.** Сравнительный анализ конкурентоспособности российских территорий..... 107

**Багомедов М.А.** Модернизация социальной сферы и экономическая безопасность в проблемных регионах СКФО..... 118

#### **Экономика труда**

**Петросянц Д.В., Юшков И.В.** Прогнозирование возможной динамики политической активности студенческой молодежи в новом электоральном цикле..... 133

**Карпенко Е.З.** Качество человеческого капитала в условиях становления инновационной экономики ..... 143

#### **Экономика народонаселения и демография**

**Кутаев Ш.К.** Особенности воспроизводства населения и трудовых ресурсов в регионах СКФО..... 150

**Нечаев А.С.** Влияние обеспеченности инженерной инфраструктурой на социально-экономическое и демографическое развитие территории ..... 158

#### **Экономическая безопасность**

**Сайфиева С.Н.** Современная финансовая политика и экономическая безопасность..... 164

**Ионичев В.Н.** Внедрение информационных технологий в процесс управления закупками компании с государственным участием в контексте обеспечения экономической безопасности ..... 174

## **ФИНАНСЫ, ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ И КРЕДИТ**

**Шагалов Г.Л., Зоидов З.К., Керимов С.Г.** Возможности и перспективы использования плавающего валютного курса в целях модернизации экономики ..... 184

## **МАТЕМАТИЧЕСКИЕ И ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫЕ МЕТОДЫ ЭКОНОМИКИ**

**Кобил Ш., Зоидов Х.К.** Моделирование анализа циклической динамики структуры и механизмы регулирования интегрированного кластера рынков топливно-энергетических ресурсов государств-членов ЕАЭС..... 199

**Зоидов К.Х.** Система межбюджетных отношений в России и других странах ЕАЭС: циклическая динамика развития, существующие риски, вызовы и перспективы развития ..... 222

## **МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА**

**Зоидов К.Х., Медков А.А.** Проблемы и противоречия сопряжения социально-экономического развития России с другими странами ЕАЭС..... 236

## **НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ**

**Цветков В.А., Дохолян С.В., Зоидов К.Х.** Пятый международный форум «Россия в XXI веке: глобальные вызовы и перспективы развития» ..... 250

## TABLE OF CONTENTS

### ECONOMICS AND NATIONAL ECONOMY MANAGEMENT

#### **Economics, organization and management of enterprises, branches, complexes**

##### *Industry*

<b>ROSTOVTSSEV A.I., CHERNYAVSKY S.V.</b> ORIENTATION OF THE RUSSIAN GAS INDUSTRY IN THE DOMESTIC REGIONAL MARKET AS A BASIS FOR SUSTAINABLE ECONOMIC DEVELOPMENT IN CONDITIONS OF INSTABILITY .....	6
--	---

##### *Agribusiness and agriculture*

<b>ANTAMOSHKINA E.N., LUTSENKO Y.V.</b> EVALUATION OF FOOD SECURITY INDICATORS OF THE JUFO .....	12
<b>CHEREDNICHENKO O.A., RYBASOVA Y.V.</b> FOOD AND ENVIRONMENTAL SAFETY IN THE REGION: COMPROMISES AND CONTRADICTIONS .....	20
<b>ALLAKHVERDIEV A.I., KAMILOV M.K., KHANBABAEV T.G., DOGEEV G.D.</b> EFFICIENCY OF AGRICULTURAL USE OF LAND AND LAND RELATIONS IN THE REGION .....	31
<b>ASRIYANTS K.G., BAGAVUDINOVA K.B.</b> EVALUATION OF EFFICIENCY OF IMPLEMENTATION OF TARGET DEVELOPMENT PROGRAMS OF THE REGIONAL AREA .....	39
<b>ARSLANOV S.D., NINALALOVA L.G.</b> POLICY OF STATE SUPPORT AND DEVELOPMENT OF AGRICULTURE: FOREIGN EXPERIENCE .....	49
<b>MAGOMEDKHANOV M.M., RAMAZANOVA Z.B.</b> TRANSFORMATION OF LAND USE TRADITIONS IN NAGORNOY DAGESTAN: HISTORICAL EXPERIENCE AND SOCIO-ECONOMIC EFFECT .....	56
<b>SAMPIEVA L.D.</b> MAIN DIRECTIONS OF RESTRUCTURING OF THE AGRICULTURAL ENTERPRISES .....	63

##### *Construction*

<b>MAGOMEDOV A.G.</b> ORGANIZATIONAL-ECONOMIC ASPECTS OF MANAGEMENT OF INVESTMENT AND PRODUCTION RISKS IN LINEAR CONSTRUCTION .....	72
---	----

##### *Services*

<b>ZHUK S.S., SELEZNEV P.S.</b> SOCIAL PROJECTS AS A TOOL FOR IMPLEMENTATION OF SOCIAL AND ECONOMIC POLICY OF THE STATE .....	79
<b>BOBIEV A.K.</b> METHODOLOGICAL APPROACHES TO THE ANALYSIS OF COMPETITIVENESS OF THE SUBJECTS OF THE SPHERE OF HIGHER PROFESSIONAL EDUCATION .....	86

#### **Innovation management**

<b>MUSTAIEV M.M., MAMBETOVA F.A.</b> THE NETWORK FORM OF ORGANIZATION OF THE ECONOMY AS AN EFFECTIVE MODEL OF INTERACTION OF SUBJECTS OF THE INNOVATIVE SYSTEM .....	96
--	----

#### **Regional economy**

<b>ERMILINA D.A.</b> COMPARATIVE ANALYSIS OF COMPETITIVENESS OF THE RUSSIAN TERRITORIES.....	107
<b>BAGOMEDOV M.A.</b> MODERNIZATION OF SOCIAL SPHERE AND ECONOMIC SAFETY IN PROBLEMATIC REGIONS OF NCFD .....	118

#### **Labor Economics**

<b>PETROSYANTS D.V., YUSHKOV I.V.</b> FORECASTING THE POSSIBLE DYNAMICS OF POLITICAL ACTIVITY OF STUDENT YOUTH IN THE NEW ELECTORAL CYCLE .....	133
<b>KARPENKO E.Z.</b> QUALITY OF HUMAN CAPITAL IN CONDITIONS OF FORMATION OF INNOVATIVE ECONOMY .....	143

#### **Economics of population and demography**

<b>KUTAEV SH.K.</b> PECULIARITIES OF REPRODUCTION OF POPULATION AND LABOR RESOURCES IN THE REGIONS OF THE NCFD .....	150
<b>NECHAEV A.S.</b> THE IMPACT OF PROVIDING FOR THE ENGINEERING INFRASTRUCTURE ON THE SOCIAL-ECONOMIC AND DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT OF THE TERRITORY .....	158

#### **Economic security**

<b>SAIFIEVA S.N.</b> MODERN FINANCIAL POLICY AND ECONOMIC SECURITY .....	164
<b>IONICHEV V.N.</b> IMPLEMENTATION OF INFORMATION TECHNOLOGIES IN THE MANAGEMENT PROCESS OF THE COMPANY'S PURCHASING WITH STATE PARTICIPATION IN THE CONTEXT OF ENSURING ECONOMIC SECURITY .....	174

## **FINANCE, MONEY CIRCULATION AND CREDIT**

**SHAGALOV G.L., ZOIDOV Z.K., KERIMOV S.G.** OPPORTUNITIES AND PROSPECTS OF USING THE FLOATING FOREIGN EXCHANGE RATE FOR THE MODERNIZATION OF THE ECONOMY ..... 184

## **MATHEMATICAL AND INSTRUMENTAL METHODS OF ECONOMICS**

**KOBIL SH., ZOIDOV Kh.K.** MODELING OF ANALYSIS OF CYCLIC DYNAMICS OF STRUCTURE AND MECHANISMS OF REGULATION OF THE INTEGRATED CLUSTER OF MARKETS OF FUEL AND ENERGY RESOURCES OF MEMBER STATES..... 199

**ZOIDOV K.Kh.** THE SYSTEM OF INTER-BUDGETARY RELATIONS IN RUSSIA AND OTHERS COUNTRIES OF THE EAGE: CYCLIC DYNAMICS OF DEVELOPMENT,EXISTING RISKS, CHALLENGES AND PROSPECTS FOR DEVELOPMENT ..... 222

## **THE WORLD ECONOMY**

**ZOIDOV K.Kh., MEDKOV A.A.** AND CONTRADICTIONS OF SOCIAL-ECONOMIC DEVELOPMENT OF RUSSIA WITH OTHER COUNTRIES OF THE EAGE..... 236

## **SCIENTIFIC REPORTS**

**TSVETKOV V.A., DOKHOLYAN S.V., ZOIDOV K.Kh.** INTERNATIONAL FORUM "RUSSIA IN THE XXI CENTURY: GLOBAL CHALLENGES AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT..... 250

# ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ НАРОДНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ

## Экономика, организация и управление предприятиями, отраслями, комплексами

### Промышленность

---

УДК 333.54

**РОСТОВЦЕВ АНДРЕЙ ИГОРЕВИЧ**

соискатель докторантуры Института проблем рынка РАН (г. Москва).  
e-mail: vols85-85@mail.ru

**ЧЕРНЯВСКИЙ СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ**

доктор экономических наук, главный научный сотрудник  
Института проблем рынка РАН (г. Москва).  
e-mail: vols85-85@mail.ru

### ОРИЕНТАЦИЯ РОССИЙСКОЙ ГАЗОВОЙ ОТРАСЛИ НА ВНУТРЕННИЙ РЕГИОНАЛЬНЫЙ РЫНОК КАК ОСНОВА УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ В УСЛОВИЯХ НЕСТАБИЛЬНОСТИ<sup>1</sup>

**Аннотация. Предмет.** В статье рассматриваются вопросы ориентации газовой отрасли России на внутренний региональный рынок как основы устойчивого развития российской экономики. **Цель работы.** Эта работа описывает современные процессы, происходящие на мировом газовом рынке, характеризует российскую газовую отрасль в современном состоянии и дает представление о преимуществах ее регионального развития в России в условиях нестабильной международной обстановки. **Методология проведения работы.** Агрессивный подход США и конкурентная стратегия развития энергетики, пропагандируемая европейскими странами, нацелены на решение собственных интересов, при этом Российская Федерация сегодня ставит перед собой иные цели, обеспечивая их достижение за счет внутренних региональных ресурсов. В статье отмечается, что газовая отрасль имеет важное для России значение, и сохранить отрасль и вместе с тем обеспечить устойчивое развитие всей экономики страны можно только за счет использования внутреннего регионального потенциала, за счет собственных потребителей. **Результаты работы.** Этот подход позволит сохранить себестоимость производства газа, обеспечить стабильное развитие газовой отрасли в России и, в конечном счете, стратегически может дать преимущества российской газовой промышленности на мировом энергетическом рынке. **Выводы.** Важным пониманием является то, что данная стратегия развития газовой отрасли находит поддержку в решениях руководства страны, тем самым экономические интересы отечественного газового монополиста «Газпром» становятся инструментом политического воздействия государства. **Область применения результатов.** Рассмотренные в статье механизмы ориентации газовой отрасли России на внутренний региональный рынок как основа устойчивого развития российской экономики могут быть использованы для совершенствования и модернизации экономики России при становлении на путь устойчивого развития.

**Ключевые слова:** газовая отрасль, устойчивое развитие, стоимость энергоносителей, эффективность инвестиций, экспортный потенциал, региональные потребители газа.

---

**ROSTOVTSEV ANDREY IGOREVICH**

Doctoral Candidate of FSBIS "Institute of Market Problems of the RAS",  
e-mail: vols85-85@mail.ru

<sup>1</sup> Исследование проведено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 16-02-00692 а).

**CHERNYAVSKY SERGEY VLADIMIROVICH**

Doctor of Economic Sciences, Chief Research Associate of FSBIS  
“Institute of Market Problems of the RAS”, e-mail: vols85-85@mail.ru

## ORIENTATION OF THE RUSSIAN GAS INDUSTRY IN THE DOMESTIC REGIONAL MARKET AS A BASIS FOR SUSTAINABLE ECONOMIC DEVELOPMENT IN CONDITIONS OF INSTABILITY

**Abstract. The subject.** The manuscript discusses the issues of orientation of the gas industry of Russia towards the domestic regional market as the basis of sustainable development of the Russian economy. **The goal of the study.** This study describes modern processes that are taking place in the world gas market, characterizes the Russian gas industry in its modern state, and gives an idea about the advantages of its regional development in Russia in the conditions of an unstable international environment. **The methodology of performing the study.** An aggressive approach of the USA and a competitive strategy of development of the energy sector that is publicized by the European countries are directed towards solving their own interests, at the same time, the Russian Federation today sets up other goals providing for their achievement due to domestic regional resources. The manuscript notes that the gas industry has an important meaning for Russia, and it is only possible to preserve the industry, and at the same time to provide for a sustainable development of the whole economy of the country only through the use of the domestic regional potential, due to domestic consumers. **The results of the study.** This approach will permit to preserve the cost price of production of gas, provide for a stable development of the gas industry in Russia, and, finally, strategically will be able to provide advantages for the Russian gas industry in the world energy market. **The conclusions.** There is an important understanding that this strategy of development of the gas industry finds support in decisions of the leadership of the country, therefore, the economic interests of domestic gas monopoly holder Gazprom are becoming the instrument of political impact of the state. **The area of application of the results.** The mechanisms discussed in the manuscript of orienting the gas industry of Russia towards the domestic regional market as the basis for the sustainable development of Russian economy may be used in order to improve and modernize the economy of Russia when taking up the road of sustainable development.

**Keywords:** the gas industry, sustainable development, the cost of energy commodities, effectiveness of investments, the export potential, regional consumers of gas.

---

### Введение

В феврале 2016 года на встрече Президента Российской Федерации с председателем правления ПАО «Газпром» А. Б. Миллером были подведены итоги работы газового монополиста. Уровень газификации в среднем по стране превысил отметку в 66 %, в деревнях — 56 %, в 2015 году в рамках программы газификации «Газпром» построил 1275 км газопроводов-отводов и распределительных сетей, газифицировано 206 населенных пунктов. Президент призвал газовый холдинг синхронизировать свои действия с региональными властями, чтобы газ в итоге дошел до потребителя. Призыв Президента был дан в устоявшемся русле реализуемой стратегии развития Российской газовой отрасли и ориентации ее на отечественного регионального потребителя [5].

В условиях международной нестабильности и политического кризиса в мире, когда внешние торговые и инвестиционные приоритеты российской экономики меняются не ежедневно, но с четкой периодичностью, стремление обеспечить устойчивое развитие отечественной газовой промышленности означает обеспечить устойчивость функционирования и развития всей экономики [1–8]. Сегодня «Газпром» является крупнейшим налогоплательщиком страны. Задача государства — сохранить налоговые поступления в бюджет и минимизировать возможные риски: газ — особый товар, стоимость газа для конечного потребителя складывается из нескольких составляющих, таких как добыча, транспорт, хранение. Отличительной особенностью газа как основного продукта газовой промышленности является большая трудоемкость

его транспортировки к конечному потребителю. Перевозка природного газа требует использования специальных технологий. Стоимость транспортировки газа до потребителя трубопроводным транспортом может достигать до 6 долларов за 1 тыс. кубометров в расчете на 1 км пути [6]. Особенности развития газотранспортных структур регионов не всегда позволяют обеспечить доступ к газу всем потребителям. Газ является заменяемым энергоносителем. Такие энергоносители, как уголь, нефть и нефтепродукты, электроэнергия и энергия атомных электростанций, составляют конкуренцию газу. Между тем в России газ является наиболее популярным и доступным энергоносителем.

### **Ориентация российской газовой отрасли на внутренний региональный рынок**

Общий объем топливно-энергетического баланса мира (суммарное годовое производство первичных энергоресурсов, равное суммарному потреблению энергии) составляет 12 миллиардов тонн условного топлива (около 9 миллиардов тонн в нефтяном эквиваленте). На уголь приходится около 26 %, нефть — около 40 %, газ — 24 %, гидроэнергию — 3 %, ядерную энергию — около 7 %. В России структура топливно-энергетического баланса: уголь — 17 %, нефть — 21 %, газ — 55 %, гидроэнергия — 2 %, ядерная энергия — 4,5 % [14].

В структуре мирового топливно-энергетического баланса природный газ занимает третью после нефти и угля позицию. Природный газ займет второе место в мире по добыче и потреблению после каменного угля и позже вытеснит каменный уголь с лидирующих позиций. Доля природного газа в энергобалансе составит порядка 50 %. За последние двадцать лет доля природного газа в структуре энергопотребления в мире увеличилась с 19 до 24 %. При этом развитые страны все активнее стимулируют замещение традиционных видов сырья для энергетики — угля и нефти — природным газом, сжигание которого наносит намного меньший ущерб окружающей среде. Тем более что с началом действия Киотского протокола экологические преимущества приобретают конкретное и весьма немалое денежное выражение. Более высокий налог на выброс оксида углерода делает угольную генерацию нерентабельной и ускоряет ее вывод из эксплуатации, что способствует дополнительному росту спроса на газ на развитых рынках. Не менее важно для потребителей и другое преимущество газа: в пересчете на теплотворную способность он оказывается на десятки процентов или даже в разы дешевле нефти. С учетом существующих темпов технологического развития, отсутствия альтернативных источников энергии и стоимости добычи роль углеводородов в энергетике будет оставаться решающей.

Выгодным газ продолжает оставаться и для потребителей во всем мире, российский газ широко востребован в Европе и Азии. В США в настоящее время произошел резкий рост добычи газа и нефти, который в большей степени обеспечен освоением сланцевых залежей. Происходит так называемая «сланцевая революция», влияющая на всю ситуацию в энергетическом секторе и экономике США, на мировой рынок энергоносителей. Зависимость США от импорта снижается. Более того, прослеживается тенденция развития экспорта энергоносителей из США, соответствующие поправки, разрешающие экспорт энергоносителей, уже внесены в законодательство. Американский сланцевый бум уже значительно повлиял на мировые энергетические рынки. Изменения внутри США привели к целому ряду последствий. В стране растет предложение энергоресурсов, и, соответственно, на них снижаются цены. Избытки угля, появившиеся из-за конкуренции с газом, экспортируются в Европу. Невостребованные в США углеводороды из Африки и Ближнего Востока в итоге направляются в Азию и Европейский Союз. Это, в свою очередь, приводит к трансформации региональных рынков [15–21], в том числе и в Европе. И происходит это без всяких правительственных решений. А просто потому что США — крупнейший потребитель энергоресурсов, который резко сократил объемы импорта нефти и газа.

В результате роста предложения газа на внутреннем рынке в Соединенных Штатах обострилась межтопливная конкуренция. С 2009 года уголь, не востребованный электрогенерацией США, направился на экспорт в Европу. В итоге дешевый уголь из США и Колумбии стал конкурировать в европейской энергетике с тем же относительно дорогим российским газом. Доля американского угля в общем импорте стран Европейского Союза возросла на 5 %, а европейские цены на уголь с 2011 по 2013 год упали на 32 %. В мировой практике долгосрочное по-

следствие децентрализации газовой отрасли привело к резкому сокращению инвестиций. Этому способствовало сокращение прибыли производителей в результате усиления конкуренции между ними, что отрицательным образом отразилось на инвестиционной деятельности — производители отреагировали на длительный период низких прибылей существенным уменьшением инвестиций в развитие отрасли. Собственный инвестиционный капитал, который у большинства участников отрасли зависит от доходов с продаж газа, заметно сократился. По мнению аналитиков, основной эффект от «сланцевой революции» на энергетические рынки уже достигнут, тема сланцевой газодобычи получила широкий общественный резонанс. Европа, также активно включившись в поиски сланцевого газа на своей территории, практически не получила обнадеживающих результатов [10].

Газовая отрасль является капиталозатратной: строительство объектов газовой промышленности требует привлечения больших инвестиций. Газовая промышленность для бюджетов многих государств является важным источником финансовых поступлений. Поэтому важно обеспечить устойчивость ее функционирования, необходимо следить за деятельностью газовых компаний, предоставлять им необходимые возможности и жестко ограничивать, если того требует текущая ситуация. Регулирование деятельности газовых компаний должно осуществляться на государственном уровне. При отсутствии государственного регулирования отрасли риски развития и общая стоимость газовых проектов возрастают, что значительно снижает их рентабельность, и, в конечном счете, природный газ как энергоноситель не выдерживает конкуренции с другими источниками энергии. В то же время в мировой практике наблюдается обратная тенденция — рынок коммерциализируется, происходит его децентрализация, что в краткосрочном периоде способствует снижению издержек и повышению эффективности газовой отрасли, но в долгосрочной перспективе препятствует развитию стратегических газовых проектов — газовый рынок не находит своего развития в тех объемах, которые бы обеспечили устойчивое развитие газовой отрасли и безопасное функционирование объектов газового хозяйства.

Несмотря на все проблемы в газовом секторе, рост мировой газовой отрасли неизбежен. Спрос на природный газ в мире в ближайшие десятилетия будет неизменно расти. Наибольшую угрозу для мирового газового рынка представляет замедление темпов роста глобальной экономики, которая находится в состоянии рецессии. Особенности мирового рынка энергетики станут снижением доступности энергоресурсов, и, как следствие, тенденция удорожания и необходимости экономии энергоресурсов. Развитие технологий сжижения газа будет способствовать дальнейшей либерализации газового рынка, повышению удобства его использования и появлению новых крупных поставщиков газа.

Российская Федерация — одна из немногих стран, имеющая положительный энергобаланс и не имеющая зависимостей от внешних энергоресурсов. Страна полностью обеспечивается собственными энергоресурсами, но размещены они неравномерно — свыше 90 % запасов энергоресурсов находится в Сибири и в восточной части страны. Это серьезная экономическая и географическая проблема для энергохозяйства государства — стоимость использования энергии возрастает за счет потерь и накладных расходов при ее транспортировке, транспортная инфраструктура также требует значительных инвестиций и затрат для ее развития, поддержания, строительства новых объектов. В Российской Федерации составляющая природного газа в энергобалансе России больше, чем всех источников энергии вместе взятых: газовая энергетика для экономики страны является наиболее значимой. С учетом того, что запасы нефти будут исчерпаны быстрее запасов природного газа, газовая отрасль в перспективе имеет большее значение. Природный газ для России является и будет в ближайшие 50 лет оставаться ключевым энергоносителем.

События, произошедшие на современном этапе развития мировой газовой отрасли, — «сланцевая революция» в США, изменение мировых тенденций в ценообразовании на углеводороды, кризисные явления в глобальной экономике, — несомненно, приведут к существенной трансформации хода развития национальной энергетики.

### **Заключение**

Приоритетом развития газовой отрасли России становится внутренний региональный ры-

нок, а главным конкурентом для экспортных рынков России становятся не другие экспортные рынки, а внутренний региональный рынок Российской Федерации. Несмотря на рыночные принципы развития экономики Российской Федерации, цены на газ — главный топливный товар — устанавливаются директивно, это имеет ряд серьезных последствий негативного характера. В частности, отсутствие межтопливной конкуренции, становление газа как монотопливного ресурса, а самое главное — отсутствие рыночных сигналов для потребителей по стоимости товара. В развитии газовой промышленности России нет никакого другого пути, кроме как за счет экономики внутреннего рынка газа обеспечивать надежность и безопасность газоснабжения Российской Федерации и за счет экономики российского рынка газа обеспечить исполнение международных обязательств по поставке газа. Внутренние цены для промышленности в среднем в 5–6 раз ниже, чем аналогичные цены у потребителей в европейских странах, для населения цена в среднем в 9–10 раз ниже аналогичных цен для потребителей в европейских странах. Сложившийся уровень цен на внутреннем рынке не возмещает всех необходимых затрат для развития инфраструктуры в добыче, транспорте, распределении газа именно для потребностей внутреннего рынка. Инфраструктура для своего внутреннего рынка финансируется за счет внешнего. Правительством Российской Федерации принято решение о переходе на равнодоходные цены, в 2007 году вышло постановление Правительства Российской Федерации № 333. При этом цена для внутреннего потребителя, для российской промышленности всегда будет ниже, чем цена на европейском рынке, эта цена всегда будет примерно на 40 % ниже за счет того, что в ее составе нет экспортной пошлины и больших транспортных затрат до европейских рынков. Переход к формированию рыночных цен на газ не приведет к масштабным негативным последствиям для экономики промышленных предприятий и доходов населения России, позволит защитить газовую промышленность от воздействия внешних факторов и обеспечить безопасные условия ее функционирования [9, 11].

#### Литература

1. Влияние сланцевой революции на США и мировые рынки [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.warandpeace.ru/ru/exclusive/view/102240/> (дата обращения: 10.01.2016), свободный. — Загл. с экрана.
2. Доклад Алексея Борисовича Миллера на совещании по Генеральной схеме развития газовой отрасли на период до 2030 года под председательством председателя Правительства Российской Федерации Владимира Владимировича Путина [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gazprom.ru/press/miller-journal/573032/> (дата обращения: 18.10.2015), свободный. — Загл. с экрана.
3. Дохолян С. В. Мотивационный менеджмент на предприятиях машиностроительного комплекса / С. В. Дохолян, К. Г. Асриянц. — Махачкала, Изд-во ИСЭИ ДНЦ РАН. — 2005. — 200 с.
4. Дохолян С. В. Стратегический подход к формированию и реализации региональной социально-экономической политики // Экономика и предпринимательство. — № 9. — 2013. — С. 139–144.
5. Дохолян С. В. Управление устойчивым развитием территориальных социально-экономических систем мезорегиона // Экономика и предпринимательство. — № 6. — 2011. — С. 14–22.
6. Дохолян С. В. Формирование системы экологического менеджмента на промышленном предприятии / С. В. Дохолян, А. М. Темирбулатов. — Махачкала: Изд-во ИСЭИ ДНЦ РАН, 2008. — 168 с.
7. Зоидов К. Х. К проблеме исследования циклических процессов в советской и переходной российской экономике. Часть I // Экономическая наука современной России, 2007. — № 4. — С. 7–22.
8. Зоидов К. Х. К проблеме исследования циклических процессов в советской и переходной российской экономике. Часть II // Экономическая наука современной России, 2008. — № 1. — С. 35–48.
9. Зоидов К. Х. К проблеме создания синтетической теории преодоления трансформационного кризиса // Экономическая наука современной России. — 2002. — № 2. — С. 37–50.
10. Зоидов К. Х. Экономические кризисы: причины, последствия, пути преодоления. — М.: ИПР РАН, 2004. — 208 с.
11. Председатель Правительства Российской Федерации В. В. Путин провел в Новом Уренгое совещание по Генеральной схеме развития газовой отрасли на период до 2030 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://archive.government.ru/docs/12539/> (дата обращения: 10.01.2016), свободный. — Загл. с экрана.
12. Стоимость транспортировки газа по газопроводу «Южный поток» будет рекордной. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://mineral.ru/News/38905.html> (дата обращения: 08.10.2015), свободный. — Загл. с экрана.
13. Топливо-энергетический баланс [Электронный ресурс]. Режим доступа: [http://enc-dic.com/enc\\_geo/Toplivno-jenergeticheski-balans-4225.html](http://enc-dic.com/enc_geo/Toplivno-jenergeticheski-balans-4225.html) (дата обращения: 08.10.2015), свободный. — Загл. с экрана.
14. Уровень газификации России в 2015 году превысил 66 % // Аргументы и факты, выпуск 29.02.2016.
15. Alchian A. A. Some economics of property rights. // *Politico*, 1985. Vol. 30. No. 4.
16. Alchian A.A. . *Specificity, speciallization, and coalitions. Journal of Institutional and Theoretical Economics.*

1984. Vol. 140. No. 1.  
 17. Auty R. *The Political Economy of Resource-Driven Growth* // *European Economic Review*. 2001. Vol. 45. No. 4. P. 839–846.  
 18. Bradshaw M. *Observations on the Geographical Dimensions of Russia's Resource Unce* // *Eurasian Geography and Economics*. 2006. Vol. 47. No. 6.  
 19. Clark P., Tett G. *Russia Found Failing on Pollution Curbs* // *Financial Times*. 2012. January 23.  
 20. North D. C. *Structure and change in economic history*. N.Y., 1981.  
 21. North D. C., Thomas R. P. *The rise of the Western world: a new economic history*. Cambridge, 1973.

**References:**

1. Alchian A. A. *Specificity, specialization, and coalitions*. *Journal of Institutional and Theoretical Economics*. 1984. Vol. 140. No. 1.
2. Alchian A.A. *Some economics of property rights*. *Il Politico*, 1985. Vol. 30. No.4.
3. Auty R. *The Political Economy of Resource-Driven Growth* // *European Economic Review*. 2001. Vol. 45. No. 4. P. 839–846.
4. Bradshaw M. *Observations on the Geographical Dimensions of Russia's Resource Unce* // *Eurasian Geography and Economics*. 2006. Vol. 47. No. 6.
5. Clark P., Tett G. *Russia Found Failing on Pollution Curbs* // *Financial Times*. 2012. January 23.
6. Dokholyan S. V. *A strategic approach to the formulation and implementation of regional social and economic policy* // *Economics and Entrepreneurship*. No. 9. 2013. P. 139–144.
7. Dokholyan S. V. *Formation of an environmental management system in an industrial plant* / S. V. Dokholyan, A. M. Temirbulatov. Makhachkala: Publishing House of the ISEI DSC RAS, 2008. 168 p.
8. Dokholyan S. V. *Management of a sustainable development of regional socio-economic systems mezoregiona* // *Economics and Entrepreneurship*. No.6. 2011. P. 14–22.
9. Dokholyan S. V. *Motivational management at the enterprises of machine-building complex* / S. V. Dokholyan, K. G. Asriyants. Makhachkala, Publishing House of the ISEI DSC RAS, 2005. 200 p.
10. *Energy balance* [An electronic resource]. Access mode: [http://enc-dic.com/enc\\_geo/Toplivno-jenergeticheski-balans-4225.html](http://enc-dic.com/enc_geo/Toplivno-jenergeticheski-balans-4225.html) (reference date: 08.10.2015), free. Heading from the screen.
11. *Impact of shale gas revolution in the US and world markets*, [An electronic resource]. Access mode: <http://www.warandpeace.ru/ru/exclusive/view/102240/> access mode (reference date: 01.10.2016), free. Heading from the screen.
12. North D. C. *Structure and change in economic history*. N.Y., 1981.
13. North D. C., Thomas R. P. *The rise of the Western world: a new economic history*. Cambridge, 1973.
14. *Prime Minister Vladimir Putin holds a meeting in Novy Urengoy on the General Scheme for Gas Industry Development until 2030*, [An electronic resource]. Access mode: <http://archive.government.ru/docs/12539/> (reference date: 10.01. 2016), free. Heading from the screen.
15. *Report of Alexey Miller at a conference on the General Scheme for Gas Industry Development until 2030 under Prime Minister Vladimir Putin chaired* [An electronic resource]. Access mode: <http://www.gazprom.ru/press/miller-journal/573032/> (reference date: 10.18.2015), free. Heading from the screen.
16. *Russia's gasification level exceeded 66 % in 2015, Arguments and Facts*, Issue 02/29/2016.
17. *The cost of transporting the gas through the gas pipeline "South Stream" will record* [An electronic resource]. Access mode: <http://mineral.ru/News/38905.html> (reference date: 08.10.2015), free. Heading from the screen.
18. Zoidov K. KH. *On the problem of the creation of synthetic theory of overcoming the transformation crisis* // *Economic science of modern Russia*, 2002. No. 2. P. 37–50.
19. Zoidov K. KH. *To study the problem of cyclic processes in the Soviet and transition of the Russian economy. Part I* // *Economic science of modern Russia*, 2007. No. 4. P. 7–22.
20. Zoidov K. KH. *To study the problem of cyclic processes in the Soviet and transition of the Russian economy. Part II* // *Economic science of modern Russia*, 2008. No. 1. P. 35–48.
21. Zoidov K.KH. *Economic Crisis: Causes, Consequences, Cures*. M.: MEI RAS, 2004. 208 p.

УДК: 338.439.02:43.021

**АНТАМОШКИНА ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА**

к.э.н., доцент ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный аграрный университет»,  
e-mail: antamoshkina@mail.ru

**ЛУЦЕНКО ЯНА ВИКТОРОВНА**

аспирант ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный аграрный университет»,  
e-mail: jana-yana2007@mail.ru

### ОЦЕНКА ПОКАЗАТЕЛЕЙ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ ОБЕСПЕЧЕННОСТИ ЮФО

**Аннотация. Цель работы.** Статья посвящена оценке показателей обеспеченности продовольствием в регионах Южного федерального округа (ЮФО) на основе расчета индикаторов самообеспеченности по основным категориям продовольственной продукции. **Методология проведения работы.** Уровень продовольственной самообеспеченности регионов ЮФО оценивается авторами с помощью коэффициента самообеспеченности ( $K_c$ ), характеризующего, насколько в полном объеме регионы обеспечивают потребности населения в различных видах продовольственной продукции за счет местного производства. Для расчета показателей самообеспеченности анализируются данные об объемах производства продовольственной продукции и необходимые объемы производства продовольствия в соответствии с рациональными нормами потребления продовольственной продукции. Установлены пороговые значения коэффициента самообеспеченности, позволяющие определить по каждому виду продовольственной продукции уровень самообеспеченности (низкий, допустимый или оптимальный) региона продовольствием. **Результаты.** В результате расчета коэффициентов обеспеченности продовольствием на статистических данных регионов ЮФО установлено, что уровень обеспечения населения ЮФО молоком и молочной продукцией, фруктами, мясом и мясной продукцией не соответствует оптимальному уровню, определенному в соответствии с рациональными нормами потребления продовольственной продукцией. **Область применения результатов.** В результате анализа показателей продовольственной обеспеченности регионов ЮФО по основным группам продовольствия в соответствии с рациональными нормами потребления установлена степень дифференциации в продовольственном обеспечении. Полученные результаты оценки необходимы при прогнозировании потребности в продовольствии для населения региона, а также при планировании и разработке мер региональной экономической и агропродовольственной политики по поддержанию оптимального уровня обеспеченности населения региона продовольственной продукцией. **Выводы.** В современных условиях теоретически и практически значимой является проблема разработки методического инструментария для анализа регионального продовольственного рынка с целью осуществления мониторинга продовольственной обеспеченности и прогнозирования потребности в продовольствии для населения региона.

**Ключевые слова:** продовольственный рынок, регион, продовольственное обеспечение, нормы потребления, коэффициент самообеспеченности продовольствием.

---

**ANTAMOSHKINA ELENA NIKOLAEVNA**

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of FSBEI  
of HE "Volgograd State Agrarian University", e-mail: antamoshkina@mail.ru

**LUTSENKO YANA VICTOROVNA**

Doctoral Candidate of FSBEI of HE "Volgograd State Agrarian University",  
e-mail: jana-yana2007@mail.ru

### EVALUATION OF FOOD SECURITY INDICATORS OF THE JUFO

**Abstract. The goal of the paper.** The manuscript is devoted to an evaluation of indicators of food provision in the regions of the Southern Federal District (SFD) based on a calculation of indicators of self-sufficiency on the main categories of food products. **Methodology of performing the work.** The level of food self-sufficiency of the regions of the SFD is evaluated by the authors using the index of self-sufficiency ( $I_s$ ) characterizing how fully the regions are able to provide for the needs of the population in different types of food products by means of local production. In order to calculate the indices of self-sufficiency, the data about the volumes of food production and the necessary volumes of food production are analyzed in accordance with the rational standards of consumption of food products. The threshold values of the index of self-sufficiency are established. They allow to determine the level of food self-sufficiency (low, permissible or optimal) of the region for each type of food products. **The results.** As a result of the calculation of indices of food provision on the statistical data of the SFD regions it has been established that the level of provision of the population of the SFD with milk and dairy products, fruits, meat and meat products does not correspond to the optimal level determined in accordance with the rational standards of consumption of food products. **The area of application of the results.** As a result of an analysis of indices of food provision of the regions of the SFD for the main groups of food in accordance with the rational standards of consumption, the degree of differentiation in the food provision is established. The results of the evaluation received are necessary when forecasting food consumption for the population of the region, as well as in planning and development of measures of the regional economic and agro-industrial policy on maintaining the optimal level of provision of the population of the region with food products. **Conclusions.** In the modern conditions the problem of development of the methodical instruments for analyzing the regional food market is theoretically and practically important in order to perform monitoring of food provision and forecasting of the need in food for the population of the region.

**Keywords:** the food market, a region, the food provision, standards of consumption, the index of food self-sufficiency.

**Введение.** Вопросы продовольственного обеспечения актуальны для всех стран мира. Несмотря на то что продовольственные кризисы чаще всего затрагивают развивающиеся страны, решать вопросы национальной продовольственной безопасности приходится всем государствам. Проблемы продовольственной безопасности часто рассматриваются в контексте обеспечения населения достаточным количеством продовольствия [2; 16; 19]. Продовольственная обеспеченность населения — это элемент системы продовольственной безопасности, который, в свою очередь, зависит от ряда факторов: ресурсного обеспечения сельскохозяйственного производства, конъюнктуры продовольственного рынка, конкурентоспособности и платежеспособности страны, уровня доходов населения, структуры питания, проводимой социально-экономической политики государства и уровня общего благосостояния населения [12].

В мировой практике проблемы обеспечения населения продовольствием преимущественно рассматриваются с точки зрения устойчивости и возможности достижения долгосрочной продовольственной безопасности [20–22]. Увеличение объемов производства продовольствия, при одновременной интенсификации сельского хозяйства, имеет свои пределы и в долгосрочной перспективе приведет к корректировке объемов производства продуктов питания к уровню, достаточному для того, чтобы накормить население планеты.

#### Методы исследования.

Теоретико-методологические основы анализа продовольственной обеспеченности населения страны как приоритетной цели реализации аграрной политики государства изложены в трудах советских и российских экономистов-аграрников А.В. Чайнова, Н.К. Фигуровской, Н.И. Буздалова, З.Н. Козенко, В.В. Милосердова, В.И. Назаренко [4;8;10;11;17;18]. А.И. Алтухов, И.Г. Ушачев характеризуют продовольственное обеспечение и определяют его достаточный уровень в объемах продуктов питания, необходимых для нормальной жизнедеятельности населения страны [1; 9].

В настоящее время, в условиях санкций со стороны западных стран, для России всё актуальнее встает вопрос продовольственной самообеспеченности, особенно в отношении регио-

нов с развитым сельскохозяйственным производством. В частности, систему обеспечения продовольствием населения регионов ЮФО будем рассматривать с учетом рационального территориально-отраслевого разделения труда в агропромышленном производстве, а также необходимости оптимального сочетания в потреблении населением местного и привозного продовольствия, отсутствии каких-либо административных барьеров при межрегиональном обмене [6; 7].

Региональный продовольственный рынок является системой организационно-хозяйственных и социально-экономических отношений, включающей потребителей и производителей сельскохозяйственной продукции, предприятия пищевой и перерабатывающей промышленности, субъекты сбытовой инфраструктуры (предприятия оптовой и розничной торговли, продовольственные рынки), органы государственной власти и управления, осуществляющие регламентирующие и контрольные функции.

Субъектами регулирования регионального продовольственного рынка обеспечивается формирование условий для обеспечения населения региона качественным и безопасным продовольствием по приемлемым ценам на основе создания организационных и нормативно-правовых условий для осуществления сельскохозяйственного производства и ведения эффективной деятельности в АПК, повышения уровня доходов населения, улучшения качества жизни в сельской местности и социального возрождения сельских территорий региона.

Уровень развития регионального продовольственного рынка и его отдельных продуктовых сегментов определяет возможности для достаточной обеспеченности продовольствием населения региона. Развитие продовольственного рынка, в т. ч. регионального, предполагает планирование параметров его развития с учетом влияния внутренних и внешних по отношению к продовольственному рынку факторов, влияющих на развитие продовольственного рынка региона [13].

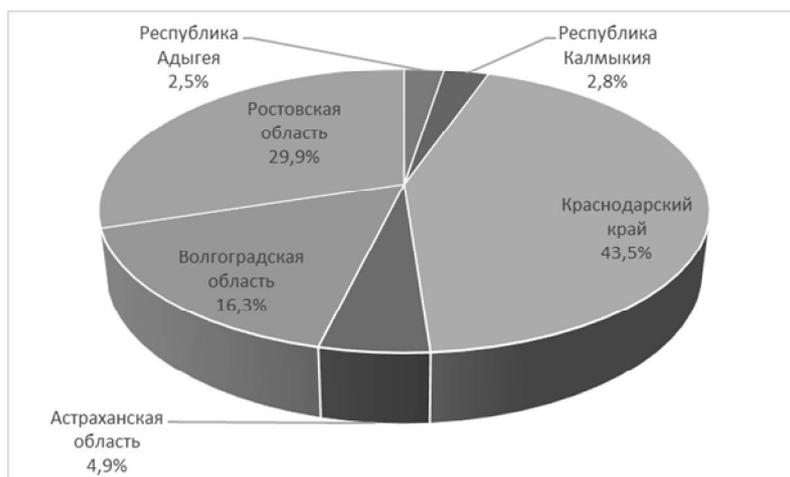
Анализ и характеристика регионального продовольственного рынка предполагают использование системы показателей, позволяющих охарактеризовать основные параметры продовольственного рынка: соотношение спроса и предложения на продовольствие, субъектное и инфраструктурное обеспечение рынка.

Природно-ресурсный потенциал и климатические условия ЮФО позволяют выращивать зерно, кукурузу, подсолнечник, овощи, бахчевые. В 2015 г. в Южном федеральном округе собрали 89,5% всего российского урожая риса, 61,6% бахчевых, 38,3% овощей, 33,0% кукурузы, 29,9% пшеницы, 28,7% семян подсолнечника, 19,9% сахарной свеклы, 13,9% ячменя, 10,5% соевых бобов. Размеры посевных площадей в ЮФО в 2015 г. составили 11 711,3 тыс. га. Это 14,8% от всех площадей по России [15].

Территориально-географическое положение округа в определенной степени определяет специализацию региона в межрегиональном разделении труда страны и представляет огромный экономический и стратегический интерес для Российской Федерации в целом. Объем произведенной продукции сельского хозяйства ЮФО в 2015 г. в фактических ценах составил 766,8 млрд руб. (15,2% от общей стоимости продукции сельского хозяйства РФ). Производство сельхозпродукции на душу населения в округе значительно выше средне российского показателя и составляет 54,7 тыс. руб. — наиболее высокий показатель среди округов.

Наибольший удельный вес в структуре производства сельхозпродукции ЮФО в 2015 г. приходился на Краснодарский край (43,5%) и Ростовскую область (29,9%), в абсолютных единицах измерения объем производства сельскохозяйственной продукции в данных регионах составил — 333,6 и 229,3 млрд руб. соответственно. Сельхозпроизводители Волгоградской и Астраханской областей произвели продукцию в стоимостном выражении на 125,2 и 36,7 млрд руб. соответственно. Показатели Республики Калмыкия — 21,6 млрд руб., Адыгеи — 19,4 млрд рублей (рис.).

Производство свинины в ЮФО составило 5,2% от общего по РФ объема, говядины — 13,0%, мяса птицы — 9,5%, баранины и козлятины — 25,9%, молока — 10,7%, яиц — 10,7% [15]. Проведём оценку обеспеченности региона продовольствием с использованием системы показателей, применяемых для макроэкономического и регионального уровня экономики, посредством расчета коэффициентов самообеспеченности продовольствием. Система оценки основана на принципе соответствия продовольственного обеспечения задачам воспроизводства народонаселения, сохранения активной жизнедеятельности человека.



**Рис.** Структура производства продукции сельского хозяйства в ЮФО в 2015 г. \*

\* Составлено по: [15]

Доступность продовольствия для населения во многом связана с состоянием продовольственной обеспеченности регионов по параметрам физической и экономической доступности продовольствия на региональных продовольственных рынках. По данным Росстата, потребление основных категорий продовольственной продукции не соответствует рациональным нормам. При этом уровень дифференциации доходов наименее и наиболее обеспеченных категорий населения отражается на объемах потребления продуктов питания. Наименее обеспеченные слои населения потребляют в 2,2 раза меньше мяса и мясной продукции, молока — в 1,9 раза, рыбы — в 2,1 раза, фруктов и ягод — в 3,3 раза меньше, чем наиболее обеспеченная категория населения.

Уровень продовольственной самообеспеченности регионов ЮФО по отдельным видам сельскохозяйственной продукции оценим с помощью коэффициента самообеспеченности ( $K_c$ ), который характеризует, насколько в полном объеме регионы обеспечивают потребности населения в различных видах продовольственной продукции за счет местного производства.

$$K_c = \frac{q}{n * q_p}$$

где  $K_c$  — коэффициент самообеспеченности;  $q$  — фактические объемы производства продовольствия в регионе;  $n$  — численность населения региона;  $q_p$  — рациональные нормы потребления [3, с. 17].

Для определения коэффициентов самообеспеченности по основным видам продуктов питания в регионах ЮФО за 2015 г. необходимы данные об объемах производства и потребления продовольственной продукции (табл. 1).

Проведём расчёт уровня продовольственной самообеспеченности регионов ЮФО по отдельным видам продовольственной продукции и оценим его с помощью коэффициента самообеспеченности ( $K_c$ ), который может принять различную величину: значение показателя можно отнести к низкому ( $K_c \leq 0,5$ ), допустимому ( $0,5 < K_c \leq 0,9$ ) или оптимальному уровню ( $0,9 < K_c$ ) самообеспеченности региона продовольствием [3]. Данные представим в табл. 2.

**Объёмы производства и потребления продовольственной  
продукции по регионам ЮФО\***

Субъект Российской Федерации	Наименование продукции					Численность населения, тыс. человек [5] <i>(n)</i>
	Яйца, млн шт.	Фрукты и ягоды тыс. т	Молоко и молоко-продукты тыс. т	Мясо и мясопродукты тыс. т	Овощи, продовольственные бахчевые культуры тыс. т	
ЮФО (без Республики Крым и г. Севастополя)	Фактические объёмы производства ( <i>q</i> )					14044,6
	4589,8	893,2	3289,2	891,3	4066,4	
	Личное потребление					
	4282,6	1092,1	3205,3	1069,4	2075,0	
	Необходимые объёмы производства продовольствия в соответствии с рациональными нормами ( <i>n * q<sub>p</sub></i> )					
	3651,6	1404,5	4634,7	983,1	1825,8	
Республика Адыгея	Фактические объёмы производства ( <i>q</i> )					451,5
	57,5	25,9	117,9	54,5	71,4	
	Личное потребление					
	93,4	34,2	93,5	30,9	59,2	
	Необходимые объёмы производства продовольствия в соответствии с рациональными нормами ( <i>n * q<sub>p</sub></i> )					
	117,4	45,1	148,9	31,6	58,7	
Республика Калмыкия	Фактические объёмы производства ( <i>q</i> )					278,7
	19,3	0,4	78,9	61,8	27,1	
	Личное потребление					
	63,8	8,9	67,0	31,9	30,0	
	Необходимые объёмы производства продовольствия в соответствии с рациональными нормами ( <i>n * q<sub>p</sub></i> )					
	72,5	27,8	91,9	19,5	36,2	
Краснодарский край	Фактические объёмы производства ( <i>q</i> )					5513,8
	1543,2	540,2	1327,6	361,8	936,5	
	Личное потребление					
	1757,4	507,7	1226,4	441,8	753,9	
	Необходимые объёмы производства продовольствия в соответствии с рациональными нормами ( <i>n * q<sub>p</sub></i> )					
	1433,5	551,3	1819,5	385,9	716,8	
Астраханская область	Фактические объёмы производства ( <i>q</i> )					1018,6
	300,9	10,5	172,9	36,8	1096,5	
	Личное потребление					
	231,8	70,1	210,7	82,2	170,8	
	Необходимые объёмы производства продовольствия в соответствии с рациональными нормами ( <i>n * q<sub>p</sub></i> )					
	264,8	101,9	336,1	71,3	132,4	
Волгоградская область	Фактические объёмы производства ( <i>q</i> )					2545,9
	761,2	188,4	511,3	146,9	1127,6	
	Личное потребление					
	782,0	190,3	501,8	187,7	437,1	
	Необходимые объёмы производства продовольствия в соответствии с рациональными нормами ( <i>n * q<sub>p</sub></i> )					
	661,9	254,6	840,1	178,2	330,9	
Ростовская область	Фактические объёмы производства ( <i>q</i> )					4236,0
	1907,7	127,8	1080,6	229,5	807,3	
	Личное потребление					
	1354,2	280,0	1105,9	294,9	624,0	
	Необходимые объёмы производства продовольствия в соответствии с рациональными нормами ( <i>n * q<sub>p</sub></i> )					
	1098,7	422,6	1394,6	296,5	550,7	

\*Составлено по: [14; 15].

## Уровень продовольственной самообеспеченности регионов ЮФО\*

Субъект Российской Федерации	Наименование продуктов питания				
	Яйца	Фрукты и ягоды	Молоко и молокопродукты	Мясо и мясопродукты	Овощи и продовольственные бахчевые культуры
Российская Федерация	1,11	0,24	0,64	0,9	0,93
ЮФО	1,25	0,67	0,71	0,88	2,22
Республика Адыгея	0,49	0,6	0,8	1,67	1,22
Республика Калмыкия	0,27	0,015	0,85	3,1	0,74
Краснодарский край	1,08	1,03	0,73	0,9	1,31
Астраханская область	1,14	0,11	0,51	0,5	8,28
Волгоградская область	1,15	0,78	0,61	0,8	3,41
Ростовская область	1,73	0,32	0,77	0,75	1,74
Рациональные нормы потребления, штук, кг**	260	90-100	320-340	70-75	120-140

\*Рассчитано по данным табл. 1.

\*\*Приказ Министерства здравоохранения РФ от 19 августа 2016 г. N 614 «Об утверждении рекомендаций по рациональным нормам потребления пищевых продуктов, отвечающим современным требованиям здорового питания». [Электронный ресурс]. — URL : <http://base.garant.ru/12179471> (дата обращения 10 декабря 2016).

**Результаты.** Значение коэффициента самообеспеченности по овощам и овощной продукции, яйцам в ЮФО в 2015 г. превышало оптимальный уровень. Это означает, что объёмы регионального производства в полном объёме покрывали потребности населения в данных видах продовольственной продукции и оставались излишки для поставки в другие регионы России. Уровень самообеспечения по фруктам составил — 67%, молоку и молочной продукции — 71%, мясу и мясной продукции — 88%, что соответствует допустимому уровню самообеспеченности.

Однако не все регионы ЮФО в полном объёме способны обеспечить население своего региона продукцией собственного производства. К таким регионам относятся Республики Адыгея и Калмыкия в отношении производства яиц — коэффициенты самообеспеченности находятся на низком уровне. Республика Калмыкия, Астраханская и Ростовская области не обеспечивают в достаточном количестве своё население фруктами.

Достаточные показатели коэффициента самообеспеченности по анализируемым группам продуктов питания показывают только Краснодарский край и Волгоградская область. Это означает, что данные субъекты ЮФО имеют возможность в полном объёме обеспечить население своего региона основными продуктами питания.

**Заключение.** Таким образом, основным элементом системы продовольственной безопасности страны в целом и основой обеспеченности продовольствием населения регионов страны является формирование условий для обеспечения населения продуктами питания в объёмах не ниже установленных рациональных норм потребления.

Согласно проведенному анализу, Российская Федерация в настоящий момент не в полной мере способна обеспечить население страны достаточным количеством продовольствия. Однако регионы ЮФО имеют достаточный потенциал для самообеспеченности по основным категориям продовольственной продукции. К числу регионов с наиболее высоким уровнем самообеспеченности по основным категориям продовольственной продукции относятся Краснодарский край и Волгоградская область.

В целом по стране не по всем группам продовольственной продукции коэффициенты самообеспеченности находятся на оптимальном уровне. Реализуемая политика импортозамещения направлена на поддержку отраслей АПК и, в частности, развитие внутреннего сельскохозяй-

ственного производства, что в перспективе позволит повысить уровень самообеспеченности по молочной и мясной продукции. По нашему мнению, необходимым условием продовольственной безопасности является экономический рост, который приведёт к увеличению объёмов производства продуктов питания, а также к росту реальных доходов населения. Что в дальнейшем послужит хорошим вектором удовлетворения национальных интересов страны в сфере обеспечения продовольственной безопасности.

#### Литература

1. Алтухов, А. И. Парадигма продовольственной безопасности страны в современных условиях // Экономика сельского хозяйства России. 2014. № 11. С. 4–12.
2. Антамошкина, Е. Н. Специфика и приоритеты современной аграрной политики России // Современные научные исследования и инновации. 2013. № 1 (21). С. 11.
3. Антамошкина, Е. Н. Оценка уровня продовольственной безопасности Волгоградской области // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 3. Экономика. Экология. 2014. № 3 (26). С. 16–24.
4. Буздалов, И. Н. Аграрные отношения : теория, историческая практика и перспективы развития. — М. : Наука, 1993.
5. Численность и миграция населения Российской Федерации в 2015 г. : стат. сборник [электронный ресурс]. — URL : [http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat\\_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc\\_1140096034906](http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140096034906).
6. Ибрагимов, М. Т. А., Дохолян, С. В. Методические подходы к оценке состояния продовольственной безопасности региона // Региональные проблемы преобразования экономики. 2010. № 4. С. 172–193.
7. Ибрагимов, М. Т. А., Дохолян, С. В., Халималов, М. М. Теоретико-методологические аспекты продовольственной безопасности // Региональные проблемы преобразования экономики. 2012. № 4. С. 238–249.
8. Козенко, З. Н., Петерс, И. А., Шмырева, И. А. Особенности экономической интеграции в аграрной сфере России // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2014. № 1. С. 45–47.
9. Методика научных исследований экономических проблем в АПК России : монография / А.И. Алтухов, И.Г. Ушачев [и др.] ; под научной ред. А.И. Алтухова. — М. : ГНУ Всероссийский НИИ экономики сельского хозяйства (ГНУ ВНИИЭСХ), 2013.
10. Милосердов, В. В. Аграрная политика России — XX век / В.В. Милосердов, К.В. Милосердов. — М. : ФГУП ВО Минсельхоз России, 2002.
11. Назаренко, В. И. Россия и зарубежные страны : модели аграрной политики / Институт Европы РАН. — М. : Памятники исторической мысли, 2008.
12. Оганесян, Л. О., Федюнина, Е. Н. Формирование институциональной среды функционирования рынка сельскохозяйственных земель // Известия Нижневолжского агроуниверситетского комплекса : наука и высшее профессиональное образование. 2014. № 4(36). С. 265–269.
13. Реализация потенциала сельского хозяйства региона : колл. монография / Балашова Н.Н., Шепитько Р.С., Дугина Т.А., Немченко А.В. и др. — Волгоград : Изд-во ФГБОУ ВО Волгоградского ГАУ, 2016.
14. Сельское хозяйство, охота и охотничье хозяйство, лесоводство в России. 2015 : стат. сб. / Росстат. — М., 2015.
15. Социально-экономическое положение федеральных округов – 2015 г. : стат. сб. [электронный ресурс]. — URL : [http://www.gks.ru/bgd/regl/b15\\_20/Main.htm](http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_20/Main.htm).
16. Таранов, П. М. Российская агропродовольственная система в контексте конкурентоспособности и продовольственной безопасности // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2011. № 10. С. 20–23.
17. Фигуровская, Н. К. Экономическая стратегия аграрного развития России // Экономист. 2010. № 8. С. 82–86.
18. Чаянов, А. В. Избранные произведения : сб. / Сост. Е.В. Серова. — М. : Изд-во «Московский рабочий», 1989.
19. Шепитько, Р. С., Дугина, Т. А. Ресурсные возможности импортозамещения в сельском хозяйстве // Научное обозрение : теория и практика. 2016. № 2. С. 16–28.
20. Anna Herforth, Margaret Gill. Strengthening the links between nutrition and health outcomes and agricultural research // Food Security. — June 2015. — Volume 7. — Issue 3, — P.457–461.
21. Delia Grace, George Mahuku, Vivian Hoffmann. International agricultural research to reduce food risks: case studies on aflatoxins // Food Security. — June 2015. — Volume 7. — Issue 3, — P. 569–582.
22. Hans-Peter Weikard. Phosphorus recycling and food security in the long run: a conceptual modelling approach // Food Security. — April 2016. — Volume 8. — Issue 2, — P. 405–414.

#### References:

1. Altukhov, A. I. The paradigm of food security in modern conditions // Economics of Agriculture of Russia. 2014. No.11. P. 4–12.
2. Antamoshkina, E. N. The specifics and priorities of modern agrarian policy of Russia // Modern scientific research and innovation. 2013. No. 1 (21). P. 11.
3. Antamoshkina, E. N. Evaluation of food security of the Volgograd region // Herald of Volgograd State University. Ser. 3. The Economy. Ecology. 2014. No. 3 (26). P. 16–24.

4. Buzdalov, I. N. *Agrarian relations : theory, historical practice and prospects.* — M. : Nauka, 1993.
5. *The number and migration of the population of the Russian Federation in 2015 : stat. collection [electronic resource].* — URL: [http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat\\_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc\\_1140096034906](http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140096034906).
6. Ibragimov, M. T. A., Dokholyan, S. V. *Methodological approaches to assessing the food security situation in the region // Regional problems of economic transformation.* 2010. No. 4. P. 172–193.
7. Ibragimov, M. T. A., Dokholyan, S. V., Halimalov, M. M. *Theoretical and methodological aspects of food security // Regional problems of economic transformation.* 2012. No. 4. P. 238–249.
8. Kozenko, Z. N., Peters, I. A. *Features of economic integration in the agricultural sector in Russia // Economics of agricultural and processing enterprises.* 2014. No. 1. P. 45–47.
9. *Methods of research of economic problems in Russia AIC : monograph / A.I. Altukhov, I.G. Ushachev [et al.] ; under the editorship of A.I. Altukhova.* — M. : GNU All-Russian Institute of Agricultural Economics, 2013.
10. Miloserdov, V. V. *Agrarian Policy of Russia — Twentieth Century.* — M. : FSUE VO Russian Ministry of Agriculture, 2002.
11. Nazarenko, V. I. *Russia and foreign countries : models agricultural policy / Institute of Europe.* — M. : Monuments of Historical Thought, 2008.
12. Oganessian, L. O., Fedyunina, E. N. *Formation of the institutional environment functioning of the market of agricultural land // News Nizhnevolzhsky agrouniversity complex : science and higher professional education.* 2014. No. 4 (36). P. 265–269.
13. *Realizing the potential of agriculture in the region : the collective monograph / Balashova N.N., Shepitko R.S., Dugina T.A. Nemchenko A.V. and etc.* — Volgograd : Publishing house Volgograd State Agrarian University, 2016.
14. *Agriculture, hunting and hunting, forestry in Russia. 2015 : Stat. coll. / Rosstat.* — M., 2015.
15. *The socio-economic situation of the Federal District — 2015 : stat. coll. [electronic resource].* — URL : [http://www.gks.ru/bgd/regl/b15\\_20/Main.htm](http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_20/Main.htm).
16. Taranov, P. M. *Russian agro-food system in the context of competitiveness and food security // Economics of agricultural and processing enterprises.* 2011. No. 10. P. 20–23.
17. Figurovskaya, N. K. *Economic strategy of agrarian development in Russia // The Economist.* 2010. No. 8. P. 82–86.
18. Chayanov, A. V. *Selected Works : Collection / Comp. E.V. Serov.* — M. : Publishing Moscow Worker, 1989.
19. Shepitko, R. S., Dugina, T. A. *Resource possibilities of import substitution in agriculture // Scientific Review : Theory and Practice.* 2016. No. 2. P. 16–28.
20. Herforth, A., Gill, M. *Strengthening the links between nutrition and health outcomes and agricultural research // Food Security.* June 2015. Vol. 7. Issue 3. P. 457–461.
21. Grace, D., Mahuku, G., Hoffmann, V. *International agricultural research to reduce food risks : case studies on aflatoxins // Food Security.* June 2015. Vol. 7. Issue 3. P. 569–582.
22. Weikard, H.-P. *Phosphorus recycling and food security in the long run : a conceptual modelling approach // Food Security.* April 2016. Vol. 8. Issue 2. P. 405–414.

**УДК 338.439.001.25:57 (470.630) ЧЕРЕДНИЧЕНКО ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА**  
к.э.н., доцент, доцент кафедры «Экономическая теория и экономика АПК» ФГБОУ ВО  
«Ставропольский государственный аграрный университет»,  
e-mail: chered72@mail.ru

**РЫБАСОВА ЮЛИЯ ВИКТОРОВНА**  
к.э.н., доцент, доцент кафедры «Экономическая теория и экономика АПК» ФГБОУ ВО  
«Ставропольский государственный аграрный университет»,  
e-mail: r-yuliya2006@rambler.ru

## ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ И ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В РЕГИОНЕ: КОМПРОМИССЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ

**Аннотация. Предмет работы.** Продовольственная безопасность страны является одной из наиболее приоритетных составляющих комплексной безопасности страны и в настоящее время все усилия государства, особенно в условиях реализуемой политики импортозамещения, направлены на ее достижение. Но вместе с тем назрела необходимость при решении задачи обеспечения населения продовольствием учитывать требования экологической безопасности. **Методология проведения работы.** Авторами подробно рассмотрено современное состояние и перспективы развития одного из приоритетных направлений животноводства Ставропольского края, включенного в программу по ускоренному импортозамещению, — молочного скотоводства — с учетом необходимости достижения как продовольственной, так и экологической безопасности. **Результаты работы.** Проведенный анализ показал, что во многих районах Ставропольского края производство молока является эффективным и экономически целесообразным, и при этом существуют значительные резервы роста. Несмотря на то, что в настоящее время молочное скотоводство сохранили как направление деятельности только сорок три предприятия, в большинстве сельскохозяйственных организаций края еще имеется необходимая инфраструктура для возрождения и стимулирования молочного скотоводства. **Область применения результатов.** Существующая тенденция роста объемов производства молока в крае в течение последних пяти лет уже позволила достичь уровня обеспеченности в размере 246 кг молока на душу населения в год, что составляет 77 % от медицинской нормы. Но для достижения полной самообеспеченности населения молоком потребуются наращивание поголовья коров в регионе, что может усугубить экологическую ситуацию и привести к серьезным последствиям. Выходом является поиск разумных компромиссов между приоритетами продовольственной и экологической безопасности. **Выводы.** Проведенное исследование позволило прийти к выводу о том, что для одновременного обеспечения продовольственной безопасности и сглаживания негативных последствий для окружающей среды потребуются кардинальное изменение принципов государственной политики, совершенствование методов производства и изменение моделей потребления продовольствия.

**Ключевые слова:** продовольственная безопасность, экологическая безопасность, молочное скотоводство, экологизация, импортозамещение, окружающая среда.

---

**CHEREDNICHENKO OLGA ALEXANDROVNA**  
Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Faculty of “Economic Theory and Economics of the AIC” of FSBEI of HE “Stavropol State Agrarian University”,  
e-mail: chered72@mail.ru

**RYBASOVA YULIYA VICTOROVNA**  
Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Faculty of “Economic Theory and Economics of the AIC” of FSBEI of HE “Stavropol State Agrarian University”,  
e-mail: r-yuliya2006@rambler.ru

**FOOD AND ENVIRONMENTAL SAFETY IN THE REGION:  
COMPROMISES AND CONTRADICTIONS**

**Abstract. Abstract. The subject of the study.** The food security of the country is one of the most prioritized components of the complex security of the country, and at the present moment all efforts of the country, especially in the conditions of the implemented policy of import substitution, are directed towards its achievement. But at the same time there is a need that has formed when solving the task of providing the population with food, to take into account the requirements of the environmental security. **The methodology of performing the study.** The authors have discussed in detail the modern state and prospects of development of one of the prioritized areas of focus of animal husbandry of the Stavropol Region included in the program on accelerated import substitution - dairy farming taking into account the need to achieve both the food and the environmental security. **The results of the study.** The analysis performed showed that in many areas of the Stavropol Region the production of milk is effective and economically efficient, and at the same time there are significant growth reserves existing. Despite the fact that at the present moment dairy cattle breeding was preserved as an active business area only in forty three enterprises, in the majority of agricultural organizations of the region there is the necessary infrastructure available for the revival and incentivising of dairy cattle breeding. **The area of application of the results.** The existing tendency of growth of volumes of milk production in the region during the last five years permitted to achieve the level of sufficiency in the amount of 246 kg of milk per capita per year which is 77% from the medical standard. But in order to achieve the full self-sufficiency of population with milk it is necessary to grow the cow population in the region which may worsen the environmental situation, and lead to serious consequences. The way out is finding reasonable compromises between the priorities of the food and environmental security. **Conclusions.** The study completed permitted to come to the conclusion that in order to provide for the food security, and at the same time reduce the negative consequences for the environment, it is necessary to cardinaly change the principles of the state policy, improve the methods of production, and change the methods of consumption of food.

**Keywords:** the food security, the environmental security, dairy cattle breeding, environmentalization, import substitution, the environment.

**Введение**

Продовольственная безопасность страны в сложнейших условиях общемировых социально-экономических тенденций выступает одной из наиболее приоритетных составляющих системы обеспечения комплексной безопасности государства и его суверенитета. Несмотря на то, что термин «продовольственная безопасность» (food security) был введен в научный оборот и практику еще в первой половине 70-х годов XX века, в настоящее время к данному понятию, его содержанию, критериям оценки и параметрам достижения приковано всеобщее внимание. Так, существенный вклад в изучение теоретических и практических вопросов продовольственной безопасности внесли В. В. Милосердов, Н. В. Банникова, Д. Ф. Вермель, С. В. Киселев, А. И. Костяев, А. Г. Папцов, И. Г. Ушачев [1, 3, 6, 8, 9, 10,11]. Отдельным проблемам обеспечения населения продовольствием посвящены труды, представленные в списке литературы [2, 4, 12, 13, 16]. В первую очередь, повышенное внимание объясняется приоритетами национального экономического развития, нацеленного сегодня на масштабную процедуру импортозамещения.

В сложившихся условиях обеспечение продовольственной безопасности является одной из важнейших задач российского аграрного сектора, требующей безотлагательного решения. Но здесь возникает определенное противоречие, с одной стороны, в стране имеются все необходимые ресурсы для полного и бесперебойного обеспечения населения отечественным продовольствием, с другой — наращивание объемов производства может привести к существенному изменению состояния окружающей среды. И в этой связи считаем, что дальнейшее развитие аграрной экономики и обеспечение продовольственной безопасности в регионе должно базироваться на равнозначно приоритетных процессах импортозамещения и экологизации аграрно-промышленного комплекса в разрезе всех отраслей и направлений его развития. Исходя

из этого в субъектах Российской Федерации необходима разработка приоритетных направлений развития аграрного сектора экономики и соответствующих программ с учетом требований продовольственной и экологической безопасности [18, 19, 20].

В Ставропольском крае планом по содействию импортозамещению, утвержденным губернатором, предусмотрено наращивание производства продукции и инфраструктурных мощностей по ряду важнейших направлений. В их числе развитие молочного и мясного скотоводства, тепличного комплекса, закладка садов и виноградников. В этом же ряду создание мощностей по хранению и первичной переработке продукции — плодо-, овоще- и картофелехранилищ, строительство селекционно-семеноводческих и генетических центров, оптово-распределительных объектов и других направлений [5]. В статье авторами подробно рассмотрено современное состояние и перспективы развития одного из приоритетных направлений, включенного в программу по ускоренному импортозамещению, — молочного скотоводства — с учетом необходимости достижения как продовольственной, так и экологической безопасности.

### Методы исследования

На сегодняшний день молочное скотоводство — одна из важнейших отраслей животноводства Ставропольского края. Обращаясь к ретроспективному анализу отрасли, следует отметить, что в 1990 году молочный скот разводили около 300 сельскохозяйственных предприятий, расположенных во всех 26 районах края. К 2015 году молочное скотоводство сохранили как направление деятельности только 43 предприятия, сосредоточенные в 16 районах Ставропольского края. При этом только в 13 хозяйствах налажено полноценное молочное производство с поголовьем коров 500 голов и выше и продуктивностью более 6000 кг молока на корову в год. В остальных организациях содержится молочных коров в среднем до 200 голов [14].

Спад в молочном скотоводстве наметился после 1990-х годов, за пятнадцать лет поголовье крупного рогатого скота уменьшилось на 65 %, а поголовье коров — вдвое по сравнению с докризисным периодом (рисунок 1).

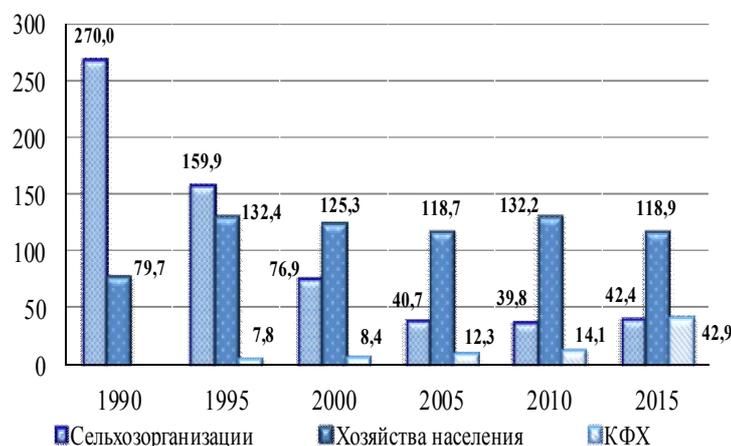


**Рис. 1.** Распределение производства молока по категориям хозяйств, тыс. тонн [7].

**Источник:** данные территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Ставропольскому краю: <http://stavstat.gks.ru/> [17].

Затем наметилась незначительная тенденция роста поголовья коров в хозяйствах населения и крестьянских (фермерских) хозяйствах (КФХ). И уже к 2015 году в хозяйствах населения поголовье коров по сравнению с 1990 годом возросло почти на 50 % (рисунок 2). Но существующий рост поголовья в хозяйствах населения не компенсирует снижение поголовья крупного рогатого скота и коров в сельхозорганизациях. Так, за последние 25 лет поголовье коров в хозяйствах населения возросло на 39,2 тыс. голов (на 49 %), а в сельхозорганизациях — сократилось на 227,6 тыс. голов (на 84 %).

Особо следует отметить значительное наращивание поголовья (в 3 раза) в период с 2010 по 2015 год в КФХ. В целом в хозяйствах всех категорий данный период был отмечен увеличением поголовья коров на 18,1 тыс. голов (на 11 %), а также ростом производства молока на 53,7 тыс. тонн (на 8,5 %). Таким образом, поголовье коров в хозяйствах всех категорий Ставропольского края на конец 2015 года составило 204 тыс. голов, а производство молока — 687 тыс. тонн (рисунок 3).



**Рис. 2.** Изменение поголовья коров по категориям хозяйств Ставропольского края, тыс. голов.

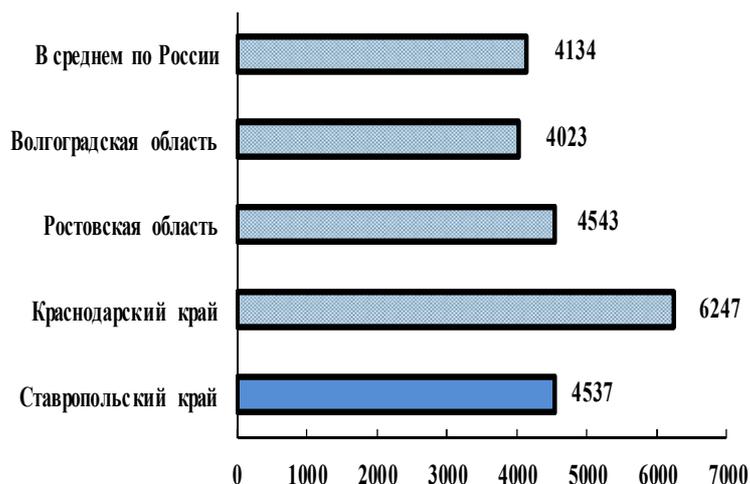
**Источник:** данные территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Ставропольскому краю <http://stavstat.gks.ru/> [17].



**Рис. 3.** Поголовье коров и производство молока в хозяйствах всех категорий Ставропольского края [7].

**Источник:** Ставропольский край в цифрах. Краткий статистический сборник.

Опережение темпов роста производства молока по сравнению с темпами роста поголовья в сельскохозяйственных организациях и хозяйствах населения объясняется повышением продуктивности животных. В 2015 году средняя продуктивность дойного стада во всех категориях хозяйств Ставропольского края составила 4 537 кг, что выше среднероссийского уровня почти на 10 %. По данному показателю в 2015 году край опередил ближайшие регионы, кроме крупнейших производителей молока Юга России — Краснодарского края и Ростовской области (рисунок 4).



*Рис. 4. Надой молока на одну корову в хозяйствах всех категорий по отдельным регионам в 2015 году, кг [7].*

*Источник:* Регионы России. Социально-экономические показатели — 2015 год. Федеральная служба государственной статистики.

В целом проведенный анализ показателей молочного скотоводства в Ставропольском крае за последние шесть лет позволил выявить увеличение производства молока в сельскохозяйственных организациях на 21,9 %, продуктивности коров — на 22,3 %, поголовья — на 6,5 % (таблица 1).

В настоящее время в структуре общего производства молока в регионе наибольшая доля — 75 % — приходится на хозяйства населения, оставшаяся часть распределяется между сельскохозяйственными организациями и крестьянско-фермерскими хозяйствами по 20 % и 5 % соответственно.

При этом очевидна устойчивая тенденция перехода лидерства к хозяйствам населения, которые стали производить молоко не только для удовлетворения индивидуальных потребностей, но и для последующей реализации. Крестьянские (фермерские) хозяйства в настоящий момент занимают незначительный объем в производстве молока в крае, хотя в 2015 году этот показатель составил уже 34,1 тыс. тонн, что выше, чем в 2010 году почти на 50 %. При этом наблюдается постоянный рост поголовья коров, несмотря на то, что в молочном скотоводстве добиться рентабельности сложно: производство требует больших финансовых вложений на строительство, реконструкцию современных ферм и укомплектование их высокопродуктивным поголовьем.

Разведением крупного рогатого скота и коров в Ставропольском крае занимаются повсеместно. В нашем крае в большинстве районов разводят коров мясо-молочного направления. Доля коров в общем поголовье края составляет: в первой (Северо-восточной) зоне — 33,2 %, во второй (Восточной) зоне — 24,4 %, в третьей (Западной) зоне — 37,2 % и четвертой (Предгорной) зоне — 5,2 % (таблица 2).

Из данных таблицы 2 видно, что поголовье коров распределено между тремя зонами — первой, второй и третьей. Четвертая (Предгорная) зона обладает незначительным количеством молочного стада, но при этом поголовье коров здесь имеет тенденцию к росту.

Среди муниципальных районов Ставропольского края в 2015 году лидерами по поголовью КРС в сельхозорганизациях являлись: Левокумский район (13,1 тыс. голов), Кочубеевский район (11,7 тыс. голов), Апанасенковский район (11,3 тыс. голов), Ипатовский район (9,4 тыс. голов), Советский район (9,1 тыс. голов), Новоалександровский район (8,8 тыс. голов), Шпаковский район (7,8 тыс. голов).

В таблице 3 представлено зональное распределение производства молока в сельскохозяйственных организациях.

Более 60 % молока производится в третьей (Западной) зоне, где в течение анализируемого периода наращивалось как поголовье, так и объем производимой продукции (на 21 % и 17 %, соответственно).

соответственно). При этом в первой зоне (северо-восточной) произошло существенное снижение производства молока на 30 % при наращивании поголовья на 10 %. Эта зона, обладая третьей частью всего поголовья коров, произвела только 1,5 % от объема полученного молока, что связано с ориентацией данной зоны на скотоводство мясного направления. Во второй зоне сократились и поголовье коров (на 7 %), и объемы производства молока (на 0,8 %).

Таблица 1

**Производственные показатели молочного скотоводства в Ставропольском крае [7]**

Показатели	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2015 в % к 2010
Сельскохозяйственные предприятия							
Поголовье крупного рогатого скота, тыс. гол., всего	110,8	116,3	120,5	122,0	116,7	111,8	100,9
в т. ч. коров	39,8	43,5	45,2	45,0	43,5	42,4	106,5
Производство молока, тыс. тонн	112,7	126,5	136,8	137,3	137,3	137,4	121,9
Средний надой на 1 корову, кг	5078	5632	6111	6164	6161	6208	122,3
Хозяйства населения							
Поголовье крупного рогатого скота, тыс. гол., всего	237,5	239,5	227,5	223,8	219,0	211,7	89,1
в т. ч. коров	132,2	133,4	126,1	124,5	121,8	118,9	89,9
Производство молока, тыс. тонн	497,7	515,5	506,9	518,4	519,4	515,9	103,7
Средний надой молока на 1 корову, кг	4159	4317	3697	4072	4222	4264	102,5
Крестьянские (фермерские) хозяйства							
Поголовье крупного рогатого скота, тыс. гол., всего	25,9	27,0	35,2	39,5	54,3	60,8	в 2,3 раза
в т. ч. коров	14,1	15,0	20,7	22,9	37,7	42,9	в 3 раза
Производство молока, тыс. тонн	23,3	22,7	21,6	25,9	30,1	34,1	146,4
Средний надой молока на 1 корову, кг	3720	4018	3809	3611	3659	4002	107,6

*Источник:* данные территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Ставропольскому краю: <http://stavstat.gks.ru/>.

Таблица 2

**Зональное распределение поголовья коров в сельскохозяйственных организациях**

Зоны края	2011		2012		2013		2014		2015		2015 в % к 2011
	тыс. гол.	в % к итогу	тыс. гол.	в % к итогу	тыс. гол.	в % к итогу	тыс. гол.	в % к итогу	тыс. гол.	в % к итогу	
I	12,7	33,2	14,7	33,1	14,6	32,7	13,2	32,5	14,0	33,2	110,2
II	11,1	29,0	12,5	28,2	12,6	28,2	10,7	26,4	10,3	24,4	92,8
III	13,0	33,9	15,2	34,2	15,4	34,5	14,6	35,7	15,7	37,2	120,8
IV	1,5	3,9	2,0	4,5	2,1	4,7	2,2	5,4	2,2	5,2	146,7
Итого	38,3	100,0	44,4	100,0	44,7	100,0	40,7	100,0	42,2	100,0	x

*Источник:* данные сельскохозяйственных организаций, состоящих в реестре государственной поддержки МСХ Ставропольского края.

Лидерами по производству молока среди сельскохозяйственных организаций в 2015 году являлись: Шпаковский район — 29 662 тонн, или 21,6 % от общего объема производства молока в крае, Кочубеевский район — 25 313 тонн (18,4 %), Новоалександровский район — 18 854 тонн (13,7 %), Ипатовский район — 13 190 тонн (9,6 %). В сумме эти четыре района произвели более 60 % молока — 87 019 тонн.

Таблица 3

**Зональное распределение производства молока в сельскохозяйственных организациях Ставропольского края**

Зоны края	2011		2012		2013		2014		2015		2015 в % к 2011
	тонн	в % к итогу									
I	2 939	2,4	2 665	1,9	1 807	1,3	1 870	1,4	2 050	1,5	69,8
II	34 858	28,9	38 749	28,3	37 340	27,3	37 615	27,6	34 572	25,2	99,2
III	74 725	61,9	85 512	62,5	85 841	62,7	86 182	63,2	87 334	63,8	116,9
IV	8 194	6,8	9 899	7,2	11 958	8,7	10 790	7,9	12 979	9,5	158,4
Итого	120 716	100,0	136 825	100,0	136 946	100,0	136 457	100,0	136 934	100,0	x

*Источник:* данные сельскохозяйственных организаций, состоящих в реестре государственной поддержки МСХ Ставропольского края.

Средний надой молока на одну корову в крупных и средних сельхозорганизациях края в 2015 году составил 6 203 кг, что ниже показателя 2014 года на 16,4 %. Такая динамика связана с резким падением надоя молока в третьей зоне, где продуктивность коров сократилась более чем на 30 %. В остальных трех зонах данный показатель имеет тенденцию к росту. Среди муниципальных районов с наиболее высокими показателями продуктивности коров можно выделить Шпаковский — 7 281 кг, Ипатовский — 7 080 кг, Кочубеевский — 6 985 кг, Предгорный — 6 852 кг, Кировский — 6 121 кг.

Некоторые муниципальные районы отказались от молочного скотоводства. Сначала это был Арзирский район, затем, в 2008 году, — Туркменский, Курский и Андроповский, в 2012 году — Александровский, Изобильненский и Нефтекумский районы, в 2013 году — Апанасенковский район [7].

В таблице 4 представлена информация об эффективности производства и реализации молока сельскохозяйственными организациями в разрезе четырех зон Ставропольского края.

Данные таблицы свидетельствуют о том, что производство молока в целом в Ставропольском крае (без дотаций) является эффективным, хотя уровень рентабельности в 2015 году сокращается до 25,3 % (на 7,2 пункта) по сравнению с 2014 годом.

Наиболее высокие показатели рентабельности в 2015 году демонстрируют III и IV зоны. Лидером по данному показателю в 2015 году являлась Предгорная зона (IV) — 59,1 %, где сельхозорганизациям удалось увеличить надой на 20 %, снизив при этом себестоимость 1 тонны реализованного молока почти на 30 %. Именно за счет двух зон (III и IV) в большей степени формируется конечный финансовый результат от производства и реализации молока в сельскохозяйственных организациях края. Так, в 2015 году было получено прибыли от продажи молока в крае в Западной зоне (III) — 469 940 тыс. руб., что составляет 77,3 % от всей величины прибыли. Предгорная зона также характеризуется стабильностью положительных финансовых результатов в молочном скотоводстве с уровнем рентабельности от 15 % до 59 % в разные годы, но небольшие размеры этой зоны обуславливают невысокий удельный вес показателей прибыли в итоговых значениях по краю (17 %). В настоящее время в пятерку лидеров по эффективности производства молока входят следующие районы: Предгорный — с уровнем рентабельности 66 %, Труновский — 52 %, Шпаковский — 48 %, Кировский — 43 % и Новоалександровский — 40 % [7].

**Эффективность производства и реализации молока по зонам  
Ставропольского края в сельскохозяйственных организациях**

Показатели	Производство молока, тонн	Надой молока на 1 фуражную корову, кг	Производственная себестоимость 1 т молока, руб.	Реализовано молока, тонн	Себестоимость 1 тонны реализованного молока, руб.	Цена 1 тонны реализованного молока, руб.	Выручка от реализации молока, млн руб.	Себестоимость реализованного молока, млн руб.	Прибыль от реализации, тыс. руб.	Уровень рентабельности от реализации молока (без дотаций), %
А	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
<b>I зона</b>										
2014	1870	3252	18382	1478	18428	21612	31941	27235	4706	17,3
2015	2050	3565	19945	1691	19975	23903	40415	33774	6641	19,7
Темп роста, %	109,6	109,6	108,5	114,4	108,4	110,6	126,5	124,0	141,1	х
<b>II зона</b>										
2014	37615	5444	20213	34448	20408	22879	788118	703013	85105	12,1
2015	34572	5590	21846	31562	22199	23068	728095	700651	27444	3,9
Темп роста, %	91,9	102,7	108,1	91,6	108,8	100,8	92,4	99,7	32,2	х
<b>III зона</b>										
2014	86182	9779	15888	81812	16132	23612	1931742	1319812	611930	46,4
2015	87334	6610	17846	82633	18000	23687	1957298	1487358	469940	31,6
Темп роста, %	101,3	67,6	112,3	101,0	111,6	100,3	101,3	112,7	76,8	х
<b>IV зона</b>										
2014	10790	5165	18423	9976	20675	23840	237824	206253	31571	15,3
2015	12979	6171	15956	12035	14586	23202	279245	175549	103696	59,1
Темп роста, %	120,3	119,5	86,6	120,6	70,5	97,3	117,4	85,1	328,5	х
<b>Ставропольский край</b>										
2014	136457	7421	17315	127714	17667	23409	2989625	2256313	733312	32,5
2015	136934	6203	18708	127922	18741	23491	3005053	2397332	607721	25,3
Темп роста, %	100,3	83,6	108,0	100,2	106,1	100,4	100,5	106,2	82,9	х

*Источник:* данные сельскохозяйственных организаций, состоящих в реестре государственной поддержки МСХ Ставропольского края.

### Результаты

Таким образом, проведенный анализ позволил сделать вывод о том, что во многих районах Ставропольского края производство молока является эффективным и экономически целесообразным, и при этом существуют значительные резервы роста. Так, в большинстве сельскохозяйственных организаций края сохранилась необходимая инфраструктура для возрождения и стимулирования животноводческих ферм. При этом развитие молочного животноводства позволит хозяйствам оптимизировать структуру севооборотов, используя кормовые культуры не в ущерб зерновому производству. В то же время создание кормовой базы в сельхозпредприятиях позволит избыток кормов направлять хозяйствам населения на содержание животных.

Существующая тенденция роста объемов производства молока в крае в течение последних пяти лет позволила достичь уровня обеспеченности в размере 245,6 кг молока на душу населения

ния в год, что составляет 77 % от медицинской нормы. Но для достижения полной самообеспеченности населения молоком потребуется увеличение поголовья как в сельскохозяйственных организациях, КФХ, так и в хозяйствах населения. Однако в настоящее время наращивание численности поголовья коров и рост объемов производства молока сопряжено с целым рядом проблем: использованием устаревших технологий производства, невысоким уровнем селекционно-племенной работы, недостаточным финансированием технологических инноваций, дефицитом квалифицированных кадров, несоответствием продукции ветеринарно-санитарным требованиям, ухудшением качества окружающей среды в процессе производства (деградация почв, загрязнение воды и воздуха, образование отходов).

По своей сути животноводство практически всегда связано с чрезмерной эксплуатацией природной системы, поскольку эффективность его достигается при высокой концентрации животных на ограниченной территории. При этом компоненты природной среды и экосистемы истощаются, а их ассимиляционный потенциал существенно снижается. В результате потенциальное наращивание объемов производства продукции животноводства может только усугубить положение и привести к еще более серьезным экологическим последствиям.

Выходом в сложившейся ситуации и наиболее перспективным направлением развития аграрного сектора, по мнению авторов, является поиск разумных компромиссов между приоритетами продовольственной и экологической безопасности. Так, для обеспечения продовольственной безопасности потребуется комплекс государственных мер, предусматривающих поддержку и стимулирование устойчивого развития аграрно-промышленного комплекса, повышение уровня жизни сельского населения, гарантию экономической доступности качественного продовольствия. Важнейшее значение при этом имеет формирование нормативно-правовой базы, регламентирующей социально-экономические и производственные отношения в аграрном секторе экономики в современных условиях, а также совершенствование требований экологического законодательства. Стратегической целью государственной политики в области экологической безопасности должно являться сохранение природных ресурсов, в том числе почвенного плодородия и агроландшафтов в процессе сельскохозяйственного производства, снижение уровня загрязнения воды, почв и воздуха, а также широкое применение возобновляемых ресурсов. В этой связи особая роль должна принадлежать развитию устойчивого экологически чистого сельского хозяйства, напрямую оказывающего влияние на укрепление здоровья населения путем снижения уровня загрязнения окружающей среды, производства высококачественных продуктов, формирования культуры питания, совершенствование системы контроля безопасности сельскохозяйственного сырья и продовольственных товаров.

### **Выводы**

В настоящее время в отечественном аграрном секторе уже имеется существенный потенциал для формирования конкурентоспособного и высокоэффективного производства, отвечающего требованиям экологической и критериям продовольственной безопасности. Однако его реализация зависит от целого ряда факторов и условий, сопряженных с государственной политикой в отношении национального аграрного сектора, а также наличия действенных экономических и правовых стимулов для перехода к устойчивому развитию, частнохозяйственной инициативы и стремлений аграриев не только эффективно функционировать, но и обеспечивать существующее и будущие поколения наилучшими условиями для жизни.

Таким образом, для одновременного обеспечения продовольственной безопасности и сглаживания негативных последствий для окружающей среды потребуется кардинальное изменение принципов государственной политики, а также разработка приоритетных направлений совершенствования методов производства и моделей потребления продовольствия. При этом аграрный сектор может внести свой вклад в смягчение этих последствий, если удастся добиться увеличения масштабов производства продовольствия при сокращении негативного воздействия на окружающую среду.

### *Литература*

1. Банникова Н. В. *Формирование стратегии обеспечения региональной продовольственной безопасности* / Н. В. Банникова и др.; Ставропол. гос. аграр. ун-т. — Ставрополь: Сервисшкола, 2004. — 122 с.
2. *Будущее продовольственной системы России (в оценках экспертного сообщества)* / Общ. науч. ред. В. Ф. Лещенко. — Москва: Экономика, 2014. 309 с.

3. Вермель Д. Ф. Роль государства в обеспечении продовольственной безопасности страны / Экономика сельского хозяйства. Реферативный журнал. — 2004. — № 3. — С. 763.
4. Дикарев В. Н. Методологические основы решения продовольственной проблемы и обеспечения продовольственной безопасности: монография / В. Н. Дикарев, О. В. Дикарев, М. А. Москвитин, Воронеж: ФГОУ ВПО ВГАУ. — 2005. — 345 с.
5. Как обеспечивается продовольственная безопасность в условиях импортозамещения в Ставропольском крае [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [http://www.stpravda.ru/20151002/kak\\_obespechivaetsya\\_prodoovol'stvennaya\\_bezopasnost\\_v\\_usloviyakh\\_88449.html](http://www.stpravda.ru/20151002/kak_obespechivaetsya_prodoovol'stvennaya_bezopasnost_v_usloviyakh_88449.html) (дата обращения: 01.12.2016), свободный. — Загл. с экрана.
6. Киселев С. В. Обеспечение продовольственной безопасности в условиях продовольственного кризиса / Аграрное и земельное право. — 2009. — № 1. — С. 29–30.
7. Комплексная система развития молочного скотоводства Ставропольского края в части повышения продуктивных и технологических качеств сельскохозяйственных животных с учетом использования генетических и кормовых факторов и электронно-аналитического ресурса: методические рекомендации / В. И. Трухачев, С. А. Олейник, Н. З. Злыднев, В. С. Цховребов, О. А. Чередниченко, А. А. Ходусов: Ставрополь: АГРУС Ставропольского государственного аграрного университета. — 2016. — 114 с.
8. Костяев А. И. Мелкомасштабный сектор сельского хозяйства России: вклад в обеспечение продовольственной безопасности страны // Экономика с.-х. и перерабатывающих предприятий. — 2015. — №11. — С. 11–17.
9. Костяев А. И. Обеспечение продовольственной безопасности России: региональный аспект / А. И. Костяев, И. И. Костусенко // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий: теоретич. и научно-практич. журнал. — 2012. — № 5. — С. 4–7.
10. Папцов А. Г. Направления обеспечения глобальной продовольственной безопасности // АПК: экономика, упр. — 2015. — № 10. — С. 103–107.
11. Проблемы обеспечения национальной и коллективной продовольственной безопасности в ЕАЭС. Ушачев И., Серков А., Папцов А., Тарасов В., Чекалин В. // АПК: экономика, упр. — 2014. — № 10. — С. 3–15.
12. Розовенко М. В. Продовольственная и экологическая безопасность населения Российской Федерации: состояние и проблемы нормативно-правового обеспечения / Ветеринарная патология. — № 4. — 2005 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/prodoovol'stvennaya-i-ekologicheskaya-bezopasnost-naseleniya-rossiyskoy-federatsii-sostoyanie-i-problemy-normativno-pravovogo> (дата обращения: 01.12.2016), свободный. — Загл. с экрана.
13. Сельская экономика : учебник / под. ред. С. В. Киселева. Москва: Проспект, 2016. 576 с.
14. Ставропольский союз производителей и переработчиков молока. Производство молока в Ставропольском крае. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://sspppj.ru/?p=1561> (дата обращения: 30.10.2016), свободный. — Загл. с экрана.
15. Стратегия устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 2 февраля 2015 г. № 151-р [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [http://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_174933/](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_174933/) (дата обращения: 30.10.2016), свободный. — Загл. с экрана.
16. Тарасов А. Н. Нормативная роль государства в продовольственном обеспечении населения страны: опыт августа 2010 года / Продовольственное обеспечение регионов российской федерации: теория, методология, практика: материалы Международного круглого стола. 2010. ООО «ВУД». С. 292–321.
17. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Ставропольскому краю [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://stavstat.gks.ru/> (дата обращения: 30.10.2016), свободный. — Загл. с экрана.
18. Dovgot'ko N. A., Kusakina O. N., Skiperskaja E. V. (2014). Use of natural resources as an object of economic incentive. *Life Science Journal*, 11(1s), 166–170.
19. Dovgot'ko N. A., Ponomarenko M. V., Rjazancev I. I., Tokareva G. V. (2014). The formation of the spatial paradigm of a green economy (through the example of a Recreation Region in Russia). *Life Science Journal*, 11(10s), 507–510.
20. Dovgot'ko N. A., Kusakina O. N., Rjazancev I. I., Cherednichenko O. A., Kaznacheeva O. H. (2016). Problems of Ecological and Economic Transformation of Natural Management Systems and Territories: Example of the South of Russia. *International Journal of Economics and Financial Issues*. 6(S2). 43–49.

#### References:

1. Bannikova N. V. Formirovanie strategii obespecheniya regional'noi prodovol'stvennoi bezopasnosti (Formation of strategy of regional food security). 2004. 122 p.
2. Budushchee prodovol'stvennoi sistemy Rossii (v otsenkakh ekspertnogo soobshchestva) (The future of Russia's food systems (assessment of the expert community)). 2014. 309 p.
3. Dikarev V. N. Metodologicheskie osnovy resheniya prodovol'stvennoi problemy i obespecheniya prodovol'stvennoi bezopasnosti (Methodological foundations of solving the food problems and food security). 2005. 345 p.
4. Dovgot'ko N. A., Kusakina O. N., Rjazancev I. I., Cherednichenko O. A., Kaznacheeva O. H. (2016). Problems of Ecological and Economic Transformation of Natural Management Systems and Territories: Example of the South of Russia. *International Journal of Economics and Financial Issues*, 6(S2). 43–49.
5. Dovgot'ko N. A., Kusakina O. N., Skiperskaja E. V. (2014). Use of natural resources as an object of economic incentive. *Life Science Journal*. 11(1s), 166–170.
6. Dovgot'ko N. A., Ponomarenko M. V., Rjazancev I. I., Tokareva, G. V. (2014). The formation of the spatial

- paradigm of a green economy (through the example of a Recreation Region in Russia). *Life Science Journal*, 11(10s). 507–510.
7. *Kak obespechivaetsya prodovol'stvennaya bezopasnost' v usloviyakh importozame-shcheniya v Stavropol'skom krae* (How is the food security conditions of importozamesche-in Stavropol Territory) [An electronic resource]. Access mode: [http://www.stpravda.ru/20151002/kak\\_obespechivaetsya\\_prodovol'stvennaya\\_bezopasnost\\_v\\_usloviyakh\\_88449.html](http://www.stpravda.ru/20151002/kak_obespechivaetsya_prodovol'stvennaya_bezopasnost_v_usloviyakh_88449.html) (data obrashcheniya: 01.12.2016), free. Heading from the screen.
8. Kiselev S. V. *Obespechenie prodovol'stvennoi bezopasnosti v usloviyakh prodovol'stvennogo krizisa* (Ensuring food security in Prodo-food-crisis). 2009. No.1. P. 29–30.
9. Kostyaev A. I. *Melkomasshtabnyi sektor sel'skogo khozyaistva Rossii: vklad v obes-pechenie prodovol'stvennoi bezopasnosti strany* (AI Small-scale agricultural sector of Russia: contribution to the OJEC-baking food security). 2015. No. 11. P. 11–17.
10. Kostyaev A. I. *Obespechenie prodovol'stvennoi bezopasnosti Rossii: regional'nyi aspekt* (AI Ensuring food security of Russia: regional aspection), 2012, No. 5. P. 4–7.
11. Paptsov A. G. *Napravleniya obespecheniya global'noi prodovol'stvennoi bezopasnosti* (Fields of ensuring global food security-ness). 2015. No.10. P. 103–107.
12. Rozovenko M. V. *Prodovol'stvennaya i ekologicheskaya bezopasnost' naseleniya Ros-siiskoi Federatsii: sostoyanie i problemy normativno-pravovogo obespecheniya* (Food and environmental security of the population of the Russian Federation: a condition and problems of legal support). 2005. No. 4. [An electronic resource]. Access mode: <http://cyberleninka.ru/article/n/prodovol'stvennaya-i-ekologicheskaya-bezopasnost-naseleniya-rossiyskoy-federatsii-sostoyanie-i-problemy-normativno-pravovogo> (data obrashcheniya: 01.12.2016), free. Heading from the screen.
13. *Sel'skaya ekonomika : uchebnik / pod. red. S. V. Kiseleva* (Rural economy: the textbook / under. ed. S.V. Kiselev), 2016. 576 p.
14. *Stavropol'skii soyuz proizvoditelei i pererabotchikov moloka. Proizvodstvo mo-loka v Stavropol'skom krae* (Stavropol union of producers and processors of milk. Milk production in the Stavropol region) [An electronic resource]. Access mode: <http://spppj.ru/?p=1561>(data obrashcheniya: 30.10.2016), free. Heading from the screen.
15. *Strategiya ustoichivogo razvitiya sel'skikh territorii Rossiiskoi Federatsii na period do 2030 goda. Utverzhdena rasporyazheniem Pravitel'stva Rossiiskoi Fede-ratsii ot 2 fevralya 2015 g. No. 151-r* (The strategy of sustainable development of rural territories of the Russian Federation for the period up to 2030. Approved by the Federal Government on February 2, 2015 № 151-p) [An electronic resource]. Access mode: [http://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_174933/](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_174933/) (data obrashcheniya: 30.10.2016), free. Heading from the screen.
16. Tarasov A. N. *Normativnaya rol' gosudarstva v prodovol'stvennom obespechenii naseleniya strany: opyt avgusta 2010 goda* (Regulatory role of the state in the food supply of the population: the experience of August 2010). 2010. P. 292–321.
17. *Territorial'nyi organ Federal'noi sluzhby gosudarstvennoi statistiki po Stavropol'skomu krayu* (The territorial body of the Federal State Statistics Service of the Stavropol Region) [An electronic resource]. Access mode: <http://stavstat.gks.ru/> (data obrashcheniya: 30.10.2016), free. Heading from the screen.
18. Trukhachev V. I., Oleinik S. A., Zlydnev N. Z., Tskhovrebov V. S., Cherednichenko O. A., Khodusov A. A. *Kompleksnaya sistema razvitiya molochnogo skotovodstva Stavropol'skogo kraya v chasti povysheniya produktivnykh i tekhnologicheskikh kachestv sel'skokhozyaistvennykh zhivotnykh s uchetom ispol'zovaniya genicheskikh i kormovykh faktorov i elektronno-analiticheskogo resursa: metodicheskie rekomendatsii* (An integrated system of dairy farming Stavropol Territory in terms of raising the productive and technological qualities of agricultural Ms-mals based on the use of genetic and feed factors and electron-analytical resource: methodological recommendations). 2016. 114 p.
19. Ushachev I., Serkov A., Paptsov A., Tarasov V., Chekalin V. *Problemy obespecheniya natsional'noi i kollektivnoi prodovol'stvennoi bezopasnosti v EAES* (Problems of national and collective food-without danger to the EAEC). 2014. No. 10. P. 3–15.
20. Vermel' D. F. *Rol' gosudarstva v obespechenii prodovol'stvennoi bezopasnosti strany* (Vermel DF state's role in ensuring food security). 2004. No. 3. 763 p.

УДК: 330.111.4:332

**АЛЛАХВЕРДИЕВ АЛИКБЕР ИБРАГИМОВИЧ**

д.э.н., профессор ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный аграрный университет  
им. М.М. Джамбулатова», e-mail: ifl1993@mail.ru

**КАМИЛОВ МАГОМАГАЗИ КАМИЛОВИЧ**

д.э.н., профессор ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный аграрный университет  
им. М.М. Джамбулатова», e-mail: gas7508@mail.ru

**ХАНБАБАЕВ ТЕМИРЛАН ГАЙДАРБЕКОВИЧ**

к.э.н., доцент ФГБНУ «Дагестанский научно-исследовательский институт сельского  
хозяйства имени Ф.Г.Кисриева», e-mail: muradin92@rambler.ru

**ДОГЕЕВ ГАСАН ДОГЕЕВИЧ**

к.э.н., доцент ФГБНУ «Дагестанский научно-исследовательский институт сельского  
хозяйства имени Ф.Г.Кисриева», e-mail: muradin92@rambler.ru

## ЭФФЕКТИВНОСТЬ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЗЕМЕЛЬ И ЗЕМЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В РЕГИОНЕ

**Аннотация. Цель работы.** В статье рассматриваются особенности современного состояния преобразований в землепользовании региона. **Метод или методология проведения работы.** Исследование построено на обобщении теоретических разработок и действующей зарубежной и отечественной практики по методам и механизмам эффективного сельскохозяйственного землепользования. **Результаты.** Выявлены организационные, экономические, правовые и иные предпосылки формирования земельных отношений на сельскохозяйственные земли, тенденции и закономерности в сфере регулирования земельных отношений. Обоснована необходимость повышения эффективности системы управления сельскохозяйственного землепользования путём создания благоприятных условий для обеспечения их воспроизводства, организации централизованного планирования их использования и землеустройства. **Область применения результатов.** Предложенные рекомендации могут быть использованы для решения стратегических задач анализа и планирования землепользования в сельском хозяйстве региона, повышения экономической эффективности использования сельскохозяйственных угодий, совершенствования механизма регулирования оборота земель, составления целевых региональных программ и оценки их эффективности. **Выводы.** Эффективное использование земельных ресурсов Республики Дагестан возможно лишь при выполнении ряда условий. Для чего необходимо обосновать более справедливый дифференцированный норматив платы за землю, провести мероприятия по развитию земельного рынка региона и добиться повышения удельного веса арендных платежей в общей сумме земельных платежей. Совершенствования требует и определение базы налогообложения. Также необходим более тщательный контроль за использованием земель и совершенствование государственного управления земельным фондом, что будет способствовать повышению эффективности регионального землепользования.

**Ключевые слова:** земельные отношения, пашня, кадастровая стоимость, эффективность.

---

**ALLAKHVERDIEV ALIKBER IBRAGIMOVICH**

Doctor of Economic Sciences, Professor of FSBEI of HE "Dagestan State Agrarian University named after M.M. Jambulatov", e-mail: ifl1993@mail.ru

**KAMILOV MAGOMAGAZI KAMILOVICH**

Doctor of Economic Sciences, Professor of FSBEI of HE "Dagestan State Agrarian University named after M.M. Jambulatov", e-mail: gas7508@mail.ru

**KHANBABAЕV TEMIRLAN GAJDARBEKOVICH**  
“Dagestan Scientific and Research Institute of Agriculture named after F.G.Kisriev”,  
e-mail: muradin92@rambler.ru

**DOGEEV GASAN DOGEEVICH**  
Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of FSBSI “Dagestan Scientific and Research Institute of Agriculture named after F.G.Kisriev”, e-mail: muradin92@rambler.ru

## EFFICIENCY OF AGRICULTURAL USE OF LAND AND LAND RELATIONS IN THE REGION

**Abstract.** *The goal of the paper.* The manuscript discusses the typical features of the modern state of transformations in the land utilization of the region. **The method or methodology of performing work.** The study has been built on the summarization of theoretical developments and the functioning foreign and domestic practice on methods and mechanisms of effective agricultural land utilization. **The results.** The organizational, economic, legislative and other prerequisites of forming land relationships for agricultural lands, tendencies and consistent patterns in the sphere of regulation of land relations. The need to increase the effectiveness of the system of management of agricultural land utilization through creating favorable conditions to ensure their reproduction, organization of centralized planning of their use and land utilization has been substantiated. **The area of application of the results.** The suggested recommendations may be used to solve strategic tasks of analysis and planning of land utilization in the agriculture of the region, improving the economic effectiveness of using agricultural land, improving the mechanism of regulation of land turnover, completing targeted regional programs and evaluation of their effectiveness. **Conclusions.** The effective use of land resources in the Republic of Dagestan is possible only a set of conditions is followed. That is why it is necessary to substantiate a more fairly differentiated established standard of payment for land, hold measures on the development of land market of the region and achieve improving the specific weight of rent payments in the total amount of land payments. Determining the basis for taxation requires improvement. It is also necessary to have a thorough control on using the land and of improvement of state management of the land fund which will contribute to improving the effectiveness of regional land utilization. **Keywords:** land relations, ploughland, cadastral value, effectiveness.

---

**Введение.** Важнейшей задачей земельной реформы на современном этапе является закрепление и развитие реформируемых земельных отношений. Без совершенствования земельных отношений и их государственного регулирования другие преобразования экономики не дают ожидаемых результатов. На заседании Президиума Государственного совета президент страны В.В. Путин отметил, что вопросы совершенствования использования земельных ресурсов — это мощный фактор экономического и социального развития и одновременно одна из самых сложных и исторически острых проблем вообще, а в нашей стране — в особенности [13].

Земля является основным средством производства в сельском хозяйстве, важнейшей частью его материально-технической базы и в то же время величайшим и ничем не заменимым национальным богатством [9].

Земельные отношения, претерпевшие изменения в период реформ, ещё не стали окончательно устойчивыми и эффективными. Процессы преобразования продолжают. Следует подчеркнуть, что начавшиеся в условиях рыночной экономики преобразования не способствовали эффективному развитию земельных отношений, а всего лишь позволили на законной основе иметь землю в частной собственности.

Сторонники частной собственности убеждают нас в том, что только она способна динамично повышать эффективность землепользования, только она способна обеспечить сохранение и повышение плодородия, только частная собственность на землю обеспечит продовольственный достаток и независимость [11.8].

**Методы исследования.** Процесс формирования земельных отношений должен происходить в условиях соблюдения определённых принципов, защищающих интересы как общества

в целом, так и непосредственных землепользователей. К таким принципам, на наш взгляд, можно отнести:

- Проявление самостоятельности и добровольности при их формировании.
- Создание форм собственности, соответствующих уровню экономического развития.
- Внедрение приемлемых форм хозяйствования и обеспечение им реального равноправия.
- Простоту и доступность отношений.

Принципы земельных отношений, особенности формирования. Каждый из указанных выше принципов имеет свои особенности. Например, принцип проявления самостоятельности по отношению к сельскохозяйственным организациям означает, что сами товаропроизводители должны заявить о своём вступлении в земельные отношения на добровольной основе. Коллектив вправе решить, какие формы земельных отношений внедрять, а какие нет. Затем выбирают формы хозяйствования и обеспечивают выполнение взятых обязательств. Предоставленные землевладельцам и землепользователем права должны сочетаться с развитой системой ответственности за использование земельных участков [5.14].

Формы использования земли сельскохозяйственными предприятиями. В сельскохозяйственном производстве Республики Дагестан преимущественное признание получили коллективные формы использования земли. Земли сельскохозяйственного назначения находятся в государственной и муниципальной собственности. Удовлетворены желания и индивидуальные землепользователей. Площади земель, используемые в индивидуальном ведении сельскохозяйственной деятельности, увеличились. В ходе реформ товаропроизводители определили формы землепользования. Большинство из них выбрали коллективную форму использования земли, но немало и заинтересованных в индивидуальном ведении деятельности. К началу 2016 г. имелось 17,6 тыс. крестьянских фермерских хозяйств и индивидуальных предпринимателей. В последнее время наблюдается объединение индивидуальных сельских товаропроизводителей в кооперативы и другие совместные формы ведения производства. Это свидетельствует о продолжении процесса формирования земельных отношений.

Коллективные формы хозяйствования в виде ГУПов, МУПов, СПК, ассоциации и акционерные общества — 980. Индивидуальными формами землепользования считаются личные подсобные хозяйства жителей сельской местности, крестьянские бахчеводческие, огороднические и садоводческие хозяйства — 463,3 тыс. Свою деятельность они организуют на основе права землепользования, и эффективность их работы во многом зависит, наряду с другими факторами, и от форм земельных отношений. Соответствие последних уровню экономического развития означает использование в сложившихся материальных, технических и финансовых условиях таких способов земельных отношений, которые обеспечивают наибольшую отдачу. В начальный период обобществления производства в 1920-е гг. создавались организационные формы хозяйствования в виде общин, коммун, товариществ по совместной обработке земли, колхозов, артелей, а затем и государственных совхозов, постепенно реорганизовываясь. Дальнейшее экономическое развитие требовало существования не только самих производственных предприятий, но и совместных объединений и организаций по откорму и нагулу скота, производству кормов, переработке плодов и ягод, овощей и фруктов, молока и другой продукции. Они помогали товаропроизводителям в реализации продукции, выполнении сложных и трудоёмких работ.

Виды земельной собственности. Земельная собственность, в отличие от других её видов, является многофункциональной. Этим и определяется важность и столь высокая значимость данной социальной проблемы.

С 1992 г. сложились условия формирования частной собственности на землю. Однако ни государственная, ни частная форма собственности не обеспечили роста эффективности использования земли. Следовательно, можно сделать вывод, что формы собственности сами по себе не обеспечивают высокой производительности труда на земле. Необходимы такие формы собственности на землю, которые бы обеспечивали получение большей отдачи от использования земли и не приводили бы к ухудшению структуры почвы.

Земельная собственность не должна оказывать отрицательного влияния на экономические отношения, складывающиеся в обществе. Она должна стать сопутствующим фактором рационального использования земли, а это возможно только тогда, когда проблема собственности

земли будет решаться в интересах товаропроизводителей и общества в целом. Необходимость этого подсказывает сам процесс развития земельных отношений в стране. По высказыванию академиков Комова Н. и Милосердова В., «западные государства берут на себя всё больше контрольных функций, ужесточая требования за использованием и распоряжением земель». А мы почему-то отошли от осуществления контроля и предъявления требований [6.7].

Земельные отношения должны быть тесно увязаны с интересами общества. Частная собственность на землю и получение в собственность продукции, полученной в результате труда, вызывает разные экономические отношения.

Выработка объективного отношения к вопросу о собственности на землю является сложным и болезненным процессом. В Республике Дагестан действуют три формы права на землю: землевладение, землепользование и аренда. В этом случае в качестве предмета сделки выступают не земельные участки, находящиеся в пользовании у организации, а право хозяйствования на земле, право потребления и распределения результатов труда. В данном случае товаропроизводитель стремится получить заработок не за счёт купли-продажи земельных участков, а путём приложения труда и капитала, направляемого на лучшее использование угодий с целью производства большого количества качественной продукции для общества.

Способность общества использовать сложившиеся в нём условия в целях обеспечения высокой продуктивности земли при владении и использовании ею определяет суть эффективности земельных отношений. На этапе становления и дальнейшего углубления рыночной экономики разработка системы улучшения земельных отношений приобретает особую актуальность и требует комплексного подхода к её решению. Создание такой системы без экономических рычагов, регулирующих земельные отношения, невозможно.

Исключительное положение, которое земельные ресурсы занимают в обеспечении населения продовольствием и агропромышленного производства сырьём, требует к себе пристального внимания со стороны общества как национальный приоритет в стратегии современных экономических преобразований.

На современном этапе развития отечественной экономики формируется принципиально новая система хозяйствования, базирующаяся на многообразии форм собственности, диалектической взаимосвязи методов рыночного и государственного регулирования. Все это обуславливает необходимость совершенствования общей концепции земельной реформы в Дагестане.

Научное осмысление и дальнейшая проработка концепции регулирования земельных отношений, обоснование комплекса мер по смягчению негативных последствий структурных трансформаций являются необходимым условием обеспечения экономической, социально-политической и экологической безопасности Дагестана.

Вместе с тем научными исследованиями не охвачены принципиальные положения концепции земельной реформы и, прежде всего, вопросы стабилизации пользования, распоряжения и владения землёй, достижения бесконфликтного развития основных форм собственности. Недостаточно нашёл отражение и механизм рыночного оборота сельскохозяйственных земель как приоритетного направления земельной реформы. В экономико-правовом отношении оборот земельных долей, способствующий их аккумуляции в руках эффективных собственников, до сих пор на практике не отработан. Слабо отражены вопросы формирования экономического механизма регулирования земельных отношений на рентной основе и восстановления управляемости земельными ресурсами.

Структура землепользования. Почвенно-картографический учёт показывает, что из общей площади территории РД (15,03 млн га) — 5,2% земель подвержены водной и ветровой эрозии, 38% засолены в различной степени. И только 8% почвенного покрова представлено сравнительно качественными земельными угодьями. Говоря о сельскохозяйственной освоенности земельного фонда, следует отметить, что сравнительно небольшая часть ресурсов принимает участие в активном хозяйственном обороте.

В Дагестане много земель с низкой продуктивностью. По данным Госкомзема, сельхозугодья занимают на 01.01.2016 г. 3206 тыс. га: из них доля пашни — 14,6%, многолетние насаждения — 1,5%, сенокосы — 3,2%, залежь — 0,09% и пастбища — 51,5%.

Пашня в структуре сельхозугодий составляет 15,7% и постепенно сокращается. Если в

1960 г. на душу населения в РД приходилось 0,53 га, в 1990 г. — 0,26 га, а в 2015 г. — 0,16 га.

В то же время в среднем по Российской Федерации на душу населения приходится пашни около 0,9 га, в Ставропольском крае — 1,5 га, Краснодарском — 0,8 га.

В Австралии на 100 человек приходится 153 гектара пашни, Италии — 16 га, Бельгии — 7 га, Японии — 3 га, ФРГ — 12 га, Англии — 11 га. Но, тем не менее, эти страны обеспечили себя продовольствием и заняты экспортом своей сельскохозяйственной продукции. Республика Дагестан, имея орошаемые земли в несколько раз больше, не может обеспечить себя продовольствием. Основная причина этого — недостаточный, малопродуктивный труд на земле, который определяется формой собственности на землю. Показатели табл. свидетельствуют, что если сенокосами и пастбищами население республики обеспечено на 68% по норме, то по такому важнейшему фактору, как пашня, обеспечено только на 32%.

Таблица

**Сельскохозяйственные угодья, приходящиеся на одного жителя  
Республики Дагестан в 2015 г.**

Территория	Площадь (тыс. га)	На 1 жителя (га)	
		полагается по норме	имеется фактически
Вся территория	5027,0	—	1,63
Территория проживания	3600,0	1,8	1,20
Из них:			
— пашня	467,1	0,5	0,16
— сенокосы и пастбища	2647,5	1,2	0,82

При этом наблюдается тенденция к сокращению площади пашни при увеличении численности населения. На 2015 г. население РД составляло 2985 тыс. человек, ежегодный прирост населения в республике в среднем 16–18 тыс. человек.

В Дагестане 75% пашни размещено в острозасушливых условиях, 16% — в условиях не обеспеченной осадками богары и лишь 9% — нормально обеспеченная богара. В результате неправильной и чрезмерной эксплуатации пастбищ увеличились сбитые кормовые угодья, на значительной части территории наблюдаются процессы дефляции и вывода их из сельскохозяйственного оборота.

Плодородие пахотной земли в 2–3 раза ниже по сравнению с другими республиками Северного Кавказа, средневзвешенный бонитет орошаемой пашни равен 55 баллам. В серьёзном улучшении нуждаются естественные кормовые угодья. При этом следует учесть такие негативные процессы, происходящие на территории республики, как опустынивание земель Терско-Кумского массива, вторичное засоление орошаемых земель равнинной зоны, ветровую и водную эрозию горных территорий.

Основными направлениями увеличения производства сельскохозяйственной продукции при приоритетном развитии мелиорации земель являются:

- улучшение мелиоративного состояния и повышения продуктивности орошаемых земель;
- внедрение водосберегающих технологий орошения;
- внедрение высокоэффективной технологии системы капельного орошения.

Большим резервом дополнительного освоения предгорий на перспективу является эффективное использование водных ресурсов малых рек, которые при условии строительства водохранилищ позволяют дополнительно орошать до 10 тыс. га. При использовании Чиркейского и Ирганайского водохранилищ открываются перспективы вовлечения в сельскохозяйственный оборот десятков тысяч гектаров земель Буйнакского, Кумторкалинского, Кизилюртовского, Казбековского районов.

Богарное земледелие в Дагестане в основном ведётся на склоновых землях, подверженных водной эрозии. По данным ФГБНУ ДагНИИСХ имени Ф.Г. Кисриева, 60% территории республики рельеф имеет уклоны, превышающие 2%, а склоны крутизной 25% — составляют

37%. Что касается потенциально предрасположенных к эрозии земель, то они достигают 80% общей земельной площади республики. Суммарная площадь эродированных земель достигает 2 млн га, в т. ч. 185 тыс. га пашни. В значительной степени наличие огромной площади эродированных почв объясняется развитой пастбищной эрозией, которая связана с неурегулированной пастьбой скота.

На основе изучения фактической структуры посевных площадей по зонам республики предложены направления по их изменению для более эффективного использования производственных возможностей в соответствии с природно-климатическими условиями.

На основании сложившейся зональной специализации намечена тенденция по увеличению производства продукции тех видов, которые производятся без капиталоемких вложений, с учётом природных условий. Производство кормовых культур наиболее эффективно в горной зоне; зерна, картофеля и овощей — в предгорной зоне; зерна, плодов и овощей — на равнине.

Для аграрных преобразований необходимо формирование земельных отношений принципиально нового качества с учётом развивающихся частно-акционерных форм собственности и хозяйствования, которые основывались бы на требованиях современной экономики.

Анализ земельных отношений. Составной частью аграрных отношений являются земельные отношения. По мнению И.Н. Буздалова, Э.Н. Крылатых, А.В. Петрикова и В.Я. Узуна и других учёных, земельные отношения — основная конструкция трансформации системы аграрных отношений, а частная земельная собственность и её конкретная форма — основное условие развития социально-экономических отношений в государстве [25.126].

Такие известные учёные-экономисты, как В.С. Шаманаев и Н.В. Комов считают земельные отношения по владению, пользованию и распоряжению землёй как основное средство производства или пространственная основа размещения разных объектов производства [32,66].

Ф.К. Шакиров трактует земельные отношения как систему административных, правовых и организационных мер, направленных на обеспечение владения, рационального использования и охраны земель [32].

А.А. Варламов и Б.М. Рабинович дают определение земельным отношениям как отношениям органов государственной власти, органов местного самоуправления, юридических лиц и граждан по поводу владения, пользования и распоряжения землёй и по поводу государственного управления земельными ресурсами [31.132]

И. Буздалов, Э. Крылатых, О. Николайчук считают, что вопрос о том, кто получает ренту, как она распределяется, как построить это распределение, обеспечивая высокие стимулы повышения экономического плодородия земли, — это действительно один из актуальных методологических и прикладных вопросов всей системы земельных отношений [25.114].

В.В. Милосердов считает, что притягательная сила собственности на землю — в ренте, в монопольно незаработанном доходе, «поскольку те, кто обладают земельной рентой, имеют исключительную власть» [104].

В проведении дальнейших рыночных преобразований в этих условиях важно учитывать системную взаимозависимость экономики в целом и сельского хозяйства, а также отраслей АПК.

В этой многозвенной цепи, особенно применительно к аграрной экономике, исключительное значение приобретает гарантированная собственность (включая частную) — создание новой системы земельных отношений, полностью адекватных рыночной экономике.

Но частная акционерная и кооперативная собственность на землю предполагает наличие права её купли-продажи, аренды, залога. Это право существует почти во всех странах развитой рыночной экономики. Речь идёт об альтернативности хозяйствования на земле, о вариантах формирования земельного фонда, прежде всего, фермерских (крестьянских) хозяйств. Немалую часть земли они могут и арендовать, но не следует лишать их права купить желаемый участок земли. Однако на одном или даже десяти гектарах земли эффективное товарное хозяйство создать очень трудно. Даже для развития поливного овощеводства, садоводства, птицеводства или свиноводства на покупных кормах требуются большие стартовые капитальные вложения и собственный оборотный капитал.

Результаты. Возникла необходимость проведения земельной реформы и регулирования земельного рынка дифференцированно по регионам, земельного рынка. Не следует исключать

реального расширения прав субъектов Федерации, их законодательных и исполнительных органов в формировании и регулировании земельного рынка, исходя из местных условий, поскольку установление сверху единообразия в аграрных преобразованиях никогда не давало желаемого результата. А.В. Чаянов писал: «Вопросы землепользования — это вопрос местный» [16].

Преодоление механического уравнильного подхода к формированию рынка земли и замена его дифференцированным по субъектам Федерации экономическим регулированием в рамках общих принципов земельного реформирования могут стать заметным шагом на пути становления нового качества земельных отношений.

Он включает, кроме организационной структуры управления земельными ресурсами в центре и на местах, мониторинг и нормативно-правовое регулирование хозяйственных (в т. ч. рыночных) операций с землёй, охрану земельных ресурсов, экономическое стимулирование рационального землепользования. Последнее нуждается в приоритетном совершенствовании. Выход, на наш взгляд, видится во введении ограничительных мер, замене купли-продажи строгой целевой арендой земли с правом арендатора на её залог под долгосрочную ссуду. Аренда, к тому же, может стать надёжным источником устойчивого дохода земельных собственников (арендодателей). Надо резко ограничить и отвод земельных участков под частную застройку и дачные участки в пригородных зонах крупных городов. Нужны различные варианты становления и развития земельного рынка с учётом региональных условий в рамках общих принципов и под контролем центральных и местных государственных органов.

**Выводы.** Земля фактически вовлечена в экономический оборот, в стране сформировался и функционирует земельный рынок. Единственным ограничением земельного оборота является особый режим владения, использования и распоряжения землями целевого назначения, к которым в первую очередь относятся сельскохозяйственные угодья.

В области земельных отношений предстоит экономически реализовать право владения землёй. Для этого надо ликвидировать имеющиеся противоречия между собственниками земельных долей и коллективными предприятиями, обеспечить формирование рыночного оборота земли, с постепенным вовлечением в оборот всех земель.

На данном этапе развития в Республике Дагестан необходимо ограничить перераспределение земли и её вовлечение в рыночный оборот, в противном случае земля будет изыматься из сельскохозяйственного пользования, что приведёт к тяжёлым социальным и экономическим последствиям.

Развитие рыночных отношений в республике сдерживается отсутствием надлежащей правовой базы, из-за чего слабо развиты спрос и предложение сельскохозяйственных земель.

Для повышения эффективности использования земли в этих условиях можно предложить государственную поддержку мелких производителей, целевую продажу земли под сельскохозяйственное производство в ограниченных пределах по доступным ценам и под контролем государства, сдачу земельного фонда местных администраций в аренду личным подсобным хозяйствам.

#### *Литература*

1. Буздалов, И. Н., Крылатых, Э. Н., Никонов, А. А. и др. *Аграрные отношения : теория, историческая практика, перспективы развития : монография.* — М. : РАН, 1993. С.11.
2. Буздалов, И. Н. *Правовые отношения между арендаторами и собственниками земли / И. Буздалов // АПК : экономика, управление. 1998. № 6. С. 36–43.*
3. Варламов, А. *Развитие земельных отношений в России / А. Варламов, С. Гальченко // Аграрная реформа. Экономика и право. 2002. №3. С.17–22.*
4. Варламов, А. А. *Государственное регулирование земельных отношений / А.А. Варламов, Н.В. Комов, В.С. Шаманов, В.Н. Хлыстун.* — М. : Колос, 2000. С. 264.
5. Волович, Н. В. *Земельная политика в промышленно развитых странах / Н. Волович // Экономист. 2002. № 9. С. 81–87.*
6. Волков, С. Н. *Особенности планирования и организации рационального использования земель в зарубежных странах/ С.Н. Волков, Н.И. Иванов // Землеустройство и земельный кадастр : сб. науч. тр. / Гос. ун-т по землеустройству. — М., 2004. С.117–127.*
7. Иванов, П. М. *Землевладение : от рабства к свободе (политэкономические аспекты).* — Изд-во КБНЦ РАН, 2006. С. 28.
8. Комов, Н. В. *Российская модель землепользования и землеустройства.* — М. : Ин-т оценки природных ресурсов, 2001. С. 623.

9. Малыш, М. Н. *Аграрная экономика* / М.Н. Малыш, П.В. Смекалов, А.Г. Трофимов. — СПб., 2012. С. 688.
10. Милосердов, В. В. *Экономические интересы и отношения*. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ГСХА, 2006. С. 92.
11. Носов, С. И. *Землеустройство сельскохозяйственных предприятий на агроэкологической основе* / С.И. Носов. — М., 2000. С. 20.
12. Раевский, С. В. *Инвестиционная активность в регионе* / С.В. Раевский. — М. : Экономика, 2006. С. 159.
13. *Право и инвестиции*. 2012. № 3–4. С. 27–28.
14. Плотников, В. *Земля России — национальное богатство* / В. Плотников // *Экономика сельского хозяйства России*. 2002. № 2. С. 5.
15. *Статистический сборник Министерства сельского хозяйства и продовольствия*. — Махачкала, 2016.
16. Чаянов, А. В. *Избранные произведения*. — М. : Московский рабочий, 1989. С. 21.
17. Шагайда, Н. И. *Формирование землепользования сельскохозяйственных организаций* / Н. Шагайда // *Аграрная реформа. Экономика и право*. 2003. № 1. С. 1–4.
18. Шакиров, Ф. К. *Организация сельскохозяйственного производства* ; под ред. Шакирова Ф.К. — М. : Колос, 2000. С. 504.
19. Шаманаев, В. С. *Эффективность использования земли в условиях индустриализации сельского хозяйства*. — М. : Колос, 1979. С. 59.
20. Anderson A. Anderson G (eds.) *Gateway to the global economics.-Moscow: Phases.-2001*
21. Dowries, J., Goodman, J. E., *Dictionary of Finance and Investment times*. — New-York : Barrons, 1991. P. 396.
22. *Cluster specialization patterns and innovation styles*. — Den Haag, 1998. P. 5.
23. Storper, M. *The Reginal Word : Territorial Development in a Global Economy*. — New York : Guilford, 1997. P. 45.

#### References:

1. Buzdalov, I. N., Winged, E. N., Nikonov, A. A. etc. *Agrarian relations : theory, historical practice, prospects*. — М. : Russian Academy of Sciences., 1993. P.11.
2. Buzdalov, I. N. *The legal relationship between tenants and land owners/ I. Buzdalov // AIC : Economics, management*. 1998. No. 6. P. 36–43.
3. Varlamov, A. *Development of land relations in Russia /A. Varlamov S. Galchenko // Agrarian reform. Economy and law*. 2002. No. 3. P. 17–22.
4. Varlamov, A. A. *State regulation of land relations / A. A. Varlamov N. V., Komov, V. S. Shamanaev, V. N. Hlystun*. — М. : Kolos, 2000. P. 264.
5. Volovich, N. V. *Land policy in industrialized countries / N. Volovich // The Economist*. 2002. No. 9. P. 81–87.
6. Volkov, S. N. *Features and the rational use of land in foreign countries/ S. N. Volkov, N. A. Ivanov // the land management and land cadaster : SB. nauch. Tr. / GOV't. the University of land*. — М., 2004. P. 117–127.
7. Ivanov, P. M. *Tenure : from slavery to freedom (political and economic aspects)*. — Publisher KBSC Russian Academy of Sciences, 2006. P. 28.
8. Komov, N. V. *The Russian model of land use and land management*. — М. : Institute of evaluation of natural resources, 2001. P. 623.
9. Baby, M. N. *Agricultural Economics / M. N. Baby, P. V. Smekalov, A. G. Trofimov*. — SPb., 2012. P. 688.
10. Mercy, V. V. *Economic interests and relations*. — Yekaterinburg : Publishing house Ural. State agricultural Academy, 2006. P. 92.
11. Noses, S. I. *Land management of agricultural enterprises on the basis of agro-ecological / S. I. Nosov*. — М., 2000. P. 20.
12. Raevsky, S. V. *In the region Investment activity / S. V. Raevsky*. — М. : Economics, 2006. P. 159.
13. *Law and investments*. 2012. No. 3–4. P. 27–28.
14. Carpenters, V. *The land is national wealth / V. Plotnikov // Economics of agriculture of Russia*. 2002. No. 2. P. 5.
15. *Statistical compendium of the Ministry of agriculture and food*. — Makhachkala, 2016.
16. Chayanov, A. V. *The Selected Works*. — М. : Moscow worker, 1989. P. 21.
17. Shagaida, N. I. *The formation of land use of agricultural organizations / N. Shagaida // Agrarian reform. Law and Economics*. 2003. No.1. P. 1–4.
18. Shakirov? F. K. *Organization of agricultural production* ; ed. by F. K. Shakirov. — М. : Kolos, 2000. P. 504.
19. Shamanaev, V. S. *The efficiency of land use in conditions of industrialization of agriculture*. — М. : Kolos, 1979. P. 59.
20. Anderson, A., Anderson, G. (eds.) *Gateway to the global economy*. — М. : Stages, 2001.
21. Dowry J., Goodman, G. E. *Dictionary of Finance and time investment*. — New York : Barrons, 1991. P. 396.
22. *The model of specialization of the cluster and innovative styles*. — Den Haag, 1998. P. 5.
23. Storper, M. *On Reginal Word : Territorial development in a global economy*. — New York : Guilford, 1997. P. 45.

УДК 338.3

**АСРИЯНЦ КАРИНЕ ГЕННАДЬЕВНА**

к.э.н., доцент, доцент кафедры «Государственного и муниципального управления» ФГОБУ ВО «Дагестанский государственный университет», e-mail: divikas@mail.ru

**БАГАВУДИНОВА КАЛИМАТ БАГАВУДИНОВНА**

магистр направления «Государственное и муниципальное управление» ФГОБУ ВО «Дагестанский государственный университет», e-mail: kalya.b@mail.ru

## ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ЦЕЛЕВЫХ ПРОГРАММ РАЗВИТИЯ АПК РЕГИОНА

**Аннотация. Цель работы.** Целью настоящей работы является разработка методических подходов к оценке эффективности реализации целевых программ развития АПК региона. **Метод или методология проведения работы.** Основой исследования являются фундаментальные труды отечественных и зарубежных учёных по формированию стратегии развития аграрного сектора АПК на уровне АПК региона. **Результаты.** Предложены методические подходы к оценке эффективности реализации целевых программ развития сельского хозяйства с использованием совокупности интегральных показателей технологической, экономической и социальной эффективности. Это позволит оценить влияние целевых программ, а также реализуемых в их рамках инвестиционных проектов, эффективность развития АПК региона. **Область применения результатов.** Результаты проведенного исследования могут быть использованы в процессе разработки конкретных предложений, связанных с научным обоснованием формирования и реализации системы стратегического управления в АПК на региональном уровне. **Выводы.** Делается вывод, что выбор критерия должен исходить, в первую очередь, из сущности АПК региона и фиксировать конечные цели реализации программ, что, в свою очередь, дает возможность определить целесообразность их разработки и принимаемых решений и создает предпосылки для выработки показателей комплексной оценки эффективности последствий реализации целевых программ, а показатели эффективности должны отражать содержание процесса воспроизводства и, соответственно, кругооборота капитала и состоять из групп, характеризующих наличие ресурсов, их использование в процессе производства, получаемую продукцию, ее распределение, обмен и потребление. В этом случае обеспечивается целостность системы показателей, учитывающей взаимосвязи исследуемого объекта и отражающей элементы и стадии процесса производства.

**Ключевые слова:** агропромышленный комплекс, целевые программы развития, регион, сельское хозяйство, стратегия, социально-экономическое развитие.

**ASRIYANTS KARINE GENNADIEVNA**

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of "State and Municipal Management" of FSEBI of HE "Dagestan State University", e-mail: divikas@mail.ru

**BAGAVUDINOVA KALIMAT BAGAVUDINOVNA**

Master of the School of "State and Municipal Management" of FSEBI of HE "Dagestan State University", e-mail: kalya.b@mail.ru

## EVALUATION OF EFFICIENCY OF IMPLEMENTATION OF TARGET DEVELOPMENT PROGRAMS OF THE REGIONAL AREA

**Abstract. The goal of the paper.** The goal of the present paper is the development of methodical approaches to the evaluation of effectiveness of implementation of target programs of development of the AIC of the region. **The method or methodology of performing the work.** The basis of the study is the fundamental research of domestic and foreign scientists on forming the strategy of development of the agrarian sector of the AIC at the level of the AIC of the region. **The results.** Methodical approaches to the evaluation of effectiveness of implementation of target programs of development of agriculture were suggested with the use of the aggregate of integral

*indicators of the technological, economical and social effectiveness. This will allow to evaluate the impact of target programs as well as those investment projects implemented within their context, effectiveness of development of the AIC of the region. **The area of application of the results.** The results of the study performed may be used in the process of development of specific suggestions connected with a scientific substantiation of the formation and implementation of the system of strategic management in the AIC at the regional level. **Conclusions.** A conclusion is made that the choice of the criterion has to be initiated, first and foremost, from the substance of the AIC of the region and has to record the final goals of the implementation of programs which, in turn, gives an opportunity to determine the practicability of their development as well as of the decisions made, and creates prerequisites for developing indicators of a complex evaluation of effectiveness of consequences of implementing target programs, and the indicators of effectiveness have to reflect the content of the process of reproduction and, correspondingly, of capital turnover, and be made of the groups that characterize the existence of the resources, their use in the process of production, the products that are made, their distribution, exchange and consumption. In this case the integrity of the system of indicators is provided for. The system of indicators takes into account the interconnection of the site being researched, and reflects the elements and stages of the process of production.*

**Keywords:** *the agro-industrial complex, target programs of development, a region, agriculture, a strategy, social-economic development.*

---

**Введение.** Агропромышленный комплекс играет существенную роль в территориально-отраслевой структуре экономики региона, что определяется необходимостью обеспечения его долгосрочной продовольственной независимости, базовой позицией АПК в национальной экономике, многофункциональностью сельской местности и технологической специфичностью сельского хозяйства, которое является определяющим и регулирующим звеном всех отраслей и сфер воспроизводственного процесса в АПК. Несмотря на большой объем исследований по рассматриваемой проблематике, по-прежнему малоизученными остаются вопросы, связанные с использованием целевых программ для эффективного управления процессами развития сельского хозяйства самодостаточного региона

**Методы исследования.** Реализация целевой программы развития АПК региона должна осуществляться по ряду взаимосвязанных комплексов, в рамках которых координируются и финансируются однородные мероприятия различных участников. Главным содержанием программы является совокупность инвестиционных проектов и социальных мероприятий (относящихся ко всем основным задачам социально-экономического развития), выполнение которых обеспечивает реализацию целевой программы в целом.

Любые программы, в первую очередь, оцениваются по их эффективности, которая напрямую зависит от управления. Под эффективностью целевых программ следует понимать прямую экономическую эффективность (выгодность) решения поставленных задач на основе реализации включенных в нее подпрограмм и мероприятий. Вследствие этого возможно определить, насколько предложенный вариант экономически выгоднее имеющихся альтернативных вариантов достижения цели.

Однако, как показал анализ отечественной литературы, определенная методика такой оценки эффективности отсутствует. Это можно объяснить тем, что реализация целевой программы (инвестиционного проекта) в регионе затрагивает различные области деятельности субъектов, и влияние отдельных факторов различных видов эффективности для них не одинаково. Кроме того, для субъектов различных уровней исследуемые виды эффективности имеют неодинаковое значение: для предприятий важна экономическая эффективность, для органов государственного управления — бюджетная и (или) социальная эффективность.

Расчет эффективности реализации мероприятий отличается назначением (целью), видом основного оценочного показателя, базой сравнения, степенью детализации расчетов, количеством и точностью исходных данных, методами их определения. Но для начала определим основные понятия эффективности.

Эффективность — сложная экономическая категория, отражающая взаимодействие природных, организационных, экономических и социальных условий функционирования субъек-

та хозяйствования.

В лингвистических работах эффективность рассматривается как производное от понятия «эффективный», которое означает «дающий эффект, приводящий к нужным результатам, действенный» (от латинского слова — производительный). На практике термин «эффективность» употребляется как некоторая мера, количественная характеристика чего или кого-нибудь с точки зрения достигнутого результата, а очень часто и в связи с понесёнными затратами [1, с. 158]. В этом смысле эффективность можно рассматривать как показатель использования различного рода ресурсов, что и определяет сущность производства.

Под эффективностью производства принято понимать экономическую категорию, отражающую широкий комплекс условий функционирования производительных сил и производственных отношений, в совокупности обеспечивающих процесс расширенного воспроизводства, без которого невозможно какое-либо поступательное развитие.

Применительно к сельскому хозяйству указанная категория отражает степень рационального использования земли и других ресурсов, необходимых для организации сельскохозяйственного производства, и в конечном итоге сводится к обеспечению условий расширенного воспроизводства продукции, трудовых ресурсов, природной среды, производственных отношений [7, 9, 10, 11, 20].

Ресурсы обладают главным отличительным свойством — ограниченностью, поэтому их следует использовать наиболее эффективно. В связи с этим, с экономической точки зрения, к определению категории эффективности уместно подойти со стороны поиска связей между эффективностью использования отдельных видов экономических ресурсов в частности, и, как следствие — эффективностью всего производства в целом. Показатели эффективности использования ресурсов проявляются в показателях результативности производства и могут быть представлены как в натуральном, так и в стоимостном выражении.

Основой определения эффективности сельскохозяйственного производства является процесс воспроизводства, содержание которого может быть представлено стадиями кругооборота капитала: первая — денежная (подготовка и создание условий производства); вторая — производительная (производство продукции); третья — товарная (реализация продукции).

При характеристике конечного результата следует различать понятие эффект и экономическая эффективность. Эффект подразумевает результат проводимых в сельском хозяйстве мероприятий<sup>1</sup>. Однако полученный эффект не дает представления о выгоде применения удобрений. Это указывает на недостаточность информации для оценки целесообразности проведения тех или иных мероприятий. Более полный ответ на этот вопрос дает показатель экономической эффективности, когда сравниваются результаты производства с затратами материально-денежных средств [12, с. 46].

В настоящее время широко распространено мнение, согласно которому для более глубокого изучения экономической категории эффективности её разделяют на несколько взаимодополняющих видов, вместе составляющих единое целое. Это основано на том, что система сельскохозяйственного воспроизводства представляет собой комплекс технологической, экономической, институциональной, социальной, экологической и организационной подсистем. Каждая стадия воспроизводственного процесса имеет функциональное назначение, цель. Степень её достижения определяет эффективность функционирования как выявление уровня влияния на производственный процесс в отраслях АПК.

Результативность производственной деятельности проявляется в её продукте. Показатели выхода сельскохозяйственной продукции в натуральном выражении на единицу ресурсов, используемых в сельскохозяйственном производстве, определяют его технологическую эффективность и характеризуют степень освоения субъектами системы ведения сельского хозяйства.

Экономическая эффективность отражает производственные отношения и показывает конечный полный эффект от применения средств производства и живого труда, другими словами, отдачу совокупных вложений, т. е. получение максимального количества продукции с площади при наименьших затратах живого и овеществлённого труда [12, с. 57].

Под социальной эффективностью следует понимать уровень жизни работников субъектов

<sup>1</sup> Например, эффект от применения удобрений выражается в виде прибавки урожая.

хозяйствования. Способность к труду, продаваемая как экономический ресурс, приносит работнику материальную компенсацию — заработную плату, которая на каждой территории различна и, главное, недостаточно высока. Уровень розничных цен на основные виды продовольствия, коммунальные услуги и т. д. поглощают подавляющую часть совокупного дохода населения. Таким образом, отношение среднемесячной оплаты труда в сельскохозяйственном производстве к среднемесячной оплате труда в экономике территории наиболее полно отражает уровень жизни работников сельскохозяйственного производства.

Размер доли выручки от реализации собственной сельскохозяйственной продукции в общей сумме выручки от продажи продукции, товаров, работ, услуг определяет наличие институциональной эффективности по совокупности субъектов сельскохозяйственного производства территории.

Сущность оценки эффективности реализации целевых программ в АПК заключается в формировании комплекса условий для обеспечения расширенного воспроизводства, позволяющего отрасли не только удовлетворять запросы общества, но и гармонично развиваться на основе действия устойчивых организационно-экономических, правовых, социально-нравственных и экологических связей и отношений. Важное место среди всех уровней управления производством занимает региональный, особенностью которого является то, что сельскохозяйственное производство региона представляет собой лишь часть социально-территориальной общности, т. е. совокупности сельского населения, природного и материально-вещественного потенциала определенной территории. Но от этой части, находящейся в центре самой социально-территориальной общности, и от её функционирования зависит не только производство продукции, но и воспроизводство всей социально-территориальной системы в целом.

В условиях централизованной экономики был разработан ряд методик расчета экономической эффективности управленческих решений, которые в настоящее время не являются оптимальными. Это вызвано тем, что меры по повышению эффективности управления зачастую были направлены на непосредственное регулирование, а не на улучшение общих и частных свойств системы, косвенным образом связанных с экономическими показателями [2, с. 89]. Кроме того, в рыночных условиях влияние совершенствуемых показателей всего регионально-производственного комплекса АПК на производственную деятельность объектов, участвующих в реализации программы или являющихся объектами вложения инвестиционных ресурсов, далеко не однозначно и не всегда поддается точной количественной оценке.

Определение экономической эффективности от конкретного мероприятия экономической политики региона по отношению к предприятиям АПК является наиболее уязвимым моментом, что связано с тремя причинами:

- сложностью достоверной оценки относительной влияния различных мероприятий экономической политики на конкретный показатель экономической эффективности;
- трудностью объективной оценки степени влияния на экономические показатели;
- различностью влияния мероприятий экономической политики в зависимости от социально-экономической ситуации, политических взглядов региональных властей и т. п.

Поэтому, учитывая всё вышесказанное, можно согласиться с В.М. Серовым [18], что методика оценки эффективности реализации целевых программ или инвестиционных проектов должна включать любое количество оцениваемых объектов и факторов, проводить оценку эффективности любого вида (экономическую, технологическую, социальную) и на любом уровне (область, район, предприятие) и выявлять суммарный эффект всех факторов, влияющих на эффективность.

Одним из центральных вопросов оценки реализации программы для регионального АПК является определение эффективности её последствий, а также выбора критерия эффективности<sup>2</sup>, выступающего основой для разработки стратегических и тактических направлений развития агропромышленного производства в регионе.

Общее определение критерия эффективности использования отдельных производительных ресурсов в АПК можно выразить в следующей формулировке: максимизация производственного результата при минимуме затрат ресурсов. Вместе с тем для оценки эффективности агропромышленного производства в целом данный критерий использовать нецелесообразно, так

<sup>2</sup> В целях обеспечения базы для взаимной увязки и согласованности системы показателей.

как он не дает возможности определить степень использования имеющихся в хозяйстве производственных ресурсов в совокупности из-за несоизмеримости всех факторов производства.

В аграрной экономической литературе предлагаются различные методические подходы к установлению критерия эффективности [3, 4, 5, 8, 13, 14, 15, 16, 17, 19]. В частности, некоторые ученые предлагают считать в качестве критерия эффективности повышение производительности труда хозяйствующих субъектов АПК и отдельных сельских территорий в целом, другие определяют его как максимум выхода продукции с единицы земельной площади при минимуме затрат труда и средств, третьи — увязывают критерий с приростом прибыли или чистого дохода.

Имеется множество различных взглядов на критерий эффективности агропромышленного производства в целом. Отдельные ученые-экономисты предлагают использовать в качестве критерия соотношение фактически достигнутого нормативного результатов, рассчитываемых с помощью корреляционно-регрессионного метода. Данный подход позволяет оценить результативность экономической деятельности производственных коллективов, руководителя и специалистов хозяйствующего субъекта АПК. Вместе с тем данный метод не позволяет в полной мере определить экономическую эффективность использования ресурсного потенциала: размер прибыли на один рубль затрат (ресурсов), объем достаточных (или недостаточных) средств у производственного объекта для осуществления воспроизводственных процессов и материального стимулирования работников.

Некоторые экономисты придерживаются мнения, что критерий эффективности сельскохозяйственного производства характеризуется отношением валовой продукции к затратам живого и овеществленного труда, другие выделяют в качестве критерия экономической эффективности отношение объема произведенной чистой продукции (валового дохода) к затратам основного и овеществленного труда, максимизацию прибыли на единицу затрат капитала (ресурсов) при высоком уровне качества труда и обеспечении конкурентоспособности продукции и т. п.

Многие экономисты-аграрники считают, что обобщенную оценку деятельности хозяйствующих субъектов АПК обеспечивает соотношение прибыли с производственными затратами, что в последующем находит своё выражение в обобщающем показателе — уровне рентабельности. Данная позиция чётко изложена в трудах Г.И. Макина, который считает, что «критерием экономической эффективности агропромышленного производства в рыночных условиях является прибыль, хотя в абсолютном отношении она не отражает в достаточной степени эффективность деятельности предприятия» [15, с. 64]. Основным обобщающим показателем, по его мнению, следует считать рентабельность, в которой отражается как объём прибыли, так и уровень затрат на производство продукции.

С.А. Константинов уточняет критерий эффективности сельскохозяйственного производства в АПК и формулирует его как «...максимизация прибыли в расчете на единицу сельскохозяйственных угодий при минимуме издержек» [13, с. 83]. Автор обосновывает свою позицию тем, что в условиях конкурентной экономики каждый хозяйствующий субъект АПК стремится получить максимум прибыли. Максимизация прибыли всеми товаропроизводителями приводит к максимизации общей ценности продукции на уровне макроэкономики, которую можно получить при имеющихся ресурсах, что приведёт к росту эффективности всей экономики.

В данном определении критерия эффективности производства отражается основная цель функционирования сельскохозяйственного производственного объекта в условиях рынка: максимизация прибыли в расчете на единицу земельной площади. Поскольку размер землепользования относится к величинам, сравнительно постоянным, увеличение абсолютного размера прибыли должно сопровождаться ростом названного соотношения, т. е. повышением эффективности производства.

Рассмотренный подход к определению критерия эффективности даёт возможность руководителям и специалистам предприятий (организаций) АПК чётко видеть цель функционирования субъекта производственно-хозяйственной деятельности и способы её достижения; определить оптимальный, обеспечивающий максимальный объём прибыли и объём производства различных видов продукции.

Рассматривая критерий эффективности регионального АПК с позиций современных требо-

ваний функционирования рыночной экономики, необходимо исходить из следующих методических положений [6]:

- критерий должен отражать, наряду с производственно-экономическими, ряд социальных и экологических аспектов;
- характеризовать главные признаки и принципы оценки эффективности и стимулировать условия для её повышения;
- максимально полно раскрывать содержание исследуемой категории;
- выражать цели функционирования АПК как целостной системы и основные пути их достижения.

Таким образом, выбор критерия должен исходить, в первую очередь, из сущности агропромышленного комплекса региона и фиксировать конечные цели реализации программ, что, в свою очередь, даёт возможность определить целесообразность их разработки и принимаемых решений и создаёт предпосылки для выработки показателей комплексной оценки эффективности последствий реализации целевых программ.

Экономические показатели, используемые при оценке влияния проводимых мероприятий в ходе реализации целевой программы развития региона на эффективность функционирования агропромышленного комплекса, должны давать ответы, по крайней мере, на такие вопросы, как изменение функционирования регионального АПК в отношении удовлетворения требований, предъявляемых к нему со стороны общества по производству тех или иных видов продукции; повышение эффективности производства отдельных видов продукции и агропромышленного комплекса в целом.

При разработке системы экономических показателей необходимо соблюдать определенные требования, среди которых наиболее важными и значимыми являются следующие [17, с. 45]:

- показатели должны позволять осуществлять оценку эффективности АПК как системы и отражать конечные результаты;
- раскрывать содержание критерия эффективности;
- быть пригодными для использования на различных уровнях управления АПК (обладать сквозной сопоставимостью и сводимостью);
- позволять проводить сравнительную оценку эффективности региональных АПК, расположенных в идентичных природно-климатических и экономических условиях;
- основываться на точной и достоверной статистической информации;
- отражать существо и специфические особенности отдельных сфер АПК;
- максимально точно характеризовать степень влияния отдельных факторов, определяющих эффективность АПК региона;
- ориентировать каждую структурно-составную часть комплекса на достижение высокого уровня эффективности хозяйствования.

Исходя из принципов системного подхода, показатели эффективности должны отражать содержание процесса воспроизводства и, соответственно, кругооборота капитала и состоять из групп, характеризующих: наличие ресурсов, их использование в процессе производства, получаемую продукцию, её распределение, обмен и потребление. В этом случае обеспечивается целостность системы показателей, учитывающей взаимосвязи исследуемого объекта и отражающей элементы и стадии процесса производства.

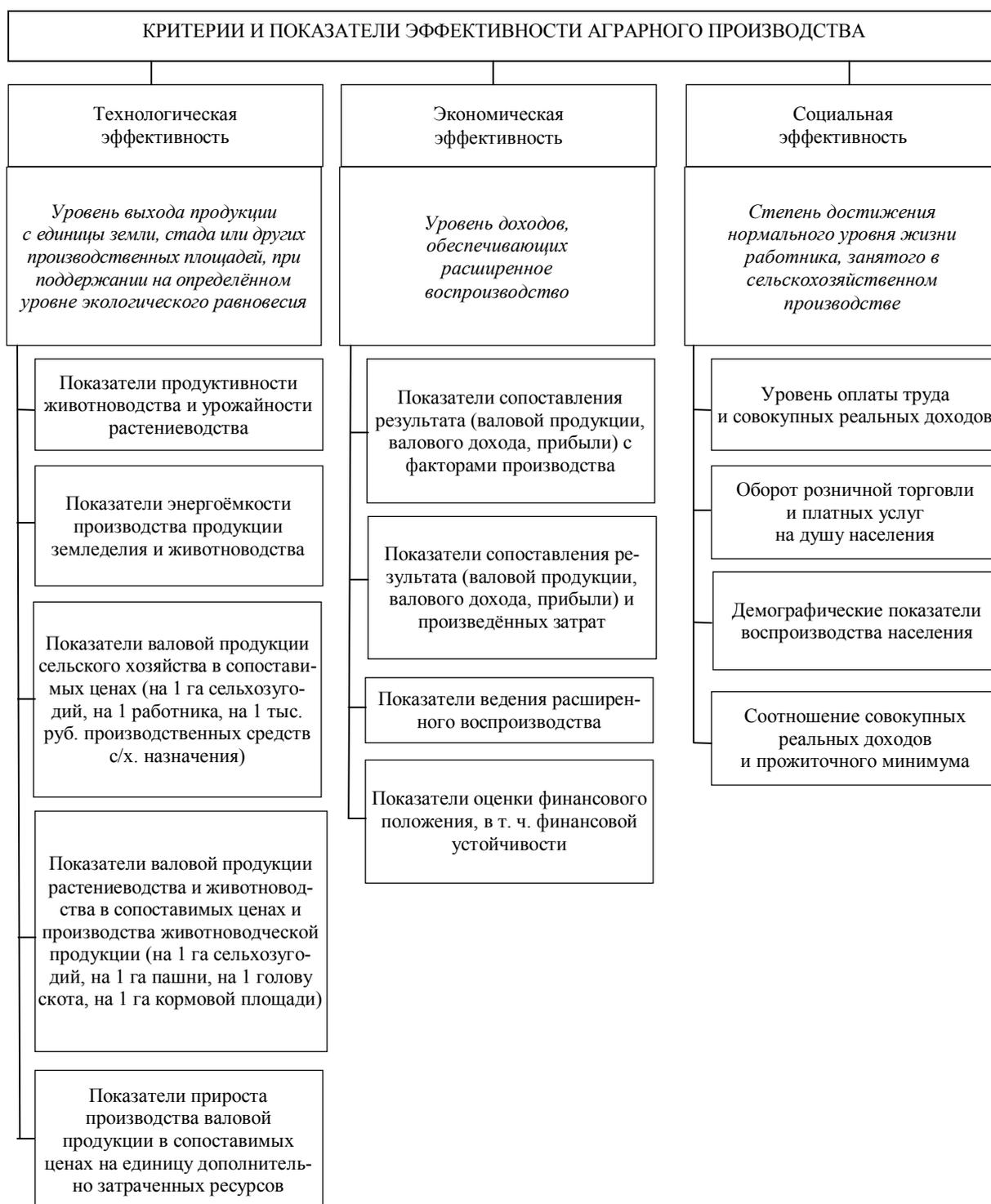
Используя требования системного подхода, показатели экономической эффективности производства могут быть представлены в виде двух взаимосвязанных частей: частных показателей эффективности, которые характеризуют определённые стороны процесса производства, использование отдельных видов ресурсов (затрат) и обобщённого показателя экономической эффективности производства, на формирование которого оказывают влияние частные показатели системы.

Так как в настоящее время одни и те же показатели применяются и для оценки эффективности использования ресурсов, и для производства продукции и работы предприятия в целом, то приведённая классификация видов эффективности (рис.) позволяет более обоснованно подойти к выделению соответствующих групп показателей.

Технологические показатели используются для оценки эффективности элементов систем земледелия и животноводства. По отдельным сельскохозяйственным культурам и видам скота

(птицы) обобщающим показателем технологической эффективности является соответственно урожайность и продуктивность. Для определения технологической эффективности в целом используются показатели стоимости валовой продукции сельского хозяйства в сопоставимых ценах на 1 га сельскохозяйственных угодий (условной пашни), одного среднегодового работника, на 1 тыс. руб. производственных средств сельхоз назначения.

Для определения экономической эффективности отдельной культуры или вида скота (птицы) целесообразно использовать показатели валового дохода и прибыли на 1 га посева, голову скота (птицы), позволяющие осуществлять сравнительный анализ эффективности производства продукции.



**Рис.** Система критериев и показателей эффективности аграрного производства

Следовательно, экономическую эффективность можно определить, применяя показатели стоимости валовой продукции в фактических ценах, валовой доход, прибыль в расчете на 1 га сельскохозяйственных угодий (условная пашня), на одного среднегодового работника, на 1 тыс. руб. производственных средств сельскохозяйственного назначения.

В результате развития рыночных отношений, самофинансирования, в процессе определения экономической эффективности сельскохозяйственного производства значительно возрастает роль показателей, которые характеризуют финансовое положение товаропроизводителя (финансовую устойчивость, платежеспособность).

В системе показателей, для того чтобы оценить социальную эффективность, следует выделить ряд показателей, состоящих из: уровня совокупных доходов, оплаты труда, а также демографических показателей воспроизводства населения, соотношения рождаемости и смертности. Здесь также необходимо провести анализ соотношения реальных совокупных доходов и размера (стоимости по складывающимся ценам) потребительской корзины, оборота розничной торговли и платных услуг на душу населения, фактического уровня потребления различной продукции и т. д.

Указанные виды эффективности характеризуются соответствующими критериями. Критерием технологической эффективности сельскохозяйственного производства является степень освоения системы ведения сельского хозяйства; экономической эффективности — получение таких финансовых результатов хозяйственной деятельности, которые позволяют обеспечить расширенное воспроизводство; институциональной эффективности — степень соответствия деятельности сельскохозяйственных предприятий действующим законодательным нормам, месту в экономике; социальной эффективности — степень достижения нормативного уровня жизни работников, занятых в сельскохозяйственном производстве.

Анализ и оценку реализации региональных целевых программ необходимо производить ежегодно. Если целевая программа в регионе успешно реализована, то появляются возможности, для того чтобы:

- укрепить продовольственную безопасность за счет преодоления кризисного развития сельского хозяйства и других отраслей АПК региона;
- увеличить объемы производства продукции сельского хозяйства и других отраслей АПК как на региональном, так и, в конечном итоге, на федеральном уровне;
- совершенствовать законодательство, отражающего проблемы развития агропродовольственной сферы региона;
- обеспечить последующее устойчивое сбалансированное развитие экономики и социальной сферы региона;
- создать условия, для того чтобы улучшить демографическую ситуацию и реализовать эффективную миграционную политику в сельской местности, снизить социальную напряженность в аграрном секторе путем увеличения количества новых рабочих мест, а также устойчивого и самостоятельного развития всех сельских территориальных образований, находящихся в границах воздействия программно-целевых мероприятий;
- обеспечить устойчивую динамику роста платежей в бюджеты всех уровней (федерального, областного и местного).

**Результаты.** Предложены методические подходы к оценке эффективности реализации целевых программ развития сельского хозяйства с использованием совокупности интегральных показателей технологической, экономической и социальной эффективности. Это позволит дать оценку влияния целевых программ, а также того, какое влияние имеют реализуемые в их рамках инвестиционные проекты, эффективности развития АПК региона.

**Выводы:** выбор критерия должен исходить, в первую очередь, из сущности АПК региона и фиксировать конечные цели реализации программ, что, в свою очередь, дает возможность определить целесообразность их разработки и принимаемых решений и создает предпосылки для выработки показателей комплексной оценки эффективности последствий реализации целевых программ, а показатели эффективности должны отражать содержание процесса воспроизводства и, соответственно, кругооборота капитала и состоять из групп, характеризующих наличие ресурсов, их использование в процессе производства, получаемую продукцию, её распределение, обмен и потребление. В этом случае обеспечивается целостность системы показа-

телей, учитывающей взаимосвязи исследуемого объекта и отражающей элементы и стадии процесса производства.

#### Литература

1. Адамеску, А. А., Гранберг, А. Г., Штульберг, Б. М. Проблемы развития экономики регионов. Системные проблемы России. Путь в XXI век : Стратегия. Проблемы. Перспективы развития российской экономики. — М. : Экономика, 1999.
2. Азгальдов, Г. Г. Об учёте категории качества при вычислении сравнительной эффективности объектов / Г.Г. Азгальдов, Т.Н. Береза // Экономика и математические методы. 1996. Т. 32. Вып. 3.
3. Гасанов, М. А. Производственная инфраструктура и эффективность АПК региона / Гасанов М.А., Курбанов К.К., Омаров А.З. // Экономика сельского хозяйства России. 2009. № 6. С. 57–66.
4. Гасанова, А. Д. Построение эффективной системы стратегического планирования в аграрном секторе экономики / А.Д. Гасанова, Э.М. Эминова // Апробация. 2014. № 12 (27). С. 27–30.
5. Гасанова, А. Д. Программно-целевой подход к стратегическому планированию АПК региона / А.Д. Гасанова, Э.М. Эминова // Региональные проблемы преобразования экономики. 2015. №11. С. 40–48.
6. Гончаров, Е. А. Формирование инвестиционных программ в регионе / Е.А.Гончаров // Экономическое создание в регионе : проблемы и механизмы реализации : сб. материалов межрегионального конференции молодых ученых. — Орел : ОРГАГС, 2002.
7. Дохолян, С. В. Инновационные подходы к повышению эффективности использования ресурсного потенциала агропромышленного комплекса / С.В. Дохолян, Ю.Д. Умавов // Проблемы развития АПК региона. 2011. Т. 8. № 4. С. 73–81.
8. Дохолян, С. В. Методологические аспекты формирования стратегии развития агропромышленного комплекса / С.В. Дохолян, Ю.Д. Умавов // Научное обозрение. Сер. 1. Экономика и право. 2012. № 6. С. 192–197.
9. Дохолян, С. В. Повышение эффективности использования ресурсного потенциала аграрного сектора АПК с учётом этноэкономической составляющей региона / С.В. Дохолян, Ю.Д. Умавов // Финансовая экономика. 2012. № 6. С. 105–109.
10. Дохолян, С. В. Развитие ресурсного потенциала агропромышленного комплекса в системе регионального воспроизводства / С.В. Дохолян, Ю.Д. Умавов // Региональные проблемы преобразования экономики. 2011. № 4. С. 135–159.
11. Дохолян, С. В. Ресурсный потенциал аграрной сферы региона / С.В. Дохолян, Ю.Д. Умавов // Экономика и предпринимательство. 2012. № 1. С. 37–45.
12. Коваленко, Е. Г. Региональная экономика и управление : учеб. пособие. — СПб. : Питер, 2005.
13. Константинов, В. Финансовый лизинг в аграрном секторе / В. Константинов, С. Цымбаленко, Г. Цымбаленко // Сельское хозяйство России. 1999. № 8. С. 6.
14. Курбанов, К. К. Стратегическое управление производством на сельскохозяйственных предприятиях АПК региона // К.К. Курбанов, Р. К. Казалиев / Дагестанский науч. центр РАН; Ин-т социально-экономических исслед.; Российская акад. с.-х. наук; Дагестанский науч.-исследовательский ин-т сельского хоз-ва. — Махачкала, 2010.
15. Макин, Г. И. Применение программно-целевого управления в АПК / Г.И. Макин // Экономика сельского хозяйства. 1991. № 1.
16. Петросянци, В. З. Системная организация эффективной деятельности регионального АПК / Петросянци В.З., Курбанов К.К., Абдуллаева И.М. // Региональные проблемы преобразования экономики. 2007. № 1. С. 51–55.
17. Попов, И. Г., Тамбовцев, В. Л., Фонов, А. Г. Некоторые вопросы программно-целевого планирования / И.Г. Попов, В.Л. Тамбовцев, А.Г. Фонов. — М. : Экономика, 1980.
18. Серов, В. М. Трансформация форм и методов управления развитием регионального АПК (Опыт Орловской области : теория и практика). — М. : Агри-Пресс, 2005.
19. Эминова, Э. М. Программно-целевой подход к стратегическому планированию АПК региона / Э.М. Эминова, А.Д. Гасанова // Региональные проблемы преобразования экономики. 2015. № 11. С. 40–49.
20. Юнусова, П. С. Инновационное развитие АПК как инструмент мобилизации ресурсного потенциала / П.С. Юнусова // Региональные проблемы преобразования экономики. 2013. № 3 (37). С. 170–173.

#### References:

1. Adamesku A. A., Granberg, A. G., Stulberg, B. M. problems of development of regional economy. Systemic problems of Russia. The way to XXI century : Strategy. Problems. Prospects of development of the Russian economy. — Moscow : Economy, 1999.
2. Azgaldov, G. G. On accounting quality category when calculating comparative asset performance / G. G. Azgaldov, tn. Birch // Economics and mathematical methods. 1996. Vol. 32. Vol. 3.
3. Gasanov, M. A. Production infrastructure and the effectiveness of agribusiness in the region / Gasanov M. A., Kurbanov K. K., Omarov Z. A. // Economics of agriculture of Russia. 2009. No. 6. P. 57-66.
4. Gasanov, A. D. building an effective system of strategic planning in the agricultural sector / A. D. Hasanov, E. M. Eminova // Testing. 2014. No. 12 (27). S. 27-30.
5. Gasanov, A. D. program and target approach to strategic planning and agribusiness in the region / A. D. Gasanov, E. M. Eminova // Regional problems of transformation of the economy. 2015. No. 11. P.40-48.
6. Goncharov, E. A. Formation of the investment programs in the region / E. A. Goncharov // the Economic establishment in the region : problems and mechanisms of implementation : proceedings of the interregional conference of young scientists. — Eagle : ORGAHS, 2002.

7. Dokholyan, S. V. *Innovative approaches to increase of efficiency of use of resource potential of agro-industrial complex* / S. V. Dokholyan, Y. D. Umavov // *problems of development of agribusiness in the region*. 2011. Vol. 8. No. 4. P. 73-81.
8. Dokholyan, S. V. *Methodological aspects of formation of strategy of development of agroindustrial complex* / S. V. Dokholyan, Y. D. Umavov // *Scientific review. Ser. 1. Law and Economics*. 2012. No. 6. P. 192-197.
9. Dokholyan, S. V. *improving the efficiency of use of resource potential of agrarian sector of AIC given to economically component of the region* / S. V. Dokholyan, Y. D. Umavov // *Financial economy*. 2012. No. 6. S. 105-109.
10. Dokholyan, S. V. *development of the resource potential of agro-industrial complex in the system of regional reproduction* / S. V. Dokholyan, Y. D. Umavov // *Regional problems of transformation of the economy*. 2011. No. 4. P. 135-159.
11. Dokholyan, S. V. *Resource potential of the agrarian sphere of the region* / S. V. Dokholyan, Y. D. Umavov // *Economics and entrepreneurship*. 2012. No. 1. S. 37-45.
12. Kovalenko, E. G. *Regional economy and management : textbook. allowance. — SPb. : Peter, 2005*.
13. Konstantinov, V. *Financial leasing in the agricultural sector* / V. Konstantinov, S. Tsymbalenko, Tsymbalenko // *agricultural Russia*. 1999. No. 8. P.6.
14. Kurbanov, K. K. *Strategic management of production in agricultural enterprises of the agroindustrial complex of the region* K. Kurbanov, R. K. Cazalieu / *Dagestan scientific. center of RAS, Institute of socio-economic research.; Russian Acad. of agricultural Sciences; Dagestan scientific.-research Institute of agricultural households Islands. — Makhachkala, 2010*.
15. Makin, G. I. *Application of program-target management in agriculture* / G. I. makin // *Economics of agriculture*. 1991. No. 1.
16. Petrosyants V. Z. *System performance management of regional agriculture* / Petrosyants V. Z., Kurbanov K. K., Abdullayev I. M. // *Regional problems of transformation of the economy*. 2007. No. 1. S. 51-55.
17. Popov, G. I., Tambovtsev, V. L., Fonotov, A. G. *Some questions of program planning* / I. G. Popov, V. L. Tambovtsev, A. G. Fonotov. — M. : Economy, 1980.
18. Serov, V. M. *Transformation of forms and methods of management of development of regional agro-industrial complex (Orel region Experience : theory and practice)*. — M. : Agri-Press, 2005.
19. Eminova, E. M. *targeted approach to strategic planning and agribusiness in the region* / E. M. Eminova, A. D. Gasanov // *Regional problems of transformation of the economy*. 2015. No. 11. P. 40-49.
20. Yunusova, S. P. *Innovative development of agriculture as a tool of mobilization of resource potential* / P. S. Yunusova // *Regional problems of transformation of the economy*. 2013. No. 3 (37). P. 170-173.

УДК 338.43

**АРСЛАНОВ ШАМИЛЬ ДЖАВАДОВИЧ**

к.э.н., старший научный сотрудник ФГБУН  
«Институт социально-экономических исследований ДНЦ РАН»,  
e-mail: ars\_dgu@mail.ru

**НИНАЛАЛОВА ЛЕЙЛА ГАДЖИКУРБАНОВНА**

младший научный сотрудник ФГБУН  
«Институт социально-экономических исследований ДНЦ РАН»,  
e-mail: leylashka-n@mail.ru

## ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ И РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

**Аннотация.** *Цель исследования* заключается в определении направлений развития государственной поддержки и развития сельского хозяйства на основе опыта создания и функционирования комплекса мер государственной поддержки сельскохозяйственной сферы экономически развитых стран. **Метод или методология проведения работы.** Методологическую основу исследования составили фундаментальные методы научного познания, включая принципы диалектического единства качественной и количественной оценки. Для достижения цели исследования были использованы методы системного, ситуационного, функционально-статистического анализа, экспертных оценок, а также формализованные и неформализованные аналитические процедуры: научная абстракция, метод аналогий и сравнение. Применение перечисленных методов позволило получить определенные результаты, которые заключаются в выявлении основных направлений поддержки сельскохозяйственной сферы и сельхозпроизводителей в экономически развитых странах. Предложены пути повышения мотивации труда жителей сельских поселений и территорий, позволяющие решить указанные проблемы в сельском хозяйстве. Определена необходимость внедрения и использования тех форм и методов государственной поддержки, которые максимально интегрированы с рыночными механизмами. **Область применения результатов.** Полученные результаты позволят улучшить и повысить эффективность государственной политики по поддержке и развитию сельского хозяйства и смежных отраслей АПК. **Выводы.** Проведенное исследование позволило нам сделать следующие выводы. Если рассматривать западную систему организации сельского хозяйства в целом, то можно прийти к выводу, что наиболее адекватной и актуальной формой организации сельскохозяйственного производства на сегодняшний день выступает интенсивное и высокотехнологичное (высокомеханизированное) фермерское производство, основанное на семейных связях. Анализируя современные научные подходы, огромный мировой опыт последних нескольких десятилетий и тенденции современного развития сельского хозяйства, можно констатировать переход от прямых инструментов регулирования и поддержки экономики в сельском хозяйстве к косвенным. Такой переход позволяет сформировать высокоэффективную политику защиты как национального сельхозпроизводителя, так всех видов внутреннего производства, вопреки процессам развития всемирной глобализации.

**Ключевые слова:** сельское хозяйство, зарубежный опыт, государственная поддержка, АПК.

---

**ARSLANOV SHAMIL DZHAVADOVICH**

Candidate of Economic Sciences, Senior Research Associate of FSBIS  
“Institute of Social-Economic Studies of DSC of the RAS”,  
e-mail: ars\_dgu@mail.ru

**NINALALOVA LEILA GAJIKURBANOVNA**

Junior Research Associate of FSBIS  
“Institute of Social-Economic Studies of DSC of the RAS”,  
e-mail: leylashka-n@mail.ru

## POLICY OF STATE SUPPORT AND DEVELOPMENT OF AGRICULTURE: FOREIGN EXPERIENCE

**Abstract.** *The goal of the study* is in determining the focus areas of development of the state support and development of agriculture based on the experience of creating and functioning of a complex of measures of state support of the agricultural sphere of economically developed countries. **The method or methodology of performing work.** The methodological basis of the study were fundamental methods of scientific cognition including the principles of dialectic unity of the qualitative and quantitative evaluation. In order to achieve the goal of the study, methods used were those of systemic, situational, functional-statistical analysis, expert evaluation, as well as formalized and non-formalized analytical procedures: scientific abstraction, method of analogies and comparison. Application of the listed methods allowed to get certain results that were in finding the main areas of focus of supporting the agricultural field and agricultural producers in the economically developed countries. The ways of improving motivation for work of residents of agricultural settlements and territories allowing to solve the specified problems in agriculture are suggested. The need has been determined of implementing and using those forms and methods of governmental support that are integrated with market mechanisms to the maximum. **The area of using the results.** The results obtained will allow to improve and increase the effectiveness of the governmental policy of support and development of agriculture and the associated industries of the AIC. **The conclusions.** The study performed allowed us to come to the following conclusions: If we discuss the Western system of organization of agriculture overall, we can come to the conclusion that the most adequate and relevant form of organization of agricultural production as of today, is the intensive and high tech (highly mechanized) farmer production based on family connections. Analyzing the modern scientific approaches, the great international experience of the recent several dozens of years and the tendencies of the modern development of agriculture, we can acknowledge the existence of a transition from direct instruments of regulation and support of the economy in agriculture towards the indirect ones. This transition allows to form a highly effective policy of protection both of the national agricultural producer, and all of the types of domestic production against the processes of the worldwide globalization.

**Keywords:** agriculture, international experience, governmental support, the AIC

---

**Введение.** В современных условиях развития процессов глобализации и в то же время усиления межгосударственной конкуренции одним из главных и приоритетных направлений экономической политики любого государства выступает государственное регулирование и поддержка сельского хозяйства. Политика поддержки и развития сельского хозяйства как фактора государственной безопасности включает в первую очередь законодательное регулирование, обеспечивающее закрепление механизмов, направленных на выработку эффективных программ, позволяющих обеспечить устойчивое и сбалансированное развитие как отраслей сельскохозяйственного производства, так и всех смежных сфер реализации агробизнеса, включая развитие сельских поселений и территорий.

Насколько разнообразен современный мир, настолько же разнообразны и механизмы государственного регулирования сельскохозяйственной отрасли, которые основаны на бесчисленном многообразии реализуемых экономических и финансовых инструментов. Сами инструменты механизма государственной поддержки сельского хозяйства отличаются своим многообразием и в то же время имеют много общего во многих странах, при этом, опять-таки, разнясь по масштабам и своеобразию форм и методов их применения. Все эти различия вытекают из географических и национальных особенностей формирования и развития сельского хозяйства, уровня развития производительных сил, конкурентных преимуществ страны на мировом сельскохозяйственном рынке и множества других объективных и субъективных факторов [2,4,6,7,14].

К примеру, механизмы государственного регулирования и поддержки большинства стран Европейского Союза включают в себя [12,17,18,19,20]:

- 1) формирование и контроль за регулированием рыночной цены сельхозпродукции, направ-

ленной на обеспечение рентабельности сельскохозяйственного производства;

2) финансовую поддержку при условии предварительной определенности целевого назначения субсидий;

3) финансовую поддержку при условии определенности посевных площадей;

4) систему контроля выполнения и систему штрафов при неисполнении сельхозпроизводителями установленных правил и экологических требований по организации и ведению сельскохозяйственного производства.

Помимо рассмотренных форм и методов государственной поддержки сельскохозяйственных производств, основываясь на мировом опыте, необходимо внедрять и использовать те формы и методы государственной поддержки, которые максимально интегрированы с рыночными механизмами [1,3,5,8]. К таким механизмам можно отнести амортизационную политику, механизмы реализации лизинга в сельском хозяйстве в совокупности с льготным кредитованием, механизмы обеспечения страхования рисков с привлечением коммерческих структур, жесткое регулирование и пресечение лоббирования при распределении компенсаций и дотаций в отношении определенных групп сельхозпроизводителей, в частности, необходимо использование жесткого государственного регулирования при распределении государственных инвестиций. Все перечисленные меры поддержки сельхозпроизводителей, основанные на мировом опыте развития сельского хозяйства, будут способствовать гармоничному и эффективному развитию сельского хозяйства.

**Методы исследования.** Во многих штатах американского государства важная роль в развитии сельского хозяйства принадлежит федеральному центру, то есть государству, и регулируется в рамках государственной экономической политики. Экономическая политика США направлена на поддержку и создание максимально благоприятных условий для интенсификации своего сельского хозяйства, создания развитой социальной и производственной инфраструктуры на территориях, включенных в агробизнес. Существенное внимание уделено правовой регламентации и регулированию инвестиционных процессов в сельскохозяйственной сфере и смежных отраслях АПК. Такое регулирование проявляется посредством реализации государственных программ регулирования цен на сельхозпродукцию и доходы, организацию общенациональной системы стандартов в сельскохозяйственном производстве и формирование государственной инспекции. При этом государство прямо участвует и в формировании внутреннего спроса на продовольственные товары и сырье, и в поддержке экспорта сельскохозяйственной продукции. Реализуя политику эффективного развития сельского хозяйства и смежных сфер АПК, государство реализует и политику социальной защиты своих граждан, посредством удержания цен на сельскохозяйственную продукцию и сырьё [9,13,15].

Учитывая всё вышеизложенное, огромный интерес для сельского хозяйства России представляет опыт создания и функционирования комплекса мер государственной поддержки сельскохозяйственной сферы США. Особое внимание необходимо уделить тем её перспективным направлениям, которые позволят улучшить отечественную практику государственной поддержки сельского хозяйства.

Ключевыми направлениями реализации сельскохозяйственной политики США выступают: рост производства высококачественной сельхозпродукции, усиление поддержки занятых в сельском хозяйстве страны, как на внутри страны, так и за ее пределами, посредством регулирования цен на продовольствие. Основываясь на государственной политике поддержки сельского хозяйства, Министерство сельского хозяйства США разработало и внедрило программу поддержки национального сельского хозяйства, основы которой составили следующие ключевые направления [12,15]:

1. Обеспечение увеличения конкурентоспособности сельскохозяйственной продукции, производимой на территории США, на международных рынках сельхозпродукции.

2. Увеличение конкурентоспособности сельхозпродукции внутри страны и увеличение доходности сельскохозяйственного производства.

3. Поддержка экономических механизмов развития сельских поселений и обеспечение достойного уровня и качества жизни сельского населения.

4. Создание системы обеспечения безопасности в сфере национального сельскохозяйственного производства.

5. Создание систем по улучшению качества питания населения.

6. Создание систем по обеспечению защиты национальных природных ресурсов и окружающей среды.

Если рассматривать западную систему организации сельского хозяйства в целом, то можно прийти к выводу, что наиболее адекватной и актуальной формой организации сельскохозяйственного производства на сегодняшний день выступает интенсивное и высокотехнологичное (высокомеханизованное) фермерское производство, основанное на семейных связях. Такая организация сельского хозяйства сложилась в ходе многих аграрных реформ и преобразований, к примеру: сельское хозяйство Японии и Европы претерпело уход от крестьянского уклада к фермерству, которое основывалось на росте товарности, механизации сельскохозяйственного производства, повышении интенсивности производства.

Семейно-фермерский тип организации сельского хозяйства предполагает высокую экономическую эффективность, достижение которой возможно лишь за счет интеграции смежных функций, выходящих за пределы полного цикла агротехнологического процесса. Такая интеграция функций позволяет развиваться кооперативам, корпорациям и государственно-частному партнерству в сфере сельскохозяйственного бизнеса.

Столь превалирующее положение фермерских хозяйств не может в то же время исключить существование более мелких сельскохозяйственных и агропромышленных фирм. Наличие столь широкого спектра хозяйств и фирм, занятых в сельском хозяйстве, позволяет решать проблемы децентрализации принятия решений и создания комплекса структур по реализации функций, находящихся далеко за пределами полного цикла производства сельскохозяйственной продукции.

Анализируя современные научные подходы к мировым тенденциям развития сельского хозяйства, можно выделить косвенные механизмы государственной поддержки инвестирования сельского хозяйства. Так, кредитование фермеров осуществляется на уровне государственного регулирования. Специальные программы кредитования, разработанные и принятые во многих экономически развитых странах, направлены на обеспечение устойчивости финансового положения фермеров. Такие программы предусматривают создание центральной системы кредитования фермерских хозяйств, с привлечением частных банков и иных кредитных структур [10,11,12,16].

К примеру, в Германии используется финансово-кредитный механизм, направленный на стимуляцию развития специализированного производства. В Австрии реализованы два вида кредитования на льготной основе: аграрный инвестиционный кредит и специальный сельскохозяйственный кредит. Во Франции реализована система льготных ссуд, которые направляются на улучшение организации хозяйства, включая его модернизацию, развитие животноводства и растениеводства [12,15].

Основная роль в привлечении иностранных инвестиций также принадлежит государству. Инвестиционная политика практически всех экономически развитых стран за последние десятилетия переориентировалась на отмену большинства ограничений по привлечению иностранного капитала в национальное сельское хозяйство и акцентировала свое внимание на создании благоприятных условий для иностранных инвесторов (табл.).

Основная роль в привлечении иностранных инвестиций также принадлежит государству. Инвестиционная политика практически всех развитых стран за последние десятилетия переориентировалась на отмену большинства ограничений по привлечению иностранного капитала в национальное сельское хозяйство и акцентировала свое внимание на создании благоприятных условий для иностранных инвесторов.

Такая политика проявилась в законодательном закреплении гарантий иностранным инвесторам, которые обеспечивают защиту капиталовложений, режим наибольшего благоприятствования, равный подход, а также свободный перевод прибылей, репатриацию капитала и справедливое разрешение споров.

С учетом всего вышеизложенного можно констатировать, что сегодня в теории и хозяйственной деятельности назрела объективная необходимость разработки наиболее оптимальных форм и видов соотношений государственного регулирования экономики и ее важнейших отраслей.

**Политика и основные направления развития инвестиционной деятельности в экономически развитых странах**

Страна	Ограничения на осуществление инвестиц. деятельности	Инструменты регулирования
<b>США</b>	Режим взаимного предоставления прав — компании с иностранным участием не имеют права владеть нефтепроводами, угольными шахтами, если в стране их происхождения подобные права не предоставлены американским компаниям. Ограничения на добычу полезных ископаемых. Ограничения на деятельность компаний с иностранными инвестициями в авиационном, водном транспорте, сфере коммуникаций, банковской и страховой сфере	Предоставляются на уровне штатов налоговые льготы: понижение ставки налогообложения, ускоренная амортизация, стандартные и постатейные вычеты, налоговый кредит, отсрочка уплаты налоговых платежей. Зоны свободной торговли. Льготные кредиты.
<b>Германия</b>	Ограничения могут быть использованы в целях предотвращения неблагоприятного воздействия на национальный рынок ссудного капитала. Ограничения на действия иностранных инвесторов в пищевой, медицинской, фармацевтической, добывающей промышленности, авиационном и морском транспорте.	Программы кредитования малого и среднего бизнеса. Программы содействия и финансовой помощи компаниям, работающим в депрессивных районах. Предоставление льготных ссуд. Налоговые льготы.
<b>Франция</b>	Любая инвестиционная деятельность подлежит декларированию в Министерстве экономики, финансов и бюджета. Ограничения на осуществление капитальных вложений в сфере здравоохранения, общественной безопасности, производства и торговли оружием	Субсидии, составляющие до 25% стоимости капитальных вложений в земельные участки, здания или оборудование. Льготные займы. Применение методов ускоренной амортизации. Налоговые льготы (налоговый кредит, освобождение от налога, освобождение от подоходного налога юридических лиц).
<b>Япония</b>	Ограничения на импорт капитала. Система кейрецу (ФПГ), нацеленная на интересы внутри группы. Система кросс-холдинга.	Льготное долгосрочное (свыше 20 лет) кредитование приоритетных отраслей промышленности на основе заявок.

**Результаты.**

1. На основе исследования мер и форм поддержки сельского хозяйства в экономически развитых странах установлено, что зарубежный опыт создания и функционирования комплекса мер государственной поддержки сельского хозяйства представляет интерес для России, особенно те её перспективные направления, которые позволят улучшить отечественную практику государственной поддержки сельского хозяйства.

2. Установлены тенденции развития политики государственной поддержки сельского хозяйства в экономически развитых странах в совокупности с закономерностями развития государственной поддержки развития привлечения иностранных инвестиционных ресурсов.

**Выводы.** Если рассматривать западную систему организации сельского хозяйства в целом, то можно прийти к выводу, что наиболее адекватной и актуальной формой организации сельскохозяйственного производства на сегодняшний день выступает интенсивное и высокотехнологичное (высокомеханизированное) фермерское производство, основанное на семейных связях.

Огромный мировой опыт последних нескольких десятилетий свидетельствует о том, что экономически развитые страны переходят от прямых инструментов регулирования экономики

к косвенным. Такой переход позволяет сформировать высокоэффективную политику защиты как национального сельхозпроизводителя, так всех видов внутреннего производства, вопреки процессам развития всемирной глобализации.

#### Литература

1. Алиев, О. М. З., Курбанов, К. К. Маркетинг в управлении сбытом продукции аграрного и промышленного комплекса // *Вопросы структуризации экономики*. 2005. № 3. С. 59–61.
2. Арсланов, Ш. Д. Современные проблемы инвестиционного развития сельскохозяйственной отрасли // *Региональные проблемы преобразования экономики*. 2016. № 5. С. 58–62.
3. Арсланов, Ш. Д., Рамазанова, Д. Р. Поддержка инфраструктуры деятельности некоммерческих организаций : зарубежный опыт // *Фундаментальные исследования*. 2015. № 11-1. С. 121–126.
4. Арсланова, Х. Д. Формирование благоприятной предпринимательской среды в аспекте преодоления административных барьеров // *Региональные проблемы преобразования экономики*. 2014. № 5 (43). С. 117–120.
5. Арсланова, Х. Д. Проблемы устойчивого развития экономики // *Мир на Северном Кавказе через языки, образование, культуру : материалы V Международного конгресса*. Пятигорск, 2007. С. 53–55.
6. Арсланова, Х. Д. Проблемы качества государственного управления в кризисных регионах // *Современные тенденции в науке и образовании : сб. научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции : в 14 частях*. 2014. С. 10–11.
7. Арсланова, Х. Д. Задачи государственной системы управления в условиях социально-экономических преобразований // *Экономика современного общества : актуальные вопросы антикризисного развития : материалы IV международной научно-практической конференции*. 2014. С. 3–4.
8. Балянци, К. М. Особенности оценки эффективности информационных технологий в управленческой деятельности в АПК // *Региональные проблемы преобразования экономики*. 2016. № 1 (63). С. 38–43.
9. Дохолян, С. В., Дроздов, А. Г. Усиление взаимодействия государства и рынка как неотъемлемое направление концепции антикризисного управления // *Вопросы структуризации экономики*. 2001. № 6. С. 34–36.
10. Дохолян, С. В., Умавов, Ю. Д. Особенности формирования ресурсного потенциала аграрной экономики // *Научный обзор. Сер. I. Экономика и право*. 2010. № 3–4. С. 89–94.
11. Топсахалова, Ф. М.-Г. Особенности государственного регулирования аграрного сектора / Ф.М.-Г. Топсахалова, С.А. Хакунова // *Экономический вестник Ростовского государственного университета*. 2010. Т.8, 1 (часть 3). С.89–95.
12. Кулов, А. Р. Государственное регулирование инвестиционной деятельности в аграрной сфере экономики зарубежных стран / А.Р. Кулов, М.Э. Гуззитаева // *Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий*. 2011. № 7. С. 82–83.
13. Курбанов, К. К. Экономический механизм функционирования рынка плодоовощной продукции // *Наука и молодежь : сб. статей молодых ученых и аспирантов по гуманитарным проблемам*. — Махачкала, 2001. С. 185–188.
14. Курбанов, К. К. Обновление маркетинга продукции АПК в свете вступления России во Всемирную торговую организацию // *Вопросы структуризации экономики*. № 5. 2012. С. 35–37.
15. Папцов, А. Г. Стратегический план поддержки сельского хозяйства США / А.Г. Папцов, С.В. Козлова // *Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий*. 2009. № 6. С. 75–77.
16. Фролова, О. А. Развитие форм хозяйствования в многоукладной аграрной экономике : монография. — Княгинино, 2010.
17. Юнусова, П. С., Османова, З. М. Экономическая доступность продовольствия как условие повышения уровня и качества жизни населения // *Вопросы структуризации экономики*. 2008. С. 239–243.
18. Covin, J., Wales, W. The measurement of entrepreneurial orientation // *Entrepreneurship Theory and Practice*. 2011. Vol. 35. No. 5. P. 1–26.
19. Dai, L., Maksimov, V., Gilbert, B. A., Fernhaber, S. A. Entrepreneurial orientation and international scope : the differential roles of innovativeness, proactiveness, and risk-taking // *Journal of Business Venturing*. 2014. Vol. 29. No. 4. P. 511–524.
20. Grande, J., Madsen, E., Borch, O. The relationship between resources, entrepreneurial orientation and performance in farm-based ventures // *Entrepreneurship & Regional Development*. 2011. Vol. 23. No. 3–4. P. 89–111.

#### References:

1. Aliyev, O. M. Z., Kurbanov, K. K. Marketing in management of sales of products of agrarian and industrial complex // *Questions of structurization of economy*. 2005. No. 3. P. 59–61.
2. Arslanov, Sh. D. Modern problems of investment development of agricultural industry // *Regional problems of transformation of economy*. 2016. No. 5. P. 58–62.
3. Arslanov, Sh. D., Ramazanov, D. R. Infrastructure support of non-profit organizations : foreign experience // *Basic researches*. 2015. No. 11-1. P. 121–126.
4. Arslanova, H. D. Forming of the favorable entrepreneurial environment in aspect of overcoming administrative barriers // *Regional problems of transformation of economy*. 2014. No. 5 (43). P. 117–120.
5. Arslanova, H. D. To a problem of sustainable development of economy // *The world in the North Caucasus through languages, education, culture : materials V of the International congress*. Pyatigorsk, 2007. P. 53–55.
6. Arslanova, H. D. Problems of quality of public administration in crisis regions // *Current trends in science and education : the collection of scientific works on materials of the International scientific and practical con-*

ference : in 14 parts. 2014. P. 10–11.

7. Arslanova, H. D. Tasks of the state management system in conditions it is social-economic transformations // *Economy of modern society : topical issues of anti-recessionary development : materials IV of the international scientific and practical conference*. 2014. P. 3–4.

8. Baliyants, K. M. Features of an efficiency evaluation of information technologies in a management activity in agrarian and industrial complex // *Regional problems of transformation of economy*. 2016. No. 1 (63). P. 38–43.

9. Dokholyan, S. V., Drozdov, A. G. Strengthening of interaction of the state and market as integral direction of the concept of crisis management // *Questions of structurization of economy*. 2001. No. 6. P. 34–36.

10. Dokholyan, S. V., Umavov, Yu. D. Features of forming of resource potential of agrarian economy // *Scientific review. Series 1: Economy and right*. 2010. No. 3–4. P. 89–94.

11. Topsakhalova, F. M.-G. Features of state regulation of agrarian sector / F.M.-G. Topsakhalova, S. A. Hakunov // *the Economic bulletin of the Rostov state university*. 2010. T. 8, 1 (Part 3). P. 89–95.

12. Kulov, A. R. State regulation of investing activities in the agrarian sphere of economy of foreign countries / A.R. Kulov, M. E. Guzzitayeva // *Economy of agricultural and processing enterprises*. 2011. No. 7. P. 82–83.

13. Kurbanov, K. K. Economic mechanism of functioning of the market of fruit and vegetable products // *Science and youth : the collection of articles of young scientists and graduate students on humanitarian problems*. — Makhachkala, 2001. P. 185–188.

14. Kurbanov, K. K. Updating of marketing of products of agrarian and industrial complex in the light of Russia's accession to the World Trade Organization // *Questions of structurization of economy*. 2012. No. 1. P. 35–37.

15. Paptsov, A. G. Strategic plan of support of agricultural industry of USA / A.G. Paptsov, S. V. Kozlova // *Economy of agricultural and processing enterprises*. 2009. No. 6. P. 75–77.

16. Frolova, O. A. Development of forms of managing in multistructure agrarian economy : monograph. — Knyaginino, 2010.

17. Yunusova, P. S., Osmanov, Z. M. Economic availability of food as condition of increase in level and quality of life of the population // *Questions of structurization of economy*. 2008. No. 2. P. 239–243.

18. Covin, J., Wales, W. The measurement of entrepreneurial orientation // *Entrepreneurship Theory and Practice*. 2011. Vol. 35. No. 5. P. 1–26.

19. Dai, L., Maksimov, V., Gilbert, B. A., Fernhaber, S. A. Entrepreneurial orientation and international scope : the differential roles of innovativeness, proactiveness, and risk-taking // *Journal of Business Venturing*. 2014. Vol. 29. No. 4. P. 511–524.

20. Grande, J., Madsen, E., Borch, O. The relationship between resources, entrepreneurial orientation and performance in farm-based ventures // *Entrepreneurship & Regional Development*. 2011. Vol. 23. No. 3–4. P. 89–111.

УДК 338.43

**МАГОМЕДХАНОВ МАГОМЕДХАН МАГОМЕДОВИЧ**  
д.и.н., заведующий отделом этнографии ФГБУН  
«Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН»,  
e-mail: mkhan@yandex.ru

**РАМАЗАНОВА ЗОЯ БУТТАЕВНА**  
д.и.н., ведущий научный сотрудник отдела этнографии ФГБУН  
«Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН», e-mail: zoya.ram@mail.ru

## ТРАНСФОРМАЦИЯ ТРАДИЦИЙ ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ В НАГОРНОМ ДАГЕСТАНЕ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЭФФЕКТ

**Аннотация. Цель работы.** В статье содержится описание трансформации традиций землепользования в Нагорном Дагестане в досоветский, советский и постсоветский периоды истории, подчеркнута актуальность использования потенциала народного опыта земледелия в целях решения социально-экономических проблем. **Метод.** В результате использования метода сравнительно-исторического анализа установлено, что устойчивость традиций землепользования объясняется не только разнообразием природно-географических зон, хозяйственно-культурных типов и комплексов, подобные которым обнаруживаются и в других горных регионах Кавказа, но и спецификой социальной структуры, первичную основу которой составляли джамааты — самоуправляемые сельские общины. **Результаты работы.** Во второй половине XIX начале XX века земельные отношения оставались традиционными. Царская администрация Дагестанской области осознавала значение местных традиционных порядков землепользования, находила в них много разумного и в целом не разрушала их. Сельская община являлась самодостаточной социально-экономической структурой, которой вплоть до установления советской власти удавалось регулировать земельные отношения в соответствии с собственным сдерживающим имущественное расслоение пониманием социальной справедливости. Жизнь вне своей сельской общины представлялась дагестанцам лишенной естественности бытия, свободы. Колхозно-совхозный строй коренным образом переломил экономические и социальные устои сельских общин. В результате решения проблемы земельной и демографической диспропорций между горными районами и равниной за счет масштабных переселений горцев на равнину более двухсот горных сел и хуторов, большое количество террасных полей, садов, сельскохозяйственных угодий оказались заброшенными. **Выводы.** Проекты по развитию горных территорий, административно-правовые и иные нововведения в практику землепользования должны основываться на научных экспертизах, актуализирующих не только экономическую целесообразность, но и социальные последствия, перспективы сохранения этнокультурной самобытности Дагестана. **Ключевые слова:** Дагестан, землевладение, землепользование, трансформация традиций, экономическая целесообразность, социальный эффект.

---

**MAGOMEDKHANOV MAGOMEDKHAN MAGOMEDOVICH**  
Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of Ethnography of FSBIS  
“Institute of History, Archeology and Ethnography of DSC of the RAS”,  
e-mail: mkhan@yandex.ru

**RAMAZANOVA ZOYA BUTTAEVNA**  
Doctor of Historical Sciences, Lead Research Associate of the Department of Ethnography of FSBIS  
“Institute of History, Archeology and Ethnography of DSC of the RAS”, e-mail: zoya.ram@mail.ru

## TRANSFORMATION OF LAND USE TRADITIONS IN NAGORNOY DAGESTAN: HISTORICAL EXPERIENCE AND SOCIO-ECONOMIC EFFECT

**Abstract. The goal of the study.** The manuscript contains a description of a transformation of traditions of land use in Nagorny Dagestan in pre-Soviet, Soviet and post-Soviet periods of histo-

ry, emphasizing the relevance of using the potential of public experience of arable farming in order to solve social-economic problems. **The method.** As a result of using the method of a comparative-historical analysis it has been established that the sustainability of traditions of land use is explained not only by the variety of natural-geographic zones, economic-cultural types and complexes that have counterparts found in other mountainous regions of the Caucasus, but also by the specific features of a social structure, the initial foundation of which was made up by jamaats - self-governing rural communities. **The results of the study.** In the second half of the 19th - beginning of the 20th century land relations stayed traditional. Tsar administration of the Dagestan Region realized the importance of local, traditional procedures of land use, found a lot of reasonability in them, and overall, did not destroy them. A rural community was a self-sufficient social-economic structure that up to the moment of establishment of the Soviet government managed to regulate land relations in accordance with their own restricting property-based differentiation understanding of social fairness. Life outside of their own rural community seemed for the residents of Dagestan to be deprived of the normalcy of living, freedom. A collective farm, state farm-based form of government cardinally reversed the economic and social standards of rural communities. As a result of solving the problem of land and demographic disproportions between the mountainous regions and the valley due to high scale resettlements of mountain dwellers in the direction of valley regions consisting of more than two hundred villages and farmsteads, a large number of terrace fields, orchards, arable areas became abandoned. **Conclusions.** Projects of development of mountainous territories, administrative-legal and other innovations in the practice of land use have to be based on scientific expertise updating not only the economic practicability, but also the social consequences, prospects of preserving the ethnic-cultural distinctive character of Dagestan.

**Keywords:** Dagestan, land ownership, land use, transformation of traditions, economic practicability, a social effect

**Введение.** Традиции землепользования, земельных отношений принято относить к базовым, определяющим особенности образа жизни общества факторам. Понимание землепользования как традиции, народного опыта освоения среды обитания, как трансформирующейся под влиянием различных факторов нормы позволяет вкладывать в известные правовые, экономические, агротехнические, географические, экологические и иные трактовки понятия «землепользование» новые смыслы, обнаруживать новые исследовательские перспективы.

Земледелие в Дагестане по своей интенсивности и технологическому совершенству академик Н. И. Вавилов относил к мировым достижениям в области хозяйственно-экономического освоения горных ландшафтов [4, с. 54].

Природные условия страны с ее тучными альпийскими пастбищами и плодоносными садами горных долин, с обширными зимними пастбищами на равнине и плодородными приморскими землями позволяли населению, численность которого в пределах исторических границ Дагестана, вероятно, никогда не превышала 3 миллионов человек, обеспечивать себе вполне достойную жизнь. Что касается живописаний о суровости условий жизни в горах и жарких долинах Дагестана, легенд, вроде той, что повествует о затерявшейся под буркой крохотной пашне горца, то все это уже в XIX веке стало приобретать смысл экономических и политических спекуляций.

**Традиции землепользования.** Сложившаяся в Дагестане система землевладения и землепользования содержала в себе позитивные с точки зрения социальной справедливости начала. Баланс интересов сельской общины (джамаата) и каждого гражданина обеспечивался равными правами совершеннолетнего и психически здорового члена общины на благоприобретение земельной собственности, на пользование сельскими (джамаатскими) земельными угодьями.

Сплочению сельского общества способствовало соблюдение принципа приоритета интересов джамаата над интересами частными, а также преимущественное право малоимущих и бедных на вспоможение за счет вакуфов и закята.

Сельские общины старались не допускать постороннего вмешательства в устоявшиеся у них порядки общественного быта, особенно в сферу землепользования. Порядки эти во второй половине XIX — начале XX века в сущностных своих характеристиках оставались традицион-

ными. И это обстоятельство приходилось учитывать правительству при принятии административных решений. Так, административное деление на сельские общества было осуществлено в пределах исконно принадлежавших им территорий; были созданы выборные сельские управления, суды по шариату и суды по адату, словесные суды и т. д. [3].

По заключению М. А. Агларова, территория джамаата до XIX века являлась сформировавшейся в юридическом смысле собственностью общины. Части общинных территорий (харимы) иногда сдавались в аренду малоземельным общинам, а доходы от этого распределялись между членами джамаата. Каждый член общины являлся совладельцем всей территории и одновременно собственником своей пахотной земли, сенокосов.

Им же обоснован тезис о том, что проблема перенаселенности Нагорного Дагестана в историческом прошлом решалась путем интенсивного ведения земледелия и скотоводства, специализации отраслей хозяйства, развития ремесел, торговли, т. е. практически всеми мыслимыми формами экономики доиндустриальной эпохи [2, с. 150].

При административно-территориальном делении Дагестана царская, а затем и советская власть все же вынуждена была считаться с исторически сложившимся размежеванием сельских общин. Подчеркнем, именно сельских общин, а не этносов. За исключением технологических новшеств, внедренных или освоенных главным образом в равнинных районах, порядок землепользования со времен царизма и вплоть до наших дней сохраняет в себе черты консерватизма и традиционности.

О том, как включение в орбиту российской государственности отразилось на традициях землепользования Дагестана, можно составить полное представление по материалам комиссий по поземельно-сословным отношениям [15]. Действовали эти комиссии более полувека (до 1917 года). Члены комиссии подробно (по округам, отдельным сельским обществам и даже фамилиям) фиксировали состояние земельно-сословных отношений на момент их записи, изучали документы, устные свидетельства, касающиеся землевладения и землепользования, зависимых отношений. Аналогичная работа в целях освещения классовой борьбы в дореволюционном Дагестане была продолжена и в советский период [11, 12, 16].

К концу XIX века основную часть населения Дагестана составляли сельские жители. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года показала, что в Дагестанской области городские сословия составляли менее 4 %, а дворянское сословие — 1,3 % [14, с. 12].

Из 119 923 хозяйств, зафиксированных переписью 1897 года в пределах Дагестанской области, только 3,09 % содержало прислугу. Среди русской части населения Дагестанской области лица дворянского сословия, чиновники и отнесенные к «почетным гражданам» составили 14,3 %, а доля грамотных — 53,9%. Аналогичные показатели по народам Дагестана равнялись 1,5 % и 7,7 % соответственно.

В городах проживало 44 607 человек, или 8,6 % от наличного (517 154 чел.) населения. Доля грамотных по области составила 9,2 %, в том числе в городах — 24,8 %. [14, с. 12–17]. На полумиллионное (517 154 чел.) в 1897 году население Дагестанской области всего 52 826 человек грамотных даже для того времени — показатель невысокий. Однако из анализа материалов той же переписи 1897 года следует, что среди мужчин-дагестанцев в возрасте от 20 до 60 лет примерно каждый четвертый был грамотным. Если принять во внимание и то, что в Дагестанской области на момент переписи 1897 года работало 116 человек с высшим, 182 — со средним специальным, 1401 — с общим средним, 5 — с высшим и 236 человек с средним военным образованием [14, с. 12–17], то картина состояния образования в крае предстает не очень мрачной.

По подсчетам Ш. Г. Магидова, в 1924 году в Дагестане было 2000 мусульманских школ, в которых обучалось 50 тысяч учащихся, и 151 светская школа с общим числом учащихся 10 721 человек [9, с. 92]. По сведениям Г. Ш. Каймаразова, на 1924/25 учебный год в Дагестане насчитывалось 211 светских школ с 16 783 учащимися [8, с. 190].

Приведенные выше сведения свидетельствуют о том, что советская власть, осуществляя в Дагестане культурную революцию, имела дело отнюдь не с бесписьменными народами и сплошной неграмотностью.

На основе анализа материалов переписи 1897 года, сельскохозяйственной переписи

1917 года, других статистических и архивных сведений Г. Г. Османов пришел к выводу о слабой социальной дифференциации населения Дагестана накануне революции. «Буржуазия как класс, как конкретная политическая сила, — писал он, — в конкретных условиях Дагестана стала складываться позднее пролетариата..., не имея достаточного опыта, капиталов и знаний, она вплоть до революции оставалась сравнительно слабой политической силой, ... представлена она была иностранной, русской и другой буржуазией» [11, с. 141].

По данным на 1913 год, в Дагестанской области к сословию помещиков принадлежало 0,7 % населения. Характерными для российских губерний поместьями «помещики» не владели. Хотя в их собственности находилось 28,1 % всей земельной площади Дагестанской области, это были в основном пастбища в равнинных районах [7, с. 220].

По заключению Г. Г. Османова: «Основным типом хозяйства и основным собственником средств производства в горном Дагестане накануне революции... было мелкое крестьянское хозяйство, имеющее от 25 до 100 овец, до двух голов рабочего скота и до 0,5 десятины земли». По его подсчетам, мелкие крестьянские хозяйства составляли 59,9 % всех хозяйств, «в их руках находилось 69,5 % крупного рогатого скота, 65,1 % всех овец и коз... на долю мелкокрестьянского уклада в горах приходилась... подавляющая часть всего населения и свыше 2/3 всего сельскохозяйственного производства» [11, с. 129–130]. На основе этих данных Г. Г. Османов пришел к выводу о преобладании в Дагестане «среднего класса», представленного главным образом узденями.

С установлением советской власти изменились экономические и политические основы социальной структуры общества.

Ликвидировав частную и общинную собственность на землю, советская власть, колхозно-совхозный строй коренным образом переломили экономические устои жизни и самоуправления сельских обществ [10]. Последствия коллективизации сельского хозяйства и «ликвидации кулачества как класса» для Дагестана с его преимущественно сельским населением хорошо известны. Тысячи семей были лишены имущества и права голоса, высланы за пределы родных сел или за пределы Дагестана. Неизбежные при колоссальном, охватившем шестую часть планеты социально-экономическом эксперименте моральные издержки, выразившиеся, в частности, в отношении к колхозной земле как к «ничейной», имели место и в Дагестане. Тем не менее дагестанцы, принужденные репрессиями смириться с потерей частных, «отцовских» земель, все же продолжали сохранять сознание и понимание вековечности территории своего джамаата.

**Этнические границы.** В досоветском Дагестане переселение из одной сельской общины в другую носило эпизодический характер и осуществлялось на условиях безусловного принятия новыми поселенцами порядков принимающей общины, иначе говоря, на условиях добровольной «натурализации» и ассимиляции второго-третьего поколения в новой среде.

«В Дагестане, — подчеркивает М. А. Агларов, — не было и не могло быть национальных или этнических границ, — их заменяла густая сеть границ территориальных владений сельских обществ, их союзов, феодальных образований, что составляло отдельную, жизненно важную реалию этнической, политической и правовой культуры... Были и, можно сказать, весьма часто, конфликты и даже военные столкновения между обществами за неприкосновенность их общинных территорий. Межэтнических войн или вооруженных столкновений история Дагестана не фиксирует. Если случался конфликт между двумя общинами, принадлежавшими разным этническим образованиям, он погашался обычными методами по праву и соглашениям, без заступничества «за своих» со стороны этносов» [1, с. 24–25].

Внедрение в общественное сознание советской концепции национальных отношений с ее известной абсолютизацией этнической территории как условия формирования и атрибута (компонента) «нации», восприятие таких категорий, как «наша земля», «чужая земля» и т. п., стало приобретать несколько иной, «этнополитический» оттенок. Тем не менее отмеченная М. А. Агларовым традиция решать земельные и иные споры безотносительно к этнической принадлежности вовлеченных в них сторон все же сохранилась. Благодаря посредничеству «нейтральных» общин (джамаатов) и авторитетных духовных лиц, правительству Дагестана до сих пор удается повернуть поземельные конфликты в обычное (не межэтническое) русло.

**Миграции.** До начала XX века основная масса населения Дагестана была расселена в сель-

ской местности, в пределах территорий «своих» сельских общин. XX век в демографической истории Дагестана отмечен принудительными и добровольными переселениями, которые существенно изменили этническую палитру географии Дагестана.

С первых лет установления советской власти в Дагестане началось вмешательство властных структур в естественный процесс миграции населения с гор на равнину. В 1923 году при Наркомземе ДАССР был создан переселенческий отдел, в компетенцию которого входило стимулирование «переселенческого движения», выделение с этой целью ссуд, земельных наделов и другие организационные вопросы.

С конца 1950-х до 1980-х годов в равнинные районы Дагестана было переселено более четверти миллиона человек, создано 75 новых населенных пунктов и примерно столько переселенческих кварталов возникло в целом ряде старых равнинных сел (Аксай, Костек, Муцалаул, Ботаурт, Чонтаул, Нечаевка, Покровское, Могилевское и др.).

В результате «регулирования» демографического и земельного дисбаланса между горными и равнинными районами путем форсированного переселения горцев на равнину власти Дагестана ожидали получить процветающую экономику и «интернационализацию общественной жизни». Наряду с экономическими последствиями такой политики республика получила неизбежные при столь масштабном демографическом эксперименте социально-экономические проблемы в горах и поземельные конфликты на равнине. Усугубило положение и то, что к 1980 году большая часть равнинных колхозов была преобразована в совхозы [6, с. 90]. Последние привлекали жителей экономически неблагополучных горных районов гарантированной заработной платой, перспективой получить более высокую, чем в колхозах пенсию, благоустроенностью совхозных поселков, наличием «городских» услуг, предоставлением временного жилья и т. д. Рабочие совхозов в отличие от колхозников не имели права (решением общего собрания) исключать кого-либо из своего коллектива или принимать в него «со стороны», а потому не могли влиять на рост народонаселения совхозных поселков за счет переселенцев.

Сегодня весь равнинный Дагестан — от Самура до Ставропольского края и Калмыкии — предстает перед нами как сплошная зона этнического смешения и эпизодических конфликтов, которые возникают в основном по двум причинам: из-за «несправедливого» распределения земельных участков между «первопоселенцами» и «переселенцами» или в связи с выдвигениями (назначениями) на руководящие должности. Трения и инциденты на этой почве широко освещаются в СМИ и научных публикациях как «межнациональные отношения» или «межэтнические конфликты», хотя корни последних лежат отнюдь не в этнической плоскости.

М.-З. О. Османов в своей монографии, посвященной закономерностям развития и трансформации, «вымывания традиционных форм» хозяйствования в Дагестане в советскую эпоху, отмечал, что колхозно-совхозный строй отлучил крестьянина от земельной собственности и тем самым отучил его от настоящего труда, вкладывания в этот труд души творчества, от здравого смысла, от умения самостоятельно организовать свое хозяйство, реализовать свои возможности. «В результате такая категория, как "трудолюбивый горец", стала весьма относительной, и сейчас трудно представить, что грандиозные террасы в горных долинах создавались еще сравнительно недавно предками нынешней молодежи. Крестьяне отвыкли от ручного труда, горцы забрасывают уголья. Кроме того, экономическая несоизмеримость производительности труда и, соответственно, стоимости местной и равнинно-городской рыночной продукции (например, зерна) также способствует сокращению собственного хозяйства, неприятию физического труда, упованию на заработки на стороне» [13, с. 210].

Дагестан — это светская республика. Закрепленные в Конституции базовые параметры светскости, равно как и социальная структура, образовательный и культурный уровень Дагестана, — все это вполне сопоставимо с социально продвинутыми регионами России. Современное дагестанское общество структурировано на гражданских, светских основаниях. Вместе с тем в сознании большей части дагестанцев, в том числе горожан, смыслы и значения территории «своих» сельских общин (джамаатов) остаются в целом традиционными. Так, например, в ряде сел Нагорного Дагестана сельхозкооперативы, крестьянские фермерские хозяйства стали существенным фактором социальной напряженности и вероятных конфликтов по той причине, что создавались и создаются они не на личных (в массе своей заброшенных) земель-

ных наделах, а на общинных (джаматских) землях (харимах).

**Выводы.** Социально-экономические катаклизмы новейшего времени, массовые переселения горцев на равнину, форсированное формирование городского населения [5, с. 247–259] радикально изменили экономическое и демографическое положение Дагестана.

Наблюдаемый в последние полтора века рост абсолютной численности сельского населения Дагестана создает иллюзии о неиссякаемом потенциале дагестанского села как демографического ресурса и хранителя традиционных компонентов культуры и быта. Между тем рост численности сельского населения Дагестана ведет не к его «гомогенизации», а к еще большему этническому смешению. Сегодня две трети населения Дагестана живут в городах и равнинных районах республики. Часть территории Предгорного Дагестана и весь Приморский Дагестан — от Самура до границ со Ставропольским краем и Республикой Калмыкия — предстает перед нами как сплошная зона смешения народов, языков, культур. Все это способствует интенсивной утрате родного языка не только в городах, но и в сельской местности, где обычно подобные процессы носят замедленный характер. В этих условиях горные территории пока еще играют ключевую роль в сохранении этноязыкового многообразия и культурной идентичности дагестанцев. Поэтому методы и механизмы развития горных территорий, особенно в такой общественно значимой сфере, как землепользование, актуально определять на основе междисциплинарных научных экспертиз, в которых учитываются не только экономические целесообразности, но и социальные последствия, перспективы сохранения этнокультурной самобытности Дагестана.

Вопреки перипетиям советского времени в народной памяти отложились сведения о границах территории «своего» села, джамаата, о том, когда и какой фамилии принадлежал тот или иной участок земли до коллективизации. И это обстоятельство служит серьезным предостережением от осуществления в Дагестане земельных реформ земли по неадаптированным к местной специфике моделям и схемам.

#### Литература

1. Агларов М. А. Исторические корни межэтнической толерантности в Дагестане // *Научный мир*. — 2007. № 2(4). — С. 24–25.
2. Агларов М. А. Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII — нач. XIX в. (Исследование взаимоотношения форм хозяйства, социальных структур и этноса). — М., 1988.
3. Агларов М. А., Магомедханов М. М. Из имперского опыта управления Кавказом // *Российский Кавказ: проблемы, поиски, решения*. — М., 2014.
4. Вавилов Н. И. Мировые очаги (центры происхождения) важнейших культурных растений // *Избранные труды*. — Т. 2., М.-Л. — 1960.
5. Ибрагимов М. Р. А., Магомедханов М. М. Этнодемографические аспекты формирования городского населения Дагестана (вторая половина XIX — начало XXI в.) // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История*. — 2009. — № 1.
6. Искендеров Г. А. История совхозного строительства в Дагестане (1920–1980 гг.). — М., 1982.
7. История Дагестана. Т. III. — М.: Вост. лит., 1968.
8. Каймаразов Г. Ш. Просвещение в дореволюционном Дагестане. Махачкала, 1989.
9. Магидов Ш. Г. Осуществление ленинской национально-языковой политики на Северном Кавказе. Махачкала, 1979. — С. 92.
10. Магомедханов М. М. Дагестанцы: вехи этносоциальной истории XIX–XX вв. Махачкала, 2008.
11. Османов Г. Г. Генезис капитализма в сельском хозяйстве Дагестана. М.: Наука, 1984.
12. Османов Г. Г. Социально-экономическое развитие дагестанского доколхозного аула. М., 1965.
13. Османов М.-З. О. Хозяйственно-культурные типы (ареалы) Дагестана в советскую эпоху. Закономерности развития и трансформации, вымывание традиционных форм. М.: Наука, 2002.
14. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Вып. 62. М., 1905. — С. 12.
15. Феодалные отношения в Дагестане XIX — начале XX в.: Архивные материалы. Сост. Х. М. Хашаев. М.: Наука, 1969.
16. Хашаев Х. М. Общественный строй Дагестана в XIX в. М., 1961.

#### References:

1. Aglarov M. A. Istoricheskie korni mezhetnicheskoy tolerantnosti v Dagestane // *Nauchnyj mir*. 2007. No. 2 (4).
2. Aglarov M. A. Sel'skaya obshchina v Nagornom Dagestane v XVII nach. XIX v. (Issledovanie vzaimootnosheniya form hozyajstva, social'nyh struktur i etnosa). M., 1988.
3. Aglarov M. A., Magomedkhanov M. M. Iz imperskogo opita upravleniya Kavkazom // *Rossijskij Kavkaz: problemy, poiski, resheniya*. M., 2014.
4. Feodal'nye otnosheniya v Dagestane XIX — nachale HKH v.: Arhivnye materialy. Sost. H.M. Hashaev. M.: Nauka, 1969.

5. Hashaev H.M. *Obshchestvennyj stroj Dagestana v XIX v. M., 1961.*
6. Ibragimov M. R. A., Magomedhanov M. M. *Etnodemograficheskie aspekty formirovaniya gorodskogo naseleniya Dagestana (vtoraya polovina XIX - nachalo XXI v.)// Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 2. Istoriya. 2009. No. 1.*
7. Iskenderov G. A. *Istoriya sovhoznogo stroitel'stva v Dagestane (1920–1980 g.). M., 1982.*
8. *Istoriya Dagestana. T.III. M.: Vost. lit., 1968.*
9. Kaymarazov G. SH. *Prosveshchenie v dorevolucionnom Dagestane. Mahachkala, 1989.*
10. Magidov SH. G. *Osushchestvlenie leninskoj nacional'no-yazykovoj politiki na Severnom Kavkaze. Mahachkala, 1979.*
11. Magomedhanov M. M. *Dagestancy: vekhi ehtnosocial'noj istorii XIX-XX VV. Mahachkala, 2008*
12. Osmanov G. G. *Genezis kapitalizma v sel'skom hozyajstve Dagestana. M.: Nauka, 1984.*
13. Osmanov G. G. *Social'no-ehkonomicheskoe razvitie dagestanskogo dokolhoznogo aula. M., 1965.*
14. Osmanov M.-Z. O. *Hozyajstvenno-kul'turnye tipy (arealy) Dagestana v sovetskuyu ehpu. Zakonomernosti razvitiya i transformacii, vymyvanie tradicionnyh form. M.: Nauka, 2002.*
15. *Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossijskoj imperii 1897 g. Vyp. 62. M., 1905. S. 12.*
16. Vavilov N. I. *Miroviye ochagi (tcentry proiskhozhdeniya) vazhnejshih kul'turnyh rastenij. // Izbrannye trudy. T. 2, M.-L., 1960.*

УДК: 338.436

САМПИЕВА ЛЕЙЛА ДАУДОВНА

старший преподаватель кафедры  
«Экономика и управление производством» ФГБОУ ВО  
«Чеченский государственный университет»,  
г. Грозный, e-mail:sampieva.l.d@mail.ru

## ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РЕСТРУКТУРИЗАЦИИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ

**Аннотация.** **Цель работы.** Статья посвящена исследованию основных этапов реструктуризации сельскохозяйственных предприятий. **Метод или методология проведения работы.** Используются логические методы, сравнительный анализ при исследовании процесса реструктуризации сельскохозяйственных предприятий. **Результаты.** Выявлены основные тенденции, определяющие дальнейшее его развитие, состоящий из четырех этапов. К ним относятся: формирование субъективного представления о кризисном положении предприятия; анализ последствий возможных альтернатив; прогноз условий и факторов, формирующих возможные последствия; отбор альтернативного варианта для последующей реализации. Предложено для поиска и создания действующего алгоритма механизма антикризисного управления построить некую абстрактную графическую модель, представленную такими подсистемами, как: формальные признаки кризисного состояния; анализ и диагностика экономического положения финансово несостоятельного предприятия; реструктуризация предприятия-банкрота; реализация инновационно-инвестиционной стратегии на проблемных сельскохозяйственных предприятиях. Проведенный анализ предприятий на предмет банкротства показывает, что необходимо рассмотреть правовые аспекты антикризисного управления. Рекомендовано выявить экономические аспекты, которые отвечают внешним признакам банкротства финансово-экономического положения предприятия. Рассмотрены основные моменты разработки механизма антикризисного управления сельскохозяйственных предприятий ЧР, являющихся типичными для Чеченской Республики многоотраслевыми агропромышленными предприятиями. Обобщены, что в ходе антикризисного управления сельскохозяйственных предприятий необходимо установить оптимальные параметры в системе антикризисного управления помимо масштаба производства, объема потенциала, необходимо исследовать структуру ресурсного потенциала, формирующую специализацию сельскохозяйственного производства. В итоге предложен алгоритм реализации механизма антикризисного управления предприятием, который состоит в реализации комплекса мер по приведению условий деятельности хозяйствующего субъекта в соответствие с разработанной стратегией его развития с учетом его потенциала. **Область применения результатов.** Результаты проведенного исследования могут быть использованы на практике сельскохозяйственными предприятиями и региональными органами власти при диагностировании наличия или возможности кризиса на предприятиях и вывода их из кризисного положения путем организации антикризисного управления. **Выводы.** Таким образом, вывод предприятия из кризисного положения строится посредством формирования новых внутривозрастных отношений, касающихся планирования, организации, мотивации и контроля реализации заданий всех структур и служб хозяйствующего субъекта путем делегирования полномочий для обеспечения осуществления генеральной стратегической цели предприятия.

**Ключевые слова:** реструктуризация, сельскохозяйственные предприятия, кризисное положение, антикризисное управление, алгоритм, механизм.

SAMPIEVA LAYLA DAUDOVNA

senior lecturer "Economics and production management" FSBEI  
"Chechen state University",  
Grozny, e-mail:sampieva.l.d@mail.ru

## MAIN DIRECTIONS OF RESTRUCTURING OF THE AGRICULTURAL ENTERPRISES

**Abstract. Objective.** Article is devoted to a research of the main stages of restructuring of the agricultural enterprises. **Method.** Method or methodology carrying out work. Logical methods, the comparative analysis at a research of process of restructuring of the agricultural enterprises are used. **Results.** The main tendencies defining his further development, consisting of four stages are revealed. Treat them: formation of subjective idea of a crisis situation of the enterprise; analysis of consequences of possible alternatives; the forecast of the conditions and factors forming possible consequences; selection of alternative option for the subsequent realization. It is offered to construct for search and creation of the operating algorithm of the mechanism of crisis management the certain abstract graphic model presented by such subsystems as: formal signs of crisis state; analysis and diagnostics of an economic situation of financially insolvent enterprise; restructuring of the bankrupt enterprise; realization of innovative and investment strategy on problem the agricultural enterprises. The carried-out analysis of the enterprises regarding bankruptcy shows that it is necessary to consider legal aspects of crisis management. It is recommended to reveal economic aspects which answer external signs of bankruptcy of financial and economic position of the enterprise. Highlights of development of the mechanism anti-recessionary an upravlekniya of the ChR agricultural enterprises which are the diversified agro-industrial enterprises, typical for the Chechen Republic, are considered. Are generalized that during crisis management of the agricultural enterprises it is necessary to set optimum parameters in system of crisis management besides the scale of production, potential volume, it is necessary to investigate the structure of resource potential forming specialization of agricultural production. As a result the algorithm of realization of the mechanism of crisis management by the enterprise which consists in realization of a package of measures for reduction of conditions of activity of economic entity in compliance with the developed strategy of his development taking into account his potential is offered. **Application results.** Results of the conducted research can be used in practice by the agricultural enterprises and regional authorities when diagnosing existence or a possibility of crisis at the enterprises and their conclusion from a crisis situation by the organization of crisis management. **Conclusions.** Thus, a conclusion of the enterprise is under construction of a crisis situation by means of formation of the new intraeconomic relations concerning planning, the organization, motivation and control of realization of tasks of all structures and services of economic entity by delegation of powers for ensuring implementation of a general strategic objective of the enterprise. **Keywords:** restructuring, agricultural enterprises, crisis situation, crisis management, algorithm, mechanism.

---

**Введение.** Сложившиеся обстоятельства в региональной аграрной экономике вызывают необходимость разработки специального подхода к изысканию и задействованию факторов экономического развития, ведущая роль среди которых отводится реструктуризации хозяйствующих субъектов АПК. Реструктуризация предназначена для адекватной адаптации сельскохозяйственных предприятий к условиям возрастающей конкуренции, повышения мобильности системы стратегического управления, увеличения показателей экономического развития, увеличения уровня занятости, достижения стабильности российского общества [1].

**Методы исследования.** Рыночные преобразования на уровне хозяйствующих субъектов за последние 20 лет позволили, в основном, решить проблемы изменения форм собственности, что увеличило численность организационно-правовых форм сельскохозяйственных предприятий; перехода от отраслевого принципа управления к корпоративному путем изменения структуры аграрной сферы, что в конечном итоге, изменило цели и приоритеты производственно-финансовой деятельности предприятий и вынудило создать новую структурную организацию [11, 142].

Для рыночных условий, одной из особенностей которых является постоянство лишь преобразований, ежедневно возникает потребность в разработке новых методов и инструментов, применение которых позволяет предприятиям успешно бороться на высококонкурентном рынке. Обостряющаяся конкуренция мотивирует желание субъектов рынка не только догнать, но и перегнать конкурентов, что требует эффективных механизмов для решения повседневных и краткосрочных проблем. Процесс принятия управленческих решений касательно ре-

структуризации предприятия состоит из четырех этапов [4]:

- формирование субъективного представления о кризисном положении предприятия (оно построено на конструировании модели сложившейся ситуации);
- анализ последствий возможных альтернатив (производится анализ субъективной ценности, т.е. полезности возможных последствий в числовом измерении);
- прогноз условий и факторов, формирующих возможные последствия (на этом этапе ЛПР дает анализ субъективной вероятности реализации конкретных условий, формирующих последствий рассматриваемых альтернатив);
- отбор альтернативного варианта для последующей реализации.

Отдельные положения данного механизма с более или менее степенью глубины проработки отражены в трудах многих ученых, специалистов - практиков. Нужно также отметить, что в этих работах нет цельной, строго сформированной системы антикризисного управления [6]. Отчасти, это можно оправдать тем, что антикризисное управление выступает сложной системой, действующей в конкретной производственно-финансовой среде, в конкретных правовых и экономических обстоятельствах.

Для поиска и создания действующего алгоритма механизма антикризисного управления предлагаем построить некую абстрактную графическую модель, представленную такими подсистемами, как:

- формальные признаки кризисного состояния;
- анализ и диагностика экономического положения финансово несостоятельного предприятия;
- реструктуризация предприятия-банкрота;
- реализация инновационно-инвестиционной стратегии на проблемных СХП.

При анализе предприятия на предмет банкротства необходимо, в первую очередь, рассмотреть правовые аспекты антикризисного управления.

На втором этапе мы рекомендуем выявить экономические аспекты - отвечает ли финансово-экономическое положение предприятия внешним признакам банкротства (для этого необходимо исследовать причины образования, размеры и сроки задолженности и т.д.).

Такой подход позволит установить - фиктивное или преднамеренное банкротство. В нашем случае мы не рассматриваем такой вид банкротства, ибо это поле деятельности правоохранительных органов.

Вышеприведенные подсистемы формируют алгоритм осуществления всех этапов антикризисного управления. Можно заметить, что первая система входит в блок правовых аспектов банкротства и подлежит госрегулированию, а последующие три подсистемы входят в блок организационно-экономических аспектов - они, в целом, подлежат рыночному регулированию, т. е. управлению на уровне хозяйствующего субъекта.

Ключевая цель формирования, реализации и улучшения механизма антикризисного управления заключается в усилении финансово-экономического положения хозяйствующего субъекта, его конкурентоспособности, что выступает обязательной предпосылкой приоритетного направления стратегического развития предприятия [18].

Перейдем к рассмотрению логической последовательности, взаимосвязи и взаимозависимости составляющих компонентов, формирующих систему антикризисного управления.

Для нынешнего этапа развития сельского хозяйства характерен активный поиск приоритетных направлений безболезненного выхода из кризиса. При исследовании возможных вариантов решения данной проблемы многие экономисты, как правило, заняты разработкой мер макроэкономического уровня, и лишь изредка останавливаются на необходимости приведения системы стратегического управления предприятиями в соответствии с изменившимися условиями их деятельности [2].

Механизм антикризисного управления нужно рассматривать как систему организационно-правовых, экономических и иных форм и способов управления хозяйствующими субъектами, предназначенных для нейтрализации и последующей ликвидации кризиса [16].

Алгоритм действия данного механизма состоит из процесса задействования потенциала предприятий и осуществляется рядом последовательных действий:

1. Формирование стратегии.

2. Совершенствование организационной и управленческой структуры.
3. Оптимизация параметров хозяйствующего субъекта.
4. Отбор наиболее эффективной технологии, организации планирования на основе применения бюджетирования.
5. Разработка и реализация финансовой, учетной, кадровой и т.п. политики.

Как видно из вышесказанного, антикризисное управление реализуется через комплексное управление предприятием на базе планирования, прогнозирования организации, мотивации и контроллинга.

Антикризисное управление СХП начинается с формирования программы антикризисного управления, где подробно расписываются задачи, основные этапы, мероприятия по выводу предприятия из кризиса, резервы и ресурсы, исполнители, сроки проведения и намечаемые результаты и т.п. [3].

Одним из эффективных направлений вывода хозяйствующих субъектов из кризисного состояния является реструктуризация, осуществляемая путем радикальных преобразований производственно-технологической, организационной и управленческой структур предприятия. Основной целью реструктуризации является реализация системы мероприятий по обеспечению условий деятельности хозяйствующего субъекта в соответствии с отобранной стратегией его развития, в том числе, совершенствование управления, увеличение эффективности производства, формирование конкурентных преимуществ выпускаемой продукции, повышение выработки труда, снижение производственных затрат, улучшение конечных результатов деятельности. Как видно, антикризисное управление строится на реструктуризации практически всех сфер предприятия [5].

В экономической литературе достаточно подробно рассмотрены различные варианты реорганизации хозяйствующих субъектов, в том числе, такие как [9]:

- 1) присоединение к лидирующим в регионе хозяйствам;
- 2) организация и развитие глубокой переработки;
- 3) интеграция предпринимательских структур различных отраслей;
- 4) раздробление крупного СХП на ряд мелких структурных единиц.

Как правило, при уменьшении параметров предприятий, в первую очередь, улучшается их управляемость, растет мотивация работников.

Выбор того или иного варианта реструктуризации предприятия зависит от множества задач, в том числе, от финансово-экономического и технического состояния реорганизуемого предприятия, поставленных цели и задач на текущий момент. Независимо от поставленной цели и выбранного варианта реорганизации общим для всех участников данного процесса является то, что без формирования принципиально новой организационно-экономической структуры, новой системы внутри- и межхозяйственных отношений, адекватных внешней среде, без мотивации заинтересованности, повышения ответственности и усиления личностного фактора невозможно будет осуществить санацию, и в конечном итоге, выйти из кризисного состояния [20].

Анализ многих методических подходов и опыта в области реструктуризации позволяет в концентрированной форме увидеть масштабы необходимых работ, этапы их реализации и действующие критерии оценки результатов. Такой подход позволил нам разработать модифицированную модель управления реструктуризации предприятия при антикризисном управлении, состоящей из пяти этапов [12]:

1. Обсуждение необходимости реструктуризации и создание плана намечаемых преобразований, формирование штаба и рабочих групп;
2. Формирование полной и достоверной информационной базы;
3. Выявление ключевых проблем и их ранжирование по степени остроты;
4. Разработка поэтапного плана реализации проекта реструктуризации;
5. Разработка модели предприятия будущего.

На первом этапе на основе анализа внешней среды, в том числе, анализа рыночной конъюнктуры, достижении НТП и т.д. необходимо выработать единый подход, определить цели, сформировать систему управления изменениями.

На втором этапе осуществляется сбор необходимой информации. Здесь также рассматрива-

ются действующие, возможные модели структуры организации, отбираются наиболее перспективные, уточняются финансово-экономические и технические показатели (потребности ресурсов, объемы производства и т.д.).

Третий этап - определение ключевых проблем, их ранжирование по степени остроты и т.д. На данном этапе выявляются организационные проблемы текущего процесса, информационные потоки и т.д. с целью разработки такого восприятия установленных проблем, которое позволит привести к реализации поставленной цели (нейтрализация кризисного состояния).

Целью четвертого этапа является кадровая и технологическая характеристика процесса реструктуризации. На предприятии необходимо дать описание планируемым технологиям, стандартам, процедурам, системам и видам контроля, изменениям в системе управления, стимулировании персонала и т.д., задействуемых в процессе реструктуризации.

Здесь необходимо уделить большое внимание кадрам с рыночным мышлением, определить их знания и профессиональные навыки, степень их заинтересованности в преобразованиях и возможности их задействования в создаваемых новых производственных структурах.

Пятый этап - формирование экспериментальной версии и окончательного производственного проекта реструктуризации с целью формирования макета будущего предприятия.

Например, ГУП «Молпром» — одно из крупных многоотраслевых сельскохозяйственных предприятий ЧР, специализируется на переработке молока и производстве сыра. До 2013 г. находился хронически в кризисном положении из-за серьезной нехватки оборотных средств, что постоянно лихорадило текущее производство. Основная причина такого положения состояла в том, что закупочные цены на молоко были практически на уровне себестоимости продукции. Это вызывало задачу хотя бы выживания, не говоря уже о каком-либо росте. Такое положение решили изменить реструктуризацией производства - ввести современные мощности для переработки молока. Хотя организация переработки позволило ГУП «Молпром» не просто вырабатывать молочные продукты собственной переработки, но и реализовывать качественно новую продукцию, вместе с тем полученная за 2014 год номинальная чистая прибыль в сумме 19 тыс.руб. (выручка за 2014 г. составила 3233 тыс. руб.), предприятие все еще лишено возможности иметь «живые» деньги, повысить заработную плату работникам и получать высокую прибыль [1].

Вместе с тем, надо отметить, что ГУП «Молпром» довольно вяло использует свой высокий материальный потенциал, что в недалеком будущем может уменьшить объемы прибыли, и естественно, ухудшить финансовое состояние.

Большое значение при антикризисном управлении имеет правильный отбор коммерческой стратегии. В противном случае предприятие сильно рискует сократить продажи, снизить эффективность производства, и в конечном итоге, потерять конкурентные возможности. В подобной ситуации необходимо исследовать причины уменьшения объемов производства и реализации продукции, что позволит смоделировать методы восстановления прибыльности производства. Это можно, в частности, осуществить организацией сплошного контроллинга с целью совершенствования качества производимой на СХП продукции [7].

Таким образом, можно утверждать, что кризис хозяйствующего субъекта вынуждает предприятие выбрать новые стратегические ориентиры, поменять традиционные подходы установления оптимальных параметров производства. При этом должна задаваться задача, в соответствии с которой планируемые параметры формируемых аграрных предпринимательских структур, с одной стороны, должны быть ориентированы на обеспечение максимальной эффективности их функционирования в условиях возрастающей конкуренции, а с другой стороны - гарантировать возможности необходимого маневрирования при переходе из одной фазы цикла в последующую.

Структурирование внутреннего потенциала СХП, всех составляющих производственной системы и системы организационно-хозяйственного механизма дает возможность установить приоритетные направления адаптации хозяйствующих субъектов к постоянно изменяющимся условиям внешней среды, что позволяет предвидеть как вероятность ухудшения экономического положения, так и возможность устойчивого развития при завершении фаз спада.

Производственная структура хозяйствующих субъектов АПК выступает в виде определенного типа сочетания разнопрофильных отраслей, в котором имеются ведущие отрасли, а так-

же отрасли второго эшелона [15]. Для вывода СХП из кризисного положения на любой стадии жизненного цикла, и в первую очередь, на стадии «обновления» необходимо разработать рациональные модели оптимизации производственной структуры, что, бесспорно, явится существенным фактором роста эффективности сельскохозяйственного производства, его устойчивого развития.

Рассмотрим основные моменты разработки механизма антикризисного управления на примере ГУП «Агрокомбинат «Червленский», являющегося типичным для Чеченской Республики многоотраслевым агропромышленным предприятием. Исходной позицией для улучшения финансово-экономического положения предприятия ГУП «Агрокомбинат «Червленский» является формирование необходимых условий роста объемов производства продукции. На основе анализа и диагностики данных и с учетом материального потенциала хозяйства на 2016-2018 годы разработана производственная программа, в соответствии с которой запланирован существенный рост производства зерновых культур, мяса КРС [11].

На втором этапе необходимо определить потребность хозяйства в материальных ресурсах. Исходной точкой для расчета потребности производства в материальных ресурсах выступает предусмотренный объем выпуска продукции, нормативная база потребности в материальных ресурсах на единицу продукции.

Одним из важнейших элементов при определении издержек на период антикризисного управления является стоимость основных материалов. На втором месте стоит задача организации МТС, также, при этом, рассчитываются потребности в складских помещениях и т.д., что необходимо для создания бесперебойного снабжения материалами [12].

На следующем этапе - после завершения анализа внешних факторов производства - на базе нормативных мощностей хозяйствующего субъекта необходимо определить соответствующие технологические процессы, виды и количество необходимого оборудования и т.д., выбрать наиболее передовые технологии для производства и переработки сельскохозяйственной продукции.

На сегодняшний день в Чеченской республике потребность в специализированных помещениях обеспечена на 5-6 процентов, в связи с чем, большинство предприятий СХП республики вынуждено поспешно реализовывать сельскохозяйственную продукцию чуть ли не по бросовым ценам в виду отсутствия хранилищ, и особенно, промышленных холодильников.

В целом, можно обобщить, что в ходе антикризисного управления СХП необходимо осуществлять следующие действия:

- отформатировать масштабы производства до уровня, позволяющего выдерживать оптимальность ресурсных пропорций;
- корректировать производственные направления в сторону выбора эффективных производств и отраслей АПК;
- внедрение гибких технологий, позволяющих оперативно маневрировать всеми видами ресурсов предприятия;
- формирование эффективной производственной системы с необходимым объемом и графиком финансовых потоков, обеспечивающим минимальную зависимость от кредиторов.

При установлении оптимальных параметров СХП в системе антикризисного управления помимо масштаба производства, объема потенциала, необходимо исследовать структуру ресурсного потенциала (в частности, это земельные, трудовые и иные ресурсы, основные и оборотные средства и т.д.), формирующую специализацию сельскохозяйственного производства [19].

Реструктуризационный процесс, в целом, состоит из двух основных блоков: один из них состоит в разделении хозяйствующего субъекта на подразделения соответственно целям и стратегиям развития. Второй блок отражает взаимоотношения, связывающие руководство с другими низ лежащими уровнями и обеспечивает возможность распределения и координации решаемых задач. При этом, руководство предприятия посредством делегирования устанавливает отношения между разными уровнями полномочий [13].

Практически на всех предприятиях АПК Чеченской республики не наблюдается мотивация работников за расширение их ответственности. отсюда, получается что работники не имеют достаточную мотивацию для активной и плодотворной работы, ибо они продолжают считать,

что дают предприятию больше, чем получают от него. Все это говорит о необходимости формирования общей кадровой политики, нормативов и правил поведения, без которых эффективное делегирование предстает проблематичным [11].

Мы считаем, что для эффективного делегирования полномочий подразделениям предприятия необходимо сформировать нормативную базу подразделений; разработать различные варианты технологических процессов с целью отбора рационального варианта оргструктуры; определить параметры подразделений с учетом нормы управляемости и т.д.

На базе анализа производственно-финансовой деятельности предприятия и подразделений необходимо определить главные ориентиры деятельности за предшествующие годы для обоснования плановых показателей на предстоящий период (в первую очередь, это объемы произведенной и реализованной продукции, производственные издержки, рентабельность и зарплата) [14].

Надо также отметить необходимость формирования договорных отношений со всеми подразделениями предприятия, чего раньше никогда не было. Так, например, в ГУП «Госхоз «Вайнах» Грозненского района большая часть взаимоотношений производственных структур хозяйства построена на основе договоров, предусматривающей полную ответственность, самостоятельность и инициативу работников подразделений по осуществлению поставленных задач в рамках делегированных полномочий.

Анализ деятельности ряда рентабельных сельскохозяйственных предприятий говорит, что успехи хозяйства зависят от умения менеджеров оперативно реагировать и грамотно ориентироваться в постоянно меняющихся рыночных ситуациях, анализировать воздействие внешних факторов на внутреннюю обстановку предприятия, от умения строить деловые отношения в коллективе [17]. Изучение специальной литературы по анализу опыта деятельности СХП позволяет сформулировать принципы, необходимые при формировании внутренних отношений, с целью эффективной деятельности предприятия: общие для всех правила игры, ограниченная самостоятельность, узкая специализация, личная ответственность за свои функциональные обязанности, материальная ответственность, свобода выбора партнеров, единоначалие.

Алгоритм реализации механизма антикризисного управления предприятием приведен на рисунке 1.



Рис. 1. Алгоритм реализации механизма антикризисного управления предприятием

Как видно из рисунка, цель реструктуризации предприятия состоит в реализации комплекса мер по приведению условий деятельности хозяйствующего субъекта в соответствие с разработанной стратегией его развития с учетом его потенциала.

**Результаты.** Предложенный модифицированный механизм антикризисного управления имеет несколько отличий от типичных подобных блок-схем, приведенных в различных специальных изданиях:

1. Представленный алгоритм механизма антикризисного управления, сформирован на базе Закона о несостоятельности 2002 г. с учетом изменений и дополнений правового и экономического характера от 13 июля 2015 года.

2. Реализация предложенного алгоритма механизма антикризисного управления довольно проста и логична.

3. Управленческие решения по всем подсистемам и компонентам подсистем построены на максимальном задействовании количественных оценок ситуации, т. е. предполагают сплошной аналитический расчет текущих оценочных критериев и показателей, а также сравнение полученных результатов с нормативными значениями.

**Выводы.** Таким образом, вывод предприятия из кризисного положения строится посредством формирования новых внутрихозяйственных отношений, касающихся планирования, организации, мотивации и контроля реализации заданий всех структур и служб хозяйствующего субъекта путем делегирования полномочий для обеспечения осуществления генеральной стратегической цели предприятия.

#### Литература

1. Алтухов, А.И. России необходима новая аграрная политика / А.И. Алтухов // *Экономист*. 2014. №8.
2. Андреева Л.С. Приоритетный национальный проект «Развитие АПК» с точки зрения доходности сельскохозяйственного труда // *Экономика сельского хозяйства. Реферативный журнал*. 2007. № 3. С. 662.
3. Аничин, В.Л. Совершенствование государственного регулирования воспроизводственного процесса в сельском хозяйстве / В.Л. Аничин, А.Д. Елфимов / Белгород: Изд-во БелГАУ, 2015.- 150 с.
4. Анохина, М. Агрокластеры и экономический рост отечественного АПК / М. Анохина // *АПК: экономика и управление*. 2014. №5. С. 77-85
5. Антонова Г.В. Совершенствование форм и методов реформирования сельскохозяйственных предприятий [на примере Курской обл.] // *Экономика сельского хозяйства. Реферативный журнал*. 2009. № 1. С. 30.
6. Боговиз, А. Особенности формирования и направления аграрной политики России / А. Боговиз // *АПК: экономика и управление*. 2014, №5. С. 21-29
7. Бондаренко, Л.В. Научные основы формирования системы стандартов обеспечения сельского населения социальными услугами / Л.В. Бондаренко // М.: ГНУ ВНИИЭСХ, 2013. – 78 с.
8. Бондаренко, Л.В. Сельские территории: состояние и регулирование / Л.В. Бондаренко // *АПК: экономика, управление*. – 2014. – № 1. – С. 69 – 79.
9. Борхунов, Н.А. Индикаторы состояния и развития аграрной экономики / Н.А. Борхунов // *АПК: экономика, управление*. 2013. №2. С. 26-33.
10. Буздалов, И.Н. Теоретические основы формирования эффективной системы аграрных отношений / И.Н. Буздалов // *АПК: экономика и управление*. 2014. №2. С. 3-14
11. Бутова, Т.В. Управление устойчивым развитием Чеченской Республики / Т.В. Бутова, Т.В. Филатова, М.А. Магомедов, И.А. Щукин / Монография к 95-летию Финансового университета при Правительстве РФ. ФГУП ИПК «Грозненский рабочий», Грозный, 2013.
12. Глотко, А. Модель агропромышленного кластера региона / А. Глотко, П. Холодов // *АПК: экономика, управление*. 2013. №6. С. 80-84.
13. Кайзер О.В. Реструктуризация сельскохозяйственных предприятий в условиях рынка // *Вестник Новосибирского государственного аграрного университета*. 2010. № 13. С. 78-82.
14. Козлова Л.В. Обновление материально-технической базы сельскохозяйственного производства // *Экономика сельского хозяйства. Реферативный журнал*. 2005. № 4. С. 844.
15. Ниценко В.С. Генезис процессов реструктуризации активов сельхозпредприятий путем капитализации средств для краткосрочного кредитования // *Экономика и бизнес: теория и практика*. 2015. № 9. С. 64-69.
16. Палий Д.В. Адаптация методики определения экономического положения сельскохозяйственных предприятий в целях финансового оздоровления (на материалах Курганской области) // *Экономика и предпринимательство*. 2011. № 3 (20). С. 126-130.
17. Туфанов А.О., Кутузов Д.В. Развитие сельскохозяйственного производства в условиях реформирования предприятий // *Вестник Студенческого научного общества*. 2013. № 2. С. 144-147.
18. Урбанская Г.Г. Финансовое оздоровление неплатежеспособных сельскохозяйственных предприятий через призму инвестиций // *Экономика сельского хозяйства. Реферативный журнал*. 2003. № 2. С. 377.
19. Хубаев Т.А. Финансовая стратегия как составная часть мер по укреплению финансовой устойчивости аграрного сектора // *Известия Горского государственного аграрного университета*. 2012. Т. 49. №

4. С. 356-370.

20. Чернышева Н.М., Алтынбаева Е.С. Реструктуризация предприятий АПК как механизм преодоления кризиса неплатежеспособности // *Техника и технология пищевых производств*. 2016. Т. 43. № 4. С. 204-211.

#### References:

1. Altukhov, A. I. *Russia needs a new agricultural policy* / A. I. Altukhov // *the Economist*. 2014. No. 8.
2. Anichin V. L. *Improvement of state regulation of re-production process in agriculture* / Anichin V. L., A. D. El-timov / *Belgorod: publishing house of Belgau*, 2015.- 150 С.
3. Anokhina, M. *agro-clusters and economic growth in the domestic agriculture* / M. Anokhin // *AIC: Economics and management*. 2014. No. 5. S. 77-85
4. Bogovic, A. *peculiarities of formation and directions of agrarian policy of Russia* / A. Bogovic // *AIC: Economics and management*. 2014, №5. S. 21-29
5. Bondarenko, L. V. *Scientific bases of formation of system of standards for the provision of rural population with social services* / L. V. Bondarenko // *M.: GNU vniiesh*, 2013. – 78 S.
6. Bondarenko, L. V. *Rural areas: status and management* / V. L. Bondarenko // *APK: economy, management*. – 2014. – No. 1. – P. 69 – 79.
7. Borkhunov, N. *Indicators of the status and development of agrarian economy* / N. Borkhunov // *APK: economy, management*. 2013. No. 2. S. 26-33.
8. Buzdalov, I. N. *The theoretical basis of formation of effective system of agrarian relations* / I. N. Buzdalov // *AIC: Economics and management*. 2014. No. 2. S. 3-14
9. Butova, T. V. *Management of steady development of the Chechen Republic* / T. V. Butova, T. V. Filatova, M. A. Magomadov, I. A. Shchukin / *Monograph to the 95th anniversary of Financial University under the Government of the Russian Federation. FSUE IPK Grozny worker*,"Grozny, 2013.
10. Glotko, A. *Model of the agricultural cluster of the region* / A. glotko, P. Cold // *APK: economy, management*. 2013. No. 6. PP 80-84.
11. Andreeva L. S. *Priority national project Development of agriculture"from the point of view of profitability of agricultural labor* // *Economics of agriculture. Abstract journal*. 2007. No. 3. S. 662.
12. Antonov G. V. *Improvement of forms and methods of reforming of the agricultural enterprises [on example of Kursk region]* // *Economics of agriculture. Abstract journal*. 2009. No. 1. 30.
13. Kaiser O. V. *Restructuring of agricultural enterprises in market conditions* // *Vestnik of Novosibirsk state agrarian University*. 2010. No. 13. P. 78-82.
14. Kozlova L. V. *modernization of material-technical base of agricultural production* // *Economics of agriculture. Abstract journal*. 2005. No. 4. S. 844.
15. Nitsenko V. S. *the Genesis of the processes of restructuring of assets of agricultural enterprises by way of capitalization funds for short-term lending* // *Economics and business: theory and practice*. 2015. No. 9. S. 64-69.
16. Paliy D. V. *adaptation of the methods of determining the economic situation of the agricultural enterprises in terms of financial recovery (on materials of the Kurgan region)* // *Economics and entrepreneurship*. 2011. No. 3 (20). P. 126-130.
17. Tufanov A. A., Kutuzov D. V. *Development of agricultural production in the conditions of reforming of the enterprises* // *Vestnik of the Student scientific society*. 2013. No. 2. P. 144-147.
18. Urbanskaja G. *Financial improvement of the insolvent agricultural enterprises through the prism of an investment* // *Economics of agriculture. Abstract journal*. 2003. No. 2. S. 377.
19. Hubaev T. A. *Financial strategy as part of measures to strengthen the financial sustainability of the agricultural sector* // *proceedings of the Gorsky state agrarian University*. 2012. Vol. 49. No. 4. P. 356-370.
20. Chernysheva N. M. Altynbayev E. S. *Restructuring of agricultural enterprises as a mechanism of overcoming the crisis of insolvency* // *Equipment and technology of food production*. 2016. Т. 43. No. 4. S. 204-211.

УДК 69.003.

**МАГОМЕДОВ АРБУЛИ ГУНАШЕВИЧ**

д.э.н., профессор, профессор кафедры «Организация и управление строительными предприятиями и предприятиями нефтегазовой отрасли» ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный технический университет», e-mail: dstu@dstu.ru

### ОРГАНИЗАЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ УПРАВЛЕНИЯ ИНВЕСТИЦИОННЫМИ И ПРОИЗВОДСТВЕННЫМИ РИСКАМИ В ЛИНЕЙНОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ

**Аннотация. Цель работы.** Показать, что основным видом сред, в которых осуществляется линейное строительство нефтепроводов, являются динамические среды с высокими рисками реализации инвестиционных строительных проектов. Разработать методики анализа влияния изменений условий окружающей среды на эффективность принимаемых управленческих решений в линейном строительстве нефтепроводов. **Методы.** Исследовать основные виды рисков, характерные для линейного строительства нефтепроводов в динамических окружающих средах, и установить причины их возникновения. **Результат.** Предложены два способа проведения анализа рисков линейного строительства в динамических средах: с применением метода Монте-Карло в средах с устойчиво повторяющимися событиями и с применением данных, полученных экспертным путем с последующей их обработкой с использованием математического аппарата нечетких множеств в средах со спонтанно происходящими изменениями. **Область применения.** В системах управления строительными предприятиями, занимающимися строительством линейных объектов различного назначения. **Выводы.** Предложенный подход позволяет устанавливать и анализировать основные риски линейного строительства и на этой основе повысить эффективность управления строительным производством в нестабильных условиях современного рынка.

**Ключевые слова:** линейное строительство, строительство нефтепроводов, динамическая окружающая среда, инвестиционные строительные проекты, высокие риски.

---

**MAGOMEDOV ARBULI GUNASHEVICH**

Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor of the Faculty of "Organization and Management of Construction Enterprises and Enterprises of Oil and Gas Industry" of FSBEI of HE "Dagestan State Technical University", e-mail: dstu@dstu.ru

### ORGANIZATIONAL-ECONOMIC ASPECTS OF MANAGEMENT OF INVESTMENT AND PRODUCTION RISKS IN LINEAR CONSTRUCTION

**Abstract. The purpose of the work.** To show that the main type environments, in which the linear construction of oil pipelines, are dynamic environments with a high risk of implementation of investment construction projects. To develop techniques of analysis of the impact of changes in environmental conditions on the effectiveness of managerial decisions in a linear construction of oil pipelines. **Methods.** Explore principal risks specific to linear construction of oil pipelines in dynamic environments, and to establish their causes. **Result.** There are two methods of the risk analysis linear construction in dynamic environments: application of Monte-Carlo in environments with stable recurring events and using the data obtained by experts and their subsequent processing using the mathematical apparatus of fuzzy sets in environments with spontaneously occurring changes. **Scope.** In control systems for construction companies engaged in construction of linear objects for various purposes. **Conclusions.** The proposed approach allows to establish and analyze the main risks to the linear construction, and on this basis to improve the effectiveness of construction management in unstable conditions of the modern market.

**Keywords:** linear construction, pipeline, dynamic environment, investment and construction projects, high risks.

Управление линейным строительным производством в силу пространственного распределения и высокой нестабильности экономической среды осуществляется в условиях высоких рисков [1, 2]. В этой связи эффективное управление строительно-монтажными работами в линейном строительстве должно обладать возможностями оценки и управления инвестиционными и производственными процессами с учетом риска. В общем случае в линейном строительстве инвестиционные и управленческие решения могут приниматься в следующих условиях:

- априори определённая среда;
- динамичная среда с рисками (среда с вероятностной определенностью);
- априори неопределённая среда.

*Априори определённая среда характеризуется:*

- априори заданными закономерностями развития;
- заданным планом функционирования объекта управления, который не корректируется во времени;
- заданными условиями и состояниями системы управления.

Это позволяет экстраполировать результаты принимаемых решений практически в стандартных ситуациях и таким образом организовать процесс управления объектом оптимальным образом.

*Среда с рисками* характеризуется вероятным проявлением рискованных событий, приводящих к снижению запланированной прибыли, которые могут произойти с вероятностью  $P_i$ , а с вероятностью  $1 - P_i$  не произойти [3, 4]. Следовательно, риск относится к возможности появления в экономической среде линейного строительства неблагоприятных факторов, влияющих на эффективность производства или эффективность управления данным производством. Возникновение рискованных событий или факторов, с одной стороны, можно оценивать с помощью жестких показателей — вероятности возникновения факторов риска, приводящих к потере части ресурсов или к неполучению запланированных доходов, или к появлению дополнительных расходов по сравнению с планом с дисперсией вокруг предполагаемого результата. С другой стороны, риски можно оценивать с помощью мягких показателей, определяемых степенью возникновения факторов риска или рискованных событий, которая выражается как качественно, так и количественно с помощью лингвистических переменных и функций [5–8]. При этом состояние сред с рисками рассматривается как ситуация, в которой предполагаются допустимые исходы принимаемых решений и вероятности их получения.

*Априори неопределённой среде* соответствует такая ситуация, когда известны только возможные альтернативные исходы принимаемых решений, но неизвестны результаты, к которым они могут привести в условиях риска.

Следует отметить, что линейное строительство в нефтяной промышленности как система характеризуется рядом специфических особенностей, отличающих её от других отраслей материального производства. Наиболее существенными такими отличиями при проведении анализа эффективности реализации инвестиционных строительных проектов с линейным строительством и оценки рисков являются:

- большая зависимость показателей и критериев эффективности затрат от природных условий и нестабильного характера их изменений;
- вероятностный характер изменения основных технико-экономических показателей производства, например, в горной местности под небольшим слоем грунта можно столкнуться с наличием трудно разрабатываемых скальных пород и т. д.;
- изменение воспроизводственной структуры капиталовложений в масштабе отрасли в сторону увеличения их доли, направляемой на компенсацию падения добычи нефти на старых месторождениях;
- большая продолжительность производственного процесса;
- высокая капиталоемкость строительства, необходимость осуществления крупных инвестиций, длительный период возмещения начального капитала.

Эти особенности линейного строительства в нефтяной промышленности оказывают существенное влияние и на организационно-экономические аспекты формирования системы управления инвестиционными и производственными проектными рисками. Инвестиционным строительным проектам в этой области присущи, например, следующие специфические риски для

линейного строительства:

- связанные с необходимостью распределения производственных бригад и функциональных подразделений системы управления по длине строящегося объекта;
- неточного проведения проектно-изыскательских работ по пересеченной местности;
- связанные с изменением погодных условий, которые особенно сильно сказываются на эффективности линейного строительства;
- вызванные повышенной вероятностью возникновения форс-мажорных ситуаций.

Основными причинами возникновения рисков в процессе реализации инвестиционных строительных проектов в нефтяной отрасли являются: распределение отдачи от проекта во времени; разброс значений каждой переменной, влияющей на величину критериев эффективности; значительные расходы, связанные со сбором информации, необходимой для принятия решений [9].

Все участники линейного строительства заинтересованы в том, чтобы снизить вероятность принятия неудачного (неэффективного) решения, избежать полного провала проекта или хотя бы значительных убытков. Для этого участники линейного строительства вынуждены учитывать все возможные последствия реализации инвестиционных строительных проектов, например, нефтепроводов в быстро меняющейся политической и экономической составляющих окружающей среды.

Таким образом, возникает объективная необходимость всестороннего анализа рисков в процессе линейного строительства, задача которого заключается в необходимости дать потенциальным партнёрам инвестиционного строительного проекта и подрядному предприятию недостающую информацию для принятия решений, в т. ч. и решений о целесообразности участия в проекте и предусмотреть меры по защите от возможных финансовых потерь.

Как показывает практика, лица, принимающие решения об инвестициях, могут быть либо расположены к риску, либо не расположены к риску или безразличны к нему. Однако большинство руководителей строительных предприятий не склонны к риску, что подтверждается их стремлением застраховаться от рискованных ситуаций. В таком случае для привлечения инвесторов и подрядных строительных организаций в процесс реализации проекта он должен генерировать большую прибыль, которая может заинтересовать данных субъектов соответственно во вложениях и участии в строительстве [10,11].

В общем случае анализ рисков можно подразделить на качественный и количественный [12,13].

Главная задача качественного анализа — определить факторы риска, этапы и работы, при выполнении которых они проявляются, установить потенциальные области риска, после чего — идентифицировать все возможные причинно-следственные связи между факторами, приводящими к возникновению рискованных событий и связанных с ними последствий.

Количественный анализ риска подразумевает численную оценку отдельных рисков и рисков проекта в целом. Количественный анализ значительно сложнее и базируется на теории вероятностей, математической статистике, теории нечетких множеств и теории исследования операций.

Прежде чем перейти к анализу рисков, дадим следующие определения. Событием в теории вероятностей называется то, что может произойти или не произойти при осуществлении определенного комплекса условий. Каждое такое осуществление называется испытанием [14]. В качестве примеров события в линейном строительстве можно привести задержку платежей заказчиком, выход из строя строительной техники, изменение погодных условий, срыв поставок материально-технических ресурсов и т. д. События могут быть детерминированными, т. е. обязательно происходящими и случайными, или происходящими необязательно, но способными произойти в определенных условиях. Именно со случайными событиями и связано возникновение факторов риска.

Кроме того, события могут быть устойчиво повторяющимися и спонтанными или непредсказуемыми, последние в основном и связаны с высокими рисками инвестиционной деятельности в линейном строительном производстве.

Оценка вероятности возникновения риска может быть объективной, т. е. вычисленной на основе относительной частоты, с которой происходят события, и субъективной, определяемой

предположениями относительно будущего, основанными на суждении или личном опыте экспертов. В первом случае для оценки обычно используется метод Монте-Карло [15–17], во втором случае для получения количественной оценки данные, полученные экспертным путем, обрабатываются инструментами теории нечетких множеств [18,19].

Для получения оценок первым способом используется теория вероятностей и случайные величины. Случайной величиной называется такая величина, которая в результате испытания принимает определенное значение случайным образом с заданной вероятностью происходящих событий. В повторных же испытаниях значение случайной величины может изменяться.

Для оценки вероятностей возникновения риска по методу Монте-Карло для устойчиво повторяющихся событий может быть использована следующая форма организации единичного жребия:

– для оценки возникновения отдельного риска: «какое значение приняла величина вероятности  $P_i$  возникновения  $i$ -го фактора риска»;

– для оценки вероятностей в совокупности возникающих рисков при условии, что они образуют полную группу событий, и вероятность одновременного проявления нескольких рисков является бесконечно малой случайной величиной: «какую совокупность значений принимает система вероятностей  $\{P_1, P_2, \dots, P_j, \dots, P_n\}$  возникновения соответственно факторов риска  $\{A_1, A_2, \dots, A_j, \dots, A_n\}$ ».

Единичный жребий и в первом и во втором случае можно реализовать, полагая, что достаточно получить случайное число  $R$  (при заданном законе распределения вероятности возникновения риска), все значения которого лежат на интервале от 0 до 1. Закон же распределения вероятностей возникновения рисков определяется на основе ранее собранных статистических данных, полученных в процессе выполнения аналогичных строительных проектов.

Таким образом, основным недостатком первого способа оценки рисков является необходимость получения объективных статистических данных для построения законов распределения вероятностей их возникновения. Это не всегда возможно ввиду высокой индивидуальности проектов линейного строительства.

Второй способ для оценки вероятности возникновения рисков предусматривает обработку данных для конкретного проекта линейного строительства, получаемых экспертным путем. С этой целью формируется лингвистическая переменная с названием «степень возникновения риска», базовое значение которой определяется на интервале от 0 до 1. Базовый интервал численных значений оценки разбивается на пять одинаковых подинтервалов, каждому из которых, начиная с первого, в соответствие ставятся следующие термы лингвистической переменной: «очень малая степень или вероятность возникновения риска», «малая вероятность возникновения риска», «средняя вероятность возникновения риска», «высокая вероятность возникновения рисков» и «очень высокая вероятность возникновения рисков». В этом случае каждый полученный интервал численной оценки рисков определяется соответствующим ему нечетким множеством.

После этого нечеткому числу независимых экспертов предоставляется перечень производственных рисков, связанных с линейным строительством, и определяются условия реализации строительного проекта. На основе полученных данных экспертам по пятибалльной качественной шкале «очень малая вероятность», «малая вероятность», «средняя вероятность», «высокая вероятность» и «очень высокая вероятность» предлагается оценить степень возникновения рисков. Окончательное же качественное значение вероятности возникновения рисков определяется по простому большинству одинаковых полученных экспертных оценок.

После этого путем проекции максимума функции принадлежности нечеткого множества, соответствующего полученной качественной оценке, на базовую шкалу значений определяется количественная оценка вероятности возникновения риска на интервале от 0 до 1. Полученная таким образом оценка используется в дальнейшем для принятия управленческих и хозяйственных решений в условиях риска.

Следует отметить, что по мере накопления опыта линейного строительства граничные значения различных интервалов качественной оценки на базовой шкале могут корректироваться, и тем самым повышается уровень адекватности проводимой оценки.

После оценки рисков и определения наиболее существенных из них, например, по следую-

щему правилу: «если вероятность возникновения риска высокая или равна 0,5, то такой риск является существенным и его необходимо учитывать в процессе принятия решений», необходимо выбрать наиболее эффективные способы снижения учитываемых рисков.

В общем случае, к основным способам снижения проектных рисков можно отнести следующие.

Риск проекта на этапе его реализации можно уменьшить, предусмотрев диверсификацию — распределение усилий строительного предприятия между видами деятельности, результаты которых непосредственно не связаны между собой.

Принимая решение о производстве линейного проекта, строительному предприятию необходимо его рассмотреть не изолированно, а во взаимосвязи с уже имеющимися видами деятельности предприятия. При этом в целях снижения риска предприятию необходимо диверсифицировать свою деятельность на таких сегментах рынка строительной продукции, на которых обычно спрос изменяется в противоположных направлениях.

Для измерения взаимосвязи между какими-либо видами деятельности строительного предприятия используется показатель корреляции. Диверсификация с отрицательной корреляцией, в основном, несколько уменьшает совокупную отдачу от проектов, но в то же время сокращает риск резкого уменьшения доходов.

Распределение риска между участниками проекта также является одним из способов его снижения для конкретного предприятия. Обычная практика распределения риска заключается в том, чтобы сделать ответственным за конкретный вид риска того участника проекта, который в состоянии лучше всех остальных рассчитывать и контролировать этот риск.

Проблема распределения риска носит двойственный характер, обусловленный участием в инвестиционном строительном проекте, по меньшей мере, двух участников — заказчика и подрядчика. Заказчик стремится по возможности уменьшить стоимость контракта. С другой стороны, исполнитель работ при формировании портфеля заказов стремится к получению приемлемой для него массы прибыли. Прибыль исполнителя при реализации линейного строительного проекта может быть определена по следующей формуле [20]:

$$PP = \prod_{i=1}^n (K + X_i)^{P(x_i)}$$

где  $PP$  — прибыль, получаемая с учетом риска;  $K$  — начальный капитал;  $X_i$  — возможная прибыль исполнителя при реализации  $i$ -го исхода работ;  $P(x_i)$  — вероятность возникновения  $i$ -го исхода;  $n$  — число возможных исходов.

Большинству крупных инвестиционных строительных проектов в нефтяной промышленности, как показывает практика, свойственны задержки в их реализации, что может привести к такому увеличению стоимости работ, которое превысит первоначальную стоимость проекта. Выход из такой ситуации заключается в том, что к участию в проекте должна быть привлечена страховая компания. Страхование риска есть по существу передача определённых рисков страховой компании.

Снизить уровень риска инвестиционного строительного проекта в ряде случаев можно путем приобретения дополнительной информации, позволяющей уточнить некоторые параметры проекта, повысить уровень надежности и достоверности исходной информации и на этой основе снизить вероятность принятия неэффективного решения. При этом приобретение дополнительной информации с помощью проведения эксперимента целесообразно, если стоимость информации (эксперимента) не превышает минимального среднего риска.

Последним из наиболее распространённых способов снижения риска инвестиционного строительного проекта является резервирование средств на покрытие непредвиденных расходов. Этот способ предусматривает установление соотношения между потенциальными рисками, влияющими на стоимость проекта, и размером расходов, необходимых для преодоления нарушений в ходе его реализации. При определении суммы резерва необходимо учитывать точность первоначальной оценки стоимости проекта и его элементов в зависимости от этапа проекта, на котором проводилась эта оценка. При этом на практике используется следующих два способа:

- резерв делится на две части: общий и специальный;

– создаётся структура резерва, предполагающая определение непредвиденных расходов по видам затрат: основные и вспомогательные материалы, оборудование, заработная плата и т. д.

В общем случае сформированный резерв не должен использоваться для компенсации потерь, понесённых вследствие неудовлетворительной работы участников проекта.

Следует отметить, что производство строительно-монтажных работ, связанных с прокладкой трубопровода по оптимальной трассе, без учёта рисков может привести к возникновению дополнительных затрат, превышающих запланированные затраты на строительство трубопровода. Во избежание данной ситуации при выборе оптимальной трассы строительства трубопровода в горной местности необходимо учитывать риски, которые могут привести к возникновению дополнительных затрат.

В этом случае задача сводится к выбору такой трассы прокладки трубопровода из всех допустимых трасс, для которой суммарные затраты на производство строительно-монтажных работ будут минимальными.

Для формирования критерия выбора определим средние суммарные риски  $R_j$ , приводящие к возникновению дополнительных производственных затрат на  $j$ -й трассе:

$$R_j = \frac{\sum_{i=1}^m k_{ij} P_{ij}}{m},$$

где  $k_{ij}$  — коэффициент, который равен 1, если  $i$ -й вид риска связан с возникновением дополнительных производственных затрат, и он является существенным при строительстве трубопровода по  $j$ -й трассе и равен 0 в противном случае;  $P_{ij}$  — вероятность возникновения риска  $i$ -го наименования при строительстве трубопровода по  $j$ -й трассе;  $m$  — общее количество рисков, связанных с линейным строительством.

Тогда, интерпретируя вероятность возникновения дополнительных затрат как их долю от запланированных суммарных затрат  $C_j$  на производство строительно-монтажных работ при выборе  $j$ -й трассы, данные затраты  $Z_j$  при строительстве трубопровода по  $j$ -й трассе можно определить следующим образом:

$$Z_j = C_j R_j.$$

Отсюда в качестве критерия выбора оптимальной трассы трубопровода, обеспечивающей минимальные затраты на его строительство с учетом сложности и риска, можно использовать следующее выражение:

$$\min (C_j + Z_j)$$

При этом в случае благоприятно сложившихся обстоятельств предприятие понесет потери  $\Delta Z$ , равные:

$$\Delta Z = C_j^* - \min_{j=1}^n C_j,$$

где  $C_j^*$  — стоимость строительства трубопровода по выбранной с учетом риска трассе без дополнительных затрат.

#### Литература

1. Стаценко, А. С. *Технология строительного производства*. — М. : Феникс, 2008.
2. Иарануха, Н. Л., Первушин, Г. Н., Смышляева, Е. Ю. и др. *Технология и организация строительных процессов*. — М. : АСВ, 2006.
3. Макаревич, К. М. *Управление предпринимательскими рисками*. — М. : ДиС, 2006.
4. Тепман, Л. Н., Эришвили, Н. Д. *Управление инвестиционными рисками*. — М. : ЮНИТИ, 2016.
5. Guillaume, G. *Foundations for a science of language*. — Amsterdam-Philadelphia : John Benjamins, 2004. P. 58–60.
6. Li, Calzi M. *Towards a General Setting for the Fuzzy Mathematics of Finance // Fuzzy Sets and Systems*. 1990. No.35. P. 265–280.
7. *Automatisierungstechnik : Immer mehr Hersteller setzen auf Fuzzy-Logik // Konstruktionspraxis*. 1992.

№.12. P. 102–112.

8. Заде, Л. Логико-лингвистическая переменная и её применение для принятия приближенных решений. — М. : Мир, 1976.
9. Андреев, А. Ф. и др. Статистический метод оценки риска инвестиционных проектов в нефтяной и газовой промышленности // Экономика и управление нефтегазовой промышленности. 1997. № 6. С. 11–12.
10. Трушкевич, А. И. Организация проектирования и строительства. — Минск : Высшая школа, 2009.
11. Чистов, Л. М., Збрицкий, А. А. Теория эффективного управления социально-экономическими системами. — СПб. : Астерион, 2009.
12. Иода, Е. В., Иода, Ю. В., Мешкова, Л. Л., Болотина, Е. Н. Управление предпринимательскими рисками. — Тамбов : Тамб. гос. тех. ун-т, 2002.
13. Шапкин, А. С. Экономические и финансовые риски : оценка, управление, портфель инвестиций. — М. : Дашков и Ко, 2003.
14. Вентцель, Е. С., Овчаров, Л. А. Теория вероятностей и её инженерные приложения. — М. : Высшая школа, 2000.
15. Вентцель, Е. С. Исследование операций : задачи, принципы, методология. — М. : Наука, 1980.
16. Бойкова, Г.В. Метод Монте-Карло и оценка рисков инвестиционных проектов // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2000. № 8. С. 253–257.
17. Смоляк, С. А. Оценка эффективности инвестиционных проектов в условиях риска и неопределенности. — М. : Наука, 2002.
18. Мелехин, В. Б., Алиев, С. Н., Вердиев, М. М. Лингвистические функции и особенности их применения в системах управления и принятия решений // Научно-технические ведомости СПб ГПУ. Основной выпуск. 2008. № 2. С. 249–254.
19. Мелехин, В. Б., Абдурахманов, Д. Б., Дуллуева, Р. М. Методика интегральной оценки инвестиционных рисков строительного предприятия с нечеткой логикой обработки экспертных данных // Экономика строительства. 2014. № 4. С. 34–39.
20. Грузинова, В. П. Экономика предприятия. — М. : Финансы и статистика, 2005.

#### References:

1. Statsenko A. S. Technology of building production. — M. : Feniks, 2008.
2. Arapaho, N. L., Pervushin, G. N., Smyshlyaev, E. Yu. and others. Technology and organization of construction processes. — M. : ASV, 2006.
3. Makarevich, K. M. Management of business risks. — M.: Dis, 2006.
4. Tepman L. N., Berishvili, N. D. investment risk Management. — M. : YUNITI, 2016.
5. Guillaume, G. Foundations for a science of language. Amsterdam-Philadelphia : John Benjamins, 2004. R. 58-60.
6. Li Calzi M. Towards a General Setting for the Fuzzy Mathematics of Finance // Fuzzy Sets and Systems. 1990. No.35. P. 265-280.
7. Automatisierungstechnik : Immer mehr Hersteller setzen auf Fuzzy-Logik // Konstruktionspraxis. 1992. No.12. P. 102-112.
8. Zadeh, L. Tractatus Logico-linguistic variable and its application to making approximate decisions. — M. : Mir, 1976.
9. Andreev, A. F., et al. Statistical method risk assessment of investment projects in the oil and gas industry // Economics and management oil and gas industry. 1997. No. 6. S. 11-12.
10. Trushkevich, A. I. Organization of design and construction. —Minsk : Vysheishaya school, 2009.
11. Chistov, L. M., Zbritsky, A. A. the Theory of efficient management of socio-economic systems. — SPb. : Astérion, 2009.
12. Iodine, I.e., Iodine, U. V., Meshkov L. L., Bolotina, E. N. Management of business risks. — Tambov : Tamb. state technical University, 2002.
13. Shapkin A. S. Economic and financial risks : evaluation, management, investment portfolio. — M. : Dashkov and Co., 2003.
14. Wentzel, E. S., Ovcharov L. A. probability Theory and its engineering applications. — M. : Higher school, 2000.
15. Wentzel, E. S. operations Research : tasks, principles, methodology. — M. : Nauka, 1980.
16. Boikova, V. Monte Carlo simulation and risk assessment of investment projects // scientific notes of Russian state social University. 2000. No. 8. P. 253-257.
17. Smolyak S. A. Assessment of efficiency of investment projects in conditions of risk and uncertainty. — M. : Nauka, 2002.
18. Melekhin, V. B., Aliev, S. N., Verdiev, M. M. Linguistic functions and features of their application in control systems and decision making // Scientific-technical Bulletin of SPb GPU. Main edition. 2008. No. 2. S. 249-254.
19. Melekhin, V. B., Abdurahmanov D. B. Gulueva, R. M. Methods integral assessment investment risk of the construction enterprises with the fuzzy logic of the processing expert data // Economics of construction. 2014. No. 4. P. 34-39.
20. Gruzinova, V. P. Economics. — M. : finances and statistics, 2005.

УДК 338.22

**ЖУК СОФЬЯ СЕРГЕЕВНА**

к.э.н., доцент ФГОБУ ВО Финансовый университет при Правительстве РФ,  
e-mail: szhuk@fa.ru

**СЕЛЕЗНЕВ ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ**

д.полит.н. ФГОБУ ВО Финансовый университет при Правительстве РФ,  
e-mail: sps@fa.ru

### СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ КАК ИНСТРУМЕНТ РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА<sup>1</sup>

**Аннотация. Предмет.** Предметом исследования является социально-экономическое развитие России как результат реализации социально-экономической политики государства. **Цель.** Цель работы заключается в исследовании состояния развития социально-экономической сферы, результирующей направленности и действенности социально-экономической политики государства, а также в обосновании актуальности применения проектного подхода в управлении социально-экономическим развитием страны. **Метод и методология.** Исследование построено на применении классической методологии, содержащей такие научные методы, как анализ, синтез, статистические методы, обобщение, систематизация и др. **Результаты работы.** В работе исследовано состояние развития социально-экономической сферы России; выявлены преимущества применения принципов проектного подхода при реализации мер социально-экономической политики; определен круг основных социально-экономических проблем, в решении которых принципы и подходы проектного управления могут быть наиболее действенными; сформулированы направления совершенствования мер государственного регулирования процессов социального проектирования. **Область применения результатов.** Результаты работы могут быть использованы для проведения научных исследований в области совершенствования развития социально-экономической сферы и социально-экономической политики регионов и государства в целом; в области управления государственными социальными проектами; в области развития управленческого инструментария, актуального для решения сложных социально-экономических проблем; при разработке проектов и программ развития социально-экономической сферы территорий. **Выводы.** В ходе проведения исследования и подготовки работы авторы пришли к следующим выводам: во-первых, состояние основных социально-экономических показателей развития России не отличается высокими темпами развития, что указывает на недостаточную эффективность реализуемой социально-экономической политики; во-вторых, решению данной проблемы способствует применение в социальной сфере принципов и подходов проектного управления, актуальность и основные направления реализации которого определены в работе.

**Ключевые слова:** проектное управление, социальные проекты, социально-экономические проблемы, государственное регулирование процессов социального проектирования.

---

**ZHUK SOFIA SERGEEVNA**

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of FSEBI of HE Financial University affiliated to the Government of the RF, e-mail: szhuk@fa.ru

**SELEZNEV PAVEL SERGEEVICH**

Doctor of Political Science of FSEBI of HE Financial University Affiliated to the Government of the RF, e-mail: sps@fa.ru

### SOCIAL PROJECTS AS A TOOL FOR IMPLEMENTATION OF SOCIAL AND ECONOMIC POLICY OF THE STATE

---

<sup>1</sup>Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 15-02-00080а.

**Abstract. The subject.** The subject of the study is the social-economic development of Russia as a result of implementation of the social-economic policy of the state. **The goal.** The goal of the study is in researching the state of development of the social-economic sphere that resolves the direction and efficiency of the social-economic policy of the state, as well as in the substantiation of the relevance of using the project-based approach in the management of the social-economic development of the country. **The method and methodology.** The study is built on the use of a classical methodology containing such scientific methods as analysis, synthesis, statistical methods, generalization, systematization, etc. **The results of the study.** The paper has studied the state of the development of the social-economic sphere of Russia; the paper has shown the advantages of using the principles of the design approach when implementing measures of the social-economic policy; a set of the main social-economic problems has been determined where principles and approaches of project management may be considered to be the most effective; the focus areas of improving the measures of state regulation of processes of social project planning have been formulated. **The area of application of the results.** The results of the study may be used to perform scientific research in the area of improving the development of the social-economic sphere and the social-economic policy of the regions and the state on the whole; in the area of management of state social projects; in the area of development of managerial instruments relevant for solving complex social-economic problems; when developing projects and programs of development of the social-economic sphere of territories. **Conclusions.** In the course of performing the study and preparing the paper, the authors came to the following conclusions: first, the state of the main social-economic indicators of development of Russia does not stand out due to high speed of development which shows the insufficient effectiveness of the implemented social-economic policy; secondly, solving this problem is encouraged by the use in the social sphere of the principles and approaches of project management. The relevance and the main areas of focus of its implementation have been determined in the paper.

**Keywords:** project management, social projects, social-economic problems, state regulation of the processes of social project planning.

---

### Введение.

Состояние социальной сферы, характеризующее уровень общественных отношений и одновременно определяющее направленность развития экономики страны, включает в себя множество составляющих и оценивается совокупностью индикаторов, важнейшими из которых являются демографические и культурные показатели, а также показатели здоровья населения, его занятости, обеспеченности и др. Большое значение для повышения имиджа и конкурентоспособности страны имеет своевременная разработка и реализация программ, направленных на улучшение социально-экономических показателей, в связи с чем изучение возможностей применения инструментов и технологий проектного управления и реализации социальных проектов становится всё более актуальным.

### Методы исследования.

Для достижения цели исследования в работе использованы общенаучные и статистические методы, позволяющие выявить общие проблемы развития социально-экономической сферы, определить направления, подходы и инструменты повышения результативности социально-экономической политики государства.

### Результаты исследования.

Современные тенденции развития общественно-экономических отношений свидетельствуют о постоянно возрастающем значении человека для повышения конкурентоспособности субъектов хозяйствования всех уровней. Однако человеческий капитал, обеспечивающий движение экономики, также требует обновления в соответствии с меняющимися условиями хозяйствования, на что, согласно провозглашённым доктринам, должна быть направлена социально-экономическая политика государства, под которой понимается деятельность государства и его институтов, направленная на развитие социально-экономической жизни общества, повышение уровня и качества жизни населения.

Реализация указанной политики осуществляется, преимущественно, на основе государственных, региональных, муниципальных и т. д. программ и проектов. Широкие возможности,

определяемые как «универсальные свойства» проектной деятельности, позволяют признать социальное проектирование перспективным инструментом не только для решения актуальных социальных проблем, но и инструментом управления социальным развитием общества [3]. Преимущества проектного управления социальным развитием регионов России и страны в целом проявляется, в первую очередь, в том, что они позволяют:

- достаточно чётко выразить стратегическую цель и задачи проекта;
- решить социальную проблему путём её деления на ряд последовательных этапов, прохождение которых можно рассчитать по времени;
- при использовании актуальных проектных технологий эффективно управлять процессом решения проблемы;
- обеспечить открытость и прозрачность деятельности участников созидательного процесса, что обеспечивает оперативное реагирование на любые изменения;
- планировать и контролировать развёртывание деятельности;
- провести точный расчёт объёмов необходимых ресурсов и предвидеть возможные риски, и т. д.

Перечисленные преимущества проектного управления особо значимы при решении социально-экономических проблем и реализации социальных программ и в отдельных случаях находят отражение в отечественной практике хозяйствования на макроуровне. При этом российские реалии в управлении государственными социальными проектами характеризуются, с одной стороны, значительным количеством утверждаемых программ и проектов, а с другой — отсутствием чётко проработанных методологии и технологий применения проектного управления.

Согласно исследованиям Синявской Д.А., Моргуновой Н.В., Омаровой Т.Д. [15], развитость проектного управления оценивается по 5-уровневой шкале. В соответствии с данной методикой уровень зрелости государственного проектного управления в России можно рассматривать как переходный от первого ко второму уровню, чем, отчасти, объясняется довольно низкая активность применения прогрессивных проектных технологий управления в социальной сфере. И хотя в России имеется некоторый опыт стратегического управления социальным развитием с применением проектного подхода (это реализованные и действующие социальные проекты — «Здравоохранение», «Физкультура и спорт», «Образование», «Доступное жильё» и т. д.), круг социально-экономических проблем, в решении которых принципы и подходы проектного управления могут быть действенными, остаётся достаточно широким. К их числу можно отнести необходимость:

- снижения уровня бедности в стране;
- повышения минимальных размеров государственных пенсий;
- развития социальной инфраструктуры;
- повышения качества занятости населения;
- увеличения внебюджетных источников финансирования учреждений здравоохранения, образования, культуры и др.

Актуальность применения современных технологий и инструментов проектного управления в социальной сфере обусловлена и тем, что разработанные и реализованные социально-экономические программы и проекты, нацеленные на повышение уровня дохода, качества здравоохранения, питания, социальных услуг, окружающей среды, образования, занятости, сферы обслуживания, демографических тенденций и т. д., не могут характеризоваться высокими показателями результативности [4].

Согласно данным официальной статистики, динамика основных демографических показателей в России не характеризуется выраженным положительным трендом, хотя имеются улучшения по отдельным направлениям. Так, программы, нацеленные на улучшение демографической ситуации, не достигают требуемых результатов, поскольку за последние 10 лет численность населения России снизилась, высокими остаются показатели смертности, а коэффициенты рождаемости, пусть и имеют положительную динамику, но не являются достаточными для обеспечения простого замещения поколений (табл. 1).

Таблица 1

**Динамика основных демографических показателей\***

Показатель	Годы				
	2000	2005	2011	2013	2014
Численность населения, тыс. чел.	146304	143236	143056	143347	143667
Коэффициент рождаемости (на 1000 чел. населения)	8,7	10,2	12,6	13,2	13,3
Коэффициент смертности (на 1000 чел. населения)	15,3	16,1	13,5	13,0	13,1

\*Составлено авторами по [11, с. 47–48, 65–71; 6, с. 56–57, 74–79; 7, с. 70, 85; 8, с. 68].

При этом достаточно высоким остаётся коэффициент младенческой смертности (в 2014 г. в России он составил 6,6; для сравнения: в Бельгии — 3,3; Дании — 3,4; Швеции — 2,7; Чехии — 1,8) [2, с. 256–257] и смертности населения, находящегося в активном трудоспособном возрасте.

Высокие показатели смертности свидетельствуют о недостаточной результативности программ и проектов, нацеленных на охрану материнства и детства, повышение доступности медицинских услуг и их качества, улучшение экологической обстановки и снижение уровня производственного травматизма.

Не отличаются высокой результативностью и социальные программы, целью которых является повышение уровня занятости и доходов населения. Так, несмотря на данные официальной статистики, согласно которым, уровень безработицы в стране снизился (табл. 2), острой остаётся проблема качества занятости и так называемая проблема «работающих бедных», доходы которых тратятся, преимущественно, на покупку продовольственных товаров и оплату транспорта [16] (на образование, здравоохранение и развитие культуры приходится минимальная часть) (табл. 3, 4).

Таблица 2

**Динамика отдельных показателей занятости (в тыс. чел.)\***

Показатель	Год				
	2005	2010	2012	2013	2014
Численность экономически активного населения	73581	75478	75676	75529	75428
Среднегодовая численность занятых в экономике	6679,16	67576,7	67968,3	67901,0	67813,3
Численность безработных	5242	5544	4131	5137	3889

\*Составлено авторами по [10, с. 76–77, 82–83, 150–151].

Таблица 3

**Динамика величины среднедушевых доходов и средний размер начисленных пенсий в Российской Федерации [10, с. 198, 214]\***

Показатель	Год				
	2010	2011	2012	2013	2014
Величина среднедушевых доходов, руб./ мес.	8088	20780	23221	25928	27766
Средний размер начисленных пенсий, руб.	7594	8273	9154	10030	10889

\*Составлено авторами по [10, с. 198, 214].

**Структура некоторых потребительских расходов домашних хозяйств  
Российской Федерации (по материалам выборочного обследования  
бюджетов домашних хозяйств) [10, с. 242–245]\***

Статья расходов	Год	
	2010	2014
Продукты питания и безалкогольные напитки	29,6	28,5
Жилищно-коммунальные услуги и топливо	11,3	10,3
Здравоохранение	3,2	3,6
Транспорт	14,9	17,8
Образование	1,3	1,0
Организация отдыха и культурные мероприятия	6,8	7,1

\*Составлено авторами по [10, с. 242–245].

Реализация эффективных программ и проектов в социально-экономической сфере является одной из приоритетных задач государства, но для решения данной задачи важным представляется создание благоприятных условий для развития тех или иных положительных процессов в социально-экономическом развитии регионов и страны в целом.

**Выводы.**

Изучение и анализ подходов к реализации и результатов действия государственных (региональных) программ и проектов, касающихся развития социальной сферы, позволяют выделить следующие направления совершенствования и развития мер государственного регулирования процессов социального проектирования:

- создание финансовых условий и финансовое регулирование проектов;
  - формирование благоприятного социального законодательства и нормативно-правовое регулирование социальных проектов;
  - институционально-инфраструктурное обеспечение социально-проектного управления.
- Помимо этого, для развития проектного управления социальной сферой на всех уровнях государственной власти необходима реализация совокупности мер, включающих:
- совершенствование и развитие законодательства в области управления социальными проектами и создания экономических основ их финансирования;
  - формирование благоприятных налоговых условий (введение различных налоговых льгот и стимулов) для привлечения инвестиций в социальные проекты;
  - развитие механизмов формирования и регулирования государственно-частного партнёрства в социальной сфере;
  - стимулирование создания и поддержки бизнес-структур, действующих в сфере социального предпринимательства и благотворительности;
  - развитие социальной инфраструктуры поддержки деятельности социально-ориентированных некоммерческих организаций и добровольчества, формирование институциональных основ развития социальной сферы;
  - развитие финансово-кредитного механизма государственной поддержки реализации социальных проектов;
  - развитие информационных технологий и информационного обеспечения проектного управления социальной сферой.

Перечисленные меры позволят повысить уровень зрелости проектного управления социальными процессами и позволят государству решить ряд важных задач:

- увеличить финансирование социальной сферы за счёт привлечения дополнительных внебюджетных средств;
- повысить эффективность социальной политики за счёт разбивки крупных социальных задач на ряд более локальных социальных проектов и определения поэтапных достижимых целей, конкретизации сроков и ответственных исполнителей мероприятий проекта;

— приблизить конкретные меры социальной политики к реальным нуждам и потребностям населения, создавая специальные структуры проектного управления в муниципальных и государственных органах власти;

— расширить рыночные, конкурентные методы управления социальной сферой, используя конкурентность и публичность при выборе и утверждении тех или иных социальных проектов;

— совершенствовать деятельность работников государственного и муниципального управления, ответственных за отдельные направления социальной политики, на основе внедрения проектного управления с чёткой формулировкой целей, задач, мероприятий рационального использования финансовых, материальных и человеческих ресурсов, что позволяет ускорить достижение поставленных задач и сократить бюджетные расходы;

— усилить общественный и гражданский контроль за деятельностью органов власти благодаря открытости проектов, подотчётности проектных менеджеров, внедрению современных информационных технологий, позволяющих в реальном времени проводить их мониторинг и оценку достижения запланированных целей;

— обеспечить реализацию множества инфраструктурных проектов на основе привлечения частных компаний и создания различных форм государственно-частного партнёрства, что усилит отношения социального партнёрства, создаст институциональную базу для расширения проектных методов работы и снимет ограничения по срокам реализации проектов в бюджетном законодательстве.

#### Литература

1. Гераськин, М. И., Квашин, Д. А. Оптимизация государственных инвестиционных социальных проектов на основе регрессионных моделей регионального развития // *Проблемы управления*. 2014. № 3. С. 38–49.
2. Демографический ежегодник России. 2015 : стат. сб. / Росстат. — М., 2015.
3. Дмитриев, А. В. Методика внедрения проектного подхода в управление социальным развитием российских регионов / Дмитриев А.В. // *Наукоедение*. 2013. № 1. [Электронный ресурс]. — URL : <http://cyberleninka.ru/article/n/metodika-vnedreniya-proektnogo-podhoda-v-upravlenie-sotsialnym-razvitiem-rossiyskih-regionov>. (Дата обращения: 20.07.2016).
4. Жук, С. С. Управление качеством человеческих ресурсов : теория и практика. — М. : Дашков и К, 2015.
5. Ивановичева, Т. А., Ивановичев, П. С. Современные технологии управления на основе социальных проектов // *Академический вестник*. 2013. № 2 (24). С. 300–307.
6. Мухачева, С. В. Методический подход к оценке социальных инновационных проектов // *Социальное пространство*. 2015. № 2 (2). С. 2.
7. Новикова, Т. Национальные проекты и социальные преобразования // *Экономист*. 2008. № 8. С. 82–86.
8. Пахомова, Е. О., Гоосен, О. К., Гутова, Л. В. Социальные проекты государственно-частного партнёрства : проблемы и перспективы государственного участия // *Государственное и муниципальное управление в XXI веке : теория, методология, практика*. 2016. № 21. С. 43–48.
9. Придвижкин, С. В. Национальный жилищный проект как инструмент реализации государственной социально-экономической политики // *Экономика региона*. 2008. № 52. С. 132–147.
10. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015 : стат. сб. / Росстат. — М., 2015.
11. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2013 : стат. сб. / Росстат. — М., 2013.
12. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2012 : стат. сб. / Росстат. — М., 2012.
13. Российский статистический ежегодник 2015 : стат. сб. / Росстат. — М., 2015.
14. Российский статистический ежегодник 2014 : стат. сб. / Росстат. — 2014.
15. Синявский, Д. А. Исследование практики управления проектами в органах государственной власти и местного самоуправления (на примере Владимирской области) / Д.А. Синявский, Н.В. Моргунова, Т.Д. Омаров // *Экономика и управление*. 2012. № 8(93). С. 96–100.
16. Стуканова, И. П. ПФО : денежные доходы и структура потребления населением продуктов питания // *Человек и труд*. 2009. № 3. С. 25–28.
17. Табачникова, М. Б. Социальные проекты с позиций различных институциональных групп региона // *Современная экономика : проблемы и решения*. 2015. №11. С. 89–107.
18. Buendia, L., Palazuelos, E. *Economic Growth and Welfare State : a Case Study of Sweden* // *Cambridge Journal of Economics*. 2014. Vol. 38. Issue 4. P. 761–777.
19. Nijhuis, D. O. *Incomes Policies, Welfare State Development and the Notion of the Social Wage* // *Socio-Economic Review*. Oxford Journals. 2015. Vol. 13. Issue 4. P. 771–790.
20. Reisch, M., Jani, J. S. *The New Politics of Social Work Practice: Understanding Context to Promote Change* // *The British Journal of Social Work*. 2012. Vol. 42. Issue 6. P. 1132–1150.

#### References:

1. Geraskin, M. I., Kvashin, D. A. *The governmental investment social project, based on the regional development regression models, optimization* // *Problemi upravleniya*. 2014. No. 3. P. 38–49.

2. *Demographic Yearbook of Russia. 2015 : stat. issue / Rosstat. — M., 2015.*
3. Dmitriev, A. V. *Methodic of the project approach in management system of Russian regions social development implementation // Naukovedeniye. 2019. No.1. [Electronic resource]. — URL : <http://cyberleninka.ru/article/n/metodika-vnedreniya-proektnogo-podhoda-v-upravlenie-sotsialnym-razvitiem-rossijskih-regionov>. (Дата обращения: 20.07.2016).*
4. Zhuk, S. S. *Human Resources quality management : theory and practice. — M. : Dashkov and Co, 2015.*
5. Ivanycheva, T. A., Ivanychev, P. S. *Contemporary managerial technologies, based on social projects // Akademicheskij vestnik. 2013. No. 2 (24). P. 300–307.*
6. Mukhacheva, S. V. *Methodic approach to social innovative projects estimation // Sotsialnoje prostranstvo. 2015. No. 2 (2). P. 2.*
7. Novikova, T. *National projects and social transformations // Ekonomist. 2008. No. 8. P. 82–86.*
8. Pakhomova, E. O., Goosen, O. K., Gutova, L. V. *Social projects of the state-private partnership : problems and perspectives of the governmental participation // Gosudarstvennoje i munitsipalnoje upravlenije v XXI s. : teorija, metodologija, praktika. 2016. No. 21. P. 43–48.*
9. Pridvizhkin, S. V. *National housing projects as an instrument of the state social-economic policy realization // Ekonomika regiona. 2008. No. 52. P. 132–147.*
10. *Regions of Russia. Economic and social indicators. 2015 : stat. coll. / Rosstat. — M., 2015.*
11. *Regions of Russia. Economic and social indicators. 2013 : stat. coll. / Rosstat. — M., 2013.*
12. *Regions of Russia. Economic and social indicators. 2012 : stat. coll. / Rosstat. — M, 2012.*
13. *Statistical yearbook of Russia. 2015 : stat. coll. / Rosstat. — M, 2015.*
14. *Statistical yearbook of Russia. 2014 : stat. coll. / Rosstat. — M, 2014.*
15. Sinyavskiy, D. A. *Project management practices of the state and local government research (on the Vladimirskaya area example) / D.A Sinyavskiy, N.V. Morgunova, T.D. Omarov // Ekonomika I upravlenije. 2012. No. 8 (93). P. 96–100.*
16. Stukanova, I. P. *PFD : the Population's monetary incomes and food products consumption structure // Chelovek i trud. 2009.No. 3. P. 25–28.*
17. Tabachnikova, M. B. *Social projects from the positions of different regional institutional groups // Sovremennaja economic : problemi i reshenija. 2015. No. 11. P. 89–107.*
18. Buendia, L., Palazuwlos, E. *Economic Growth and Welfare State : a Case Study of Sweden // Cambridge Journal of Economics. 2014. Vol. 38. Issue 4. P. 761–777.*
19. Nijhuis, D. O. *Incomes Policies, Welfare State Development and the Notion of the Social Wage // Socio-Economic Review. Oxford Journals. 2015. Vol. 13. Issue 4. P. 771–790.*
20. Reisch, M., Jani, J. S. *The New Policies of Social Work Practice : Understanding Context to Promote Change // The British Journal of Social Work. 2012. Vol. 42. Issue 6. P. 1132–1150.*

УДК: 332.133.44

**БОБИЕВ АХРОРИДИН КУМРИДИНОВИЧ**

соискатель Института экономики и демографии Академии наук Республики Таджикистан,  
e-mail: adolat1@mail.ru

## МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К АНАЛИЗУ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ СУБЪЕКТОВ СФЕРЫ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

**Аннотация. Предмет.** В статье рассматриваются методологические подходы к анализу и оценки конкурентоспособности учреждений высшего профессионального образования в условиях интеграции и глобализации. **Цель работы.** Настоящей целью исследования является разработка методологических подходов к анализу конкурентоспособности субъектов сферы высшего профессионального образования в Республике Таджикистан. **Методология проведения работы.** При анализе конкурентоспособности субъектов сферы высшего профессионального образования необходимо опираться на теорию эффективной конкуренции: наиболее конкурентоспособными являются те учреждения, где наилучшим образом организована работа всех структур и членов трудового коллектива. **Результаты работы.** Показано, что анализ уровня конкурентоспособности и на основе этого поиска источников повышения конкурентоспособности вузов и их услуг является не только важным фактором развития сферы высшего профессионального образования страны, но и её экономики в целом. Выделяется группа факторов внутренней и внешней среды и анализируется их влияние на уровень конкурентоспособности. Проведен факториальный анализ абсолютного и относительного уровня конкурентоспособности основных столичных вузов республики и выявлено их положение на внутреннем рынке образовательных услуг. В связи с этим при анализе конкурентоспособности субъектов сферы высшего профессионального образования автор опирался на теорию эффективной конкуренции. **Выводы.** Обосновано, что конкурентоспособность, качество и развитость вузов выступают индикаторами научно-технического и социально-культурного развития, важным фактором развития экономики в целом любой экономической системы, а также аргументировано, что любая экономика должна начинаться с реформ и совершенствования системы образования. **Область применения результатов.** Рассмотренные в статье методологические подходы к анализу конкурентоспособности субъектов сферы высшего профессионального образования могут быть использованы для совершенствования и модернизации социально-экономической системы Республики Таджикистан и других стран СНГ при становлении на путь устойчивого развития.

**Ключевые слова:** экономика образования, рынок образовательных услуг, конкурентные преимущества, эффективность, человеческий капитал, управление.

---

**BOBIEV AKHRORIDIN KUMRIDINOVICH**

Doctoral Candidate of the Institute of Economics and Demographics of the Academy of  
Sciences of the Republic of Tajikistan, e-mail: adolat1@mail.ru

## METHODOLOGICAL APPROACHES TO THE ANALYSIS OF COMPETITIVENESS OF THE SUBJECTS OF THE SPHERE OF HIGHER PROFESSIONAL EDUCATION

**Abstract. The subject.** The manuscript discusses the methodological approaches to the analysis and evaluation of competitiveness of institutions of the higher professional education in the conditions of integration and globalization. **The goal of the paper.** The present goal of the study is developing methodological approaches to the analysis of competitiveness of entities of the sphere of higher professional education in the Republic of Tajikistan. **The methodology of performing the study.** When analyzing the competitiveness of entities of the sphere of the higher professional education it is necessary to rely on the theory of effective competition: the most competitive are those institutions where the work of all of the structures and members of the staff is organized the best way. **The results of the study.** It is shown that an analysis of the level of competitiveness, and based on that, searching for the sources of improving the competitive ability of universities and their services, is not only an important factor of the development of the sphere of higher professional education of the country, but also of the economy on the whole. A group of factors

of the internal and external environments is distinguished, and their impact on the level of competitive ability is analyzed. A factorial analysis of the absolute and relative level of competitive ability of main universities of the republic located in the capital has been performed, and their position in the domestic market of educational services has been brought out. In connection with this, when analyzing the competitiveness of entities of the sphere of the higher professional education the author was relying on the theory of effective competition. **Conclusions.** It has been substantiated that the competitive ability, quality and the level of development of universities are the indicators of the scientific-technical and social-cultural development, an important factor of development of the economy overall of any economic system. It has also been substantiated that any economy has to start with reforms and improvement of the system of education. **The area of application of the results.** The methodological approaches discussed in the manuscript in relation to the analysis of competitive ability of subjects of the sphere of the higher professional education may be used in order to improve and modernize the social-economic system of the Republic of Tajikistan and other CIS countries when evolving towards sustainable development.

**Keywords:** the economy of education, the market of educational services, competitive advantages, effectiveness, the human capital, management.

### Введение

Со сменой экономической парадигмы в переходной экономике Республики Таджикистан субъекты сферы высшего профессионального образования всё более широко стали использовать термин «конкурентоспособность». Как отмечает П.С. Завьялова, в рыночной системе хозяйствования категория конкурентоспособности становится ключевой, поскольку «в ней концентрированно выражаются экономические, научно-технические, маркетинговые и иные возможности не только отдельного предприятия, но и экономики страны» [5].

Конкурентоспособность субъектов высшего профессионального образования определяет конкурентоспособность экономики страны в целом, поскольку учреждения высшего профессионального образования являются главным элементом инфраструктуры современного общества, экономики, оказывающим огромный положительный эффект. Качество и развитость этих учреждений выступают индикаторами научно-технического, социально-культурного развития урбанизированной среды, одним из главных показателей качества жизни населения. Те страны, регионы или города, которые имеют развитые учреждения высшего профессионального образования, являются и останутся более конкурентоспособными. Поскольку они обладают центробежной силой, притягивая к себе новые инвестиции, производства, творческих и предприимчивых людей, одарённую молодёжь и т. д.

Следовательно, анализ уровня конкурентоспособности и на основе этого поиска источников повышения конкурентоспособности вузов и их услуг, является не только важным фактором развития сферы высшего профессионального образования страны, но и её экономики в целом. Любая экономическая или иная экономика начинается с реформ и совершенствования системы образования.

### 1. Анализ конкурентоспособности субъектов сферы высшего профессионального образования

В экономической литературе существуют различные подходы к анализу конкурентоспособности учреждений высшего профессионального образования. Следует отметить, что научная литература [20] предлагает оценивать конкурентоспособность вузов по следующим группам факторов: факторы внутренней среды или микросреды, которые охватывают технологию, организация образовательных процессов, ресурсы, новшества и т. д.; факторы внешней среды или макросреды, охватывающие инфраструктуру страны и его региона; по объёму занимаемого положения на рынке образовательных услуг, по количеству конкурентов; по экономическим показателям — оперативности и устойчивости финансового состояния и т. д.

При анализе конкурентоспособности субъектов сферы высшего профессионального образования, по нашему мнению, необходимо опираться на теорию эффективной конкуренции: наиболее конкурентоспособными являются те учреждения, где наилучшим образом организована работа всех структур и членов трудового коллектива. На эффективность деятельности

учреждений высшего профессионального образования оказывают влияние множество факторов: а) эффективность управления производственным процессом: экономичность процесса производства образовательных услуг, рациональность эксплуатации существующей материально-технической базы, совершенство технологий обучения организации труда; б) эффективность управления оборотными средствами: низкий уровень зависимости от внешних источников финансирования, способность расплачиваться по различным долгам и др.; в) эффективность организации управления процессов предоставления или продвижения образовательных услуг на рынке образовательных услуг, творческое использование различных форм и способов рекламы, стимулирования; г) улучшение качества образовательных услуг, его цена и др.

Все эти перечисленные факторы образуют внутреннюю среду вузов. Более подробно остановимся на этих факторах конкурентоспособности. Следует отметить, что факторы макросреды почти едины для всех учреждений высшего профессионального образования страны. Разнородные действия этих факторов могут обеспечивать как повышение, так и снижение конкурентоспособности учреждений — вузов. Факторы внутренней среды определяют потенциал учреждений высшего профессионального образования в производстве и предоставлении качественных образовательных услуг как результат труда трудового коллектива, профессорско-преподавательского состава вуза. Они должны быстро и гибко реагировать на изменения внешней среды. Основные факторы внутренней среды, которые оказывают влияние на уровень конкурентоспособности вуза, приведены в табл. 1.

Таблица 1

**Факторы внутренней среды, влияющие на уровень конкурентоспособности учреждений высшего профессионального образования вуза**

№	Составляющие конкурентоспособности	Показатели конкурентоспособности
1.	<b>Кадровый, интеллектуальный потенциал вуза</b>	Квалификации научно-педагогических кадров — докторов и кандидатов наук, специализированных советов, объем издания качественных современных учебников и пособий, уровень оплаты труда персонала, уровень стабильности кадров и трудовой дисциплины и т. д.
2.	<b>Материально-техническая база</b>	Фондовооружённость труда, степень годности основных средств их обеспеченности и обновляемости, наличие современной учебно-лабораторной, инструментальной, библиотечной и спортивной баз, уровень информатизации, обеспеченность компьютерными технологиями, общежитиями и др.
3.	<b>Конкурентоспособность выпускников вуза</b>	Удельный вес дипломов с отличием, рекомендации выпускников в аспирантуру, количество заявок на трудоустройство выпускаемых ими специалистов к общему выпуску, уровень трудоустроенных, представительство выпускников вуза в политической, экономической, культурной элите страны или регионов, уровень владения иностранными языками и информационными технологиями, темпы карьерного роста выпускников и т. д.
4.	<b>Маркетинговая</b>	Ценовая конкурентоспособность образовательных услуг, качество услуг, уровня доступности потребителей к образовательным услугам вуза, эффективность рекламы и др.
5.	<b>Финансово-экономическое состояние вуза</b>	Коэффициент обеспеченности одного студента/преподавателя денежными средствами, уровень рентабельности предпринимательской деятельности и его отдельных подразделений, например, технопарка, соотношения внебюджетных и бюджетных средств, источников финансов вуза и др.

Следует отметить, что содержание образовательных программ задают или определяют, прежде всего, государственные образовательные стандарты. Важным фактором повышения конкурентоспособности являются совершенные методы и средства обучения. Кадровый и интеллектуальный потенциалы, уровень профессионализма являются ядром вуза, которые определяют качество обучения и образовательных услуг. Материально-технический потенциал составляет технологическая основа и средства обучения, а финансовый потенциал, который

формируется за счёт собственных источников и государственных ресурсов, оказывает существенное влияние на качество кадрового, производственного и информационного потенциала. Кроме того, в систему факторов внутренней среды входит инновационность вуза, как важнейший современный фактор развития и конкурентоспособности. Этот фактор можно охарактеризовать как поиск различных вариантов и форм предоставления образовательных услуг: по сроку обучения, формированию учебных материалов, формам и методам обучения; поиск и совершенствование новых форм контроля знаний; оригинальность программ обучения; ориентация на определённый сегмент потребителей и прочее.

Следует отметить, что соответствие предоставляемых образовательных услуг требованиям потребителей является главным условием повышения конкурентоспособности вуза. К системе требований, предъявляемых потребителями и различными контрагентами к вузу, относится качество образовательных услуг, имидж учреждений, ассортимент и цен образовательных услуг, сервис и др. Согласно экономической теории потребления, приоритеты потребителей зависят, прежде всего, от уровня технологической сложности образовательного продукта/услуги и от социально-экономического положения потребителей. По мере роста значения этих параметров требования к качеству образовательных услуг выходят на первый план по сравнению с ценой услуг, потом формируется потребность на сервис и имидж. С повышением уровня квалификации потребителей начинается также процесс аналогичного влияния [1]. Качество образования можно повысить: за счет организации олимпиад и подготовительных курсов; расширения базы кредитной системы обучения; привлечения практиков к научно-преподавательской деятельности; международной аккредитации, непрерывной аттестации персонала вуза; стратегического партнерства с ведущими зарубежными вузами; системы мотивации преподавателей, стимулирующей к повышению качества преподавания, и т. д.

Имидж вуза можно повысить путем организации активной маркетинговой политики, расширения сотрудничества с институтом власти и с субъектами сферы предпринимательского сектора экономики, активного наращивания научного потенциала вуза; содействия трудоустройства выпускников; материального поощрения преподавателей и т. д. Что касается цены образовательных услуг, то в ней следует установить систему льгот в зависимости от успешности обучения. А сервис — это организация богатой инфраструктуры базовых и вспомогательных учебных процессов в вузе, развитие издательской деятельности, строительство новых учебных корпусов, библиотек, общежитий и т. д. Как было отмечено, по мере улучшения социально-экономического положения потребителей и роста рыночного спроса к образовательным услугам снижается важность цены и увеличивается значение качества и сервиса. Как свидетельствуют данные табл. 2, с увеличением объёма денежных доходов население увеличивается, также возрастает объём платных образовательных услуг населению, т. е. объём спроса населения на образовательные услуги. Так, за период 2008-2014 гг. денежные доходы населения увеличились в 2,5 раза, а денежные расходы и сбережения населения — более чем в 3,5 раза. Соответственно, за этот период платные образовательные услуги увеличились более чем в 2,75 раза.

Таблица 2

**Динамика денежных доходов, расходы населения и платные образовательные услуги\***

Показатели	Годы							
	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2014 в % к 2008
Денежные доходы населения, млн сомони	9476,7	10932,0	13256,0	16190,9	20161,2	22346,2	24196,5	255,3
Денежные расходы и сбережения населения, млн сомони	9511,2	11171,5	13948,5	16393,1	22409,6	27202,1	33570,1	352,9
Среднедушевой доход населения в месяц, сомони	153,16	155,72	190,18	225,62	258,81	293,58	323,64	211,3
Платные образовательные услуги, млн сомони	328,1	395,6	512,6	602,6	732,5	829,2	903,4	275,3

\*Источник: Статистический ежегодник Республики Таджикистан. 2015. С. 11, 111, 399.

Но вместе с тем следует отметить, что вышеуказанные факторы конкурентоспособности ещё не могут полностью удовлетворить уровень требований потребителей. В связи с этим нами проведены опросы выпускников 11-х классов нескольких школ, студентов вузов и работодателей г. Душанбе. Проведённый опрос и обработка анкетных материалов выявили ряд факторов, которые оказывают влияние на выбор вуза. Основным приоритетом для потребителей является качество образовательных услуг, а потом имидж вуза. Почти 62%, точнее 62,6% опрошенных отметили качество образовательных вузов, а остальные — имидж вузов. Рейтинг потребительских предпочтений в сфере образовательных услуг вузов в 2013 г. показал следующее: цена — 3, качество — 1, имидж — 2, сервис — 4. Наблюдается сильное взаимное влияние этих факторов. Например, снижение цены образовательных услуг (обучения) отрицательно сказывается на качестве образовательных продуктов, процессе обучения, потому что она отразится на уровне заработной платы преподавателей, ухода или оттока сильных специалистов, кадров, соответственно, на снижении имиджа вуза. Это отрицательно влияет на уровень конкурентоспособности вуза, особенно когда наблюдается высокая конкуренция на рынке. Относительно низкий рейтинг фактора «сервис», по нашему мнению, связан со спецификой рассмотренных сегментов потребителей. Что касается другого сегмента — привлечение иностранных студентов, то отсутствие комфортабельных общежитий становится особо важным фактором, который может снижать конкурентоспособность. Рейтинг показывает, что качество образовательных услуг выходит на первое место, другими словами, потребители готовы вкладывать деньги в качественное образование. В рамках проведения социального опроса выявили также ожидания потребителей образовательных услуг на примере вузов г. Душанбе, которые осуществляют подготовку специалистов экономического направления. Опрашивали 4000 студентов и 20 работодателей.

В результате опроса выявлено, что 64,3% опрошенных студентов желают получить более современную высокооплачиваемую специальность. По их мнению, для этого необходимо: усилить практическую направленность образовательного процесса — 23,2%; повысить уровень интеллектуального потенциала преподавателей — 31,1%; активизировать индивидуальный подход к студентам — 11,9%; повысить вежливость и ответственность работников вуза — 15,2%; расширить организацию дополнительного образования — 8,3% и консультаций — 9,1%; использовать современные технологии обучения — 7,2%. Исследования выявили, что потребителей интересует процесс предоставления образовательных услуг и результаты. Процесс охватывает содержание образовательной программы, научно-методическое и кадровое обеспечение. Результат потребления услуги состоит в усвоении таких компетенций, как общенаучные, общетехнические, экономические, организационно-управленческие и специальные, а также получение диплома по специальности и трудоустройство. Что касается работодателей, то более 85% опрошенных заинтересованы в приобретении высококвалифицированных специалистов, имеющих способности профессионально решать поставленные задачи в процессе деятельности. Они имеют в виду наличие современной теоретической подготовки выпускника, владение навыками, смелость и самостоятельность, коммуникативные навыки, ответственность, владение смежными знаниями и т. д.

Следует отметить, что ценности образовательных услуг должны соответствовать первоначальным представлениям потребителя, в противном случае потребитель теряет интерес к услуге. В этих случаях имидж вуза и его положение на рынке снижается, теряется конкурентоспособность. В системе отношений учреждений высшего профессионального образования и потребителей могут возникнуть разрывы в аспекте несовпадения ожиданий и фактического качества услуг. Таким образом, учреждениям высшего профессионального образования для привлечения потребителей — абитуриентов необходимо повысить интеллектуальный потенциал вуза, формировать высокопрофессиональный состав преподавателей, усилить внимание к обеспечению соответствия образовательных программ и предлагаемых специальностей потребностям экономики, рынка труда. Кроме того, расширить спектр возможностей послевузовской подготовки и переподготовки специалистов. С целью качественного уровня образовательных услуг целесообразно применять рейтинговую систему оценки труда профессорско-преподавательского состава вуза. Эта система должна охватывать не только формальные показатели, но и результаты опросов «Преподаватель глазами студентов».

В свою очередь, творческая организация внедрения проектных методов образовательных процессов, которые обеспечивают связь обучения с решением конкретных практических задач, повышают стимул и заинтересованность студентов в результатах работы. Как выше было отмечено, для оценки конкурентоспособности учреждений высшего профессионального образования применяются разнообразные статистические методы, разрабатываются специальные таблицы и графики, содержащие данные об учреждении и их основных конкурентах. В результате анализа этих таблиц выявляется истинное положение вуза на образовательном пространстве республики и в целом на рынке образовательных услуг, определяются ключевые факторы успеха. Учреждения высшего профессионального образования страны и региона на основе ознакомления рейтингов изучают и учитывают достижения конкурентов.

Другими словами, осуществляют так называемый бенчмаркинг, т. е. постоянно изучают и исследуют опыт конкурентов, лучших практиков. Следует отметить, что изучение состояния и динамики конкурентной среды требует постоянного наблюдения за деятельностью главных соперников и потенциальных конкурентов. На основе систематизации информации и его обработки следует дать оценки на каждый фактор конкуренции, тем самым установить или охарактеризовать общее положение вуза на рынке образовательных услуг. Поскольку оценка конкурентоспособности выступает исходным пунктом, которая определяет направление дальнейшего повышения конкурентоспособности. В практике оценки конкурентоспособности учреждений высшего профессионального образования одним из способов являются рейтинговые оценки или ранжирование. Этому могут способствовать официальные рейтинги Министерства образования и науки Республики Таджикистан, а также рейтинги данных общественных организаций и центров маркетинговых исследований. Кроме того, существуют международные и мировые рейтинги, размещенные в Интернете. Например, в последние годы Кембриджский университет возглавляет международный рейтинг вузов мира. На втором месте американский Гарвард, на третьем — Массачусетский технологический институт. Британский Оксфорд также имеет высокий рейтинг. В целом, в мире двадцатку лучших мировых вузов составляют американские и британские учебные заведения (см. табл. 3).

Таблица 3

**Международные рейтинги основных вузов мира  
(среди 300 высших учебных заведений мира)\***

Ранг	Учебное заведение	Страна	Балл
1	Кембриджский ун-т	Великобритания	100,0
2	Гарвардский ун-т	Соединенные Штаты Америки	99,3
3	Массачусетский технологический ин-т	Соединенные Штаты Америки	99,2
4	Йельский ун-т	Соединенные Штаты Америки	98,8
17	Университет Макгилла	Канада	89,6
18	Федеральный технологический ин-т	Швейцария	89,5
25	Токийский ун-т	Япония	85,9
46	Пекинский ун-т	Китай	77,4

\*Источник: QS World University Rankings.

Из российских вузов в рейтинг попали МГУ (112-е место) и Санкт-Петербургский государственный университет (251-е место) [11]. Для определения международных рейтингов учреждений высшего профессионального образования используются следующие основные критерии: популярность вуза среди академического сообщества, частота упоминаний в прессе и цитируемость, рейтинг среди работодателей, процент и сроки трудоустройства выпускников, удельный вес иностранных студентов и иностранных сотрудников в вузе и др.

По данным ЮНЕСКО, к 2025 г. общее количество студентов в мире возрастет от 97 (сегодня) до 260 млн человек. В связи с этим на международном рынке образовательных услуг усиливается конкуренция. По данным ОЭСР более 57% пятнадцатилетних собираются учить-

ся в университете, а в странах Азии, особенно в Южной Корее, эта цифра составляет около 95%. Эксперты отмечают, что именно азиаты сегодня считаются лучшими студентами. Они имеют высокую степень мотивации к образованию. По данным ЮНЕСКО, через 5 лет в мире будет 5–7 млн иностранных студентов, из них 60% составят выходцы из Азии [10].

## 2. Факториальный анализ конкурентоспособности основных вузов республики

Следует отметить, что в настоящее время во всём мире всё более осложняется традиционная схема: школа – университет – хорошая работа. В самом деле, найти работу становится труднее, а учиться ещё дороже. Эти процессы особенно сложно происходят в республике. Парадоксально, что стоимость образовательных услуг возрастает, а уровень и качество высшего образования падает. Значительное количество выпускников учреждений высшего профессионального образования республики не найдут работы, понимая, что образование образованию рознь. Их дипломы нужны, как показывает практика, исключительно внутри страны. В этих сложных условиях вузам необходимо принять долгосрочные меры по повышению конкурентоспособности, прежде всего, на внутреннем рынке, в национальном образовательном пространстве, а потом выйти на внешний рынок образовательных услуг. Необходимо ежегодно определять национальный рейтинг вузов республики. Каждые аккредитованные вузы республики должны ежегодно заполнять анкету, по которой оценивается их место. Потенциал вуза и его активность составляют основные параметры рейтингования. Потенциал вуза оценивается по интеллектуальной собственности вуза: кадры; условия учебы студентов; материально-техническая база и др. Активность вуза оценивается по численности выпускников, работе аспирантуры, научно-исследовательским достижениям и др. В итоговом рейтинге можно распределить вузы по профилям: технические, технологические, медицинские, экономические и т. д. Вместе с тем каждый вуз должен самостоятельно провести оценки уровня своей конкурентоспособности и занимаемого положения на рынке. Для выявления уровня конкурентоспособности основных столичных вузов республики и их положения на внутреннем рынке образовательных услуг проведём факториальный анализ (см. табл. 4).

Таблица 4

### Факториальный анализ конкурентоспособности основных вузов г. Душанбе РТ (факторы на 100 студентов)\*

Показатели	ТНУ	ТГПУ	ТТУ (тех.)	ТАУ	РТСУ	ТГУК	ГМУ	ТТУ (техно-лог.)	В среднем
Количество докторов наук	0,8	0,33	0,25	0,77	1,5	0,42	1,37	0,17	0,70
Количество канд. наук	2,9	1,9	1,67	2,31	4,5	3,08	3,09	0,89	2,54
Площадь уч. зданий, м <sup>2</sup>	828,9	618,1	830,5	1526	893,8	2215	1163	450,2	1065,6
Учебные лаборатории	0,8	0,86	1,58	1,13	0,16	0,12	1,26	0,42	0,79
Общежитие – койко-мест	16,3	0	12,3	35,7	0	24,0	27,4	2,18	19,6
Количество учебников	7623,3	6792	7007,7	6022	3610	3038	10134	1961,2	5773,5
Количество компьютеров	11,1	6,74	8,58	5,9	20,4	17,6	10,9	9,08	11,2

\*Составлен по: Статистика образования Министерства образования и науки РТ, 2014.

Как видно из данных табл. 4, многие показатели или факторы конкурентоспособности в основных столичных вузах республики отличаются. Например, интеллектуальный потенциал (численность докторов и кандидатов наук на 100 студентов) в Российско-Таджикском славянском университете (РТСУ) по сравнению с другими вузами самый высокий: составляет, соот-

ветственно, — 1,5 и 4,5 чел. По показателю площади учебных зданий на 100 студентов самый высокий уровень занимает Таджикский государственный коммерческий университет и Государственный медицинский университет: соответственно — 2215 и 1163 м<sup>2</sup>. По уровню обеспеченности общежитием (койко-мест) — Таджикский аграрный университет, а по обеспеченности учебников Таджикский технологический университет занимает ведущее положение. По количеству компьютеров на 100 студентов РТСУ и ТГУК среди других вузов имеют относительно высокий показатель. Факторы-показатели, приведенные в табл. 4, различаются по вузам. Например, по показателям количества кандидатов наук на 100 студентов вариация или размах составляет 2,6 (4,5–1,67), учебных лабораторий — 1,46, количество компьютеров — 14,5, площадь уч. зданий, м<sup>2</sup> — 1764,8, общежитие (койко-мест) — 23,4 и т. д.

Далее оценим относительный уровень конкурентоспособности столичных вузов (табл. 5). Для этого средний уровень факторов, указанных в табл. 4, — 2,9 принимаем за базу (единицу).

Таблица 5

## Оценки конкурентоспособности вузов

Показатели	ТНУ	ТГПУ	ТТУ (тех.)	ТАУ	РТСУ	ТГУК	ГМУ	ТТУ (технолог.)
Количество докторов наук	1,14	0,47	0,35	1,57	2,14	0,6	1,95	0,24
Количество канд. наук	1,14	0,81	0,71	0,98	1,92	1,21	1,21	0,35
Площадь уч. зданий, м <sup>2</sup>	0,77	0,58	0,77	1,43	0,83	2,07	1,09	0,42
Учебные лаборатории	1,01	1,08	2,0	1,43	0,20	0,15	1,59	0,53
Общежитие – койко-мест	0,83	0	0,62	1,82	0	1,22	1,39	0,11
Количество учебников	1,32	1,17	1,21	1,04	0,62	0,52	1,75	0,33
Количество компьютеров	0,08	0,05	0,76	0,52	1,82	1,57	0,97	0,81
Итоговая оценка	0,89	0,59	0,91	1,25	1,07	1,04	1,42	0,39

Каждому фактору присваивали относительное значение, т. е. определили относительную величину по сравнению со средним показателем факторов. Суммировали значение всех факторов, потом рассчитывали его среднее значение, которое принимали за комплексный показатель уровня конкурентоспособности. Наши расчеты показали, что показатели Таджикского аграрного университета, Российско-таджикского (славянского) университета, Таджикского государственного университета коммерции и Государственного медицинского университета являются относительно высокими — выше единицы. Это свидетельствует об их относительной конкурентоспособности среди других столичных вузов. Вместе с тем ТАУ необходимо уделять внимание расширению количества компьютеров, Российско-таджикскому (славянскому) университету — увеличению учебных лабораторий и обеспечению общежитиями студентов, Таджикскому государственному университету коммерции — увеличению количества учебников и учебных лабораторий, а Государственному медицинскому университету — увеличению количества компьютеров. Можно принимать за базовый показатель сравнение самого конкурентоспособного вуза, например, ТАУ или ГМУ и сравнивать с ним другие вузы. В общем, оценивать конкурентоспособность учреждений высшего профессионального образования можно относительно нескольких конкурентов. Эти показатели позволят сравнивать вузы: какой вуз уступает другому вузу и по каким параметрам превосходит. В результате чего, выявляются сильные и слабые стороны анализируемого вуза. Это служит для выработки правильной рыночной стратегии и путей улучшения своих конкурентных позиций.

## Заключение

В современных условиях важным фактором повышения конкурентоспособности вузов стали инновации. Конечно, здесь имеется в виду не все новое, что возникает и существует в дей-

ствительности, а то, что имеет будущее и способствует созидательному развитию. Инновационное развитие сферы высшего профессионального образования представляет собой процесс качественных изменений системы, а также сохранение системного качества развивающегося вуза. Инновационное развитие учреждений высшего профессионального образования является объективно обусловленным, целенаправленным и необратимым процессом их перехода из одного качественного состояния в другое, которое определяется внутренними созидательными преобразованиями [2–4, 6–9, 12–19, 21–23]. Именно в процессе инноваций выявляются не только новые возможности в развитии университета, они выступают как доказательство его состоятельности. Суть логики инновационного развития состоит в прогрессивных изменениях, направленных на избежание гибели системы. Поэтому инновации выступают системообразующим фактором формирования новой стратегии развития субъектов сферы высшего профессионального образования. Во всех функциональных сферах и стадиях деятельности вузов процесс создания и внедрения нововведений становится неотъемлемым элементом планирования научных исследований, образовательных проектов, производства образовательных и научных продуктов. Таким образом, инновация становится главным фактором повышения конкурентоспособности учреждений сферы высшего профессионального образования. И именно инновационные вузы имеют возможности быстро адаптироваться к переменам внешней и внутренней среды.

#### Литература

1. Адлер, Ю. П., Кочетов, А. И., Косырев, К. Л. и др. МИСиС : повышение качества подготовки специалистов // Стандарты и качество. 2000. № 2.
2. Альтбах, Дж. Ф., Салми, Дж. Дорога к академическому совершенству : становление исследовательских университетов мирового класса [Электронный ресурс]. — URL : <http://publications.hse.ru/books/59771925>.
3. Дохолян, С. В. Современные проблемы инновационного социально-экономического развития региона / С.В. Дохолян, В.З. Петросяни, А.М. Садыкова // Региональные проблемы преобразования экономики. 2012. № 3. С. 30–37.
4. Дохолян, С. В. Стратегический подход к формированию и реализации региональной социально-экономической политики // Экономика и предпринимательство. 2013. № 9. С. 139–144.
5. Завьялов, П. С. Конкурентоспособность и маркетинг // Российский экономический журнал. 1995. №12. С. 34.
6. Зоидов, К. Х. Уроки трансформационного кризиса // Экономическая наука современной России. 2005. № 4. С. 44–56.
7. Зоидов, К. Х. Эволюционно-институциональный подход и методология проведения антикризисных мероприятий в переходной экономике // Экономика и математические методы. 2004. Т. 40. № 3. С. 16–32.
8. Зоидов, К. Х. Эволюционный подход и его значение для развития экономической науки в постсоветских странах // Экономико-математические методы. 2009. № 2. С. 96–112.
9. Зоидов, К. Х. Экономическая эволюция и эволюционная экономика. — М. : ИПР РАН, 2003.
10. Международные рейтинги. — URL : // [http://www.education-medelle.com/education/higher\\_education/international\\_ratings/](http://www.education-medelle.com/education/higher_education/international_ratings/).
11. Мировой рейтинг вузов 2013/2014 гг. — URL : // <http://www.gosbook.ru/node/33022>.
12. Ортега-и-Гассет, Хосе. Миссия университета / Хосе Ортега-и-Гассет ; пер. с исп. Марины Голубевой, Андрея Корбуца. — М. : Издат. дом Гос. ун-та Высшей школы экономики, 2010.
13. Петросяни, Д. В. Координация стратегических целей развития регионов и образовательного кластера // Региональные проблемы преобразования экономики. 2013. № 2. С. 105–116.
14. Петросяни, Д. В. Предпринимательский вуз : зарубежный опыт и российская действительность // Региональная экономика : теория и практика. 2013. № 3. С. 41–48.
15. Петросяни, Д. В. Региональный образовательный кластер в условиях перехода к экономике знаний // Региональные проблемы преобразования экономики. 2010. № 2.
16. Петросяни, Д. В., Чаплыгин, А. Г. Рейтинг ведущих университетов постсоветского пространства как инструмент оценки национальных образовательных систем // Измерение рейтингов университетов: международный и российский опыт ; под ред. Ф.Э. Шереги и А.Л. Арефьева / Министерство образования и науки Российской Федерации. — М. : Центр социологических исследований, 2014. С. 200–220.
17. Петросяни, Д. В., Чаплыгин, А. Г., Симонов, С. В., Светцова, А. С. Рейтинг вузов ДВФО как индикатор регионального инновационного потенциала // Региональные проблемы преобразования экономики : международное сотрудничество и межрегиональная интеграция : материалы Первого международного форума. — М. : Изд-во «Перо», 2013.
18. Салми, Дж. Создание университетов мирового класса ; пер. с англ. — М. : Изд-во «Весь Мир», 2009.
19. Стратегия регионального развития в условиях инновационных преобразований экономики / В.З. Петросяни, С.В. Дохолян, Д.В. Петросяни, А.А. Баширова ; под общ. ред. д.э.н., проф. В.З. Петросяни; РАН; Дагестан. науч. центр; Ин-т соц.-экон. исследований. — М. : Экономика, 2011.

20. Фатхутдинов, Р. А. Конкурентоспособность организации в условиях кризиса. — М. : Издательско-книготорговый центр «Маркетинг», 2002; Фатхутдинов, Р. А. Конкурентоспособность : экономика, стратегия, управление. — М. : ИНФРА - М, 2000.
21. Цветков, В. А., Зойдов, К. Х., Петросянци, В. А. Формирование механизма функционирования региональных инновационных кластеров на базе ведущих российских университетов в контексте сотрудничества в рамках ЕАЭС. Россия в XXI веке : глобальные вызовы и перспективы развития : пленарные доклады / Материалы Пятого международного форума. Москва, 6, 8–9 декабря 2016 г.; под ред. чл.-корр. РАН В.А. Цветкова. — М. : ИПР РАН, 2016. С. 32–53.
22. Audretsch, D., Feldman, M. Innovative clusters and the industry life cycle // *Review of Industrial Organization* 11. 1996. P. 253–273.
23. Marshall, A., Marshall, Mary P. *Economics of Industry*. — London, 1879.

**References:**

1. Adler, Y. P., Kochetov, A. I., Kosyrev, K. L. etc. *MISIS : improving the quality of training of specialists // Standards and quality*. 2000. No. 2.
2. Altbach, G. F., Salmi, J. *The road to academic excellence : Emerging research universities world-class [Electronic resource]*. — URL : <http://publications.hse.ru/books/59771925>.
3. Dokholyan, S. V. *Modern problems of innovative socio-economic development of the region / S. V. Dokholyan, V. Z. Petrosyants, A. M. Sadykov // Regional problems of transformation of the economy*. 2012. No. 3. P. 30–37.
4. Dokholyan, S. V. *Strategic approach to the development and implementation of regional socio-economic policy // Economics and entrepreneurship*. 2013. No. 9. P. 139–144.
5. Zavyalov, P. S. *Competitiveness and marketing // Russian economic journal*. 1995. No. 12. P. 34.
6. Zoidov, K. Kh. *Lessons transformational crisis // Economic science of modern Russia*. 2005. No. 4. P. 44–56.
7. Zoidov, K. Kh. *Evolutionary-institutional approach and methodology for the implementation of anti-crisis measures in transition economies // Economics and mathematical methods*. 2004. Vol. 40. No. 3. P. 16–32.
8. Zoidov, K. Kh. *An Evolutionary approach and its importance for the development of economic science in post-Soviet countries // Economics and mathematical methods*. 2009. No. 2. P. 96–112.
9. Zoidov, K. Kh. *Economic evolution and evolutionary economics*. — М. : IEPER Russian Academy of Sciences, 2003.
10. *International ratings*. — URL: [http://www.education-medelle.com/education/higher\\_education/international\\_ratings/](http://www.education-medelle.com/education/higher_education/international_ratings/).
11. *World University ranking 2013/2014*. — URL : <http://www.gosbook.ru/node/33022>.
12. Ortega y Gasset, J. *The mission of the University / J. Ortega y Gasset ; translated from the Spanish by Marina Golubeva, Andrei Korbut*. — М. : Publishing house State. University of Higher school of Economics, 2010.
13. Petrosyants, D. V. *the Coordination of the strategic objectives of the regional development and educational cluster // Regional problems of transformation of the economy*. 2013. No. 2. P. 105–116.
14. Petrosyants, D. V. *Entrepreneurial higher education institution : foreign experience and Russian reality // Regional economy : theory and practice*. 2013. No. 3. P. 41–48.
15. Petrosyants, D. V. *the Regional educational cluster in the transition to the knowledge economy // Regional problems of transformation of the economy*. 2010. No. 2.
16. Petrosyants, D. V., Chaplygin, A. G. *Ranking of leading universities in the post-Soviet space as a tool for assessment of national educational systems / University rankings : international and Russian experience ; ed. by F. E. sheregi and A. L. Arefev / Ministry of education and science of the Russian Federation*. — М. : Center of sociological researches, 2014. P. 200–220.
17. Petrosyants, D. V., Chaplygin, A. G., Simonov, S. V., Svecova, A. S. *a Rating of universities of the far East as an indicator of regional innovation potential // Regional problems of transformation: international cooperation and regional integration : proceedings of the First international forum*. — М. : Publishing House «Pero», 2013.
18. Salmi, J. *Creating world-class universities ; per. from Engl*. — М. : Publishing house «Whole World», 2009.
19. *Regional development strategy in the conditions of innovative transformations of economy / Petrosyants V. Z., Dokholyan S. V., Petrosyants D. V., Bashirova A. A. ; under total ed. doctor of Economics, Professor V. Z. Petrosyants; RAN ; Dagestan. Scientific. Cent. ; In-t. socio-economic research*. — М. : Economics, 2011.
20. Фатхутдинов, Р. А. Конкурентоспособность организации в условиях кризиса. — М. : Publishing and bookselling center «Marketing», 2002; Фатхутдинов, Р. А. Конкурентоспособность : Экономика, стратегия, управление. — М. : ИНФРА - М, 2000.
21. Tsvetkov, V. A., Petrosyants, D. V., Zoidov, K. Kh. *the Formation mechanism of functioning of regional innovative clusters on the basis of leading Russian universities in the context of cooperation within the EEU. Russia in the XXI century : global challenges and perspectives of development : plenary : proceedings of the Fifth International forum. Moscow, 8–9 December 2016 ; nder the editorship of corresponding member RAS V. A. Tsvetkov*. — М. : CEMI RAS / RAS Ypres, 2016.
22. Audretsch, D., Feldman, M. Innovative clusters and the industry life cycle // *Review of Industrial Organization* 11. 1996. P. 253–273.
23. Marshall, A., Marshall, Mary P. *Economics of Industry*. — London, 1879.

УДК 330.341.2

**МУСТАЕВ МОВСАР МУСАЕВИЧ**

к.э.н., доцент кафедры «Управление персоналом» ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет», e-mail: fatima-mambetova@rambler.ru

**МАМБЕТОВА ФАТИМАТ АБДУЛЛАХОВНА**

д.э.н., ведущий научный сотрудник отдела «Экономика инновационного процесса», ученый секретарь Института информатики и проблем регионального управления филиал ФБУН «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», e-mail: fatima-mambetova@rambler.ru

### СЕТЕВАЯ ФОРМА ОРГАНИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ КАК ЭФФЕКТИВНАЯ МОДЕЛЬ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СУБЪЕКТОВ ИННОВАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ

**Аннотация.** *Цель работы.* Провести теоретическое обобщение и дать обоснование эффективности сетевой формы организации экономики для хозяйствующих субъектов инновационной системы. *Метод.* В качестве метода исследования используется анализ и синтез экономических отношений в инновационной системе, логический и метод экспертных оценок на основе исследования эмпирических проявлений форм организации и взаимосвязи субъектов в экономике. *Результат.* Выявлено, что оптимальной формой взаимодействия при переходе к инновационной экономике является сетевая форма организации хозяйствующих структур, в частности кластер. Определено, что сети являются основой для создания и развития инновационных кластеров, надёжным способом получения конкурентных преимуществ региона и страны, гарантией устойчивости и развития предприятий, отраслей по инновационному пути. *Область применения.* Статья может быть использована при развитии теории сетевой экономики, а также при разработке программ и стратегий инновационного развития территорий, формирования интеграционной и кластерной политики. *Выводы.* В статье на основе проведённого анализа и обобщения публикаций, посвящённых прогнозу инновационного развития на долгосрочную перспективу, было установлено, что происходящие в современном мире процессы глобализации и информатизации экономики, организация систем электронных коммуникаций и технологии мобильной связи привели к существенным изменениям во взгляде на потребителей и партнёров. Формирование и поддержка стабильных долгосрочных взаимосвязей с дистрибьюторами, поставщиками, потребителями, научно-исследовательскими институтами, рекламными агентствами и персоналом ставит перед хозяйствующими структурами новую задачу, заключающуюся в организации такой системы взаимодействия, которая бы обеспечивала объединение фирм и поддерживала на основе взаимовыгодного делового сотрудничества её группы потребителей. Успех фирмы в конкурентной борьбе в основном будет зависеть от того, насколько эффективно функционирует данная система. Оптимальными формами взаимодействия при переходе к инновационной экономике сетевая форма организации хозяйствующих структур.

**Ключевые слова:** форма взаимодействия, инновационная система, сетевые структуры.

---

**MUSTAEV MOVSAR MUSAEVICH**

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Faculty of "Personnel Management" of FSBEI of HE "Chechen State University", e-mail: fatima-mambetova@rambler.ru

**MAMBETOVA FATIMAT ABDULLAKHOVNA**

Doctor of Economic Sciences, Lead Research Associate of the Department of "Economics of the Innovative Process", the Academic Secretary of the Institute of Computer Science and Problems of Regional Management, the branch of FBIS "Federal Science Center of "Kabardino-Balkaria Scientific Center of the Russian Academy of Sciences", e-mail: fatima-mambetova@rambler.ru

**THE NETWORK FORM OF ORGANIZATION OF THE ECONOMY AS AN EFFECTIVE MODEL OF INTERACTION OF SUBJECTS OF THE INNOVATIVE SYSTEM**

**Abstract.** *The goal of the study.* Performing a theoretical summary and giving a substantiation of the effectiveness of a network organization of the economy for economic subjects of the innovative system. **The method.** The method used for the study uses analysis and synthesis of economic relations in the innovative system, the logical method, and the method of expert evaluation based on a story of empirical manifestations of forms of an organization and an interconnection of subjects in the economy. **The result.** It has been found that the most optimal form of interaction when transitioning towards the innovative economy is the network form of organization of economic structures, in particular, a cluster. It has been determined that networks are the foundation for creating and developing innovative clusters, a reliable way of receiving competitive advantages of the region and the country, guaranteeing stability and development of enterprises, industries along the innovative roadmap. **The area of application.** The manuscript may be used when developing a theory of network economics, as well as when developing programs and strategies of innovative development of territories, forming an integrational and cluster policy. **The conclusions.** The manuscript based on the analysis performed, and based on a summarization of publications devoted to the forecast of the innovative development for the long-term perspective stated that the processes of globalization and informatization of the economy happening in the modern world, organization of systems of electronic communications and technologies of mobile connection led to significant changes in the views of consumers and partners. The formation and support of stable long-term interconnections with distributors, suppliers, consumers, scientific and research institutes, advertising agencies and the staff creates a new task for the economic structures that is in the organization of such a system of interaction that would provide for the combination of firms, and that would maintain it, based on a mutually profitable business cooperation of its group of consumers. The success of the company in competition will be mostly dependent on how effectively this system functions. The optimal forms of interaction when transitioning towards the innovative economy are the network form of organization of economic structures.

**Keywords:** the form of interaction, an innovative system, network structures.

**Введение.** Происходящие в современном мире процессы глобализации и информатизации экономики, организация систем электронных коммуникаций и технологии мобильной связи привели к существенным изменениям во взгляде на потребителей и партнёров. Формирование и поддержка стабильных долгосрочных взаимосвязей с дистрибьюторами, поставщиками, потребителями, научно-исследовательскими институтами, рекламными агентствами и персоналом ставит перед хозяйствующими структурами новую задачу, заключающуюся в организации такой системы взаимодействия, которая бы обеспечивала объединение фирм и поддерживала на основе взаимовыгодного делового сотрудничества её группы потребителей. Успех фирмы в конкурентной борьбе в основном будет зависеть от того, насколько эффективно функционирует данная система.

Создание и развитие сетевой формы взаимодействия экономических субъектов происходит в условиях постоянного преобразования институциональной среды и среды их функционирования и взаимодействия, что в свой черёд формирует особую атмосферу, способствующую данному процессу. Модификация типа экономической системы приводит к разрушению прежних принципов и механизмов работы субъектов экономической деятельности. В результате формируется сетевая среда с особым климатом доверия как центральной нормой сетевой культуры [1].

**Методы исследования.** В условиях многовариантной ситуации модели сетевого взаимодействия организационных структур, требуется применение экономико-математических методов и новейших средств вычислительной техники, которые позволяют делать выбор и организовывать конкурентоспособные сетевые структуры экономических субъектов, пользующихся электронными возможностями глобальной сети Интернет и новейшими информационно-коммуникационными средствами [1].

В основном сети не реализуют традиционные организационно-управленческие принципы, успешно апробированные экономической системой рыночного типа. Они занимаются разра-

боткой стратегии развития, которая основана главным образом на горизонтальной интеграции. Отличительной особенностью сетевой формы управления от рыночной и командно-административной, в которых управление осуществляется или рыночными сигналами, или государством, является то, что ей свойственен высокий уровень сознательности агентов, которые понимают свою роль и взаимозависимость друг от друга. Как результат, обеспечение эффективной работы участников сети невозможно без наличия доверия в виде нормы, регулирующей их взаимоотношения. Суть доверия сводится к «ожиданию определённых действий окружающих, которые влияют на выбор индивида, когда индивид должен начать действовать до того, как ему станут известны действия окружающих» [2].

Для компаний-участников сети данное определение также вполне применимо. Имея общие идеи, товарные знаки и торговые марки, инновационные разработки, а также другие объекты интеллектуальной собственности, функционируя в пределах единого информационного и экономического пространства, все участники сети стремятся к тому, чтобы застраховаться от возможных недобросовестных действий. Отсутствуют ограничения относительно количества участников сделок. Это могут быть работники компаний, поставщики, клиенты, кредиторы и т. д. Доверие должно проявляться в деперсонифицированной форме [3].

Важность доверия даже при осуществлении простой сделки с применением предоплаты можно доказать с помощью модели, суть которой заключается в следующем: чем больше величина проигрыша по отношению к выигрышу, тем выше должна быть степень доверия между участниками сделки [5]. Проводимые эмпирические исследования [4] подтверждают необходимость наличия определённой минимальной степени доверия. Об этом свидетельствуют расчётные данные этих исследований.

Ещё одним важным условием функционирования сетевого взаимодействия выступает наличие такой нормы сетевой культуры, как эмпатия. В основу действий индивида (в данной ситуации — это собственник, управленец или простой сотрудник фирмы, то есть любая заинтересованная фигура, ответственная за принятие решения в интересах компании) положена эмпатия: он ставит себя на место контрагента и стремится понять его интересы, ощущения и намерения [6]. Понятность и предсказуемость действий контрагента дают ему возможность осуществлять предпринимательскую деятельность, основанную на доверительных отношениях. К примеру, производитель стремится к тому, чтобы определить отношение потенциального покупателя к своему товару. Попытка посмотреть на свою продукцию с точки зрения покупателя даёт возможность разработать адекватную маркетинговую стратегию и PR-кампанию, придумать рекламный слоган, которые адресованы конкретной целевой аудитории. В то же время эмпатия не отрицает свободы поведения. Каждый отдельный экономический субъект не ограничивается в принятии решений, которые определяют его последующую деятельность. Чем лучше участник взаимодействия понимает и предсказывает действия окружающих, тем свободнее становится его деятельность, поскольку это позволяет ему превратить препятствия, стоящие на пути к достижению рационально поставленных целей, в условия успеха.

Следовательно, можно говорить о том, что отмеченные нормы сетевой культуры позволяют определить поведение субъектов экономики. Взаимоотношения хозяйствующих структур, организация разного рода предпринимательских союзов и объединений, взаимодействие с государственными структурами и другими организациями вызваны собственным желанием и стремлением данных субъектов выполнять эти правила, уважать законы взаимодействия и на добровольных началах выполнять все обязательства, взятые на себя.

Законность действующих норм является ключевой предпосылкой их выхода за рамки единичных случаев взаимодействия. Они превращаются в составляющую общей сетевой культуры, не зависящей от факта личного знакомства или территориальной принадлежности возможных участников взаимодействия. К примеру, доверие между участниками сделки обеспечивается путём предоставления государством эффективной законодательной защиты их прав. Вместе с этим, существование чётко установленных государством прав собственности значительно упрощает взаимное понимание интересов и намерений участников, то есть присутствие эмпатии между ними [7].

На развитие сетевой экономической культуры воздействует множество факторов, среди которых можно назвать непосредственно развитие самого общества и его культуры. Что же

касается России, то применительно к ней активное внедрение в жизнь стереотипов, принципов рыночной системы очень часто сказывается на развитии нового типа экономической культуры самым негативным образом. Из-за экономической и политической ориентации на рыночные преобразования провозглашались новые ценности, очень часто не воспринимающиеся как императивные и стержневые всеми членами общества. Кроме того, рыночные институты являются достаточно неустойчивыми структурами. Сформированные под воздействием прежних идеалов, доктрины и концепты в силу менталитета российского общества неверно истолковываются или искажаются.

Главным звеном системы взаимодействия, чаще всего, выступает хозяйствующая структура, способная предложить своим партнёрам наиболее выгодные условия сотрудничества, чёткую стратегию развития, другими словами, имеющая конкретное ясное видение перспектив партнёрства, а также обладающая необходимыми ресурсами и технологиями, которых нет у других участников в отдельности. Наиболее наглядно структура взаимодействия участников сетевой организации представлена схематично на рисунке (рис. 1).



Рис. 1. Структура сетевого взаимодействия [2]

Основанное на сетевой модели формирование системы взаимодействия организационных структур происходит с применением разнообразных моделей сотрудничества при разных уровнях интеграции. На решение о выборе определённой модели влияют исходные условия, в которых работают инициаторы организации системы взаимодействия, то есть центральная компания. Например, к таким условиям относится национальное законодательство, вид предпринимательской деятельности и т. д. В данной работе разработаны этапы формирования такого рода системы.

В настоящее время рассматривают два варианта организации системы взаимодействия: если структура отсутствует, то есть формирование системы взаимодействия осуществляется «с нуля», или если имеется компания, готовая стать центральной в будущей системе взаимодействия (рис. 2).

В случае когда первоначально отсутствует структура, порядок её построения для системы делового взаимодействия состоит из четырёх этапов [2].

Первый этап заключается в формировании инициативной группы, главной обязанностью которой будет формирование системы делового взаимодействия и разработка структуры системы взаимодействия сетевой организации.

Второй этап включает в себя проведение анализа преимуществ и последствий организации системы взаимодействия и подготовка к формированию данной системы.

Третий этап предусматривает основание центральной компании в форме, не противореча-

щей законодательству страны, в которой будет базироваться данная организация. Учитывая значимость и роль центральной компании в структуре системы взаимодействия, устанавливаются её функциональные обязанности, а также обязанности фирм-партнёров.

Четвёртый этап представляет собой присоединение партнёров к системе взаимодействия.

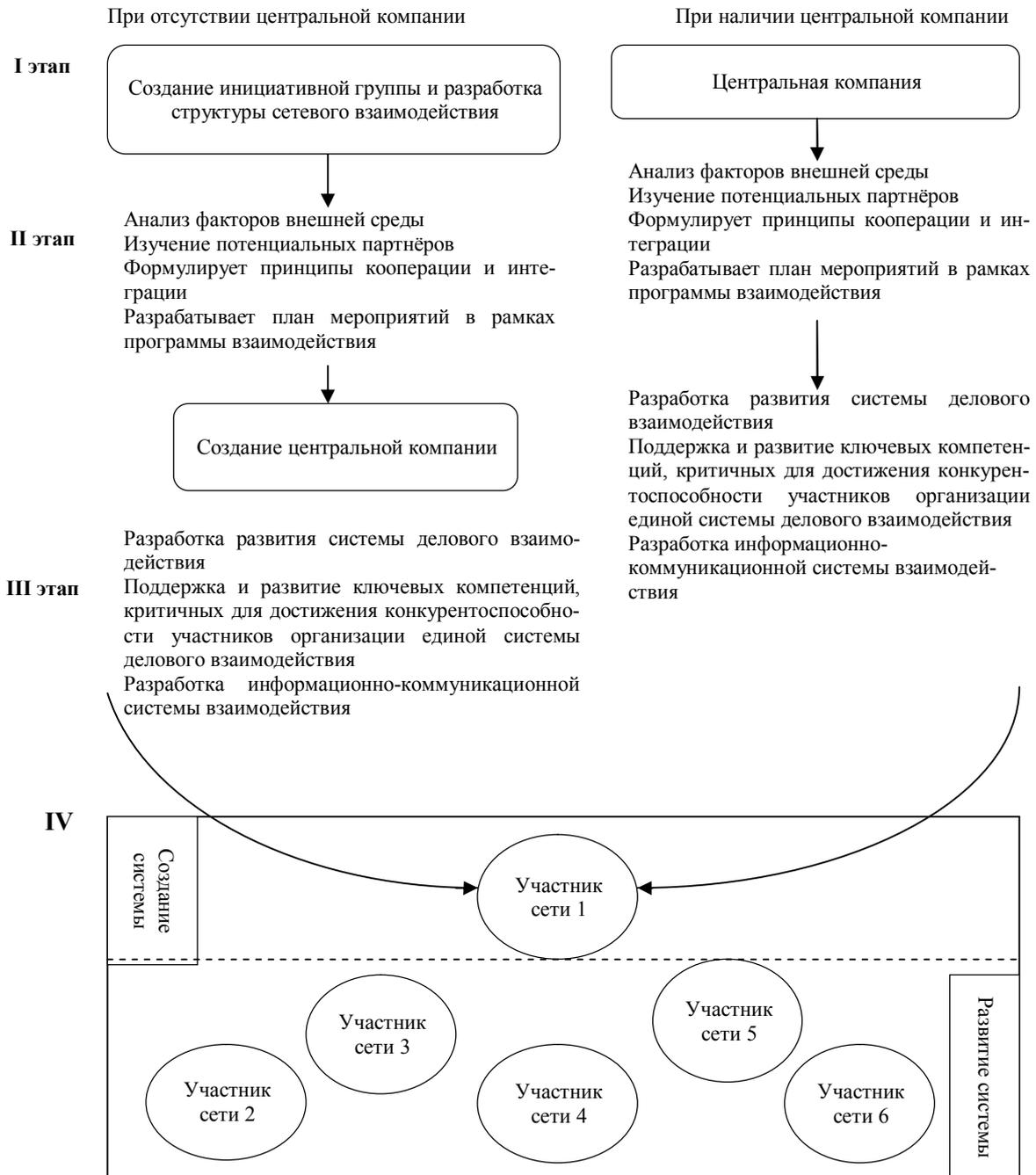


Рис. 2. Схема создания системы делового взаимодействия [2]

Нет принципиального ограничения в количестве участников сетевого взаимодействия, однако их присоединение зависит от целесообразности дальнейшего расширения сети делового международного взаимодействия.

Если находится компания, готовая выступить в качестве центра системы делового взаимодействия, то представленные выше этапы, в общем, также будут актуальны и в данном случае, однако рассмотренные ранее меры, осуществляющиеся на начальном этапе, проводятся не инициативной группой, а фирмой-инициатором создания системы делового взаимодействия.

Основные цели организационного устройства системы делового взаимодействия: уменьшение общих затрат сети, обеспечение ценовой стабильности, увеличение доли рынка, рост стоимости бизнеса и конкурентоспособности организационных структур, то есть достижение наивысшего синергетического эффекта за счёт объединения ресурсов [2].

Таким образом, процесс формирования систем делового взаимодействия отображает современную тенденцию в сфере экономического сотрудничества — настоящие партнёрские отношения между предприятиями и деловыми сообществами. При этом сети являются основой для создания и развития инновационных кластеров, своего рода «локомотивов» экономики, надёжного способа получения конкурентных преимуществ региона и страны, гарантии устойчивости и развития предприятий и отраслей по инновационному пути [8].

На сегодняшний день протекающие процессы кластеризации экономики активно происходят во многих регионах и странах мира. Поскольку кластеры выступают в качестве главного локомотива роста региональной и национальной конкурентоспособности, они превратились в отличительную особенность развития современной инновационной экономики. Благодаря использованию кластерного механизма страны способны выдерживать давление со стороны глобальной конкуренции и решать задачи регионального и национального инновационного развития.

Значимость инновационных промышленных кластеров состоит в их способности интегрировать творческий потенциал конкретной местности в основанное на добровольных началах партнёрское объединение, целью которого является получение совокупной экономической прибыли на основе общего удовлетворения как производителей, так и потребителей. Помимо этого, кластер представляет собой своего рода форум, в пределах которого проводится диалог между бизнес-структурами, государственным сектором, общественными и научными кругами касательно способов и направлений развития конкурентных преимуществ конкретных территорий, региона или страны в целом. Следовательно, в индустриальных районах мира проходит преобразование корпоративной организации производства: с целью развития новых технологий размываются организационные границы, всё больше внимания уделяется взаимодействию с субподрядчиками и организации общих компаний с бывшими конкурентами [9].

Переходя непосредственно к форме сетевого взаимодействия в виде кластера, существует необходимость обоснования оптимальности и эффективности именно этой формы организационной структуры сетевого типа. Так, к настоящему времени в экономической науке ещё не сформировалось чёткое определение понятия «кластер». Как утверждает Д. Якобс, единственного правильного определения данного понятия быть не может, но в то же время разнообразные определения интересны и очень значимы. Он идентифицирует основные факторы, которые могут использоваться для определения экономических кластеров: принцип пространственного или географического объединения в экономические кластеры для улучшения экономической деятельности, вертикальные и горизонтальные взаимосвязи между промышленными отраслями, применение общей технологии, присутствие «ядра» (т. е. крупной компании, исследовательского центра) [10].

Для того чтобы определить кластер, С. Розенфельд в дополнение к вертикальным и горизонтальным отношениям добавляет ещё некоторые критерии: размер кластера, экономическая или стратегическая важность кластера, диапазон произведённых продуктов или услуг. Согласно С. Розенфельду, экономический кластер — это «географически ограниченная концентрация подобных, связанных или дополнительных фирм, с активными каналами для деловых сделок, инфраструктурой, трудовым рынком и услугами, которая может получить как выгоду от общих возможностей, так и общие риски» [11].

Розенфельд С. указывает на территориальную локализованность кластеров, но не определяет их конкретные территориальные границы. На наш взгляд, он даёт более узкую трактовку понятия «кластер», в частности, автор не учитывает роль государственных органов власти, образовательных учреждений, ассоциаций. Представляется, что данное определение, скорее, связано с сетевыми объединениями и затрагивает многие их характеристики.

Каждый автор рассматривает определение кластера в контексте своего исследования, например, М. Портер рассматривает кластер, в контексте теории конкурентных преимуществ регионов и местоположения компании в глобальной экономике; Д. Якобс и С. Розенфельд —

через призму взаимосвязей между его участниками.

Российские исследователи и исследователи стран ближнего зарубежья разрабатывают механизмы адаптации теории кластеров применительно к регионам своих стран: М. П. Войнаренко исследует кластерную модель применительно к развитию регионов Украины; А. А. Воронов и А. Н. Буряк учитывают отраслевое расположение предприятий и их конкурентоспособность применительно к конкретному региону; А. А. Мигранян и А. Праздничных, главным образом, рассматривают кластеры в контексте политики регионального развития.

Отсутствие единого определения на международном уровне того, что же стоит относить к понятию «кластер», позволяет говорить о необходимости продолжить его теоретическое изучение. Иначе разрабатываемые государством программы и концепции, как составляющие кластерной политики, трудно будет реализовать по причине расплывчатого определения объектов воздействия и управления.

Проведённые в США исследования конкурентных преимуществ экономики страны привели к появлению концепции «национальной инновационной способности». В стране начал применяться кластерный подход к повышению конкурентных преимуществ. Так, в 1993 г. федеральное правительство стало использовать его в рамках научно-технической политики «Инвестирование в технологии — это инвестирование в будущее Америки». В соответствии с данной политикой в сферу ответственности правительства страны были добавлен весь комплекс «доконкурентных» этапов научно-технического цикла. Также федеральное правительство стало ответственным за разработку мероприятий по использованию технологий. В сфере внедрения применялись формы, используемые до этого только к сельскому хозяйству, где свыше 100 лет уже действуют службы внедрения, доводящие основные нововведения до фермеров и крупных хозяйств.

Помимо этого, в США приняли программу формирования Национальной сети центров внедрения промышленных технологий, финансирование которых происходит на долевой основе из бюджетов всех уровней (муниципальных, штатных, федеральных). Общественный интерес к созданию кластеров в США был вызван, в первую очередь, успехами объединения компаний Силиконовой Долины (штат Калифорния). В рамках кластера «Силиконовая Долина» лишь за период с 1991 г. по 2001 г. венчурные инвестиции выросли с 2 млрд долл. до 68,8 млрд долл. [12]. Пример Калифорнии был поддержан и другими штатами США, которые смогли реализовать соответствующие программы кластерного развития.

На сегодняшний день большинство городов и территорий США осуществляют собственные кластерные стратегии. Там создаются комиссии по формированию кластеров. Необходимую аналитическую работу выполняют научные центры и университеты. Вышеназванные комиссии помогают участникам кластеров преодолевать трудности, решают проблемы укрепления кластеров, контролируют распределение прибылей участников кластеров. Первоначальный капитал кластера выделяется из бюджета администрации штата, а уже потом привлекаются средства частных компаний. Уже в начале XXI столетия в США в кластерах было задействовано 57% всего трудоспособного потенциала страны, а доля ВВП, созданного кластерами США, составляла 61%. По данным Гарвардской школы бизнеса, в американских штатах, где производство организовано на кластерной основе, зарплата на 29% выше средней по стране. В то же время производительность труда в таких партнёрствах выше средней на 44% [12].

Об успешном опыте Канады в реализации кластерного подхода в развитии экономики свидетельствует развитая структура промышленности, высокая степень инновационности, а также успешные примеры формирования высокотехнологичных кластеров.

Примерами успешного опыта в реализации кластерных инициатив в Канаде можно назвать следующие формирования: винодельческий кластер (Ниагара); информационно-телекоммуникационный кластер (Квебек, Ванкувер, Калгари и др.); мультимедийный кластер (Торонто, Монреаль, Ванкувер); биотехнологический кластер (Оттава, Монреаль, Ванкувер, Торонто, Галифакс); кластер высоких технологий (Онтарио, Монреаль и др.); кластер пищевой промышленности (Торонто) и многие другие. На наш взгляд, интересным представляется опыт Канады относительно формирования комплексных региональных кластеров, в состав которых входят некоторые промышленные кластеры (Эдмонтон) [13].

Кроме того, регулированием и координацией кластерной стратегии занимается Национальный исследовательский совет, выступающий в качестве ведущего федерального агентства по научно-исследовательскому развитию и являющийся составляющей национальной инновационной политики страны. Этот совет включает в себя свыше 20 институтов и национальных программ, которые охватывают широкий круг дисциплин и предлагают ряд услуг по всей территории Канады, способствующих стимулированию инновационной деятельности на локальном уровне.

В реализации кластерной политики наиболее значимую роль играют местные органы самоуправления, поскольку на них возложено выполнение множества задач, начиная от разработки образовательных программ до обновления всех основных необходимых для успешного функционирования кластера инфраструктур [14].

Опыт экономики Японии может служить ярким примером процесса формирования кластеров, которые первоначально основывались на создании системы субконтрактных и субподрядных взаимосвязей между сетью средних и малых фирм и некоторыми крупными компаниями. Самый типичный крупный кластер в Японии включает в себя одну сравнительно большую центральную компанию, которая обращается за услугами к субподрядным компаниям 2–3 уровней, размещённых чаще всего географически близко к нему. Вместо вертикальной интеграции самостоятельные субподрядчики 1-го уровня связаны с центральной компанией долгосрочными контрактами. Подобным образом установлены связи поставщиков 1-го и всех остальных уровней. К примеру, автопромышленный кластер компании «Toyota» обладает многоступенчатой сетью, включающей в себя 122 прямых поставщиков и около 36 тыс. субподрядных малых и средних фирм. Субподрядчики всех звеньев формируют своеобразный клуб с достаточно высокими рыночными барьерами специально для новичков и иностранных конкурентов. Как результат, это позволяет существенно снизить потенциальную конкуренцию, характерную для свободного рынка. Но в то же время ценовой фактор при закупке компонентов стимулирует оптимизацию субконтрактного производства [15].

В Китае формирование кластеров началось с реализации новой политики, которая акцентировала внимание на вопросах коммерциализации научных результатов исследований. Помимо внедрения данной политики был запущен механизм конкуренции. При построении китайского кластера в виде образца бралась Силиконовая Долина и ряд других успешных зарубежных примеров. Хотя в Китае и организовано свыше 50 высокотехнологичных зон, их эффективность и рентабельность значительно варьируется от зоны к зоне. Поэтому центральной задачей государства стала ликвидация межрегиональных различий.

В 80–90 гг. XX столетия в Китае были сформированы специальные зоны развития высокотехнологичных отраслей. Совместно с Министерством науки и технологий региональные органы власти работали над созданием и развитием кластеров в данных зонах. В результате совместной деятельности уже к 2002 г. в стране успешно функционировали 53 такие особые зоны, которые включали в себя 28388 компаний с численностью сотрудников почти 3,5 млн и уровнем продаж на 1 трлн юаней/год [16].

Первая особая зона высоких технологий была сформирована в 1985 г. Это был высокотехнологичный индустриальный парк в Шеньжене. Через три года после этого была организована Пекинская индустриальная зона. В рамках программы развития инкубаторов Torch Program уже к 1991 г. успешно функционировало 26 зон подобного типа. С целью усиления кооперации в четырёх стратегических отраслях в 2002 г. между Китаем и Сингапуром был заключён контракт, способствующий развитию информационных технологий, биологических наук (биология, иммунология, биохимия, физиология, генетика, экология и т. д.), микроэлектроники, новых материалов [17].

В Китае формированием и развитием кластеров занимаются государственные органы власти трёх уровней: муниципальное, региональное и центральное правительство. Только с одобрения центрального правительства муниципалитеты могут организовывать на своей территории особую зону развития высокотехнологичных отраслей. В его же компетенцию входит отбор компаний, которые были бы достойны специальных привилегированных мер.

В мировой практике активное развитие кластеров принято считать эффективным направлением инновационного предпринимательства. Европа также не стала исключением. В частно-

сти, в принятой в 1997 г. Декларации об укреплении экономического сотрудничества в Европе и Плане действий, который её детализирует, создание новых кластеров и производственных систем, в основу которых положены сети, провозглашено как одно из самых актуальных направлений развития европейского сотрудничества [18].

Суть европейской кластерной концепции сводится к реализации консолидированного потенциала, которым обладают регионы, экономическая территория которых выступает базисом для развития европейского сотрудничества, а решение основных проблем региональной экономики — одним из центральных направлений работы европейского сообщества [19].

Страны Европейского Союза предпринимают разнообразные меры, направленные на рост инновационности европейской промышленности. Поэтому на наднациональном уровне был реализован ряд проектов по объединению и совместной деятельности инновационных кластеров. В европейских странах кластерная политика рассматривается как основной способ повышения конкурентоспособности регионов и отраслей, роста в средне- и долгосрочной перспективе инновационного потенциала и экономического развития. Кроме того, инновационной также должна быть промышленная политика. Она должна включать в себя новые более либеральные методы и инструменты регулирования, способные обеспечить промышленный сектор большей свободой в поиске собственных технологических решений [20].

Активизации европейской кластеризации началась в 1968 г. после создания в рамках Союза Генерального Директората по региональной политике. В 1975 г. был создан Европейский фонд регионального развития, а в 1988 г. Европарламент принял Хартию регионализма и начал свою работу Совет региональных и городских объединений.

Дальнейшими значимыми этапами европейских стран на пути к массовой кластеризации стали следующие события [20].

2000 г. — саммит в Лиссабоне, по результатам которого была утверждена необходимость разработки европейскими странами национальных программ кластеризации, утверждена Программа развития Региональных инновационных систем (RIC) и организовано «Европейское исследовательское пространство» (European Research Area, ERA).

Февраль 2007 г. — саммит в Брюсселе, который завершился одобрением «Манифеста кластеризации Европы».

21 января 2008 г. — саммит в Стокгольме, по результатам которого был одобрен и провозглашён «Европейский кластерный меморандум», в некотором роде план действий Европейского Союза, направленный на повышение собственной конкурентоспособности.

Унифицированный подход к межфирменному сотрудничеству первоначально был разработан в 1989–1990 гг. в Дании. Подготовка проекта длилась 3 года, и на неё было выделено 25 млн долл. США. Целью было определение наиболее перспективных сетевых структур в стране. Специально проводилась подготовка специалистов, которые должны были оказывать содействие в реализации программы по формированию нужных сетевых структур. В соответствии с программой предоставлялись гранты на осуществление ряда фаз: концептуализация программы, планирование развития, выполнение инициатив кооперации.

**Результаты.** Проведённое исследование позволило дать обоснование эффективности сетевой формы организации экономики, как основы для создания и развития инновационной экономики, надёжного способа получения конкурентных преимуществ региона и страны, гарантии устойчивости и развития предприятий и отраслей по инновационному пути. Определено, что наиболее оптимальной формой сетевого взаимодействия является кластер. Поскольку кластеры выступают в качестве главного локомотива роста региональной и национальной конкурентоспособности, они превратились в отличительную особенность развития современной инновационной экономики. Благодаря использованию кластерного механизма страны способны выдерживать давление со стороны глобальной конкуренции и решать задачи регионально- и национального инновационного развития.

**Выводы.** На сегодняшний день уже утвердилось мнение относительно кластеров, как «локомотивов» экономики, надёжного способа получения конкурентных преимуществ региона и страны, гарантии устойчивости и развития предприятий и отраслей по инновационному пути.

В функционировании кластера имеются и проблемы. Так, это проблемы, связанные с выде-

лением функционирующего кластера из сообщества кооперирующихся малых и средних компаний, предоставлением действующему кластеру государственной и другой поддержки для обеспечения его полноценного развития, формированием искусственных кластеров.

Исследования классификаций и характерных признаков кластеров позволяют увидеть их различия в разных странах, однако в целом имеют общие черты, которые можно свести к 12 показателям по ресурсам и ожидаемым результатам. Первыми из 7 показателей, которые относят к внешнеэкономическим для локальных предприятий, являются следующие: близость поставщиков, возможности по исследованию и развитию, развитие трудового потенциала, мастерство рабочей силы, наличие капитала, доступ к специализированным услугам, отношения с поставщиками оборудования. Далее идут ассоциирующиеся структуры — восьмой показатель, который характеризует степень коллективных действий, а остальные четыре показателя отображают интенсивность развития сетей, предпринимательский потенциал, обучение и инновации, руководство и коллективное видение.

Феномен кластеризации получил широкое распространение и поддержку, так как кластеры принято считать одним из инструментов повышения конкурентоспособности страны на мировом рынке. Большая часть кластеров (60%) были созданы ещё в 1970–1990-х гг. в ходе географической концентрации предприятий в отдельных отраслях экономики европейских стран. Лишь 15% кластеров было создано в 1900–1940-х гг. Процесс кластеризации характеризовался самостимулированием: рост числа успешных компаний в кластере стимулировал приток ещё большего количества предпринимателей, которые организовывали новые предприятия в рамках уже функционирующего кластера.

В этом процессе имеется множество национальных особенностей. Государственная политика, направленная на рост конкурентоспособности страны на основании кластерного подхода, приобрела специфические черты в тех странах, где существуют разные модели пространственной структуры организации государственной власти.

Краткий анализ специфики подобного опыта в экономически развитых странах показывает, что на экономическое развитие регионов сильное влияние оказывает сложная система взаимосвязанных факторов, среди которых можно выделить территориальное расположение и высококвалифицированный персонал, которые играют первостепенную, хотя и не исключительную роль. Вместе с тем полностью обеспечить экономический рост региона невозможно только с помощью отраслевой структуры и новых высокотехнологичных отраслей. Отметим, что наиболее динамично развиваются те регионы, в которых сформировались так называемые промышленные или инновационные кластеры, представляющие собой комплексы предпринимательских структур (научных учреждений, исследовательских центров, промышленных предприятий), государственных органов управления, профсоюзов, основанных на территориальной концентрации специализированных поставщиков, главных потребителей и производителей, входящих в одну технологическую цепочку. Такие комплексы являются альтернативой отраслевому подходу.

#### Литература

1. Титов, Л. Ю. *Экономические инновационные структуры и институты сетевого типа : теория и методология : автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05.* — Орел : Орловский гос. техн. ун-т, 2010. С.18.
2. Новацкий, К. В. *Организация сетевого взаимодействия предпринимательских структур информационно-коммуникационного сектора : автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05.* — СПб. : СПбГИЭУ, 2007. С. 14–16.
3. Ostrom, E. *Behavioral. Approach to the Rational Choice Theory of Collective Action // American Political Science Review.* 1998. March. Vol. 92. No. 1. P. 12.
4. Kreps, D. *Corporate Culture and Economic Theory // Perspectives on Positive Political Economy / J. Alt, K. Shepsle (eds.).* — Cambridge : Cambridge University Press, 1990. P. 100.
5. Кертман, Г. Л., Грунт, З. А., Павлова, Т. В. *Российская повседневность и политическая культура : проблемы обновления // Полис.* 1996. № 4. С. 57.
6. Monroe, K. *A Fat Lady in a Corset : Altruism and Social Theory // American Journal of Political Science.* 1994. Vol. 38. No. 4. P. 884.
7. Олейник, А. Н. *Институциональная экономика : учебное пособие.* — М. : ИНФРА-М, 2005. С.104.
8. Насибов, О. Л. *Кластерная модель развития малого и среднего промышленного бизнеса : автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05.* — СПб., 2009. С. 6.
9. Соколов, С. И. *Пути кластеризации экономики с целью повышения конкурентоспособности Запорожской области // Украинское кластерное исследование.* — Киев, 2010. Ноябрь. С.18.

10. Jacobs, D., De Man, A. P. *Clusters industrial policy and firms strategy // A menu approach technology analysis and strategic management*. 1996. No. 8(4). P. 425.
11. Rosenfeld, S. A. *Bringing business clusters into the mainstream of economic development // European planning studies*. 1997. No. 5. P. 3.
12. Соколов, С. И. Пути кластеризации экономики с целью повышения конкурентоспособности Запорожской области // *Украинское кластерное исследование*. — Киев, 2010. Ноябрь. С.19–24.
13. Пятинкин, С. Ф., Быкова, Т. П. *Развитие кластеров : сущность, актуальные подходы, зарубежный опыт*. — Минск : Тесей, 2008. С. 21–25.
14. Бондаренко, В. *Малые предприятия в системе кластеров // Малое предприятие*. 2005. № 11. С. 13.
15. Асаул, А. Н. *Строительный кластер — новая региональная производственная система // Экономика строительства*. 2004. № 6. С. 16.
16. Насибов, О. Л. *Кластерная модель развития малого и среднего промышленного бизнеса : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05*. — СПб., 2009. С. 6.
17. Колошин, А., Разгуляев, К., Тимофеева, Ю., Русинов, В. *Анализ зарубежного опыта повышения отраслевой, региональной и национальной конкурентоспособности на основе развития кластеров // Политанализ.Ру*. 2009. 16 января. [Электронный ресурс]. — URL : [http://politanaliz.ru/articleprint\\_695.html](http://politanaliz.ru/articleprint_695.html) (дата обращения 01.11.2016).
18. *Новые формы организации инновационного процесса : международный опыт*. [Электронный ресурс]. — URL : [http://www.subcontract.ru/Docum/DocumShow\\_DocumID\\_174.html](http://www.subcontract.ru/Docum/DocumShow_DocumID_174.html) (дата обращения 23.07.2016).
19. Колошин, А., Разгуляев, К., Тимофеева, Ю., Русинов, В. *Анализ зарубежного опыта повышения отраслевой, региональной и национальной конкурентоспособности на основе развития кластеров // Политанализ.Ру*. 2009. 16 января. [Электронный ресурс]. — URL : [http://politanaliz.ru/articleprint\\_695.html](http://politanaliz.ru/articleprint_695.html) (дата обращения 01.11.2016).
20. *Status Report on European Telemarketing : Telemarketing 1997 // Annual Report from the European Commission, 1997*. [Электронный ресурс]. — URL : <http://www.eto.org.uk/twork/tw97eto/> (дата обращения 31.10.2016).

#### References:

1. Titov, L. Yu. *Economic innovative structures and institutions of the network type: theory and methodology : author's abstract. dis. ... cand. econ. sciences: 08.00.05*. — Orel : Orel state. techn. univer., 2010. P.18.
2. Novatsky, K. V. *The organization of network interaction of business structures of the information and communication sector : the author's abstract. dis. ... cand. econ. sciences: 08.00.05*. — SPb. : SPbGIEU, 2007. P. 14–16.
3. Ostrom, E. *Behavioral. Approach to the Rational Choice Theory of Collective Action // American Political Science Review*. 1998. March. Vol. 92. No. 1. P. 12.
4. Kreps, D. *Corporate Culture and Economic Theory // Perspectives on Positive Political Economy / J. Alt, K. Shepsle (eds.)*. — Cambridge : Cambridge University Press. 1990. P. 100.
5. Kertman, G. L., Grunt, Z. A., Pavlova, T.V. *The Russian everyday life and political culture : the problems of renewal // Polis*. 1996. —No. 4. P. 57.
6. Monroe, K. *A Fat Lady in a Corset : Altruism and Social Theory // American Journal of Political Science*. 1994. Vol. 38. No. 4. P. 884.
7. Oleinik, A. N. *Institutional Economics : A Training Manual*. — M. : INFRA-M, 2005. P.104.
8. Nasibov, O. L. *Cluster model of development of small and medium industrial business : the author's abstract. dis. ... cand. econ. sciences: 08.00.05*. — St. Petersburg, 2009. P. 6.
9. Sokolov, S. I. *Ways of clustering the economy in order to increase the competitiveness of the Zaporozhye region // Ukrainian Cluster Research*. — Kiev, 2010. November. P.18.
10. Jacobs, D., De Man, A.P. *Clusters industrial policy and firms strategy // A menu approach technology analysis and strategic management*. 1996. No. 8 (4). P. 425.
11. Rosenfeld, S. A. *Bringing business clusters into the mainstream of economic development // European planning studies*. 1997. No. 5. P. 3.
12. Sokolov, S. I. *Ways of clustering the economy in order to increase the competitiveness of the Zaporozhye region // Ukrainian Cluster Research*. — Kiev, 2010. November. P.19–24.
13. Pyatinkin, S. F., Bykova, T. P. *Development of clusters : essence, actual approaches, foreign experience*. — Minsk : Theseus, 2008. P.21–25.
14. Bondarenko, V. *Small enterprises in the cluster system // Small enterprise*. 2005. No. 11. P. 13.
15. Asaul, A. N. *The construction cluster — a new regional production system // Economics of construction*. 2004. No. 6. P. 16.
16. Nasibov, O. L. *Cluster model of development of small and medium industrial business : the author's abstract. dis. ... cand. econ. sciences: 08.00.05*. — St. Petersburg, 2009. P. 6.
17. Koloshin, A., Razgulyaev, K., Timofeeva, Yu., Rusinov, V. *Analysis of foreign experience of increasing sectoral, regional and national competitiveness on the basis of cluster development // Политанализ.Ру*. 2009. 16 January. [Electronic resource]. — URL : [http://politanaliz.ru/articleprint\\_695.html](http://politanaliz.ru/articleprint_695.html) (circulation date 01.11.2016).
18. *New forms of organization of the innovation process. International experience*. [Electronic resource]. — URL : [http://www.subcontract.ru/Docum/DocumShow\\_DocumID\\_174.html](http://www.subcontract.ru/Docum/DocumShow_DocumID_174.html) (circulation date on July 23, 2016).
19. Koloshin, A., Razgulyaev, K., Timofeeva, Yu., Rusinov, V. *Analysis of foreign experience of increasing sectoral, regional and national competitiveness on the basis of cluster development // Политанализ.Ру*. 2009. 16 January. [Electronic resource]. — URL : [http://politanaliz.ru/articleprint\\_695.html](http://politanaliz.ru/articleprint_695.html) (circulation date 01.11.2016).
20. *Status Report on European Telemarketing : Telemarketing 1997 // Annual Report from the European Commission, 1997*. [Electronic resource]. — URL : <http://www.eto.org.uk/twork/tw97eto/> (circulation date 31.10.2016).

УДК 332.1

**ЕРМИЛИНА ДИАНА АЛЕКСАНДРОВНА**

к.э.н., старший научный сотрудник Лаборатории финансово-денежного регулирования национальной экономики, ФГБУН «Институт проблем рынка РАН»,  
e-mail: diana.ermilina@mail.ru

### СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ РОССИЙСКИХ ТЕРРИТОРИЙ<sup>1</sup>

**Аннотация.** Вопрос о перспективах развития экономики России и экономики её отдельных регионов является весьма актуальным в условиях нарастающих кризисов и сложностей экономического развития. Для региона как субъекта конкурентной борьбы достижение конкурентоспособности означает, с одной стороны, возможность повышения эффективности развития, с другой — право занять достойное место в системе федерального устройства и способствовать экономическому росту в стране. В качестве объекта исследования в статье выступают отдельные территории России — её федеральные округа. **Предмет исследования** — конкурентоспособность российских федеральных округов. В качестве основных **методов исследования** использовался сравнительный анализ, системный анализ, применялось сочетание количественных и качественных подходов. **Результаты:** 1. Рассмотрены существующие методические подходы отечественных и зарубежных исследователей к оценке конкурентоспособности отдельных территорий. 2. Проведён сравнительный анализ конкурентоспособности российских федеральных округов с использованием таких показателей, как структура промышленности и инновационный потенциал, удельный вес убыточных предприятий, рентабельность проданных товаров и услуг, сальдо торгового баланса. 3. Рассчитан индекс локализации (конкурентоспособности) по отраслям экономики для субъектов РФ с целью определения трудового потенциала для развития отдельных производств на выделенных территориях. **Область применения.** Полученные в ходе исследования результаты следует использовать при разработке комплекса мероприятий, направленных на стабилизацию экономического состояния федеральных округов России и выравнивание диспропорций в их развитии. **Выводы.** Для российских федеральных округов характерна высокая социально-экономическая дифференциация. Сгладить существующие различия и объективную разницу между уровнями экономического развития субъектов РФ призвана разумная государственная экономическая политика, стимулирующая развитие перспективных отраслей экономики, повышающая финансовую самодостаточность территорий. **Ключевые слова:** региональная конкурентоспособность, социально-экономическое развитие федеральных округов, диспропорции в развитии российских территорий.

---

**ERMILINA DIANA ALEXANDROVNA**

Candidate of Economic Sciences, Senior Research Associate of the Laboratory of Financial-Monetary Regulation of the National Economy, FSBIS "Institute of Market Problems of the RAS",  
e-mail: diana.ermilina@mail.ru

### COMPARATIVE ANALYSIS OF COMPETITIVENESS OF THE RUSSIAN TERRITORIES

**Abstract.** The issue about the prospects of development of the economy of Russia and the economy of its separate regions is quite relevant in the conditions of growing crises and complexities of the economic development. For a region that is an entity of competition, achieving a competitive advantage means, on the one hand, the ability to improve the effectiveness of development, and on the other hand it means the right to take up a respectable place in the system of federal structure and promote the economic growth in the country. **The objects of the study** in the manuscript are separate territories of Russia - its federal districts. The subject of the study is the com-

---

<sup>1</sup> Исследование проведено при финансовой поддержке Российского фонда

*petitiveness of Russian federal districts. The main **methods of the study** were a competitive analysis, a system analysis, and the use of a combination of qualitative and quantitative approaches. **The results:** 1. The existing methodological approaches of domestic and foreign researchers towards an evaluation of the competitive ability of separate territories have been discussed. 2. A comparative analysis of the competitive ability of Russian federal districts has been performed using such indicators as the structure of the manufacturing sector and the innovative potential, the specific weight of unprofitable enterprises, the profitability of sold goods and services, the trade surplus. 3. An index of localization (competitive ability) has been calculated for the economic industries of entities of the Russian Federation in order to determine the labor potential for the development of separate industries at segregated territories. **The area of application.** The results developed in the course of the study should be used when developing a complex of measures directed towards the stabilization of the economic state of the federal districts of Russia and evening out disproportions in their development. **Conclusions.** High social-economic differentiation is characteristic of Russian federal districts. An intelligent state economic policy is designed to soften the existing differences and the objective difference between the levels of economic development of entities of the Russian Federation. This state economic policy is stimulating the development of forward-looking industries of the economy, improves the financial self-sufficiency of territories.*

**Keywords:** *the regional competitiveness, the social-economic development of the federal districts, disproportions in the development of Russian territories.*

### Введение

Конкурентоспособность — многостороннее понятие, которое может быть рассмотрено в различных аспектах в зависимости от характера решаемых задач.

Конкурентоспособность на микроуровне (уровне предприятия) тесно связана с процессами конкуренции (соперничества). Она характеризуется способностью опередить конкурентов на рынке и обеспечить эффективность деятельности организации [7].

На макроуровне конкурентоспособность выражается в высоком уровне экономического роста и возможности генерировать постоянно растущие реальные доходы населения и жизненные стандарты.

Особый интерес представляет региональная конкурентоспособность. В настоящее время существует множество научных исследований в области региональной конкурентоспособности, а подходы к её определению также различны, что говорит о многогранности характера изучаемого объекта исследования.

### Конкурентоспособность региона: анализ существующих подходов

В настоящее время существует большое количество методических подходов к оценке конкурентоспособности региона. При этом в основе большинства методик, описанных различными авторами, лежит оценка инвестиционной привлекательности региона, уровень жизни населения и эффективность использования ресурсов. Данный подход широко распространен и в мировой практике [15, с. 13]. Особое внимание уделяется оценкам инвестиционной привлекательности территорий, но учёные подчёркивают [10, с. 22], что в «рейтингах инвестиционной привлекательности» учитывается только привлекательность для инвесторов, однако этого недостаточно, так как «мигрируют» не только капиталы, но и другие ресурсы — товарные и трудовые, информационные и технологические и пр., что, в свою очередь, не позволяет отразить всю сложившуюся ситуацию в целом.

Одним из известнейших исследований, оценивающих конкурентоспособность стран, является оценка индекса глобальной конкурентоспособности [21].

Еще одним из наиболее проработанных исследований по проблемам конкурентоспособности государств и регионов является The IMD World Competitiveness Yearbook. Указанное исследование включает анализ 331 критерия по четырем основным показателям [11]: состояние экономики, эффективность правительства, состояние деловой среды и состояние инфраструктуры.

Также стоит обратить внимание на опыт США по оценке конкурентоспособности своих

штатов, используемый The Beacon Hill Institute. The BNI competitiveness index основан на оценке 43 показателей, разделённых на 8 подиндексов [22].

Другим оценочным показателем конкурентоспособности является индекс креативности, предложенный Р. Флоридой в 2002 г. и представляющий собой комбинированную оценку четырёх факторов, которые дают комплексную оценку городу относительно его способности предъявлять высокий спрос на образованных квалифицированных специалистов [20, с. 287].

Анализ исследований региональной конкурентоспособности, проведённый известными зарубежными исследователями (П. Чешир, Р.Д. Аткинсон, П. Д. Готлиб) позволили выделить двадцать шесть индикаторов, разделённых на следующие категории, которые наиболее точно отражают региональные конкурентные позиции [19]: «знаниеёмкие» (высококвалифицированные) рабочие места; экономическая динамика; преобразование в цифровой экономике; технологический инновационный потенциал.

Наиболее известными отечественными методическими подходами в области оценки региональной конкурентоспособности являются следующие:

1. Конкурентоспособность как способность выдерживать конкуренцию на товарных рынках (конкурентоспособность предприятий). Шорохов В.П., Колькин Д.Н. [16, с. 92] как представители данного подхода утверждают, что конкурентоспособность региона — это региональная способность продавать свои товары, которые отвечают международным стандартам по результатам диагностической оценки.

2. Конкурентоспособность как способность к повышению уровня жизни населения (конкурентоспособность населения). Как утверждает М. В. Винокурова [6, с. 73], конкурентоспособность региона — это способность региональных органов к повышению уровня жизни населения путём привлечения инвестиций в бизнес-среду, развития более перспективных отраслей экономики, инфраструктуры и малого бизнеса.

3. Конкурентоспособность как способность выявлять, создавать, использовать конкурентные преимущества. Н. Я. Калюжнова придерживается данного подхода и считает, что конкурентоспособность региона представляет собой способность региона выявлять, создавать, использовать конкурентные преимущества для удержания или улучшения своей позиции среди регионов [8].

Невозможно не отметить, что в последнее десятилетие отечественные учёные, так же, как и зарубежные коллеги, проявляют повышенный интерес к оценке конкурентоспособности отдельных территорий.

### **Методология исследования конкурентоспособности федеральных округов России**

В РФ деление общей территории страны основывается на принципе районирования, вследствие чего Россия представляет собой две макрзоны — Европейскую и Восточную. Изначально утверждено деление территории РФ на семь федеральных округов [1]. Изменение их количества (увеличением до восьми) и состава (обособление Северо-Кавказского федерального округа из Южного федерального округа) произошло в 2010 г. [2]. В 2014 г. на присоединённых к России территориях произошло образование Крымского федерального округа [3], после чего Указом президента он был присоединен к Южному федеральному округу [4]. Таким образом, в настоящее время территория России разделена на 8 районов (федеральных округов).

Территория каждого федерального округа, как правило, включает развитые, отсталые, депрессивные слаборазвитые регионы. В состав некоторых из них входят приграничные территории и территории Крайнего Севера. Не вызывает сомнения, что уровень развития федерального округа зависит от структуры входящих в него административно-территориальных образований (областей, краев, республик) [9].

По мнению авторов [16, с. 93], существует две точки зрения относительно формирования региональной конкурентоспособности:

1. Региональная конкурентоспособность разветвляется как совокупность конкурентоспособностей субъектов хозяйствования, находящихся в границах данного региона.

2. Региональная конкурентоспособность является производной макроэкономической конкурентоспособности.

В данной работе в качестве регионов будут рассматриваться территориальные образования — федеральные округа, для которых проводился анализ «локальной региональной конкурентоспособности» (исключительно на данных официальной статистики)<sup>2</sup>. Расчёт будет осуществляться для восьми федеральных округов: Центрального, Южного, Поволжского, Уральского, Дальневосточного, Северо-Кавказского, Северо-Западного и Сибирского.

Ключевым показателем является структура промышленности в регионе (табл. 1). Согласно данным табл. 1, в целом по экономике России структура промышленности за анализируемый период не претерпела значительных изменений. Для промышленности ЦФО изменения её структуры за 2005–2014 гг. носят отрицательный характер. Произошло сокращение долей обрабатывающих производств (на 4,2 п.п.) и распределения электроэнергии, газа и воды (на 4,8 п.п.) с одновременным увеличением доли добывающего сектора (на 9 п.п.).

Таблица 1

## Структура промышленности федеральных округов РФ, % [12, с. 586–591]

Регион	Добыча полезных ископаемых	Обрабатывающие производства	Производство и распределение электроэнергии, газа и воды
<b>2005 год</b>			
<b>Российская Федерация, всего</b>	<b>22,5</b>	<b>65,1</b>	<b>12,4</b>
Центральный федеральный округ (ЦФО)	2,4	82	15,6
Северо-Западный федеральный округ (СЗФО)	12,7	74,3	13
Южный федеральный округ (ЮФО)	6,8	77,1	16,1
Северо-Кавказский федеральный округ (СКФО)	5,7	60,6	33,7
Приволжский федеральный округ (ПФО)	17,5	70	12,5
Уральский федеральный округ (УФО)	54,7	37,5	7,8
Сибирский федеральный округ (СФО)	18,8	70	14,2
Дальневосточный федеральный округ (ДФО)	45,5	30,2	24,3
<b>2014 год</b>			
<b>Российская Федерация, всего</b>	<b>22,8</b>	<b>66,8</b>	<b>10,4</b>
Центральный федеральный округ (ЦФО)	11,4	77,8	10,8
Северо-Западный федеральный округ (СЗФО)	11,4	78,2	10,4
Южный федеральный округ (ЮФО)	8,3	78,7	13
Северо-Кавказский федеральный округ (СКФО)	4,9	67,7	27,4
Приволжский федеральный округ (ПФО)	17	73	10
Уральский федеральный округ (УФО)	47,9	44,5	7,6
Сибирский федеральный округ (СФО)	26,1	62,4	11,5
Дальневосточный федеральный округ (ДФО)	64,2	23,7	12,1

Для СЗФО и ПФО характерно отсутствие значительных изменений в структуре промышленности в течение анализируемого периода.

СЗФО является промышленно ориентированной территорией с развитой инфраструктурой и преобладанием обрабатывающих отраслей в промышленности (более 3/4 в структуре промышленности), что определяет его важное конкурентное преимущество. В последнее время в округе активно создаются совместные сборочные предприятия с ведущими мировыми производителями, в особенности это относится к автомобилестроению. В округе создан мощный

<sup>2</sup> Анализ строился на данных 2014 г., так как данные за более поздний период (2015–2016 гг.) не представлены Росстатом

автомобилестроительный кластер, что обеспечило рост удельного веса обрабатывающего сектора региона на 4,5 п.п.

В структуре промышленности ПФО также наибольший удельный вес занимают отрасли обрабатывающей промышленности (2005 г. — 70%; 2014 г. — 73%). В регионе получили развитие такие отрасли, как машиностроение и автомобилестроение. Здесь расположены также крупные предприятия химической и лёгкой промышленности. Характерная особенность Приволжья — большая доля предприятий военно-промышленного комплекса, что, несомненно, является его конкурентным преимуществом.

УФО, структура промышленности которого в 2005 г. более чем на половину состояла из добывающего сектора, улучшил свои показатели. За анализируемый период доля обрабатывающего сектора увеличилась на 7 п.п. с аналогичным сокращением доли добывающего. Следует отметить, что благодаря особому географическому положению на территории рассматриваемого региона сосредоточена «львиная» доля топливно-энергетических ресурсов, поэтому значительно снизить удельный вес добывающих отраслей не представляется возможным. В настоящее время 90 % российского газа добывается на севере — в Ямало-Ненецком автономном округе: Уренгой, Ямбург, Медвежье. 70% российской нефти дают месторождения Среднего Приобья. Долгосрочные перспективы УФО определяются несколькими векторами развития [5], но первый и основополагающий связан с добычей и переработкой минерально-сырьевых ресурсов. Достижение поставленных целей реализуется с помощью таких крупномасштабных межрегиональных проектов, как, например, «Урал Промышленный – Урал Полярный». Наличие в регионе подобных проектов помимо решения основной задачи, связанной с добычей минерального сырья, активизируют развитие транспорта, энергетической и информационной инфраструктуры. Что касается обрабатывающего сектора, то Урал является российским лидером в области металлургической промышленности: на территории округа создаётся более 40% продукции чёрной и цветной металлургии.

Самые значительные изменения структуры промышленности характерны для СФО и ДФО. Эти регионы объединяет сокращение доли обрабатывающего сектора и рост доли добывающего в их структуре при неизменной доле распределения электроэнергии, газа и воды для СФО и значительном её росте (в 2 раза) для ДФО. Дальний Восток в рассматриваемом временном периоде — это территория реализации крупномасштабных государственных инвестиционных проектов, таких, как подготовка и проведение саммита АТЭС, проектов в электроэнергетике и нефтегазовой промышленности: в сентябре 2010 г. был введён газопровод «Соболево – Петропавловск-Камчатский», продолжает строиться газопровод «Сахалин – Хабаровск – Владивосток», построен нефтепровод «Восточная Сибирь – Тихий океан». Расширяются мощности Ванинского порта, предназначенные для экспорта угля. В 2011 г. была завершена знаковая для Восточной Сибири и Дальнего Востока стройка: в техническую эксплуатацию ввели железнодорожную линию, связывающую Транссиб и БАМ с Якутией.

В структуре промышленности Северо-Кавказского федерального округа за 2005–2014 гг. произошло увеличение доли обрабатывающего сектора и сокращение доли сектора электроэнергетики. Удельный вес добычи полезных ископаемых остался практически на том же уровне. В структуре ВРП субъектов РФ, входящих в состав СКФО, добывающая и обрабатывающая промышленность занимает от 4 до 17% (по РФ — 29%), что отражает низкую степень индустриализации округа [Расчеты автора. Источник: 17]. Наличие неразрешённых проблем кавказского «узла» также оказывает значительное влияние на конкурентную позицию региона.

Структура промышленности Южного федерального округа за анализируемый период не претерпела значительных изменений. Наибольший удельный вес приходится на обрабатывающий сектор (2005 г. — 77,1%, 2014 г. — 78,7%), незначительно увеличилась доля добывающего сектора (на 1,5 п.п.). В настоящее время Южный федеральный округ является энергодефицитным регионом. Его энергетические системы устарели, основное оборудование характеризуется высокой степенью износа, что и объясняет снижение удельного веса электроэнергетики в структуре промышленности региона (на 3,3 п.п.). Важнейшими секторами экономики округа, имеющими общероссийское и межрегиональное значение, являются агропромышленный, туристско-рекреационный и транспортный комплексы. Именно они формируют его конку-

рентные преимущества.

Оценка конкурентоспособности региона наряду со структурой промышленности определяется наукоёмкостью и инновационностью ведущих отраслей региона и производимой в них продукцией (табл. 2).

Таблица 2

### Инновационный потенциал российских регионов\*

Российские территории	2000 г.	2014 г.
<b>Удельный вес затрат на технологические инновации в общем объёме затрат</b>		
<b>Российская Федерация, всего</b>	<b>100</b>	<b>100</b>
Центральный федеральный округ (ЦФО)	25,9	31,2
Северо-Западный федеральный округ (СЗФО)	8,9	7,6
Южный федеральный округ (ЮФО)	2,5	5,6
Северо-Кавказский федеральный округ (СКФО)	1,6	0,8
Приволжский федеральный округ (ПФО)	19,7	27,3
Уральский федеральный округ (УФО)	23,1	10,1
Сибирский федеральный округ (СФО)	12,1	12,4
Дальневосточный федеральный округ (ДФО)	6,2	5
<b>Доля инновационных товаров, работ услуг в общем объёме произведённой продукции</b>		
<b>Российская Федерация</b>	<b>4,8</b>	<b>8,7</b>
Центральный федеральный округ (ЦФО)	4,3	9,6
Северо-Западный федеральный округ (СЗФО)	4,1	8,1
Южный федеральный округ (ЮФО)	6,5	4,8
Северо-Кавказский федеральный округ (СКФО)	8,5	7,6
Приволжский федеральный округ (ПФО)	10,2	13,8
Уральский федеральный округ (УФО)	2,2	2,3
Сибирский федеральный округ (СФО)	1,5	3,5
Дальневосточный федеральный округ (ДФО)	1,5	2,5

\*Расчёты автора. Источник: 12, с. 1012–1015.

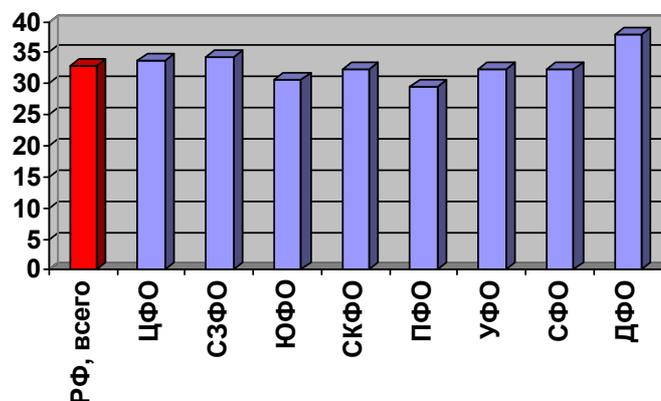
Наибольший удельный вес затрат на технологические инновации в общем объёме затрат приходится на Центральный федеральный округ и Приволжский федеральный округ. Причем, для этих округов характерна положительная динамика значений данного показателя. За анализируемый период для Уральского федерального округа характерно снижение удельного веса затрат на технологические инновации более чем в 2 раза, что является крайне негативной тенденцией развития региона. Наименьшее значение данного показателя приходится на Северо-Кавказский федеральный округ. Это объясняется наличием продолжительное время комплекса серьёзных социально-экономических проблем в регионе, которые затрудняют реализацию производственного потенциала региона.

На протяжении анализируемого периода доля инновационных товаров в общем объёме произведённой продукции растет как по России, так и по всем федеральным округам, за исключением Южного и Северо-Кавказского федеральных округов. Лидерство, как и в предыдущем рейтинге, за ЦФО и ПФО. Катастрофически низкое значение характерно для УФО, региона с огромным промышленным потенциалом.

В целом, можно сделать вывод, что для российских территорий характерна значительная дифференциация по показателю их инновационного развития.

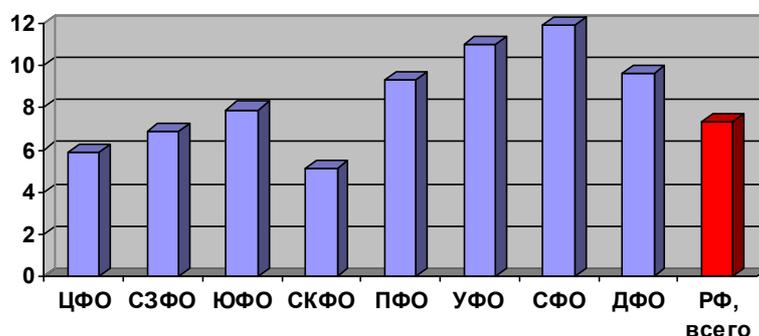
С целью определения конкурентоспособности российских территорий были проанализиро-

ваны такие показатели, как удельный вес убыточных организаций (рис. 1) и рентабельность проданных товаров/услуг (рис. 2).



*Рис. 1. Удельный вес убыточных организаций в 2014 г., % [12, с. 1130]*

Наибольший удельный вес убыточных организаций в 2014 г. приходится на Дальневосточный федеральный округ (37,9%) и Северо-Западный федеральный округ (34,4%). Наилучшее значение по данному показателю приходится на Южный федеральный округ (30,7%). Удельный вес убыточных организаций в данном регионе ниже значения по стране на 2,3 п.п. Нужно отметить, что разброс значений по округам незначителен. Разница между максимальным и минимальным значением составляет 7,2 п.п., отклонение от показателя по РФ в целом не превышает 5 п.п.



*Рис. 2. Рентабельность проданных товаров/услуг в разрезе федеральных округов, 2014 г., % [17]*

Лидирующие позиции по уровню рентабельности проданных товаров и услуг занимают Сибирский и Уральский федеральные округа (11,9% и 11% соответственно). Достаточно оптимистично выглядит и Дальневосточный федеральный округ, рентабельность проданных товаров в котором составила 9,6%. На указанных территориях сосредоточено максимальное количество ресурсов всей страны, а в структуре промышленности этих регионов наибольший удельный вес приходится на добывающий сектор по сравнению с другими российскими округами. Поэтому можно утверждать, что высокий уровень рентабельности проданных товаров здесь обеспечивается за счёт экспорта углеводородов и прочих минеральных ресурсов. Нерешённые в Северо-Кавказском регионе политические проблемы накладывают свой отпечаток на его экономическое развитие. СКФО является отстающим регионом в 2014 г. по показателю уровня рентабельности проданных товаров и услуг (5,1%).

Для оценки региональной конкурентоспособности проведён анализ регионального рынка

труда как основного фактора принятия решения о локализации в регионе тех или иных производств. С этой целью рассчитан показатель локализации (и конкурентоспособности) по отраслям экономики для субъектов РФ по формуле [13] (см. табл. 3):

$$Y_i = \frac{E_i^j / E_i}{E^j / E}, \quad [1]$$

где  $Y_i$  — показатель локализации;  $E_i^j$ ,  $E_i$ ,  $E^j$ ,  $E$  — численность занятых в производстве (отрасли)  $i$  в регионе  $j$ , в производстве (отрасли)  $i$  в стране, в регионе  $j$  в стране.

Согласно расчетным значениям индекса локализации по отраслям экономики для 2014 г., наиболее конкурентоспособными регионами по отрасли «промышленность» являются УФО ( $Y_i = 1,351$ ) и ПФО ( $Y_i = 1,151$ ). Во многом данное конкурентное преимущество объясняется исторически сложившейся концентрацией крупных промышленных объектов на указанных территориях. Причём для выделенных регионов данная отрасль является наиболее конкурентоспособной среди остальных отраслей экономики.

Наибольшее значение индекса локализации в сельском хозяйстве традиционно остаётся за южными российскими регионами: ЮФО ( $Y_i = 1,644$ ) и СКФО ( $Y_i = 2,24$ ).

Лидерство значения индекса локализации по отрасли «строительство» за УФО ( $Y_i = 1,086$ ) и ЦФО ( $Y_i = 1,072$ ). Принадлежность Москвы к ЦФО и её статус финансового и политического центра страны предопределили первенство ЦФО не только в области строительства, но и в торговле ( $Y_i = 1,164$ ) и недвижимости ( $Y_i = 1,346$ ).

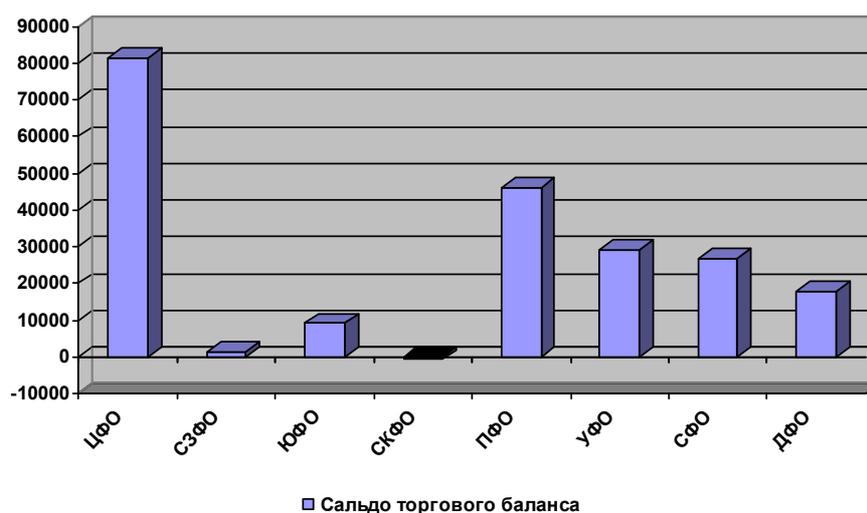
Социальные отрасли экономики — здравоохранение и образование — имеют наибольший потенциал для развития в СКФО и СФО (значения индекса локализации 1,177 и 1,119 для здравоохранения соответственно; 1,319 и 1,114 для образования соответственно).

Особо следует остановиться на показателях индекса локализации по отраслям экономики ДФО. В связи с тем что приморские районы в течение последних десяти лет являются привлекательной площадкой для прямых иностранных инвестиций, на рассматриваемой территории наблюдается рост экономической активности во всех отраслях экономики. Для справки: доля ДФО в структуре прямых иностранных инвестиций за период 2005–2014 гг. увеличилась практически в 11 раз [12]. За счёт этого создаются благоприятные экономические условия в регионе. Несмотря на то что ДФО по показателю индекса локализации удерживает первенство только лишь в отрасли «транспорт и связь», позиция «догоняющий лидера» для данного региона характерна в таких отраслях, как «здравоохранение», «оптовая и розничная торговля», «гостиницы и рестораны».

В качестве критерия оценки конкурентных преимуществ региона Мироедовым А.А. и Савельевым И.И. [14, с. 95] предлагается рассматривать его экспортный потенциал. По их мнению, интегральные показатели оценки экспортного потенциала менее целесообразны, чем характеристики показателей развития региона, влияющие на его способность быть востребованы в международном товарообмене. В качестве основного показателя выступает сальдо внешне-торгового баланса (рис. 3).

Значения индекса локализации  $Y_i$  по отраслям экономики  
для субъектов РФ (2014 г.) [12]

Отрасли	Субъекты РФ							
	ЦФО	СЗФО	ЮФО	СКФО	ПФО	УФО	СФО	ДФО
Промышленность	0,917	1,007	0,815	0,701	1,151	1,351	0,972	0,862
Сельское хозяйство	0,676	0,583	1,644	2,24	1,19	0,614	1,065	0,924
Строительство	1,072	1,034	0,939	0,926	0,977	1,086	0,863	0,995
Оптовая и розничная торговля	1,164	0,977	1,06	0,795	0,932	0,869	0,912	0,957
Гостиницы и рестораны	0,965	1,1	1,186	1,188	0,931	0,897	0,955	1,035
Транспорт и связь	0,9	1,174	1,007	0,838	0,901	1,065	1,123	1,322
Операции с недвижимым имуществом	1,346	1,184	0,717	0,428	0,861	0,82	0,937	0,838
Образование	0,861	1,033	0,931	1,319	1,035	0,985	1,114	1,073
Здравоохранение	0,89	0,982	1,067	1,177	1	0,977	1,119	1,048
Прочие коммунальные услуги	1,09	1,274	0,944	1,208	0,87	0,888	0,986	0,96



**Рис. 3.** Сальдо торгового баланса российских территорий в 2014 г., млн долл. США  
[Расчёты автора. Источник: 12, с. 106–109]

По данным Федеральной службы государственной статистики, в 2014 г. наибольший внешнеторговый оборот приходится на Центральный федеральный округ (81534,5 млн долл.) и Приволжский федеральный округ (46087,5 млн долл.). Высокие значения по данному показателю в ЦФО были достигнуты за счет внешнеторговой деятельности Москвы и Московской области. Остальные территориальные объединения данного региона не внесли какого-либо значительного вклада в формирование его лидерской позиции. Высокие позиции сальдо торгового баланса ПФО обеспечила Республика Татарстан, выступающая экспортером топливно-энергетических ресурсов. Единственный из восьми федеральных округов, Северо-Кавказский федеральный округ имеет отрицательное сальдо торгового баланса (-791,4 млн долл.). Опережающие темпы роста импорта над экспортом промышленной продукции и незначительная доля Северо-Кавказского федерального округа во внешнеэкономической деятельности Российской Федерации свидетельствуют о постепенном снижении конкурентоспособности промышленной продукции указанного федерального округа.

### Заключение

Проведённый анализ конкурентоспособности российских федеральных округов позволяет утверждать следующее:

- для российских территорий характерна значительная дифференциация в развитии;
- наиболее конкурентоспособными с точки зрения выбранных критериев является Центральный федеральный округ и Поволжский федеральный округ;
- аутсайдером выступает Северо-Кавказский федеральный округ.

Основные задачи, способствующие снижению дифференциации социально-экономического развития российских территорий, определены в Концепции совершенствования региональной политики в Российской Федерации (2008 г.) [18]. Их реализация намечалась к 2012 г. К сожалению, этого не произошло.

Стратегически важной задачей экономики России является повышение уровня её конкурентоспособности. Это, в свою очередь, определяет ключевые приоритеты регионального социально-экономического развития.

Если в ближайшие годы федеральная власть не определит параметров новой региональной политики, то уже через 2–3 года столкнется с тем, что диспропорции в уровнях темпов развития отдельных территорий России могут привести к утрате в долгосрочной перспективе экономического контроля над наиболее отдалёнными от Москвы и одновременно наиболее вовлечёнными в процессы мировой интеграции землями.

### Литература

1. О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе [Указ Президента РФ от 13.05.2000 г. № 849] [Электронный ресурс] // СПС «Консультант-Плюс» : Законодательство : Версия Проф. — URL : <http://base.consultant.ru>.
2. О внесении изменений в перечень федеральных округов. [Указ Президента РФ от 19.01.2010 г. № 82] [Электронный ресурс] // СПС «Консультант-Плюс» : Законодательство : Версия Проф. — URL : <http://base.consultant.ru>.
3. Об образовании Крымского федерального округа. [Указ Президента РФ от 21.03.2014 г. № 168] [Электронный ресурс] // СПС «Консультант-Плюс» : Законодательство : Версия Проф. — URL : <http://base.consultant.ru>.
4. Указ Президента РФ В.В. Путина от 28 июля 2016 г. № 375 «О Южном федеральном округе». [Указ Президента РФ от 28.07.2016 г. № 375] [Электронный ресурс] // СПС «Консультант-Плюс» : Законодательство : Версия Проф. — URL : <http://base.consultant.ru>.
5. Стратегия социально-экономического развития Уральского федерального округа на период до 2020 г. [Электронный ресурс]. — URL : <http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/StrategTerPlanning/komplstplanning/strategSTPlanning/>.
6. Винокурова, М. В. Конкурентоспособность и потенциал кластеризации отраслей Иркутской области / М.В. Винокурова // Эко. 2006. № 12.
7. Ворожбит, О. Ю. Проблемы конкурентоспособности в современной экономике // Проблемы современной экономики. 2008. № 3 (27). — URL : <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=2088>.
8. Калюжнова, Н. Я. Конкурентоспособность регионов : теория и методология анализа в контексте современного экономического развития : автореф. дис. ... д-ра экон. наук : 08.00.10 / Калюжнова Надежда Яковлевна. [Электронный ресурс РГБ]. — Томск, 2004.
9. Коваленко, Е. Г. Региональная экономика и управление. — СПб. : Питер, 2005.
10. Комарова, М. А. О критериях конкурентоспособности региона // Пути и механизмы обеспечения конкурентоспособности российских регионов : сб. науч. тр. / М.А. Комарова. — Саратов : Поволжская академия государственной службы им. П.А. Столыпина, 2007. С. 22.
11. Официальный сайт Центра международной конкурентоспособности [Электронный ресурс]. — URL : <http://www.imd.org/wcc/news-wcyranking/>.
12. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2013. 2015 : стат. сб. / Росстат. — М., 2013; 2015.
13. Точицкая, И. Э. Показатели конкурентоспособности регионов // Белорусский экономический журнал. 2003. № 3.
14. Управление экспортным потенциалом региона : монография / Мироедов А.А., Савельев И.И. — М. : ИИЦ «Статистика России», 2012.
15. Чайникова, Л. Н. Методологические и практические аспекты конкурентоспособности региона : монография / Л.Н. Чайникова. — Тамбов : Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2008.
16. Шорохов, В. П., Колькин, Д.Н. Оценка конкурентоспособности региона // Проблемы прогнозирования. 2007. №1 (100).
17. URL : [www.gks.ru](http://www.gks.ru) ЦБСД.
18. URL : <http://archive.minregion.ru>.
19. Atkinson, R. and Andes, S. The 2010 State New Economy Index : Benchmarking Economic Transformation in the States [Электронный ресурс] / R. Atkinson, S. Andes. — Washington D.C. : Information Technology and Innovation Foundation, 2010. — URL : <http://www.itif.org/files/2010-state-new-economy-index.pdf>.

20. Florida, R. *The Rise of the Creative Class. And How It's transforming Work, Leisure, Community and Everyday Life* / R. Florida. — New York : Basic Books, 2002.
21. Schwab, K. *The Global Competitiveness Report 2013–2014* [Электронный ресурс] / K. Schwab. — Geneva : The World Economic Forum, 2014. — URL : [http://www3.weforum.org/docs/WEF\\_GlobalCompetitivenessReport\\_2013-14.pdf](http://www3.weforum.org/docs/WEF_GlobalCompetitivenessReport_2013-14.pdf).
22. *The 12th Annual BHI State Competitiveness Report* [Электронный ресурс] // The Beacon Hill Institute for Public Policy Research at Suffolk University, 2012. — URL : <http://www.beaconhill.org/Compete12/Compete12.pdf>.

#### References:

1. On the Plenipotentiary representative of the President of the Russian Federation in Federal district [Decree of the President of the Russian Federation of 13.05.2000 No. 849] [Electronic resource] // SPS «Consultant Plus» : Legislation : Version of the Prof. — URL : <http://base.consultant.ru>.
2. On amendments to the list of Federal districts. [Decree of the President of the Russian Federation of 19.01.2010, No. 82] [Electronic resource] // SPS «Consultant Plus» : Legislation : Version of the Prof. — URL : <http://base.consultant.ru>.
3. About formation of the Crimean Federal district. [Decree of the President of the Russian Federation dated 21.03.2014 No. 168] [Electronic resource] // SPS «Consultant Plus» : Legislation : Version of the Prof. — URL : <http://base.consultant.ru>.
4. The decree of the President of the Russian Federation V. V. Putin on July 28, 2016 No. 375 «About the southern Federal district» [Decree of the President of the Russian Federation from 28.07.2016, No. 375] [Electronic resource] // SPS «Consultant Plus» : Legislation : Version of the Prof. — URL : <http://base.consultant.ru>.
5. Strategy for socio-economic development of the Urals Federal district until 2020. [Electronic resource]. — URL : <http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/StrategTerPlanning/komplstplanning/strategSTPlanning/>.
6. Vinokurova, M. V. Competitiveness and the potential for clustering of industries of the Irkutsk region / V. M. Vinokurov // EKO. 2006. No. 12.
7. Vorozhbit, O. Y. Problems of competitiveness in the modern economy // problems of modern economy. 2008. № 3 (27). — URL : <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=2088>.
8. Kalyuzhnova, N. I. The regional competitiveness : theory and methodology of analysis in the context of modern economic development : the author's abstract dis. ... degree of doctor Eck. Sciences: 08.00.10 / Kalyuzhnova Nadezhda Yakovlevna. [Electronic resource RSL]. — Tomsk, 2004.
9. Kovalenko, E. G. *Regional economy and management*. — SPb : Peter, 2005.
10. Komarova, M. A. On the criteria of competitiveness of the region // Ways and mechanisms of providing of competitiveness of Russian regions : collection of scientific works / M. A. Komarov. — Saratov : Volga region Academy of public administration by P. A. Stolypin, 2007. P. 22.
11. Official website of Centre for international competitiveness [Electronic resource]. — URL : <http://www.imd.org/wcc/news-wcranking/>.
12. The Regions of Russia. Socio-economic indicators. 2013. 2015 : stat. coll. / Rosstat. — M., 2013; 2015.
13. Tochitskaya, E. Indicators of competitiveness of regions // Belarusian economic journal. 2003. No. 3.
14. Management of export potential of the region : monograph / Miroedov A. A., Savel'ev I. I. — M. : IIC «Statistics of Russia», 2012.
15. Chainikova, L. N. Methodological and practical aspects of the competitiveness of the region : monograph / L. N. Chainikova. — Tambov : Publishing house Tamb. Gos. tehn. university? 2008.
16. Rustles, V. P. Colkin, D. N. Assessment of competitiveness of region // Problems of forecasting. 2007. No.1 (100).
17. URL : [www.gks.ru](http://www.gks.ru) TSBSD.
18. URL : <http://archive.minregion.ru>.
19. Atkinson, R. and Andes, S. *State new economy index 2010 : Benchmarking economic transformation in the States* [Electronic resource] / R. Atkinson and S. Andes. — Washington D.C. : Information technology and innovation Foundation, 2010. — URL : <http://www.itif.org/files/2010-state-new-economy-index.pdf>.
20. Florida, R. *The Rise of the Creative Class. And How It's transforming Work, Leisure, Community and Everyday Life* / R. Florida. — New York : Basic Books, 2002.
21. Schwab, K. *The Global Competitiveness Report 2013–2014* [Electronic resource] / K. Schwab. — Geneva : world economic forum, 2014. — URL : [http://www3.weforum.org/docs/WEF\\_GlobalCompetitivenessReport\\_2013-14.pdf](http://www3.weforum.org/docs/WEF_GlobalCompetitivenessReport_2013-14.pdf).
22. 12th annual report of the BHI state competitiveness [Electronic resource] / The Beacon Hill Institute for Public Policy Research at Suffolk University, 2012. — URL : <http://www.beaconhill.org/Compete12/Compete12.pdf>.

УДК 330.332

**БАГОМЕДОВ МАГОМЕД АЛИЕВИЧ**

к.э.н., заведующий отделом ФГБУН  
«Институт социально-экономических исследований ДНЦ РАН»,  
e-mail: bagron18@yandex.ru

## МОДЕРНИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В ПРОБЛЕМНЫХ РЕГИОНАХ СКФО<sup>1</sup>

**Аннотация. Цель работы.** Разработка мер модернизации социальной сферы в целях повышения экономической безопасности развития проблемных регионов СКФО. **Метод или методология проведения работы.** Методом аналитических обобщений проведён сравнительный анализ влияния на экономическую безопасность страны несоответствия развития социальной сферы проблемных регионов (республик СКФО) обостряющимся глобальным вызовам. **Результаты.** Выявлены территориальные конкурентные преимущества и проблемы развития экономики и социальной сферы в регионах Северного Кавказа. Определены приоритеты развития в условиях финансового кризиса и меры по модернизации социальной сферы проблемных регионов (Республик: Дагестанской, Чеченской, Ингушетии, Алании, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкессии в составе СКФО) с позиций роста качества жизни местного населения и обеспечения экономической безопасности при переходе региональной экономики в режим инновационного развития. Обеспечение свободного перелива капитала из производственных отраслей экономики в высококорентабельный платный сектор социальной сферы обеспечило бы снижение его оттока из экономически проблемных регионов в развитые регионы страны. В условиях глобализации, перманентных экономических и финансовых кризисов на мировых и локальных рынках, т. е. в условиях интеграции России и её регионов в нестабильное мировое экономическое пространство, особые меры модернизации социальной сферы должны стать важным условием обеспечения экономической безопасности долгосрочного устойчивого и сбалансированного социально-экономического развития проблемных регионов. **Область применения результатов.** Результаты исследования могут быть использованы органами власти при формировании региональной социально-экономической политики с целью обеспечения экономической безопасности модернизации социальной сферы проблемных регионов СКФО. **Выводы.** Проведенное исследование теоретических и методологических аспектов экономической безопасности формирования экономически проблемных регионов показывает, что причиной их появления является не отставание в росте ВРП, а то, что превалирование теневого обращения в условиях социально-правового вакуума становится основным способом обращения региональных рынков.

**Ключевые слова:** экономическая безопасность, глобализация, проблемный регион, кризисы, государство, региональная политика, экономическая политика, стратегия, социально-экономическое развитие, субъект федерального округа.

**BAGOMEDOV MAGOMED ALIEVICH**

Candidate of Economic Sciences, Head of the Department of FSBIS  
“Institute of Social-Economic Studies of DSC of the RAS”,  
e-mail: bagron18@yandex.ru

## MODERNIZATION OF SOCIAL SPHERE AND ECONOMIC SAFETY IN PROBLEMATIC REGIONS OF NCFD

**Abstract. The goal of the paper.** Developing measures of modernization of the social sphere in order to improve the economic security of development of the problem regions of the NCFD. **The method or methodology of performing work.** The method of analytical generalizations

<sup>1</sup> Исследование выполнено в рамках раздела «Национальная экономическая безопасность России в условиях обострения объективных и инициированных рисков и угроз» Комплексной программы фундаментальных научных исследований Отделения общественных наук РАН.

was used and a comparative analysis was performed of impact of the mismatch of the development of the social sphere of problem regions (of republics of the NCFD) to the intensifying global challenges on the economic security of the country. **The results.** Territorial competitive advantages were found, as well as were the problems of development of the economy and the social sphere in the regions of the North Caucasus. The priorities of development in the conditions of the financial crisis were determined, and measures on modernization of the social sphere of the problem regions (of the Republic of Dagestan, Chechen Republic, Ingushetia, Alania, Kabardino-Balkaria, Karachaevo-Cherkessiya as part of the NCFD) from the vantage point of the growth of the quality of life of the local population and providing economic security when transitioning of the regional economy towards the mode of innovative development. Providing free flow of capital from the production industries of the economy into a highly profitable fee-paying sector of the social sphere would provide for the reduction of its outflow from the economically problematic regions into the developed regions of the country. In the conditions of globalization, permanent economic and financial crises in the world and local markets, that is, in the conditions of integration of Russia and its regions into the unstable international economic space, special measures of modernization of the social sphere have to be an important condition of providing economic security of a long-term sustainable and balanced social-economic development of the problem regions. **The area of application of the results.** The results of the study may be used by the governmental authorities when forming a regional social-economic policy in order to provide for the economic security of modernization of the social sphere of the problem regions of the NCFD. **Conclusions.** The study performed of theoretical and methodological aspects of the economic security of forming the economically problem regions shows that the reason for their appearance is not the lag in the growth of the GRP but the fact that the prevalence of the shadow turnover in the conditions of a social-legal vacuum becomes the main means of circulation of the regional markets. **Keywords:** an economic security, globalization, a problem region, crises, the state, a regional policy, an economic policy, a strategy, social-economic development, an entity of the federal district

### Введение

Несмотря на существенный технико-технологический прогресс, привносимый глобализацией по всему мировому хозяйству и приводящий к повышению социально-экономической безопасности в последнее десятилетие, тем не менее, далеко не все проблемы безопасности устойчивого развития республик Северного Кавказа уже решены [17, с. 44–46]. Мировое экономическое пространство обретает новое качество — трансформируется в целостную глобальную систему, в которой национальные хозяйства становятся составными частями единого экономического организма, управляемого несколькими взаимосвязанными финансовыми группами. В результате стирается грань между внутренней и внешней средой деятельности, меняется соотношение влияния эндогенных и экзогенных факторов на траекторию развития отдельных национальных хозяйств, но принципиальное значение приобретают степень и методы эксплуатации национальных экономик и доступ к современным технологиям производства и обеспечения высокого уровня качества жизни в отдельных регионах, приводящие к опережающему или проблемному их развитию, и уже эти вопросы выходят на повестку проблем национальной социально-экономической безопасности [21, с. 134–136].

В связи с этим исключительное значение приобретает структурный аспект обеспечения безопасности взаимодействия экономик северокавказских регионов через экономику России с экономикой глобальной. Возникает необходимость в подходе к проблеме обеспечения социально-экономической безопасности страны, во главу угла которого поставлена стратегическая задача по формированию социально-ориентированного государства, чьим главным приоритетом должно быть достижение качества жизни российских граждан на уровне стандартов жизни постиндустриальных стран [19, с. 15–26]. На эту стратегическую цель накладывается объективная воспроизводственная трансформация региональных экономик в процессе преобразования национальной и мировой экономик в единое пространство, развивающееся по своим законам [22, с. 57–62]. Такой подход особенно важен в связи с тем, что усиление интеграции России с мировым экономическим пространством в настоящее время сопровождается усилением неравенства и эксплуатации трудовых и природных ресурсов северокавказских регионов

России и негативной для экономически проблемных регионов трансформацией региональной структуры российского производства [35, с. 139–143].

Без учета территориальных закономерностей безопасного развития экономики страны на фоне глобальной экономической системы, тенденций её развития и факторов дифференциации экономик отдельных регионов по уровню развития в её рамках все разработки по стратегическим проблемам экономической безопасности регионов России будут малоэффективными.

Практическая и теоретическая значимость проблемы обеспечения социально-экономической безопасности стратегических планов РФ через стимулирование модернизации социальной сферы догоняющее развитие её экономически проблемных регионов, а также необходимость её разработки с учетом структурного взаимодействия российской экономики с глобальной экономикой и обусловили актуальность темы данного исследования.

### **1. Выявлены территориальные конкурентные преимущества и проблемы развития экономики и социальной сферы в регионах Северного Кавказа.**

Среди многообразия восьми десятков регионов единого экономического пространства России есть несколько экономически проблемных регионов с объективно обусловленными «неразрешимыми» в течение десятков лет хозяйственными проблемами, вытекающими из особенностей их природно-исторического развития и территориального расположения, не учитываемых единообразной консервативной центростремительной политикой территориального управления экономикой страны [18, с. 99–106]. К этим регионам однозначно и априори можно отнести все республики Северного Кавказа с их «неразрешимыми» в течение десятков лет хозяйственными проблемами: стагнирующей неконкурентоспособной реальной экономикой, бюджетной несостоятельностью, молодежной безработицей, социально-экономическим неравенством, этно-конфессиональными конфликтами, существенно снижающими безопасность планов социально-экономического развития. Мы подходим к рассмотрению экономической безопасности страны в условиях сильного государства как к безопасности обеспечения его стратегических планов комплексного территориально-отраслевого социально-экономического развития. Он отличается от общепринятого «кризисного» подхода к оценкам экономической безопасности по степени превышения пороговых значений.

Основные территориальные конкурентные преимущества развития экономики и социальной сферы в регионах Северного Кавказа лежат в сфере сельского хозяйства, рекреации, подготовки трудовых ресурсов [13, с. 119–123]:

— это самые южные регионы России с достаточно тёплым умеренно-континентальным климатом, наибольшей продолжительностью солнечных дней и возможной вегетации сельскохозяйственных культур;

— этноэкономика его народов нацеливает население на более высокие стандарты жизни и, соответственно, предприимчивость в поисках заработка [52, с. 47–56];

— здесь самая высокая в стране продолжительность жизни населения в сочетании с положительным естественным приростом населения обеспечивает значительную трудоизбыточность [8, с. 353–365];

— высокое природно-климатическое и почвенное разнообразие;

— достаточно высокий уровень образования населения [49, с. 9–10];

— прикаспийское территориальное расположение в перспективных международных транспортных коридорах север-юг и «шелковый путь».

Среди основных причин неразрешимости проблем неравномерного развития и экономического отставания северокавказских республик можно отметить:

— теневую экономику [16, с. 59–61];

— политическую нестабильность;

— отсутствие значительного природно-экономического потенциала;

— низкий уровень межотраслевой диверсификации и зависимость от внешних рынков, в т. ч. зарубежных;

— недоступность современных технологий глобализации;

— неблагоприятные инвестиционно-финансовые условия [15, с. 48–49].

— недостатки производственных отношений и производственной культуры, обусловленные историческими мультикультурными противоречиями развития социокультурных особенностей [29, с. 83–85];

— неблагоприятные демографические тенденции, не соответствующие хозяйственному тренду (высокий естественный прирост населения при стагнирующем снижении реального производства).

Сам факт существенного (многопорядкового) отставания в социально-экономическом развитии большинства регионов и их территорий делает невозможным реализацию конституционных прав проживающих на данной территории на социальные блага в объёмах, принимаемых общественным сознанием за норму в других регионах и в Москве, что чревато ростом социальной напряженности в проблемных регионах и способствует миграциям населения (и напряженности) в более развитые регионы.

Возникающие в ходе многоаспектного развития любого экономического пространства территориальные диспропорции вызываются как объективными, так и субъективными факторами. Выравнивание межрегиональных различий в уровне жизни и развитии экономики является условием политической стабильности, поскольку она возникает на базе социально-политической однородности, а последняя невозможна при высоком социально-экономическом неравенстве территорий и субъектов, проживающих на них. Создание политически стабильного общества, формирование социально-ориентированной и устойчиво функционирующей рыночной экономики невозможно без модернизации экономики, т. е. без решения проблем преодоления кризисных явлений, проявляющихся в превышении порогов безопасности и в отставании в развитии экономики и качестве жизни населения отдельных территорий [23; 29, с. 83–85]/

Для обеспечения социально-политической безопасности народов, населяющих Россию, государство должно способствовать сохранению целостности своих территорий, преодолению сепаратистских тенденций, заложенных в федеральном устройстве. Центробежные силы помимо субъективного фактора стремления к большей власти национальных элит вызываются объективными факторами противоречия экономических интересов, связанными с существующей между регионами разницей в уровне материальной и бытовой культуры, сложившихся экономических отношений и практики правоприменения, с миграционной опасностью из-за существенной разницы в качестве жизни населения. Для обеспечения социально-экономической безопасности государство должно оказывать помощь проблемным в социально-экономическом отношении регионам в решении их ключевых проблем [30, с. 322–331].

Однако есть большое количество регионов, получавших длительное время значительные централизованные (государственные) инвестиции в развитие своих производств, но так и не вышедшие на траекторию устойчивого роста реальной экономики. К этой категории относятся и все республики СКФО, где значительные средства вкладывались и в поддержку промышленного производства, и в поддержку сельского хозяйства, но они так и не вышли из состояния стагнации [35, с. 139]. То есть регионы, где не просматривается прямая зависимость «вход – выход», являются «проблемными», требующими определения причин и разработки особых мер их преодоления. Априори можно выдвинуть гипотезу, что проблемные регионы — это те регионы, где слишком высокий гнёт теневой экономики не позволяет рыночным механизмам привести их экономику в сбалансированное состояние эффективного самофинансирования стратегического развития к постиндустриальной экономике. Но буквально в 2014 г. Банк России вкуче с правительством в угоду интересам финансовой элиты (а это тоже теневая экономика) осуществил обвал рубля и буквально поменял постиндустриальную (спросовую) модель развития России на схлопывающуюся модель ограничения потребления секвестированием стратегических социальных обязательств государства. При этом доход финансовой элиты от валютной спекуляции, составивший 3 триллиона рублей, в конечном итоге обернулся потерей десятков триллионов рублей в стратегическом развитии России [16, с. 59–61].

Соответственно официальной миссии, экономическая политика руководства проблемного региона должна предусматривать в качестве главной цели коррекции долгосрочной стратегии социально-экономического развития региона скорейшее повышение уровня и качества жизни населения через проведение комплекса антикризисных мер по первоочередному преодолению

ключевых проблем (узких мест) социально-экономического развития региона на всех уровнях управления и, прежде всего, в тех отраслях социальной сферы проблемного региона, где не достигнуты пороговые значения безопасности для стратегического развития [25, с. 239].

Для выбора ориентиров региональной политики должна быть методологически обоснована и сформирована система индикаторов отнесения регионов к категории проблемные по состоянию развития. Обычно для оценки уровня развития региона используется критерий ВРП на душу населения. Однако данный показатель отражает по сути уровень развития и только стоимостную оценку рыночного оборота (производства) товаров и услуг. Более уместным представляется комплексный показатель, состоящий из отдельных блоков: отставание развития реальной экономики, эффективность инвестиций, мультикультурная аутентичность населения, эффективность занятости, уровень доступности занятости, значение теневой экономики и уровень застойности в кадрах управления, — в каждом из которых отражается обеспечение тех видов безопасности, которые, являясь относительно мало изученными компонентами экономической безопасности, однако составляют в сумме представление о явлении проблемности [32, с. 230].

Наибольшие разногласия в методологии экономических исследований вызывает вопрос, что брать за базу для сравнения. В идеале, к примеру, по структуре доходов населения прочие доходы должны стремиться к нулю. Однако все понимают, что идеальной нормативной экономики не существует, но есть страны и регионы, где ситуация к ним приближена, прежде всего, в связи с более высоким уровнем развития реальной экономики, обеспечивающим трудовые доходы от заработной платы, достаточные для обеспечения качества жизни на уровне мировых стандартов (принятого в мире их максимума). Это границы доходов (пределы) категории высший средний класс с уровнем доходов на семью от 2,5 до 4 млн руб. в год (40–70 тыс. долл. в год) [20, с. 9].

Мы являемся свидетелями того, что именно в таких странах и регионах минимальна коррупция (Сингапур, Норвегия, Дания, Швеция, Финляндия, а в России это Тюменская область и входящие в неё Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский автономные округа), самое счастливое население и растет продолжительность жизни. Поэтому в идеале для межстрановых сравнений Россию надо ориентировать на Норвегию, которая очень похожа по экономическим условиям и международной специализации, а для межрегиональных сравнений для всех регионов России идеальным эталоном является Тюменская область [33, с. 25].

С такой постановкой вопроса определить перечень проблемных регионов можно относительно просто по ведущей доле прочих доходов в структуре денежных доходов на душу населения (потребительский критерий) или по объёму централизованных дотаций на душу населения (производственный критерий) [37, с. 339].

Гораздо сложнее определить институциональные механизмы и объём средств, необходимых каждому региону для выхода из порочного состояния [40]. Кроме того, существует множество показателей социально-экономической безопасности, по большинству из которых в проблемных регионах не достигнуты пороговые значения, в частности, превышает пороговые значения 10% зарегистрированная безработица в Республике Ингушетия и большинстве сельских районов Республики Дагестан и Чечни. В то же время профессиональная безработица среди молодежи до 30 лет превышает 25% от её численности во всех республиках Северного Кавказа. Преодоление этих значений также необходимо было бы учесть при определении критерия преодоления отставания, и они являются основой для выделения дополнительных направлений финансирования в случаях, если средства, выделенные по основному направлению проблем преодоления отставания (по эффективной занятости населения), не будут способствовать преодолению этих пороговых значений.

По критерию доля прочих (в т. ч. теневых) доходов в структуре денежных доходов населения самым проблемным федеральным округом является Северо-Кавказский (41,9% в 2014 г.), а самым проблемным регионом является Республика Дагестан (51,3%) [48, с. 218–221]. Во всех регионах СКФО и ЮФО в 2014 г. прочие доходы были самым большим источником денежных доходов населения. В «нормальных» странах и регионах главным источником денежных доходов населения является заработная плата, превышающая 60%. При этом заработная плата бюджетников с учетом доплат незначительно уступает средней заработной плате по региону (табл.).

## Показатели уровня и качества жизни по некоторым регионам страны в 2014 г. [48, с. 218–221]

Регион	Среднедушевые денежные доходы населения, руб. в месяц (место среди регионов России), руб.	Прожиточный минимум населения за IV квартал, руб.	Соотношение доходов и прожиточного минимума, раз	Среднемесячная начисленная номинальная зарплата, руб. в месяц	Доля других доходов (теневых) в денежных доходах населения, %, (в 1995 г. — для сравнения)	Коэффициент фондов, раз (Коэффициент Джинни)
1	2	3	4	5	6	7
<b>Россия в целом</b>	<b>27766</b>	8234	<b>4</b>	<b>32495</b>	<b>26,2 (26,2)</b>	<b>16,0 (0,416)</b>
Москва	54504 (4)	12542	5,3	61208	14,9 (56,4)	20,9 (0,452)
Московская область	34948 (9)	9150	4,4	38598	41,8 (19,1)	14,9 (0,398)
г. Санкт-Петербург	34724 (10)	8479	5,2	40697	24,3 (33,1)	18,7 (0,437)
<b>СКФО</b>	<b>20692 (8)</b>			<b>20930</b>	<b>41,9</b>	
Республика Дагестан	23423 (34)	7453	4,4	18194	51,3 (30,5)	13,3 (0,391)
Республика Ингушетия	14346 (81)	7396	2,0	20993	42,4	11,3 (0,367)
Кабардино-Балкарская Республика	16619 (77)	7357	2,9	20323	40,7 (27,7)	12,0 (0,376)
Карачаево-Черкесская Республика	16081 (80)	7339	2,8	19746	35,7	11,6 (0,371)
Республика Северная Осетия – Алания	19820 (65)	7284	3,3	20311	31,2	11,8 (0,373)
Чеченская Республика	19788 (66)	6771	3,5	21452	43,1	15,1 (0,408)
Ставропольский край	21590 (51)	7154	3,6	22597	34,3	13,7 (0,394)
<b>Приволжский федеральный округ</b>	<b>24020 (6)</b>			<b>24601</b>	<b>32,1</b>	
Ханты-Мансийский АО - Югра	41503 (7)	12135	3,9	57976	3,6 (13,0)	16,9 (0,423)
Ямало-Ненецкий АО	61252 (2)	14241	5	74489	1,4 (18,2)	17,6 (0,429)
Магаданская область	45846 (5)	15415	3,4	62152	2,2 (18,8)	14,0 (0,397)

По критерию производство ВРП на душу населения в 2013 г. десятью самыми проблемными регионами России являлись по порядку снизу: 1) Чечня; 2) Ингушетия; 3) Кабардино-Балкария; 4) Республика Тыва; 5) Калмыкия; 6) Республика Дагестан; 7) Республика Алтай; 8) Северная Осетия – Алания; 9) Адыгея; 10) Кировская область [48, с. 15–19].

По критерию инвестиции в основной капитал на душу населения в 2014 г./десятью самыми проблемными регионами России являлись по порядку снизу: 1) Ивановская область; 2) Кабардино-Балкария; 3) Ингушетия; 4) Адыгея; 5) Бурятия; 6) Курганская обл.; 7) Костромская обл.; 8) Алтайский край; 9) Кировская обл.; 10) Карачаево-Черкессия [48].

При анализе проблемного положения по округам можно выделить Северо-Кавказский федеральный округ как включающий больше всего (5) проблемных по производству ВРП регионов (республик). При анализе по денежным доходам населения в число самых проблемных

попало 2 региона из СКФО [50].

При том, что стартовые условия во всех округах были примерно одинаковыми (в СССР уделялось очень много внимания выравнивающему развитию регионов), отставание по производственному критерию самое большое на Северном Кавказе, а по уровню жизни — в Поволжье. Необходимо понять, в чём заключаются социокультурные причины проблемности территории по первому производственному критерию, ведь другие объяснения к республикам СКФО не подходят, это самые тёплые южные, самые плодородные продолжительные по вегетации, самые плотно населённые, самые здоровые по продолжительности жизни, расположенные на пересечении международных путей самые древние на территории страны по мировым религиям и политико-экономической культуре цивилизации. Видимо бич российского «зазеркалья» — теневая экономика здесь имеет большее значение из-за усиления патриархально-клановых связей в социальном обустройстве, что косвенно подтверждается тем, что по критерию денежных доходов населения Дагестан из разряда проблемных регионов перебрался в середняки на 34-е место [48, с. 15–19]. В строгом соответствии с теорией игр руководство регионов заинтересовано в признании их «проблем», поскольку это позволяет им рассчитывать на «выбивание» бюджетной поддержки Федерального центра [54, с. 239–240].

Таким образом, клановость или семейственность в управлении экономикой регионов с традиционным демографическим поведением, препятствуя механизмам оздоравливающей конкуренции рыночной экономики, становится источником проблемности, в первую очередь, территорий цивилизационных стыков, накладывающих дополнительные антикризисные тормоза на механизм ротации кадров.

Какие же регионы подпадают под понятие проблемный регион России? К ним относятся находящиеся на цивилизационных стыках Республики СКФО, Калининградская область, республики, края и области, граничащие с Монголией, Китаем, Японией и США. Недоплата бюджетникам при ключевом мультипликативном значении социальной сферы региона для формирования валового регионального продукта экономически проблемного региона служит причиной внутрирегиональных и межрегиональных противоречий. Именно происходящая модернизация социальной сферы региона в виде роста зарплаты бюджетников и инвестирование социальной инфраструктуры позволяет Дагестану и другим регионам СКФО увеличивать ВРП самыми быстрыми в России темпами, но и сохраняющееся в три раза отставание фактического уровня оплаты от необходимого является причиной проблем в социальной сфере, оказывающей существенное значение на сохраняющуюся проблемность региона [56].

Перечисленные проблемы в основных сферах экономики позволяют сделать вывод о том, что в настоящих условиях ресурсный потенциал республик СКФО не обеспечивает им возможности самостоятельного в пределах действующего федерального законодательства выхода из проблемного состояния [58, с. 135]. И также можно охарактеризовать ресурсный потенциал трёх десятков других экономически проблемных регионов, который при сложившихся институциональных условиях не позволяет им рассчитывать на повышение своей доли в ВВП России. Соответственно и социальная сфера экономически проблемных регионов финансируется не в полной мере. Таким образом, одним из главных ограничивающих ресурсов развития социальной сферы этих регионов является недостаточный их финансовый потенциал. В свою очередь, нормальный финансовый потенциал не сформировался из-за присущих проблемным регионам низких инвестиционных рейтингов.

Рост ВВП России в 2001–2010 гг. и доходов государства, обусловленный выгодной мировой конъюнктурой на энергоносители, позволил государству выдвинуть стратегическую задачу в ближайшие 15 лет вывести страну в категорию развитых стран по уровню и качеству жизни населения с соответствующей модернизацией общественного производства. Экономическая мощь государственной вертикали власти в России за эти 10 лет настолько окрепла, что в вопросах обеспечения социально-экономической безопасности страны смещаются акценты: если до 2000 г. главными проблемами были: сохранение государственности и территориальной целостности, предотвращение голода, сохранение бюджетной сферы, нищета основной массы населения, и, соответственно, индикаторы этих явлений превышали на большей части регионов (территорий) страны пороговые значения, то сейчас социально-экономическая безопасность России и её регионов должна оцениваться с позиций перспектив и угроз выполне-

нию стратегических планов вывода страны в категорию развитых стран по уровню и качеству жизни населения и соответствующей модернизации общественного производства [53, с. 439].

С этой позиции оценка слагаемых производительных сил регионов сохраняет своё существенное для экономической безопасности страны значение, но еще более актуальное значение приобретает оценка состояния производственных отношений, без реальной трансформации которых во всех регионах стратегическим планам России в целом не суждено сбыться. Важность учета производственных интересов различных групп населения и территорий подтверждается зарубежными примерами из прошлого и настоящего. В своё время маленькая провинция Вандея сгубила Великую французскую революцию, потому что отмена соляного таможенного сбора лишила дохода систему контрабандистов этой провинции. В настоящее время Италия, несмотря на все свои экономические достижения в государственном регулировании рыночной экономики, не может выйти в лидеры единой Европы, потому что её тянет вниз Сицилия и теневая экономика Юга [47, с. 43].

Также и в России существование теневой экономики, её доминирование во многих регионах разрывает единое экономико-правовое поле страны и ставит под сомнение выполнение стратегических планов модернизации экономики. Полукриминальная элита новой России все более сосредотачивает в своих руках механизмы власти, нивелируя показные усилия по борьбе с коррупцией и активизации механизмов конкуренции в большинстве проблемных регионах страны. Доступ к региональным рынкам производства товаров и услуг становится все более финансово затруднительным [45, с. 19–28].

Существовавшая и в советское время неравномерность территориального социально-экономического развития в условиях навязанной глобализацией однобокой специализации экономики России приобрела гораздо большие масштабы. Большинство регионов хронически отстает в социально-экономическом развитии от нескольких (Москвы, Санкт-Петербурга и энергоэкспортноориентированных). Особенно в этом отношении выделяются республики СКФО и ЮФО (Чечня, Ингушетия, Дагестан, Калмыкия, Адыгея, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкессия), которые занимают последние места среди регионов России по показателям не только производства, но и уровня жизни: среднемесячной зарплаты, уровня занятости, жилищной обеспеченности, численности автомобилей, персональных компьютеров и телевизоров на 1000 жителей, объёму ВРП и промышленной продукции на душу населения [43, с. 339].

Понятие «проблемный регион в экономике страны», хотя оно и не получило особого применения в научной литературе, имеет важное значение для формирования экономической безопасности стратегической политики государства, направленной на формирование в стране развитой социально-ориентированной рыночной экономики, поскольку свидетельствует в определенной мере о препятствиях рыночной трансформации в данном регионе, о том, что не все его вновь созданные механизмы оказались адекватными своему предназначению [49, с. 10].

Поскольку информация о соотношении транзакционных издержек и общественно необходимых затратах в территориальном разрезе регионов России отсутствует, постольку мы предлагаем руководствоваться при определении отнесения региона к категории проблемный критерием — ниже медианы по регионам произведения индекса соотношения ВРП на душу населения к ВВП на душу населения по стране и индекса соотношения регионального и российского уровня прочих (незарегистрированных) доходов в денежных доходах населения. Если первый индекс будет корректировать критериальный показатель по уровню развития общественного производства в регионе, то второй должен отразить в нём, насколько эффективна институционально социально-экономическая система региона в плане построения развитой рыночной экономики. По этому критерию все регионы СКФО являются экономически проблемными, но самым экономически проблемным регионом является Ингушетия, а затем Республика Дагестан [46, с. 39].

По нашему мнению, проблемный регион нельзя отождествлять с экономически проблемным, которым следует считать регион с объективно объяснимым (природными, историческими, социальными и политическими факторами) сравнительно пониженным уровнем экономического потенциала и, как следствие, состоянием отставания социально-экономического развития, проявляющимся в течение продолжительного периода времени. В специфических усло-

виях зазеркалья России в категорию экономически проблемные попадают регионы с искаженным правоприменением, с более высокой долей теневой экономики, то есть там, где отсутствует прямая зависимость в пропорции «вход – выход» или «ресурсы – отдача» [35, с. 139].

Отнесение к категории экономически проблемный должно автоматически предполагать особый экономический режим государства по отношению к данному региону. Он имеет место в случае с содержанием социальной сферы Дагестана, когда она в течение последних 15 лет на 85% финансируется субвенциями центра, сохраняя единое в масштабах России социальное поле. Однако в экономической сфере особый экономический режим как раз и должен предполагать разрыв единого экономического поля через применение в проблемных регионах исключений из норм экономических законов, действующих в целом по стране [28, с. 479].

Такого рода исключения уже имели место в новейшей истории Дагестана в ходе приватизации (здесь был существенно снижен порог акционирования) и земельной реформы (здесь не была разрешена частная собственность на землю сельскохозяйственных угодий) [22, с. 65].

**2. Приоритеты развития проблемных регионов в условиях финансового кризиса и меры по модернизации социальной сферы.** В результате финансового кризиса в проблемных регионах России существовавшие социально-экономические проблемы стабильного развития только усугубились, в частности, сохраняется тенденция постепенного ухода государства из экономики как её субъекта. Эта тенденция должна быть преодолена в экономически проблемных регионах, где монополизм становится препятствием на пути рыночных производственных отношений и отсутствуют внутренние факторы экономического роста. Помимо прямого финансирования бюджетов развития этих регионов государство должно осуществлять здесь прямое управление наиболее перспективными отраслями и производствами. Проявлением такого рода подспудных попыток является сохранение во многих регионах, в частности в Дагестане, отраслевых министерств и комитетов. Тем не менее последние не справляются с задачей активного влияния на оживление экономического развития вверенных отраслей, прежде всего, по причине отсутствия положений закона о государственном предприятии, гарантирующих обязанности, права и возможности коллектива и общества вмешаться и своевременно обеспечить реструктуризацию предприятия [27, с. 126].

Негативное воздействие макроэкономического регулирования федерального центра проявляется сейчас в регионах, прежде всего, через высокую учетную ставку Центробанка России (10% годовых и выше), которая в условиях дороговизны заёмных денежных ресурсов заставляет их хозяев искать более выгодные непроизводственные варианты их вложений, чем инвестиции в производство. Старение производственного аппарата и недостаток собственных оборотных средств не позволяют предприятиям обновлять производство, добиваться конкурентоспособности, что в конечном итоге снижает эффективность производственных отраслей регионов. Положительными результатами рыночных преобразований в экономиках регионов можно считать только благополучное состояние торговли, обеспечивающей определённое наполнение прилавков, то есть когда предложение превышает платежеспособный спрос. Но и в этой отрасли наряду с улучшением качества обслуживания негативной переменной является то, что торговые наценки выросли с максимальной до 20% в советской госторговле — до диапазона 20–150%, что свидетельствует о значительном снижении народнохозяйственной эффективности отрасли [15, с. 49].

В сельском хозяйстве экономически проблемных регионов СКФО также произошли негативные перемены. Процесс обеспечения эффективности сельского хозяйства в условиях опережающего роста цены машин, топлива и инвестиций по сравнению со стоимостью рабочей силы идёт по технологическому пути минимизации инвестиций и максимизации использования живого труда. Для того чтобы сельское хозяйство проблемных регионов снова стало на путь интенсификации, необходимо по крайней мере в пять раз поднять ставки повременной оплаты труда сельскохозяйственных рабочих, что должно сопровождаться соответствующим ростом технологической культуры аграрного производства, квалификации и производительности труда. Но теневой монополизм доступа сельхозпроизводителя к льготным заёмным инвестициям не позволяет совершить даже малую технологическую революцию в сельском хозяйстве [18, с. 301].

Значительные изменения произошли в инвестиционно-строительном комплексе, которому

отводится значительная роль в программах модернизации экономики проблемных регионов. Если в советский период основным источником инвестиций являлись централизованные госкапвложения, с переходом к рынку это должны были бы стать заемные средства, но стали средства предприятий и населения (50%) и средства бюджетов разных уровней. Заемные средства будут использоваться в большей степени при удержании инфляции до 1 процента и при снижении ссудного процента хотя бы до 3%, а также снижении инвестиционных рисков в регионе. Жилищно-строительный бум нулевых годов послужил главным акселератором опережающего роста ВРП Дагестана, при том, что финансовым источником служат дотации бюджетной сфере [35, с. 139].

Исследования проблемы свидетельствуют о влиянии фаз развития на социальную дифференциацию населения. В условиях улучшения экономической ситуации она растет, так как «волки в оставленном без пастуха стаде все равно своё избыточное возьмут», и государство теряет все ресурсы для её сглаживания, а при появлении дополнительных доходов в бюджете у государства, только обеспечив интересы госаппарата и его сословия, в последней очереди появляется возможность повышать доходы неимущих слоев. Если рассматривать позиции социальных групп как игроков на рынке экономически проблемных регионов, то неимущие слои только выигрывают от кризисов, поскольку их значение в доходах возрастает. Мы не случайно обращаем внимание на дифференциацию доходов населения, поскольку именно высокий её уровень является причиной циклического движения экономики проблемных регионов по порочному кругу бедности.

Возможность макроэкономического регулирования рыночных преобразований определяется степенью соответствия принятым представлениям об организации и функционировании институтов современной рыночной экономики на Западе и, соответственно, выходом благодаря им экономики региона из стадии стагнации на подъем, обеспечивающий населению требуемый уровень доходов. Исходя из этого, можно утверждать, что инструменты макроэкономического регулирования стратегического развития пока не задействованы ни в одной из сфер и отраслей экономики проблемных регионов, и модернизация в них ещё не начиналась [44, с. 33].

Потенциал макроэкономического регулирования модернизации можно оценить по возможным сценариям развития и по результатам по двум направлениям: резервы концентрации ресурсов на более выгодных направлениях и резервы институциональных преобразований. Сценарии модернизации определяются в большей степени политическим потенциалом. Отсутствие возможности населения влиять через выборы на формирование элиты приводит к узурпации власти и использованию её в своекорыстных целях. Поэтому каждое новое правительство в регионах постсоветской России начинает с того, что пытается поделить что-то, что ещё не успели поделить до него. В этих условиях структурные преобразования на поверку оказываются политической игрой, не способствующей улучшению экономической ситуации. Одновременно с каждым годом снижается производственный, трудовой и финансово-инвестиционный потенциал модернизации, которые могли бы вывести экономику страны на подъем. Незначительное улучшение экономической ситуации в стране в нулевые годы объясняется благоприятной конъюнктурой мирового рынка нефти и газа (их цена всё ещё в 10 раз выше ОНЗТ) и укреплением правоохранительных органов государства при президенте Путине [24].

Как сработают эти факторы в ближайшем будущем, это очень трудно спрогнозировать с достаточной степенью вероятности. Благополучию современной ситуации есть контраргументы. Во-первых, промышленные запасы нефти и газа в мире растут быстрее её добычи, а в России снижаются, а, во-вторых, дальнейшее укрепление правоохранительных органов и перевооружение армии ложится тяжелым бременем на неконтрольный российский бюджет и, в конце концов, оборачивается их дальнейшей бюрократизацией, ростом транзакционных издержек, а не сокращением теневой экономики.

При принятии долгосрочной стратегии модернизации экономики экономически проблемного региона необходимо ставить ориентиры производства ВРП на душу населения: достичь среднероссийский уровень (4000 долларов США — к 2020 г.) и среднеевропейский уровень (12000 долларов США — к 2025 г.). Варианты реструктуризации должны предусматривать

возможность достижения ориентиров производства ВРП, прежде всего, через достижение средней производительности труда 12000 долларов США к 2020 г. и 24000 долларов США к 2025 г. Это соответствует зарплате и начислениям на неё 6000 долларов к 2020 г. и 12000 долларов к 2025 г. [31, с. 587–614].

От взвешенности и обоснованности региональной стратегии социально-экономической политики, предусматривающей повышение общественной производительности труда, в т. ч. через опережающий рост значения, объёмов и качества услуг социальной сферы, возможно и будет зависеть не только осуществление стратегии социально-экономического развития проблемного региона, но достижение того невысокого сравнительно с западными странами среднероссийского уровня, который является недостижимым уже десять лет даже при более чем в два раза более высоких темпах развития региональной экономики.

### **Заключение**

Важнейшим стратегическим приоритетом стратегии социально-экономического развития проблемного региона является обеспечение расширенного воспроизводства в социальной сфере [34, с. 214–217]. Для его реализации необходимо первоочередное инвестирование самых коротких воспроизводственных цепочек, начиная с услуг с самой низкой инвестиционной ёмкостью (медпункты, спортплощадки, школьные кафе и т. д.), во взаимосвязи с одновременным развитием высокотехнологических услуг специализированных учреждений путем приоритетного инвестирования новаций, с последующим восстановлением всей цепочки научно-технологического цикла. Учитывая значительное разрушение воспроизводственных цепочек на постсоветском пространстве, закрытия ряда предприятий по производству средств труда в машиностроении, целесообразно налаживать кооперационные связи в Китае, Азербайджане и Белоруссии, а также с другими странами СНГ, брать в лизинг отдельные виды оборудования у лизингодателей в развитых странах с учетом ограничений.

При расширении функций сбережения и инвестирования финансово-кредитной системой социальной сферы экономики и обеспечении устойчивого её экономического роста появится возможность для структурно-инновационной модернизации основного капитала всех отраслей народного хозяйства с учетом их перепрофилирования на обслуживание социальной сферы проблемных регионов. На такой основе будет обеспечена реальная сбалансированность расширенного воспроизводства за счёт дополнения коротких воспроизводственных циклов более длительными. Это позволит восстановить устойчивое накопление в национальной экономике и обеспечить стабильное социально-экономическое развитие за счет приоритетного развития социальной сферы — основного наукоёмкого технологического двигателя расширенного воспроизводства в экономически проблемных регионах России.

Возможен ли экономический рост в отдельном экономически проблемном регионе за счёт ускоренного развития социальной сферы в специфических условиях российского «зазеркалья»? Такой рост обусловлен вызовами глобализации, настоятельно утверждающей новые стандарты жизни, в которых львиную долю факторов составляют услуги и индикаторы, традиционно причисляемые нами к социальной сфере, но нужны новые механизмы социально-экономического развития и ресурсные источники, которые смогли бы обеспечить его в стратегической перспективе в условиях экономически проблемного региона [6].

В развитых странах приоритетным направлением инвестиционной стратегии развития являются вложения в повышение интеллектуального потенциала и улучшение качества социальной и экологической среды обитания человека [1, 2, 3]. Одновременно резко ускоряется инновационный цикл, основой которого являются новые информационные технологии, при существенном увеличении нормы прибыли на капитал. В США, Японии, в странах ЕС постепенно образуется новая системно взаимосвязанная социально-инновационная структура, базирующаяся на инвестировании в развитие человеческого фактора, ускорении инноваций, формировании прогрессивной структуры воспроизводимого богатства и потребления. Экономика России также должна развиваться в соответствии с этим приоритетным направлением инвестиционной политики. Для безопасного стратегического развития страны в территориальном аспекте нужны дополнительные экстренные меры повышения доступности качественных услуг образовательной сферы, стимулирования детности семьи и трудовой миграции из трудоизбыточ-

ных в трудодефицитные регионы. В то же время в регионах СКФО качество образования регулярно снижается, что негативно отражается на социально-экономической безопасности. Необходимо модернизировать образование с ориентацией на шестой технологический уклад [41, с. 16–19]. Всё иное сейчас является только пропуском на работу, но не стратегически востребованным образованием.

#### Литература

1. Betterley, R. S. *Intellectual Property and Media liability Insurance Market Survey –2013 // THE BETTERLEY Report*. 2013. April.
2. Dai, L., Maksimov, V., Gilbert, B. A., Fernhaber, S. A. *Entrepreneurial orientation and international scope : The differential roles of innovativeness, proactiveness, and risk-taking // Journal of Business Venturing*. 2014. Vol. 29. No. 4. P. 511–524.
3. Grande, J., Madsen, E., Borch, O. *The relationship between resources, entrepreneurial orientation and performance in farm-based ventures // Entrepreneurship & Regional Development*. 2011. Vol. 23. No. 3–4. P. 89–111.
4. Lejpras, A. *Knowledge, location, and internationalization : empirical evidence for manufacturing SMEs // Economics of Innovation and New Technology*. 2015. Vol. 24. Issue 8. P. 734–754.
5. Zazdravnykh, Ye. A. *Why there are more entrepreneurs-manufacturers in one regions and less in others : an empirical evidence //the Economic of region*. 2014. No. 3. С. 140–146.
6. Абасова, Х. У. *Диверсификация занятости на основе многофункционального развития сельских территорий // Вопросы структуризации экономики*. 2012. № 1. С. 60–61.
7. Абдулаев, Ш. С. О., Садыкова, А. М. *О региональной экономической политике // Региональные проблемы преобразования экономики*. 2008. № 4. С. 2.
8. Абдулманапов, П. Г. *Демографическая безопасность регионов Северо-Кавказского федерального округа России // Региональные проблемы преобразования экономики*. 2012. № 1. С. 353–365.
9. Абдулманапов, С. Г., Хаджалова, Х. М. *Концептуальные основы и программные мероприятия повышения качества жизни населения в Республике Дагестан // Региональные проблемы преобразования экономики*. 2011. № 3. С. 73–78.
10. Аbugанипаев, И. А. *Маркетинговая стратегия управления формированием и развитием туристско-рекреационного комплекса // Региональные проблемы преобразования экономики*. 2014. № 8. С. 196–203.
11. Айгубов, С. З. *Анализ и оценка возможных перспективных сценариев социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа // Экономика и предпринимательство*. 2013. № 12–2(41–2). С. 243–247.
12. Амадиева, Н. А. *Потенциал и проблемы использования возобновляемых источников энергии в Республике Дагестан и СКФО // Региональные проблемы преобразования экономики*. 2015. № 3 (53). С. 24–30.
13. Амирова, Э. А. *Анализ особенностей социально-экономической дифференциации развития регионов СКФО // Региональные проблемы преобразования экономики*. 2014. № 9. С. 119–123.
14. Андреев, В. Н. *Система стратегического управления развитием экономики региона : проблемы научного обеспечения // Экономика и управление*. 2012. № 10. С. 29–32.
15. Арсланов, Ш. Д., Идиев, Г. И., Арсланова, Х. Д., Рабаданова, А. А. *К вопросу развития инвестиционной политики в Республике Дагестан // Вопросы структуризации экономики*. 2013. № 4. С. 48–49.
16. Ахмедуев, А. Ш., Абдуллаева, З. З. *К вопросу определения структуры теневой экономики // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований*. 2014. № 11-1. С. 59–61.
17. Ахмедуев, А. Ш., Абдуллаева, З. З. *Проблемы и механизмы обеспечения экономической безопасности Республики Дагестан // Национальные интересы : приоритеты и безопасность*. 2010. № 34. С. 44–53.
18. Ахмедуев, А. Ш., Рабаданова, А. А. *Стратегическое планирование и управление развитием экономики регионов Северо-Кавказского федерального округа // Вестник Дагестанского научного центра РАН*. 2010. № 39. С. 99–106.
19. Ахмедуев, А. Ш., Рабаданова, А. А. *Стратегическое управление социально-экономическим развитием региона. — М. : Экономика*. 2013.
20. Багомедов, М. А. *Социально-демографические приоритеты формирования и развития Махачкалинско-Каспийской агломерации // Вопросы структуризации экономики*. 2013. № 4. С. 6.
21. Багомедов, М. А., Мусаева, А. З. *Проблемы улучшения социального обслуживания в регионе // Экономические науки*. 2010. № 71. С. 134–140.
22. Баширова, А. А. *Анализ экологической ситуации субъектов Северо-Кавказского федерального округа в рамках реализации стратегии регионального развития // Региональные проблемы преобразования экономики*. 2011. № 3. С. 57–66.
23. Варшавский, А. Е. *Роль макроэкономической политики в определении спроса на инновации // Концепции*. 2013. №1 (30).
24. Виханский, О. С. *Стратегическое управление. — М. : Гардарики*. 1998.
25. Воропинова, О. А., Мовсеян, Г. Г. *Особенности экономического потенциала субъектов Северо-Кавказского федерального округа // Социальная политика и социология*. 2011. № 4. С. 229–246.
26. Гаджиева, А. Г. *Инфраструктурные возможности формирования и развития рынка труда // Вопросы структуризации экономики*. 2013. № 4. С. 289–291.
27. Гасанов, М., Багомедов, М. *Рынок : инфраструктура и финансовая устойчивость // Вопросы экономики*. 1999. № 10. С. 125.

28. Герасимов, А. Н., Громов, Е. И., Шаталова, О. И. Ресурсный потенциал как фактор социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа // *Экономика и предпринимательство*. 2013. № 2. С. 477–482.
29. Гимбатов, Ш. М. Экономический кризис и трансформация миграционных связей // *Вопросы структурной экономики*. 2009. № 2. С. 83–85.
30. Гичиев, Н. С., Суракатов, Н. С. Внешнеэкономическая интеграция субъектов Северо-Кавказского федерального округа : эконометрическое моделирование взаимосвязи параметров внешней торговли и инвестиционного потенциала региона // *Региональные проблемы преобразования экономики*. 2011. № 4. С. 322–331.
31. Глазьев, С. Ю., Локосов, В. В. Оценка предельно критических значений показателей состояния российского общества и их использование в управлении социально-экономическим развитием // *Вестник Российской Академии наук*. 2012. Т. 82. № 7. С. 587–614.
32. Голова, И. М. Обоснование стратегических приоритетов обеспечения инновационной безопасности регионального развития // *Экономика региона*. 2014. № 3. С. 218–232.
33. Дацаева, Р. Ш., Зелимханова, Н. З. Проблемы и перспективы социально-экономического развития регионов СКФО и ЮФО // *Региональные проблемы преобразования экономики*. 2014. № 1(39). С. 21–25.
34. Деневизюк, Д. А. Особенности формирования и основные приоритеты социальной политики // *Вопросы структурной экономики*. 2008. № 2. С. 214–217.
35. Дохолян, С. В. Стратегический подход к формированию и реализации региональной социально-экономической политики. // *Экономика и предпринимательство*. 2013. № 9 (38). С. 139–143.
36. Дохолян, С. В., Петросянец, В. З., Садыкова, А. М. Социально-экономическая политика региона : теоретико-методологический подход // *Апробация*. 2014. № 9. С. 24–36.
37. Друкер, П. Ф. Бизнес и инновации. — М. : Вильямс. 2009.
38. Измаилова, Н. М. Влияние рекреационного туризма на развитие экономики Северо-Кавказского федерального округа // *Экономические и гуманитарные науки*. 2012. № 2. С. 93–96.
39. Измаилова, Н. М. Влияние рекреационного туризма на развитие экономики Северо-Кавказского федерального округа // *Экономические и гуманитарные науки*. 2012. № 2. С. 93–96.
40. Каркавин, М. В. Концептуальные подходы к стратегическому управлению социально-экономическим развитием малых и средних городов. — URL : [www/elibrary.ru](http://www.elibrary.ru).
41. Кутаев, Ш. К. Востребованное образование как условие развития региональной экономики // *Апробация*. 2014. № 7. С. 16–19.
42. Маслова, Т. Н., Суспицына, Г. Г., Холопенкова, Е. В. Основной капитал и проблемы его воспроизводства в Северо-Кавказском регионе // *Актуальные проблемы экономики и права*. 2014. № 4. С. 161–169.
43. Модернизация и экономическая безопасность России ; под ред. акад. Н.Я. Петракова. Т. 5. — М. ; СПб. : Нестор – История, 2014.
44. Осокин, А. Е. Особенности устойчивого социально-экономического развития региона СКФО // *Региональные проблемы преобразования экономики*. 2010. № 3. С. 24–36.
45. Петросянец, В. З., Дохолян, С. В., Елисеева, Е. М. Экономические проблемы развития северокавказских республик // *Региональные проблемы преобразования экономики*. 2012. № 2. С. 19–28.
46. Петросянец, В. З., Дохолян, С. В., Ниналалова, Л.Г. Модель устойчивого экономического роста субъектов Северо-Кавказского федерального округа // *Региональные проблемы преобразования экономики*. 2014. № 5 (43). С. 33–42.
47. Рабаданова, А. А. Механизм реализации стратегии социально-экономического развития региона // *Региональные проблемы преобразования экономики*. 2010. № 2. С. 36–43.
48. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015 : стат. сб. / Росстат. — М., 2015.
49. Сагидов, Ю. Н. Социально-трудовые отношения : основные аспекты актуальности // *Вопросы структурной экономики*. 2010. № 2. С. 9–10.
50. Сангадиева, И. Г. Стратегическое управление региональными социально-экономическими системами // *Известия ИГЭА*. 2005. № 1(42).
51. Сергеев, С. И., Киреева, Ю. Н., Элова, Г. В. Основные проблемы развития позиционирования Северо-Кавказского федерального округа на глобальном рынке туристских услуг // *Бизнес в законе*. 2014. № 5. С. 310–314.
52. Хаджалова, Х. М. Качество жизни как критерий оценки в системе управления регионального развития // *Региональные проблемы преобразования экономики*. 2014. № 3. С. 47–56.
53. Хаджалова, Х. М. Теоретико-методологические основы исследования качества жизни // *Региональные проблемы преобразования экономики*. 2013. № 1 (35). С. 435–441.
54. Хапаев, И. Б., Барташевич, А. А. Сельскохозяйственный сектор как экономическая категория развития Северо-Кавказского федерального округа // *Экономика и предпринимательство*. 2013. № 11. С. 239–241.
55. Чайников, В.Н. Стратегическое управление конкурентоспособностью региона. — URL : [www.science-bsea.bgita.ru](http://www.science-bsea.bgita.ru).
56. Эрхард, Л. Благосостояние для всех : репринт. воспроизведение ; пер. с нем. ; предисл. Б.Б. Багаряцкий, В.Г. Гребенников. — М. : Начала-Пресс. 1991.
57. Юнусова, П. С. Особенности формирования системы продовольственной безопасности региона // *Региональные проблемы преобразования экономики*. 2008. № 2. С. 126–136.

**References:**

1. Betterley, R. S. Intellectual Property and Media liability Insurance Market Survey-2013 // *THE BETTERLEY Report*. 2013. April.

2. Dai, L., Maksimov, V., Gilbert, B. A., Fernhaber, S. A. *Entrepreneurial orientation and international scope : The differential roles of innovativeness, proactiveness, and risk-taking // Journal of Business Venturing*. 2014. Vol. 29. No. 4. P. 511–524.
3. Grande, J., Madsen, E., Borch, O. *The relationship between resources, entrepreneurial orientation and performance in farm-based ventures // Entrepreneurship & Regional Development*. 2011. Vol. 23. No. 3–4. P. 89–111.
4. Lejpras, A. *Knowledge, location, and internationalization: empirical evidence for manufacturing SMEs // Economics of Innovation and New Technology*. 2015. Vol. 24. Issue 8. P. 734–754.
5. Zazdravnykh, Ye. A. *Why there are more entrepreneurs-manufacturers in one regions and less in others : an empirical evidence // Economic of region*. 2014. No. 3. P. 140–146.
6. Abasova, H. U. *Diversification of employment on the basis of multipurpose development of rural territories // Questions of structurization of economy*. 2012. No. 1. P. 60–61.
7. Abdullaev, Sh. C. O., Sadykova, A. M. *About regional economic policy // Regional problems of transformation of economy*. 2008. No. 4. P. 2.
8. Abdulmanapov, P. G. *Demographic safety of regions of the North Caucasian federal district of Russia // Regional problems of transformation of economy*. 2012. No. 1. P. 353–365.
9. Abdulmanapov, S. G., Hadzhalova, H. M. *Conceptual bases and program actions of improvement of quality of life of the population in the Republic of Dagestan // Regional problems of transformation of economy*. 2011. No. 3. P. 73–78.
10. Abuganipayev, I. A. *Marketing strategy of management of formation and development of a tourist and recreational complex // Regional problems of transformation of economy*. 2014. No. 8. P. 196–203.
11. Aygubov, P. Z. *Analysis and assessment of possible perspective scenarios of social and economic development of the North Caucasian Federal District // Economy and business*. 2013. No. 12-2(41-2). P. 243–247.
12. Amadziyeva, N. A. *Potential and problems of use of renewables in the Republic of Dagestan and North Caucasus federal district // Regional problems of transformation of economy*. 2015. No. 3 (53). P. 24–30.
13. Amirova, E. A. *Analysis of features of social and economic differentiation of development of regions of North Caucasus federal district // Regional problems of transformation of economy*. 2014. No. 9. P. 119–123.
14. Andreyev, V. N. *System of strategic management of development of economy of the region : problems of scientific providing // Economy and management*. 2012. No. 10. P. 29–32.
15. Arslanov, Sh. D., Idziyev, G. I., Arslanova, H. D., Rabadanova, A. A. *To a question of development of investment policy in the Republic of Dagestan // Questions of structurization of economy*. 2013. No. 4. P. 48–49.
16. Akhmeduyev, A. Sh., Abdullaeva, Z. Z. *To a question of definition of structure of a hidden economy // the International magazine of applied and basic researches*. 2014. No. 11-1. P. 59–61.
17. Akhmeduyev, A. Sh., Abdullaeva, Z. Z. *Problems and mechanisms of ensuring economic security of the Republic of Dagestan // National interests : priorities and safety*. 2010. No. 34. P. 44–53.
18. Akhmeduyev, A. Sh., Rabadanova, A. A. *Strategic planning and management of development of economy of regions of the North Caucasian Federal District // Bulletin of the Dagestan scientific center of RAS*. 2010. No. 39. P. 99–106.
19. Akhmeduyev, A. Sh., Rabadanova, A. A. *Strategic management of social and economic development of the region. — M. : Economy*. 2013.
20. Bagomedov, M. *Social and demographic priorities of formation and development of the Makhachkala and Caspian agglomeration // Questions of structurization of economy*. 2013. No. 4. P. 6.
21. Bagomedov, M. A., Musayeva, A. Z. *Problems of improvement of social service in the region // Economic sciences*. 2010. No. 71. P. 134–140.
22. Bashirova, A. A. *The analysis of an ecological situation of subjects of the North Caucasian Federal District within realization of strategy of regional growth // Regional problems of transformation of economy*. 2011. No. 3. P. 57–66.
23. Warsawsky A.E. *A role of macroeconomic policy in definition of demand for innovations // Concepts*. 2013. № 1 (30).
24. Vikhansky, O. S. *Strategic management. — M. : Gardarika*, 1998.
25. Voropinova, O. A., Movsesyan, G. G. *Features of economic potential of subjects of the North Caucasian Federal District // Social policy and sociology*. 2011. No. 4. P. 229–246.
26. Gadzhiyev, A. G. *Infrastructure opportunities of formation and development of labor market // Questions of structurization of economy*. 2013. No. 4. P. 289–291.
27. Gasanov, M., Bagomedov, M. *Market : infrastructure and financial stability // Questions of Economy*. 1999. No. 10. P. 125.
28. Gerasimov, A. N., Gromov, E. I., Shatalova, O. I. *Resource potential as factor of social and economic development of the North Caucasian federal district // Economy and business*. 2013. No. 2. P. 477–482.
29. Gimbatov, Sh. M. *Economic crisis and transformation of migratory communications // Questions of structurization of economy*. 2009. No. 2. P. 83–85.
30. Gichiyev, N. S., Surakatov, N. S. *External economic integration of subjects of the North Caucasian Federal District : econometric modeling of interrelation of parameters of foreign trade and investment capacity of the region // Regional problems of transformation of economy*. 2011. No. 4. P. 322–331.
31. Glazyev, S. Yu., Lokosov, V. V. *Value of extremely critical values of indicators of a condition of the Russian society and them use in management of social and economic development // Bulletin of the Russian academy of sciences*. 2012. V. 82. No. 7. P. 587–614.
32. Golova, I. M. *Justification of strategic priorities of ensuring innovative safety of regional growth // Region Economy*. 2014. No. 3. P. 218–232.
33. Datsayeva, R. Sh., Zelimkhanov, N. Z. *Problems and prospects of social and economic development of re-*

- gions of North Caucasus federal district and Southern Federal District // *Regional problems of transformation of economy*. 2014. No. 1(39). P. 21–25.
34. Deneviziuk, D. A. Features of formation and main priorities of social policy // *Questions of structurization of economy*. 2008. No. 2. P. 214–217.
35. Dokholyan, S. V. Strategic approach to formation and realization of regional social and economic policy // *Economy and business*. 2013. No. 9 (38). P. 139–143.
36. Dokholyan, S. V., Petrosyants, V. Z., Sadykova, A. M. Social-economic of the policy of the region: theoretical and methodological approach // *Approbation*. 2014. No. 9. P. 24–36.
37. Druker, P. F. *Business and innovations*. — M. : Williams. 2009.
38. Izmailova, N. M. Influence of recreational tourism on development of economy of the North Caucasian Federal District // *Economic and humanities*. 2012. No. 2. P. 93–96.
39. Izmailova, N. M. Influence of recreational tourism on development of economy of the North Caucasian Federal District // *Economic and humanities*. 2012. No. 2. P. 93–96.
40. Karkavin, M. V. Conceptual approaches to strategic management of social and economic development of the small and average cities. — URL : [www.elibrary.ru](http://www.elibrary.ru).
41. Kutayev, Sh. K. Demanded education as condition of development of regional economy // *Approbation*. 2014. No. 7. P. 16–19.
42. Maslova, T. N., Suspitsyn, G. G., Holopenkova, E. V. Fixed capital and problems of its reproduction in North Caucasus region // *Urgent problems of economy and the right*. 2014. No. 4. P. 161–169.
43. *Modernization and economic security of Russia ; under the editorship of the academician N. Ya. Petrakov*. T. 5. — M. ; SPb. : Nestor – History, 2014.
44. Osokin, A. E. Features of steady social and economic development of the region of North Caucasus federal district // *Regional problems of transformation of economy*. 2010. No. 3. P. 24–36.
45. Petrosyants, V. Z., Dokholyan, S. V., Yelisseyev, E.M. Economic problems of development of the North Caucasian republics // *Regional problems of transformation of economy*. 2012. No. 2. P. 19–28.
46. Petrosyants, V. Z., Dokholyan, S. V., Ninalalova, L. G. Model of sustained economic growth of subjects of the North Caucasian Federal District // *Regional problems of transformation of economy*. 2014. No. 5 (43). P. 33–42.
47. Rabadanova, A. A. Mechanism of realization of strategy of social and economic development of the region // *Regional problems of transformation of economy*. 2010. No. 2. P. 36–43.
48. *Regions of Russia : Socio-economic indexes*. 2015 : stat. coll. / Rosstat. — M, 2015.
49. Sagidov, Yu. N. Social and labor relations : main aspects of relevance // *Questions of structurization of economy*. 2010. No. 2. P. 9–10.
50. Sangadiyeva, I. G. Strategic management of regional social and economic systems // *IGEA News*. 2005. No. 1(42).
51. Sergeev, S. I., Kireeva, Yu. N., Elova, G. V. The main problems of development of positioning of the North Caucasian Federal District in the global market of tourist services // *Business in the law*. 2014. No. 5. P. 310–314.
52. Hadzhalova, H. M. Quality of life as evaluation criterion in a control system of regional growth // *Regional problems of transformation of economy*. 2014. No. 3. P. 4.
53. Hadzhalova, H. M. Theoretic and methodological basics of a research of quality of life // *Regional problems of transformation of economy*. 2013. No. 1 (35). P. 435–441.
54. Hapayev, I. B., Bartashevich, A. A. Agricultural sector as economic category of development of the North Caucasian Federal District // *Economy and business*. 2013. No. 11. P. 239–241.
55. Chaynikov, V. N. Strategic management of competitiveness of the region. — URL : [www.science-bsea.bgita.ru](http://www.science-bsea.bgita.ru).
56. Erhard, L. *Welfare for all : reprint. reproduction : the transl. by German ; preface B. B. Bagaryatsky, V. G. Grebennikov*. — M. : Nachala-Press. 1991.
57. Yunusova, P. S. Features of formation of system of food security of the region // *Regional problems of transformation of economy*. 2008. No. 2. P. 126–136.

УДК 330.87

**ПЕТРОСЯНЦ ДАНИЭЛ ВИКТОРОВИЧ**

к.э.н., заместитель руководителя Департамента Политологии,  
ФГОБУ ВО Финансовый университет при Правительстве РФ, e-mail: dan-basa@yandex.ru

**ЮШКОВ ИГОРЬ ВАЛЕРЬЕВИЧ**

ассистент ФГОБУ ВО Финансовый университет при Правительстве РФ,  
e-mail: ushkovigor@gmail.com

### ПРОГНОЗИРОВАНИЕ ВОЗМОЖНОЙ ДИНАМИКИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ В НОВОМ ЭЛЕКТОРАЛЬНОМ ЦИКЛЕ<sup>1</sup>

**Аннотация. Цель работы.** Проанализировать политическую активность современной российской студенческой молодежи, возможные сценарные варианты развития этой активности в новом электоральном цикле. Изучить способы проявления социальной активности, а также деятельность органов власти, общественных институтов и иных организаций по модерированию этих процессов. **Методология исследования** основана на общих и специальных методах научного познания: методах эмпирического исследования (наблюдение, сравнение, сбор и изучение данных), текущего и перспективного анализа и синтеза теоретического и практического материала, сравнительной политологии, геополитики, этнополитологии, многофакторного системного анализа, социологии, статистического анализа и т. п. **Результаты.** В ходе работы получен предварительный прогноз относительно возможной динамики политической активности студенческой молодежи в новом электоральном цикле. Разветвленная сеть субкультур видится авторами как источник дестабилизации и минимизации коррекционного воздействия со стороны структурных модераторов, что подтверждается высокой готовностью участия значительной части студенческой молодежи в нелегальной, протестной политической активности. **Область применения.** Результаты настоящей работы могут иметь применение в Министерстве образования и науки РФ, при разработке концепции учебно-воспитательной работы в российских вузах, с целью нивелирования влияния чуждых и вредных культурных имплантов, привнесенных на российскую почву. **Выводы.** Без корректировки молодежной политики в вузах, где в молодежной среде образу «идеальной власти» противопоставляются «пороки» действующей, страта студенческая молодежь представляет собой потенциальную опасность деструктивного политического характера.

**Ключевые слова:** молодежная политика, студенческая молодежь, общественные организации, оппозиция, политические предпочтения, элита, политическая культура, молодежные общественные объединения.

---

**PETROSYANTS DANIEL VICTOROVICH**

Candidate of Economic Sciences, Assistant of the Head of the Department of Political Science, FSEBI of HE Financial University Affiliated to the Government of the RF, e-mail: dan-basa@yandex.ru

**YUSHKOV IGOR VALERIEVICH**

Assistant of FSEBI of HE Financial University Affiliated to the Government of the RF,  
e-mail: ushkovigor@gmail.com

### FORECASTING THE POSSIBLE DYNAMICS OF POLITICAL ACTIVITY OF STUDENT YOUTH IN THE NEW ELECTORAL CYCLE

**Abstract. Brief abstract: The goal of the study.** Analyzing the political activity of modern

---

<sup>1</sup> Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по Государственному заданию Финансового университета в 2016 году.

young students, possible scenario options of development of this activity in the new electoral cycle. Studying the ways of manifestation of the social activity, as well as the activity of the governmental authorities, public institutes and other organizations on moderating these processes. **The methodology of the study** is based on the general and special methods of scientific knowledge: methods of empirical research (observation, comparison, collection and research of data), current and forward-looking analysis and synthesis of theoretical and practical material, comparative political science, geopolitics, ethno-political science, multi-factor based system analysis, sociology, statistical analysis, etc. **The results.** In the course of the study we have obtained a preliminary forecast regarding the possible dynamics of political activity of young students in the new electoral cycle. An intricate network of subcultures is seen by the authors as the source of destabilization and minimization of correction impact from structural moderators which is accompanied by a high readiness of participation of a large number of young students in illegal, protesting political activity. **The area of application.** The results of the present study may be used in the Ministry of Education and Science of the Russian Federation when developing a concept of educational measures in Russian Universities in order to reduce the impact of foreign and harmful cultural implants brought into the Russian soil. **Conclusions.** Without correcting the youth policy in Universities where in the youth environment the image of "the ideal government" is contrasted with the "flaws" of the current government, the stratum of young students represent a potential danger of a destructive political character.

**Keywords:** the youth policy, young students, public organizations, political preferences, the elite, a political culture, youth non-governmental organizations

---

### Введение

Российское общество переживает сложный период, связанный с формированием общественного самосознания. Важнейшим инструментом в этом процессе является система высшего образования. Демократизация современного российского общества, расширение возможностей политического и социального выбора вызывают необходимость повышения уровня готовности студенческой молодежи к политическому выбору, предъявляет к современному поколению принципиально новые духовно-нравственные и социально-экономические требования.

Студенческая молодежь является авангардной частью молодежи. В целом ей свойственно в отличие от остальной части страты более осознанное отношение к происходящим в стране и в мире политическим процессам. Кроме того, студенческую молодежь волнуют вопросы карьеры, в том числе и через социальные лифты, предоставляемые вовлечением в политически активную жизнь, примкнув к той или иной партии, движению, организации. Здесь появляются вопросы осознанной или неосознанной развилки принятия решения. Быть на стороне правящей партии или, что свойственно молодым людям в силу возраста, выражать недовольство через оппозиционные позиции, лозунги. Это происходит не всегда на принципиальной платформе позиционирования взглядов, однако именно на этом этапе жизни молодых людей и формируются те или иные жизненные предпочтения [19, с. 374, 21 с. 607, 4–5].

Проблема политической социализации и активизации молодежного ресурса политики для решения модернизационных задач в современной России в условиях нестабильного международного политического фона, кризисных явлений внутри страны является одной из актуальных и социально значимых [20, с. 603–605, 6–8].

Прогнозирование социальных процессов является одним из сложнейших видов прогнозирования. Оно начало активно развиваться в середине XX века в рамках противостояния социалистического и капиталистического лагеря.

### Методы исследования

Под социальным или политическим прогнозированием в настоящее время понимается научно обоснованное вероятностное суждение о будущем. Исследователи выделяют два основных вида прогнозов — поисковый и нормативный. Основной целью поискового прогноза является определение возможных состояний в будущем [16, с. 118]. Данный вид прогноза выстраивается на основе выявленных тенденций, сказывающихся на состоянии и динамике раз-

вития исследуемого объекта либо процесса. Точность поискового прогноза зависит от полноты выявленных детерминант и правильности определения закономерностей в их развитии. Фактически в поисковом прогнозировании речь идет об экстраполяции тех тенденций, которые выявлены в настоящем [2, с. 53].

Цель нормативного прогноза — определить пути и сроки достижения желаемого состояния в будущем. При построении данного вида прогноза исследователь должен проанализировать текущее состояние объекта или изучаемого объекта и сравнить его с тем состоянием, которое хотелось бы получить в будущем. Выявленная разница и является предметом для тщательного, всестороннего изучения. В частности, необходимо рассмотреть, какие ресурсы необходимо затратить для перехода из текущего состояния до желаемого и сколько времени займет трансформация. Таким образом, поисковый прогноз отвечает на вопрос «Что будет в будущем?», а нормативный — «Как достигнуть желаемого будущего?» [1, с. 93–95].

Поисковый и нормативный прогнозы фактически никогда в чистом виде не выстраиваются. Как правило, после ответа на вопрос о том, что же будет в будущем, возникает вопрос, а как возможно скорректировать состояние объекта в будущем. В рамках данного исследования мы рассматриваем развитие настроений студенческой молодежи. Для прогнозирования возможной динамики молодежи необходимо выявить и проанализировать тенденции и факторы, влияющие на настроения, поведение и политическую активность данной страты общества.

Важно не только определить, на каком уровне была и находится в настоящее время степень политической активности молодежи. Для построения прогноза с высоким показателем точности нужно выявить факторы, влияющие на изменение уровня политической активности студенческой молодежи. Изменение этих объективных факторов внешней среды и будет определять уровень политической активности изучаемой группы людей, так как между ними существует корреляция.

### **Мотивация студенческой молодежи**

Факторы, детерминирующие политическую активность молодежи, необходимо выявлять в ценностной конструкции личности. Постановка под угрозу ценностей и является для человека или группы личностей с солидаризованными жизненными приоритетами тем стимулом, ответом на который станет политическая активность. Фактически участие в политике становится для молодых людей защитным механизмом, позволяющим отстаивать свои интересы. Хотя формы этого участия могут быть как институализированными (участие в выборах), так и нет, вплоть до нелегальных (акции гражданского неповиновения, участие в путчах и т. д.).

Именно необходимость контроля за политической активностью молодых людей как потенциально наиболее активных участников протестных движений и формирует запрос в молодежную политику в целом.

Необходимо отметить, что активизация работы с молодежью в России произошла в 2005 году. Причиной этому стала «оранжевая революция» на Украине. Движущей силой протестного движения там стали активисты молодежной организации «Пора». Таким образом, новая волна развития молодежных движений стала ответом на внешние события. Причем реакция произошла с разных сторон политико-идеологического спектра. Обновление своих молодежных организаций провели партии «Единая Россия» и «Союз правых сил». Реновация политических молодежных движений ставила перед собой несколько целей.

Во-первых, молодых людей необходимо было ангажировать с партией, чтобы не дать конкурентам возможности использовать этот ресурс в случае дестабилизации политической ситуации в стране. В частности, «Единая Россия» посчитала, что работа с молодежью гарантирует, что новое поколение не воспримет идеи оппозиции, как это было на Украине.

На фоне усиления роли государства в экономической и социальной жизни общества политические игроки стали активизировать свою работу с молодежной аудиторией. Можно условно выделить две задачи этой деятельности. Первая — повысить интерес молодых людей к политике в целом, так как большая часть молодежи была аполитичной, предпочитая другие сферы самореализации. Вторая — привлечь молодых людей, вовлеченных в большей или меньшей степени в политику, на свою сторону. Наиболее успешно в этом направлении стало действовать государство. Федеральное агентство по делам молодежи (Росмолодежь) инициирова-

ла создание движения «Наши», а «Единая Россия» провела ребрендинг молодежного крыла, создав «Молодую гвардию».

В 2005 году соцопросы показали, что только 44 % респондентов в возрасте от 18 до 24 лет могут назвать хотя бы какие-то молодежные организации. Но это был сравнительно хороший результат, так как в группе людей старше 60 лет 76 % опрошенных людей вообще не смогли назвать ни одной молодежной организации [14]. Причем результаты провластного движения «Наши» оказались самыми высокими — его назвали 4 % опрошенных. В дальнейшем узнаваемость организации стала расти. Причем организаторы движения смогли правильно его позиционировать. Для того чтобы удовлетворить потребность молодежи чувствовать сопричастность к влиятельной организации или силе, руководство «Наших» стремилось придать ему статус «оборонной» организации. Идея была в том, что, вступая в ряды «наших», молодой человек становился защитником родины от враждебных элементов внутри российского общества. Последних, в свою очередь, размещают в России иностранные кураторы. ВЦИОМ в середине 2005 года фиксировал рост тех, кто считает движение «Наши» барьером от «оранжевой угрозы», а также тех, кто рассматривал организацию как борца против фашизма в российском обществе [15]. Так как «оранжевые» и фашизм большинством населения воспринимаются негативно, то и борьба с ними воспринималась как отстаивание национальных интересов России, что и позволяло молодежи почувствовать свою нужность, единство и сопричастность к общему делу.

Во-вторых, уже в начале 2000-х годов наметилась тенденция усталости электората от старых лидеров партий. Эта проблема была и остается особенно актуальной для КППРФ и ЛДПР. Молодежные политические организации позволили бы рекрутировать новых лидеров в партийные институты.

В-третьих, в 2005 году партии уже начали готовиться к электоральному циклу 2007–2008 годов. Поэтому работа с молодежью позволяла им привлечь этот электоральный сегмент на свою сторону.

#### **Факторы влияния на политическую активность студенческой молодежи**

Чтобы прогнозировать динамику политической активности молодежи, необходимо понять, что может заставить молодых людей принять участие в политических акциях. Как ранее отмечалось, таким стимулом может выступить угроза для сохранения их ценностей. Однако выявление ценностных ориентиров и приоритетов студенческой молодежи недостаточно для построения прогноза. Необходимо рассмотреть динамику изменений и самих приоритетов в сознании молодежи, а также выявить те процессы, которые могут поставить под вопрос сохранение ценностей, и, следовательно, спровоцировать рост политической активности молодых людей. Таким образом, целесообразно рассмотреть состояние молодежи в прошлом и настоящем, что позволит построить поисковый прогноз за счет экстраполяции выявленных тенденций в будущее.

В 2005 году ВЦИОМ выделял несколько приоритетов в жизненной ориентации молодежи. Именно эти направления привлекали молодых людей в политические организации и политику в целом. К таким приоритетам прежде всего относилась ориентация на личный успех. Молодые люди хотели самореализоваться в той сфере, где работали. Следовательно, ставка делалась на построение успешной карьеры. Важнейшим итогом этой деятельности является хорошее материальное состояние. Необходимо отметить, что отсутствие улучшения благосостояния в процессе выстраивания карьеры, как правило, в кругу молодых людей не считается достижением успеха, даже если человек при этом самореализовался. Так, например, работа школьным учителем труда не воспринимается молодежью как пример личного успеха, даже если сам работник считает занимаемую должность своим призванием.

Вторым жизненным приоритетом для молодежи стала необходимость почувствовать свою сопричастность к большой и властной организации. Это повышает в молодых людях чувство собственной значимости. Во многом такая потребность объясняется тем, что детство и юношество поколения, которому в 2005 году было от 18 до 24 лет, пришлось на 90-е годы. В этот период в России наблюдалась конкуренция политических сил, что не способствовало появлению крупной организации, чье доминирование распространялось бы на общество. При этом

росшие в 90-е годы люди слышали рассказы родителей о советской модели общественного устройства с наличием крупной политической организации в виде КПСС и комсомола как молодежного крыла партии. Как правило, эти рассказы имеют позитивную эмоциональную окраску. Причина положительной оценки родителями советского опыта участия в молодежных организациях в целом не важна (позитивное отношение может быть не столько к комсомолу, сколько к временам своей молодости). В результате в 2000-х годах молодым людям также захотелось почувствовать причастность к чему-то значимому. Важно отметить, что желание солидаризоваться с общей идеей у молодежи выражалось не только во вступлении в формальные организации, но и в поддержке нового президента — Владимира Путина.

Третьим приоритетом для молодежи было желание обзавестись обширными связями, которые позволили бы молодому человеку успешно продвигаться по карьерной лестнице. Ориентация на неформальные социальные институты установилась в российском обществе еще с советского времени и к 2000-м годам не изменилась. У части населения сохраняются страхи столкнуться с коррупцией и кумовством в ходе своей учебы или профессиональной деятельности. Поэтому молодежь рассматривала политические организации и общественные движения как сферу приобретения собственных связей для дальнейшего продвижения.

Таким образом, ценностные установки молодежи в 2005 году можно назвать рациональными и материально ориентированными. По данным ВЦИОМ, в качестве главной ценности люди в возрасте 18–24 лет назвали «жизнь в достатке» (62 %) [4]. На втором месте в иерархии ценностей стояло построение карьеры (37 %). Высокооплачиваемую работу в качестве приоритета назвали 27 % молодых респондентов, а получение образования — 21 %. При этом в молодежной среде ориентация на создание хорошей семьи остается довольно высокой — 56 %, а воспитать хороших детей хотели 45 %. Однако появление новых ценностных установок, направленных на обретение материального достатка, придает традиционным ориентирам новое наполнение. В сознании молодых людей выстраивается схема: нужно хорошо зарабатывать, чтобы создать хорошую семью и хорошо воспитать детей. А для высокого заработка стоит следить за политической сферой и по возможности включаться в политический процесс. Такая установка еще раз демонстрирует, что молодежь в начале 2000-х годов увидела в политических институтах инструмент обогащения и социальный лифт. Хотя использование этого инструментария самой молодежью оправдывалось интересами своих будущих детей. По опросам 2005 года только 34 % россиян хотели бы видеть своих детей в списке миллиардеров журнала «Форбс», а среди молодежи этот показатель достигал 47–51 %.

Показательно, что в начале 2000-х годов респонденты в возрасте 18–24 лет придерживались либерально-демократических взглядов. 42 % представителей этой возрастной группы считали, что государство должно создавать только справедливые правила игры в экономике, а не принимать активное участие во всех хозяйственных процессах. Инициативу в экономике должен играть частный бизнес. Сильны подобные взгляды были даже в средней возрастной группе (25–34 года) — 37 %.

Схожие ценности у молодежи были и в отношении роли государства в социальных процессах. Органы власти с точки зрения молодых людей должны гарантировать соблюдение прав и свобод человека. Функция обеспечения государством порядка и безопасности в обществе воспринималась молодежью зачастую настороженно, как потенциальная угроза свободам членам общества. По мнению молодых респондентов, в 2005 году состояние государства в целом отвечало их ожиданиям. 42–45 % молодежи были удовлетворены тем, как работает демократия в России. При этом молодежь в начале 2005 года была настроена крайне оптимистично — около 75 %. Несмотря на то, что оптимизм свойственен молодым людям, высокий уровень данного показателя показывает риск возникновения в дальнейшем недовольства в связи с неоправдавшимися надеждами.

В 2011 году ситуация с жизненными приоритетами молодежи также по большому счету не изменилась. Семья по-прежнему называлась в качестве главной ценности (64 %). Причем в группе возраста 25–34 лет доля сторонников семьи как высшей ценности была больше (73 %), чем общий показатель для всех возрастных групп [13]. В то же время достаток в качестве приоритета молодые люди называют гораздо чаще, чем люди старшего поколения — 49 % против 28 % соответственно. Мир, справедливость и закон молодежь в отличие от возрастных ре-

спондентов также не считают главной ценностью в жизни. А порядок возрастная группа от 18 до 24 лет ценит меньше, чем средний показатель по России — 18 % против 22 % соответственно. При том что люди от 55 лет и старше считают порядок важным приоритетом (27 %).

Через 10 лет после активизации работы политических акторов с молодежью ситуация с ценностными и социально-политическими установками молодых людей несколько изменилась, но ориентация на личностный успех сохранилась. Молодое население по-прежнему в качестве критерия успеха ставит материальный достаток, наличие собственности в виде квартиры и автомобиля и денежных накоплений.

Однако в современной России приоритетность социальных лифтов претерпела изменения. Если ранее молодежь воспринимала бизнес как инструмент получения материальных благ, то теперь все больше молодых людей видят карьерные перспективы в государственной службе и работе в государственных компаниях и корпорациях. Изменения произошли из-за того, что уровень зарплат на госслужбе и в госкомпаниях вырос. При этом стабильность работы на государство, по мнению россиян, выше, чем в частном секторе.

Объяснить эту трансформацию также можно изменением модели взаимодействия бизнеса и власти. В 90-е годы формировалась система, при которой бизнес превалировал, а политики фактически обслуживали интересы крупного капитала. Стоит оговориться, что представители бизнеса присутствовали в органах власти, что было необходимым условием получения собственности в рамках приватизации. В 2000-е годы политика выходит на первый план и теперь уже бизнес обслуживает интересы власти. Прежние индивидуалистические установки молодежи в новых условиях функционирования государства и капитала позволили ей быстро определить, какие социальные лифты закрылись, а какие открылись. В результате можно наблюдать возросший интерес молодежи к работе в органах государственной власти.

Для понимания вероятности активизации оппозиционных настроений в молодежной среде важно знать приоритеты молодых людей и их страхи. Появление опасений важно с точки зрения выявления детерминант, способных активизировать политическую деятельность молодежи. Социологические исследования показывают, что приоритеты и страхи в целом совпадают, то есть молодые люди опасаются потерять те вещи и аспекты, которые называют в качестве жизненных приоритетов. В частности, большинство респондентов больше всего боятся за жизнь и здоровье свои и своих близких. Напомним, что именно семью молодежь называет важнейшей ценностью. Следующими по значимости опасениями является страх остаться без материальных средств к существованию, потеря жилья, потеря или невозможность найти работу [7].

Из выше указанного можно сделать вывод о том, что именно материальное положение и экономические факторы имеют важнейшее значение для роста социального недовольства среди молодежи. Соответственно, именно ухудшение благосостояния молодых людей может заставить их проявить политическую активность. Причем эта активность будет оппозиционной. Взаимосвязь между экономическими условиями и ростом социальной напряженности справедлива для всего российского общества. Поэтому можно говорить о том, что нынешний экономический кризис постепенно перерастает в социальный, а в случае сохранения данной тенденции есть риск трансформации его в политический кризис. Особенностью участия молодежи в данном процессе является ее оптимизм. Исследования, проведенные в Московской области в 2015 году, показывают, что старшее поколение более недовольно состоянием российской экономики [8], а молодое поколение более оптимистично смотрит на экономическое состояние России. При этом именно молодежь более активна и подвижна. Это может привести к тому, что в случае ухудшения экономической ситуации старшее поколение станет недовольным, но пассивным большинством, а молодежь после определенного момента (уровня понижения благосостояния) стремительно политизируется и будет принимать участие в протестном движении. Такую же особенность имеет молодежь в странах бывшего СССР. Именно поэтому активисты молодежных организаций там стали основной движущей силой цветных революций.

По данным на 2015 год, около 60 % населения были не удовлетворены своим материальным положением. В числе наибольших проблемных зон, беспокоящих население, назывались: чрезмерный рост цен на продукты питания (58 %), плохое состояние дорог (48 %), проблемы в

области ЖКХ (44 %), отсутствие работы или трудности с трудоустройством (31 %), дефицит мест в школах, детских садах, медицинских учреждениях (27 %), алкоголизм и наркомания (26 %), проблемы с медицинским обеспечением (26 %). По данным ФОМ, 52 % молодых людей считают, что лучше выбрать ту работу, которая приносит высокий доход, даже если она тебе не нравится. Обратной точки зрения (лучше получать меньше, но заниматься любимым делом) придерживается лишь 38 % молодых людей (остальные затрудняются ответить) [11].

Таким образом, можно сказать, что больше всего людей беспокоят их бытовые нужды. Люди боятся, что им не хватит денег для покупки продуктов питания и оплаты коммунальных услуг, что их дети не смогут пойти в детские сады и школы, что им и их родственникам не будет оказана медицинская помощь. В целом можно обобщить — люди боятся, что не смогут нормально жить в будущем.

### **Отношение студенческой молодежи к действующей власти**

Негативной для действующей власти особенностью состояния студенческой молодежи является сохранение ее низкой осведомленности о государстве, институтах реализации власти, демократии и политической системе в целом. Показательно исследование, проведенное в 2015 году среди выпускников филологического, психологического, исторического, химического, биологического и физического факультетов, а также факультетов государственного управления и вычислительной математики и кибернетики МГУ им. М. В. Ломоносова [6].

Несмотря на тезис зам. кафедрой социологии и психологии политики профессора А. Б. Шестопал о том, что специализация студентов может влиять на их политические предпочтения и политическую грамотность [18, с. 114], исследование методом анкетирования показало, что и студенты естественных факультетов, и гуманитарии имеют весьма абстрактные представления об организации государства. Знания о президенте государства, политических партиях, специфике власти и демократии носят фрагментарный характер.

Представления о политической системе у выпускников либо отсутствуют, либо весьма шаблонны. В частности, респонденты разделились по вопросу роли политических партий на две группы. Одна считает, что политические партии представляют интересы народа в Парламенте, вторая — что партии — это фикция для создания иллюзии демократии. Обе позиции, несмотря на свой антагонизм, схожи в том, что являются по сути шаблонами — упрощенными представлениями о сути политических партий и их роли в российской политической системе. Именно такие упрощенные образы транслируются молодежной аудитории политическими акторами разных спектров (провластные и оппозиционные). Отсюда можно сделать вывод о подверженности молодого поколения информационному воздействию.

Причем низкий уровень знаний о государстве и его социально-политическом устройстве способствует некритичному восприятию информации. Подтверждением этому являются ответы выпускников о том, что демократия в целом — хорошая форма правления, но она непригодна для российской действительности. Этот же тезис является ключевым в концепции «суверенной демократии». Однако, несмотря на наличие представления о существовании в России «суверенной демократии», отношение к такому положению дел скорее негативное как к отклонению от позитивного стандарта.

Другим примером информационной восприимчивости студенческой молодежи является их восприятие фигуры президента. На вопрос о том, «Какими качествами должен обладать идеальный Президент России», многие отвечали: «Такими, как у В. В. Путина». Отчасти такому ответу способствовал тот факт, что выпускники 2015 года проживали только при двух президентах — Б. Н. Ельцине и В. В. Путине. Из образов этих политиков они выбирали действующего президента.

Важным показателем сложившейся за 10 лет тенденции стало критическое отношение к действующей власти. Выпускники в данном исследовании указали свое негативное отношение к правящим силам. При этом у них есть позитивный образ идеальной власти. Наличие такого разрыва демонстрирует недовольство нынешним положением дел, что представляет потенциальную опасность для руководящих политических элит.

Стоит отметить, что исследование выпускников ВУЗа показало тенденцию по омолаживанию скептического отношения молодежи к российской демократии. Например, школьники 10

–11 классов в большинстве своем высказываются о демократии позитивно, а выпускники ВУ-За отмечают отклонение российской демократии от идеала. Таким образом, можно говорить, что представления молодежи о политической системе меняются по мере взросления. Причем происходит не только расширение знаний о демократии или политических институтах, но и трансформируется эмоциональное восприятие политической системы, что объясняется когнитивным диссонансом между уже полученным представлением об идеале и наблюдаемой через СМИ и новые медиа реальностью.

Отсутствие твердых знаний о политической системе страны позволяет оппозиционерам привлекать себе сторонников, выдвигая научнообразные аргументы против своих оппонентов. Например, А. Навальный еще в 2011 году вбрасывал в медиапространство тезис о том, что действующая власть фальсифицирует итоги выборов. Доказательством при этом являлась математическая «теория нормального распределение» К. Гаусса [12].

В дальнейшем стоит ожидать, что несистемная оппозиция и лидер Фонда борьбы с коррупцией продолжит свою агитацию против правящих элит. Показательно, что это приводит не столько к росту сторонников Навального, сколько к дискредитации действующей политической элиты. При этом уровень поддержки Владимира Путина остается высоким. Показательно, что после выборов в Госдуму уровень поддержки населения государственных институтов и президента стали снижаться. По данным «Левада-центра», поддержка Правительства снизилась до 5-летнего минимума — 26 %, Госдумы — до 22 %, Президента — до 74 %.

### Какие общественные и политические силы в современной России заслуживают, по Вашему мнению, наибольшего доверия?



**Рис. 1.** Распределение ответов на вопрос «Какие общественные и политические силы в современной России заслуживают, по Вашему мнению, наибольшего доверия?»<sup>2</sup>.

### Выводы

Сохранение высокого уровня поддержки Президента объясняется восприятием лично В. В. Путина как незаменимого элемента российской политической системы. Его рейтинг не зависит от занимаемой должности.

<sup>2</sup> Составлено авторами по результатам исследования в рамках НИР Финансового университета в 2016 году «Социальная ориентация студенческой молодежи и ее возможная политическая активность в новом избирательном цикле».

Несмотря на снижение рейтинга фактически всех органов власти, за исключением президента, не стоит ожидать в России в среднесрочной перспективе таких же по масштабам общественных выступлений, как «цветные революции» в странах СНГ или «арабская весна» на Ближнем Востоке и на севере Африки. Во-первых, российские СМИ долгое время демонстрировали негативные последствия подобных переворотов. Во-вторых, в нашей стране не сложились достаточных условий для проведения подобных политических акций. Существенное снижение уровня благосостояния недостаточно для реализации сценария революции. Необходимо также превалирование молодого населения над всеми остальными возрастными группами. Кроме того, у молодых людей — студентов и выпускников ВУЗов — в России есть возможность трудоустройства на приемлемых условиях. В то время как в арабских странах в преддверии революционной волны разрыв между желаемым положением при окончании ВУЗа и реальностью был очень велик, что воспринималось как крайняя форма несправедливости. Еще одним фактором создания революционной ситуации в молодежной среде является внешнее воздействие, прежде всего с помощью новых медиа. Российские власти понимают данную угрозу и стремятся ее купировать за счет информационного противодействия в русскоязычном Интернете и блокировки наиболее враждебных сайтов.

Риском для действующей власти в России остается расширяющийся разрыв между богатыми и бедными слоями населения. В молодежной среде это воспринимается особенно остро. А именно призыв к устранению несправедливости позволял оппозиционерам выводить молодежь на протестные акции во время «арабской весны», «цветных революций» и по итогам парламентских выборов в РФ в 2011 году. Пока что студенческая молодежь не готова участвовать в акциях протестов, поэтому ее политическая активность сохраняется на низком уровне. Однако по мере ухудшения благосостояния недовольство данной группы населения будет расти, что приведет к активизации протестного движения. При этом государству не удастся сдерживать эту тенденцию за счет использования идеи об «осажденной крепости», потому что сами политические элиты не показывают пример аскетичности, к которому призывает эта идеология. Но в условиях отсутствия оппозиционного лидера социальная напряженность в рядах студенческой молодежи приведет к «социальной депрессии», снижению легальной, институционализированной политической активности. При этом готовность участия в нелегальной протестной политической активности будет находиться на высоком уровне, что проявится в возникновении разветвленной системы субкультур. Грамотная работа государства с этими субкультурами позволит властям ограждать их продолжительный период времени от чрезмерной политизированности. Но при появлении яркого, не дискредитировавшего себя политического лидера студенческая молодежь довольно быстро может влиться в ряды его последователей.

#### *Литература*

1. Ахременко А. С. *Политический анализ и прогнозирование: учеб. пособие* / М.: Гардарики. — 2006.
2. Бестужев-Лада И. В. *Рабочая книга по прогнозированию* М.: Мысль. — 1982.
3. Будаева Ц. Б., Будаева Д. Ц. *Электоральная активность и политические предпочтения молодежи Республики Бурятия* // *Вестник Бурятского государственного университета*. — 2012. — № 6. — С. 208–211.
4. *Ветераны начинают, молодежь выигрывает* // *Российская газета*, 30.12.2005 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://rg.ru/2005/12/30/veterany.html>, свободный. — Загл. с экрана.
5. Воробьев А. П. *Сравнительный анализ электорального поведения студенческой молодежи Томской области и Республики Бурятия* // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. — 2012. — № 3. — С. 152–161.
6. *Демократия, президент, политические партии: политические представления российских студентов* А. А. Левашкина // *Сборник тезисов. VI-я международная социологическая Грушинская конференция «Жизнь исследования после исследования: как сделать результаты понятными и полезными» 16–17 марта 2016 г.* С. 183. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [http://wciom.ru/fileadmin/file/nauka/grusha2016/vi\\_grusha\\_tezisy3.pdf](http://wciom.ru/fileadmin/file/nauka/grusha2016/vi_grusha_tezisy3.pdf), свободный. — Загл. с экрана.
7. Захарченко А. А. *Приоритетные Жизненные Установки Современной российской молодежи* // *Сборник тезисов. VI-я международная социологическая Грушинская конференция «Жизнь исследования после исследования: как сделать результаты понятными и полезными» 16–17 марта 2016 г.* — С. 368.
8. Какоткина Е. М. *Социальное самочувствие населения как определяющий фактор легитимации политической власти (на примере исследования социального самочувствия жителей Московской области с декабря 2012 по апрель 2015 года)* // *Сборник тезисов. VI-я международная социологическая Грушинская конференция «Жизнь исследования после исследования: как сделать результаты понятными и полезными» 16–17 марта 2016 г.* — С. 382.
9. Киреев Е. Ю., Красниковский В. Я., Сазонов А. А., Сазонова А. Л. *Молодежь Москвы: ценностные приоритеты, стратегии поведения и перспективы развития*. — М. — Наука. — 2013.

10. Куканова Е. В. Социально-психологическая характеристика современного студента // *Образование и наука*. — 2013. — № 8 (107). — С. 88–103.
11. Молодежь. Интерактивная инфографика. Фонд «Общественное мнение» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://fom.ru/uploads/Molodezh/index.html>, свободный. — Загл. с экрана.
12. Навальный возглавил «секту свидетелей Гаусса» // «Независимая газета» 26.09.2016 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.ng.ru/politics/2016-09-26/1 Navalny.html>, свободный. — Загл. с экрана.
13. Невечные ценности. Чем отличаются поколения? Фонд «Общественное мнение». 27 Июня 2011 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://fom.ru/TSennosti/10032>, свободный. — Загл. с экрана.
14. Новые известия [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=1166>, свободный. — Загл. с экрана.
15. Политизация молодежи, омоложение политики // РИА «Новости» 17.06.2005 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=1379>, свободный. — Загл. с экрана.
16. Симонов К. В. Политический анализ. — М.: Логос, 2002.
17. Тимофеев А. Ф., Пузиков В. Г. Политическое поведение и социально-экономические предпочтения в жизненной стратегии студенческой молодежи // *Наука о человеке: гуманитарные исследования*. — 2014. — № 1 (15). — С. 30–35.
18. Шестопал Е. Б. Политическая психология. — М. — 2010.
19. Boulianne S., Brailey M. Attachment to community and civic and political engagement: A case study of students // *Canadian Review of Sociology*. 2014. No. 51(4). P. 375–388.
20. Egerton M. Higher education and civic engagement // *British Journal of Sociology*. 2002. No. 53(4). P. 603–620.
21. Staeheli L. A., Attoh K., Mitchell D. Contested Engagements: Youth and the Politics of Citizenship // *Space and Polity*. 2013. No. 17(1), P. 88–105.

#### References:

1. Ahremenko A. S. *Political Analysis and Forecasting: Proc. Benefit*. M.: Gardariki. 2006.
2. Bestuzhev-Lada I. V. *Workbook for M.*: Mysl. 1982.
3. Boulianne S., Brailey M. Attachment to community and civic and political engagement: A case study of students // *Canadian Review of Sociology*. 2014. No. 51(4). P. 375–388.
4. Budaeva Ts. B., Budaeva D. Ts. Electoral activity and political preferences of young people of the Republic of Buryatia // *Bulletin of the Buryat State University*. 2012. No. 6. P. 208–211.
5. Democracy, the president, the political parties: political views of Russian students A.A. Levashkina // Abstracts. VI-th International Conference sociological Grushinskiy «Life study after study: how to make the results clear and useful» on 16–17 March 2016 183 [An electronic resource]. Access mode: [http://wciom.ru/fileadmin/file/nauka/grusha2016/vi\\_grusha\\_tezisy3.pdf](http://wciom.ru/fileadmin/file/nauka/grusha2016/vi_grusha_tezisy3.pdf), free. Heading from the screen.
6. Egerton, M. Higher education and civic engagement // *British Journal of Sociology*. 2002. No. 53(4). P. 603–620.
7. Impermanent values. The different generations? / Site of the Fund «Public opinion» [An electronic resource]. Access mode: <http://fom.ru/TSennosti/10032>, free. Heading from the screen.
8. Kakotkina E. M. The social wellbeing of the population as a determining factor of legitimation of political power (The Case of social well-being residents of the Moscow region with December 2012 to April 2015) // Book of Abstracts. VI-th International Conference sociological Grushinskiy «Life study after study: how to make the results clear and useful» on March 16–17. 2016. P. 382.
9. Kireev E. Y., Krasnikov V. J., Sazonov A. A., Sazonov A. L. *Youth of Moscow: the value priorities, strategies, behavior and development prospects*. M. Nauka. 2013.
10. Kukanova E. V. Socio-psychological characteristics of the modern student // *Education and science*. 2013. No. 8 (107). P. 88–103.
11. Navalnii headed «sect Gauss witnesses» // «Nezavisimaya Gazeta» 26.09.2016 [An electronic resource]. Access mode: <http://www.ng.ru/politics/2016-09-26/1 Navalny.html>, free. Heading from the screen.
12. Nowye Izvestiya. [An electronic resource]. Access mode: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=1166>, free. Heading from the screen.
13. Shestopal E. B. *Political psychology*. M.: 2010.
14. Simonov K. V. *Political analysis*. M.: Logos. 2002.
15. Staeheli L. A., Attoh K., Mitchell D. Contested Engagements: Youth and the Politics of Citizenship // *Space and Polity*. 2013. No. 17(1). P. 88–105.
16. The politicization of youth, rejuvenation policy // РИА «Новости». 17.06.2005 [An electronic resource]. Access mode: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=1379>, free. Heading from the screen.
17. The youth. Interactive infographics. «Public Opinion» Foundation [An electronic resource]. Access mode: <http://fom.ru/uploads/Molodezh/index.html>, free. Heading from the screen.
18. Timofeev A. F., Puzikov V. G. Political behavior and socio-economic preferences in the life of student's youth strategy // *Science of Man: Human studies*. 2014. No. 1 (15). P. 30–35.
19. Veterans begin, youth wins // *Rossiyskaya Gazeta*, 30.12.2005 [An electronic resource]. Access mode: <https://rg.ru/2005/12/30/veterany.html>, free. Heading from the screen.
20. Vorobyov A. P. A comparative analysis of electoral behavior of students of Tomsk Region and the Republic of Buryatia // *Bulletin of the Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science*. 2012. No. 3. P. 152–161.
21. Zakharchenko A. A. Priority attitudes of modern Russian youth // Abstracts. VI-th International Conference sociological Grushinskiy «Life study after study: how to make the results clear and useful» on 16–17 March 2016. P. 368.

УДК 331

КАРПЕНКО ЕЛЕНА ЗУГУМОВНА

к.э.н., доцент, доцент кафедры «Управление человеческими ресурсами» ФГБОУ ВПО  
«Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова»,  
e-mail: elena-2167@mail.ru

## КАЧЕСТВО ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В УСЛОВИЯХ СТАНОВЛЕНИЯ ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ

**Аннотация. Предмет и цель работы.** Цель работы — определение требований к качеству человеческого капитала, наиболее значимых при переходе к инновационной экономике. Предмет исследования — качество человеческого капитала как основа формирования инновационной экономики. **Метод и методология проведения работы.** Исследованы современные подходы к толкованию категории «качество». Определены специфические возможности, позволяющие характеризовать качество человеческого капитала с позиций предметного, системного, функционального и интегрального подходов. Выявлено, что качество человеческого капитала представляет собой сложную категорию, отражающую уровень развития всех ее элементов и требующую комплексного подхода в своем исследовании. **Результаты работы.** На основе проявленных особенностей современного общественного развития предложен подход к определению общих требований к качеству человеческого капитала, соответствующего потребностям нынешнего этапа эволюционирования общества. Установлено, что требования к качеству человеческого капитала находятся в прямой зависимости от уровня социально-экономической системы. Структурированы факторы, определяющие качество человеческого капитала на уровне государства, региона и организации. **Область применения результатов.** Полученные результаты могут быть использованы при разработке программ развития человеческого капитала и повышения его качества в социально-экономических системах различных уровней. **Выводы.** Переход к инновационной экономике невозможен без обеспечения соответствия характеристик человеческого капитала трансформирующимся требованиям к его качеству. Соотношение качества человеческого капитала к потребностям системы того или иного уровня определяется целым рядом факторов, требующих особого отношения в процессе управления важнейшим стратегическим ресурсом современности. Внимание к этой проблеме и ее решение во многом определит роль той или иной страны на мировой арене.

**Ключевые слова:** человеческий капитал, инновационная экономика, качество человеческого капитала.

KARPENKO ELENA ZUGUMOVNA

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of FSBEI of  
HPE "Russian Economic University named after G.V.Plekhanov",  
e-mail: elena-2167@mail.ru

## QUALITY OF HUMAN CAPITAL IN CONDITIONS OF FORMATION OF INNOVATIVE ECONOMY

**Abstract. The subject and the goal of the study.** The goal of the study is determining the requirements to the quality of the human capital, the most important requirements when transitioning towards the innovative economy. The subject of the study is the quality of human capital as the basis of the formation of the innovative economy. **The method or methodology of performing the study.** The modern approaches to the interpretation of the category of "quality" have been researched. Specific opportunities allowing to characterize the quality of the human capital from the vantage points of the subject, system, functional and integral approaches have been studied. It has been found that the quality of the human capital represents a complex category reflecting the level of development of all of its elements and requiring a complex approach in the study. **The results of the study.** Based on the manifested typical features of the modern public devel-

opment we have suggested an approach to determining the general requirements to the quality of the human capital corresponding to the needs of the present stage of the evolution of the society. It has been established that the requirements to the quality of human capital are in the direct dependence from the level of the social-economic system, the human capital of which is characterized. The factors that determine the quality of human capital at the level of the state, the region and the organization have been structured. **The area of application of the results.** The results received may be used when creating programs of development of human capital and improving its quality in the social-economic systems of different levels. **Conclusions.** The transition towards the innovative economy is impossible without providing for the correspondence of characteristics of the human capital to the transforming requirements towards its quality. The correspondence of the quality of the human capital to the needs of the system of this or that level is determined by a whole number of factors requiring a special attitude in the process of management of the most important strategic resource of the modern era. The attention to this problem and its solution in many ways will determine the role of this or that country in the world arena.

**Keywords:** The human capital, the innovative economy, the quality of human capital

### Введение

Переход ведущих стран к построению инновационного общества, формированию инновационной экономики становится характерной чертой эволюционирования современного мира. Россия, определив стратегическим направлением своего развития создание инновационной социально ориентированной экономики, поставила амбициозные, но достижимые цели обеспечения «высокого уровня благосостояния населения и закрепления геополитической роли страны как одного из лидеров, определяющих мировую политическую повестку дня [14, с. 215]. Достижение поставленных целей требует глубоких трансформаций в экономической и социальной сферах. Необходимо эффективное использование и активное наращивание стратегически важных ресурсов, особое место среди которых занимает человеческий капитал.

По многим количественным характеристикам, для которых существуют «натуральные» измерители (например, число накопленных лет обучения), человеческий капитал России соизмерим с человеческим капиталом Великобритании, Японии, Германии, Франции, Италии, Швеции и других передовых стран, а в некоторых случаях является превосходящим [1, с. 222]. При этом качество отечественного человеческого капитала значительно уступает не только передовым странам мира, но и находящимся с Россией на одном экономическом уровне. Важно отметить, что переход страны к новой экономике невозможен без качественного изменения человеческого капитала: «транзитивная экономика требует быстрого изменения качества человеческого капитала» [9, с. 44].

### Методы исследования

Категория «качество» первоначально возникла и применялась в философии. В настоящее время ее активно используют во многих науках, выделяя различные типы качества (рис. 1).

При этом философское осознание сущности качества по-прежнему остается основой любого исследования. Подтверждением может быть рассмотрение существующих подходов к его пониманию [13, с. 10–15].

Наиболее ранние представления о качестве, свойственные субстратному пониманию, основывались на установлении соответствия свойств предметов и явлений основным природным стихиям: земле, воде, огню, воздуху.

Предметное понимание качества стало возможным с развитием общественного производства, позволившего осознать, что каждый предмет обладает особыми свойствами, которые могут меняться в результате определенного воздействия. Основы предметного понимания качества, заложенные Аристотелем еще в IV веке, определили направление развития научной мысли на многие столетия. Современные философы, рассматривая качество, говорят о:

1. Видовом отличии. Здесь стоит вспомнить, что именно Аристотель в «Метафизике» объяснял, что «качеством, с одной стороны, называется видовое отличие сущности, как, например, человек есть некоторое качественно определенное — животное двуногое, а конь — четверногое» [3, с. 73].

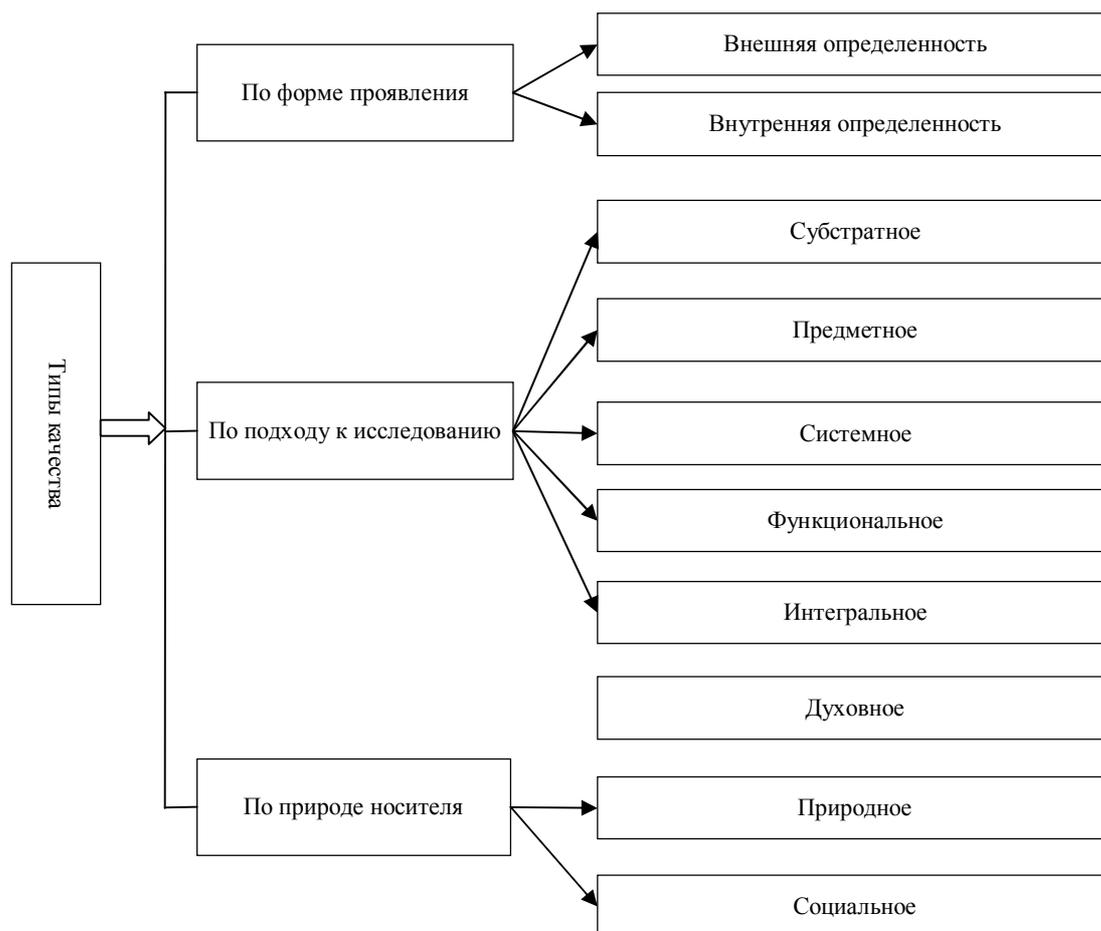


Рис. 1. Классификация типов качества\*.

\*Источник: разработано на основе [13, с. 10–12] и [2, с. 215].

2. Характеристике состояний сущности. В этом значении под качеством понимается «состояние сущностей, находящихся в движении, например, теплота и холодность...» [2, с. 47].

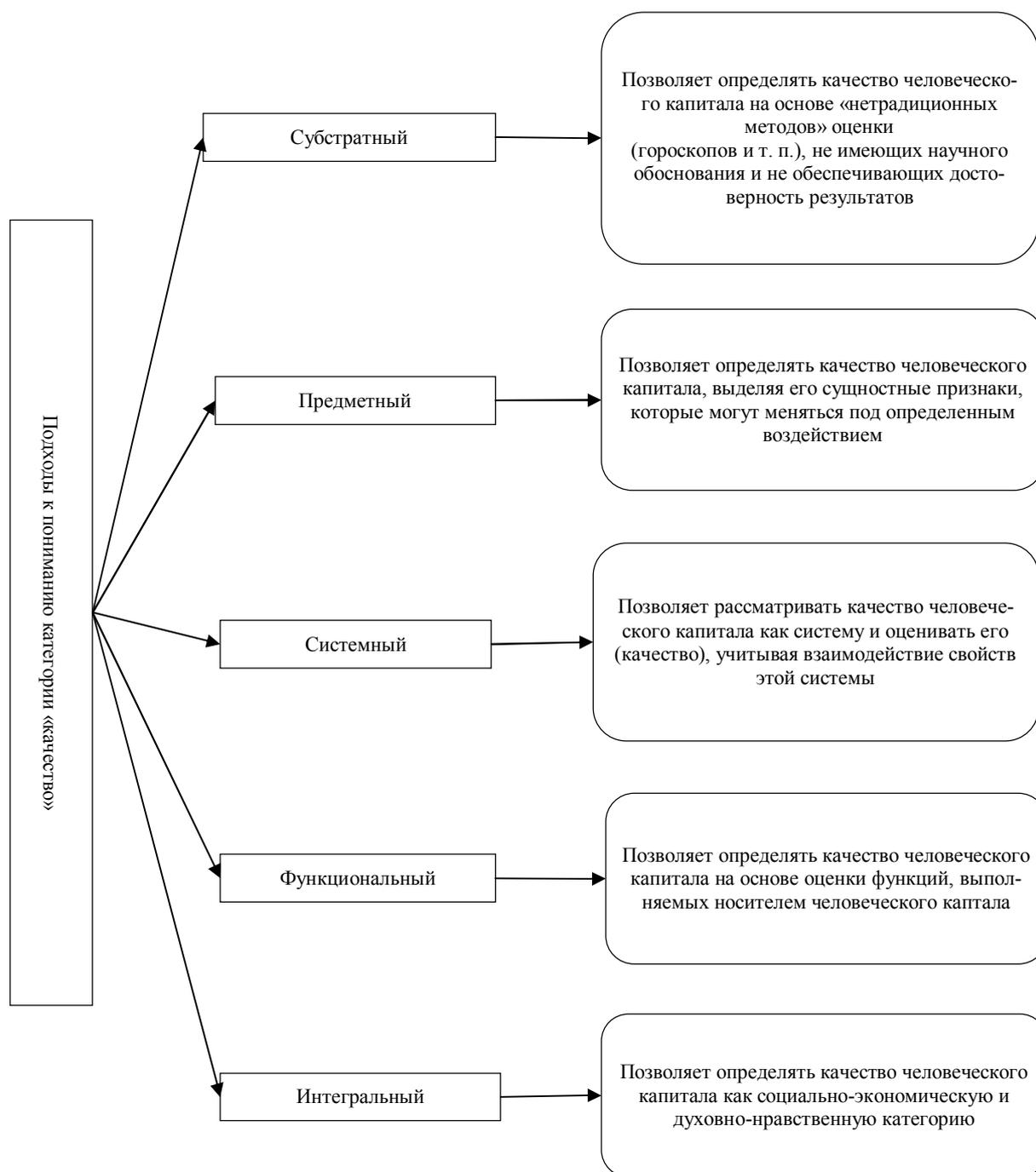
3. Свойстве вещи, когда о «сходном и несходном говорится только по отношению к качествам. Один предмет не является сходным с другим, поскольку он дается качественно определенным. Поэтому отличительным признаком качества можно считать то обстоятельство, что о сходном и несходном говорится только лишь в применении к нему» [4, с. 158].

Системный взгляд на качество появился, когда наука подошла к рассмотрению объектов материального и нематериального мира как систем. Причем качество каждого объекта стало рассматриваться как результат взаимодействия разнообразных свойств самого объекта. Особая роль в формировании этого подхода принадлежит представителю немецкой классической философии Г. Гегелю. Он объяснял, что качество есть определенность, тождественная с бытием [7, с. 215–218].

Функциональный подход основан на зависимости качества объекта от выполняемых им (объектом) функций, обусловленных назначением объекта.

Интегральный подход рассматривает качество как сложную многоаспектную категорию, отражающую все разнообразие жизнедеятельности человека. Наибольшее распространение имеет в определении качества жизни.

Каждый из названных подходов обеспечивает специфические возможности в определении качества человеческого капитала (рис. 2).



**Рис. 2.** Использование подходов к пониманию категории «качество» применительно к качеству человеческого капитала\*.

\*Источник: разработано автором на основе [13, с. 10–12].

Субстратный подход как не имеющий на сегодняшний день достаточной доказательной научной базы нами не рассматривается.

Предметный подход позволяет утверждать, что качество человеческого капитала во многом определяется уровнем социально-экономической системы, к которой он (человеческий капитал) относится, и степенью ее развития, оно (качество) присуще определенному объекту и меняется под воздействием различных факторов, приводящих объект к изменению.

Качество человеческого капитала на основании системного подхода может быть представлено как некая система, элементами которой являются некие характеристики человеческого капитала, находящиеся в определенной связи и взаимодействии. Взаимодействие приводит к

изменению. Учет изменения объекта при определении качества — особенность предметного подхода. Таким образом, можно утверждать, что качество человеческого капитала в своем определении требует одновременно предметного и системного подхода.

Носитель человеческого капитала в различных социально-экономических системах выполняет определенные функции, которые требуют от него наличия тех или иных характеристик, определяющих его качество. Это утверждение основано на функциональном подходе. Выше мы определили, что характеристики человеческого капитала находятся в определенной взаимосвязи (системный подход) и, взаимодействуя между собой, приводят к видоизменению объекта (предметный подход). Следовательно, определяя качество человеческого капитала, необходимо использовать предметный, системный и функциональный подходы.

Носитель человеческого капитала — живая личность, характеристики которой не сводятся к социально-экономическим аспектам, а имеют духовную и нравственную составляющие, оказывающие существенное влияние на то, какие элементы в структуре человеческого капитала будут наиболее значимыми и требующими приоритетного развития. Такое предположение позволяет сформулировать интегральный подход к определению качества. Многоаспектность категории качества, подразумеваемая данным подходом, требует рассмотрения качества человеческого капитала как системы. Отсюда, как мы уже отмечали, вытекает необходимость в предметном и функциональном подходе.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что качество человеческого капитала представляет собой сложную категорию, отражающую уровень развития всех ее элементов и требующую анализа комплексного подхода, объединяющего предметный, системный, функциональный и интегральный взгляды.

Учитывая, что определение качества предполагает сравнение с неким эталоном, соответствующим потребностям, в нашем случае — социально-экономических систем, считаем важным выделить особенности современного общественного развития и на этой основе определить требования к качеству человеческого капитала.

Проведенное ранее исследование позволило нам проявить наиболее существенные характеристики развития общества в настоящем периоде, позволяющие рассматривать его как инновационный:

1. Основа современных инноваций — научные достижения. Если такие инновации, как, например, использование огня в жизнедеятельности человека, появились без помощи науки, то теперешние изменения связаны с развитием научных знаний.

2. Инновации стремительно насыщают жизнедеятельность человека. Особенно явно это проявляется в распространении инноваций в сфере информационно-коммуникационных технологий.

### Результаты

Выявленные особенности инновационной экономики дают возможность предположить, что качество человеческого капитала, соответствующее потребностям современного этапа развития социально-экономических систем различных уровней, должно отвечать следующим общим требованиям:

– обеспечивать соответствие знаний, умений и навыков стратегии развития социально-экономической системы, имеющей инновационную направленность;

– обеспечивать проявление и развитие таких свойств человеческого капитала, как креативность, готовность к риску, предприимчивость.

Важно отметить, что факторы, определяющие требования к качеству человеческого капитала, находятся в прямой зависимости от уровня социально-экономической системы (табл. 1).

Соответствие качества человеческого капитала потребностям системы того или иного уровня определяется целым рядом факторов, важнейшие из которых представлены в таблице 1.

**Факторы, определяющие требования к качеству и обеспечивающие качество человеческого капитала\*.**

Уровень социально-экономической системы	Факторы, определяющие требования к качеству человеческого капитала	Факторы, влияющие на качество человеческого капитала
Государство	<ul style="list-style-type: none"> <li>– стратегические ориентиры развития;</li> <li>– текущий уровень социально-экономического развития;</li> <li>– уровень технологического развития</li> </ul>	<ul style="list-style-type: none"> <li>– политика доходов и расходов;</li> <li>– система здравоохранения;</li> <li>– система образования;</li> <li>– развитие науки;</li> <li>– рынок труда;</li> <li>– демографическая политика;</li> <li>– миграционная политика</li> </ul>
Регион	<ul style="list-style-type: none"> <li>– стратегия развития;</li> <li>– технологическое развитие;</li> <li>– техническое развитие</li> </ul>	<ul style="list-style-type: none"> <li>– уровень доходов;</li> <li>– система здравоохранения;</li> <li>– система образования;</li> <li>– развитие науки;</li> <li>– развитие инфраструктуры;</li> <li>– поддержка предпринимательства</li> </ul>
Организация	<ul style="list-style-type: none"> <li>– стратегия развития;</li> <li>– применяемые технологии;</li> <li>– организация труда</li> </ul>	кадровая политика, определяющая систему стимулирования персонала

\*Источник: разработано автором.

### Выводы

Формирование инновационной экономики требует глубоких изменений в политической, технологической, экономической, социальной, культурной сферах. Это предъявляет новые требования к качеству человеческого капитала как основы достижения стратегических ориентиров развития общества. Повышается потребность в выявлении возможностей, позволяющих обеспечить соответствие качества человеческого капитала потребностям социально-экономических систем различных уровней, имеющих инновационную направленность в своем развитии. Понимание качества человеческого капитала как сложной категории, отражающей уровень развития всех ее элементов, нуждается в комплексном подходе к исследованию. Важно определение факторов, оказывающих влияние на качество человеческого капитала на уровне государства, региона и организации. Представление и учет этих факторов при разработке программ развития человеческого капитала социально-экономических систем различных уровней будет способствовать скорейшему достижению стратегических целей систем.

### Литература

1. Антология русского качества / Под ред. Б. В. Бойцова, Ю. В. Крянева. — М.: Стандарты и качество, 2000. — 428 с.
2. Аристотель. Метафизика / Пер. А. В. Кубицкого. — Ростов н/Д: Феникс, 1999. — 600 с.
3. Аристотель. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории. — Минск: Лит., 1998. — 1391 с.
4. Бенделл Т. Наставники по качеству. Сб. кратких очерков о самых знаменитых зарубежных деятелях в области качества / Пер. с англ. — М.: Стандарты и качество, 2000. — 274 с.
5. Галеев В. И. Конкурс-2003: достижения, проблемы и уроки на будущее // Сертификация. — 2004. — № 1. — С. 7–12.
6. Гегель Г. В. Ф. Наука логики: В 3 т. Т. 1. — М.: изд-во социально-экономической литературы «Мысль». — 1970. — 501с.
7. Дохолян С. В., Зоидов К. Х., Гневашева В. А. Циклы и кризисы эволюции мирового экономического пространства // Региональные проблемы преобразования экономики. — 2013. — № 2. — С. 331–335.
8. Дохолян С. В., Петросянц В. З., Садыкова А. М. Современные проблемы инновационного социально-экономического развития региона // Региональные проблемы преобразования экономики. — 2012. — № 3. — С. 43–51.
9. Журавлев П. В., Томилов А. С. Роль человеческого капитала в постиндустриальной экономике / Развитие предпринимательства в торговле и услугах: проблемы и перспективы. М.: Издательский дом

«Научная библиотека». — 2013. — С. 190–192.

10. Кулапов М. Н., Никулин Л. Ф., Карасев П. А. Шестой технологический уклад: новые подходы к оценке труда управленческого персонала // *Нормирование и оплата труда в промышленности*. — 2015. — № 5. — С. 50–56.

11. Новая философская энциклопедия. — М.: Мысль, 2010. — Т. 2. — 634 с.

12. Салимова Т. А. Управление качеством: учебн. пособ. — М.: Изд-во «Омега-Л», 2011. — 416 с.

13. Симонов Б. П., Королева Е. В. Инновационная экономика России: проблемы становления и развития // *Вестник Финансового университета*. — 2011. — № 1. — С. 5–14.

14. Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 8 декабря 2011 г. № 2227-р) // *Собрание законодательства Российской Федерации от 2 января 2012 г.* — № 1. — Ст. 216.

15. Фейгенбаум А. Контроль качества продукции: Сокр. пер. с англ. — М.: Экономика, 1986. — 471 с.

16. Философская энциклопедия / Под ред. Ф. В. Константинова. — М.: Советская энциклопедия, 1962. — Т. 2. — 576 с.

17. Экономический словарь / Под ред. А. И. Архипова. — Изд-во «Проспект». — 2010. — 624 с.

18. Ali Sasani. Investigating the Effect of Human Capital and Social Capital on Innovation Using the Fuzzy AHP Method // *New York Science Journal*. 2012. No. 5(11).

19. Caucutt E. M., Lochner L. J. Early and late human capital investments, borrowing constraints, and the family // *National Bureau of Economic Research*. 2012. Working Paper 18493.

20. Heckman J. J., Mosso S. The economics of human development and social mobility // *Annual Review of Economics*. 2014. V. 6. P. 689–733.

21. Jermann U. J., Quadrini V. Macroeconomic effects of financial shocks. // *The American Economic Review*. 2012. V. 102. P. 238–271.

22. Unger J. M. et al. Human capital and entrepreneurial success: A metaanalytical review // *Journal of Business Venturing*. 2011. T. 26. No. 3. P. 341–358.

#### References:

1. *Anthology of Russian quality* / Ed. B. V. Boitsova, V. V. Kryanev. Moscow: Standards and quality, 2000. 428 p.

2. Aristotle. *Metaphysics* / Transl. A. V. Kubitsky. Rostov n/a: Phoenix, 1999. 600 p.

3. Aristotle *The Rhetoric, Poetic, and Nicomachean Ethics*: Minsk: Lit., 1998. 1391 p.

4. Bendell T. *Quality Mentors. Sat. Short essays on the most famous foreign figures in the field of quality / Trans. With the English*. M: Standards and quality. 2000. 274 p.

5. Galeev V. I. Competition-2003: achievements, problems and lessons for the future // *Certification*. 2004. No. 1. P. 7–1.

6. Hegel G. V. F. *Science of Logic: In 3 vols. T. 1*. M.: publ. Of the socio-economic literature «Thought». 1970. 501 p.

7. Doholyan S. V., Zoidov K. Kh., Gnevasheva V. A. Cycles and crises of the evolution of the world economic space // *Regional problems of economic transformation*. 2013. No. 2. P. 331–335.

8. Doholyan S. V., Petrosyants V. Z., Sadykova A. M. Modern problems of innovative social and economic development of the region // *Regional problems of economic transformation*. 2012. No. 3. P. 43–51.

9. Zhuravlev P. V., Tomilov A. S. *The role of human capital in the post-industrial economy / Development of entrepreneurship in trade and services: problems and prospects*. Moscow: Publishing House «Scientific Library». 2013. P. 190–192.

10. Kulapov M. N., Nikulin L. F., Karasev P. A. *The Sixth Technological Structure: New Approaches to the Evaluation of the Work of Management Personnel* // *Rationing and Compensation in Industry*. 2015. No. 5–6. P. 50–56.

11. *New philosophical encyclopedia*. M.: Thought, 2010. T. 2. 634 p.

12. Salimova T. A. *Quality management: training. HelP*. Moscow: Publishing house «Omga-L», 2011. 416 p.

13. Simonov B. P., Koroleva E. V. *Innovative economy of Russia: the problems of formation and development* // *Bulletin of the Financial University*. 2011. No. 1. P. 5–14.

14. *Strategy of innovative development of the Russian Federation for the period up to 2020 (approved by the Government of the Russian Federation of December 8, 2011 No. 2227-r)* // *Collection of the legislation of the Russian Federation of January 2, 2012*. No. 1. 216 p.

15. Feigenbaum A. *Quality control of products: Sav. Per. With the English*. Moscow: Economics, 1986. 471 p.

16. *Philosophical Encyclopedia*. Ed. FV Konstantinova. Moscow: Soviet Encyclopedia, 1962. T. 2. 576 p.

17. *The economic dictionary*. Ed. AI Arkhipova. Publishing house Prospekt, 2010. 624 p.

18. Ali Sasani. Investigating the Effect of Human Capital and Social Capital on Innovation Using the Fuzzy AHP Method // *New York Science Journal*. 2012. No. 5(11).

19. Caucutt E. M., Lochner L. J. Early and late human capital investments, borrowing constraints, and the family // *National Bureau of Economic Research*. 2012. Working Paper 18493.

20. Heckman J. J., Mosso S. The economics of human development and social mobility // *Annual Review of Economics*. 2014. V. 6. P. 689–733.

21. Jermann U. J., Quadrini V. Macroeconomic effects of financial shocks. // *The American Economic Review*. 2012. V. 102. P. 238–271.

22. Unger J. M. et al. Human capital and entrepreneurial success: A metaanalytical review // *Journal of Business Venturing*. 2011. T. 26. No. 3. P. 341–358.

УДК 331

**КУТАЕВ ШИХРАГИМ КУТАЕВИЧ**

*д.э.н., заведующий отделом ФГБУН «Институт социально-экономических исследований»  
ДНЦ РАН, профессор кафедры «Финансы и кредит-1» ГАОУ ВО  
«Дагестанский государственный университет народного хозяйства»,  
e-mail: kutaev.sh@mail.ru*

## ОСОБЕННОСТИ ВОСПРОИЗВОДСТВА НАСЕЛЕНИЯ И ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ В РЕГИОНАХ СКФО

**Аннотация.** *Целью исследования* является рассмотрение современных тенденций и особенностей воспроизводства населения и трудовых ресурсов в регионах СКФО. **Методы проведения работы.** В работе применены методы дедукции, сравнения, экономического и статистического анализа. **Результаты работы.** На нынешнем этапе развития регионов СКФО эффективное регулирование демографических процессов и миграционных потоков должно стать одними из главных направлений экономической политики в макрорегионе. Основной упор необходимо концентрировать в направлении снятия напряженности в социально-трудовой сфере и рынке труда. В ходе исследования выявлены специфические для республик СКФО особенности воспроизводства населения и трудовых ресурсов, определено, что расширенный тип воспроизводства населения и трудовых ресурсов, характерный для большинства республик СКФО, в условиях трудоизбыточной и кризисной экономики способствует возникновению напряженности на местном рынке труда, нерегулируемой миграции населения, влечет за собой целый ряд социальных и экономических проблем. **Область применения результатов.** Результаты исследования могут быть использованы органами исполнительной и законодательной власти, в частности, при составлении баланса трудовых ресурсов на региональном уровне, при разработке и реализации программ развития трудовых ресурсов, при составлении планов социально-экономического развития территорий с учетом имеющихся в наличии трудовых ресурсов, а также при решении ключевых проблем социально-трудовых отношений. **Выводы.** 1. Расширенный тип воспроизводства населения и трудовых ресурсов, сложившийся в регионах СКФО, в условиях трудоизбыточной и кризисной экономики способствует возникновению напряженности на местном рынке труда, нерегулируемой миграции населения и др. 2. Нехватка рабочих мест способствует миграционному оттоку населения. 3. Состояние системы здравоохранения и образования в большинстве регионов СКФО не способствуют формированию качественных характеристик трудовых ресурсов. 4. В СКФО социально-экономические факторы и низкий уровень жизни населения опосредованно влияет на процесс деторождения.

**Ключевые слова:** воспроизводство населения, трудовые ресурсы, регион, рынок труда.

---

**KUTAEV SHIKHRAGIM KUTAEVICH**

*Doctor of Economic Sciences, Head of the Department of FSBIS "Institute of Social-Economic Studies of DSC of the RAS", Professor of the Faculty of "Finances and Credit-1" of SAEI of HE "Dagestan State University of National Economy",  
e-mail: kutaev.sh@mail.ru*

## PECULIARITIES OF REPRODUCTION OF POPULATION AND LABOR RESOURCES IN THE REGIONS OF THE NCFD

**Abstract.** *The goal of the study* is the discussion of modern tendencies and the particular features of reproduction of the population and human resources in the regions of the NCFD. **The methods of performing the study.** The study has used the methods of deduction, comparison, economic and statistical analysis. **The results of the study.** At the present stage of development of the regions of the NCFD the effective regulation of demographic processes and migratory streams has to become one of the main areas of focus of the economic policy in the macroregion.

*The main emphasis needs to be concentrated towards the area of focus of lifting the stress in the social-labor sphere and the labor market. In the process of the study, specific features for the NCFD republics in the area of reproduction of the population and labor resources were found, and it was determined that the extended type of reproduction of the population and labor resources characteristic of the majority of republics of the NCFD in the conditions of the manpower surplus and crisis economy labor encourages the initiation of the tension at the local market of labor, unregulated migration of the population, leading to a whole number of social and economic problems. **The area of application of the results.** The results of the study may be used by the authorities of the executive and legislative powers, in particular, when completing a balance of labor resources on the regional level, when developing and implementing programs of development of labor resources, when completing plans of the social-economic development of territories, taking into account the available labor resources, as well as when solving the key problems of social-labor relations. **The conclusions.** 1. The extended type of reproduction of the population and labor resources that formed in the regions of the NCFD in the conditions of manpower surplus and crisis economy encourages the initiation of the tension at the local market of labor, unregulated migration of the population, etc; 2. The lack of workplaces encourages the migration deflux of the population; 3. The state of the system of healthcare and education in the majority of the regions of the NCFD does not encourage the formation of high quality characteristics of labor resources; 4. In the NCFD the social-economic factors and the low standard of living of the population has an indirect impact on the process of childbirth.*

**Keywords:** reproduction of the population, labor resources, a region, the labor market.

**Введение.** Демографическая ситуация на уровне региона, округа и государства в целом оказывает неоднозначное влияние на формирование и использование трудовых ресурсов, а также функционирование социально-трудовых отношений и рынка труда, определяя во многом его тенденции и особенность. Изучение вопросов формирования и использования трудовых ресурсов в региональном разрезе и уровне округов имеет важное значение для успешного развития страны в целом. Качество трудовых ресурсов существенно влияет на качество и темпы экономического роста. Потенциал трудовых ресурсов, его формирование и эффективное использование во многом определяется проводимой на уровне государства либо субъекта социально-экономической политикой. Ситуация, при которой высокие темпы естественного прироста населения, характерные для республик СКФО, создают благоприятные условия для обеспечения стабильного предложения рабочей силы, но при низком и ограниченном на него спросе становятся препятствием формирования и развития цивилизованного рынка труда, является главной причиной роста безработицы и миграционного оттока населения региона.

**Методы исследования.** Воспроизводство населения — это процесс непрерывной смены поколений, другими словами, «производства людьми себе подобных».

В основу воспроизводства трудовых ресурсов необходимо отнести воспроизводство самого населения, так как процессы рождаемости и смертности формируют границы их численности. По мнению В. К. Сенчагова, воспроизводство населения состоит как в постоянном возобновлении его численности и структуры в результате естественной смены уходящих поколений новыми, так и перехода одних структурных частей в другие [14]. Как считает Е. Б. Бреева, воспроизводство населения — это процесс возобновления его половозрастной структуры, национального, профессионального состава, когда происходит замещение одних поколений людей другими за счет рождаемости и смертности [3].

Источники демографической информации должны позволить получить необходимый объем сведений не только по стране в целом, но и по округам и регионам. Это очень важно для государства с полиэтничным национальным составом, поскольку имеются существенные региональные различия не только в природно-климатических условиях, но и в характере процессов воспроизводства населения и трудовых ресурсов.

При работе над данным материалом было рассмотрено множество источников специальной литературы, посвященных исследованию разных аспектов, освещаемых в данной статье, таких как рынок труда, трудовые ресурсы, миграция населения [8; 18; 9, 2, 10, 1, 5], вопросы демографии, социально-экономического и экологического развития [14; 3; 12; 6; 2; 10; 1], а также

зарубежная литература [15–17].

Трудовые ресурсы, представляя собой экономически активных индивидов, являются составной частью населения, поэтому их формирование напрямую зависит от тенденций и закономерностей демографических процессов [8]. Так, в количественном аспекте трудовые ресурсы зависят от численности лиц, вступающих и выходящих из трудоспособного возраста. Кроме того, на воспроизводство трудовых ресурсов также влияют и миграционные процессы. Как представляется, под воспроизводством трудовых ресурсов, применительно к современным условиям, следует понимать процесс постоянного возобновления их в количественном, качественном и структурном аспектах, включающий в себя этапы формирования, распределения и использования.

При анализе процессов воспроизводства населения, и в частности трудовых ресурсов, необходимо помнить о том, что социально-экономические, национальные и др. факторы, специфически проявляющиеся в каждом регионе либо макрорегионе, определяют формирование того или иного типа воспроизводства населения.

Формирование трудовых ресурсов, как известно, является производным процесса воспроизводства населения, т. е. их постоянного возобновления в результате естественного движения и миграции населения. Тенденция постоянного снижения численности населения, как правило, приводит к отрицательным социально-экономическим последствиям, снижению валового продукта страны и т. д.

В этой связи следует заметить, что от демографической структуры населения в значительной степени зависят параметры регионального рынка труда, соотношение фондов накопления и потребления, распределение капитальных вложений на производственное и непроизводственное строительство, размещение и развитие производительных сил, структура занятости. Она оказывает заметное влияние на экономический потенциал региона, на формирование и использование регионального бюджета (особенно его расходной части) и платежного баланса населения. Изменения в демографическом развитии и половозрастной структуре населения вызывают соответствующие количественные и качественные сдвиги в экономической структуре региона, в структуре национального дохода, в экономической нагрузке трудоспособного населения, в емкости регионального рынка труда, в объемах и технико-экономических характеристиках рабочих мест, в емкости и структуре рынка образовательных услуг и т. д.

Особенности воспроизводства трудовых ресурсов состоят в том, что они охватывает процессы, протекающие не только в сфере экономики, но и политико-правовые, морально-этические, социально-демографические, национально-этнические, психологические и др. В то же время формирование трудовых ресурсов имеет известную самостоятельность и определяется рядом факторов. Обусловливающим фактором воспроизводства трудовых ресурсов, как правило, является социально-экономический, поскольку зачастую от того, как (уровень доходов) и в каких условиях (прежде всего, жилищные условия) живут граждане, зависит принятие решения об увеличении числа детей.

Следует заметить, что это правило не всегда распространяется на очень развитые государства, например, скандинавские страны (Норвегия, Дания и др.). В СКФО, несмотря на кризисность экономики большинства субъектов, уровень рождаемости характеризует ее расширенный тип, что влечет за собой целый ряд социальных и экономических проблем, решение которых находится в плоскости разработки и реализации соответствующей политики, принятия целевых программ и т. д.

В то же время важно отметить, что социально-экономическое развитие региона, округа и страны в целом зависит от количественного и качественного состава трудовых ресурсов.

Отличительной от других федеральных округов особенностью воспроизводства трудовых ресурсов в регионах СКФО является ее расширенный тип в республиках: Чечня, Ингушетия, Дагестан, в разы превышающий аналогичные среднероссийские показатели.

Общие принципы воспроизводства трудовых ресурсов едины для всей страны, но условия их воспроизводства для различных регионов, в частности субъектов СКФО, не одинаковы в силу действия определенных факторов.

Национальные обычаи и традиции, религиозный фактор оказывают значимое влияние на воспроизводство населения и трудовых ресурсов, а также на социально-трудовую активность

молодежи и женщин, на их профориентацию, служат препятствием к повышению мобильности населения.

Серьезным фактором, ограничивающим интенсивность рождаемости, является рост городского населения и распространение городского уклада жизни. Образ жизни горожан более интенсивен по сравнению с жителями сельской местности. В городских условиях возможности удовлетворения духовных потребностей и интересов выше, чем в сельских условиях, где основной сферой (а нередко и единственной) занятости сельских жителей в общественном производстве является сельское хозяйство, а сеть предприятий несельскохозяйственных отраслей, в частности, социальной инфраструктуры, развита недостаточно и по уровню развития заметно отстает от городских показателей. Все это способствует формированию более высокого уровня рождаемости в сельской местности и низкой рождаемости в городских поселениях.

Следует подчеркнуть, что состояние населения и трудовых ресурсов является одним из важных индикаторов социально-экономического развития страны, региона, муниципального образования. Республики СКФО отличаются значительной дифференциацией воспроизводства населения, а соответственно и трудовых ресурсов. Особое место среди субъектов СКФО занимают Чеченская Республика, Республика Ингушетия, Республика Дагестан, где демографическая ситуация и процессы, благодаря расширенному типу воспроизводства и более молодой структуре населения по сравнению с другими регионами РФ, носят позитивный характер. Здесь наблюдается положительный естественный прирост и, кроме Республики Ингушетия, отрицательное сальдо миграции. Высокий уровень жизни населения центральных регионов страны становится привлекательным для жителей субъектов СКФО из-за неразвитости собственной экономики и социальной сферы, диспропорции спроса и предложения рабочей силы на региональном рынке труда, что обуславливает процесс миграции населения, в основном молодежи.

Отметим, что, с одной стороны, в республиках СКФО (Чеченской, Ингушетии, Дагестан) наблюдается ситуация естественного прироста населения, а значит, и рост численности трудовых ресурсов (табл. 1), с другой — это субъекты, где на протяжении последних десятилетий сложилась сложная ситуация в сфере использования трудовых ресурсов и на рынке труда в целом из-за отсутствия мест приложения труда.

Таблица 1

**Численность населения в регионах СКФО, (на конец года; тысяч человек)**

	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015
<b>Российская Федерация</b>	<b>143236</b>	<b>142865</b>	<b>143056</b>	<b>143347</b>	<b>143667</b>	<b>146270</b>	<b>146545</b>
<b>СКФО</b>	<b>9037</b>	<b>9439</b>	<b>9493</b>	<b>9541</b>	<b>9590</b>	<b>9659</b>	<b>9718</b>
Республика Дагестан	2693	2914	2931	2946	2964	2990	3016
Республика Ингушетия	417	415	430	442	453	463	473
Кабардино-Балкарская Республика	866	860	859	859	859	861	862
Карачаево-Черкесская Республика	455	477	475	472	470	469	468
Республика Северная Осетия — Алания	707	712	709	706	704	705	704
Чеченская Республика	1152	1275	1302	1325	1346	1 370	1 394
Ставропольский край	2747	2786	2787	2791	2794	2 800	2 802

*Источник:* данные Росстата [7].

В республиках СКФО благодаря существующим тенденциям воспроизводства населения и нехватке рабочих мест возникла трудоизбыточность и, как следствие, напряженность на рынке труда, основные показатели которой приведены в таблице 2.

Таблица 2

## Отдельные показатели напряженности на рынке труда СКФО в 2015 году

	Уровень занятости, %	Уровень безработицы, %	Среднее время поиска работы безработными, месяцев	Удельный вес безработных, ищущих работу 12 месяцев и более, %	Численность незанятых граждан, зарегистрированных в госучреждениях службы занятости населения, в расчете на одну заявленную вакансию, чел.
<b>Российская Федерация</b>	65,3	5,6	7,3	27,3	1,0
<b>СКФО</b>	58,0	11,1	8,5	33,7	7,0
Республика Дагестан	55,0	10,8	7,9	24,4	37,5
Республика Ингушетия	50,2	30,5	12,3	66,7	236,9
Кабардино-Балкарская Республика	60,4	10,1	10,1	45,7	2,7
Карачаево-Черкесская Республика	53,5	15,1	10,8	57,1	3,0
Республика Северная Осетия — Алания	58,4	9,3	9,0	34,1	10,7
Чеченская Республика	58,8	17,1	6,6	18,5	27,8
Ставропольский край	61,8	5,6	6,8	25,3	1,1

Источник: данные Росстата [7].

Оценивая масштаб миграции населения регионов СКФО (табл. 3), следует иметь в виду, что статистические данные миграционного оттока не отражают реальной ситуации, так как основная часть внутренней миграции населения остается без миграционного учета и официальной регистрации, т. е. граждане могут длительное время находиться в другом регионе, трудиться и при этом нигде не становиться на постоянную либо временную регистрацию [4].

Таблица 3

## Общие итоги миграции населения регионов СКФО в 2015 году

	Число прибывших, человек	2015 год в % к 2014 году	Число выбывших, человек	2015 год в % к 2014 году	Миграционный прирост (+), убыль (-), человек
<b>Российская Федерация</b> <sup>1</sup>	<b>4734299</b>	<b>101,5</b>	<b>4488370</b>	<b>102,9</b>	<b>+245929</b>
<b>СКФО</b>	<b>198539</b>	<b>97,2</b>	<b>223306</b>	<b>99,5</b>	<b>-24767</b>
Республика Дагестан	44235	100,5	57625	99,4	-13390
Республика Ингушетия	10065	102,0	8228	113,3	+1837
Кабардино-Балкарская Респ.	11384	94,1	14880	95,3	-3496
Карачаево-Черкесская Респ.	11203	95,9	13730	96,5	-2527
Республика Северная Осетия — Алания	13648	89,4	17923	104,1	-4275
Чеченская Республика	20920	114,4	22078	107,5	-1158
Ставропольский край	87084	93,7	88842	97,1	-1758

Источник: данные Росстата [7].

Отдельно рассматривая ситуацию миграционного оттока из Республики Дагестан, заметим, что в 2000 году миграционная убыль составила 4,5 тыс. человек, а в 2015 году — более 13 тыс. человек, что значительно больше, чем у всех регионов СКФО вместе взятых.

Трудовые ресурсы макрорегиона отличаются высоким образовательным уровнем. Ежегод-

<sup>1</sup> С учетом данных по Крымскому федеральному округу.

ный выпуск учреждениями образования СКФО квалифицированных рабочих, служащих составляет более 25 тыс. человек.

В среднесрочной перспективе ввиду намеченных структурных изменений в экономике округа во всех отраслях народного хозяйства планируется увеличение рабочих мест, что повлечет за собой ужесточение требований к профессиональной квалификации работников, к их знаниям и умениям. В то же время главной проблемой, с профессиональной точки зрения, останется качество трудовых ресурсов. На региональном рынке труда ощущается повышенный спрос на квалифицированные инженерно-технические рабочие кадры. А система образования в целом по округу еще не адаптирована и не включена в процесс структурных преобразований экономики субъектов СКФО. Наблюдается избыток в подготовке кадров по некоторым специальностям, не востребованным экономикой.

Основным критерием оценки проводимой региональной социально-экономической политики следует считать размер заработной платы граждан. Ее размер вкупе с условиями труда может явиться как мотиватором, так демотиватором в процессе использования трудовых ресурсов и повышения производительности труда. А это напрямую влияет на воспроизводственный процесс и процесс формирования трудовых ресурсов.

В 2016 году Росстат составил рейтинг размеров средних зарплат в регионах РФ, где РД со средней заработной платой 18 819 рублей занимает последнее, 85-е место в стране [4]. Карачаево-Черкессия с зарплатой 20 260 рублей на 82-м месте. Всего лишь на одну строчку выше в рейтинге Кабардино-Балкария — 20 328 рублей. 79-е место у Северной Осетии — 20 857 рублей. В Чечне, которая на 66-м месте, средняя зарплата 21 981 рубль. 65-е место с 22 180 рублями у Ингушетии. Самым зажиточным регионом Северного Кавказа, занявшим 59-е место, стал Ставропольский край, здесь размер заработной платы составляет 22 744 рубля. Средний показатель по России — 33 278 рублей. По стране самые большие заработки — 78 998 рублей в Ямало-Ненецком автономном округе. Москва — на 4-м месте со средней зарплатой 62 855 рублей.

Разрыв в размере средней заработной платы РД и РФ составил около двух раз.

Как представляется, следует обратить внимание на тот факт, который идет в разрез с общепринятым мнением, что снижение жизненного уровня и материального благосостояния способствует снижению рождаемости населения. В республиках СКФО такая тенденция не прослеживается (см. табл. 1).

### Результаты

Изучение динамики показателей населения во взаимосвязи с особенностями социально-экономической организации общества позволяет проследить изменения в условиях и характере воспроизводства населения и определить требования к трудовым ресурсам.

В экономической литературе различают три типа воспроизводства населения [7]:

1. Простое воспроизводство, отличающееся стабильной динамикой численности населения, достигается при приближенных значениях показателей рождаемости и смертности. Такой тип характеризуется как стационарный, поскольку не происходит значительных изменений состава населения по полу и возрасту. Если определены тенденции такого характера воспроизводства, то при снижении доходов населения и падении уровня жизни существует опасность возникновения суженного характера его воспроизводства.

2. Расширенное воспроизводство происходит при высоких показателях рождаемости и низкой смертности, в результате численность населения возобновляется в возрастающем масштабе. При этом образуется прогрессивный тип половозрастной структуры, растет его абсолютная численность.

3. Суженное воспроизводство — тип воспроизводства, при котором рождаемость находится на таком уровне, который не обеспечивает возмещения родительского поколения. То есть сокращение численности населения из-за превышения смертности над рождаемостью.

Существуют также и два типа воспроизводства трудовых ресурсов:

1. Экстенсивный, который заключается в приближении структуры населения к суженному воспроизводству, высоким удельным весом смертности, низкой долей населения старших возрастов, небольшими общими темпами роста населения страны. На практике экстенсивный тип воспроизводства трудовых ресурсов означает увеличение их численности без изменения их

качественного состава в структуре экономически активного населения.

2. Интенсивный — в основном связан с реализацией социально-экономических программ по обеспечению и улучшению качества жизни населения, повышением реальных доходов на душу населения, увеличением удельного веса пожилого населения и продолжительности жизни. Чаще всего такой тип воспроизводства населения обусловлен продолжающимся ростом трудового потенциала общества на основе изменения показателей образовательного уровня, профессионально-квалификационных характеристик трудоспособного населения, повышением эффективности использования рабочей силы и прогрессивных технологий.

Таким образом, процессы воспроизводства населения и трудовых ресурсов представляют взаимосвязанный процесс, но между ними существуют определенные различия, по которым они не совпадают:

– рождаемость оказывает непосредственное влияние на численность населения и спустя определенный период на рост трудовых ресурсов, когда лица моложе трудоспособного возраста достигают своего совершеннолетия;

– выход женщин с 55 лет и мужчин с 60 лет на пенсию приводит к снижению трудовых ресурсов, не изменяя количественных характеристик населения.

Изучение динамики показателей населения во взаимосвязи с региональными особенностями социально-экономического развития позволяет проследить изменения в условиях и характере воспроизводства населения и определить требования к трудовым ресурсам.

### Выводы

Таким образом, итогами рассмотренных в данном пункте исследования стали следующие выводы:

– выявлено, что в регионах СКФО в целом сложилась ситуация, характеризующаяся расширенным типом воспроизводства населения, что является основным фактором увеличения числа трудовых ресурсов и в условиях трудоизбыточности, нехватки рабочих мест, и кризисности экономики, а также способствует возникновению напряженности на местном рынке труда, нерегулируемой миграции населения и др.;

– показано, что не всегда социально-экономические факторы и уровень жизни населения влияет на процесс деторождения.

### Литература

1. Абдулманов П. Г. Территориальная дифференциация уровня рождаемости в Республике Дагестан // Региональные проблемы преобразования экономики. — 2011. — № 3. — С. 259–267.
2. Баширова А. А. Эколого-экономическая сбалансированность развития проблемного региона: проблемы, направления решения // Апробация. — 2016. — № 8. — С. 83–85.
3. Бреева Е. Б. Основы демографии: учеб. пособие / Е. Б. Бреева. — Изд. 4-е, перераб. и доп. — М.: ИТК «Дашков и К», 2009. — С. 277.
4. В Дагестане самая маленькая в России зарплата [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://kavkaz.versia.ru/v-dagestane-samaya-malenkaya-v-rossii-zarplata>, свободный. — Загл. с экрана.
5. Вишневская Н. Г. Миграция трудовых ресурсов: понятие и социально-экономические последствия // Апробация. — 2014. — № 7. — С. 36–38.
6. Гимбатов Ш. М. Проблемы социально-экономического развития республик Северного Кавказа // Вопросы структуризации экономики. — 2012. — № 3. — С. 114–117.
7. Зверева Н. В., Веселкова И. Н., Елизаров В. В. Основы демографии: Учебное пособие. — М.: Высш. шк., 2004. — С. 374.: ил.
8. Землянухина С. Г., Дедловская В. А. Применение воспроизводственного подхода к исследованию трудовых ресурсов // Вестник Саратовского государственного технического университета. — 2013. — Т. 3. — № 1 (72). — С. 268–273.
9. Мирзабалаева Ф. И. Рынок труда в условиях современного кризиса: рискологический аспект // Вопросы структуризации экономики. — 2010. — № 2. — С. 15–22.
10. Петросянц В. З., Ниналалова Л. Г. Программно-целевые методы в системе регулирования развития проблемных регионов // Региональные проблемы преобразования экономики. — 2016. — № 5. — С. 63–70.
11. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016. — Стат. сб. / Росстат. — М., 2016.
12. Сагидов Ю. Н. Мотивация экономического развития региона (на примере Республики Дагестан) // Региональные проблемы преобразования экономики. — 2014. — № 2. — С. 31–37.
13. Сагидов Ю. Н. Цивилизационная мотивация социально-экономического развития: видение из региона // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2014. № 29. С. 51–62.
14. Сенчагов В. К. Экономическая безопасность: геополитика, глобализация, самосохранение и разви-

мие. М.: Финстатинформ, 2002. — С. 245.

15. Eamets R., Masso J. *Labour Market Flexibility and Employment Protection Regulation in the Baltic States*. IZA DP No. 1147. May 2004. P. 19.

16. Fila M., Juranova K. *Human capital management: evaluation of selected unemployment aspects* // *Economic Annals-XXI*. 2015. No. 3–4. P. 105–108.

17. Freeman R. *Is a Great Labor Shortage Coming? Replacement Demand in the Global Economy: Working Paper No. 12541*. September 2006.

18. Kutaev Sh., Kutaeva R. *Trends of the population reproduction and their impact on the movement of workforce in the North Caucasian Federal District* // *Economic Annals-XXI*. 2016. 7–8 (160). P. 88–91.

#### References:

1. Senchagov V. K. *Economic security: geopolitics, globalization, self-preservation and development*. М.: Finstatinform, 2002.

2. Breeva E. B. *Basics of Demography: textbook. benefit. Ed. 4th, Revised. and ext.* М.: ИТК «Dashkov and K», 2009.

3. Zemlyanukhina S. G., Dedlovskaya V. A. *The use of reproductive approach to the study of labor resources* // *Bulletin of Saratov state technical university*. 2013. T. 3. No. 1 (72). P. 268–273.

4. Kutaev Sh., Kutaeva R. *Trends of the population reproduction and their impact on the movement of workforce in the North Caucasian Federal District* // *Economic Annals-XXI*. 2016. 7–8 (160). P. 88–91.

5. *In Dagestan, the smallest salary in Russia*. [An electronic resource]. Access mode: <https://kavkaz.versia.ru/v-dagestane-samaya-malenkaya-v-rossii-zarplata>, free. Heading from the screen.

6. Zvereva N. V., Veselkova I. N., Elizarov V. V. *Basics of Demography: Textbook*. М. 2004. P. 374.

7. *Regions of Russia. Socio-economic indicators*. 2016: Stat. / Rosstat. М., 2016.

8. Sagidov Y. N. *The motivation of economic development of the region (on the example of the Republic of Dagestan)* // *Regional problems of economic transformation*. 2014. No. 2. P. 31–37.

9. Gimbatov Sh. M. *Problems of social and economic development of the North Caucasus republics* // *Questions structuring of the economy*. 2012. No. 3. P. 114–117.

10. Mirzabalaeva F. I. *The labor market in today's crisis: // Questions riskological aspect of structuring the economy*. 2010. No. 2. P. 15–22.

11. Bashirova A. *Ecological and economic balance in the development of problem region: problems, ways of solving* // *Approbation*. 2016. No.8. P. 83–85.

12. Petrosyants V. Z., Ninalalova L. G. *Program-target method in the system of regulation of development of problem regions* // *Regional problems of economic transformation*. 2016. No. 5. P. 63–70.

13. Abdulmanapov P. G. *Territorial differentiation in the birth rate in the Republic of Dagestan* // *Regional problems of economic transformation*. 2011. No. 3. P. 259–267.

14. Vishnevskaya N. G. *The migration of labor resources: concept and socio-economic consequences* // *Approbation*. 2014. No. 7. P. 36–38.

15. Fila M., Juranova K. *Human capital management: evaluation of selected unemployment aspects* // *Economic Annals-XXI*. 2015. No. 3–4. P. 105–108.

16. Freeman R. *Is a Great Labor Shortage Coming? Replacement Demand in the Global Economy: Working Paper No 12541*. September, 2006.

17. Eamets R., Masso J. *Labour Market Flexibility and Employment Protection Regulation in the Baltic States*. IZA DP No. 1147. May 2004. P. 19.

18. Sagidov Yu. N. *Civilization motivation for socio-economic development: a vision of the region* // *National interests: priorities and safety*. 2014. No. 29. P. 51–62.

УДК 330.341:314.17

**НЕЧАЕВ АНАТОЛИЙ СЕРГЕЕВИЧ**

аспирант ФГБУН «Институт социально-политических исследований РАН»,  
e-mail: nechaev-a@mail.ru

## ВЛИЯНИЕ ОБЕСПЕЧЕННОСТИ ИНЖЕНЕРНОЙ ИНФРАСТРУКТУРОЙ НА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ТЕРРИТОРИИ

**Аннотация. Цель работы.** Изучение вопроса влияния на социально-экономическое и демографическое развитие территории в контексте обеспечения инженерной инфраструктурой. **Метод или методология проведения работы.** Анализ влияния обеспеченности инженерной инфраструктурой на социально-экономическое и демографическое развитие Московской области на основании существующих статистических данных, а также с учётом актуальных публикаций исследований авторов по соответствующим темам, проведённым на основании других областей Российской Федерации. **Результаты.** Глубокое понимание механизмов воздействия наличия инженерной инфраструктуры на различные факторы социально-экономического развития территории позволяют принимать руководству региона эффективные решения и обеспечивать минимизацию бюджетных затрат при максимально эффективной реализации запланированных мероприятий. До настоящего времени не проводилось исследований связи социально-экономического и демографического развития территории Московской области в контексте обеспеченности инженерной инфраструктурой. **Выводы.** По результатам анализа автором предлагается модель для описания численной взаимосвязи во времени пары параметров на примере миграционного прироста и мероприятий по газификации в рамках государственных и муниципальных программ области. В целях определения эффективности прошедших и реализуемых в настоящее время государственных и муниципальных программ обеспечения муниципальных образований инженерной инфраструктурой автором планируется с использованием предложенной модели и на основании опубликованных отчётов о выполнении соответствующих программ проследить экономические и демографические последствия их реализации. Вместе с тем открытым остаётся вопрос критериев включения конкретных мероприятий в программы развития инженерной инфраструктуры в части прогнозирования экономического и демографического эффекта. **Область применения результатов.** Результаты приведённой работы могут быть использованы при разработке и оценке эффективности программ обеспечения инженерной инфраструктурой населённых пунктов муниципальных образований.

**Ключевые слова:** инженерная инфраструктура, ВРП, население, миграция, социально-экономическое развитие, Московская область.

---

**NECHAEV ANATOLY SERGEEVICH**

Doctoral Candidate of FSBIS "Institute of Social-Political Studies of the RAS",  
e-mail: nechaev-a@mail.ru

## THE IMPACT OF PROVIDING FOR THE ENGINEERING INFRASTRUCTURE ON THE SOCIAL-ECONOMIC AND DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT OF THE TERRITORY

**Abstract. The goal of the study.** Studying the issue of impact on the social-economic and demographic development of the territory in the context of supplying the engineering infrastructure. **The method or methodology of performing the study.** The analysis of impact of providing the engineering infrastructure on the social-economic and demographic development of the Moscow Region based on the existing statistical data, as well as taking into account the relevant publications of studies of authors on the corresponding topics based on data from other regions of the Russian Federation. **The results.** A deep understanding of the mechanisms of impact of the presence of the engineering infrastructure on different factors of the social-economic development of the territory allow for the leadership of the region to make effective decisions and provide for the reduction of budgetary expenditures with the maximum effective implementation of the planned

measures. Up until the present moment there haven't been any studies done of the connections of the social-economic and demographic development of the territory of the Moscow Region in the context of provision of the engineering infrastructure. **Conclusions.** Based on the results of the analysis, the authors were offered a model to describe the numerical interconnection in time of a couple of parameters on the example of a migration augmentation and measures on providing gas utility services in the context of state and municipal programs of the region. In order to determine the effectiveness of the past and implemented at the present moment state and municipal programs of providing municipal establishments with engineering infrastructure the author is planning to use the suggested model, and based on the published reports about fulfilling the corresponding programs to follow the economic and demographic consequences of their implementation. At the same time, it is still an open issue of criteria of including specific measures in the programs of development of the engineering infrastructure in terms of forecasting the economic and demographic effect. **The area of application of the results.** The results of the work performed may be used when developing and evaluating the effectiveness of programs of providing the engineering infrastructure for the population centers of municipal establishments.

**Keywords:** Engineering infrastructure, the GRP, population, migration, social-economic development, the Moscow Region.

### Введение

Экономическое состояние регионов Российской Федерации обуславливается результатами действия промышленных и аграрных предприятий, которые, в свою очередь, связаны как с прямыми производственными факторами (производство продукции, себестоимость производства, уровень заработной платы), так и с внешними факторами — общими для совокупности предприятий на территории (политика ценообразования, инженерная инфраструктура, политика налогообложения, доступность кредитов, инфляция, программы поддержки и дотаций, особенности законодательства).

Рассмотрение прямых производственных факторов относится больше к экономике предприятий, в то время как влияние внешних факторов простирается гораздо шире рамок конкретной фирмы.

### Методы исследования

В рамках данной работы автором предлагается рассмотреть вклад обеспеченности инженерной инфраструктуры в экономическое развитие региона. Вместе с тем в русле выбранной концепции рассмотрения будут приниматься во внимание только сельские территории, как наиболее отстающие в части обеспеченности инженерной инфраструктурой и где масштаб изменений предполагается наиболее заметным.

Инженерная инфраструктура в данной работе будет пониматься в соответствии с принятым в Градостроительном кодексе определением [1][2].

В качестве критерия изменения экономической ситуации в регионе предлагается рассматривать величину валового регионального продукта (далее — ВРП) как некий масштабный показатель, характеризующий совокупность экономических результатов всех предприятий, работающих на территории.

Статистический анализ ВРП позволяет выстраивать регионы по шкале экономического развития, определяющего конкурентные преимущества.

В соответствии с предложенной Независимым институтом социальной политики концепции деления регионов в зависимости от уровня социально-экономического развития Московская область входит в список «относительно развитых или опережающих по доходу» регионов по состоянию на 2010 г. [3].

В 2012 г. объём ВРП Московской области в текущих ценах составил 2440 млрд руб., что ставит регион на третье место в стране по данному показателю после Москвы (10577 млрд руб.) и Тюменской области (4618 млрд руб.). По оценкам, в 2013 г. ВРП вырос на 3% (что составляет 2513 млрд руб.) [4].

Другим фактором роста ВРП можно назвать прирост численности населения, который в посткризисный период составлял в среднем 1,2% в год — за счёт миграций (в структуре ми-

граций 80% приходится на внутрисоссийскую миграцию) [5].

Инвестиции в основной капитал — третий ключевой фактор экономического роста в регионе [6–8]. В послекризисный период динамика роста инвестиций в основной капитал в Московской области ниже, чем темпы роста ВРП (соответственно 3,2% и 6,9% в среднем за год в период 2010–2012 гг.). [5] На фоне других регионов экономика Московской области недоинвестирована.

В настоящей работе рассматривается вклад от проведения политики инвестирования в обеспечение инженерными сетями предприятий и населения со стороны региональной и муниципальной властей, в связи с тем что проведение такого рода мероприятий частным лицом всегда имеет эгоистичный характер и в меньшей степени затрагивает развитие окружающих территорий.

В развитие экономики на уровне муниципалитета, т. е. в открытии новых предприятий и в расширении уже действующих заинтересованы как руководство муниципального образования, так и областное правительство. Вместе с тем можно предположить, что в большей степени от такой ситуации выигрывает именно местная муниципальная власть.

Новые производственные мощности обеспечивают рабочими местами населённые пункты, в которых они располагаются, а значит, увеличивается социальная стабильность и уровень жизни территории. Кроме того, такая ситуация способствует как естественному росту населения, так и привлечению потока внутренней миграции с других менее развитых территорий с целью улучшения своих жилищных условий, а также уменьшает интенсивность выездной маятниковой рабочей миграции и повышает интерес к работе по месту жительства.

Другим важным последствием развития предприятий является увеличение налоговых поступлений.

Как указывает в своей работе Л.Е. Тишкина — заместитель руководителя администрации, начальник финансово-казначейского управления Одинцовского муниципального района Московской области, в 2006 г. наибольший удельный вес среди зачисляемых в бюджет доходных источников имеет налог на доходы физических лиц (далее — НДФЛ). В Одинцовском районе Московской области в 2006 г. он составил 42% в общей сумме налоговых доходов бюджета [9].

Вместе с тем доходы от предпринимательской и иной приносящей доход деятельности также являются важной частью бюджета территории. Однако, принимая во внимание сложившуюся кризисную ситуацию в экономике и необходимость стимулирования роста малого и среднего предпринимательства, можно констатировать, что в этом направлении на данный момент ещё остаётся большой фронт работ.

Анализируя распределение налоговых поступлений в бюджет можно прийти к выводу, что наиболее заинтересованы в реализации механизмов стимулирования роста экономики на территории именно администрации муниципальных образований.

В работе Кирпичева В.В. приведена матрица коэффициентов парных корреляций объёма произведённой сельскохозяйственной продукции, среднемесячной заработной платы, уровня газификации села природным газом и численностью населения, занятого в сельскохозяйственном производстве [10].

*Таблица*

**Матрица коэффициентов парной корреляции  
(по сельским территориям регионов ЦФО России (данные за 2012 г.)) [10]**

Коэффициент	Y <sub>1</sub> : объем произведённой в регионах ЦФО РФ продукции сельского хозяйства	X <sub>1</sub> : средние мес. номинальная начисленная зарплата в сельском хозяйстве	X <sub>2</sub> : уровень газификации села природным газом	X <sub>3</sub> : численность населения, занятого в сельскохозяйственном производстве
Y <sub>1</sub>	1	0,68	0,74	0,92
X <sub>1</sub>	0,68	1	0,17	0,49
X <sub>2</sub>	0,74	0,54	1	0,53
X <sub>3</sub>	0,92	0,49	0,48	1

Представленные в табл. результаты свидетельствуют о значительной величине корреляции между уровнем газификации территории и объёмом произведённой продукции сельского хозяйства — 0,74.

Вместе с тем результаты статьи говорят об отсутствии зависимости между уровнем газификации сел и среднемесячной номинальной заработной платой, начисляемой на сельскохозяйственных предприятиях. Однако обнаружена незначительная корреляционная связь между уровнем газификации сел и численностью занятого населения в сельскохозяйственном производстве. [11].

Кроме того, результаты, полученные В.В. Кирпичевым, предсказывают увеличение объёма сельскохозяйственного продукта в среднем на 203,3 млн руб. в год при увеличении уровня газификации сельских территорий Центрального федерального округа Российской Федерации на 1% при отсутствии изменения других факторов.

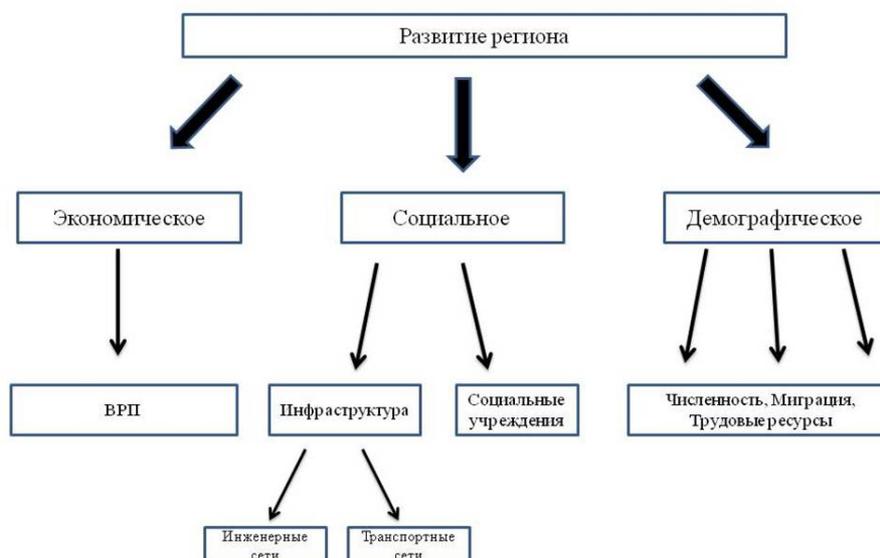
В работе В.В. Коокуевой проводится анализ влияния федеральных целевых программ развития территории на социально-экономическое развитие Республики Калмыкия. В статье подчёркивается взаимосвязь инвестиционной привлекательности территории и развитости инженерной инфраструктуры, а также темпов экономического развития. Рассматривая Федеральную целевую программу «Юг России (2008–2012 гг.)» в части финансирования мероприятий по газификации населённых пунктов, автор отмечает положительное влияние указанных мероприятий на рост сельскохозяйственного производства и улучшение условий труда и быта сельского населения [12].

### Результаты

Таким образом, анализируя представленные выше результаты существующих исследований, а также аналогичные исследования зарубежных авторов [13–17], можно сделать вывод о комплексном воздействии появления инженерной инфраструктуры в населённом пункте на социально-экономическое и демографическое развитие.

С целью описания модели развития региона и для выявления удельного влияния обеспеченностью инженерной инфраструктурой на социально-экономическое развитие региона может быть введена функция многих переменных  $Dev=F(E,S,Dem)$ , где: развитие региона ( $Dev$ ) представляет собой сложную функцию от экономической составляющей, зависящей от ВРП региона ( $E$ ), социальной составляющей, зависящей от обеспечения инфраструктурой и социальными учреждениями ( $S$ ) и демографической составляющей, зависящей от численности населения, миграции и трудовых ресурсов ( $Dem$ ).

Схематическое представление указанной модели представлено на рис.



*Рис. Схематическое представление влияния инженерной инфраструктуры на социально-экономическое развитие региона*

Удельный вклад каждой составляющей не равноценен, но автором предполагается, что в долевом соотношении влияние остаётся постоянным во времени.

Для выделения конкретной численной взаимосвязи во времени для каждой пары переменных, например, для миграционного прироста и мероприятий по газификации в рамках государственных и муниципальных программ области, предлагается использовать следующую модель:

$$\text{migr}_{it} = \alpha + \beta \text{mergas}_{it} + \gamma \text{mergas}_{i(t-1)} + \delta \text{mergas}_{i(t-2)} + \dots + \mu X.$$

В этой формуле  $\text{migr}$  — миграционный прирост;  $\text{mergas}$  — количество населения, обеспеченного газификацией в рамках государственных и муниципальных программ;  $X$  — параметр, зависящий от численности трудовых ресурсов, уровня безработицы, среднего уровня заработной платы, средней обеспеченности инженерной инфраструктурой (горячее водоснабжение, централизованное отопление, канализование), расстояния муниципального образования до Москвы, обеспеченности социальной инфраструктурой (школы, больницы, детские сады), и др.;  $\alpha, \beta, \gamma, \delta, \mu$  — неизвестные параметры модели;  $i$  — номер муниципального образования;  $t$  — момент времени (номер года).

### Выводы

Указанную модель предлагается применять для определения влияния выбранного фактора, изменявшегося в течение времени на другой, в зафиксированный момент времени с учётом вклада, оказываемого сопутствующими параметрами, рассматриваемыми в комплексе.

Вместе с тем для всесторонней проработки вопроса влияния обеспеченности инженерной инфраструктурой на социально-экономическое развитие территории необходимо проведение анализа проблемных вопросов и учёт их вклада в систему проводимых мероприятий с помощью предлагаемой модели.

### Литература

1. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ.
2. Нецаев, А. С. Газификация как направление социально-экономического и демографического развития территории // *Региональные проблемы преобразования экономики*. 2016. № 3.
3. Социальный атлас российских регионов. Независимый институт социальной политики. [Электронный ресурс]. — URL : <http://www.socpol.ru/atlas/typology> (дата обращения: 20.09.2016).
4. Информация Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. — URL : <http://www.gks.ru/> (дата обращения: 20.09.2016).
5. Статистический сборник Правительства Московской области за 2015 год. [Электронный ресурс]. — URL : <http://stat.me.mosreg.ru>.
6. Fox, William F., and Smith, T. R. Public Infrastructure Policy and Economic Development // *Economic Review* 75. 1990.
7. Munnell, A. H. et al. How does public infrastructure affect regional economic performance? // *New England economic review*. 1990. Sept. P. 11–33.
8. National Research Council Staff : *Measuring and Improving Infrastructure Performance*. — Washington, D.C. : National Academy Press, 1995.
9. Тишкина, Л. Е. Укрепление доходной базы местных бюджетов // *Финансы*. 2006. № 9.
10. Кирпичев, В. В. Трудовые ресурсы, газификация сельских территорий — важнейшие детерминанты экономического и социального развития села // *Научное обозрение*. 2014. № 11.
11. Кирпичев, В. В. Российское село : экономические и демографические детерминанты воспроизводства трудовых ресурсов // *Общество : политика, экономика, право*. 2014. № 1.
12. Коокуева, В. В. Роль федеральных целевых программ в социально-экономическом развитии Республики Калмыкия // *Молодой учёный*. 2009. № 8.
13. Munnell, A. H. *Policy Watch : Infrastructure Investment and Economic Growth* // *The Journal of Economic Perspectives*. 1992. Vol. 6. No. 4 (Autumn). P. 189–198.
14. Cox, P. Thomas, C. Grover, W. and Siskin, B. *Effect of Water Resource Investment on Economic Growth* // *Water Resource Research* (1). 1971. P. 32–38.
15. Pachauri, Sh. *Demography, Urbanisation and Energy Demand* // *Energy for Development*. 2012. Vol. 54. Series «Environment & Policy». P. 81–94.
16. Howe, C. W. *Water Resources and Regional Economic Growth in the United States, 1950–1960* // *Water and Regional Economic Growth* (April). 1968. P. 477–489.
17. Conrad, K. and Seitz, H. *The Economic Benefit of Public Infrastructure* // *Applied Economics*. 1994. No. 26 (4). P. 303–311.

### References:

1. The town-planning code of the Russian Federation from 29.12.2004 № 190-FZ.
2. Nechaev, A. S. Gasification as the direction of socio-economic and demographic development of the territory

- ry // *Regional problems of transformation of the economy*. 2016. No. 3.
3. *Social Atlas of Russian regions. Independent Institute for social policy*. [Electronic resource]. — URL : <http://www.socpol.ru/atlas/typology> (date accessed: 20.09.2016).
4. *Information of Federal state statistics service* [Electronic resource]. —URL : <http://www.gks.ru/> (accessed: 20.09.2016).
5. *Statistical collection of the Moscow region Government for the year 2015*. [Electronic resource]. —URL : <http://stat.me.mosreg.ru>.
6. Fox, William F., Smith, T. R. *politics, Public infrastructure and economic development // economic review* 75. 1990.
7. Munnell, A. H. et al. *How does public infrastructure affect economic performance? // New England economic review*. 1990. September. P. 11-33.
8. *National research Council staff : measuring and improving the efficiency of infrastructure*. Washington, DC : national Academy press, 1995.
9. Tishkina, L. E. *Strengthening the revenue base of local budgets // Finance*. 2006. No. 9.
10. Kirpichev, V. V. *human resources, gasification of rural areas — the most important determinants of economic and social development of rural areas // Scientific review*. 2014. No. 11.
11. Kirpichev, V. V. *Russian village : the economic and demographic determinants of reproduction of labor resources // Society : politics, Economics, law*. 2014. No. 1.
12. Kokueva, V. V. *the Role of Federal targeted programmes in the socio-economic development of the Republic of Kalmykia // Young scientist*. 2009. No. 8.
13. Munnell, A. H. *policy watch : infrastructure investment and economic growth // journal of economic perspectives*. 1992. Vol. 6. Issue No. 4 (Autumn). P. 189-198.
14. Cox, P. Thomas, S. Grover, and B. Siskin, B. *effect of water resource Investment on economic growth // water resources research (I)*. 1971. P. 32-38.
15. Pachauri, S. *Demography, urbanisation and energy demand // energy for development*. 2012. Vol. 54. *Series Ecology And Politics*"S. 81-94.
16. HOU, S. V. *water resources and regional economic growth in the United States, 1950-1960 // water and regional economic growth (April)*. 1968. P. 477-489.
17. Conrad, K. Muller, H. *the Economic benefits of public infrastructure // Applied Economics*. 1994. Room 26 (4). P. 303-311.

УДК 336-02

**САЙФИЕВА СВЕТЛАНА НИКОЛАЕВНА**

к.э.н., доцент, заведующая лабораторией ФГБУН  
«Институт проблем рынка РАН», e-mail: sajfieva@ipr-ras.ru

### СОВРЕМЕННАЯ ФИНАНСОВАЯ ПОЛИТИКА И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

**Аннотация. Предмет и цель работы.** Предметом исследования выступает бюджетная и налоговая политика с точки зрения обеспечения экономической безопасности страны. Цель работы — выявить и обобщить основные недостатки бюджетной и налоговой политики в указанном контексте. Проанализировать пороговые значения некоторых финансовых показателей экономической безопасности в динамике. Выполнить анализ важнейших документов и проектов, разработанных экономическими министерствами страны, наиболее интересных разработок и предложений в области бюджетной политики и налогообложения. **Методы.** При выполнении исследования применялось сочетание количественных и качественных подходов, использование метода системного и финансового анализа. **Результаты работы.** Проанализированы пороговые значения некоторых финансовых показателей экономической безопасности в динамике, свидетельствующие о снижении ее уровня. Рассмотрены основные финансовые документы и прогнозы экономического развития, разработанные ведущими экономическими министерствами РФ. Проанализирована проводимая финансово-денежная политика на современном этапе в контексте обеспечения экономической безопасности страны. Внесены конкретные предложения в сфере бюджетной и налоговой политики, которые способны привести российскую экономику к устойчивому экономическому росту и усилению ее экономической безопасности. **Область применения результатов.** Сформулированные в статье предложения могут быть использованы для разработки антикризисной программы Правительства РФ в целях повышения экономической безопасности. **Выводы.** Бюджетная политика нацелена на фискальную консолидацию, что предполагает резкое сокращение бюджетного дефицита. Усугубляет ситуацию неэффективное унифицированное налогообложение. Проводимая финансово-денежная политика лишена действенных стимулов экономического роста. Указанные причины, а также обострение внешнеэкономической ситуации и введение санкций для российской экономики обуславливает необходимость формирования новой экономической стратегии в целях повышения экономической безопасности страны. **Ключевые слова:** финансовая политика, бюджет, налогообложение, экономическая безопасность.

---

**SAIFIEVA SVETLANA NIKOLAEVNA**

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Head of the Laboratory of FSBIS  
“Institute of Market Problems of the RAS”, e-mail: sajfieva@ipr-ras.ru

### MODERN FINANCIAL POLICY AND ECONOMIC SECURITY

**Abstract. The subject and goal of the study.** The subject of the study is the budgetary and taxation policy from the point of view of providing for the economic security of the country. The goal of the paper is to find and generalize the main drawbacks of the budgetary and taxation policy in the stated context. Analyzing the threshold values of some financial indicators of the economic security in dynamics. Performing an analysis of the most important documents and projects developed by the economic ministries of the country, the most important developments and offers in the area of budgetary policy and taxation. **The methods.** When completing the study we have used a combination of qualitative and quantitative approaches, used the method of systemic and financial analysis. **The results of the study.** We have analyzed the threshold values of certain financial indicators of the economic security in dynamics. These indicators are reflecting

*the reduction of its level. We have discussed the main financial documents and forecasts of economic development developed by the leading economic Ministries of the Russian Federation. We have analyzed the financial-monetary policy that is effective now at the modern stage, in the context of providing for the economic security of the country. We have suggested specific measures in the budget and taxation areas that are able to lead the Russian economy towards sustainable economic growth and strengthening of its economic security. **The area of application of the results.** The suggestions formulated in the manuscript may be used when developing the anti-crisis program of the government of the RF in order to improve the economic security. **Conclusions.** The budget policy is directed towards fiscal consolidation which presumes an abrupt reduction of the budget deficit. The situation is also worsened by an ineffective unified taxation. The financial-monetary policy that is in effect is deprived of effective stimuli of economic growth. The reasons stated, as well as the radicalization of the export situation, as well as the introduction of sanctions for the Russian economy lead to the need of forming a new economic strategy in order to improve the economic security of the country.*

**Keywords:** *the financial policy, the budget, taxation, the economic security*

Проблема обеспечения экономической безопасности страны — гарантия ее независимости, условие стабильности и один из основных факторов прогрессивного развития. Исключительная важность исследуемой экономической категории подтолкнула ряд российских ученых в 90-х годах XX века к разработке нового направления экономической науки — теории экономической безопасности. В настоящее время не существует единого универсального определения категории экономической безопасности и ее структуры. Первым ввел понятие экономической безопасности в современную экономическую науку академик Л. И. Абалкин [25]. Систематизация трактовок категории «экономическая безопасность» В. Панькова [13, с. 26], В. К. Сенчагова [24, с. 19] и др. позволила Бурову В. Ю. и Кислощаеву П. А. свести их в несколько групп: определение через «устойчивость», «интересы», «независимость» и синтетический подход, который представляется нам как наиболее оптимальный: «Безопасность экономическая — состояние экономики и производительных сил общества с точки зрения возможностей самостоятельного обеспечения устойчивого социально-экономического развития страны, поддержания необходимого уровня национальной безопасности государства, а также должного уровня конкурентоспособности национальной экономики в условиях глобальной конкуренции» [1]. В 1996 году Указом Президента Российской Федерации была одобрена Государственная стратегия экономической безопасности России [26], которая включает: характеристику внешних и внутренних угроз экономической безопасности Российской Федерации; определение критериев и параметров, характеризующих национальные интересы в области экономики; формирование экономической политики, институциональных преобразований и необходимых механизмов, устраняющих или смягчающих воздействие факторов, подрывающих устойчивость национальной экономики.

Существуют проблемы применимости системы индикаторов и пороговых значений экономической безопасности, поскольку в мировой экономической науке не встречается информация о «пороговых значениях». Не разработана методологическая база. Наиболее широкое распространение в научных работах, в том числе в официальных документах, получили показатели экономической безопасности, подготовленные С. Ю. Глазьевым [2, с. 164–165]. Однако некоторые авторы сомневаются в их пригодности для экономического анализа, поскольку фактическое состояние экономики не только не совпадает с данными официальной статистики, но и существенно отличается от них [4, с. 49].

По мнению В. А. Цветкова, пороговые значения экономической безопасности — количественные индикаторы (или параметры), характеризующие допустимый уровень безопасности развития, за пределами которого наступают опасности, сопровождаемые потерей контроля со стороны государств в какой-либо сфере. Автор предлагает использовать следующие параметры измерения уровня экономической безопасности. С экономической точки зрения индикаторами выступают: уровень падения/роста ВВП, доля импортных продуктов питания, доля в экспорте продукции обрабатывающей промышленности/высокотехнологической продукции и др. В социальной сфере важнейшими параметрами являются: соотношение доходов 10 % са-

мых богатых и 10 % самых бедных групп населения, уровень безработицы и др. В демографической области основными критериями выступают: средняя продолжительность жизни, условный коэффициент депопуляции и др. При обеспечении экономической безопасности государство обязано играть ведущую роль. Необходима Программа государственного стимулирования развития промышленности и кредитно-финансовая политика, адекватная целям модернизации и развития российской экономики, в основу которой положено сочетание доступных кредитов и низких процентных ставок [27]. О современной финансовой политике в контексте экономической безопасности страны пойдет речь в данной работе. В таблице 1 представлены некоторые финансовые показатели экономической безопасности.

*Таблица 1*

**Некоторые финансовые показатели экономической безопасности в 2006–2016 годах**

	2006	2011	2013	2014	2015	2016 (1 полугодие)	Пороговые значения
Соотношение объема внешнего долга Российской Федерации и ВВП, % (ЦБ РФ) [10]	32	27	33	29	39	43	30 – 40 – 50* 50**
Соотношение объема внешнего долга Российской Федерации и ВВП [11], % (Минфин)	8,2	1,8	2,3	2,7	3,8	9,3	15–20
Соотношение объема внутреннего долга [11] и ВВП, % (Минфин)	3,3	6,2	7,6	7,4	8,9	9,5	
Денежная масса (М 2) [17, с. 384] к ВВП, %	22,4	35,9	37,0	35,2	38,9	41,6	50
Дефицит консолидированного бюджета к ВВП, % [12]	8,4	1,5	-1,3	-1,2	-3,5	-2,8	5 %

\*Пороговые значения коэффициентов, предлагаемые Международным валютным фондом в аналитических целях. Степень риска: «низкая – средняя – высокая».

\*\* Пороговые значения коэффициентов, предлагаемые Счетной палатой Российской Федерации в аналитических целях. Бюллетень Счетной палаты РФ № 9 (81), 2004.

Международным валютным фондом (МВФ) и Счетной палатой РФ были разработаны новые пороговые значения для оценки долговой устойчивости Российской Федерации. По соотношению объема внешнего долга и ВВП российская экономика приближается к высокой степени риска по обоим вариантам оценки (см. табл. 1, строка 1). Следует отметить, что, по данным ЦБ, по следующим показателям внешней долговой устойчивости: соотношение объема внешнего долга и годового объема экспорта товаров и услуг (ЭТУ) (%); соотношение годовой суммы платежей по внешнему долгу и годового объема ВВП (%); соотношение годовой суммы платежей по внешнему долгу и годового объема экспорта товаров и услуг (ЭТУ) (%); коэффициент покрытия годовой суммы платежей по внешнему долгу РФ и международными резервами (МР) (%) наблюдается аналогичная картина.

В проекте «Основных направлений бюджетной политики на 2017 год и на плановый период 2018 и 2019 годов», разработанных Минфином, указано, что реализация долговой политики в 2016–2018 годах будет осуществляться в рамках решения ключевых задач по поддержанию умеренной долговой нагрузки (отношение государственного долга Российской Федерации к ВВП, не превышающее 15–20 %). По оценке Минфина, по показателю соотношения общего долга РФ к ВВП в 2016 году (1 полугодие) Россия приблизилась к верхней границе порогового значения (табл. 1, строки 2,3).

Аналогичным образом обстоят дела с соотношением денежной массы и ВВП (табл. 1, строка 4), лишь доля бюджетного дефицита к ВВП находится на нижней границе порогового значения (табл. 1, строка 5).

Следует отметить, что основными источниками финансирования дефицита федерального бюджета в 2016–2018 годах будут выступать государственные заимствования Российской Федерации и средства Резервного фонда, источники внешнего финансирования дефицита сокращаются (табл. 2).

Таблица 2

## Источники финансирования дефицита федерального бюджета, млрд руб. [11]

Показатель	2015 год, закон 93-ФЗ	2016 год		2017 год		2018 год (проект)
		Закон 384-ФЗ	Проект	Закон 384-ФЗ	Проект	
1	2	3	4	5	6	7
<b>Источники финансирования дефицита федерального бюджета, всего</b>	<b>2 675,3</b>	<b>476,3</b>	<b>1 906,2</b>	<b>540,9</b>	<b>1 733,9</b>	<b>665,9</b>
<i>в том числе:</i>						
Резервный фонд (использование (+) / пополнение (-))	3 074,1	0,0	1 074,5	0,0	1 016,7	
Средства Фонда национального благосостояния	19,7	21,9	21,9	24,9	24,9	24,9
Иные источники финансирования дефицита федерального бюджета, в т. ч.:	-418,5	454,4	809,8	516,0	692,3	641,0
Источники внешнего финансирования дефицита	-349,9	167,6	164,4	96,9	51,4	40,9

В соответствии с представленными финансовыми показателями, свидетельствующими о снижении экономической безопасности страны, рассмотрим основные документы, разработанные ведущими экономическими министерствами РФ.

В Прогнозе долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации, разработанном Министерством экономического развития в 2013 году на период до 2030 года, рассматривается 3 варианта развития: консервативный, умеренно-оптимистичный и форсированный [15]. Однако динамика макроэкономических показателей в настоящее время свидетельствует о том, что на практике реализуется даже не консервативный вариант экономического развития страны: наблюдается системный кризис. Следует отметить, что запланированный в долгосрочном прогнозе экономический рост практически в 1,5 раза ниже общемировых темпов, что соответствует макроэкономическим показателям беднейших государств мира. Вызывает недоумение, что министерство, призванное разрабатывать и реализовывать экономическую политику правительства, не предлагает никаких вариантов выхода из критической ситуации, по сути, занимаясь констатацией фактических негативных результатов и расчетом уровня инфляции.

Сегодня, когда Минэкономразвития строит бесполезные прогнозы, Банк России таргетирует инфляцию, а в целом никто не отвечает за экономическое развитие, единственным инструментом макроэкономической политики выступает федеральный бюджет, обеспечивающий «стабильное поступательное движение вперед». Его цель на ближайшие 3 года — достижение фискальной консолидации — резкого сокращения бюджетного дефицита (с 3,66 % ВВП в 2016 году до 1,2 ВВП в 2019 году) при полном отсутствии реальных стимулов экономического роста. Концепция приоритета бюджетной стабильности как основное условие стабильности экономики не может претендовать на стратегию развития. «Развитие экономики зависит от отдачи на вложенные средства, от эффективности расходов, и пока правительству не удастся кардинально повысить эффективность расходов, любой бюджет де-факто не будет бюджетом развития» [8, с. 16]. В 2016 году бюджетные правила, принятые в 2004 году и неоднократно переработанные в 2008 и 2013 годах, были заморожены, поскольку их конструкция не была рассчитана на кардинальное снижение цен на нефть. Новые бюджетные правила предполагают достаточно жесткую консолидацию федерального бюджета: к моменту ввода в действие их полной версии (к 2020 году) бюджет должен быть сбалансирован при цене нефти 40 долларов за баррель, а допустимый размер дефицита составить 0,8–1,0 % ВВП [14, с. 16].

Таблица 3

**Расходы бюджетной системы по функциональной классификации, % ВВП [11]**

	2014	2015	2016	2017	2018	2019
<b>Всего</b>	<b>35,4</b>	<b>36,8</b>	<b>37,3</b>	<b>35,9</b>	<b>34,8</b>	<b>33,6</b>
Общегосударственные вопросы	2,1	2,3	2,2	2,2	2,1	2,0
Национальная оборона	3,2	3,9	4,7*	3,3	3,0	2,9
Национальная безопасность и правоохранительная деятельность	2,8	2,6	2,5	2,4	2,2	2,1
Национальная экономика	5,8*	4,7	4,5	4,4	4,2	3,8
Жилищно-коммунальное хозяйство	1,3	1,2	1,1	1,1	1,0	1,0
Охрана окружающей среды	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1
Образование	3,9	3,8	3,7	3,6	3,6	3,5
Культура, кинематография	0,5	0,5	0,5	0,5	0,5	0,5
Здравоохранение	3,2	3,5	3,2	3,2	3,2	3,1
Социальная политика	11,3	13,0	13,4	13,5	13,3	13,0
Физическая культура и спорт	0,3	0,3	0,3	0,3	0,3	0,3
Средства массовой информации	0,2	0,2	0,1	0,1	0,1	0,1
Обслуживание государственного и муниципального долга	0,7	0,8	1,0	1,0	1,1	1,1

\* Всплеск доходов на национальную экономику в 2014 году объяснялся проведением разовой операции передачи АСВ ОФЗ на 1 трлн руб. (1,3 % ВВП).

\*\* Всплеск расходов на национальную оборону в 2016 году объяснялся досрочной реализацией гарантий, выданных федеральным бюджетом по кредитам предприятиям ОПК в 2010–2011 годах, погашение которых приходилось на 2017–2018 годы — около 0,8 % ВВП.

С учетом сокращений 2016 года суммарный уровень расходов на человеческий капитал к 2017 году сокращается на 0,5 % ВВП и продолжает снижаться до 2019 года. В предлагаемой бюджетной конструкции к 2019 году сильнее всего сокращаются расходы на экономику (госинвестиции и субсидии), а также расходы на управление и силовой блок. Единственный раздел, по которому ожидается рост относительно ВВП (с 13,4 % до 13,5 %), — это социальная политика, расходы по остальным разделам в % ВВП либо сокращаются, либо остаются неизменными. Повышение удельного веса расходов на социальную политику связано с нерешенностью проблемы реформирования пенсионной системы и потребует дополнительных решений в ближайшие годы. Расходная политика федерального бюджета предполагает продолжение сокращения его участия в финансировании здравоохранения и минимальный прирост расходов на образование (1,8 % в 2017 году).

Следует отметить, что предлагаемая Минфином бюджетная стабильность понимается сугубо бухгалтерски: в долгосрочной перспективе сокращение поддержки экономики означает снижение потенциала экономического роста и, безусловно, доходов будущих периодов.

В основных направлениях налоговой политики Российской Федерации на 2016 год и на плановый период 2017 и 2018 годов (далее — ОННП-16) в первом разделе и Приложении 2 сравнивается налоговая нагрузка России со странами ОЭСР, БРИКС и Евразийского экономического союза, утверждается, что «в рассматриваемых странах сильно различаются условия, определяющие уровень расходных обязательств бюджетов» [9]. Экономика каждой страны уникальна, и применение зарубежных рецептов зачастую приводит к печальным последствиям. Впервые в ОННП-16 говорится о налоговом маневре в нефтяном секторе, рассказывается о его истории. Минфин также не может договориться с нефтегазовым сектором о завершении налогового маневра [23, с. 237–247] и собирается собрать налог через НДС. В научной литературе оцениваются первые результаты налогового маневрирования: «для федерального бюджета первым результатом "налогового маневра" стало некомпенсируемое ростом НДС дохо-

дов от таможенных пошлин. Введение же режима уплаты налога в рамках групп налогоплательщиков имеет своим следствием усиление зависимости доходов региональных бюджетов от внешнеэкономической конъюнктуры, сокращая возможности региональных властей влиять на доходы бюджета, используя налоговый инструментарий» [6, с. 55–64]. В работах сотрудников ИПР РАН [28, с. 136–139] рассматриваются последствия существующей практики недропользования, к которым приводит использование налога на добычу полезных ископаемых с плоской шкалой и предлагаются мероприятия по изменению ситуации.

В проекте Основных направлений налоговой политики Российской Федерации на 2017 год и на плановый период 2018 и 2019 годов [16] (далее — ОНПП-17) анализируется налоговая нагрузка в 2009–2015 годах, указывается, что рост налоговой нагрузки в 2011 году (34,5 %) объясняется изменением методологии оценки ВВП Росстатом. Если рассматривать налоговые доходы по отдельным видам налогов, основными источниками пополнения бюджета являются доходы от налогов и прочих платежей, не связанных с налогообложением нефти, газа и нефтепродуктов. НДС и вывозные таможенные пошлины составляют около 8–10 % от совокупной налоговой нагрузки, остальные платежи — в среднем 21–23 %. Традиционно сравнивается налоговая нагрузка в России и странах-членах Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) в 2009–2014 годах, что, в принципе, бессмысленно. «Поиски оптимального налогового бремени для конкретной страны занимают достаточно длительный период времени, и использование на этом пути зарубежного опыта возможно исключительно в качестве ориентира» [5, с. 4–11]. Напомним, что, согласно налоговым теориям, применяются два подхода к оценке налогового бремени: в рамках теорий оптимального налогообложения [30, с. 263–266] и с точки зрения компаративистики [29, с. 570–612]. Серьезная аналитическая работа выполнена в исследовании Л. Н. Лыковой [31, с. 76–89], где рассматриваются существующие подходы к сравнительным оценкам налогового бремени в России и европейских странах. Представляет интерес и нововведение: расчет налоговой нагрузки в отраслевом разрезе по методике, предложенной Российским союзом промышленников и предпринимателей (РСПП), — как соотношение суммы налоговых платежей (за вычетом налога на доходы физических лиц) в консолидированный бюджет Российской Федерации, взносов во внебюджетные фонды РФ и страховых премий на обязательное страхование ответственности владельцев опасных производственных объектов в разрезе видов экономической деятельности к валовой добавленной стоимости за вычетом амортизации. Предложенный РСПП подход позволяет оценить долю налоговых платежей в доходах организации разных видов экономической деятельности. Иными словами, кто по секторам экономики является основным плательщиком налогов и страховых платежей в бюджет. Следует отметить, что долгое время в основных экономических документах Правительства отраслевая налоговая нагрузка не оценивалась. Пилотные работы в данной области были выполнены автором в 2010 году за период с 2000 года в соответствии с новой классификацией [18; 19, с. 37–47; 20, с. 40–46]. В документе заявлен курс на стабилизацию, без серьезных изменений налоговой системы. Основными мерами в области налоговой политики заявлены: стимулирование деятельности малого и среднего бизнеса; введение новой системы налогообложения для пилотных объектов новых и зрелых месторождений, которая предполагает снижение суммарной величины налогов, зависящих от валовых показателей (НДС на нефть и таможенная пошлина на нефть), и введение налогообложения дополнительного дохода (НДД) от добычи; освобождение от налогообложения купонного дохода по облигациям и пр. В условиях кризиса указанные меры нам представляются косметическими. Вызывает интерес, почему выполнение трудоемкой работы по оценке налоговой нагрузки по видам экономической деятельности в динамике не привели к конкретным результатам и не получили дальнейшего развития.

Каким же образом пополнять бюджет в условиях кризиса? Напомним, что послании президента Путина Федеральному собранию от 3 декабря 2015 года говорилось, что в ближайшие годы налоговые условия для бизнеса меняться не будут. Однако в связи с ростом бюджетного дефицита Минфин неоднократно предлагал налоговые новации. Например, один из вариантов предполагал снижение ставки страховых платежей, но при этом происходит рост налоговой нагрузки на работодателей в различные фонды за высокооплачиваемых сотрудников. Иными словами, произойдет увеличение налоговой нагрузки на бизнес, которая, в свою оче-

редь, незамедлительно будет переложена на конечного потребителя. Второй вариант: увеличение ставки НДС с 18 до 20 % при одновременном повышении льготной ставки с 10 до 12 %, а с 2019 года — ежегодно на 2 подп. в год до тех пор, пока она не сравняется со ставкой 20 %. Такое налоговое нововведение вызовет не только рост цен, в том числе на товары первой необходимости, лекарственные средства, медицинские изделия и товары для детей, но и вызовет падение платежеспособного спроса населения. Между тем давно научно обосновано, что наличие налога на добавленную стоимость в действующей редакции — главный фактор кризиса в российской экономике [7, с. 42–45]. Минфином предлагалось также повышение на 1 % каждого из ключевых налогов: на прибыль, на имущество организаций, НДС, НДФЛ и страховых взносов. Наконец, на Московском экономическом форуме 23 сентября 2016 года А. Силуанов заявил, что налоговая нагрузка не изменится в ближайшие три года. Бюджет будет больше занимать и сокращать расходы. Из кризиса в условиях сокращения платежеспособного спроса выйти нельзя: ни теоретически, ни практически. Инициативы Минфина могут тяжким грузом лечь на высокотехнологичные отрасли экономики, которые находятся в авангарде обеспечения национальной безопасности.

Таким образом, в представленной работе проанализированы пороговые значения некоторых финансовых показателей экономической безопасности в динамике, свидетельствующие о снижении ее уровня. Рассмотрены основные финансовые документы и прогнозы экономического развития, разработанные ведущими экономическими министерствами РФ. Проанализирована проводимая финансово-денежная политика на современном этапе в контексте обеспечения экономической безопасности страны. Внесены конкретные предложения в сфере бюджетной и налоговой политики, которые, по мнению автора, способны привести российскую экономику к устойчивому экономическому росту и усилению ее экономической безопасности.

Не вызывает сомнения, что либеральный курс привел российскую экономику к системному кризису и обозначил новые угрозы экономической безопасности. В работах сотрудников ИПР РАН убедительно обосновано, что необходимо разумное государственное участие в формировании финансовой стратегии [21, с. 128–137]. Следует разработать пороговые значения показателей экономической безопасности в финансовой сфере или адаптировать существующие к сегодняшней экономической ситуации.

В целях улучшения пополнения доходов бюджета необходимо проводить сбалансированную бюджетную и налоговую политику стимулирующего характера. Налоговую нагрузку следует снижать, при возможности дифференцировать в зависимости от уровня доходов предприятий и населения. Считаю целесообразным в период кризиса всем экономическим министерствам объединить усилия и разработать единый план мероприятий. Следует законодательно включить в перечень целей денежно-кредитной политики и деятельности ЦБ создание условий для экономического роста, увеличения инвестиций и занятости [22, с. 79–86].

На наш взгляд, бюджетные доходы можно увеличить путем повышения привлекательности ведения бизнеса. Сейчас в условиях нестабильности и снижения экономической безопасности налоговая нагрузка должна остаться неизменной или постепенно снижаться. Бизнес должен быть уверен в завтрашнем дне. Следует развивать стимулирующую функцию системы налогообложения [3, с. 82–84].

Для того чтобы обеспечить дополнительные поступления в бюджет, представляется целесообразным вернуться к прогрессивной шкале подоходного налогообложения. Эти изменения в отечественной системе налогообложения не исключил С. Нарышкин. По мнению ряда специалистов, в случае возврата прогрессивной ставки НДФЛ усложнится процесс администрирования налога, у населения возникнут трудности с декларированием доходов, заработные платы вновь уйдут в тень, произойдет искажение ситуации на рынке труда, а некоторые даже считают, что серьезных доходов бюджету это не принесет. На наш взгляд, при существенном расслоении населения страны эта мера носит не только экономический, но и социальный характер. Например, В. Машинский предлагает «при одномоментной отмене НДС с увеличением средней зарплаты путем введения минимальной часовой ставки стоимости труда, увеличением подоходного налога на 25 % и сохранением таможенной пошлины на импортные товары для конечного потребления на уровне 50 % от отменяемого НДС. Повсеместное увеличение фонда заработной платы на величину, равную отменяемому расчетному НДС, с одной сторо-

ны, приведет к росту доходов населения и бюджетной системы, а также к увеличению потребительского спроса, что будет стимулировать товарное производство, уменьшит коррупцию. С другой стороны, уменьшение налога на импорт и отмена НДС на амортизацию нового оборудования приведет к более интенсивному обновлению основных фондов, повышению качества продукции, снижению себестоимости и росту производительности труда» [7, с. 42–45].

Считаем целесообразным отменить возврат НДС для экспортеров нефти и газа, поскольку возмещение НДС направлено на стимулирование экспорта высокотехнологичной продукции, а не сырья.

Следует навести порядок в таможенной службе: стоимость ряда товаров при пересечении российской границы не совпадает с ценой при его отправлении из стран-экспортеров. После выведения таможенных платежей из списка налоговых доходов с 2003 года в ведомстве, которое находится вне государственного надзора, нет порядка.

Необходимо сделать максимально прозрачной систему государственных закупок и программное финансирование. В то время как в бюджете не хватает средств на здравоохранение, образование и социальную сферу, они оседают на счетах подрядчиков в виде дебиторской задолженности, то есть неотработанных авансов. По заявлению Т. Голиковой, на 1 января 2016 года соответствующая сумма равнялась 3,3 триллионам рублей. Следует создать новые механизмы управления государственными средствами в сфере закупок и финансирования программ.

Без реформы налогового законодательства и, соответственно, реформирования системы налогообложения, без структурных изменений в бюджетной политике невозможно обеспечить устойчивый рост национальной экономики и ее экономическую безопасность.

#### Литература

1. Буров В. Ю., Кислоцаев П. А. Теоретические проблемы исследования категории «экономическая безопасность» // *Вестник — экономист. Забайкальский государственный университет.* — 2011. — № 2. [Электронный ресурс]. Режим доступа: [http://vseup.ru/static/articles/Burov,\\_Kisloschaev.pdf](http://vseup.ru/static/articles/Burov,_Kisloschaev.pdf) (дата обращения 24.11.2016), свободный. — Загл. с экрана.
2. Глазьев С. Ю. Геноцид. Россия и новый мировой порядок. Стратегия экономического роста на пороге XXI века. / М.: 1997. — С. 164–165
3. Долженков А., Обухова Е. Минфин-Джекил и Минфин-Хайд // *Эксперт.* — 2016. — № 38, 22-28 августа. — С. 82–84.
4. Илларионов А. Критерии экономической безопасности // *Вопросы экономики.* — 1998. — № 10. — С. 49.
5. Лыкова Л. Н. Налоговое бремя в Российской экономике: избыточное или недостаточное // *Экономика. Налоги. Право.* — 2014. — № 3. — С. 4–11.
6. Лыкова Л. Н. Первые результаты «налогового маневра» и доходы бюджетов субъектов Российской Федерации // *Федерализм.* — 2015. — № 4 — С. 55–64.
7. Машинский В. Добавленное зло // *Эксперт.* — 2016. — № 34. — С. 42–45.
8. Обухова Е. Сказка о стабильности // *Эксперт.* — 2016. — № 44. — С. 16.
9. Основные направления налоговой политики Российской Федерации на 2016 год и на плановый период 2017 и 2018 годов. [Электронный ресурс]. Режим доступа: [http://www.gks.ru/free\\_doc/new\\_site/vvp/tab1.xls](http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vvp/tab1.xls) (дата обращения 05.12.2016), свободный. — Загл. с экрана.
10. Официальный сайт Банка России. [Электронный ресурс]. Режим доступа: [http://www.cbr.ru/statistics/?Prtd=svs&ch=Par\\_8541#CheckedItem](http://www.cbr.ru/statistics/?Prtd=svs&ch=Par_8541#CheckedItem) (дата обращения 28.11.2016), свободный. — Загл. с экрана.
11. Официальный сайт Министерства финансов РФ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://minfin.ru/> (дата обращения 28.11.2016), свободный. — Загл. с экрана.
12. Официальный сайт Росстата. [Электронный ресурс]. Режим доступа: [http://www.gks.ru/free\\_doc/new\\_site/vvp/tab1.xls](http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vvp/tab1.xls) (дата обращения 24.11.2016), свободный. — Загл. с экрана.
13. Паньков В. Экономическая безопасность: новые аспекты проблемы // *Внешняя торговля.* — 1992. — № 6. — С. 26.
14. Пенухина Е. Проект глубокой заморозки // *Эксперт.* — 2016. — № 44. — С. 16.
15. Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года. [Электронный ресурс]. Режим доступа: [http://econotny.gov.ru/minec/activity/sections/macro/prognoz/doc20131108\\_5](http://econotny.gov.ru/minec/activity/sections/macro/prognoz/doc20131108_5) (дата обращения 24.11.2016), свободный. — Загл. с экрана.
16. Проект Основных направлений налоговой политики Российской Федерации на 2017 год и на плановый период 2018 и 2019 годов. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://minfin.ru/ru/document/?id=116206> (дата обращения 05.12.2016), свободный. — Загл. с экрана.
17. Россия в цифрах. — 2016. — С. 384.
18. Сайфиева С. Н. Налоговая нагрузка на российскую экономику: Макроэкономический анализ / Вступ. ст. С. В. Соловьевой // М.: Издательство ЛКИ. — 2010. — 240 с.
19. Сайфиева С. Н. Налоговая нагрузка на ключевые секторы российской экономики в 2000–

- 2008 годах // *Финансы*. — 2010. — № 8. — С. 37–43.
20. Сайфиева С. Н. Методика расчета и эффективность отраслевой налоговой нагрузки в 2000–2008 годах // *Финансы*. — 2010. — № 12. — С. 40–46.
21. Сайфиева С. Н., Соловьева С. В. Финансовое и денежно-кредитное регулирование российской экономики в современных условиях (Часть 1) // *Региональные проблемы преобразования экономики, Махачкала*. — 2015. — № 9. — С. 128–137.
22. Сайфиева С. Н., Соловьева С. В. Финансовое и денежно-кредитное регулирование российской экономики в современных условиях (Часть 2) // *Региональные проблемы преобразования экономики, Махачкала*. — 2015. — № 10. — С. 79–86.
23. Сайфиева С. Н. Налоговый маневр: перспективная новация или опасный трюк? // *Выход постсоветского пространства из системной кризисной цикличности: формирование эволюционной модели экономического развития и расширения ЕАЭС. Том 1 / Материалы международной научно-практической конференции. Москва, 25–26 июня 2015 г./М.: ЦЭМИ РАН/ИПР РАН*. — 2015. — С. 237–247.
24. Сенчагов В. К. О сущности и основах стратегии экономической безопасности России // *Вопросы экономики*. — 1995. — № 1. — С. 19.
25. Труды вольного экономического общества. Л. И. Абалкин/ В поисках новой стратегии. Том IV. Экономическая безопасность России: угрозы и их отражение. Печатается по *Вопросы экономики*. — 1994. — № 12. — С. 333.
26. Указ Президента РФ от 29.04.1996 № 608 «О Государственной стратегии экономической безопасности Российской Федерации (Основные положения)».
27. Цветков В. А. Проблемы экономической безопасности и экономического роста в современной России // *Доклад на Ученом совете ИПР РАН 21 апреля 2016 г.*
28. Чернявский С. В. Недостатки использования НДПИ с плоской шкалой и направления его совершенствования // *Вестник томского государственного университета*. — 2013. — № 370. — С. 136–139.
29. Bahl R. W. A regression Approach to Tax Effort and Tax Ratio Analysis. *IMF Staff Papers* 18. No. 3 (Nov.1971). P. 570–612.
30. Deaton A., Stern N. Optimal Uniform Commodity Taxes, Taste Differences and Lump-Sum Grants. *Economic Letters*. Vol. 20. 1986. P. 263–266.
31. Lykova L. N. Tax burden in the russian federation: a comparative analysis point of view // *Journal of Tax Reform*. 2015. — Volume 1. — No. 1. P. 76–89.

#### References:

1. Burov V. Y. and Kisloschaev P. A. The theoretical aspects of the research category of «economic security» // *Herald — economist. Transbaikal State University*. 2011. No. 2. [An electronic resource]. Access mode: [http://vseup.ru/static/articles/Burov\\_Kisloschaev.pdf](http://vseup.ru/static/articles/Burov_Kisloschaev.pdf) (accessed on 11.24.2016), free. Heading from the screen.
2. Glazyev S.Y. Genocide. Russia and the New World Order. Strategy of economic growth on the threshold of the XXI century. / М.: 1997. pp. 164-165
3. Dolzhenkov A. Obukhov E. Ministry of Finance, the Ministry of Finance and the Jekyll-Hyde // *Expert*. 2016. No. 38. August 22–28. H. 82–84.
4. Illarionov A. Criteria of economic security // *Problems of Economics*. 1998. No.10. P. 49.
5. Lykova L. N. The tax burden in the Russian economy: excessive or insufficient // *Economy. Taxes. Right*. 2014. No. 3. P. 4–11.
6. Lykova L. N. The first results of the «tax maneuver» and revenue budgets of the Russian Federation // *Federalism*. 2015. No. 4. P. 55–64.
7. Mashinskii V. Added evil // *Expert*. 2016. No. 34. P. 42–45.
8. Obukhova E. Tale of stability // *Expert*. 2016. No. 44. P. 16.
9. Main directions of tax policy of the Russian Federation for 2016 and the planning period of 2017 and 2018. [[An electronic resource]. Access mode: [http://www.gks.ru/free\\_doc/new\\_site/vvp/tab1.xls](http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vvp/tab1.xls) (accessed on 12.05.2016), free. Heading from the screen.
10. The official website of the Bank of Russia. [Electronic resource]. Access: [http://www.cbr.ru/statistics/?Prtid=svs&ch=Par\\_8541#CheckedItem](http://www.cbr.ru/statistics/?Prtid=svs&ch=Par_8541#CheckedItem) (accessed on 11.28.2016), free. Heading from the screen.
11. The official website of the Ministry of Finance [An electronic resource]. Access mode: <http://minfin.ru/> (accessed on 28.11.2016), free. Heading from the screen.
12. Official site of Rosstat [An electronic resource]. Access mode: [http://www.gks.ru/free\\_doc/new\\_site/vvp/tab1.xls](http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vvp/tab1.xls) (accessed on 11.24.2016), free. Heading from the screen.
13. Pankov V. Economic security: new aspects of the problem // *Foreign Trade*. 1992. No. 6. P. 26.
14. Penuhina E. Draft deep frozen // *Expert*. 2016. No. 44. P. 16.
15. Prediction of long-term socio — economic development of the Russian Federation for the period up to 2030 [An electronic resource]. Access mode: [http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/macro/prognoz/doc20131108\\_5](http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/macro/prognoz/doc20131108_5) (accessed on 11.24.2016), free. Heading from the screen.
16. Draft Guidelines for the fiscal policy of the Russian Federation for 2017 and the planning period of 2018 and 2019's [An electronic resource]. Access mode: [http://minfin.ru/ru/document/?id\\_4=116206](http://minfin.ru/ru/document/?id_4=116206) (reference date 12.05.2016), free. Heading from the screen.
17. Russia by the Numbers. 2016. P. 384.
18. Sayfiyeva S. N. The tax burden on the Russian economy: Macroeconomic analysis / entered. Art. S.V. Solovieva. М.: Izdatelstvo LKI. 2010. 240 p.
19. Sayfiyeva S. N. The tax burden on the key sectors of the Russian economy in 2000 - 2008 years // *Finances*. 2010. No. 8. P. 37–43.
20. Sayfiyeva S. N. Method of calculation and efficiency of the industry tax burden in 2000–2008 years // *Fi-*

nances. 2010. No. 12. P. 40–46.

21. Sayfiyeva S. N., Solovyova S. V. *Financial and monetary control of the Russian economy in modern conditions (Part 1)* // *Regional problems of economic transformation, Makhachkala*. 2015. No. 9. P. 128–137.

22. Sayfiyeva S. N., Solovyova S. V. *Financial and monetary control of the Russian economy in modern conditions (Part 2)* // *Regional problems of economic transformation, Makhachkala*. 2015. No. 10. P. 79–86.

23. Sayfiyeva S. N. *Tax maneuver: a promising innovation or dangerous stunt* // *Exit the post-Soviet system of cyclical crisis: the formation of an evolutionary model of economic development and expansion of the EAEC. Volume I / Proceedings of the international scientific-practical conference. Moscow, 25–26 June 2015. M.: CEMI. IPR RAS*. 2015. P. 237–247.

24. Senchagov V. K. *On the essence and the basis of economic security strategy Russia* // *Questions of economy*. 1995. No. 1. P. 19.

25. *Proceedings of the Free Economic Society. Abalkin L. I. / In search of the new strategy. Volume IV. The economic security of Russia: threats and their reflection. Printed on economics*. 1994. No. 12. P. 333.

26. *Presidential Decree of 29.04.1996. No. 608 «On the State Economic Security Strategy of the Russian Federation (Basic Provisions)»*.

27. Tsvetkov V. A. *The problems of economic security and economic growth in modern Russia* // *Report of the Academic Council of IPR RAS April 21, 2016*.

28. Cherniavsky S. V. *The disadvantages of using mineral extraction tax with a flat scale and directions of its improvement* // *Bulletin of the Tomsk State University*. 2013. No. 370. P. 136–139.

29. Bahl R. W. *A regression Approach to Tax Effort and Tax Ratio Analysis. IMF Staff Papers* 18. No. 3 (Nov.1971). P. 570–612.

30. Deaton A., Stern N. *Optimal Uniform Commodity Taxes, Taste Differences and Lump-Sum Grants. Economic Letters*. Vol. 20. 1986. P. 263–266.

31. Lykova L. N. *Tax burden in the russian federation: a comparative analysis point of view* // *Journal of Tax Reform*. 2015. Vol. 1. No. 1. P. 76–89.

УДК 339.186

**ИОНИЧЕВ ВАСИЛИЙ НИКОЛАЕВИЧ**

*научный сотрудник лаборатории макроэкономики и отраслевых рынков ФГБУН  
«Институт проблем рынка РАН», e-mail: v.ionichev@gmail.com*

## ВНЕДРЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРОЦЕСС УПРАВЛЕНИЯ ЗАКУПКАМИ КОМПАНИИ С ГОСУДАРСТВЕННЫМ УЧАСТИЕМ В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

**Аннотация. Предмет работы.** Организационно-экономические отношения, возникающие в процессе обеспечения экономической безопасности закупочной деятельности компаний с государственным участием, в контексте внедрения в закупочную деятельность таких субъектов экономики уникальных автоматизированных систем управления закупками и использование в их хозяйственной жизни электронных торговых площадок и сервисов. **Метод проведения работы.** Классификационный и структурный анализ, синтез результатов анализа, сочетание логического и исторического методов, выявление причинно-следственных связей путём изучения проблем экономической безопасности при осуществлении закупочной деятельности и проведении работы по защите корпоративных интересов. На основе принципов системного подхода осуществлено исследование проблем развития информационных технологий в целом и применительно к процессу управления закупками в госкомпаниях, а также сравнение технологий, предполагаемых к внедрению в процесс управления закупками. **Результаты работы.** Обоснованы следующие преимущества автоматизации управления закупками в контексте обеспечения экономической безопасности, которые необходимо реализовать при внедрении информационных систем в данной сфере деятельности: оперативный доступ к большим объёмам информации по процедуре закупки; снижение коррупционных рисков; контроль действий ответственных за проведение закупок подразделений компании в режиме реального времени; своевременное принятие управленческих решений; разграничение ответственности за принятие решений. Разработан алгоритм внедрения информационных систем автоматизации бизнес-процесса конкурентных закупок в контексте механизма обеспечения экономической безопасности. Предложено включить в автоматизированную систему управления закупками модуль поведенческого анализа, позволяющий программными методами с использованием многоагентных моделей выявлять инциденты экономической безопасности на основе исходных данных, имеющихся в системе, его функционал и алгоритм работы. **Область применения результатов.** Результаты исследования могут быть применены в ходе работы по обеспечению экономической безопасности в процессе управления закупками компаний с государственным участием крупного и среднего частного бизнеса, а также разработчиками программных комплексов по автоматизации.

**Ключевые слова:** экономическая безопасность, управление закупками, автоматизация, информационные технологии, модуль поведенческого анализа, интеграция.

---

**IONICHEV VASILIIY NIKOLAEVICH**

*Research Associate of the Laboratory of Macroeconomics and Industry Markets of FSBIS  
“Institute of Market Problems of the RAS”, e-mail: v.ionichev@gmail.com*

## IMPLEMENTATION OF INFORMATION TECHNOLOGIES IN THE MANAGEMENT PROCESS OF THE COMPANY'S PURCHASING WITH STATE PARTICIPATION IN THE CONTEXT OF ENSURING ECONOMIC SECURITY

**Abstract. The subject of the study.** Organizational-economic relations that take place in the process of providing economic security of the purchasing activity of companies with the governmental participation in the context of implementing in the purchasing activity of such subjects of the economy of unique automated systems of management of purchases and the use in their economic life of electronic trading sites and services. **The method of performing work.** The classificatory and structural analysis, synthesis of the results of the analysis, the combinations of the

logical and historic methods, finding the causative-consecutive connections through studying problems of economic security when performing the purchasing activity and fulfilling work of protecting corporate interests. Based on the principles of the systemic approach, a study of the problems of development of information technologies on the whole has been performed, and also there has been a comparison performed of technologies offered for implementation in the process of management of purchases. **The results of the study.** The following advantages of automatization of management of purchases have been substantiated in the context of providing for economic security. These advantages need to be implemented when introducing information systems in this sphere of activity: a timely access to large volumes of information on the procedure of purchasing; reduction of corruption risks; control of actions of those responsible for purchases in subdivisions of the company in the real time mode; timely making of managerial decisions; a division of responsibility for making decisions. An algorithm has been developed of implementing information systems of automatization of the business process of competitive purchases in the context of the mechanism of providing for the economic security. It is suggested to include in the automated system of management of purchases a module of behavioural analysis allowing to find out incidents of economic security using programming methods with multi-agent models based on the initial data available in the system, its functionality and the algorithm of work. **The area of application of the results.** The results of the study may be used in the work of providing for the economic security in the process of management of purchases of companies with the governmental participation, large and mid-size business, as well as by the developers of programming complexes on automatization.

**Keywords:** The economic security, management of purchases, automatization, information technologies, the module of behavioural analysis, integration.

### Введение

На сегодняшний день развитие информационных технологий достигло такого уровня, при котором оно является весомым фактором влияния на трансформацию закупочной деятельности, поскольку способствует появлению новых методов работы, источников конкурентного преимущества и высокого качества обслуживания. Одним из самых серьезных «драйверов» внедрения передовых технологий является всемирная система объединённых компьютерных сетей для хранения и передачи информации Интернет. Формирование технической инфраструктуры и услуг, которые предоставляются посредством сетевых технологий, считается ключевым фактором глобализации и оказывает непосредственное влияние на внедрение автоматизации в компаниях. Для предприятий главное преимущество Интернета заключается в возможности получения информации незамедлительно, в удобной для использования форме и в любой точке Земли [1–37].

Сегодня электронные торги принято организовывать на специальных площадках, которые позволяют продавать и покупать самые разнообразные товары. При этом срок окончания таких торгов известен заранее, а за его обозначение отвечает сам продавец товаров. Чтобы принять участие в данном мероприятии, необходимо получить ЭЦП<sup>1</sup>, которая подтверждает легитимность проведения закупки. Часто электронные площадки предусматривают прохождение процедуры обязательной аккредитации, после которой можно будет подавать заявку на участие. Примером электронной торговой площадки для проведения тендеров в сфере высоких технологий может служить международный Интернет-портал «Information Technology (IT) Tenders» [1], где размещаются конкурсы на IT-разработки со всего мира.

Примером практической интеграции процесса закупок в IT-сферу может служить то, что, согласно данным министерства по конкуренции и антимонопольному регулированию Евразийской экономической комиссии, Евразийский союз заканчивает формирование единого рынка электронных государственных закупок. Бизнес стран-участниц будет иметь равный доступ к тендерам на всей территории ЕАЭС, при этом упор будет сделан на информационные технологии.

<sup>1</sup> Электронная цифровая подпись.

### **Методы исследования**

В российских законодательных актах для компаний с государственным участием закреплены обязанности, предусматривающие публикацию результатов закупочной деятельности и планов закупок в ЕИС, согласно положениям Закона № 223-ФЗ. Кроме того, Постановления Правительства РФ № 616 и № 1132 предусматривают для компаний с государственным участием необходимость осуществлять закупку определённых видов продукции исключительно в электронной форме и вести реестр договоров, заключённых по результатам конкурентной закупки.

Указанные нормы регламентируют для хозяйствующих субъектов практические правила осуществления информационного обеспечения закупочной деятельности. Так, в компаниях с государственным участием возникает потребность в автоматизации процесса управления закупками, то есть применения информационных технологий в виде программных решений, разработанных специально для обеспечения следования требованиям Закона № 223-ФЗ с учётом приоритетов обеспечения экономической безопасности.

Помимо использования для проведения закупок специально отведённых электронных торговых площадок, многие российские компании создают на своих веб-сайтах электронные сервисы для оперативного доступа участников к данным по планируемой закупке. Как правило, помимо размещения тендерной документации, в таких сервисах указывается порядок проведения тендеров, объявления о текущих тендерах и информация о победителях предыдущих [2].

Таким образом, использование электронных торговых площадок и сервисов полностью отвечает принципам информационной открытости закупки, равноправия, справедливости, отсутствия дискриминации и необоснованных ограничений конкуренции по отношению к участникам закупки, целевого и экономически эффективного расходования денежных средств на приобретение товаров, работ, услуг и реализации мер, направленных на сокращение издержек заказчика, отсутствия ограничения допуска к участию в закупке путем установления неизменяемых требований к участникам закупки, закреплённых в Законе № 223-ФЗ а также является выгодным инструментом противодействия внутрикорпоративному мошенничеству в процессе управления закупками компаний с государственным участием. Тем не менее для комплексного обеспечения экономической безопасности в процессе управления закупками компаний с государственным участием использование электронных торговых площадок и сервисов представляется недостаточным. Для решения этой задачи требуется иной уровень автоматизации закупочной деятельности, который могут предоставить специализированные системы автоматизации управления закупками на предприятии.

Необходимо отметить, что управление закупками — это сложный многоуровневый процесс, зачастую сопряжённый с множеством проблем. В частности, ответственные подразделения предприятия сталкиваются с такими сложностями, как:

- незаинтересованность в результате закупочной деятельности;
- несогласованность действий подразделений, задействованных в подготовке и проведении закупок;
- несвоевременное поступление информации о потребностях компании;
- поступление искаженной или неверной информации о потребности в закупке;
- отсутствие возможности публиковать план закупок на год в рамках установленных сроков;
- коррупционные риски.

Таким образом, в госкомпаниях появляется потребность в своевременном планировании и строгом контроле сроков ведения закупочной деятельности. Кроме того, возникает необходимость создания инструмента для прогнозирования и контроля соответствия целевых и текущих значений проверяемых показателей закупочной деятельности, например, соотношение открытых запросов предложений и закупок у единственного поставщика, учёт количественных показателей закупок на электронных торговых площадках. Помимо этого, важно отметить, что трудовые и временные затраты работников госкомпании на формирование отчётности о закупках для руководства, вышестоящих организаций и государственных органов весьма существенны, особенно если данные обрабатываются вручную.

Вышеперечисленные законодательные акты, а в особенности Закон № 223-ФЗ поставили

компания с государственным участием в строгие рамки при осуществлении закупочной деятельности, значительно увеличили требования к ведению документооборота и, таким образом, ещё больше усложнили процесс управления закупками.

Указанные проблемы госкомпаний, в частности, связанные с дискриминацией и необоснованным ограничением конкуренции по отношению к участникам закупок в рамках Закона № 223-ФЗ, нецелевым и неэффективным расходованием денежных средств, коррупцией и злоупотреблением должностным положением и др. — можно решить путем внедрения и промышленной эксплуатации на предприятии системы автоматизации управления закупками.

### Результаты

Для решения достижения цели экономии денежных средств в процессе управления закупками предприятия необходимо создание конкурентной среды среди поставщиков и повышение уровня прозрачности рынков. Автоматизация процесса управления закупками предполагает решение поставленных задач и позволяет увеличить скорость принятия решений организатором закупки, снизить издержки в процессе управления закупками, и, кроме того, открывает новые возможности в ходе работы по обеспечению экономической безопасности компании. Наличие в распоряжении закупочных подразделений компании структурированных данных позволит максимально оперативно предоставлять отчёты по проведённым конкурсам в государственные органы и ЕИС, формировать требуемые статистические данные по проведённым торгам. Кроме того, внедрение автоматизации в процесс управления закупками компаний с государственным участием станет значимым этапом реализации в компании целостной стратегии закупочной деятельности.

Интегрированные корпоративные информационные системы предприятия позволяют осуществить комплексную автоматизацию бизнес-процессов организации. Они призваны обеспечивать взаимосвязь экономических показателей по всем функциям и уровням управления на основе новейших информационных технологий [3], для них характерно взаимодействие корпоративных информационных систем (или модулей) по различным функциям управления и внутрикорпоративным структурам. Большинство подобных систем в качестве одного из своих модулей предлагают модуль SRM (Supplier Relationship Management — Управление взаимоотношениями с поставщиками), предназначенный для реализации функций поиска поставщиков, согласования условий и реализации закупок. Но лишь в некоторых интегрированных корпоративных информационных системах предприятия (например, Sage ERP X3, mySAP Business Suite) модуль SRM обеспечивает автоматизацию закупок на конкурентной основе.

В современном мире информационно-технологический фактор в процессе управления закупками и обеспечения экономической безопасности является значимой составляющей организации системы менеджмента на предприятии. Это обусловлено тем, что данный фактор в связи с развитием технологий становится определяющим в оценке эффективности извлечения прибыли компанией. Он предполагает внедрение и реализацию единой информационной системы управления предприятием и получения возможности его использования для принятия решения в режиме реального времени.

Автоматизация управленческой деятельности включает в себя процессы создания, внедрения и использования технических, программных средств и математических методов, предназначенных для автоматизированного сбора, хранения, поиска, переработки и передачи информации, используемой при управлении эргатическими системами [4].

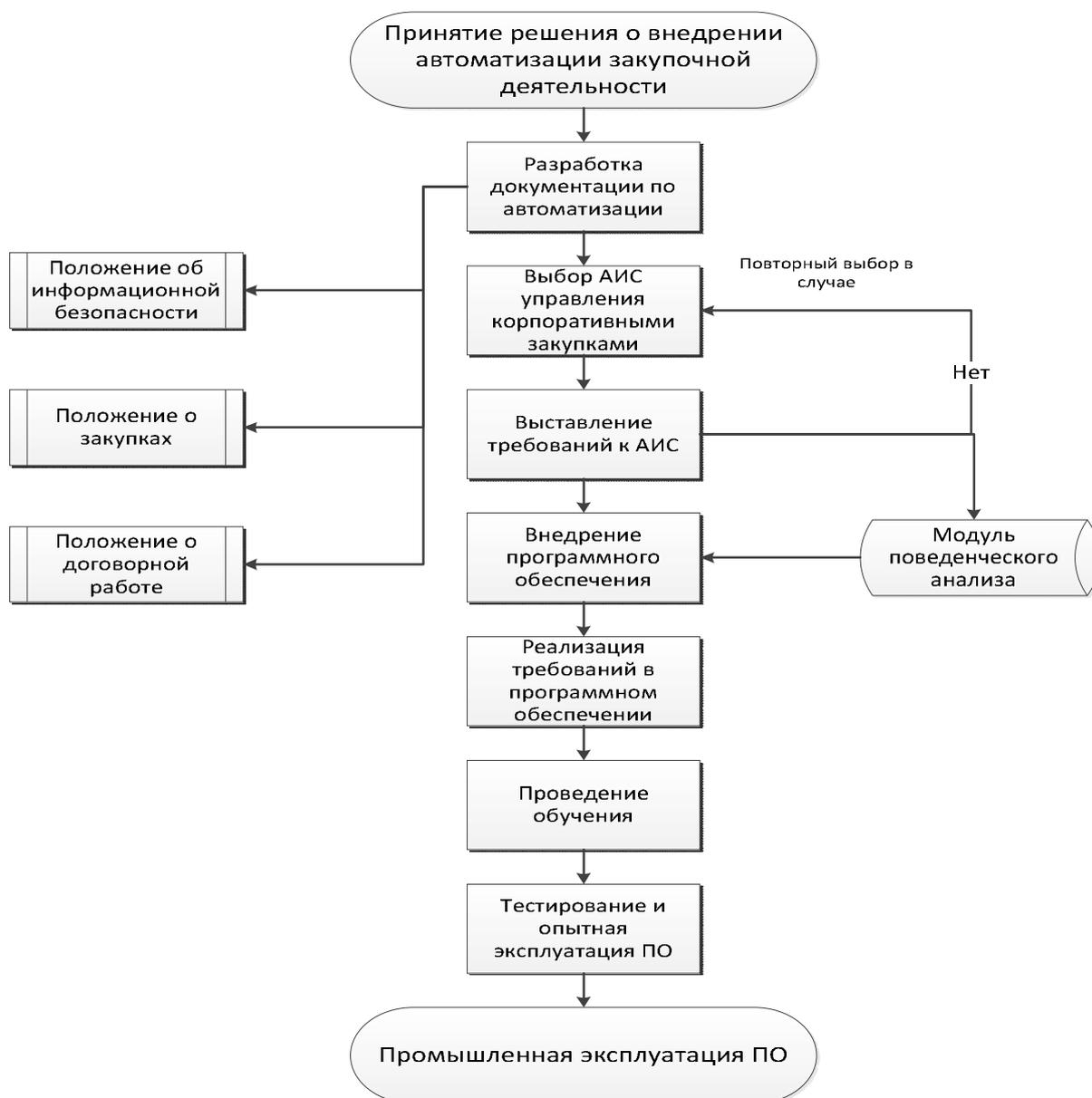
В рамках статьи автором обоснованы следующие преимущества автоматизации управления закупками в контексте обеспечения экономической безопасности, которые необходимо реализовать при внедрении информационных систем в данной сфере деятельности:

1. Максимально оперативный доступ к большим объёмам информации по процедуре закупки.
2. Снижение коррупционных рисков.
3. Контроль действий ответственных за проведение конкурентных закупок подразделений компании в режиме реального времени.
4. Своевременное принятие управленческих решений на разном уровне управления.
5. Четкое разграничение ответственности за принятие решений между подразделениями,

осуществляющими закупку.

Автором предложен алгоритм внедрения информационных систем для автоматизации бизнес-процесса конкурентных закупок компаний с государственным участием в контексте работы механизма обеспечения экономической безопасности, с внедрением модуля поведенческого анализа (рис. 1).

В результате заказа разработки и внедрения компанией с государственным участием уникальной автоматизированной информационной системы управления конкурентными закупками заказчик получает программное решение, максимально соответствующее потребностям предприятия, его локальным нормативным актам и системе организации закупок на предприятии. Заказчик самостоятельно определяет будущие функциональные возможности системы, степень и средства автоматизации, её возможности по интеграции с действующими или планируемыми к внедрению корпоративными информационными системами, внешними электронными торговыми площадками и электронными ресурсами.



*Рис. 1. Алгоритм внедрения информационных систем для автоматизации бизнес-процесса конкурентных закупок в контексте механизма обеспечения экономической безопасности*

Необходимо отметить, что подобная автоматизированная система закупок госкомпании должна быть в обязательном порядке интегрирована с ЕИС в целях выполнения всех требований Закона № 223-ФЗ.

Практика показывает, что задача автоматизации конкурсных закупок может быть решена с помощью внедрения гибко настраиваемых информационных систем.

Такие системы должны состоять, как минимум, из следующих функциональных модулей:

- модуль бюджетного планирования и формирования реестра закупок;
- модуль аукционных торгов для проведения обратных (понижающих) аукционов;
- модуль регистрации контрактов на закупку;
- модуль сбора и анализа данных о закупках [5].

При рассмотрении проблемы обеспечения экономической безопасности в процессе управления закупками компаний с государственным участием вышеуказанный список модулей не представляется исчерпывающим. Так, в целях оптимизации работы подразделений ответственных за экономическую безопасность компании предлагается внедрение в программный комплекс автоматизации управления закупками дополнительного модуля, который позволил бы выявлять инциденты экономической безопасности на основе анализа исходных данных, предоставляемых работниками компании, вовлеченными в организацию закупочной деятельности. Подобного рода информационное решение можно назвать модулем поведенческого анализа ввиду его способности сопоставлять и экстраполировать данные, внесённые в систему автоматизации закупочной деятельности, и на основе такого анализа сигнализировать о необычном и заведомо рискообразующем поведении должностных лиц предприятия или поставщиков.

Для раскрытия потенциала возможностей данного модуля можно привести примеры его практической пользы в решении задач по обеспечению экономической безопасности, а именно:

1. Анализ рыночных цен путем сопоставления позиций спецификации к закупке с данными, имеющимися в коммерческих предложениях и на официальных сайтах поставщиков либо на ценовых агрегаторах в режиме онлайн.

2. Отслеживание количественных и качественных показателей по каждой конкретной закупке путем экстраполяции данных о предыдущих аналогичных поставках или заказах работ/услуг. К примеру, если компания на протяжении долгого времени заказывала определенные МТР российского производства на конкретный объект, а без видимых на то причин заказала немецкие МТР, то модуль должен подать соответствующий сигнал о возможном инциденте экономической безопасности, в частности, о необходимости проведения более тщательного входного контроля на предприятии.

3. Сопоставление опыта оказания услуг или выполнения работ контрагентами по конкретным объектам компании. К примеру, это может быть выполнение работ по капитальному ремонту зданий и сооружений, где будет выявлено отсутствие опыта работ на данном объекте.

4. Контроль внесения изменений в конкурсную документацию.

5. Отслеживание и сопоставление дополнительных запросов заказчика участникам открытого конкурса. Это необходимо для исключения случаев дискриминации по отношению к участникам закупки. В случае если в конкурсе участвуют три компании и у всех троих в заявке отсутствуют какие-либо требуемые конкурсной документацией данные, а дополнительные запросы были направлены только одному участнику (как правило аффилированному с работниками заказчика), то модуль должен подать соответствующий сигнал о возможном инциденте экономической безопасности.

6. Интеграция системы автоматизации процесса управления закупками с сетевыми информационными ресурсами для проверки финансового состояния и деловой репутации (к примеру «СПАРК Интерфакс» или сайты органов государственной власти).

7. Отслеживание взаимосвязей между участниками конкурса на предмет аффилированности друг с другом и с работниками заказчика при условии интеграции с кадровой базой данных предприятия и с учётом обеспечения сохранности персональных данных сотрудников.

8. Иные возможности в соответствии со спецификой заказчика и его требованиями к обеспечению экономической безопасности.

На основе задач по обеспечению экономической безопасности в процессе управления закупками госкомпаний можно выделить основные функции модуля поведенческого анализа в рамках автоматизированной системы закупок на предприятии (рис. 2), таких, как:

1. Анализ.
2. Экстраполяция.
3. Сопоставление.
4. Контроль и проверка.
5. Интеграция.

В контексте глобальной информатизации общества программное решение о внедрении модуля поведенческого анализа в автоматизированную систему управления закупками представляется логичным и своевременным. На сегодняшний день автоматизация затрагивает практически все бизнес-процессы компаний и их сопровождающие подразделения. Это явление позволит специалистам уделить больше времени аналитической деятельности в тех аспектах, которые пока ещё не доступны искусственному интеллекту.



*Рис. 2. Функционал и алгоритм работы модуля поведенческого анализа в рамках автоматизированной системы управления закупками госкомпаний*

В целях внедрения модуля поведенческого анализа необходима программная доработка автоматизированной системы управления закупками компании путем разработки дополнительных скриптов в рамках уже существующего программного комплекса, что потребует определённых финансовых затрат. Тем не менее экономия в результате пресечения инцидентов экономической безопасности при помощи такой доработки в крупной компании с государственным участием должна составить намного большую сумму денежных средств.

Нельзя не отметить, что при применении настолько индивидуального подхода к автоматизации процесса управления закупками компании с государственным участием и другого крупного бизнеса может возникнуть сложность в выборе высококвалифицированного подрядчика по разработке автоматизированных закупочных систем. Кроме того, можно столкнуться с нетипичными и трудноразрешимыми проблемами при внедрении и промышленной эксплуатации системы, проблемами оценки сроков реализации таких проектов и их конечной стоимости.

В том случае если компания не рассчитывает вкладывать сколько-нибудь весомые средства в разработку индивидуальной и уникальной автоматизированной системы управления закупками, что особенно актуально в период низкого экономического роста и падения темпов роста ВВП в России, многие компании-разработчики подобных программных комплексов предлага-

ют свои шаблонные решения, куда также можно интегрировать модуль поведенческого анализа в целях обеспечения экономической безопасности предприятия.

Разработчики отраслевых электронных торговых площадок, такие, как ОАО «Центр развития экономики», ООО «ФогСофт», а также специализированные организации, осуществляющие деятельность в сфере внедрения информационных технологий в коммерческую деятельность (компании НОРБИТ, КОРУС Консалтинг, НТК Алтимета, Solution to Business, ООО «ИБС Экспертиза» и проч.), предлагают свои услуги по внедрению корпоративных электронных торговых площадок и автоматизированных систем закупок, основанных на разработанных тиражируемых, шаблонных электронных торговых площадках и системах. Такие системы обладают рядом преимуществ: стандартизированная схема внедрения на предприятии, снижающая расходы и риски, относительно короткие сроки внедрения, высокие технологические показатели, достигаемые за счет постоянного развития системы при внедрении на различных предприятиях. Внедрив тиражируемую систему, заказчик имеет большие возможности по контролю над её функционированием, снижаются риски изъятия конфиденциальной информации, исключаются лишние посредники из взаимоотношений с поставщиком. Но в то же время в тиражируемую систему или площадку заложены конкретные решения в области организации бизнес-процесса управления закупками, конкретные процедуры закупок, которые могут значительно отличаться от принятых в организации и установленных регламентирующими документами. Поэтому внедрение подобных систем требует значительных дополнительных расходов на их адаптацию к нуждам конкретного предприятия, затрат на доработку базовой конфигурации. При доработке силами собственных ИТ-подразделений исполнитель системы может отказаться от её дальнейшего сопровождения и обновления до более совершенных версий [6].

### Выводы

В результате исследования преимуществ использования современных информационных технологий в ходе работы по обеспечению экономической безопасности в процессе управления закупками компаний с государственным участием можно сделать следующие выводы:

1. Возможностей электронных торговых площадок достаточно только для начального уровня автоматизации процесса управления закупками и недостаточно для обеспечения его экономической безопасности в полном объёме.

2. Для внедрения автоматизации госкомпаниям следует расставить приоритеты между наличием индивидуальных характеристик, требованиями к обеспечению экономической безопасности и стоимостью, сроками внедрения системы автоматизации.

3. Внедрение в автоматизированную систему управления закупками госкомпаний модуля поведенческого анализа позволит выявлять и пресекать большее количество инцидентов экономической безопасности в сжатые сроки, а кроме того, приведет к снижению издержек за счёт оптимизации подразделений, ответственных за экономическую безопасность компании.

4. Многие направления деятельности по обеспечению экономической безопасности компании могут быть автоматизированы. Уже на сегодняшний день во многом автоматизирован процесс сбора данных о финансовом состоянии и деловой репутации контрагентов.

### Литература

1. Интернет-портал *Information Technology (IT) Tenders* [Официальный сайт]. — URL : <http://www.ittenders.com/index.htm> (дата обращения: 03.02.2017), свободный. — Загл. с экрана.
2. Объявления о проводимых тендерах закупочной комиссии ПАО «Газпром». — URL : <http://www.gazprom.ru/tenders/>, свободный. — Загл. с экрана.
3. Вдовенко, Л. А. *Информационная система предприятия : учеб. пособие.* — М. : ИНФРА-М, 2011.
4. *Информационные системы в экономике : учебник для студ. высш. учеб. заведений / В.Б. Уткин, К.В. Балдин.* — М. : Издательский центр «Академия», 2004.
5. Седых, С. *Автоматизация конкурсных закупок «Норбит»* [Официальный сайт]. — URL : <http://www.norbit.ru/press/articles/e-commerce/826.html> (дата обращения: 02.02.2017), свободный. — Загл. с экрана.
6. Сатунина, А. Е., Сысоева, Л. А. *Управление проектом корпоративной информационной системы предприятия : учеб. пособие.* — М. : Финансы и статистика; ИНФРА-М, 2009.
7. Дохолян, А. С. *Особенности потребительского поведения россиян в разрезе макрорегионов и социально-доходных групп / А.В. Ярашева, Ю.В. Бурдастова, А.С. Дохолян // Региональные проблемы преобразования экономики. 2014. № 7. С. 27–35.*
8. Дохолян, С. В. *Применение методов имитационного моделирования в практике управления промыш-*

- ленными предприятиями / С.В. Дохолян, В.З. Петросянци, Д.А. Деневизюк // Региональные проблемы преобразования экономики. 2014. № 6 (44). С. 67–74.
9. Дохолян, С. В. Современные проблемы инновационного социально-экономического развития региона / С.В. Дохолян, В.З. Петросянци, А.М. Садыкова // Региональные проблемы преобразования экономики. 2012. № 3. С. 30–37.
10. Зоидов, К. Х. К проблеме создания синтетической теории преодоления трансформационного кризиса // Экономическая наука современной России. 2002. № 2. С. 37–50.
11. Зоидов, К. Х. Экономические кризисы : причины, последствия, пути преодоления. — М. : ИПР РАН, 2004.
12. Зоидов, К. Х. К проблеме исследования циклических процессов в советской и переходной российской экономике. Часть I // Экономическая наука современной России. 2007. № 4. С. 7–22.
13. Зоидов, К. Х. К проблеме исследования циклических процессов в советской и переходной российской экономике. Часть II // Экономическая наука современной России. 2008. № 1. С. 35–48.
14. Стратегия регионального развития в условиях инновационных преобразований экономики / В.З. Петросянци, С.В. Дохолян, Д.В. Петросянци, А.А. Баширова ; под общ. ред. д.э.н., проф. В.З. Петросянца / РАН; Дагестан. науч. центр; Ин-т соц.-экон. исследований. — М. : Экономика, 2011.
15. Гражданский кодекс Российской Федерации. 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ.
16. Федеральный закон от 18.07.2011 № 223-ФЗ о закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц.
17. Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд.
18. Постановление Правительства РФ от 21.06.2012 № 616 (ред. от 30.12.2015) «Об утверждении перечня товаров, работ и услуг, закупка которых осуществляется в электронной форме».
19. Постановление Правительства РФ от 31.10.2014 № 1132 «О порядке ведения реестра договоров, заключенных заказчиками по результатам закупки».
20. Доклад о результатах мониторинга применения Федерального закона от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ о закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц в I полугодии 2016 г.
21. Цветков, В. А. Корпоративный бизнес : теория и практика. — СПб. : Нестор-История, 2011.
22. Логинов, Е. Л., Райков, А. Н., Логинова, В. Е. Российская экономика в зоне критических рисков : моделирование процессов развития кризисных явлений и антикризисной политики // Экономический анализ : теория и практика. 2015. № 17 (416). С. 2–9.
23. Гапоненко, В. Ф., Беспалько, А. Л., Власков, А. С. Экономическая безопасность предприятий. Подходы и принципы. — М. : Изд-во «Ось-89», 2007.
24. Родичев, Ю. Нормативная база и стандарты в области информационной безопасности : учеб. пособие. — СПб. : «Питер», 2017.
25. Баранова, Е., Бабаиш, А. Информационная безопасность и защита : учеб. пособие. — М. : Изд-ва РИОР, Инфра-М, 2016.
26. Вдовенко, Л. А. Информационная система предприятия : учеб. пособие. — М. : ИНФРА-М, 2011.
27. Информационные системы в экономике : учебник для студ. высш. учеб. заведений / В.Б. Уткин, К.В. Балдин. — М. : Изд. центр «Академия», 2004.
28. Carpineti, L., Piga, G., Zanza, M. The variety of procurement practice : evidence from public procurement. — 2006.
29. Finch, R. Guide to Tendering : for construction projects. — RIBA Publishing, 2011.
30. Кузнецов, К. В. Прокьюремент : тендеры, конкурсы, конкурентные закупки. — М., 2005. С. 18.
31. Поляков, Ю. И., Калинин, С. В. Использование тендеров как нового механизма получения заказов в Омском регионе // Экономические исследования : интернет-журнал. Официальный сайт. [Электронный ресурс]. №3 (12). Сентябрь 2012. С. 1. — URL : <http://www.erce.ru/internet-magazine/magazine/31/481/>, свободный. — Загл. с экрана.
- 32.. Why Tender? The Benefits of Running a Competitive Tender to Procure Services // Портал «Exceeding». Официальный сайт. — URL : <http://www.exceeding.uk.com/Blog/Benefits-of-Going-out-to-Competitive-Tender>, свободный. — Загл. с экрана.
33. Open Economy. Экспертный сайт Высшей школы экономики. Официальный сайт. — URL : <http://www.opes.ru/1441796.html>, свободный. — Загл. с экрана.
34. Седых, С. Автоматизация конкурсных закупок «Норбит». Официальный сайт. — URL : <http://www.norbit.ru/press/articles/e-commerce/826.html>, свободный. — Загл. с экрана.
35. Электронная торговая площадка ГПБ — дочерняя компания Банка ГПБ (АО). Официальный сайт. — URL : <http://etppgb.ru/>, свободный. — Загл. с экрана.
36. Материалы Гайдаровского форума «Россия и мир: выбор приоритетов» 2017. Официальный сайт. — URL : <http://gaidarforum.ru/>, свободный. — Загл. с экрана.
37. Интернет-портал «ПМЭФ'16 Петербургский международный экономический форум». Официальный сайт. — URL : <http://www.forumspb.com>, свободный. — Загл. с экрана.

#### References:

1. Internet portal Information Technology (IT) Tenders [Official site]. — URL : <http://www.ittenders.com/index.htm> (date accessed: 03.02.2017), free. The title screen.
2. Announcements of tenders the procurement Commission of PJSC «Gazprom». — URL : <http://www.gazprom.ru/tenders/> free. The title screen.
3. Vdovenko, L. A. Information system of the enterprise : titorial. — М. : INFRA-M, 2011.
4. Information systems in economy : textbook for the students of higher educational institutions / V.B. Utkin,

- K.V. Baldin. — M.: Publishing center «Academy», 2004.
5. Gray, S. Automation of the competitive procurement «Norbit» [Official site]. — URL : <http://www.norbit.ru/press/articles/e-commerce/826.html> (date accessed: 02.02.2017), free. The title screen.
6. Satunina, A. E., Sysoeva, L. A. Project Management of the corporate information system of an enterprise : tutorial. — M.: Finance and statistics; INFRA-M, 2009.
7. Dokholyan, A. S. Peculiarities of consumer behavior of Russians in terms of macro-regions and socio-income groups / A.V. Yarasheva, Y.V. Burdastov, A.S. Dokholyan // Regional problems of transformation of the economy. 2014. No. 7. P. 27–35.
8. Dokholyan, S. V. Application of simulation methods in the practice of management of industrial enterprises / S.V. Dokholyan, V.Z. Petrosyants, D.A. Denisuk // Regional problems of transformation of the economy. 2014. No. 6 (44). P. 67–74.
9. Dokholyan, S. V. Modern problems of innovative socio-economic development of the region / S.V. Dokholyan, V.Z. Petrosyants, A.M. Sadykov // Regional problems of transformation of the economy. 2012. No. 3. P. 30–37.
10. Zoidov, K. Kh. To the problem of creating a synthetic theory of overcoming transformational crisis // Economic science of modern Russia. 2002. No. 2. P. 37–50.
11. Zoidov, K. Kh. Economic crises : causes, consequences, ways of overcoming. — M.: IEPER Russian Academy of Sciences, 2004.
12. Zoidov, K. Kh. To the problem of research of cyclic processes in the Soviet and transitional Russian economy. Part I // Economic science of modern Russia. 2007. No. 4. P. 7–22.
13. Zoidov, K. Kh. To the problem of research of cyclic processes in the Soviet and transitional Russian economy. Part II // the Economic science of contemporary Russia. 2008. No. 1. P. 35–48.
14. Regional development strategy in the conditions of innovative transformations of economy / V.Z. Petrosyants, S.V. Dokholyan, D.V. Petrosyants, A.A. Bashirova ; under total ed. doctor of Economics, Professor V.Z. Petrosyants / RAN; Dagestan. scientific. center; In-t soc.-econ. research. — M/: Economics, 2011.
15. The Civil Code of the Russian Federation. November 30, 1994. No. 51-FZ.
16. Federal Law of 18.07.2011 number 223-FZ on procurement of goods, works and services of certain kinds of legal entities.
17. Federal Law of 04.05.2013 number 44-FZ about contract system in the procurement of goods, works and services for state and municipal needs.
18. Resolution of the Russian Government dated 21.06.2012 N 616 (ed. of 12.30.2015) «On approval of the goods list, works and services, the purchase of which is carried out electronically».
19. Government Decree of 31/10/2014 number 1132 «On the order of conducting the register of contracts concluded by customers as a result of the purchase».
20. Report on the results of the monitoring of application of the Federal Law of July 18, 2011 No. 223-FZ on procurement of goods, works and services of certain kinds of legal entities in the I half of 2016.
21. Tsvetkov, V. A. Corporate Business : Theory and Practice. — SPb.: Nestor-history, 2011.
22. Loginov, E. L., Raykov, A. N., Loginova, V. E. The Russian economy in the area of critical risks: modeling of crisis processes and anti-crisis policy // The economic analysis : theory and practice. 2015. Issue 17 (416). P. 2–9.
23. Gaponenko, V. F., Bepal'ko, A. L., Vlaskov, A. S. Economic security of companies : Approaches and Principles. — M.: Publishing house «Os-89», 2007.
24. Rodichev, Y. U. Regulatory framework and information security standards : textbook. — SPb.: Publishing house «Piter», 2017.
25. Baranova, E., Babash, A. Information security and protection : textbook. — M.: Publishing house «Island RIOR, Infra-M», 2016.
26. Vdovenko, L. A. Enterprise Information Systems : textbook for students. — M.: INFRA-M, 2011.
27. Information systems in economics : textbook for the students of higher educational institutions / V.B. Utkin, K.V. Baldin. — M.: Publishing center «Academy», 2004.
28. Carpineti, L., Piga, G., Zanza, M. The variety of procurement practice : evidence from public procurement. — 2006.
29. Finch, R. Guide to Tendering : for construction projects. — RIBA Publishing, 2011.
30. Kuznetsov, K. V. Procurement : tenders, competitions, competitive procurement. — M., 2005. P. 18.
31. Polyakov, Yu, Kalinin, S. The use of tenders as a new mechanism for receiving orders in the Omsk region // Economic studies : Internet magazine. Official site. [Electronic resource]. No. 3 (12). September 2012. P. 1. — URL : <http://www.erce.ru/internet-magazine/magazine/31/481/>, free. — Title screen.
32. Why Tender? The Benefits of Running a Competitive Tender to Procure Services // Portal «Exceeding». Official site. — URL : <http://www.exceeding.uk.com/Blog/Benefits-of-Going-out-to-Competitive-Tender>, free. — Title screen.
33. Open Economy. Expert website of the Higher School of Economics. Official site. — URL : <http://www.opec.ru/1441796.html>, free. — Title screen.
34. Gray, S. Automation of tenders «Norby». Official site. — URL : <http://www.norbit.ru/press/articles/e-commerce/826.html>, free. — Title screen.
35. Electronic Trading GBO — a subsidiary of the Bank of GPB (JSC). Official site. — URL : <http://etpgpb.ru/>, free. — Title screen.
36. Materials of the Gaidar Forum «Russia and the World : the choice of priorities» 2017. Official site. — URL : <http://gaidarforum.ru/>, free. — Title screen.
37. Internet portal «PMEF'16 Petersburg International Economic Forum». Official site. — URL : <http://www.forumspb.com>, free. — Title screen.

УДК 330.368: 339.91

**ШАГАЛОВ ГРИГОРИЙ ЛАЗАРЕВИЧ**  
д.э.н., профессор, главный научный сотрудник ФГБУН «Институт проблем рынка РАН»,  
e-mail: shagalov@mtu-net.ru

**ЗОИДОВ ЗАФАР КОБИЛДЖОНОВИЧ**  
научный сотрудник ФГБУН «Институт проблем рынка РАН»,  
e-mail: zafar2608@mail.ru

**КЕРИМОВ САЛИК ГЕРОЕВИЧ**  
к.э.н., доцент ФГОБУ ВО «Дагестанский государственный технический университет»,  
e-mail: sal072013@mail.ru

## ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПЛАВАЮЩЕГО ВАЛЮТНОГО КУРСА В ЦЕЛЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ<sup>1</sup>

**Аннотация. Предмет.** В статье рассматриваются возможности и перспективы использования плавающего валютного курса странами ЕАЭС в целях модернизации экономики в условиях нарастающей нестабильности. **Цель работы.** Исследование направлено на решение вопроса о рациональном выборе режима курсообразования в странах ЕАЭС. Актуальность проблемы состоит в том, что от целесообразности выбора той или иной системы курсообразования самым серьезным образом зависит характер развития национальной экономики государств — членов ЕАЭС. **Методология проведения работы.** На основе комплексного анализа социально-экономических проблем устойчивого развития региональной экономической интеграционной системы используется метод компаративного анализа воздействия разных режимов валютного курса на экономику экономики государств — членов ЕАЭС. **Результаты работы.** При классическом плавающем курсе курс национальной валюты формируется под влиянием спроса и предложения на валюту анализируемой страны. Однако целям развития отдельных стран не отвечают ни фиксированные, ни плавающие валютные курсы. Поэтому они прибегают к промежуточным валютным курсам. В рамках этих курсов используются режимы ползущей привязки, система валютного курса, когда накладываются ограничения на изменения номинального валютного курса снизу и сверху, а также иные методы, отличные от режимов фиксированных и плавающих курсов. Проведена работа над формированием современных механизмов регулирования выбора режимов обменных валютных курсов в странах постсоветского пространства в условиях Евразийской интеграции и глобальной нестабильности. **Выводы.** Выявлен противоречивый характер процесса валютной интеграции на территории ЕАЭС. Характеристики объединения благоприятствуют переходу на использование российского рубля в рамках всего объединения. Такая форма интеграции является неприемлемой для партнеров России по объединению, поскольку связана для них со значительными издержками. Предложен способ разрешения указанного противоречия, заключающийся в параллельном использовании национальных валют и российского рубля. **Область применения результатов.** Рассмотренные в статье возможности и перспективы использования плавающего валютного курса странами ЕАЭС в целях модернизации экономики в условиях нарастающей нестабильности могут быть использованы для совершенствования и модернизации экономики стран ЕАЭС при становлении на путь устойчивого развития.

**Ключевые слова:** плавающие валютные курсы, страны ЕАЭС, социально-экономические кризисы, производственные зависимости, модернизация, интеграционные процессы.

---

<sup>1</sup> Исследование проведено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 15-06-09305 а).

**SHAGALOV GRIGORIY LAZAREVICH**

Doctor of Economic Sciences, Professor, Head Research Associate of FSBIS  
"Institute of Market Problems of the RAS",  
e-mail: shagalov@mtu-net.ru

**ZOIDOV ZAPHAR KOBILDZHONOVICH**

Research Associate of FSBIS "Institute of Market Problems of the RAS",  
e-mail: zafar2608@mail.ru

**KERIMOV SALIK GEROEVICH**

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of FSEBI of HE  
"Dagestan State Technical University",  
e-mail: sal072013@mail.ru

## OPPORTUNITIES AND PROSPECTS OF USING THE FLOATING FOREIGN EXCHANGE RATE FOR THE MODERNIZATION OF THE ECONOMY

**Abstract. The subject.** The manuscript discusses the possibilities and prospects of using the floating currency exchange rate by the EEU countries in order to modernize the economy in the conditions of growing instability. **The goal of the study.** The study is directed towards solving the issues about the rational choice of the mode of currency exchange rate formation in the countries of the EEU. The relevance of the problem is in the fact that depending on the practicability of the choice of a certain system of currency exchange rate formation, it very seriously impacts the character of development of the national economy of countries-members of the EEU. **The methodology of performing the study.** Based on a complex analysis of the social-economic problems of sustainable development of the regional economic integration system, the method used is that of comparative analysis of impact of different modes of currency exchange rate on economies of countries - members of the EEU. **The results of the study.** When using the floating currency exchange rate, the rate is formed under the impact of supply and demand for the currency of the country being analyzed. However, either fixed or floating currency exchange rates correspond to the goals of development of different countries. Therefore they resort to the intermediate currency exchange rates. In the context of these rates, the crawling peg principle is used when the system of the currency exchange rate receives limitations on the change of the nominal currency exchange rate at the bottom and at the top, as well as other methods different from the modes of the fixed and floating currency exchange rates. A study has been performed to create modern mechanisms of regulation of the choice of currency exchange rates modes in the countries of the post-Soviet space in the conditions of the Eurasian integration and global instability. **Conclusions.** A contradictory character of the process of currency integration on the territory of the EEU has been identified. The characteristics of the union favor the transition towards the use of the Russian rouble in the context of the whole union. This form of integration is not acceptable for the partners of Russia in the union because it is connected for them with significant outlays. A way to resolve this inconsistency has been found, and it is in a parallel use of national currencies and the Russian rouble. **The area of application of the results.** The opportunities discussed in the manuscript and the prospects of using the floating currency exchange rate by the EEU countries in order to modernize the economy in the conditions of a growing instability may be used in order to improve and modernize the economy of the EEU countries when taking up the road of sustainable development.

**Keywords:** floating currency exchange rates, countries of the EEU, social-economic crises, production dependencies, modernization, integration processes.

---

### Введение

В условиях режима плавающего валютного курса страна обретет возможность активно использовать такой мощный макроэкономический инструмент в целях модернизации экономики, каким является денежно-кредитная политика. При плавающем валютном курсе страна может самостоятельно выбирать тот уровень инфляции, который она сочтет необходимым для обеспечения устойчивого роста и достижения внутреннего и внешнего равновесия. При фик-

сированном же курсе, как было показано в наших исследованиях [1, 10–19], страна может оказаться в положении вынужденного импортирования инфляции из-за рубежа и будет ограничена в проведении самостоятельной денежно-кредитной политики. Понятно, что появляющаяся в условиях плавающих курсов возможность самостоятельной денежно-кредитной политики наряду с положительными моментами таит и определенные угрозы. Неумелое пользование механизмами денежно-кредитной политики может привести к развертыванию в стране инфляционных процессов, что чревато не только нарушением внутреннего и внешнего равновесия, но и социально-политическими осложнениями. Существовавшая в Бреттон-Вудской валютной системе дисциплина цен, предписываемая фиксированными курсами, при применении плавающих курсов исчезает. Поэтому необходимо особо подчеркнуть, что использование режима плавающего курса предъявляет повышенные требования к монетарным властям в отношении обоснованности и качества денежно-кредитной политики. Значительную осмотрительность следует проявлять и в бюджетно-налоговой политике.

### **1. Система фиксированных валютных курсов**

Из экономической истории известно, что фиксированные валютные курсы были наиболее характерны для периода золотого стандарта, а также послевоенной Бреттон-Вудской валютной системы [1, 10–19, 20–22].

Система золотого стандарта юридически была оформлена межгосударственным соглашением на Парижской конференции 1867 года. Это соглашение признало золото единственной формой мировых денег. Система просуществовала относительно долго — до 1914 года. Первая мировая война, повергнувшая к расстройству финансов ведущих европейских стран, привела к прекращению существования системы золотого стандарта. После некоторого периода валютного беспорядка, последовавшего после окончания Первой мировой войны, возникла мировая валютная система, основанная как на золоте, так и на ведущих валютах, конвертируемых в золото, т. е. система, базировавшаяся на золото-девизном стандарте.

Юридическое оформление новой валютной системы произошло на экономической конференции в Женеве в 1922 году. Однако система просуществовала недолго — до 1936 года [20].

В рамках системы золотого стандарта ценность национальных валют фиксировалась в золоте. Через золото устанавливались фиксированные обменные курсы в отношениях между валютами отдельных стран. В созданной после Второй мировой войны Бреттон-Вудской мировой валютной системе (1944–1973) также использовалась система фиксированных валютных курсов. Эта валютная система базировалась на долларе США, ценность которого была зафиксирована по отношению к золоту. В свою очередь другие национальные валюты имели фиксированные валютные курсы по отношению к доллару.

На смену Бреттон-Вудской системе пришла Ямайская валютная система, которая действует до сего времени. И хотя в новой мировой валютной системе ведущие мировые валюты (доллар США, японская иена, фунт стерлинга и др.), а также валюты многих других стран плавают, тем не менее фиксированные валютные курсы разной модификации используются в значительном числе стран. В начале функционирования Ямайской валютной системы фиксированные валютные курсы были преобладающими. Например, в 1975 году, по нашим расчетам, они составляли 90 % от всех использовавшихся валютных курсов в мире (соответственно, 10 % приходилось на страны с плавающими курсами). Впоследствии фиксированные курсы сдали свои доминирующие позиции. В последние годы все более заметное место в мировой валютной системе занимают курсы, которые мы относим к третьей группе, так называемые промежуточные режимы валютных курсов. По данным Международного валютного фонда, в 2000 году на долю фиксированных курсов приходилось 74 %. А в середине 2000 годов 55 % стран использовали режим фиксированного валютного курса. Можно сказать, что наблюдается определенная тенденция к снижению числа стран, применяющих фиксированные валютные курсы. И, наоборот, растет число государств, предпочитающих плавающий валютный курс.

В режиме фиксированных валютных курсов ценность национальной валюты фиксируется либо в золоте (система золотого стандарта), либо иной национальной валюте (современная валютная система). В качестве валют, в которых фиксируется курс той или иной национальной валюты, обычно выступает твердая валюта, эмитируемая ведущими промышленно разви-

тыми странами (доллар США, фунт стерлингов, французский франк, немецкая марка, иена).

Обычно при введении фиксированного курса предполагается, что он будет неизменным в течение достаточно длительного промежутка времени. Однако на практике допускаются небольшие колебания вокруг выбранного фиксированного курса. В Бреттон-Вудской валютной системе первоначально допускалось колебания валютного курса по отношению к доллару США в пределах  $\pm 1\%$ . В последний период функционирования послевоенной мировой валютной системы разрешенный диапазон амплитуды колебаний был расширен до  $\pm 2,25\%$ .

Если устанавливается фиксированный курс, то Центральный банк страны должен иметь достаточные международные резервы для того, чтобы осуществлять торговлю валютой по фиксированному курсу с агентами валютного рынка. Если, допустим, Банк Франции зафиксировал курс доллара США к французскому франку как 6 франков за доллар, он должен быть готов к покупке франков по этому курсу за счет имеющихся у него долларовых ресурсов. При этом объем закупок франков, диктуемый рыночной конъюнктурой, может быть любым. Банк также должен быть готов и к покупке любого количества долларовых активов, которые могут предлагаться на валютном рынке к продаже за франки по установленному обменному курсу. В том случае если Центральный банк окажется не способным путем интервенций на валютном рынке ликвидировать избыточное предложение франков или спрос на них, то придется изменить валютный курс.

Следует отметить, что при применении фиксированного курса страна не имеет возможностей использовать денежно-кредитную политику как эффективный инструмент макроэкономического регулирования. Теоретически рассуждая, например, если в условиях режима фиксированного курса Центральный банк задумает увеличить предложение денег в целях стимулирования национальной экономики, это создаст угрозу обесценивания национальной валюты, чего нельзя допустить, поскольку принят фиксированный курс. В подобной ситуации Центральный банк будет вынужден стерилизовать возникшее дополнительное предложение денег путем продажи иностранных активов. Национальные деньги, полученные за проданные иностранные активы, попадут в сейфы Центрального банка, т. е. будут изъяты из обращения. В результате восстановится прежнее равновесие на денежном рынке и попытка увеличить предложение денег окажется безрезультатной.

Именно поэтому в теории валютного курса обосновывается положение о том, что денежно-кредитная экспансия при режиме фиксированного валютного курса является неэффективной.

Если рассматривать более широко область монетарной политики, то в условиях фиксированного валютного курса правительство может прибегнуть только к использованию одной возможности — изменить уровень фиксированного курса, т. е. провести девальвацию национальных денег.

Однако при фиксированных курсах стимулировать совокупный спрос и развитие национальной экономики можно с помощью экспансионистской налогово-бюджетной политики (путем либо снижения налогообложения, либо увеличения государственных расходов). Механизм воздействия активной фискальной политики на экономику при фиксированном режиме валютного курса заключается в следующем: налогово-бюджетная экспансия через механизм мультипликатора вызовет увеличение объема производства и повысит спрос на деньги, что, в свою очередь, приведет к росту внутренней процентной ставки. В результате возникнут условия для удорожания национальной валюты. Чтобы помешать публичному спросу на деньги, повышению внутренней процентной ставки и удорожанию отечественной валюты, Центральный банк вынужден будет скупать иностранные активы, что приведет к увеличению предложения денег. Интервенция Центрального банка удерживает валютный курс на прежнем уровне. В результате активная фискальная политика при режиме фиксированного валютного курса увеличивает объем выпуска при сохранении неизменности курса национальной валюты.

В системе фиксированных курсов обычно осуществляется привязка национальной валюты к резервной валюте.

В рамках Бреттон-Вудской валютной системы курс национальной валюты подавляющего числа стран привязывается к доллару США. Исключение составляют страны зоны фунта стерлингов и зоны франка.

В пришедшей на смену послевоенной валютной системе — Ямайской — курс националь-

ных валют по наибольшему числу стран приравнивался к доллару. Кроме того, привязка осуществлялась к французскому франку, английскому фунту стерлингов и немецкой марке.

Особенность фиксированного валютного курса, устанавливаемого путем привязки национальной валюты к выбранной резервной валюте, заключается в том, что страна, зафиксировавшая свой курс, как бы импортирует уровень инфляции и норму процента из страны с резервной валютой. В определенных ситуациях это может создавать проблемы для развития национальной экономики.

Однако существенным достоинством фиксации курса национальной валюты по отношению к резервной валюте является то, что в страну переносится уровень инфляции из центра резервной валюты. Поскольку уровень инфляции в развитых странах, как правило, достаточно низкий, это приводит сначала к подавлению, а затем к поддержанию стабильно низкого уровня инфляции в стране, которая привязывает свою национальную валюту к резервной.

Например, в 1990-х годах ряд стран, имевших высокую инфляцию, привязав свою валюту к сильным валютам промышленно развитых стран, сумели достаточно быстро подавить инфляцию.

Однако не во всех случаях фиксированный курс обеспечивает благоприятные показатели национальной инфляции. Следует отметить, что характерная особенность Бреттон-Вудской системы фиксированных валютных курсов, приводившая к импорту инфляции из центра резервной экономики (США), в конечном итоге явилась причиной краха этой системы. Известно, что сверхэкспансионистская бюджетная политика, проводившаяся США в конце 1960-х годов, подстегивала инфляцию в Америке, которая «переливалась» в другие страны, порождая у них естественное желание прекратить «импорт» инфляции.

Серия последовавших за этим международных валютных кризисов, начиная с весны 1971 года, постепенно привела к ликвидации послевоенной мировой валютной системы. Например, 4 мая 1971 года Бундесбанк вынужден был купить 1 млрд долларов США, а на утро 5 мая Бундесбанк купил еще 1 млрд долларов США всего лишь за первый час торговли иностранной валютой. На этом Бундесбанк поставил точку и дал своей валюте свободно плавать.

Наиболее последовательной формой фиксации валютного курса в современных условиях является жесткая привязка национальной валюты к резервной валюте в рамках так называемой системы валютного управления (совета), по-английски — *currency board*. На анализе этой системы мы остановимся ниже.

Прежде чем мы перейдем к анализу системы валютного совета, укажем, что к режиму фиксированных валютных курсов относятся (по классификации МВФ) следующие виды валютных курсов:

- система жесткой привязки в рамках валютного совета (или валютного управления);
- системы, предусматривающие привязку национальной валюты к одной или нескольким валютам (привязка валюты к корзине валют);
- система привязки в рамках валютного союза.

Система валютного совета использовалась в отдельные периоды более чем в семидесяти странах мира. Однако в настоящее время она применяется лишь в нескольких государствах.

Сущность системы валютного совета хорошо изучена лишь ограниченным числом специалистов в нашей стране. Поэтому рассмотрим ее достаточно подробно.

Валютный совет — монетарная организация, которая выпускает банкноты и монеты, полностью обеспеченные иностранной резервной валютой и конвертируемые в резервную валюту по фиксированному курсу по первому требованию. В качестве резервной валюты обычно используется свободно конвертируемая валюта промышленно развитых стран мира (например, доллар). В валютном совете резервы обычно составляют 100 % или немногим более от банкнот и монет, находящихся в обращении. Характерно, что данное соотношение денег в обращении и золотовалютных резервов закрепляется законом. В системе валютного совета резервы формируются за счет надежных, приносящих процент ценных бумаг, номинированных в резервной валюте. Валютный совет получает прибыль на разнице от доходов на имеющиеся у него ценные бумаги, выраженные в резервной валюте, и расходами на поддержание денежного обращения. Совет переводит правительству прибыль, превышающую его расходы, и под-

держивает собственные резервы на уровне, утвержденном законом.

Отличительной чертой валютного совета является то, что он, собственно, не контролирует количество денег в обращении. Количество денег в обращении, общий объем предложения денег определяется исключительно рыночными факторами.

Следует иметь в виду, что валютный совет представляет собой лишь часть денежной системы страны. Кроме него действуют также коммерческие банки и финансовые институты. Таким образом, денежно-кредитная система валютного совета в целом складывается из: а) собственно валютного совета; б) коммерческих банков и других финансовых организаций.

Система валютного совета базируется на определенных правилах поведения и взаимоотношений между самим валютным советом, вышеназванными организациями и правительством, касающихся валютного курса, конвертируемости национальной валюты, государственных финансов и т. п.

Отличительной чертой типичного (классического) валютного совета является полная конвертируемость национальной валюты как по текущим, так и капитальным операциям. Он обменивает национальные банкноты и монеты на резервную валюту по установленному курсу без каких-либо ограничений. И, наоборот, резервная валюта может быть также без ограничений обменена на деньги, эмитированные валютным советом.

Здесь легко можно обнаружить отличие от денежной системы, опирающейся на Центральный банк. В системе Центрального банка обычно используется «привязка» национальной валюты (фиксированный курс), или плавающий валютный курс. «Привязанный» курс национальной валюты, как правило, может быть постоянным по отношению к избранной валюте в течение определенного времени, однако он не дает долгосрочных гарантий сохранения неизменного курса национальной валюты.

В стандартной системе Центрального банка, как известно, нет стопроцентного обеспечения его обязательств валютными резервами. В системе Центрального банка обычно отсутствует требование держать определенное соотношение между валютными резервами и обязательствами.

Важнейшим отличием Центрального банка от валютного совета является то, что ЦБ держит не только иностранные, но и отечественные активы. Среди отечественных активов наибольшую роль играют государственные ценные бумаги. Когда Центральный банк покупает отечественные ценные бумаги, он увеличивает денежную базу.

В отличие от Центрального банка классический валютный совет не играет сколько-нибудь активной роли в определении денежной базы. Зафиксированный обменный курс по отношению к резервной валюте и зафиксированное отношение к резервной валюте в 100 % (или немногим более) не позволяет валютному совету увеличивать или уменьшать денежную базу по своему усмотрению. Классический валютный совет не может также воздействовать на изменение отношения между денежной базой и денежной массой, накладывая резервные требования на коммерческие банки.

Центральный банк, наоборот, по своей инициативе имеет возможность увеличивать или уменьшать денежную базу. Так, например, он может предоставить кредиты коммерческим банкам, создавая резервы для них, даже в том случае, если его золотовалютные резервы сокращаются. Увеличение резервов позволяет коммерческим банкам предоставлять средства заемщикам. Таким образом, предложение денег и денежная масса возрастают.

Увеличение денежной массы может связываться с увеличением валютных резервов страны. В принципе, это требует достижения активного сальдо платежного баланса.

Увеличение положительного сальдо платежного баланса в конечном итоге ведет к увеличению денежной массы. В то же время дефицит платежного баланса приводит к уменьшению денежной массы.

Рассмотрим механизм воздействия положительного сальдо платежного баланса на денежную массу в стране, применяющей систему валютного совета. (В рассуждении мы полагаем, что счет по движению капиталов равен нулю и страна имеет положительное сальдо по текущим операциям).

Допустим, что первоначально экспорт товаров и услуг равен импорту. Это означает, что страна имеет нулевое сальдо по текущим операциям. Предположим далее, что образовалось

положительное сальдо по текущим операциям. Результатом этого является увеличение резервов коммерческих банков, что ведет к снижению процента и росту доходов. В свою очередь, данные изменения ведут к увеличению спроса на товары и услуги.

Увеличение общего спроса на товары и услуги и рост цен на отечественные товары способствует росту импорта и уменьшению экспорта. Вследствие этого активное сальдо сокращается, и баланс по текущим операциям в конечном итоге сводится к нулю и возвращается в состояние нового равновесия. Посмотрим теперь, как влияет отрицательное сальдо текущего баланса на денежные агрегаты. Допустим, что в первоначальном состоянии страна имеет нулевое сальдо платежного баланса. Затем возникает отрицательное сальдо по текущим операциям. Результатом этого является снижение резервов коммерческих банков, сокращение объемов предоставленных кредитов, рост нормы процента и уменьшение доходов. Спрос на товары и услуги сокращается, что ведет к снижению цен на отечественные товары. Спрос на импортные товары уменьшается, а на экспортируемые страной товары возрастает. Это ведет к снижению пассива платежного баланса по текущим операциям, который в конечном итоге балансируется.

Описанный выше механизм изменения денежной массы в зависимости от меняющихся обстоятельств базируется на взаимодействии таких параметров, как сальдо платежного баланса, изменение в предложении денег, норма процента и цен. Следует подчеркнуть, что курс национальной валюты при этом остается неизменным.

Описанное выше взаимодействие между балансом по текущим операциям и предложением денег может быть изменено под влиянием движения иностранных инвестиций, которые отражаются в разделе платежного баланса, характеризующего движение капитала. Приток иностранного капитала, например, может уравновесить дефицит баланса по текущим операциям и даже превзойти его. В результате и при отрицательном сальдо по текущим операциям может наблюдаться увеличение денежной массы. Подобная ситуация происходила в ряде стран, использовавших систему валютного совета.

Таким образом, классический валютный совет не может осуществлять денежную политику по своему выбору, поскольку фиксированный валютный курс к резервной валюте и фиксированный объем резервов (100 процентов или немногим больше) не оставляет свободы для маневра.

Характерной чертой валютного совета является то, что он не регулирует деятельность коммерческих банков. В классическом валютном совете последний не выступает по отношению к коммерческим банкам в качестве кредитора конечной инстанции.

Главной задачей Центрального банка является стабилизация цен и создание условий для экономического развития путем управления такими инструментами денежной политики, как денежная база, денежная масса, резервные требования, ставка рефинансирования. В отличие от валютного совета Центральный банк обычно проводит активную денежную политику. При этом, как правило, Центральный банк действует по своему усмотрению. Центральный банк регулирует деятельность коммерческих банков, выступает как их кредитор последней инстанции. Характерной чертой монетарной системы с ЦБ являются обязательные резервы коммерческих банков, хранимые в национальном банке. Центральный банк также устанавливает обязательные для КБ экономические нормативы (минимальный размер уставного капитала, нормативы ликвидности, нормативы рисков, максимальный размер кредитов и т. п.). Он также участвует в развитии системы платежей и расчетов, может предлагать правительству собственные рецепты экономического развития. Эти функции, однако, вторичны по отношению к его основной функции, связанной с формированием денежной базы и денежной массы. При этом формирование важнейших денежных агрегатов находится практически в полной компетенции Центрального банка.

Выше было показано, что причиной, например, увеличения денежного предложения в системе валютного совета является не зависящее от воли последнего действие рыночных сил. Так, исходным пунктом увеличения денежной массы выступало уменьшение спроса на импортируемые товары и расширение спроса на отечественные товары со стороны мирового рынка, т. е. расширение экспорта страны. Важно подчеркнуть, что изменения спроса на импортируемые и экспортируемые товары порождены желаниями и действиями агентов рыночной эконо-

мики. И в этом смысле они носят объективный характер.

Напротив, в системе Центрального банка исходным пунктом увеличения денежного предложения может служить сознательное решение Центрального банка увеличить денежную базу. Такое решение может быть связано, например, с необходимостью финансирования дефицита государственного бюджета. При этом масштабы подобного финансирования не могут быть четко обоснованы, и подобные решения во многом носят субъективный характер.

В отличие от системы валютного совета, где валютный курс зафиксирован, в модели денежно-кредитного регулирования, опирающейся на Центральный банк, принимаемое ЦБ решение увеличить денежную базу в конечном итоге может привести к изменению валютного курса национальной валюты. Так, например, если в стране применяется плавающий валютный курс, то увеличение денежной базы может привести к девальвации национальной валюты. При привязке курса национальной денежной единицы к определенной валюте (например, к доллару) расширение денежной базы в краткосрочном периоде может привести к временному увеличению реальной стоимости национальной валюты и снижению экспорта. Последнее обстоятельство может побудить денежные власти и правительство провести девальвацию национальной валюты.

Обратим внимание еще на одну характерную черту классического валютного совета. Данная система исключает возможность прямого или косвенного кредитования правительства со стороны совета. Это обычно действует оздоравливающим образом на государственные финансы. Правительство в большей мере, чем в системе Центрального банка, вынуждено стремиться к балансированию доходов и расходов государственного бюджета.

## **2. Использование плавающего валютного курса странами ЕАЭС в целях модернизации экономики в условиях нарастающей нестабильности**

В марте 1973 года Япония и большинство европейских стран отказались от фиксированных курсов, валюта этих стран стала колебаться по отношению к доллару. Это означало конец эпохи фиксированных курсов.

Режим плавающих валютных курсов имеет ряд характерных особенностей.

Как отмечалось выше, в условиях использования фиксированных валютных курсов страны практически не имели возможностей использовать денежно-кредитную политику в целях изменения макроэкономической ситуации и достижения внутреннего и внешнего равновесия. Отказ от системы фиксированных курсов позволяет центральным банкам по своему усмотрению регулировать денежное обращение страны посредством определенных рычагов денежно-кредитной политики.

Например, если в условиях действия фиксированных курсов Центральный банк вознамерится расширить денежное предложение для борьбы с безработицей, он, в конечном итоге, во избежание девальвации национальной валюты будет восстанавливать прежний уровень денежного кредитования путем продажи на валютном рынке официальных иностранных резервов. Иначе складывается ситуация при режиме плавающих курсов.

Если, допустим, для борьбы с увеличивающейся безработицей Центральный банк решит расширить предложение денег, он сможет это сделать, не опасаясь обесценения национальной валюты и не боясь нарушить существующие международные соглашения.

Денежная экспансия, инициированная Центральным банком, приведет к обесценению национальной валюты, повысит конкурентоспособность национальных товаров и расширит зарубежный спрос на них. В результате безработица будет снижена и поставленная цель достигнута.

Можно рассмотреть принципиально иную ситуацию, когда в стране намечается перегрев экономики. В этом случае при плавающих курсах Центральный банк также имеет возможность активно использовать инструменты денежно-кредитной политики. Для того чтобы «охладить» экономику, он может пойти на ограничение денежного предложения, не тревожась о том, что повысившаяся норма процента вызовет приток иностранных резервов, что может вызвать удорожание национальной валюты.

Таким образом, в условиях режима плавающего валютного курса страна обретет возможность активно использовать такой мощный макроэкономический инструмент, каким является

денежно-кредитная политика. Одной из первых работ, где было обосновано положение об эффективности денежно-кредитной политики, является статья М. Флеминга «Внутренняя финансовая политика при фиксированных и плавающих обменных курсах» [21].

При плавающем валютном курсе страна может самостоятельно выбирать тот уровень инфляции, который она сочтет необходимым для обеспечения устойчивого роста и достижения внутреннего и внешнего равновесия. При фиксированном же курсе, как было показано выше, страна может оказаться вынужденной импортировать инфляцию из-за рубежа и будет ограничена в проведении самостоятельной денежно-кредитной политики.

Понятно, что появляющаяся в условиях плавающих курсов возможность самостоятельной денежно-кредитной политики наряду с положительными моментами таит и определенные угрозы.

Неумелое пользование механизмами денежно-кредитной политики может привести к разрыву равновесия в стране инфляционных процессов, что чревато не только нарушением внутреннего и внешнего равновесия, но и социально-политическими осложнениями. Существовавшая в Бреттон-Вудской валютной системе дисциплина цен, предписываемая фиксированными курсами, при применении плавающих курсов исчезает [22].

Поэтому необходимо особо подчеркнуть, что использование режима плавающего курса предъявляет повышенные требования к монетарным властям в отношении обоснованности и качества денежно-кредитной политики. Значительную осмотрительность следует проявлять и в бюджетно-налоговой политике.

Следует отметить, что в то время как денежно-кредитная политика в условиях плавающих курсов обладает высокой эффективностью, бюджетно-налоговая политика государства оказывается менее действенной.

Обратим внимание на тот факт, что Дж. Кейнс был сторонником эластичных паритетов валют, то есть плавающих валютных курсов.

При системе плавающих курсов экспансионистская бюджетно-налоговая политика хотя и оказывает определенное воздействие на расширение совокупного спроса, но поскольку она приводит к удорожанию национальной валюты и вызывает последующее сокращение экспорта, она тем самым противодействует непосредственному позитивному влиянию данной финансовой политики на совокупный спрос<sup>2</sup>.

Определенным достоинством режима плавающих курсов является то, что они позволяют стране более успешно (чем при фиксированных курсах) приспособляться к изменениям во внешней среде (внешним шокам).

Рассмотрим теперь ситуацию, когда сократился внешний спрос на экспортируемую страной продукцию. Это означает сокращение совокупного спроса на производимую страной продукцию. А если снижение спроса ведет к снижению производства, это понижает совокупный транзакционный спрос на деньги, что ведет к снижению процентной ставки. В результате происходит обесценение национальной валюты на международном валютном рынке. Вследствие корректировки валютного курса возникает так называемый эффект переключения расходов, означающий, что при новом значении валютного курса происходит изменение направления спроса: он переключается с импортной продукции на местную.

Подобное переключение расходов смягчает последствия внешнего шока — снижения спроса на национальную продукцию на мировом рынке. В результате снижения объема производства в стране он может оказаться достаточно небольшим.

В условиях же применения фиксированного курса сокращение спроса на мировом рынке на экспортируемую страной продукцию падение производства будет более существенным. Дело в том, что, согласно «правилам игры», принятым в Бреттон-Вудской валютной системе, Центральный банк будет стремиться предотвратить возможное обесценение валюты, которое происходит, как мы видим, при режиме плавающих курсов. Поэтому Центральный банк, чтобы поддержать на неизменном уровне курс национальной валюты, станет покупать отечественную валюту за иностранные активы.

Подобные действия Центрального банка приведут к изменению предложения денег

---

<sup>2</sup> Выводы об эффективности или неэффективности денежно-кредитной и денежно-налоговой политики в условиях действия различных режимов валютных курсов следуют из модели валютного курса Мандела-Флемминга.

(сокращению), что приведет к уменьшению совокупного объема национального производства. Это сокращение в условиях фиксированных валютных курсов окажется более существенным, чем при режиме плавающего курса.

Таким образом, плавающие курсы в отличие от фиксированных выступают как автоматические стабилизаторы, смягчающие негативные воздействия внешних шоков на национальную экономику.

В случае применения плавающих курсов обесценение национальной валюты делает отечественные товары и услуги дешевле для иностранного покупателя и тем самым частично компенсирует первоначальное сокращение спроса. Кроме того, снижение курса национальной валюты, удорожая импорт, стимулирует отечественное производство, замещающее импорт продукции.

Обесценение валюты не только минимизирует сокращение объема производства вследствие падения внешнего спроса, но и сокращает дефицит платежного баланса по текущим операциям по сравнению с тем, который мог бы образоваться при использовании фиксированных курсов.

Обратим внимание на еще одну особенность функционирования плавающих курсов. Теоретически, если предположить полностью свободное плавание валютного курса в соответствии с изменяющимися внутренними и внешними экономическими условиями, то Центральный банк оказывается свободным от необходимости проводить интервенцию на валютном рынке, что существенно снижает требования к величине официальных иностранных резервов. В условиях же фиксированных курсов Центральный банк должен располагать значительными валютными резервами, поскольку с помощью интервенций он поддерживает неизменными курс национальной валюты. Наличие значительного «буферного запаса» валютных резервов — характерная черта Бреттон-Вудской системы. Однако необходимо отметить, что в современных условиях страны обычно практикуют использование не свободного плавания национальной валюты, когда Центральный банк оказывается в роли пассивного наблюдателя за колебаниями курса отечественных денег, а так называемого «грязного плавания» (*dirty floating* — в англосаксонской литературе). При «грязном плавании» Центральный банк внимательно следит за изменениями валютного курса, смягчает его колебания и корректирует его динамику с помощью валютных интервенций.

В современных условиях очень сложно, если вообще возможно, проводить политику полностью свободного колебания курса валют. И попытки придерживаться такой политики обычно носят временный характер. Например, в начале 1980-х годов администрация президента США Р. Рейгана первоначально проводила, по выражению одного эксперта, политику «святой простоты» по отношению к курсу доллара и отказывалась проводить валютные интервенции. Допустимость проведения интервенций признавались только для чрезвычайных условий. Американская администрация придерживалась точки зрения о том, что рынок способен наилучшим образом определить оптимальный курс доллара. Однако чрезмерное усиление доллара и увеличение протекционистских требований заставили рейгановскую администрацию изменить свою позицию.

В сентябре 1985 года официальные представители США и других стран-членов Группы пяти (G-5) договорились о том, что они будут совместно проводить интервенции на международном валютном рынке с целью снижения стоимости доллара.

Соглашение, достигнутое в отеле Плаза, означало признание американской администрации необходимости применения валютных интервенций для регулирования динамики курса доллара США.

Следовательно, и при плавающем курсе («грязном плавании») Центральный банк должен располагать определенными золотовалютными резервами. Но масштабы этих резервов могут быть менее значительными, чем при фиксированных курсах валют.

### Заключение

Следует отметить, что в то время как денежно-кредитная политика в условиях плавающих курсов обладает высокой эффективностью, бюджетно-налоговая политика государства оказывается менее действенной [1–22]. Обратим внимание на тот факт, что Дж. Кейнс был сторон-

ником эластичных паритетов валют, то есть плавающих валютных курсов. При системе плавающих курсов экспансионистская бюджетно-налоговая политика, хотя и оказывает определенное воздействие на расширение совокупного спроса, но поскольку она приводит к удорожанию национальной валюты и вызывает последующее сокращение экспорта, она тем самым противодействует непосредственному позитивному влиянию данной финансовой политики на совокупный спрос. Выводы об эффективности или неэффективности денежно-кредитной и денежно-налоговой политики в условиях действия различных режимов валютных курсов следуют из модели валютного курса Мандела-Флемминга. Определенным достоинством режима плавающих курсов является то, что они позволяют стране более успешно (чем при фиксированных курсах) приспособляться к изменениям во внешней среде (внешним шокам).

Рассмотрим теперь ситуацию, когда сократился внешний спрос на экспортируемую страной продукцию. Это означает сокращение совокупного спроса на производимую страной продукцию. А если снижение спроса ведет к снижению производства, это понижает совокупный транзакционный спрос на деньги, что ведет к снижению процентной ставки. В результате происходит обесценение национальной валюты на международном валютном рынке. Вследствие корректировки валютного курса возникает так называемый эффект переключения расходов, означающий, что при новом значении валютного курса происходит изменение направления спроса: он переключается с импортной продукции на местную. Подобное переключение расходов смягчает последствие внешнего шока — снижения спроса на национальную продукцию на мировом рынке. В результате снижения объема производства в стране он может оказаться достаточно небольшим. В условиях же применения фиксированного курса сокращение спроса на мировом рынке на экспортируемую страной продукцию падение производства будет более существенным. Дело в том, что, согласно «правилам игры», принятым в Бреттон-Вудской валютной системе, ЦБ будет стремиться предотвратить возможное обесценение валюты, которое происходит, как мы видим, при режиме плавающих курсов. Поэтому ЦБ, чтобы поддерживать на неизменном уровне курс национальной валюты, станет покупать отечественную валюту за иностранные активы.

Подобные действия ЦБ приведут к изменению предложения денег (сокращению), что приведет к уменьшению совокупного объема национального производства. Это сокращение в условиях фиксированных валютных курсов окажется более существенным, чем при режиме плавающего курса. Таким образом, плавающие курсы в отличие от фиксированных выступают как автоматические стабилизаторы, смягчающие негативные воздействия внешних шоков на национальную экономику. В случае применения плавающих курсов обесценение национальной валюты делает отечественные товары и услуги дешевле для иностранного покупателя и тем самым частично компенсирует первоначальное сокращение спроса. Кроме того, снижение курса национальной валюты, удорожая импорт, стимулирует отечественное производство, замещающее импорт продукции. Обесценение валюты не только минимизирует сокращение объема производства вследствие падения внешнего спроса, но и сокращает дефицит платежного баланса по текущим операциям по сравнению с тем, который мог бы образоваться при использовании фиксированных курсов.

Обратим внимание на еще одну особенность функционирования плавающих курсов. Теоретически, если предположить полностью свободное плавание валютного курса в соответствии с изменяющимися внутренними и внешними экономическими условиями, то ЦБ оказывается свободным от необходимости проводить интервенцию на валютном рынке, что существенно снижает требования к величине официальных иностранных резервов. В условиях же фиксированных курсов ЦБ должен располагать значительными валютными резервами, поскольку с помощью интервенций он поддерживает неизменным курс национальной валюты. Наличие значительного «буферного запаса» валютных резервов — характерная черта Бреттон-Вудской системы. Однако необходимо отметить, что в современных условиях страны обычно практикуют использование не свободного плавания национальной валюты, когда ЦБ оказывается в роли пассивного наблюдателя за колебаниями курса отечественных денег, а так называемого «грязного плавания». При «грязном плавании» ЦБ внимательно следит за изменениями валютного курса, смягчает его колебания и корректирует его динамику с помощью валютных интервенций.

На протяжении 1991–2012 годов одной из главных проблем большинства стран СНГ оставалась инфляция, особенно в 1991–1995 годах. Изменение структуры денежной массы и рост ее относительной автономности в странах СНГ привели к возникновению механизмов циклических проявлений в инфляционных процессах. После 1998 года странам СНГ удалось преодолеть наиболее острую фазу инфляционного циклического кризиса. Но и в период экономического роста 2000–2008 годов крупный приток иностранной валюты и рост импорта товаров оказывали сильное инфляционное давление. В 2009 году инфляция замедлилась, на что повлияли снижение доли импортных товаров на внутренних рынках стран СНГ, циклический кризис ликвидности и ужесточение условий кредитования. В связи с этим в 1992–1995 годах в России наблюдалась гиперинфляция, при которой ежегодные темпы роста потребительских цен составляли несколько тысяч (в 1992–1994 годах — несколько сотен) процентов (табл. 20). С 1996 по 2000 год ИПЦ суммарно вырос на 173,9 %. В связи с экономическим кризисом 1998 года ИПЦ в России составил 84,4 %. До 1999 года наблюдается циклообразная тенденция ИПЦ в России, и она составляет 5,2 % от уровня 1992 года. Вместе с тем после российского дефолта, с 1999 по 2008 год, в связи с улучшением экономической ситуации в стране циклообразная тенденция ИПЦ постепенно стабилизируется и составляет 4,4 % от уровня 1992 года. В 2011 и 2012 годах ИПЦ в России составили 107,0 % и 106,8 % соответственно (табл. 1, рис. 1, рис. 2). В 2012–2013 годах рост цен оставался на самом низком уровне за весь период наблюдения — в целом по СНГ он не превышал 5,7 %. На фоне предыдущих лет ухудшение внешнеэкономических факторов в 2014–2015 годах, наряду с нестабильностью валютных рынков стран СНГ, привели к существенному росту инфляции в регионе.

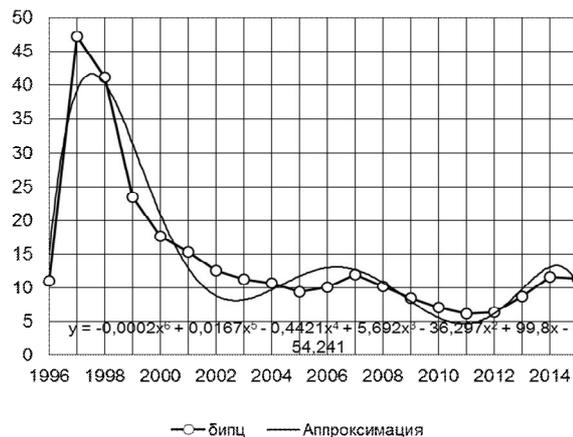
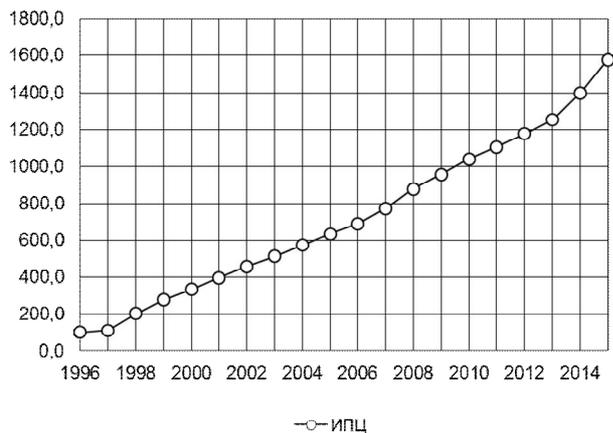
Таблица 1

## ИПЦ (в % к пред. году) и курс национальной валюты

Год	Ежегодный ИПЦ*	ИПЦ в индексах в 1996 году	Единица национальной валюты рублей за 1 долл. США**.	
			на конец года	в среднем за год
1991	100	...		
1992	2608,8	...		
1993	939,9	...	1247	932,15
1994	315,1	...	3550	2204
1995	231,3	...	4640	4554
1996	<b>121,8</b>	<b>100</b>	<b>5560</b>	<b>5218</b>
2000	120,2	335,8	28,16	28,13
2005	110,9	636	28,78	28,28
2010	108,8	1040,1	30,46	30,36
2011	106,1	1104	32,20	29,35
2012	106,6	1176,8	30,37	31,07
2013	106,5	1253,3	32,73	31,82
2014	111,4	1396,1	56,26	37,97
2015	112,9	1576,2	72,88	60,7

\*Декабрь к декабрю.

\*\*С 1998 года — с учетом деноминации российского рубля.



**Рис. 1.** График абсолютных величин в индексах 1996–2015 годов: ИПЦ (1996=100).

**Рис. 2.** Темпы прироста в 1996–2015 годах: ИПЦ —  $d_{инц}$  (1996=100).

В современных условиях очень сложно, если вообще возможно, проводить политику полностью свободного колебания курса валют. И попытки придерживаться такой политики обычно носят временный характер. Следовательно, и при плавающем курсе («грязном плавании») ЦБ должен располагать определенными золото-валютными резервами. Но масштабы этих резервов могут быть менее значительными, чем при фиксированных курсах валют.

#### Литература

1. 25 лет СНГ 1991–2015 гг.: Статистический сборник / МСК СНГ. — М. 2016. — 500 с. Российский статистический ежегодник. 2016: Стат. сб. / Росстат. — М. — 2016. — 725 с.
2. Агеев А. И., Логинов Е. Л. Россия в новой экономической реальности. М.: Институт экономических стратегий, Ассоциация «Аналитика», 2016. — 460 с.
3. Дохолян С. В. Концептуальные подходы к достижению устойчивого экономического развития региона, как социо-экономико-экологической системы / С. В. Дохолян, А. М. Садыкова, А. С. Дохолян // Апробация. — № 5. — 2015. — С. 60–66.
4. Дохолян С. В. Мотивационный менеджмент на предприятиях машиностроительного комплекса / С. В. Дохолян, К. Г. Асриянц. — Махачкала. Изд-во ИСЭИ ДНЦ РАН 2005. — 200 с.
5. Дохолян С. В. Стратегический подход к формированию и реализации региональной социально-экономической политики // Экономика и предпринимательство. — № 9. — 2013. — С. 139–144.
6. Зойдов З. К. Связь между цикличностью эволюционной динамики индекса потребительских цен и обменным курсом национальной валюты в странах постсоветского пространства. Формирование финансово-кредитных механизмов обеспечения стабильности и экономического роста с учетом перспектив развития интеграции в ЕАЭС / Материалы международной научно-практической конференции. Москва, 25–26 февраля 2016 г. / Под ред. чл.-корр. РАН В.А. Цветкова. — М.: ЦЭМИ РАН / ИПР РАН, 2016. — 294 с. — С. 54.
7. Линдерт М. Экономика мирохозяйственных связей. — М. Прогресс, 1992. — С. 346.
8. Международные валютно-кредитные и финансовые отношения. Под ред. Красавиной Л.Н. 3-е изд., перераб. и доп. — М.: 2005. — 576 с.
9. Стратегия регионального развития в условиях инновационных преобразований экономики / В. З. Петросянци, С. В. Дохолян, Д. В. Петросянци, А. А. Баширова; под общ. ред. д. э. н., проф. В. З. Петросянца; РАН; Дагестан. Науч. Центр. Ин-т соц.-экон. исследований. — Москва: Экономика, 2011. — 302 с.
10. Шагалов Г. Л. Вопросы политики валютного курса стран с переходной экономикой // Экономика. Налог. Право. — 2011. — № 1.
11. Шагалов Г.Л. Механизм формирования валютного курса и его влияние на обеспечение экономической безопасности и модернизации. В кн. «Проблемы модернизации российской экономики: Монография» / Под ред. академика РАН Н.Я. Петракова. М.: ЦЭМИ РАН, 2012. — С. 305–320.
12. Шагалов Г. Л., Зойдов З. К. Возможности использования плавающего валютного курса в целях модернизации экономики. Формирование финансово-кредитных механизмов обеспечения стабильности и экономического роста с учетом перспектив развития интеграции в ЕАЭС / Материалы международной научно-практической конференции. Москва, 25–26 февраля 2016 г. / Под ред. чл.-корр. РАН В. А. Цветкова. — М.: ЦЭМИ РАН / ИПР РАН. — 2016. — 294 с. — С. 52–54.
13. Шагалов Г. Л., Зойдов З. К. Вопросы развития интеграционного сотрудничества стран СНГ. Россия в XXI веке: глобальные вызовы и перспективы развития / Материалы Четвертого Международного форума. Москва, 20, 22 октября 2015 г. Под ред. чл.-корр. РАН В. А. Цветкова. — М.: ИПР РАН, 2015. — С. 277–286.
14. Шагалов Г. Л., Зойдов З. К. Национальные интересы России в развитии интеграционного сотрудни-

чества с государствами СНГ и возможности его использования для модернизации // Региональные проблемы преобразования экономики. — 2014. — № 11(49). — С. 215–224.

15. Шагалов Г. Л., Зойдов З. К. Особенности экономической природы международных валютных союзов XX века. Часть I // Региональные проблемы преобразования экономики. — 2015. — № 6(56). — С. 71–81. — № 7(57). — С. 67–73.

16. Шагалов Г. Л., Зойдов З. К. Развитие интеграционного сотрудничества России с государствами СНГ и возможности его использования для модернизации. Международная экономическая интеграция с участием Российской Федерации: опыт, проблемы, перспективы развития / Материалы международной научно-практической конференции. Москва, 29–30 января 2015 г. / Под ред. чл.-корр. РАН В. А. Цветкова. — М.: ЦЭМИ РАН / ИПР РАН. — 2015. — 257 с. — С. 146–160.

17. Шагалов Г. Л., Зойдов З. К. Стратегия использования плавающего валютного курса в целях модернизации экономики. Стратегическое планирование и развитие предприятий. Секция 5 / Материалы Семнадцатого всероссийского симпозиума. Москва, 12–13 апреля 2016 г. Под ред. чл.-корр. РАН Г. Б. Клейнера. — М.: ЦЭМИ РАН, 2016. — 182 с. — С. 177–179.

18. Шагалов Г. Л., Зойдов З. К. Экономическая природа Восточно-Карибского валютного союза. 25 лет СНГ: основные итоги, проблемы, перспективы развития / Материалы международной научно-практической конференции. Москва, 29–30 июня 2016 г. / Под ред. чл.-корр. РАН В. А. Цветкова. — М.: ЦЭМИ РАН / ИПР РАН, 2016. — 291 с. — С. 75–81.

19. Шагалов Г. Л., Зойдов З. К. Экономическая природа международных валютных союзов XIX века // Региональные проблемы преобразования экономики, 2015. — № 2(52). — С. 88–96.

20. Fleming M. Domestic financial policies under fixed and under floating exchange rates, *IMF Staff Papers*, 9 (3), November, 1962.

21. Ussane O., Konan A. Exchange rate variability and imports in WAMU countries: Is this relationship relevant. *World development*. Oxford. 1994. Vol. 22. No. 5.

22. Nuven D. Linkage in Price Level and Inflation Rate Between CFA Frank Zone Countries and France, *IMF Working Paper*, 1994, No. 3.

#### References:

1. 25 years of CIS 1991–2015.: *statisticheskiiy sbornik [MSK CIS. M.; 2016 500 P. Statistical Yearbook of Russia. 2016: Stat. SB. / Rosstat. M., 2016. 725 p.*

2. Ageev A. I., Loginov E. L. *Russia in the new economic reality*. M.: Institute for economic strategies, Association Analytics, 2016. 460 P. (Library of «Strategic Analytics»).

3. Dokholyan S. V. Conceptual approaches to the achievement of sustainable economic development of the region as socio-economic-ecological systems / S. V. Dokholyan, A. M. Sadykov, A. S. Dokholyan // *Testing*. No. 5. 2015. P. 60–66.

4. Dokholyan S. V. Motivation management at the enterprises of machine-building complex / S. V. Dokholyan, K. G. Asriyants. *Makhachkala*. Moscow. ISER DAS RAS 2005. 200 p.

5. Dokholyan S. V. Strategic approach to the development and implementation of regional socio-economic policy // *Economics and entrepreneurship* P. No. 9. 2013. P. 139–144.

6. Fleming M. Domestic financial policies under fixed and under floating exchange rates, *IMF Staff Papers*, 9 (3), November, 1962.

7. *International monetary and financial relations*. Ed Krasavina L. N. 3 Izd., Rev. and extra. M.: 2005. 576 p.

8. Lindert M. *the Economy of world economic relations*. M., Progress, 1992. P. 346.

9. Nuven D. Linkage in Price Level and Inflation Rate Between CFA Frank Zone Countries and France, *IMF Working Paper*, 1994. No. 3.

10. Shagalov G. L. *Issues of exchange rate policy of transition economies // Economics. Taxes. Right*. 2011. No. 1.

11. Shagalov G. L. *The Mechanism of formation of the exchange rate and its impact on economic security and modernisation*. In the book. «Problems of modernization of Russian economy: Monograph», ed. by academician of RAS N. I. Petrakova. M.: CEMI ran, 2012. P. 305–320.

12. Shagalov V. A., Zoidov Z. K. Development Issues of integration cooperation of the CIS countries. *Russia in the XXI century: global challenges and prospects / proceedings of the Fourth International forum*. Moscow, 20, 22 October 2015. Under the editorship of corresponding member RAS V.A. Tsvetkov. M.: MEI, 2015. P. 277–286.

13. Shagalov V. A., Zoidov Z. K. Development of integration cooperation with the CIS countries and the possibility of its use for modernization. *International economic integration with participation of the Russian Federation: experience, problems, prospects of development / Materials of international scientific — practical conference*. Moscow, January 29–30, 2015 / Under the editorship of corresponding member RAS V. A. Tsvetkov. Moscow: CEMI RAS / MEI RAS, 2015. 257 P. P. 146–160.

14. Shagalov V. A., Zoidov Z. K. Economic Features of the nature of the international monetary unions the twentieth Century. Part I // *Regional problems of transformation of the economy*, 2015. No. 6(56). P. 71–81. No. 7(57). P. 67–73.

15. Shagalov V. A., Zoidov Z. K. Economic nature of the Eastern Caribbean currency Union. 25 years of CIS: main results, problems, prospects of development / *Materials of international scientific — practical conference*. Moscow, June 29–30, 2016 / Under the editorship of corresponding member RAS V. A. Tsvetkov. Moscow: CEMI RAS / MEI RAS, 2016. 291 P. P. 75–81.

16. Shagalov V. A., Zoidov Z. K. Economic nature of the international monetary unions of the nineteenth century // *Regional problems of transformation of the economy*, 2015. No. 2(52). P. 88–96.

17. Shagalov V. A., Zoidov Z. K. *Russia's National interests in the development of integration cooperation with*

*the CIS countries and the possibility of its use for upgrading // Regional problems of transformation of the economy, 2014. No. 11(49). P. 215–224.*

18. Shagalov V. A., Zoidov Z. K. *The possibility of using floating exchange rate in order to modernize the economy. Formation of financial-credit mechanisms of stability and economic growth, taking into account prospects of development of the integration in the EAEU / Materials of international scientific-practical conference. Moscow, February 25–26, 2016 / Under the editorship of corresponding member RAS V. A. Tsvetkov. Moscow: CEMI RAS / MEI RAS, 2016. 294 P. P. 52–54.*

19. Shagalov V. A., Zoidov Z. K. *the Strategy of using floating exchange rate in order to modernize the economy. Strategic planning and enterprise development. Section 5 / proceedings of the Seventeenth all — Russian Symposium. Moscow, April 12–13, 2016. Under the editorship of corresponding member RAS G. B. Kleiner. Moscow: CEMI RAS, 2016. 182 P. P. 177–179.*

20. *The regional development strategy in the conditions of innovative transformations of economy / V. Z. Petrosyants, S. V. Dokholyan, D. V. Petrosyants, A. A. Bashirova; Ls. Ed. doctor of Economics, Professor V. Z. Petrosyants. Russian Academy of Sciences, Dagestan. Scientific. Centre, Institute of social. Econ. Research. Moscow: Economics, 2011. 302 p.*

21. Ussane O., Konan A. *Exchange rate variability and imports in WAMU countries: Is this relationship relevant. World development. Oxford. 1994. Vol. 22. No. 5.*

22. Zoidov Z. K. *Relationship between cyclic evolutionary dynamics of consumer price index and exchange rate of the national currency in the countries of the former Soviet Union. Formation of financial-credit mechanisms of stability and economic growth, taking into account prospects of development of the integration in the EAEU / Materials of international scientific-practical conference. Moscow, February 25–26, 2016 / Under the editorship of corresponding member RAS V. A. Tsvetkov. Moscow: CEMI RAS / MEI RAS, 2016. 294 p. P. 54–71.*

# МАТЕМАТИЧЕСКИЕ И ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫЕ МЕТОДЫ ЭКОНОМИКИ

---

УДК 330. 368: 339. 91

**КОБИЛ ШАБНАМИ**

младший научный сотрудник ФГБУН «Институт проблем рынка РАН»,  
e-mail: shabnam.91@list.ru

**ЗОИДОВ ХУРШЕДЖОН КОБИЛДЖОНОВИЧ**

младший научный сотрудник ФГБУН «Институт проблем рынка РАН»,  
e-mail: mirkhusred@mail.ru

## МОДЕЛИРОВАНИЕ АНАЛИЗА ЦИКЛИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ СТРУКТУРЫ И МЕХАНИЗМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНТЕГРИРОВАННОГО КЛАСТЕРА РЫНКОВ ТОПЛИВНО-ЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ РЕСУРСОВ ГОСУДАРСТВ-ЧЛЕНОВ ЕАЭС<sup>1</sup>

**Аннотация. Предмет.** В статье рассматриваются проблемы моделирования анализа циклической динамики структуры и механизмы регулирования интегрированного кластера рынков топливно-энергетических ресурсов (ТЭР) стран ЕАЭС в условиях нестабильности. **Цель работы.** Формирование механизмов регулирования циклической динамики структуры и интегрированного кластера рынков ТЭР и обоснование механизма структурирования и интеграции названных рынков стран ЕАЭС. **Методология проведения работы.** На основе комплексного анализа социально-экономических проблем устойчивого развития региональной экономической интеграционной системы разработаны методические и практические рекомендации по формированию интегрированного кластера рынков топливно-энергетических ресурсов стран ЕАЭС с учетом перспектив его расширения. Кластер рынков ТЭР в ЕАЭС должен представлять собой организационно-взаимосвязанную по определенным профилям организационную структуру оформления ранее неструктурированного или слабоструктурированного рыночного оборота ТЭР. **Результаты работы.** Предлагается переводение торгового оборота ТЭР в пул электронных торговых систем в рамках структурированных финансово-хозяйственных связей стран ЕАЭС с учетом и перспектив его расширения. На этой основе обосновываются организационно-экономические механизмы координации ценовой политики и регулирования объемов и иных показателей при поставках, хранении и транспортировке ТЭР. **Выводы.** Предложены подходы к координации в этом едином рыночном механизме зон обращения национальных валют (с опорой на расчеты в рублях) стран ЕАЭС с подготовкой перехода к единой валюте. **Область применения результатов.** Рассмотренные в статье проблемы моделирования анализа циклической динамики структуры и механизмы регулирования интегрированного кластера рынков топливно-энергетических ресурсов могут быть использованы для совершенствования и модернизации экономики стран ЕАЭС при становлении на путь устойчивого развития.

**Ключевые слова:** моделирование анализа циклической динамики структуры, топливно-энергетические ресурсы, механизмы регулирования интегрированного кластера рынков, страны ЕАЭС, социально-экономические кризисы, производственные зависимости, модернизация, интеграционные процессы.

---

**KOBIL SHABNAM I**

Junior Research Associate of FSBIS "Institute of Market Problems of the RAS",  
e-mail: shabnam.91@list.ru

**ZOIDOV KHURSHEDJON KOBILDZHONOVICH**

Junior Research Associate of FSBIS "Institute of Market Problems of the RAS",  
e-mail: mirkhusred@mail.ru

---

<sup>1</sup> Исследование проведено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 16-36-00420 мол\_а).

## MODELING OF ANALYSIS OF CYCLIC DYNAMICS OF STRUCTURE AND MECHANISMS OF REGULATION OF THE INTEGRATED CLUSTER OF MARKETS OF FUEL AND ENERGY RESOURCES OF MEMBER STATES

**Abstract. The subject.** The manuscript discusses the problems of modelling the analysis of cyclic dynamics of the structure and the mechanisms of regulation of the integrated cluster of markets of the fuel-energy resources (FER) of the EEU countries in the conditions of instability. **The goal of the study.** Forming mechanisms of regulation of the cyclic dynamics of the structure and the integrated clusters of markets of the FER and substantiation of the mechanism of structuring and integration of the designated markets of the countries of the EEU. **The methodology of performing the study.** Based on a complex analysis of the social-economic problems of sustainable development of the regional economic integrated system, methodical and practical recommendations have been developed on the formation of a cluster of markets of the fuel-energy resources of the countries of the EEU taking into account the prospects of its expansion. The cluster of markets of the FER in the EEU has to represent the organizational-interconnected on certain profiles organizational structure of preparing the previously unstructured or semistructured market turnover of the FER. **The results of the study.** It is suggested to transition the trading turnover of the FER into the pool of electronic trading systems in the context of structured financial-economic connections of countries of the EEU taking into account the prospects of its expansion as well. Based on this, organizational-economic mechanisms of coordination of the pricing policy and regulating the volumes and other indicators when supplying, preserving and transporting the FER are substantiated. **Conclusions.** Approaches are suggested for the coordination in this one market mechanism of zones of turnover of the national currencies (backed on calculations in roubles) of countries of the EEU preparing to transition to a single currency. **The area of application of the results.** The problems of modelling of analysis of cyclic dynamics of the structure and mechanisms of regulation of the integrated cluster of markets of the fuel-energy resources discussed in the manuscript may be used to improve and modernize the economy of the countries of the EEU when taking up the road of sustainable development.

**Keywords:** modelling analysis of the cyclical dynamics of the structure, the fuel-energy resources, the mechanisms of regulation of the integrated cluster of markets, the countries of the EEU, social-economic crises, production dependencies, modernization, integrational processes.

---

### Введение

В период 2014–2015 годов падение мировых цен на сырьевые ресурсы, оказавшее девальвационное давление на национальные валюты большинства стран ЕАЭС, предопределило циклический спад в экономической системе. В результате в целом по Союзу индекс физического объема ВВП к уровню 2014 года составил 97,1 %, объем промышленного производства сократился на 3,3 %, оборота розничной торговли — на 8,7 %, инвестиций в основной капитал — на 6,5 %. Преодолению кризисных последствий и последовательному обеспечению выхода на качественно новый уровень развития, характеризующийся устойчиво растущей экономикой, должна способствовать реализация «Стратегии экономического развития СНГ на период до 2020 года». Основной целью ее является придание дополнительных импульсов экономическому взаимодействию государств — членов ЕАЭС, обеспечение устойчивого развития, экономической безопасности, повышение благосостояния и качества жизни населения на основе синергетического эффекта и эффекта масштаба, конкурентоспособности национальной экономики государств — членов ЕАЭС и укрепления их позиций в мировой хозяйственной системе.

На современном этапе развития первостепенное значение приобретает инновационная деятельность, которая должна стать основным фактором роста конкурентоспособности продукции на мировых рынках. Для создания необходимых условий, обеспечивающих переход экономики стран ЕАЭС от экспортно-сырьевого к инновационному типу развития, была разработана «Межгосударственная программа инновационного сотрудничества государств — участников СНГ на период до 2020 года». Реализация Программы нацелена на создание условий для повышения конкурентоспособности экономики государств — членов ЕАЭС, улучшения

качества жизни населения, реализации приоритетов экономического развития в инновационной сфере на основе эффективного взаимодействия национальных инновационных систем. Однако практическое осуществление идей, касающихся инновационной деятельности, пока проходит медленными темпами. Препятствиями на этом пути остаются недостаточный технико-технологический уровень производства, требующая ускоренного развития правовая база, ограниченность финансовых ресурсов развития инновационной деятельности. В настоящее время доля инновационной продукции в общем объеме отгруженной продукции в Белоруссии составляет 14 %, России — 9 %, в остальных государствах — членах ЕАЭС не превышает 3 % [1–20].

В современных условиях эффективность ранее сложившихся механизмов управления, в том числе использования топливно-энергетических балансов, административно устанавливаемого цено- и тарифообразования несколько снизилась. Для повышения эффективности государственного управления необходимо формирование нового качества управления национальным рыночным комплексом России и других стран ЕАЭС через регулирование сложившегося рыночного оборота нефти и газа на основе формирования системы нефтяных и газовых рынков государств-членов ЕАЭС [1–3, 8–13]. Формирование общих рынков газа, нефти и нефтепродуктов ЕАЭС и пути развития в условиях макроэкономической нестабильности будет способствовать развитию взаимосвязанных отраслей государств-членов ЕАЭС, таких как сервисные услуги в нефтегазовой отрасли, нефтегазохимия, электроэнергетика, транспорт, металлургия, машиностроение и другие, что позволит достичь мультипликативного эффекта и новых точек роста национальных экономик. Такой кластер нефтяных и газовых рынков государств — членов ЕАЭС представляет собой организационно-взаимосвязанную по определенным профилям структуру организационного оформления («упаковки») неструктурированного или слабоструктурированного рыночного оборота путем электронных торговых систем в рамках структурированных финансово-хозяйственных связей, а также зоны обращения национальных валют (с опорой на расчеты в рублях).

### **1. Анализ циклической динамики структуры топливно-энергетических ресурсов промышленности России**

Объем промышленного производства России. До 1998 года наблюдалось сокращение объемов промышленного производства (48 %): с 1999 по 2008 год идет рост, в 1999 году этот показатель составлял 52 % от уровня 1991 года. Объем промышленного производства в 2008 году составил в действующих ценах 23 669 млрд руб. (954 млрд долл. ), что на 2 % больше, чем в 2007 году. После мирового финансового циклического кризиса 2007–2008 годов объем промышленного производства в 2009 году упал на 9 %. С 2010-го этот показатель растет и в 2013 году составляет 89 % от уровня 1991 года. В 2013 году объем промышленного производства в текущих ценах оценивался в 1300,2 млрд долларов. В период с 2014–2015 годов этот показатель падает и в 2015 году составляет 88 % от уровня 1991 года. Индекс промышленного производства в 2015 году по сравнению с 2014 годом составил 96,6 %, при этом наибольшее снижение наблюдается в обрабатывающей промышленности (94,6 %). В 2015 году объем промышленного производства в текущих ценах оценивался в 790,8 млрд долларов (табл. 1, рис. 1, рис. 2).

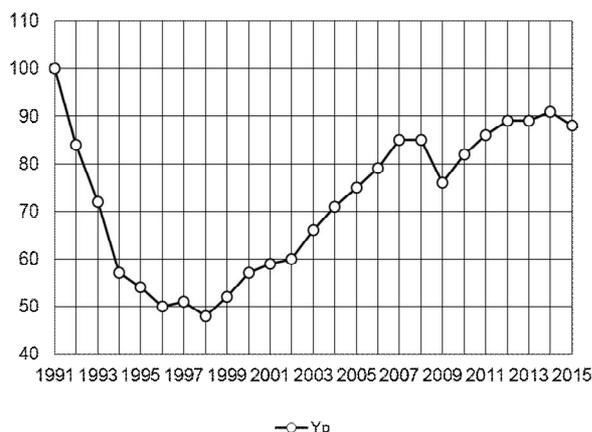
Таблица 1

**Промышленность России в период с 1991–2015 годов\* [1]**

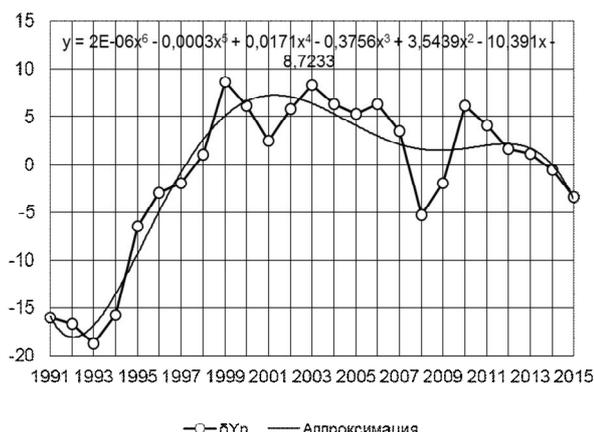
Годы	Y <sub>p</sub> в индексах	Y <sub>p</sub> <sup>1</sup> млрд долл.	E <sub>э</sub>	E <sub>э</sub> (млрд кВт/ч)	P <sub>n</sub>	P <sub>n</sub> (млн т)	G <sub>г</sub>	G <sub>г</sub> (млрд куб. м)
1991	100	2239	100	1068	100	462	100	643
1992	84	961	94,4	1008	86,4	399	99,7	641
1995	54	243	80,5	860	66,5	307	92,5	595
2000	57	169	82,2	878	70,1	324	90,8	584
2005	75	482	89,2	953	101,7	470	99,7	641
2010	82	947,4	97,2	1038	109,3	505	101,2	651
2011	86	1194,3	98,8	1055	110,7	511,4	104,4	671
2012	89	1230,2	100,1	1069	112,4	519	101,9	655
2013	89	1300,2	99,2	1059	113,0	522	103,9	668
2014	91	1188,2	99,6	1064	113,9	526	100,0	643
2015	88	790,8	99,9	1067	115,4	533	98,4	633

\* Y<sub>p</sub> — индексы объема продукции промышленности, E<sub>э</sub> — производство электроэнергии, P<sub>n</sub> — добыча нефти, включая газовый конденсат, G<sub>г</sub> — добыча газа естественного.

<sup>1</sup> С 2005 года — объем отгруженных товаров собственного производства, работ и услуг, выполненных собственными силами.



**Рис. 1.** График абсолютных величин в индексах 1991–2015 годов: объем промышленного производства — Y<sub>p</sub>.



**Рис. 2.** Темпы прироста в 1991–2015 годах: объем промышленного производства — dY<sub>p</sub>.

**Циклическая динамика структуры промышленности России.** В периоде с 1991–2015 годов в структуре промышленности заметно увеличилась доля отраслей топливно-энергетического комплекса (ТЭК) и металлургии, и одновременно сильно уменьшилась доля легкой промышленности, весьма существенно — машиностроения, промышленности строительных материалов и лесопромышленного комплекса. На сырьевые отрасли, включая отрасли, связанные с начальным переделом, приходится более 60 % производства. Россия занимает первое место в мире по производству природного газа и добыче нефти; третье место по выплавке чугуна и производству пиломатериалов; четвертое — по добыче бурого угля, производству стали, готового проката черных металлов, выпуску минеральных удобрений; пятое — по добыче железной руды и вывозке деловой древесины. Доля промышленных изделий составляет менее 20 %. Даже в 1996–1998 годах этот показатель не опускался ниже 23 %. Количество образцов новой техники сократилось на 25 %, а доля принципиально новых видов продукции в общей товарной продукции машиностроения упала с 3 до 1, % (табл. 2).

## Структура продукции промышленности России по видам экономической деятельности (КДЕС, ред. 2) (в тек. ц.; % к итогу) в период 2000–2015 годах [1]

Отрасли промышленности				
	2000	2005	2010	2015
Промышленность — всего в том числе:	100	100	100	100
Добыча полезных ископаемых	17,5 <sup>2</sup>	22,5	21,6	23,7
Обрабатывающая промышленность, из нее:		65,1	65,6	66,6
Производство пищевых продуктов, включая напитки, и табака	11,1 <sup>4</sup>	10,9	11,3	12,0
Текстильное производство и производство одежды, кожи, изделий из кожи и обуви	1,4 <sup>5</sup>	0,9	0,9	0,7
Обработка древесины и производство изделий из дерева (кроме мебели)	4,0 <sup>6</sup>	1,1	0,9	0,9
Производство химической продукции	5,6 <sup>7</sup>	4,9	5,0	5,3
Производство прочих неметаллических минеральных продуктов	2,4 <sup>8</sup>	3,1	2,9	2,4
Производство основных металлов и готовых металлических изделий, кроме машин и оборудования	10,4 <sup>9</sup>	14,0	11,9	10,6
Машиностроение	16,3 <sup>10</sup>	12,9	13,3	12,4
Обеспечение (снабжение) электроэнергией, газом, паром и кондиционированным воздухом	7,9 <sup>11</sup>	12,41	12,81	9,71
Водоснабжение, очистка, обработка отходов и получение вторичного сырья	...	...	...	...

<sup>1</sup>Производство и распределение электроэнергии, газа и воды.

<sup>2</sup>Топливная промышленность.

<sup>3</sup>Топливо-энергетическая промышленность.

<sup>4</sup>Пищевая промышленность.

<sup>5</sup>Легкая промышленность.

<sup>6</sup>Лесная, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная промышленность.

<sup>7</sup>Химическая и нефтехимическая промышленность.

<sup>8</sup>Промышленность строительных материалов.

<sup>9</sup>Черная и цветная металлургия.

<sup>10</sup>Машиностроение и металлообработка.

<sup>11</sup>Электроэнергетика.

Структурные особенности промышленной динамики в 2015 году по отношению к 2014-му определяются слабым ростом добычи полезных ископаемых (100,3 %) при усилении спада обрабатывающего производства (94,5 %). Динамика снижения промышленного производства указывает на то, что признаков оживления в экономике нет и, напротив, спад ускоряется. Промышленность сокращается на фоне роста издержек (удорожание кредитов, комплектующих из-за девальвации), дефицита инвестиций (дорогие кредитные деньги), низкого платежеспособного спроса в результате резкого сокращения заработных плат. Индекс промышленного производства в 2015 году по сравнению с 2014-м снизился на 3,4 %, добыча полезных ископаемых выросла на 0,3 %, обрабатывающие производства потеряли 5,4 %, производство и распределение электроэнергии, газа и воды снизилось на 1,6 %. Положительная динамика в годовом выражении в 2015 году фиксировалась только в химическом производстве (106,3 %), в производстве кокса и нефтепродуктов (100,3 %) и в производстве пищевых продуктов (102,0 %).

**Производство электроэнергии.** До 1998 года происходит резкое сокращение тенденции производства электроэнергии в России на 77,4 % от уровня 1991 года. После российского дефолта, с 1999 по 2008 год, производство электроэнергии постепенно увеличивается и составляет 97,4 % от уровня 1991 года. В 2009 году производство электроэнергии в России уменьшается и составляет 92,9 % от уровня 1991 года. Далее, с 2010 по 2012 год, производство электроэнергии увеличивается и составляет 100,1 % от уровня 1991 года. В 2013 году производство электроэнергии уменьшается (99,9 % от уровня 1991 года) и далее до 2015 года увеличивается и составляет 99,9 % от уровня 1991 года (рис. 3, рис. 4).

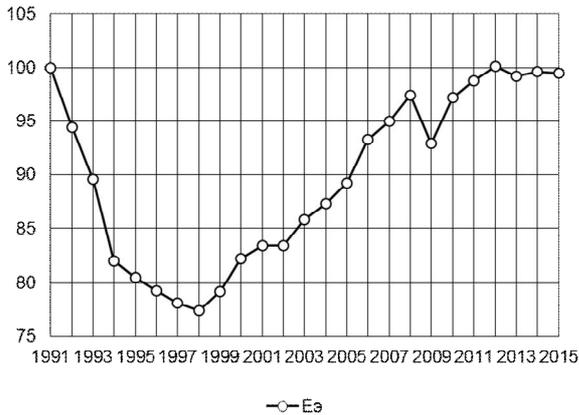


Рис. 3. График абсолютных величин в индексах 1991–2015 годов: производства электроэнергии —  $E$ .

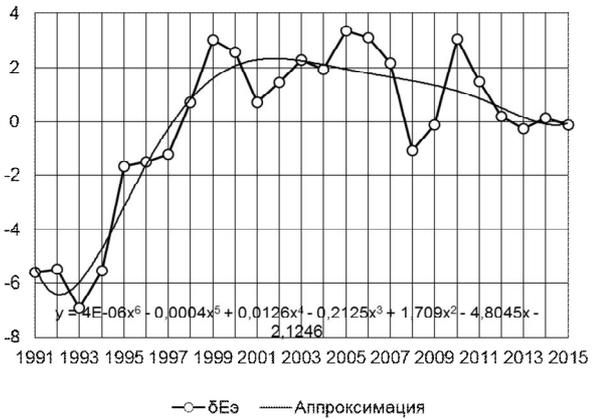


Рис. 4. Темпы прироста в 1991–2015 годах: производства электроэнергии —  $dE$ .

Добыча нефти, включая газовый конденсат. В структуре промышленного производства России за 1991–2015 годы произошли значительные изменения. Возросла доля добычи топливно-энергетических полезных ископаемых и металлургического производства. Доля других отраслей обрабатывающей промышленности снизилась. Удельный вес производства пищевых продуктов увеличился и достиг уровня 1991 года. До 1998 года происходит резкое сокращение тенденции добычи нефти (включая газовый конденсат) в России на 65,6 % от уровня 1991 года. После российского дефолта, с 1999 по 2007 год, добыча нефти постепенно увеличивается и составляет 106,3 % от уровня 1991 года. В 2008 году добыча нефти уменьшается и составляет 105,6 % от уровня 1991 года. Далее, с 2009 года, добыча нефти увеличивается, и в 2015 году составляет 115,4 % от уровня 1991 года (рис. 5, рис. 6).

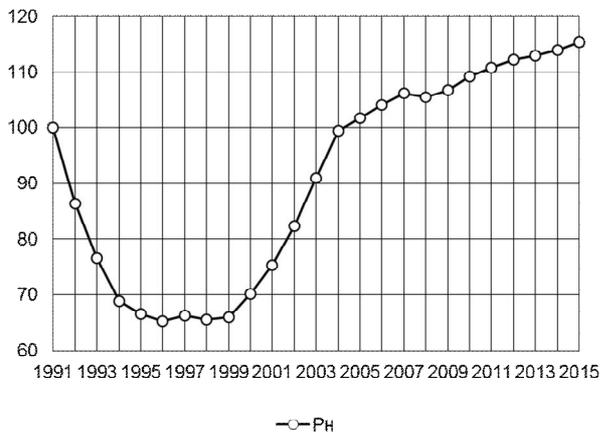


Рис. 5. График абсолютных величин в индексах 1991–2015 годов: добыча нефти, включая газовый конденсат, —  $P_n$ .

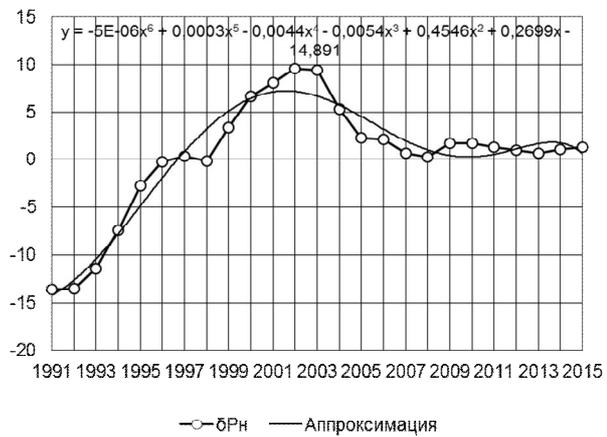
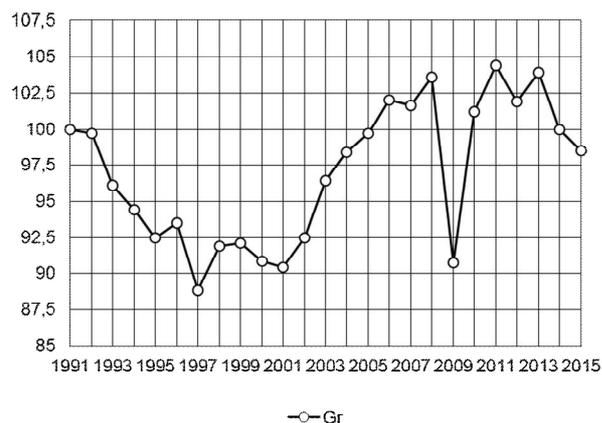
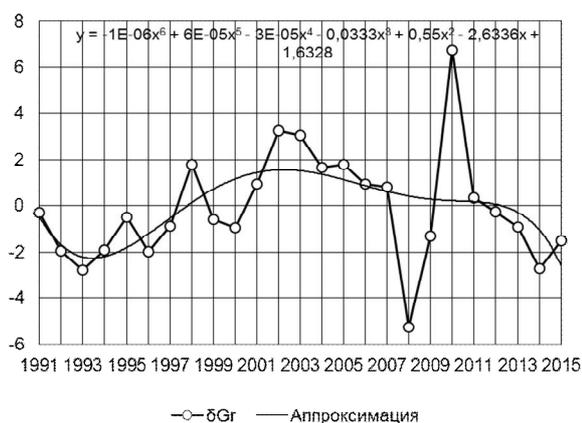


Рис. 6. Темпы прироста в 1991–2015 годах: добыча нефти, включая газовый конденсат, —  $dP_n$ .

Добыча газа естественного. До 1995 года происходит сокращение тенденции добычи газа в России на 92,5 % от уровня 1991 года. С 1996 по 1998 год этот показатель то растет, то падает и в 1997 года составляет 91,9 % от уровня 1991 года. После российского дефолта, с 1999 по 2008 год, добычи газа постепенно увеличивается и составляют 103,6 % от уровня 1991 года. В 2009 году добыча газа в России уменьшается и составляет 90,7 % от уровня 1991 года. Далее, с 2010 по 2012 год, добыча газа увеличивается и составляет 104,4 % от уровня 1991 года. С 2013 по 2015 год добыча газа в России циклообразно уменьшается и составляет 98,4 % от уровня 1991 года (рис. 7, рис. 8).

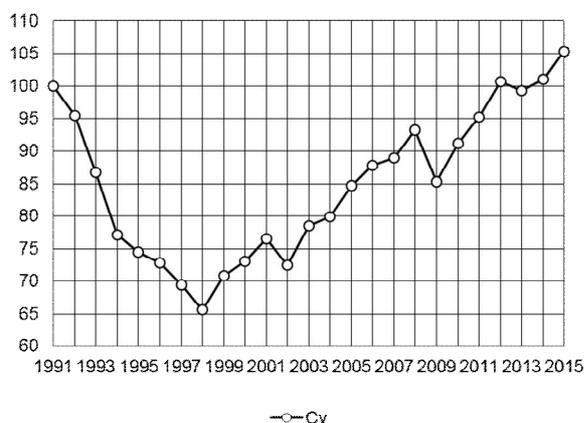


**Рис. 7.** График абсолютных величин в индексах 1991–2015 годов: добыча газа естественного — **G**.

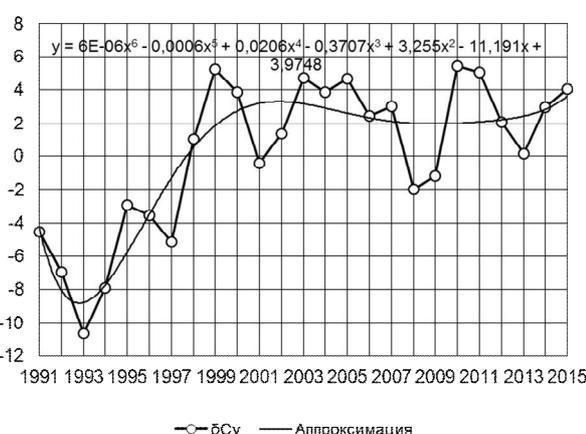


**Рис. 8.** Темпы прироста в 1991–2015 годах: добыча газа естественного — **dG**.

**Добыча угля.** Страны СНГ располагают огромными запасами угля. Доля стран СНГ в мировых угольных ресурсах без малого составляет почти половину совокупного объема. Из стран СНГ, помимо России, богаты углем Украина и Казахстан. Меньше запасами угля обеспечена Грузия, Узбекистан, Киргизия и Таджикистан. Россия остается крупнейшей угольной страной и одним из мировых лидеров по производству угля. В недрах России сосредоточена треть мировых ресурсов и пятая часть разведанных запасов углей. Общие кондиционные ресурсы угля России превышают 4 трлн т, в том числе балансовые запасы промышленных категорий — около 200 млрд т. (рис. 9, рис. 10).



**Рис. 9.** График абсолютных величин в индексах 1991–2015 годов: добыча угля — **Cy**.



**Рис. 10.** Темпы прироста в 1991–2015 годах: добыча угля — **dCy**.

До 1998 года происходит резкое сокращение тенденции производства добычи угля в России на 65,7 % от уровня 1991 года. Затем, после российского дефолта с 1999 по 2008 год, в связи с улучшением экономической ситуации постепенно увеличивается добыча угля и составляет 93,2 % от уровня 1991 года. В 2009 году в связи с мировым экономическим кризисом добыча угля в России уменьшается и составляет 85,3 % от уровня 1991 года. Далее, в 2010 году, добыча угля увеличивается и составляет 89,8 % от уровня 1991 года.

## 2. Анализ циклической динамики структуры топливно-энергетических ресурсов промышленности Белоруссии

Объем промышленного производства Белоруссии. Республика Беларусь — экспортоориен-

тированное государство с развитой промышленностью, сектором услуг и сельским хозяйством. Страна входит в число лидеров среди мировых экспортеров грузовых автомобилей, тракторов, дорожно-строительной и коммунальной техники. Каждый десятый колесный трактор, выпускаемый сегодня в мире, носит имя «Беларусь». Беларусь выпускает 17 % всех комбайнов в мире, 6 % тракторов, 6,4 % льноволокна и 1,6 % картофеля, а доля производителя карьерных самосвалов БелАЗ на мировом рынке достигает 30 %. Производя 1,4 % мировых объемов молока, в экспорте молочных продуктов страна занимает 2,4 %, а по сливочному маслу — 4,6 %<sup>2</sup>. До 1995 года в Белоруссии наблюдался спад промышленного производства: в 1995 году объем промышленного производства составлял около 62 % от уровня 1991 года. В 1996–2008 годах в Белоруссии наблюдается рост промышленного производства, причем в 1997–1999, 2004–2006 годах и 2008-м значения темпов роста были двухзначными. После мирового финансового циклического кризиса 2007–2008 годов объем промышленного производства в 2009 году упал на 3 %. С 2010 года объем промышленного производства Белоруссии растет, и в 2014 года этот показатель составил 247 % от уровня 1991 года и в текущих ценах оценивался в 65,7 млрд долларов. В 2015 году объем промышленного производства падает и составляет 231 % от уровня 1991 года. В 2015 году объем промышленного производства в текущих ценах оценивался в 44,9 млрд долларов (табл. 3, рис. 11, рис. 12).

Таблица 3

Промышленность Белоруссии в период с 1991–2015 годов\* [1]

Годы	$Y_p$ в индексах	$Y_p^1$ млрд долл.	$E_z$	$E_z$ (млрд кВт/ч)	$P_n$	$P_n$ (млн т)	$G_r$	$G_r$ (млрд куб. м)
1991	100	158,3	100,0	38,7	100,0	2,1	100,0	0,3
1995	62	11,4	64,3	24,9	90,5	1,9	100,0	0,3
2000	102	13,8	67,4	26,1	90,5	1,9	100,0	0,3
2005	152	29,9	80,1	31	85,7	1,8	66,7	0,2
2010	220	55,8	90,2	34,9	81,0	1,7	66,7	0,2
2011	240	62	83,2	32,2	81,0	1,7	66,7	0,2
2012	254	73,6	79,6	30,8	81,0	1,7	66,7	0,2
2013	242	67,5	81,4	31,5	76,2	1,6	66,7	0,2
2014	247	65,7	89,7	34,7	76,2	1,6	66,7	0,2
2015	231	44,9	87,3	33,8	76,2	1,6	66,7	0,2

\*  $Y_p$  — индексы объема продукции промышленности,  $E_z$  — производство электроэнергии,  $P_n$  — добыча нефти, включая газовый конденсат,  $G_r$  — добыча газа естественного.

<sup>1</sup>С 2005 года — объем отгруженных товаров собственного производства; работ и услуг, выполненных собственными силами.

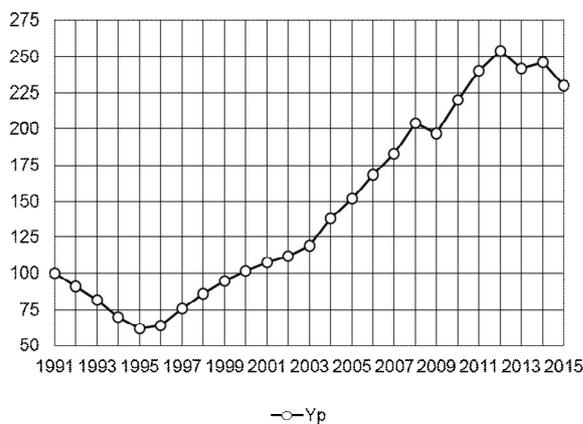


Рис. 11. График абсолютных величин в индексах 1991–2015 годов: объем промышленного производства —  $Y_p$ .

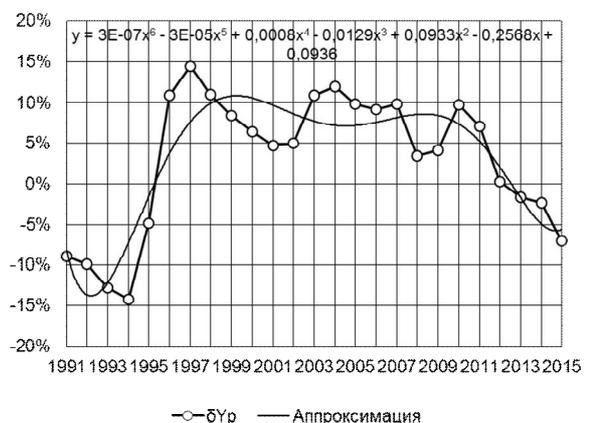


Рис. 12. Темпы прироста в 1991–2015 годах: объем промышленного производства —  $dY_p$ .

<sup>2</sup>Официальный сайт президента Республики Беларусь. URL: [http://president.gov.by/ru/economy\\_ru/](http://president.gov.by/ru/economy_ru/).

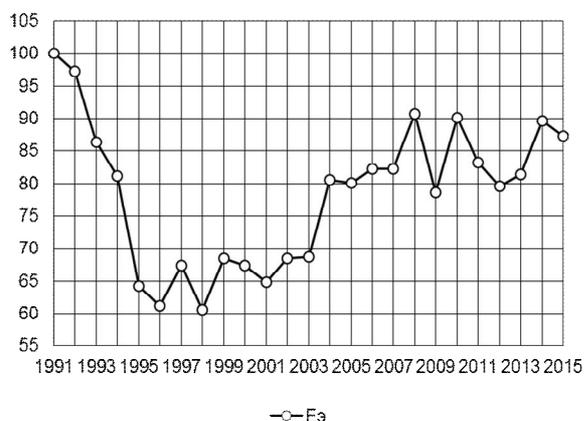
*Циклическая динамика структуры промышленности Белоруссии.* Основу промышленного производства республики составляет обрабатывающая промышленность, на долю которой приходится почти 90 % общего объема производства продукции промышленности (табл. 4).

Таблица 4

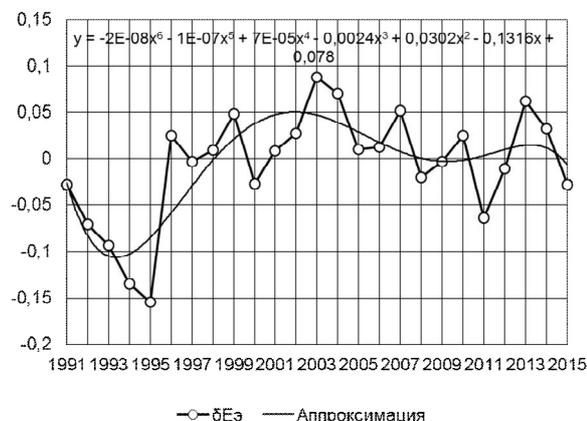
**Структура продукции промышленности Белоруссии по видам экономической деятельности (КДЕС, ред. 2) (в тек. ц. ; в % к итогу) в период 2000–2015 годов [1]**

Отрасли промышленности				
	2000	2005	2010	2015
Промышленность – всего, в том числе:	100	100	100	100
Добыча полезных ископаемых	1,3	2,5	0,8	1,4
Обрабатывающая промышленность, из нее:	86,0	87,7	89,6	88,0
Производство пищевых продуктов, включая напитки, и табака	19,7	17,6	20,1	24,0
Текстильное производство и производство одежды, кожи, изделий из кожи и обуви	8,8	4,9	4,2	3,5
Обработка древесины и производство изделий из дерева (кроме мебели)	1,7	1,9	1,5	2,0
Производство химической продукции	9,4	8,8	9,0	11,5
Производство прочих неметаллических минеральных продуктов	3,5	4,0	5,2	4,4
Производство основных металлов и готовых металлических изделий, кроме машин и оборудования	4,8	5,9	6,9	6,0
Машиностроение	16,9	19,0	17,4	13,0
Обеспечение (снабжение) электроэнергией, газом, паром и кондиционированным воздухом <sup>1</sup>	12,7	9,8	9,6	10,6
Водоснабжение, очистка, обработка отходов и получение вторичного сырья				

*Производство электроэнергии.* До 1998 года происходит резкое циклообразное сокращение тенденции производства электроэнергии в Белоруссии на 23,5 % от уровня 1991 года. После российского дефолта, с 1999 по 2008 год, постепенно увеличивается производство электроэнергии и составляет 90,7 % от уровня 1991 года. В 2009 году производство электроэнергии в Белоруссии уменьшается и составляет 78,6 % от уровня 1991 года. Далее, в 2010 году, производство электроэнергии увеличивается и составляет 90,2 % от уровня 1991 года. После, за период с 2011 по 2013 год, производство электроэнергии уменьшается и составляет 81,4 % от уровня 1991 года. В 2014 году этот показатель составил 89,7 % от уровня 1991 года и в текущих ценах оценивался в 34,7 млрд долл. (рис. 13, рис. 14).

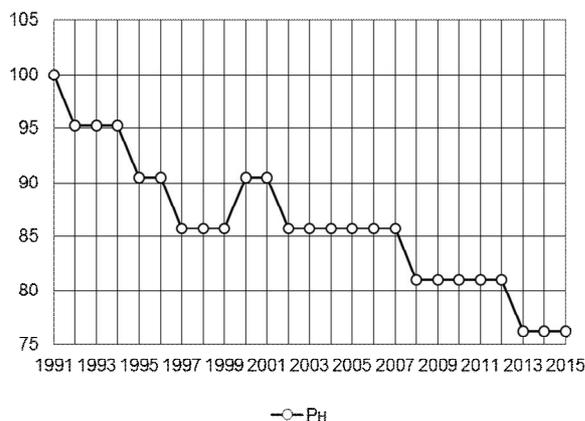


**Рис. 13.** График абсолютных величин в индексах 1991–2015 годов: производства электроэнергии — E.

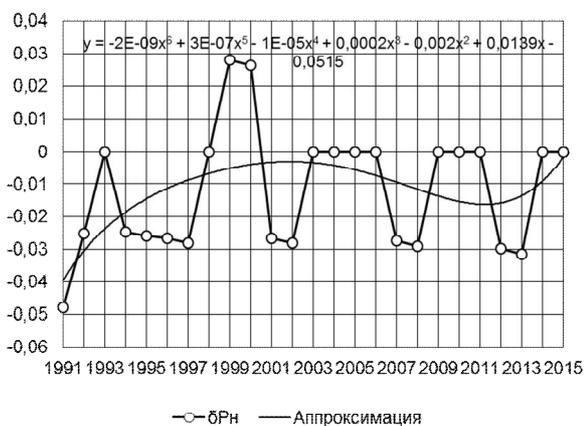


**Рис. 14.** Темпы прироста в 1991–2015 годах: производство электроэнергии — dE.

*Добыча нефти, включая газовый конденсат.* До 1998 года происходит сокращение тенденции добычи нефти (включая газовый конденсат) в Белоруссии на 85,7 % от уровня 1991 года. После российского дефолта, с 1999 по 2008 год, постепенно циклообразно уменьшается добыча нефти и составляет 81,0 от уровня 1991 года. В 2009 году добыча нефти не уменьшается и составляет также 81,0 % от уровня 1991 года. Далее, в 2014 году, добыча нефти уменьшается и составляет 76,2 % от уровня 1991 года (рис. 15, рис. 16).

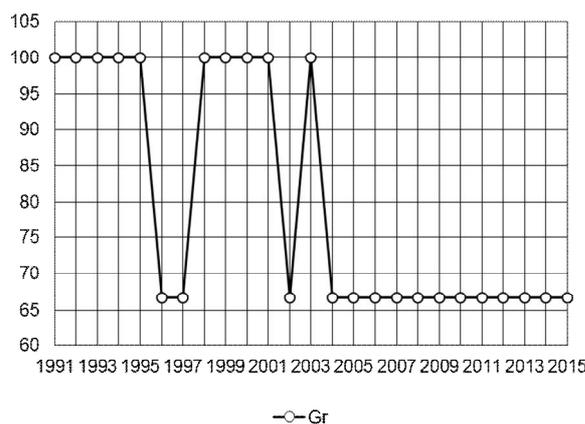


**Рис. 15.** График абсолютных величин в индексах 1991–2015 годов: добыча нефти, включая газовый конденсат, —  $P_n$ .

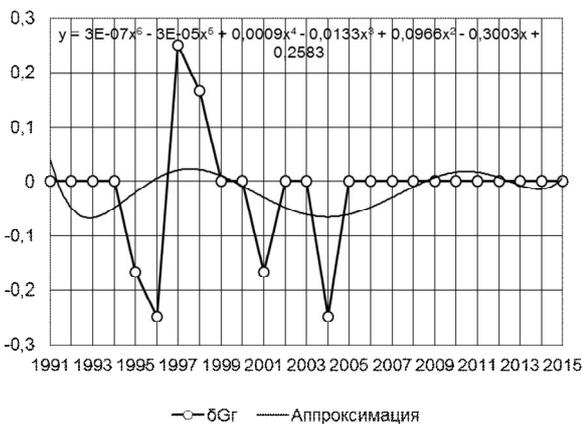


**Рис. 16.** Темпы прироста в 1991–2015 годах: добыча нефти, включая газовый конденсат, —  $dP_n$ .

*Добыча газа естественного.* До 1995 года происходит сохранение постоянной тенденции добычи газа в Белоруссии на 100,0 % от уровня 1991 года. С 1996 по 2005 год этот показатель то растет, то падает и в 2005 году составляет 66,7 % от уровня 1991 года. Далее, с 2005 года по 2015 год, добыча газа имеет постоянную тенденцию и составляет 66,7 % от уровня 1991 года (рис. 17, рис. 18).



**Рис. 17.** График абсолютных величин в индексах 1991–2015 годов: добыча газа естественного —  $G$ .



**Рис. 18.** Темпы прироста в 1991–2015 годах: добыча газа естественного —  $dG$ .

### 3. Анализ циклической динамики структуры топливно-энергетических ресурсов промышленности Казахстана

*Объем промышленного производства Казахстана.* До 1995 года наблюдалось сокращение объемов промышленного производства (48 % от уровня 1991 года): с 1995 по 1997 год идет циклообразный рост, в 1998 году этот показатель составлял 49 % от уровня 1991 года. С 1999

по 2008 год наблюдался рост объемов промышленного производства. Объем промышленного производства в 2008 году составил в действующих ценах 10 188,4 млрд тенге, что на 2,1 % больше, чем в 2007 году. По итогам 2008 года все еще сохраняется рост производства промышленной продукции, что продолжает положительно отражаться как на экономическом развитии республики, так и на показателях общего объема ВВП в целом. Индекс объема производства промышленной продукции в 2008 году составил 107 % к уровню 1991 года. После мирового финансово-экономического циклического кризиса 2007–2008 годов объем промышленного производства в 2009 году рос и составил 110 % от уровня 1991 года. В 2014 году этот показатель составил 129,7 % от уровня 1991 года и в текущих ценах оценивался в 103,4 млрд долл. В 2015 году данный показатель составил 127 % от уровня 1991 года и в текущих ценах оценивался в 66,0 млрд долл. (табл. 5, рис. 19, рис. 20).

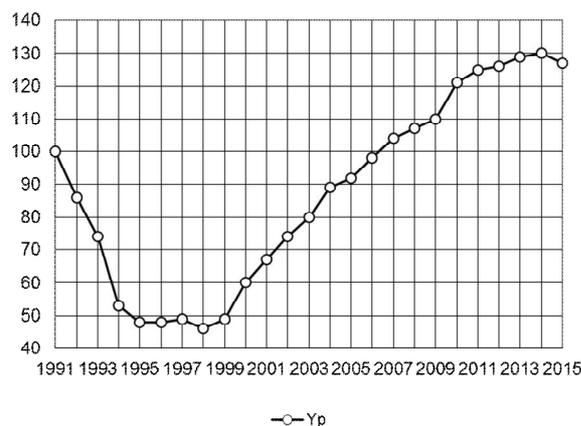


Рис. 19. График абсолютных величин в индексах 1991–2015 годов: объем промышленного производства —  $Y_p$ .

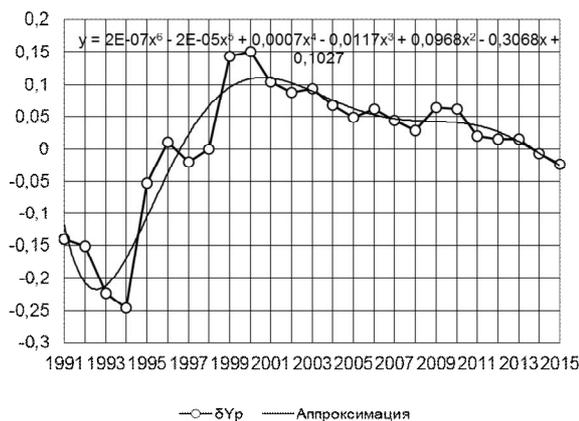


Рис. 20. Темпы прироста в 1991–2015 годах: объем промышленного производства —  $dY_p$ .

Таблица 5

Промышленность Казахстана в период с 1991 по 2015 год\* [1]

Годы	$Y_p$ — в индексах	$I_p$ — млрд долл.	$E_e$	$E_z$ (млрд кВт/ч)	$P_n$	$n$ (млн т)	$r$	$r$ (млрд куб. м)	$y$	$y$ (млн т)
1991	100	149,7	100,0	86,0	100,0	26,6	100,0	7,9	100,0	130
1995	48	11,4	77,6	66,7	77,1	20,5	74,7	5,9	64,1	83,3
2000	60	12,7	60,0	51,6	132,7	35,3	145,6	11,5	57,6	74,9
2005	92	39,7	79,0	67,9	231,2	61,5	316,5	25,0	66,6	86,6
2010	121	82,1	96,0	82,6	299,6	79,7	473,4	37,4	82,3	107
2011	125	108,6	100,7	86,6	301,1	80,1	500	39,5	85,4	111
2012	126	113	105,3	90,6	297,7	79,2	510,1	40,3	89,2	116
2013	129	117,2	107,7	92,6	307,5	81,8	536,7	42,4	87,7	114
2014	130	103,4	110,0	94,6	303,8	80,8	549,4	43,4	83,8	109
2015	127	66,0	105,9	91,1	298,9	79,5	575,9	45,5	79,2	103

\* $Y_p$  — индексы объема продукции промышленности,  $E_e$  — производство электроэнергии,  $P_n$  — добыча нефти, включая газовый конденсат,  $G_z$  — добыча газа естественного.  
<sup>1</sup>С 2005 года — объем отгруженных товаров.

Циклическая динамика структуры промышленности Казахстана. Циклические структурные преобразования в экономике Казахстана происходят практически постоянно, прежде всего под воздействием быстро меняющихся условий конкуренции, потребностей и научно-технического прогресса (табл. 5). В период с 1991 по 2007 год тенденция была направлена на усиленное внимание постсоветских стран к технологическому развитию экономики. Связано

это с тем, что наукоемкий продукт становится определяющим фактором развития в современном периоде и главным источником пополнения бюджетных средств. В сфере промышленности большая часть расходов на НИОКР поглощается обрабатывающей промышленностью, в частности, отраслями, определяющими в решающей степени развитие НТП, что вызывает изменения в структуре производства. В целом по обрабатывающей промышленности в период с 1995–2007 годов объем выпуска в Казахстане увеличился в 7,7 раза. Наиболее высокие темпы характерны для металлургической и пищевой промышленности — 7,9 и 7,4 раза соответственно, а также машиностроения — 5,8 раза, производства кокса, нефтепродуктов и ядерных материалов — 5,4 раза и химической промышленности — 5,3 раза. Проведенный нами анализ показывает, что за исследуемый период изменения были несущественными. В период с 1991 по 2007 год наблюдались изменения долей большинства отраслей в противоположном направлении (пищевая, текстильная и швейная, кожевенная и деревообрабатывающая промышленности, химическая и металлургическая промышленность, машиностроение). Говорить о наличии каких-либо серьезных структурных изменений не приходится. В разрезе отраслей увеличение доли произошло в деревообрабатывающей и металлургической промышленности на 1,1 % и 0,9 % соответственно.

Таблица 6

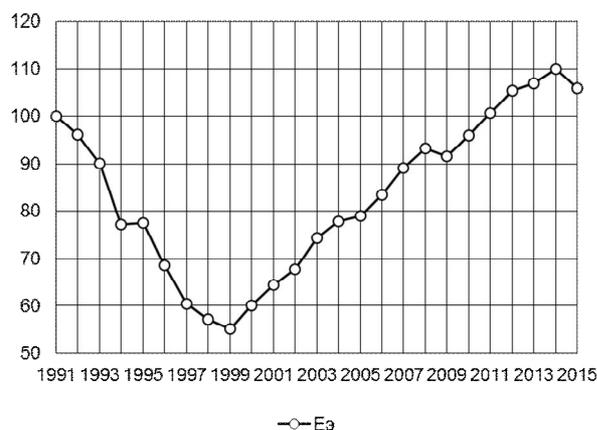
**Структура продукции промышленности Казахстана по видам экономической деятельности (КДЕС, ред. 2) (в тек. ц. ; в % к итогу) в период 2000–2015 годов [1]**

Отрасли промышленности				
	2000	2005	2010	2015
Промышленность — всего, в том числе:	100	100	100	100
Добыча полезных ископаемых	44,5	59,1	61,3	50,9
Обрабатывающая промышленность, из нее:	45,8	35,2	31,8	39,3
Производство пищевых продуктов, включая напитки, и табака	14,1	9,2	7,5	9,5
Текстильное производство и производство одежды, кожи, изделий из кожи и обуви	1,2	0,7	0,3	0,5
Обработка древесины и производство изделий из дерева (кроме мебели)	0,2	0,1	0,1	0,1
Производство химической продукции	1,5	1,0	0,9	1,7
Производство прочих неметаллических минеральных продуктов	0,8	2,1	1,7	2,7
Производство основных металлов и готовых металлических изделий, кроме машин и оборудования	20,9	14,0	14,0	15,5
Машиностроение	2,6	3,4	3,1	2,2
Обеспечение (снабжение) электроэнергией, газом, паром и кондиционированным воздухом	8,3	5,0	5,9	8,6
Водоснабжение, очистка, обработка отходов и получение вторичного сырья	1,4	0,7	1,0	1,2

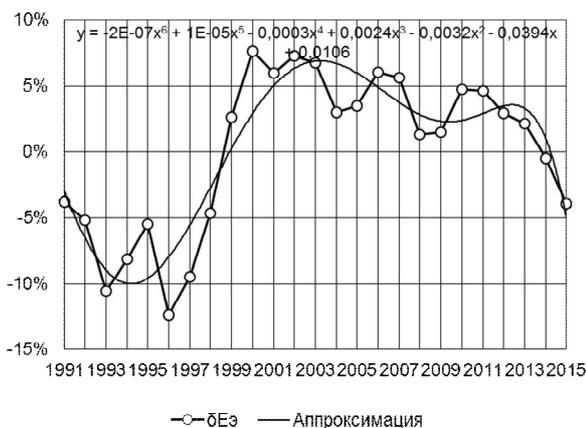
В целом по обрабатывающей промышленности в период с 2000 по 2015 год, наоборот, объем выпуска в Казахстане уменьшился в 1,2 раза. Наиболее высокие темпы характерны для металлургической отрасли — 3,4 раза. Циклическая кризисная ситуация, сложившаяся в экономике республики в 2015 году вследствие негативного воздействия внешних факторов в условиях открытости экономического пространства, привела к резкому снижению ряда важнейших показателей отраслей промышленности. Отпуск тенге в свободное плавание должен несколько сгладить последствия. Очевидно, что сложившаяся сырьевая структура экономики Казахстана демонстрирует свою уязвимость от внешних шоков. Принимаемые меры по оптимизации бюджета, внесение корректив в реализуемые программы и ожидание восстановления конъюнктуры нефтяного рынка носят краткосрочный характер. Главным остается курс на прогрессивные преобразования циклической динамики структуры экономики.

*Производство электроэнергии.* До 1999 года происходит резкое сокращение тенденции производства электроэнергии в Казахстане на 55,2 % от уровня 1991 года. После российского дефолта, с 1998 по 2008 год, постепенно увеличивается производство электроэнергии и составляет 93,4 % от уровня 1991 года. В 2009 году производство электроэнергии в Казахстане

уменьшается и составляет 91,6 % от уровня 1991 года. Далее, в период с 2009 по 2013 год, производство электроэнергии увеличивается и составляет 106,9 % от уровня 1991 года. В 2014 году этот показатель составил 110,0 % от уровня 1991 года (рис. 21, рис. 22).

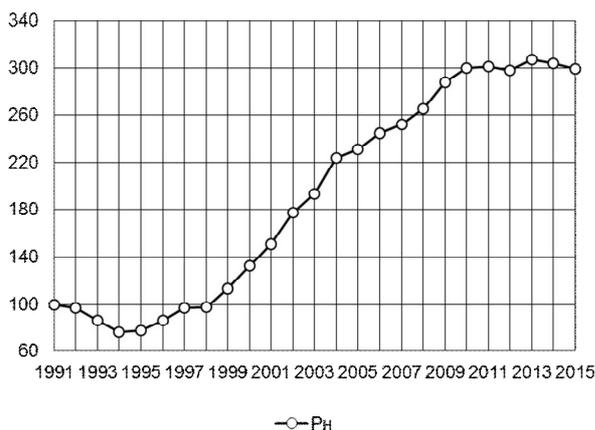


**Рис. 21.** График абсолютных величин в индексах 1991–2015 годов: производства электроэнергии —  $Eэ$ .

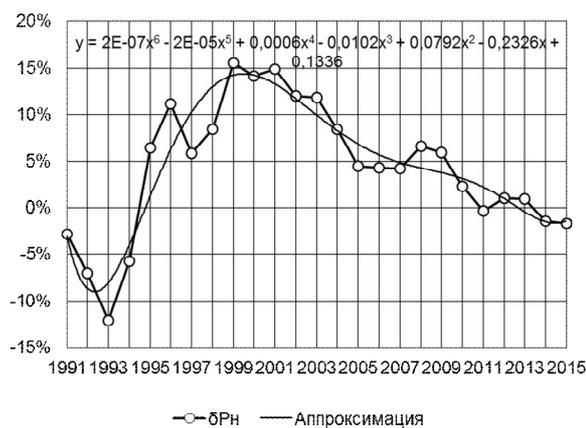


**Рис. 22.** Темпы прироста в 1991–2015 годах: производства электроэнергии —  $dE$ .

**Добыча нефти, включая газовый конденсат.** В структуре промышленного производства Казахстана в период с 1991 по 2014 год также произошли значительные изменения. Возросла доля добычи топливно-энергетических полезных ископаемых и металлургического производства. Доля других отраслей обрабатывающей промышленности снизилась. Удельный вес производства пищевых продуктов увеличился и достиг уровня 1991 года (рис. 23, рис. 24). До 1994 года происходит резкое сокращение тенденции добычи нефти (включая газовый конденсат) в Казахстане на 76,3 % от уровня 1991 года. В период с 1995 по 2011 год добыча нефти постепенно увеличивается и составляет 301,2 % от уровня 1991 года. В 2012 году добыча нефти уменьшается и составляет 297,8 % от уровня 1991 года. Далее, в 2013 году, добыча нефти увеличивается и составляет 307,6 % от уровня 1991 года. В 2014 году добыча нефти уменьшается и составляет 303,9 % (80800 тыс. т) от уровня 1991 года.



**Рис. 23.** График абсолютных величин в индексах 1991–2015 годов: добыча нефти, включая газовый конденсат, —  $Pн$ .



**Рис. 24.** Темпы прироста в 1991–2015 годах: добыча нефти, включая газовый конденсат, —  $dPн$ .

**Добыча газа естественного.** До 1994 года происходит сокращение тенденции добычи газа в Казахстане на 56,9 % от уровня 1991 года. С 1995 по 1997 год этот показатель растет и в

1997 году составляет 102,9 % от уровня 1991 года. В 1998 году добыча газа падает и составляет 100,8 % от уровня 1991 года. После российского дефолта, с 1999 по 2014 год, добыча газа постепенно увеличивается и составляет 550,4 % от уровня 1991 года (рис. 25, рис. 26).

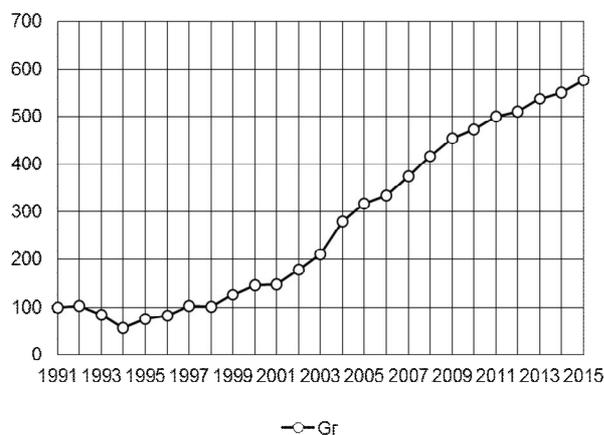


Рис. 25. График абсолютных величин в индексах 1991–2015 годов: добыча газа естественного — G.

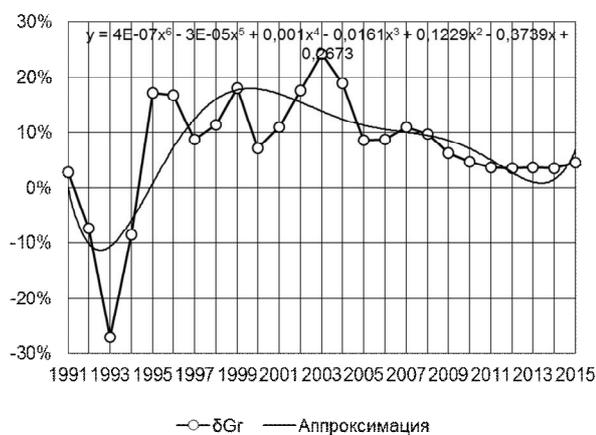


Рис. 26. Темпы прироста в 1991–2015 годах: добыча газа естественного — dG.

Добыча угля. До 1999 года происходит резкое сокращение тенденции производства добычи угля в Казахстане на 44,9 % от уровня 1991 года. Затем, после российского дефолта, с 1999 по 2008 год, в связи с улучшением экономической ситуации добыча угля постепенно циклообразно увеличивается и составляет 85,4 % от уровня 1991 года (рис. 27, рис. 28).

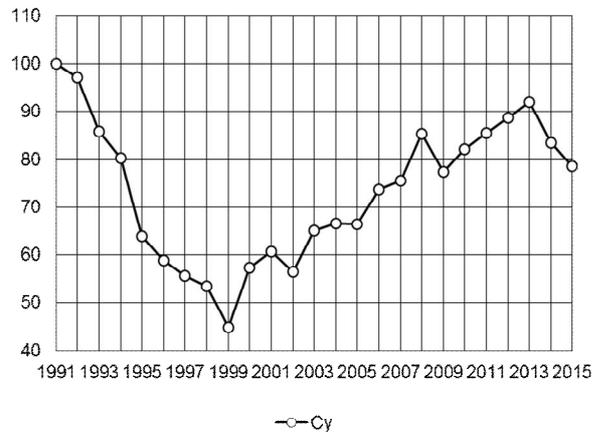


Рис. 27. График абсолютных величин в индексах 1991–2015 годов: добыча угля — Cy.

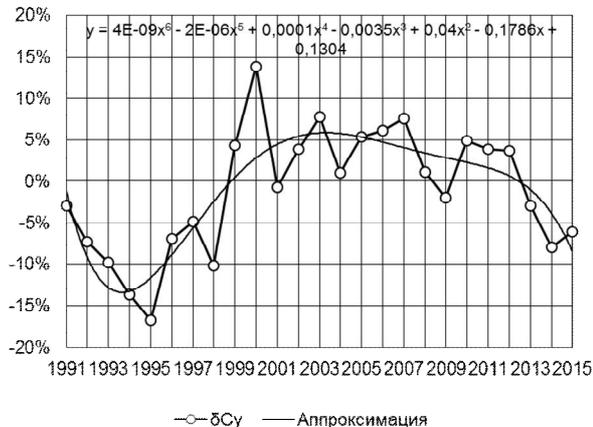


Рис. 28. Темпы прироста в 1991–2015 годах: добыча угля — dCy.

В 2009 году в связи с мировым экономическим кризисом добыча угля в Казахстане уменьшается и составляет 77,7 % от уровня 1991 года. Далее, с 2010 по 2012 год, добыча угля увеличивается и составляет 89,2 % от уровня 1991 года. С 2012 по 2013 год добыча угля в Казахстане уменьшается и составляет 79,2 % от уровня 1991 года.

#### 4. Анализ циклической динамики структуры топливно-энергетических ресурсов промышленности Армении

Объем промышленного производства Армении. После максимального спада ВВП в 1993 году — до 53,1 % к отношению 1991 года — экономика Армении начала медленный рост. Падение промышленного производства в 1993 году было сильнее: 46 % от общего объе-

ма 1991 года. Именно спад в промышленности стал главным фактором почти двукратного сокращения ВВП. При этом индекс промышленного производства по 1991 год за десять лет (в 2000 году) вырос крайне незначительно, до 56 % (табл. 7), сдерживая рост ВВП. В период с 1991–2000 годов численность занятых в промышленности уменьшилась с 458 тыс. чел. в 1991 году до 180 тыс. чел. в 2000 году, или в 2,5 раза. При этом за тот же период занятость в сельском хозяйстве увеличилась с 389 тыс. до 567 тыс. чел., или почти в 1,5 раза. С промышленным спадом тесно связана деградация научно-технического потенциала. После мирового финансово-экономического циклического кризиса 2007–2008 годов объем промышленного производства в 2009 году упал и составил 82 % от уровня 1991 года. С 2010 по 2013 год этот показатель растет и в 2013 году составляет 119 % от уровня 1991 года. В 2014 году данный показатель составил 122 % от уровня 1991 года и в текущих ценах составлял в 3,1 млрд долларов. В 2015 году этот показатель равнялся уже 127 % от уровня 1991 года и в текущих ценах оценивался в 2,8 млрд долл. (табл. 7, рис. 29, рис. 30).

Таблица 7

Промышленность Армении в период с 1991–2015 годов\* [1]

Годы	Y <sub>p</sub> в % к 1991	Y <sub>p</sub> в % к пред. году	Y <sub>p</sub> , млрд долл. США	E <sub>z</sub> , % к 1991	E <sub>z</sub> (млрд кВт/ч)
991	100	100	22,2	00,0	9,6
994	49	105	0,3	9,4	5,7
000	56	106	0,6	2,5	6
005	85	108	1,4	5,6	6,3
010	89	110	2,2	7,7	6,5
011	102	114	2,7	7,1	7,4
012	111	109	2,8	3,3	8
013	119	107	3	0,2	7,7
014	122	103	3,1	1,3	7,8
015	128	105,2	2,8	81,3	78

\*Y<sub>p</sub> — индексы объема продукции промышленности, E<sub>z</sub> — производство электроэнергии.

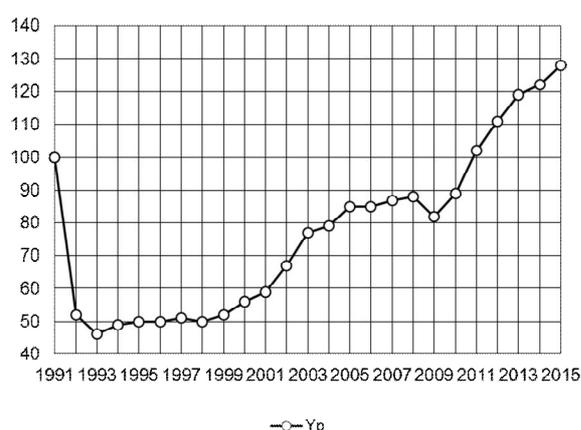


Рис. 29. График абсолютных величин в индексах 1991–2015 годов: объем промышленного производства — Y<sub>p</sub>.

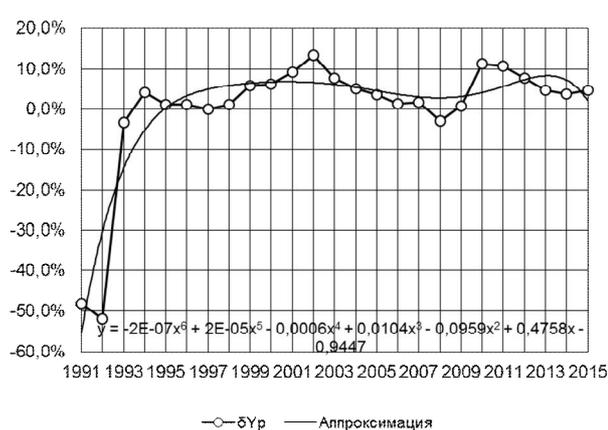


Рис. 30. Темпы прироста в период с 1991 по 2015 год: объем промышленного производства — dY<sub>p</sub>.

Циклическая динамика структуры промышленности Армении. Спад в промышленности затронул практически всю структуру промышленности по видам экономической деятельности Армении (табл. 8), но наиболее сильно — машиностроение и легкую промышленность. В 1991 году они давали 35 и 28 % промышленного выпуска страны соответственно. В настоящее время объем промышленного производства по сравнению с уровнем 1991 года восстановлен

только на 123,2 %. Не достигла должной стабильности выработка электроэнергии (83,3 % от уровня 1991 года). В январе–декабре 2012 года объем промышленного производства составил 2,8 млрд долл. США.

Таблица 8

**Структура продукции промышленности Армении по видам экономической деятельности (КДЕС, ред. 2) (в тек. ц. ; в % к итогу) в период 2000–2015 годов [1]**

Отрасли промышленности	2000	2005	2010	2015
	Промышленность — всего, в том числе:	100	100	100
Добыча полезных ископаемых	5,3	17,4	17,6	16,7
Обрабатывающая промышленность, из нее:	64,5	65,1	66,1	61,9
Производство пищевых продуктов, включая напитки, и табака	36,5	30,8	33,7	29,4
Текстильное производство и производство одежды, кожи, изделий из кожи и обуви	1,3	0,7	0,6	0,9
Обработка древесины и производство изделий из дерева (кроме мебели)	0,3	0,2	0,2	0,1
Производство химической продукции	3,3	2,4	1,0	0,7
Производство прочих неметаллических минеральных продуктов	2,4	3,7	6,0	3,3
Производство основных металлов и готовых металлических изделий, кроме машин и оборудования	6,6	20,4	17,2	12,4
Машиностроение	2,3	2,5	1,4	1,0
Обеспечение (снабжение) электроэнергией, газом, паром и кондиционированным воздухом	30,2 <sup>1</sup>	17,5 <sup>1</sup>	14,1	19,9
Водоснабжение, очистка, обработка отходов и получение вторичного сырья	-	-	2,2	1,5

<sup>1</sup>Производство и распределение электроэнергии, газа и воды.

Масштабы трансформационного спада отражает и резкое сокращение производства и потребления электроэнергии. В Армении в 1991 году потреблялось около 11 млрд кВт/ч электроэнергии при собственном производстве 9,6 млрд кВт/ч. Объем производств электроэнергии достиг минимума в 1995 году — 5,6 млрд кВт/ч, а в расчете на душу населения выработка составила 1514 кВт/ч (табл. 7). Это один из самых низких показателей у стран СНГ. В конце 1995 года дал ток расконсервированный второй блок ААЭС, который производит более 2 млрд кВт/ч электроэнергии в год. Но в период с 2000 по 2010 год объем выработки держался на уровне 6 млрд кВт/ч, составив в 2010 году 6,5 млрд кВт/ч. Это отражает сильное сокращение потребления электроэнергии в стране, прежде всего за счет промышленности. Еще более сократилось потребление природного газа — с 6,1 млрд куб. м в 1989 году до 1,5–2 млрд куб. м в 1990 году<sup>3</sup>. В целом объем производства электроэнергии в 2012 году достиг 8 млрд кВт/ч. В 2011 году Правительство Республики Армения утвердило стратегию индустриальной политики, нацеленной на экспорт. В стратегии конкретизированы показатели, которые Правительство наметило достичь к 2020 году. В частности, до 2015 года ожидается удвоение объемов экспорта, а к 2020 году доведение этого показателя примерно до 3 млрд долл. США.

*Производство электроэнергии.* До 1999 года происходит циклообразное сокращение тенденции производства электроэнергии в Армении на 59,4 % от уровня 1991 года. После российского дефолта, с 1998 по 2008 год, постепенно то увеличивается, то уменьшается производство электроэнергии и составляет 63,5 % от уровня 1991 года. В 2009 году производство электроэнергии в Армении уменьшается и составляет 59,4 % от уровня 1991 года. Далее, в период 2009–2013 годов, производство электроэнергии в целом увеличивается и составляет 80,2 % от уровня 1991 года. В 2014 году этот показатель составил 81,3 % от уровня 1991 года (рис. 31, рис. 32).

<sup>3</sup> Повторный обзор инвестиционного климата и структуры рынка в энергетическом секторе 2008 года. Армения. Секретариат энергетической хартии // [http://solex-un.ru/sites/solex-un/files/Armenia\\_ICMS\\_2008\\_RUS.pdf](http://solex-un.ru/sites/solex-un/files/Armenia_ICMS_2008_RUS.pdf).

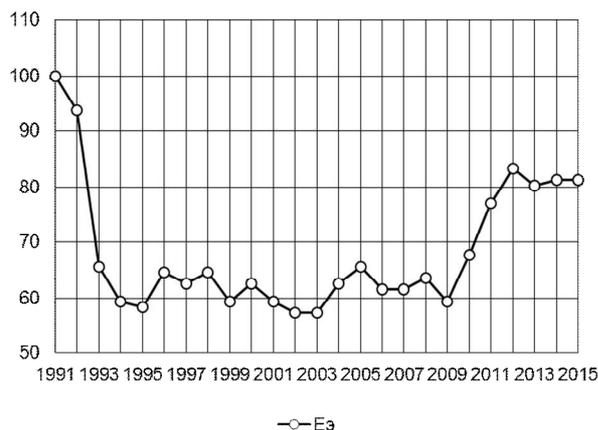


Рис. 31. График абсолютных величин в индексах 1991–2015 годов: производства электроэнергии —  $E_э$ .

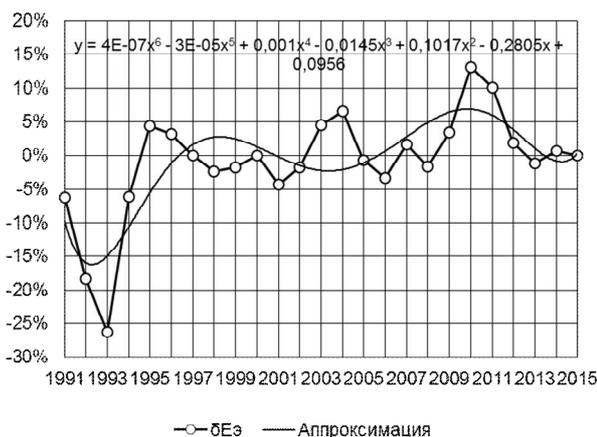


Рис. 32. Темпы прироста в 1991–2015 годах: производства электроэнергии —  $dE$ .

Ведущими отраслями промышленности Армении являются: машиностроение и металлообработка, химическая и нефтехимическая, цветная металлургия, производство стройматериалов (в т. ч. на базе месторождений цветных туфов, перлитов, известняков, гранитов и мраморов), пищевая, легкая. Политика руководства республики направлена прежде всего на развитие легкой промышленности, строительной индустрии, машиностроения, в частности, таких отраслей, как станкостроение, приборостроение, электроника, вычислительная техника, электроэнергетика, нанотехнологии, биофизика, а также на комплексное освоение недр. Многие отрасли армянской экономики монополизированы, например, энергетика, коньячное производство, телекоммуникационный бизнес и алмазопереработка.

##### 5. Анализ циклической динамики структуры топливно-энергетических ресурсов промышленности Кыргызстана

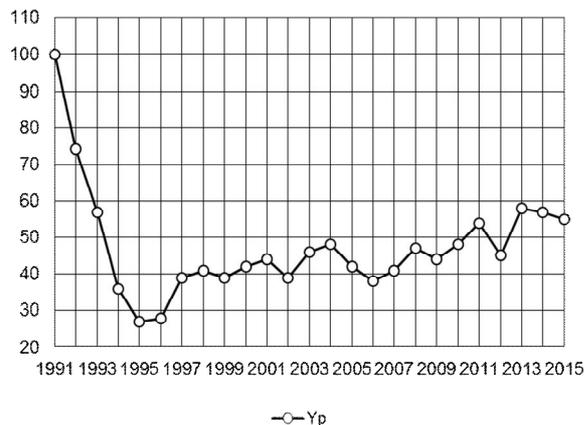
Объем промышленного производства Кыргызстана. До 1995 года наблюдалось резкое сокращение объемов промышленного производства (27 %); с 1995 по 1998 год идет рост, в 1998 года этот показатель составлял 41 % от уровня 1991 года. С 1999 по 2008 год наблюдался относительный подъем объемов промышленного производства. Производство промышленной продукции в 2002 году составило 39 % от уровня 1991 года. Основные отрасли промышленности: цветная металлургия (включая добычу золота), гидроэнергетика (производство электроэнергии в 2011 году составило 15,2 млрд кВт/ч), горнодобывающая (ртуть, сурьма, редкие металлы), пищевая, текстильная и обувная, машиностроение (производство технологического оборудования для предприятий торговли и общепита, лабораторного оборудования, изолированного обмоточного провода, электроламп, электродвигателей переменного тока, сборка цветных телевизоров, компьютеров). За 1991–2002 годы доля ресурсодобывающих отраслей в структуре промышленного производства выросла с 9 до 60 %, доля машиностроения сократилась с 19 до 6 %. Промышленный сектор недостаточно эффективен, рентабельны менее 50 % предприятий. Объем промышленного производства в 2008 году составил в действующих ценах 85,9 млрд сомов (2,4 млрд долл. ), что на 15 % больше, чем в 2007 году. Индекс объема производства промышленной продукции в 2008 году составил 47 % к уровню 1991 года. После мирового финансово-экономического циклического кризиса 2007–2008 годов объем промышленного производства в 2009 году упал и составил 44 % от уровня 1991 года. В 2014 году этот показатель составил 56,8 % от уровня 1991 года и в текущих ценах оценивался в 3,1 млрд долл. (табл. 9, рис. 33, рис. 34).

Таблица 9

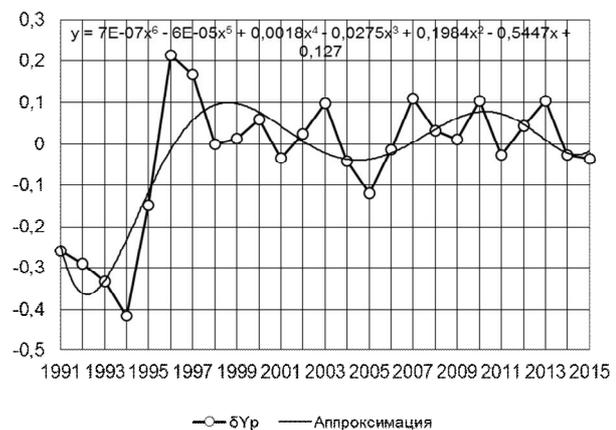
**Промышленность Кыргызстана в период с 1991 по 2015 год\* [1]**

Годы	Y <sub>р</sub> , млрд долл.	Y <sub>р</sub> - в индексах	Э (млн кВт/ч)	Э	н, млн т	н	G <sub>г</sub> (млрд куб. м)	г	у	у (млн т)
1991	26	100	14,2	100,0	0,1	100,0	0,1	100,0	100	3,5
1995	0,7	27	12,3	86,6	0,1	100,0	0,04	40,0	14,3	0,5
2000	0,9	42	14,9	104,9	0,1	100,0	0,03	30,0	11,4	0,4
2005	1,2	42	14,9	104,9	0,1	100,0	0,03	30,0	11,4	0,4
2010	2,8	48	12,1	85,2	0,1	100,0	0,02	20,0	17,1	0,6
2011	3,6	54	15,2	107,0	0,1	100,0	0,03	30,0	22,9	0,8
2012	2,9	45	15,2	107,0	0,1	100,0	0,03	30,0	34,3	1,2
2013	3,5	58	14	98,6	0,1	100,0	0,03	30,0	40,0	1,4
2014	3,1	57	14,6	102,8	0,1	100,0	0,03	30,0	51,4	1,8
2015	2,7	55	13,0	91,5	0,1	100,0	0,03	30,0	54,2	1,9

\*Y<sub>р</sub> — индексы объема продукции промышленности, E<sub>э</sub> — производство электроэнергии, P<sub>н</sub> — добыча нефти, включая газовый конденсат, G<sub>г</sub> — добыча газа естественного.



**Рис. 33.** График абсолютных величин в индексах 1991–2015 годов: объем промышленного производства — Y<sub>р</sub>.



**Рис. 34.** Темпы прироста в 1991–2015 годах: объем промышленного производства — dY<sub>р</sub>.

**Производство электроэнергии.** До 1993 года происходит резкое сокращение тенденции производства электроэнергии в Киргизстане на 79,6 % от уровня 1991 года. После этого, с 1994 по 2008 год, производство электроэнергии постепенно то увеличивается, то падает и в 2008 году составляет 83,1 % от уровня 1991 года. В 2009 году производство электроэнергии в Киргизстане уменьшается и составляет 78,2 % от уровня 1991 года. Далее, в период с 2009 по 2013 год, производство электроэнергии то увеличивается, то падает и составляет 98,6 % от уровня 1991 года. В 2014 году этот показатель составил 102,8 % от уровня 1991 года (рис. 35, рис. 36).

**Добыча нефти, включая газовый конденсат.** В период с 1991 по 2014 год добыча нефти, включая газовый конденсат, находилась на постоянном уровне и составляла 100 % от уровня 1991 года. В 2014 году добыча нефти также составляет 100,0 % (0,03 тыс. т) от уровня 1991 года (рис. 37, рис. 38).

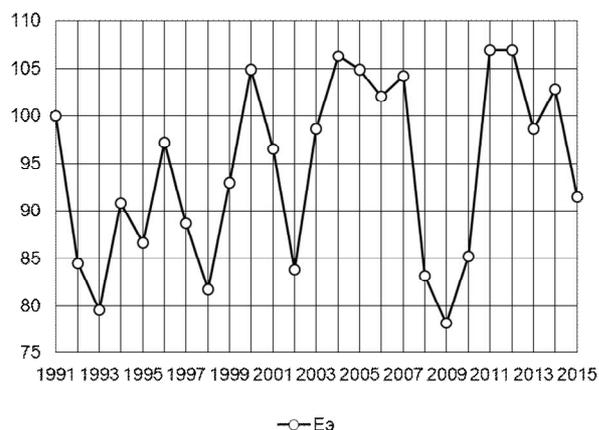
**Добыча газа естественного.** До 1998 года происходит сокращение тенденции добычи газа в Киргизстане на 20,0 % от уровня 1991 года. С 1999 по 2004 год этот показатель растет и в 2004 году составляет 30,0 % от уровня 1991 года. В период с 2005 по 2010 год добыча газа падает и составляет 20,0 % от уровня 1991 года. После этого, с 2011 по 2014 год, добыча газа постепенно увеличивается и составляет 30,0 % от уровня 1991 года (рис. 39, рис. 40).

Таблица 10

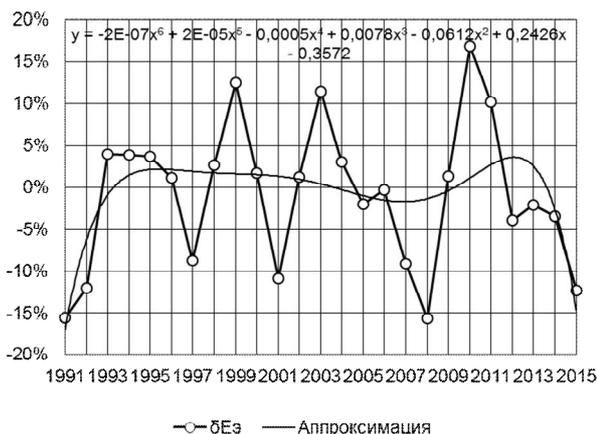
**Структура продукции промышленности Кыргызстана по видам экономической деятельности (КДЕС, ред. 2) (в тек. ц. ; в % к итогу) в период с 2000 по 2015 год [1]**

Отрасли промышленности				
	2000	2005	2010	2015
Промышленность — всего, в том числе:	100	100	100	100
Добыча полезных ископаемых	1,4	1,9	1,9	4,6
Обрабатывающая промышленность, из нее:	80,8	78,3	81,4	77,0
Производство пищевых продуктов, включая напитки, и табака	18,5	16,0	13,6	12,3
Текстильное производство и производство одежды, кожи, изделий из кожи и обуви	5,1	4,6	5,3	2,8
Обработка древесины и производство изделий из дерева (кроме мебели)	0,1	0,1	0,2	0,3
Производство химической продукции	0,6	1,1	0,5	0,4
Производство прочих неметаллических минеральных продуктов	3,1	8,1	5,0	7,5
Производство основных металлов и готовых металлических изделий, кроме машин и оборудования	44,5	38,4	51,1	46,9
Машиностроение	4,0	4,8	2,2	1,5
Обеспечение (снабжение) электроэнергией, газом, паром и кондиционированным воздухом	17,8 <sup>1</sup>	19,8 <sup>1</sup>	16,7 <sup>1</sup>	17,5
Водоснабжение, очистка, обработка отходов и получение вторичного сырья	-	-	-	0,9

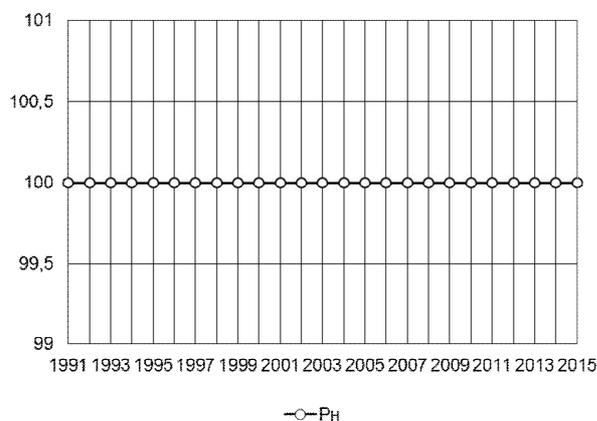
<sup>1</sup>Производство и распределение электроэнергии, газа и воды.



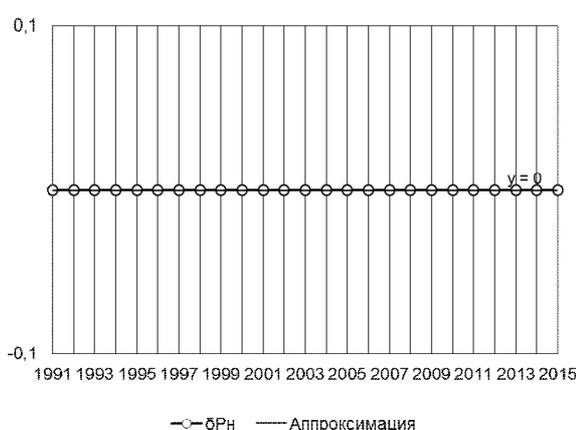
**Рис. 35.** График абсолютных величин в индексах 1991–2015 годов: производства электроэнергии — *Eэ*.



**Рис. 36.** Темпы прироста в 1991–2015 годах: производства электроэнергии — *dEэ*.



**Рис. 37.** График абсолютных величин в индексах 1991–2015 годов: добыча нефти, включая газовый конденсат, — *Pн*.



**Рис. 38.** Темпы прироста в 1991–2015 годах: добыча нефти, включая газовый конденсат, — *dPн*.

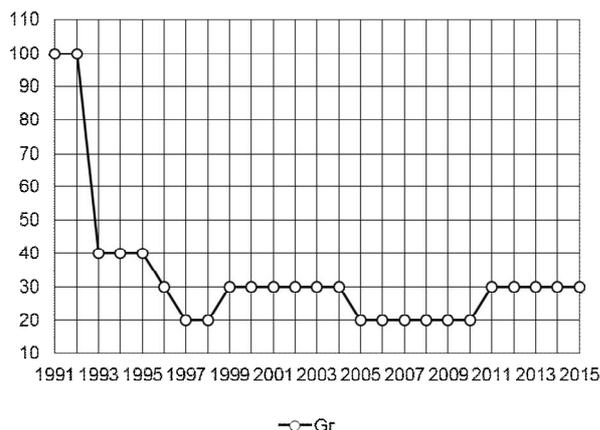


Рис. 39. График абсолютных величин в индексах 1991–2015 годов: добыча газа естественного —  $G$ .

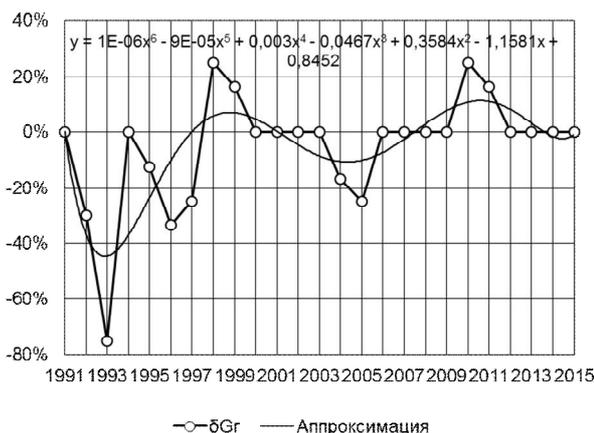


Рис. 40. Темпы прироста в 1991–2015 годах: добыча газа естественного —  $dG$ .

**Добыча угля.** До 1999 года происходит резкое сокращение тенденции производства добычи угля в Кыргызстане на 11,4 % от уровня 1991 года. Затем, после российского дефолта, с 1999 по 2008 год в связи с улучшением экономической ситуации добыча угля постепенно циклообразно увеличивается и составляет 17,1 % от уровня 1991 года. Далее, с 2009 по 2015 год, добыча угля увеличивается и составляет 54,2 % от уровня 1991 года (рис. 41, рис. 42).

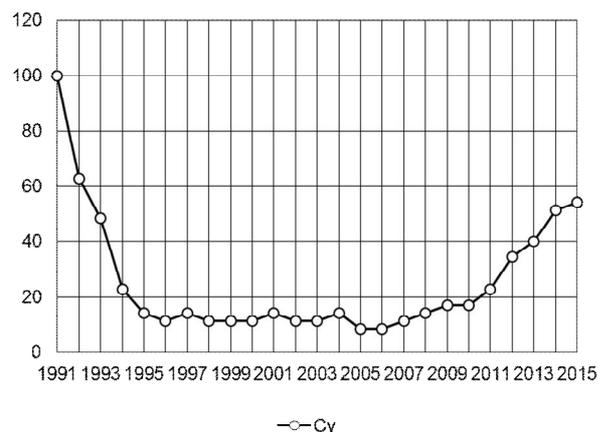


Рис. 41. График абсолютных величин в индексах 1991–2015 годов: добыча угля —  $Cy$ .

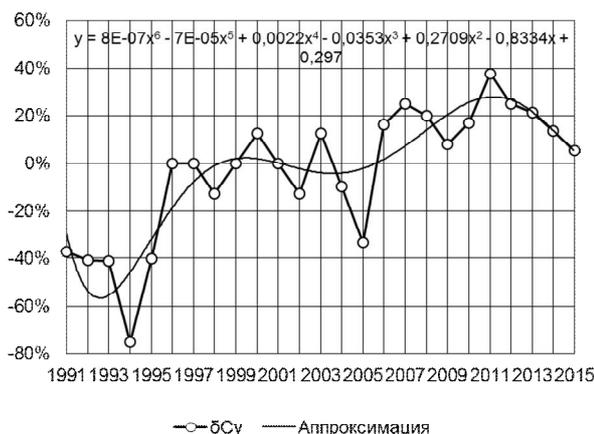


Рис. 42. Темпы прироста в 1991–2015 годах: добыча угля —  $dCy$ .

### Заключение

Приведенные в настоящем исследовании макроэкономические показатели, эконометрические характеристики и циклические структурные данные лишь в основном характеризуют циклическую динамику развития промышленности государств — членов ЕАЭС за последний двадцать пять лет. Необходима целенаправленная стратегия промышленного развития с механизмом реализации в приоритетном порядке новейших технологий и производств, имея в виду такие прорывные направления, как нанотехнологии, достижения в области использования атома в мирных целях, авиа- и судостроение, морские буровые платформы и пр. При этом требуется принятие и изменение нормативно-правовой базы, способствующих стимулированию развития наукоемкого бизнеса НИОКР, экспорта высоких технологий.

Организационное оформление («упаковка») и структурирование сложившегося рыночного оборота в рамках стандартизированных экономико-правовых оболочек, электронных компьютерных систем и информационно-аналитических платформ, формализующих функционирова-

ние существующих пока слабоструктурированных рынков, осуществляющих операции по торговле нефтью и газом, услугами по их транспортировке и хранению позволит эффективно осуществлять оптимизационную структуризацию и регулирование оборота нефти и газа в коллективных интересах государств-членов ЕАЭС.

Использование ЕАЭС стратегии формирования и развития союзного интегрированного кластера (электронных) рынков нефти и газа для выработки взаимно координированных условий поставок нефти и газа, а также услуг по их транспортировке и хранению и пр. создает возможность налаживания процесса эффективного — в условиях глобальных финансово-экономических флуктуаций — комплексирования рыночных факторов повышения эффективности процессов «монетизации» добавленной стоимости от энерго-сырьевого экспорта России и других государств — членов ЕАЭС и расширения народнохозяйственной оптимизации процессов транспортировки (в т. ч. транзитной) и хранения нефти и газа (по территориям государств — членов ЕАЭС).

Для реализации таких новых стратегических возможностей необходимо:

– формирование организационной модели создания и функционирования союзного интегрированного кластера (электронных) рынков нефти и газа, транспортных систем и систем их нормативного регулирования на основе типового механизма создания и функционирования формализованных электронных рынков нефти и газа (а также услуг по их транспортировке и хранению);

– выработка условий и процедур координации в рамках союзного экономического пространства поставок и оборота нефти и газа для выхода на единый детализированный по отраслям, территориям и компаниям массив добавленной стоимости и прибыли, в т. ч. в рамках агрегированных корпоративных групп;

– стратегическое позиционирование национальных компаний-поставщиков нефти и газа в рамках глобальных товарно-экономических циклов с учетом мировых и локальных финансово-экономических флуктуаций, глобальной энергетической, сырьевой и пр. конъюнктуры для формирования совокупной конкурентной позиции по конкретным видам нефти и газа в рамках союзных рынков по торговле нефтью и газом государств — членов ЕАЭС;

– выход на стратегический пул совместных инвестиционных программ (на союзном пространстве) группы национальных компаний-поставщиков нефти и газа, а также услуг по их транспортировке и хранению с перспективой на 15–20 лет для укрепления совокупного производственного потенциала государств-членов ЕАЭС и иных дружественных государств в отношении попыток их вытеснения с европейских и азиатских рынков (за счет демпинга и пр.), реализуемых иными государствами и ТНК.

Решение этих задач может быть обеспечено за счет формирования национальных рынков нефти и газа государств — членов ЕАЭС и их квази-интеграции в союзные рынки, а также услуг по их транспортировке и хранению ЕАЭС [2, 3].

Процесс создания союзных рынков нефти и газа ЕАЭС и национальных рынков нефти и газа отдельных государств-членов ЕАЭС может проходить параллельно.

Создание общего рынка газа государств — членов ЕАЭС предполагает решение отдельных чувствительных для государств-членов вопросов, касающихся ценовой политики в газовой сфере государств — членов ЕАЭС. В частности, это поддержание рыночных цен, обеспечивающих коммерческую рентабельность продажи газа, принятие государствами-членами согласованного решения о переходе к равнодоходным ценам на газ на территориях государств-членов ЕАЭС.

Таким образом, формирование общих рынков газа, нефти, нефтепродуктов и энергоресурсов стран ЕАЭС в условиях нестабильности мировых цен на углеводородное сырье и поставка нефтегазовых ресурсов для потребителей внутренних рынков по доступным ценам должны стать мощным стимулом для развития других взаимосвязанных отраслей экономик ЕАЭС, таких как сервисные услуги в нефтегазовой отрасли, нефтегазохимия, электроэнергетика, транспорт, металлургия, машиностроение, и для создания инновационных технологий и продуктов, а также благоприятных условий для привлечения инвестиций в нефтегазовую сферу [1–3, 17–24].

*Литература*

1. 25 лет СНГ 1991—2015 гг. : Статистический сборник / МСК СНГОДА. — М. — 2016. — 500 с. Российский статистический ежегодник. 2016: Стат. сб. / Росстат. — М., 2016. — 725 с.
2. Агеев А. И., Логинов Е. Л. Россия в новой экономической реальности. М.: Институт экономических стратегий, Ассоциация «Аналитика», 2016. — 460 с. — (Библиотека «Стратегическая аналитика»).
3. Борталевич С. И., Логинов Е. Л., Чиналиев В. У. Проблемы стратегической перестройки организационных механизмов управления научно-техническим развитием России и ЕАЭС. — М.: Финуниверситет, 2016. — 258 с.
4. Дохолян С. В. Концептуальные подходы к достижению устойчивого экономического развития региона, как социо-экономико-экологической системы / С. В. Дохолян, А. М. Садыкова, А. С. Дохолян // Апробация. — № 5. — 2015. — С. 60–66.
5. Дохолян С. В. Мотивационный менеджмент на предприятиях машиностроительного комплекса / С. В. Дохолян, К. Г. Асриянц. — Махачкала. Изд-во ИСЭИ ДНЦ РАН, 2005. — 200 с.
6. Дохолян С. В. Стратегический подход к формированию и реализации региональной социально-экономической политики // Экономика и предпринимательство. — № 9. — 2013. — С. 139–144.
7. Зиядуллаев Н. С., Зиядуллаев С. Н. 25 лет трансформации и структурирования постсоветского экономического пространства // Региональные проблемы преобразования экономики. — 2016. — № 6 (68). — С. 77–85.
8. Зоидов К. Х., Медков А. А., Зоидов З. К. Развитие транзитной экономики — основа стабильности, безопасности и модернизации России и стран Центральной Азии / Под ред. чл.-корр. РАН В. А. Цветкова. — М.: ЦЭМИ РАН / ИПР РАН, 2016. — 339 с.
9. Зоидов К. Х. Инновационная экономика: опыт, проблемы, пути формирования. — М.: ИПР РАН, 2006. — 168 с.
10. Зоидов К. Х., Дурандин О. Г. К проблеме формирования инновационной экономики в странах постсоветского пространства в условиях модернизации. Часть I // Региональные проблемы преобразования экономики. — 2011. — № 4. — С. 277–288.
11. Зоидов К. Х., Дурандин О. Г. К проблеме формирования инновационной экономики в странах постсоветского пространства в условиях модернизации. Часть II // Региональные проблемы преобразования экономики. 2012. — № 1. — С. 271–281.
12. Зоидов К. Х., Дурандин О. Г. К проблеме формирования инновационной экономики в странах постсоветского пространства в условиях модернизации. Часть III // Региональные проблемы преобразования экономики, 2012. — № 3. — С. 286–295.
13. Зоидов К. Х., Зоидов З. К. 25 лет Содружеству Независимых Государств: итоги, проблемы, перспективы экономического развития. 25 лет СНГ: основные итоги, проблемы, перспективы развития / Материалы международной научно-практической конференции. Москва, 29–30 июня 2016 года / Под ред. чл.-корр. РАН В. А. Цветкова — М.: ЦЭМИ РАН / ИПР РАН, 2016. — 291 с. — С. 23–55.
14. Коммерческое право. Учебник для студентов вузов / под ред. проф. М. М. Рассолова, проф. П. В. Алексия. — 2-е изд. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2005. — 383 с.
15. Логинов Е. Л., Борталевич С. И. Нефтяные и газовые рынки России и ЕАЭС: пути развития в условиях макроэкономической нестабильности. — М.: ИПР РАН, 2016. — 150 с.
16. Стратегия регионального развития в условиях инновационных преобразований экономики / В. З. Петросянци, С. В. Дохолян, Д. В. Петросянци, А. А. Баширова; под общ. ред. д. э. н., проф. В. З. Петросянца; РАН; Дагестан. Науч. центр; Ин-т соц.-экон. исследований. — Москва: Экономика, 2011. — 302 с.
17. Цветков В. А., Зоидов К. Х. и др. Постсоветское экономическое пространство: современное состояние и перспективы развития / под ред. чл.-корр. РАН В. А. Цветкова. — М.: Финансы и кредит, 2009. — 472 с.
18. Цветков В. А., Борталевич С. И., Логинов Е. Л. Стратегические подходы к развитию энергетической инфраструктуры России в условиях интеграции национальных энергосистем и энергорынков. — М.: ИПР РАН, 2014. — 511 с.
19. Цветков В. А., Логинов Е. Л. Системная финансовая нестабильность в экономике Китая: в каком направлении движется китайский «локомотив» развития мировой экономики? Аналитический доклад. М.: ИПР РАН, 2015. 118 с.
20. Цветков В. А., Логинов Е. Л. Цели и организационная модель манипулятивного обрушения цен на нефть. — 2014. Аналитический доклад. М.: ЦЭМИ РАН / ИПР РАН. — 2015. — 102 с.
21. Annual Report on BRICS' Social-Economic Development (2011). Ed. by Lin Yueqin, Zhou Wen. Social Sciences Academic Press. 2011-04-01 (in Chinese). — 500 p.
22. Fed ends QE3 and sends upbeat signals on economy [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.marketwatch.com/story/fed-ends-qe3-and-sends-upbeat-signals-on-economy-2014-10-29>, своб. — Загл. с экрана.
23. OPEC Monthly Oil Market Report — November 2014 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [http://www.opec.org/opec\\_web/static\\_files\\_project/media/downloads/publications/MOMR\\_November\\_2014.pdf](http://www.opec.org/opec_web/static_files_project/media/downloads/publications/MOMR_November_2014.pdf), своб. — Загл. с экрана.
24. Hume N. Investors flee from commodities as markets slide / Financial Times, November 12, 2014 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.ft.com>, своб. — Загл. с экрана.

**References:**

1. 25 years of CIS 1991-2015.: statisticheskiy sbornik [MSK CIS. M.; 2016 — 500 p. Statistical Yearbook of Russia. 2016: Stat. SB. / Rosstat. M., 2016. 725 p.

2. Ageev A. I., Loginov E. L. *Russia in the new economic reality*. M.: Institute for economic strategies, Association Analytics, 2016. 460 p. (Library of «Strategic Analytics»).
3. *Annual Report on BRICS' Social-Economic Development (2011)*. Ed. by Lin Yueqin, Zhou Wen. Social Sciences Academic Press. 2011-04-01 (in Chinese). 500 p.
4. Bortalevich S. I., Loginov E. L., Chinaliev U. V. *problems of strategic realignment of institutional mechanisms of management of scientific-technical development of Russia and the EAEC*. Moscow: Financial University, 2016. 258 p.
5. *Commercial law. Textbook for students / under. edited by Professor M. M. Rassolova, Professor P. V. Alex*. 2nd ed. M.: UNITI-DANA, Law and right. 2005. 383 p.
6. Dokholyan S. V. *Conceptual approaches to the achievement of sustainable economic development of the region as socio-economic-ecological systems / S. V. Dokholyan, A. M. Sadykov, A. S. Dokholyan // Testing*. No. 5. 2015. P. 60–66.
7. Dokholyan S. V. *Motivation management at the enterprises of machine-building complex / S. V. Dokholyan, K. G. Asriyants. Makhachkala, Moscow, ISER DAS RAS 2005*. 200 p.
8. Dokholyan S. V. *Strategic approach to the development and implementation of regional socio-economic policy // Economics and entrepreneurship*. No. 9. 2013. P. 139–144.
9. *Fed ends QE3 and sends upbeat signals on economy [Electronic resource]*. — Mode of access: <http://www.marketwatch.com/story/fed-ends-qe3-and-sends-upbeat-signals-on-economy-2014-10-29>.
10. Hume N. *Investors flee from commodities as markets slide / Financial Times, November 12, 2014 2014 [Electronic resource]*. — Mode of access: <http://www.ft.com>.
11. Loginov E. L., Bortalevich S. I. *Oil and gas markets of Russia and the Eurasian economic Union: ways of development in the context of macroeconomic instability*. M.: MEI RAS. 2016. 150 p.
12. *OPEC Monthly Oil Market Report. November 2014 [Electronic resource]*. — Mode of access: [http://www.opec.org/opec\\_web/static\\_files\\_project/media/downloads/publications/MOMR\\_November\\_2014.pdf](http://www.opec.org/opec_web/static_files_project/media/downloads/publications/MOMR_November_2014.pdf), free. Heading from the screen.
13. *The regional development strategy in the conditions of innovative transformations of economy / V. Z. Petrosyants, S. V. Dokholyan, D. V. Petrosyants, A. A. Bashirova; Ls. Ed. doctor of Economics, Professor V. Z. Petrosyants; Russian Academy of Sciences, Dagestan. Scientific. Centre, Institute of social. -Econ. Research*. Moscow: Economics, 2011. 302 p.
14. Tsvetkov V. A., Loginov E. L. *Goals and organizational model manipulative the collapse of oil prices in 2014. Analytical report*. Moscow: CEMI RAS / MEI RAS, 2015. 102 p.
15. Tsvetkov V. A., Bortalevich S. I., Loginov E. L. *Strategic approaches to the development of energy infrastructure in Russia in terms of integration of national power grids and energy markets*. M.: IPR RAS, 2014. 511 p.
16. Tsvetkov V. A., Loginov E. L. *Systemic financial instability in the Chinese economy: the direction of the Chinese «locomotive» of the global economy? Analytical report*. M.: MEI RAS, 2015. 118 p.
17. Tsvetkov V. A., Zoidov K. Kh., and others. *Post-Soviet economic space: current state and development prospects / Under the editorship of corresponding member Q. RAS V. A. Tsvetkova*. M.: Finance and credit, 2009. 472 p.
18. Ziyadullaev N. S., Ziadullaev S. N. *25 years of transformation and structuring post-Soviet economic space // Regional problems of transformation of the economy*. 2016. No. 6 (68). P. 77–85.
19. Zoidov K. Kh., Durandin O. G. *The problem of formation of innovative economy in the post-Soviet countries in the conditions of modernization. Part I // Regional problems of transformation of the economy*. 2011. No. 4. P. 277–288.
20. Zoidov K. Kh., Medkov A. A., Zoidov Z. K. *Development of a transit economy — the Foundation of stability, security and the modernization of Russia and the countries of Central Asia / Under the editorship of corresponding member RAS V. A. Tsvetkov*. Moscow: CEMI RAS / MEI RAS. 2016. 339 p.
21. Zoidov K. Kh., Durandin O. G. *The problem of formation of innovative economy in the post-Soviet countries in the conditions of modernization. Part II. // Regional problems of transformation of the economy*, 2012. No. 1. P. 271–281.
22. Zoidov K. Kh. *Innovation economy: experience, problems, ways of formation // M.: MEI RAS, 2006*. 168 p.
23. Zoidov K. Kh., Durandin O. G. *The problem of formation of innovative economy in the post-Soviet countries in the conditions of modernization. Part III. // Regional problems of transformation of the economy*, 2012. No. 3. P. 286–295.
24. Zoidov K. Kh., Zoidov Z. K. *25 years of CIS: results, problems, prospects of economic development. 25 years of CIS: main results, problems, prospects of development / Materials of international scientific-practical conference. Moscow, June 29-30, 2016 / Under the editorship of corresponding member RAS V. A. Tsvetkov, Moscow: CEMI RAS / MEI, 2016. 291 p. P. 23–55*.

УДК 330.368: 339.91

**ЗОИЛОВ КОБИЛЖОН ХОДЖИЕВИЧ**

к.ф.-м.н., доцент, заведующий лабораторией Интеграции российской экономики  
в мировое хозяйство ФГБУН «Институт проблем рынка РАН»,  
e-mail: kobiljonz@mail.ru

## СИСТЕМА МЕЖБЮДЖЕТНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИИ И ДРУГИХ СТРАНАХ ЕАЭС: ЦИКЛИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ, СУЩЕСТВУЮЩИЕ РИСКИ, ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ<sup>1</sup>

**Аннотация. Предмет.** В статье рассматриваются циклическая динамика развития, существующие риски, вызовы и перспективы развития системы межбюджетных отношений в России и других странах ЕАЭС. **Цель работы.** Целью исследования является разработка механизмов эффективного регулирования системы финансово-бюджетных и межбюджетных отношений с учетом развития российской модели федерализма и циклических колебаний экономической конъюнктуры. **Методология проведения работы.** В процессе исследования использованы методы эволюционно-институциональной теории, эконометрического моделирования и аналитической оценки. **Результаты работы.** Выявлены дисбалансы и диспропорции в системе финансово-бюджетных отношений России и других стран ЕАЭС, в т. ч. с учетом влияния как внешних факторов, так и внутренних структурных проблем экономики. **Выводы.** Сложившаяся в настоящий момент модель финансово-бюджетных отношений отличается несбалансированностью и в среднесрочной перспективе может создать угрозу финансовой стабильности и экономической безопасности России и других стран ЕАЭС. Задача оптимизации финансово-бюджетной системы с точки зрения распределения доходов и расходов по её уровням является актуальной с точки зрения экономической безопасности. **Область применения результатов.** Результаты исследования могут быть использованы органами власти России и ЕАЭС для ликвидации существующих проблем в системе финансово-бюджетных и межбюджетных отношений, при реализации структурных реформ, реформы системы государственных финансов, изменении налоговой политики. Разработанные предложения и механизмы эффективного регулирования системы межбюджетных отношений в России и странах ЕАЭС в условиях нестабильности могут быть востребованы для сохранения и усиления конкурентных преимуществ национальных экономик и ЕАЭС в целом.

**Ключевые слова:** государственные финансы, финансовые институты, бюджет, межбюджетные отношения, бюджетный федерализм, циклические колебания экономической конъюнктуры, региональная экономика, местное самоуправление, кризисные ситуации, Россия, ЕАЭС, модернизация.

**ZOIDOV KOBILZHON KHODJIEVICH**

Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Associate Professor, Head of the Laboratory  
of Integration of Russian Economy into International Economy FSBIS  
"Institute of Market Problems of the RAS", e-mail: kobiljonz@mail.ru

## THE SYSTEM OF INTER-BUDGETARY RELATIONS IN RUSSIA AND OTHERS COUNTRIES OF THE EAGE: CYCLIC DYNAMICS OF DEVELOPMENT, EXISTING RISKS, CHALLENGES AND PROSPECTS FOR DEVELOPMENT

**Abstract. The subject.** The manuscript discusses the cyclic dynamics of development, the existing risks, challenges and prospects of development of the system of inter-budgetary relations in Russian and other countries of the EEU. **The goal of the study.** The goal of the study is the development of mechanisms of effective regulation of the system of inter-budgetary relations taking into account the development of the Russian model of federalism and cyclic fluctuations of the economic business activity. **The methodology of performing the study.** In the process of the study the methods of evolutionary-institutional theory, econometric modelling and an analyti-

<sup>1</sup> Исследование проведено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 16-02-00614 а) и Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 16-06-00469 а)

cal evaluation were used. **The results of the study.** The imbalances and disproportions were found in the system of financial-budgetary relations in Russia and other countries of the EEU, including taking into account the impact of both overseas factors and the domestic structural problems of the economy. **Conclusions.** The model of financial-budgetary relations that formed at the present moment stands out due to its imbalance, and in the mid-term perspective may create a threat to the financial stability and economic security of Russia and other countries of the EEU. The task of optimization of the financial-budgetary system from the point of view of distribution of income and expense on its levels is relevant from the point of view of economic security. **The area of application of the results.** The results of the study may be used by the governmental authorities of Russia and the EEU in order to liquidate the existing problems in the system of financial-budgetary and inter-budgetary relations, when implementing structural reforms, the reforms of the system of state finances, changes in the taxation policy. The suggestions and mechanisms of effective regulation of the system of inter-budgetary relations in Russia and the countries of the EEU developed in the conditions of instability may be needed and used in order to preserve and strengthen competitive advantages of national economies and the EEU on the whole.

**Keywords:** governmental finances, financial institutes, the budget, inter-budgetary relations, the budgetary federalism, cyclic fluctuations of the economic business environment, the regional economy, local self-governance, crisis situations, Russia, the EEU, modernization.

### Введение

В 1990-е гг. в связи с трансформационным экономическим кризисом финансово-бюджетное положение России было тяжелым и отличалось нестабильностью. Государственный бюджет в России сводился, как правило, с дефицитом. Бюджетный потенциал по отношению к ВВП варьировал до 26-29% в России [1, 3–12, 15–16, 18–20]. Доля налоговых поступлений в бюджет в общих бюджетных доходах достигала 70–91%. Со сложившейся благоприятной ситуацией в период с 1999–2008 гг. на рынках сырьевых ресурсов (энергоносителей) и расширением внутреннего и внешнего спроса в России появились позитивные тенденции стабилизации экономики в целом, в т. ч. и финансового сектора. В России государственный бюджет стал исполняться с профицитом или сокращающимся дефицитом. В этот период темпы роста доходов бюджетов опережали темпы инфляции, что оказало положительное влияние на увеличение бюджетных ресурсов. Однако указанный рост объемов консолидированного бюджета РФ сопровождался формированием диспропорций при распределении доходов и расходов бюджетной системы между федеральными и региональными уровнями (табл. 1–2).

Данные из табл. 1 и 2 свидетельствуют о неравномерности в распределении финансовых ресурсов российского бюджета между различными уровнями федерального бюджета и бюджетами регионов (субъектов федерации) на различных временных отрезках. В 1993–1998 гг. объем доходов бюджетов субъектов федерации превышает объем доходов федерального бюджета. При этом объем расходов федерального бюджета за тот же период превышал объем расходов бюджетов субъектов федерации. В 1999–2000 гг. наблюдается примерное равенство доходов, поступивших в федеральный и региональные бюджеты. С 2001 г. начинается устойчивый рост объема доходов федерального бюджета, как в абсолютном выражении, так и в процентах от объема валового внутреннего продукта. Исключением являются кризисный 2009 г. и посткризисный 2010, когда доходы федерального бюджета составили 18, 9 и 17, 9% от ВВП соответственно. Доходы бюджетов субъектов федерации в 2001–2010 гг. колебались в районе 14,7–16,1% от ВВП, а с 2011 г. последовательно снижались, достигнув 13,2% в 2013 г.

С 2012 г. федеральный бюджет формируется с хроническим дефицитом. Объем его дефицита существенно увеличился в 2015 г., составив почти 2 трлн рубл. или 2,4% от ВВП. В этом же году впервые за 5 лет сократился объем доходов федерального бюджета — более чем на 800 млрд руб. в текущих ценах. В процентном отношении к ВВП доходы федерального бюджета, начиная с 2012 г., сократились почти на 4%, до 16,9% в 2015 г. Это примерно сопоставимо с уровнем 2000–2001 гг. Однако расходы федерального бюджета за тот период были примерно на 4,5–5% ниже уровня 2015 г. Существующий разрыв в доходах и расходах покрывается в основном за счет средств Резервного фонда, который по прогнозам председателя Счетной палаты РФ Татьяны Голиковой будет полностью исчерпан к концу 2017 г. [13].

Таблица 1

**Распределение доходов и расходов консолидированного бюджета  
РФ по уровням бюджетной системы в 1992–2015 гг. [1]<sup>2</sup>**

Год	Доходы федер-го бюджета, млрд руб. (до 1998 г. — трлн руб.)	Расходы федер-го бюджета, млрд руб. (до 1998 г. — трлн руб.)	Профицит/дефицит федер-го бюджета, млрд руб. (до 1998 г. — трлн руб.)	Доходы консолид. бюджетов субъектов федерации, млрд руб. (до 1998 г. — трлн руб.)	Расходы консолид. бюджетов субъектов федерации, млрд руб. (до 1998 г. — трлн руб.)	Профицит/дефицит консолид. бюджетов субъектов федерации, млрд руб. (до 1998 г. — трлн руб.)
1992	3	4	-1	2,7	2,4	0,3
1993	25,5	35,4	-9,9	30,1	28,2	1,9
1994	81,7	142,7	-68,6	115,7	112,6	3,1
1995	232,1	275,2	-43,1	241	247	-6
2000	1132,1	1029,2	102,9	1065,8	1032,1	33,7
2005	5127,2	3514,3	1612,9	2999,9	2941,2	58,7
2009	7337,8	9660,1	-2322,3	5926,6	6255,7	-329,1
2010	8305,4	10117,5	-1812	6537,3	6636,9	-99,6
2011	11367,7	10925,6	442	7644,2	7679,1	-34,9
2012	12855,5	12895	-39,4	8064,5	8343,2	-278,7
2013	13019,9	13342,9	-323	8165,1	8806,6	-641,5
2014	14496,9	14831,6	-334,7	8905,7	9353,3	-447,6
2015	13659,2	15620,3	-1961,0	9308,2	9479,8	-171,6

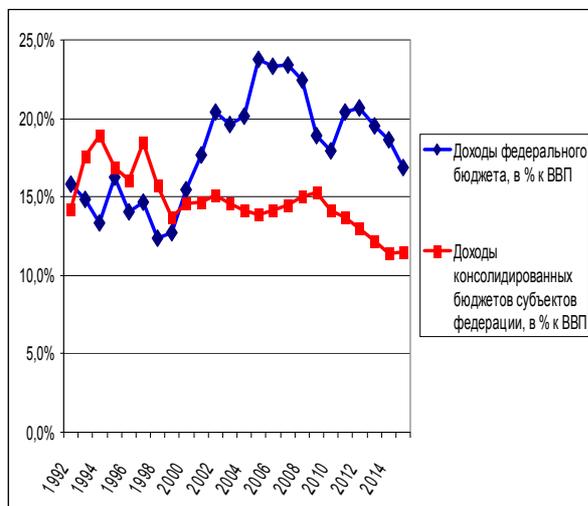
Таблица 2

**Отношение доходов, расходов и профицита (дефицита) федерального бюджета  
и консолидированных бюджетов субъектов федерации к ВВП в 1992–2015 гг. [1]**

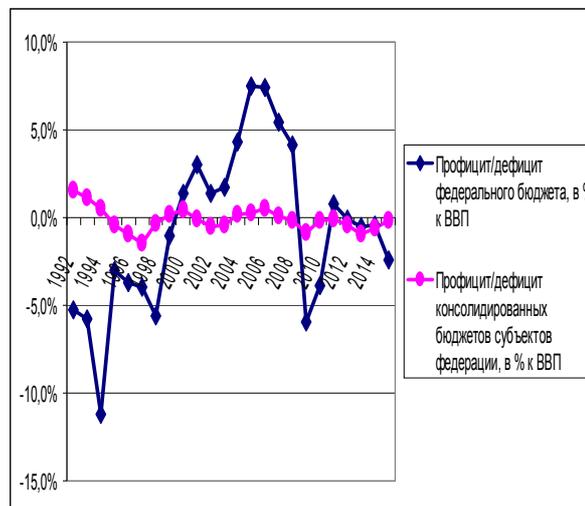
Год	Доходы федер-го бюджета, в % к ВВП	Расходы федер-го бюджета, в % к ВВП	Доходы консолид. бюджетов субъектов федерации, в % к ВВП	Расходы консолид. бюджетов субъектов федерации, в % к ВВП	Профицит/дефицит федер-го бюджета, в % к ВВП	Профицит/дефицит консолидир. бюджетов субъектов федерации, в % к ВВП
1992	15,8%	21,0%	14,2%	12,6%	-5,3%	1,6%
1993	14,9%	20,6%	17,6%	16,4%	-5,8%	1,1%
1994	13,4%	23,4%	18,9%	18,4%	-11,2%	0,5%
1995	16,2%	19,3%	16,9%	17,3%	-3,0%	-0,4%
1999	12,8%	13,8%	13,7%	13,6%	-1,1%	0,1%
2000	15,5%	14,1%	14,6%	14,1%	1,4%	0,5%
2005	23,7%	16,3%	13,9%	13,6%	7,5%	0,3%
2009	18,9%	24,9%	15,3%	16,1%	-6,0%	-0,8%
2010	17,9%	21,8%	14,1%	14,3%	-3,9%	-0,2%
2011	20,4%	19,6%	13,7%	13,8%	0,8%	-0,1%
2012	20,7%	20,7%	13,0%	13,4%	-0,1%	-0,4%
2013	19,5%	20,0%	12,2%	13,2%	-0,5%	-1,0%
2014	18,6%	19,0%	11,4%	12,0%	-0,4%	-0,6%
2015	16,9%	19,3%	11,5%	11,7%	-2,4%	-0,2%

<sup>2</sup> Данные из Российского статистического ежегодника Росстата, вып. 2003, 2010 и 2015 гг.

Следует также отметить, что хронический дефицит совокупного бюджета субъектов федерации начал формироваться ещё раньше — начиная с 2008 г. Это, в свою очередь, привело к росту объёма государственного долга за последние 7 лет в 3,9 раз (табл. 3.). Рис. 1 и 2 более наглядно иллюстрируют процесс перераспределения доходов между уровнями бюджетной системы, произошедший в 2000-е гг.



**Рис. 1.** Циклическая динамика распределения доходов по уровням бюджетной системы России в 1992–2015 гг.



**Рис. 2.** Циклическая динамика профицита/дефицита федерального бюджета и консолидированных бюджетов субъектов федерации в России в 1992–2015 гг.

Таким образом, сложившаяся в начале 2000-х гг. система распределения доходов бюджета между федеральным и региональными бюджетами, способствовала опережающему росту доходов федерального бюджета в «тучные годы» (2001–2008 гг.), в то время как доходы бюджетов субъектов федерации были зафиксированы примерно на одном уровне, а после финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. стали снижаться, а совокупный бюджет субъектов федерации стал устойчиво дефицитным. При этом правительство РФ не предпринимало системных мер по ликвидации этой структурной диспропорции бюджетной системы. Дефицит расходов бюджетов регионов компенсировался за счет предоставления межбюджетных трансфертов и дотаций на выравнивание бюджета. Однако сокращение объёмов доходов федерального бюджета с 2012 г. сокращает возможности такого рода помощи региональным бюджетам. Вторым источником финансирования хронического дефицита бюджетов субъектов федерации являются заимствования на внутреннем и внешних рынках.

В связи с постепенным развитием экономического кризиса в России, вызванного как внешними обстоятельствами (снижение мировых цен на энергоносители, являющиеся основой российского экспорта; экономические санкции со стороны США, ЕС и ряда других стран) так и внутренними структурными проблемами, особую актуальность принимает проблема поиска механизмов эффективного регулирования системы финансово-бюджетных и межбюджетных отношений, оптимального распределения доходов и расходов между различными уровнями бюджетной системы. Закрепленные в Конституции статус России как федеративного государства (статья 1,5) и разграничение предметов ведения (статьи 71–73) являются объективными факторами, обуславливающими необходимость поиска оптимальной структуры межбюджетных отношений. Субъективным фактором является текущий экономический кризис, одним из последствий которого является сокращение доходов, поступающих в консолидированный бюджет (КБ) РФ, провоцирующее, в свою очередь, сокращение расходной части бюджета. Проблема оптимизации системы межбюджетных отношений в этих условиях становится еще более актуальной [6–11].

Таким образом, целью исследования является разработка механизмов эффективного регу-

лирования системы финансово-бюджетных и межбюджетных отношений с учетом развития российской модели федерализма и циклических колебаний экономической конъюнктуры. А также поиск оптимального соотношения доходов и расходов между различными уровнями финансово-бюджетной системы в России и странах ЕАЭС в условиях нестабильности для сохранения и усиления конкурентных преимуществ национальных экономик и ЕАЭС в целом.

### 1. Финансово-бюджетное состояние трансформационной кризисной экономической системы России

Основной тенденцией последних 15 лет является изменение соотношения между доходами и расходами федерального бюджета и консолидированного бюджета субъектов федерации (СФ) в пользу федерального бюджета (ФБ). В 2000 г. доля доходов ФБ составляла 51,5%, доля КБ СФ — 48,5%. В 2005 г. эта пропорция составляла уже 59,3% против 40,6%, а к 2013 г. достигла 60,2% против 39,8%. Другие тенденции — рост дефицита КБ СФ и государственного долга СФ. В 2000 г. КБ СФ был исполнен с профицитом в 33 млрд руб., в 2005 г. — также с профицитом в 55 млрд руб., в 2010 г. — с дефицитом в 99 млрд руб., в 2013 г. — с дефицитом в 641,5 млрд руб. Государственный долг (ГД) СФ на 1 марта 2015 г. составил 2,13 трлн руб., что превышает совокупные расходы всех СФ на здравоохранение и сопоставимо с совокупными расходами на образование. За последние 6 лет объем государственного долга СФ увеличился в 3,5 раза, расходы на обслуживание долга — в 2,5 раза.

В 2015 г. на фоне общеэкономического спада и углубления региональных проблем субъекты РФ продолжали заимствования. По данным Минфина РФ, суммарный объем ГД всех субъектов РФ увеличился на 11% и на 1 января 2016 г. составил 2,318 трлн руб., что на 229 млрд руб. больше, чем годом ранее. Для сравнения, в 2014 г. госдолг вырос на 20%, в 2013 г. — на 28,6%, в 2012 г. — на 15%. Таким образом, темп роста региональных заимствований снизился. Отчасти это может быть связано с тем, что регионы стали в большей степени экономить. Так, расходы региональных бюджетов выросли лишь на 1,3% (для сравнения в 2014 г. рост составил 7,9%). Отчасти с тем, что в условиях финансовой нестабильности регионы стали более аккуратно взвешивать кредитные риски. Объем долга муниципалитетов увеличился на 9% и на начало 2016 г. составил 341,3 млрд руб. Суммарный объем ГД всех субъектов РФ и долга муниципальных образований, входящих в состав субъектов РФ, на 1 января 2016 г., по данным Минфина РФ, составил 2,66 трлн руб. что на 10,7% больше, чем годом ранее. ГД в 2015 г. повышался на фоне роста доходов бюджетов субъектов РФ. Снижение налоговых и неналоговых доходов было зафиксировано в 19 регионах. В 2015 г. суммарный объем налоговых и неналоговых доходов всех субъектов РФ вырос на 7,5% [6–11].

*Государственный долг субъектов федерации.* Следствием уже отмеченного выше снижения объема доходов бюджетов субъектов федерации и формирования их с дефицитом, начиная с 2008 г., явился устойчивый рост объема государственного долга субъектов федерации и расходов на его обслуживание.

Таблица 3  
Государственный долг субъектов федерации в 2009–2015 гг., млрд руб.<sup>3</sup>

Дата	Объем государственного долга субъектов федерации, млрд руб.
01.02.2009	564,1
01.01.2010	889,6
01.01.2011	1096
01.01.2012	1172,2
01.01.2013	1355
01.01.2014	1737,5
01.01.2015	2089,5
01.02.2016	2335,6
01.11.2016	2210,8

<sup>3</sup> Данные из Российского статистического ежегодника Росстата, вып. 2003, 2010 и 2015 гг.

Как видно из табл. 3, с 2009 по 2016 г. объём государственного долга субъектов федерации увеличился в 3,9 раз и по данным Министерства финансов РФ на 1 ноября 2016 г. составил 2,2 трлн руб. Объём госдолга субъектов федерации практически сравнялся с их совокупными расходами на образование (2,4 трлн руб. в 2014 г.). Как следствие, существенно выросли и расходы региональных бюджетов на обслуживание государственного долга. В 2008 г. они составляли 35,9 млрд руб., а в 2015 г. — уже 149 млрд руб. Таким образом, расходы на обслуживание госдолга регионов за 7 лет увеличились почти в 4,2 раза (табл. 4).

Таблица 4

**Расходы консолидированного бюджета субъектов федерации на обслуживание государственного и муниципального долга в 2008–2013 гг., млрд. руб.<sup>4</sup>**

Год	Расходы субъектов федерации на обслуживание госдолга, млрд руб.
2008	35,9
2009	62,7
2010	71,3
2011	75,7
2012	74,6
2013	91,2
2014	121,7
2015	149

В 2013 г. объём накопленного государственного долга субъектов федерации превысил совокупные расходы региональных бюджетов на жилищно-коммунальное хозяйство в 1,9 раз, на здравоохранение — в 1,4 раза. В 2013 г. размер государственного долга субъектов РФ увеличился до 30% по отношению к собственным доходам, а количество регионов, имеющих долговую нагрузку свыше 50% собственных доходов, выросло за год с 15 до 25 [3]. Нарастание объёмов государственного долга субъектов федерации и расходов на его обслуживание в условиях сокращения доходов региональных бюджетов может создать угрозу финансовой стабильности бюджетной системы в среднесрочной перспективе. По данным Счетной палаты РФ на 1 января 2016 г., в 76 субъектах федерации бюджет на год был сформирован с дефицитом и лишь в 9 — с профицитом [13].

Чтобы ослабить долговую нагрузку на бюджеты субъектов федерации, в принятом Государственной Думой РФ федеральном бюджете на 2017 г. запланировано выделение бюджетных кредитов регионам на общую сумму в 200 млрд руб. [17]. Однако данной меры недостаточно, чтобы решить проблему целиком. По прогнозу рейтингового агентства Standard&Poors у четверти российских регионов к 2018 г. расходы бюджета на обслуживание и погашение государственного долга будут превышать 30% доходов [6–11]. Подобный уровень свидетельствует об очень высокой вероятности дефолта регионального бюджета.

*Зарубежный опыт регулирования финансово-бюджетных отношений.* Опыт других стран с федеративным типом государственного устройства свидетельствует о многообразии подходов к распределению доходных и расходных полномочий, использованию федеральных трансфертов и механизмов выравнивания бюджетной обеспеченности регионов. Сравнительный анализ доходных и расходных полномочий приводит к выводу, что для большинства переходных федераций, к которым, в т. ч., относится и Россия, в целом характерна весьма высокая степень концентрации властных полномочий и финансовых ресурсов на уровне центрального правительства. Доля федеральных властей в совокупных доходах государства составляет в этих странах порядка 70–90% (до перевода трансфертов в регионы), а доля в совокупных расходах (после перевода трансфертов) — порядка 50–60% [6–11]. В так называемых «зрелых федерациях» такие показатели, как правило, ниже. Исключением является Австралия, в которой федеральное правительство концентрирует в своих руках примерно 75% общегосудар-

<sup>4</sup> Данные из Российского статистического ежегодника Росстата, вып. 2003, 2010 и 2015 гг.

ственных доходов (в США — около 67%), при этом на федеральном уровне расходуется почти 60% аккумулируемых средств. Соответственно, в относительно «молодых» федерациях выше степень зависимости региональных субъектов от перевода средств из центра. В таких странах доля поступлений из центра в совокупных доходах субъектов составляет, как правило, от 50 до 70% и более. В зрелых федерациях эта доля колеблется в пределах от 20 до 40% [6–11].

Международные эксперты обращают внимание на то, что в переходных федерациях придается большое значение экономическому прогнозированию и планированию. Оно признано необходимым для проведения масштабных структурных реформ, ликвидации отраслевых и региональных диспропорций, реализации задач стимулирования занятости в отдельных регионах, оказания социальной поддержки малообеспеченным слоям населения. Всё это усиливает роль центрального правительства как главного планирующего органа, обладающего большими финансовыми полномочиями. В связи с этим встречающееся иногда утверждение, будто из-за высокой степени централизации власти современная Россия является федерацией «только по названию, но не по сути», не согласуется с выводами серьезных специальных исследований и вряд ли может считаться обоснованным.

Вместе с тем зарубежный опыт демонстрирует, что высокая централизация имеет немало отрицательных сторон. В частности, повышенная зависимость от центра ограничивает самостоятельность субъектов федерации, ослабляет стимулы к соблюдению ими принципов финансовой ответственности и экономному расходованию ресурсов.

*Общее состояние системы межбюджетных отношений в России.* Сложившаяся в настоящий момент модель финансово-бюджетных отношений отличается несбалансированностью и в среднесрочной перспективе может создать угрозу финансовой стабильности и экономической безопасности России. С начала 2000-х гг. устойчивой тенденцией стала централизация доходов консолидированного бюджета РФ в федеральном бюджете, в то время как доходы бюджетов субъектов федерации оставались примерно на одном уровне. Основным последствием финансово-экономического кризиса 2008–2009, существующим до сих пор, стал хронический дефицит региональных бюджетов, рост государственного долга субъектов федерации в 3,9 раз (по сравнению с 2008 г.) и расходов на обслуживание госдолга в 4,2 раза (за тот же период времени). Замедление и последующее падение темпов экономического роста, а также сокращение реальных доходов населения, начавшееся в 2014 г., способствуют и продолжают способствовать дальнейшему сокращению доходов региональных бюджетов из-за снижения поступлений от налога на прибыль и налога на доходы физических лиц, в сумме обеспечивающих половину доходной части бюджетов субъектов федерации.

При этом на региональные бюджеты приходится 79,5% всех государственных расходов на образование и 71,1% всех государственных расходов на здравоохранение (данные за 2014 г.). Сохранение текущих дисбалансов бюджетной политики может привести и частично уже приводит к хроническому недофинансированию социальной сферы. Продолжительное сокращение инвестиций в человеческий капитал серьезно ухудшает конкурентные преимущества российской экономики в целом, приводит к депопуляции отдельных регионов и концентрации населения в нескольких крупных мегаполисах, т. н. «утечке мозгов» за границу, росту социальной напряженности, создающей угрозу социально-политической стабильности государства в целом.

Для ликвидации подобных кризисных явлений необходима корректировка бюджетной политики для более сбалансированного распределения доходов и расходов бюджета между федеральным и региональным уровнем.

## **2. Финансово-бюджетное состояние трансформационной кризисной экономической системы Белоруссии**

Финансово-бюджетное положение Белоруссии в период с 1991–2000 гг. также было тяжелым и отличалось нестабильностью. Государственный бюджет в Белоруссии сводился, как правило, с дефицитом. В период с 1991–1994 гг. бюджетный потенциал по отношению к ВВП варьировал в интервале 30–40%, в период с 1995–1999 гг. варьировал в интервале 3–35 % и в период с 2000–2014 гг. варьировал в интервале 30–50 % (табл. 5) [6–11].

## Финансы и бюджет Белоруссии в период с 1991–2015 гг.\* [1–2]

Годы	Доходы** бюджета (млрд руб. 1991–1992 гг., трлн руб. 1993 –2015 гг.)	Расходы*** бюджета (млрд руб. 1991–1992 гг., трлн руб. 1993 –2015 гг.)	$R_{\text{дох}}$ % к ВВП	$E_{\text{рас}}$	Профицит или дефицит (-)	$M_2^{***}$	$M_0$	$R_{\text{ср}}$ Ставка рефинан- сирования, %
1991	25,9	24,4	30	28	1,7	...	...	
1995	35,5	38,8	29	32	-2,7			55
2000	3,2	3,2	35	35	-0,6	623,9	238,8	...
2001	5,7	6,0	33	33	-1,6	1249	512,2	48,0
2005	30,8	31,3	48	48	-0,7	8594,9	2016,4	11,0
2009	62,8	63,8	46	46	-0,7	20737,0	3647,2	13,5
2010	48,8	63,8	30	32	-2,6	26425,0	4493,9	10,5
2011	85,6	53,0	29	27	2,1	43354,6	6711,8	45,0
2012	158,0	79,4	30	29	0,5	68669,5	11307,3	30,0
2013	189,2	155,2	29	29	0,2	79331,2	12302,0	23,5
2014	219,3	187,8	28	27	1,0	90844,5	13923,8	20,0
2015	266,3	250,4	30,6	28,8	1,8	90496,3	14236,0	25

\* $M_2$  — денежная масса;  $M_0$  — из  $M_2$  наличные деньги в обращении;  $R_{\text{ср}}$  — ставки рефинансирования за предоставленный кредит.

\*\*С 2004 г. — с учетом внебюджетных и бюджетных целевых фондов и фонда социальной защиты населения Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь; с 2010 г. — без учета фонда социальной защиты населения Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь.

\*\*\*С 2006 г. с учетом государственных внебюджетных фондов.

По информации Министерства финансов, в 2015 г. в консолидированный бюджет Республики Беларусь поступило 266,3 трлн руб. доходов (30,6% ВВП), что на 21,4% больше, чем в 2014 г. Динамичность наполнения доходной части консолидированного и республиканского бюджетов страны в 2015 г. была значительно выше уровня 2014 г., в основном за счет роста поступлений вывозных таможенных пошлин и увеличения с 01 января 2015 г. на один процентный пункт ставки подоходного налога. Доходная часть консолидированного бюджета сформирована, главным образом, за счет налоговых поступлений. Налоговые доходы в 2015 г. составили 83,6% всех поступлений в консолидированный бюджет (в 2014 г. — 86,2%), неналоговые доходы — 16% (13,3%). В структуре доходов КБ за 2015 г. по сравнению со структурой за 2014 г. увеличилась доля налоговых доходов от внешнеэкономической деятельности — с 8,4% до 14,7% и уменьшилась доля налогов на доходы и прибыль — с 24,5% до 22,9%, а также налогов на товары (работы, услуги) — с 46,6% до 39,4%, в т. ч. НДС — с 31,8% до 27,3%. Всего налоги на потребление (косвенные налоги) сформировали 54,1% всех доходов КБ, а прямые налоги — чуть более четвертой их части. Расходы КБ в 2015 г. составили 250,4 трлн руб. или 28,2% ВВП (в 2014 г. — 27,2% ВВП). Основная доля в расходах консолидированного бюджета в разрезе функциональной классификации приходилась на финансирование социальной сферы, общегосударственной деятельности и национальной экономики. Консолидированный бюджет в 2015 г. был исполнен с профицитом 1,8% ВВП (в 2014 г. — 1,0% ВВП).

### 3. Финансово-бюджетное состояние трансформационной кризисной экономической системы Армении

Финансово-бюджетное положение Армении в период с 1991–2000 гг. также было тяжелым и отличалось нестабильностью. Государственный бюджет в Армении сводился, как правило, с дефицитом. В период 1991–1994 гг. бюджетный потенциал по отношению к ВВП варьировал в интервале 22–36%, в период 1995–1999 гг. варьировал в интервале 15–19% и в период 2000–2012 гг. варьировал в интервале 16–24% [6–11] (табл. 6).

**Финансы и бюджет Армении в период 1991–2015 гг.\* [1–2]**

Годы	Доходы** бюджета (млрд руб. и 1994 г. млрд драмов)	Расходы** бюджета (млрд руб. и 1994 г. млрд драмов.)	$R_{дох}$ в % к ВВП	$R_{рас}$ в % к ВВП	Профицит или дефицит (-) в % к ВВП	$M_2$ в % к 1995 г.	$M_0$ в % к 1995 г.	$R_{ср}$ в %.	$R_{ср}$ в % к 1995 г.
1991	...	...	...	...	...				
1995	94,5	125,6	18	24	-6,0	100	100	52	100
2000	172,1	222,9	17	22	-4,9	369	242	25	48
2005	374,7	417,5	17	19	-1,9	547	587	3,75	7,2
2010	780,4	954,3	23	28	-5,0	1269	1237	7,25	14
2011	880,9	986,6	23	26	-2,8	1604	1420	8	15
2012	946,2	1006,1	22	24	-1,4	1796	1561	8	15
2013	1071,4	1142,9	24	25	-1,6	2063	1563	7,75	15
2014	1144,8	1235,1	24	26	-1,9	1991	1416	8,5	16
2015	1147,2	1293,9	23	26	-2,9	2095	1467	8,75	16,1

\* $R_{дох}$  — доходы консолидированного бюджета в % к ВВП;  $R_{рас}$  — расходы консолидированного бюджета в % к ВВП;  $M_2$  — денежная масса;  $M_0$  — из  $M_2$  наличные деньги в обращении;  $R_{ср}$  — ставки рефинансирования за предоставленный кредит.

\*\*Государственный бюджет по Армении с 2005 г.

Дефицит государственного бюджета Республики Армения по итогам января – декабря 2015 г. составил 2,9% ВВП против дефицита 1,9% за аналогичный период 2014 г. В течение 2015 г. дефицит бюджета увеличивался, что связано с сохранением политики умеренного стимулирования роста экономики и низкими темпами роста поступлений в бюджет. Несмотря на относительно низкий уровень инфляции, доходы бюджета сократились в реальном выражении. На замедление роста доходов в 2015 г., главным образом, повлияло сокращение поступлений налога на добавленную стоимость и налога на прибыль вследствие замедления роста внутреннего спроса и предоставления налоговых льгот для стимулирования экономической активности. Рост доходов бюджета был поддержан увеличившимися поступлениями таможенных пошлин, налога на доход и целевых социальных выплат [8].

#### 4. Финансово-бюджетное состояние трансформационной кризисной экономической системы Казахстана

Финансово-бюджетное положение Казахстана в период 1991–2000 гг. также было тяжелым и отличалось нестабильностью. Государственный бюджет в Казахстане сводился, как правило, с дефицитом. В периоде 1991–1994 гг. бюджетный потенциал по отношению к ВВП варьировал в интервале 23–42%, в периоде 1995–2000 гг. варьировал в интервале 17–23%, в периоде 2000–2008 гг. варьировал в интервале 23–29% и в периоде 2009–2014 гг. варьировал в интервале 28–32% [6–11] (табл. 7).

Профицит Консолидированного бюджета Республики Казахстан по итогам января – декабря 2015 г. составил 9,6% к ВВП против 5,0% за аналогичный период 2014 г. По сравнению с 2014 г. он значительно увеличился, что связано с сокращением объемов поступлений в бюджет в 2015 г. Сокращение налоговых поступлений в бюджет в 2015 г. связано с замедлением роста внутреннего спроса и уменьшением объемов внешнеторговых операций. Главным образом, произошло сильное уменьшение поступлений корпоративного подоходного налога и налога на добавленную стоимость. Поддержку бюджетной системе оказали увеличившиеся поступления индивидуального подоходного налога, социального налога, акцизов, неналоговые поступления [2, 8].

Таблица 7

## Финансы и бюджет Казахстана в период с 1991–2015 гг. в индексах\* [1–2]

Годы	Доходы** бюджета	Расходы** бюджета	R <sub>дох</sub> % к ВВП	E <sub>рас</sub> % к ВВП	Профицит*** или дефицит (-) в % к ВВП	M <sub>2</sub> в индек. 1995	M <sub>0</sub> в индек. 1995	R <sub>ср</sub> Ставка ре- финан- сирования, %	R <sub>ср</sub> в индек. 1995
1991	27,2	32,8	42	38	-6,6				
1995	219,4	260,2	22	26	-4,0	100,0	100,0	52,5	100,0
2000	598,7	602,0	23	23	-0,1	257,1	218,0	14,0	26,7
2005	2098	1946	24	27	0,6	1340,4	843,9	8,0	15,2
2010	6573	4479	30	21	8,0	5809,1	2353,5	7,0	13,3
2011	8746,1	5492,3	30	19	9,6	7044,7	2798,6	7,5	14,3
2012	9273,2	6297,6	29	20	8,0	7556,9	3131,4	5,5	10,5
2013	9814,7	6878,5	26	19	7,4	7672,5	3099,0	5,5	10,5
2014	10825,9	7843,8	27	19	5,0	7044,8	2299,8	5,5	10,5
2015	12476,3	8305,0	31	20	9,6	7604,1	2481,5	5,5	10,5

\*M<sub>2</sub> — денежная масса; M<sub>0</sub> — из M<sub>2</sub> наличные деньги в обращении; R<sub>ср</sub> — ставки рефинансирования за предоставленный кредит.

\*\* 1991–1992 гг. — млрд руб., 1993–2014 гг. — млрд тенге,

\*\*\* Превышение доходов над расходами (профицит), расходов над доходами (дефицит -), с 2005 г. с учетом сальдо по операциям с финансовыми активами.

### 5. Финансово-бюджетное состояние трансформационной кризисной экономической системы Кыргызстана

Финансово-бюджетное положение Кыргызстана в период 1991–2000 гг. также было тяжелым и отличалось нестабильностью. Государственный бюджет в Кыргызстане также сводился, как правило, с дефицитом. В период 1991–1994 гг. бюджетный потенциал по отношению к ВВП варьировал в интервале 16–19%, в период 1995–2000 гг. варьировал в интервале 15–19%, в период 2000–2008 гг. варьировал в интервале 15–25% и в период 2009–2014 гг. варьировал в интервале 26–30% [6–11] (табл. 8).

Таблица 8

## Финансы и бюджет Кыргызстана в период 1991–2015 гг. в индексах\* [1–2]

Годы	Доходы** бюджета	Расходы** бюджета	R <sub>дох</sub> % к ВВП	E <sub>рас</sub> % к ВВП	Профицит*** или дефицит (-)	M <sub>2</sub> в индек. 1995	M <sub>0</sub> в индек. 1995	R <sub>ср</sub> Ставка ре- финан- сирования, %	R <sub>ср</sub> в ин- дек. 1995
1991	6,1	4,9	19	26	-7,2	...	...	...	...
1995	2745,9	4610	16	29	-11,5	100	100	46	100
2000	10029	11308	15	17	-2	196	216	38,29	83
2005	20367	20143	20	20	0,2	593	689	4,13	9
2010	57385	61583	26	28	-4,9	1989	2184	5,5	12
2011	77424	82600	27	29	-4,8	2300	2484	13,61	30
2012	86772	100023	28	32	-6,5	2870	2868	2,64	6
2013	101802	86600	29	24	-0,7	3370	3263	4,17	9
2014	119379	95585	30	24	-0,5	3052	2737	10,5	23
2015	128100	105253	30	25	-1,5	3049	2734	10	22,8

\*M<sub>2</sub> — денежная масса; M<sub>0</sub> — из M<sub>2</sub> наличные деньги в обращении; R<sub>ср</sub> — ставки рефинансирования за предоставленный кредит.

\*\* 1991–1992 гг. — млрд руб., 1993–2015 гг. — млн сомов, с 2007 г. — введена бюджетная классификация МВФ 2001г. с 2008 г. — с учетом сальдо по операциям с нефинансовыми активами.

\*\*\* Превышение доходов над расходами (профицит), расходов над доходами (дефицит -), с 2005 г. с учетом сальдо по операциям с финансовыми активами.

Дефицит Консолидированного бюджета Республики Кыргызстан по итогам января – декабря 2015 г. составил -1,5% к ВВП против -0,5% за аналогичный период 2014 г. По сравнению с 2014 г. он значительно увеличился, что связано с сокращением объёмов поступлений в бюджет в 2015 г. Сокращение налоговых поступлений в бюджет в 2015 г. также связано с замедлением роста внутреннего спроса и уменьшением объёмов внешнеторговых операций. Главным образом, произошло сильное уменьшение поступлений корпоративного подоходного налога и налога на добавленную стоимость. Поддержку бюджетной системе оказали увеличившиеся поступления индивидуального подоходного налога, социального налога, акцизов, неналоговые поступления [1–2, 8].

### **Заключение**

С формированием в начале 2000-х гг. благоприятной ситуации на рынках энергоносителей и расширением внутреннего и внешнего спроса в странах СНГ появились позитивные тенденции стабилизации экономики в целом, в т. ч. и финансового сектора. В России, Кыргызстане, и Таджикистане государственный бюджет стал исполняться с профицитом или сокращающимся дефицитом. В период 2000–2007 гг. финансовое положение стран СНГ оставалось достаточно устойчивым, что положительно сказалось, прежде всего, на укреплении государственных финансов, национальных валют и денежной системы, улучшилось финансовое состояние предприятий и организаций отдельных отраслей экономики. В этот период темпы прироста доходов бюджетов опережали темпы инфляции, что позволило расширить бюджетные возможности. Продолжался рост прибыли предприятий, снизилось число убыточных предприятий; отмечалось снижение доли убыточных предприятий в общем количестве хозяйствующих субъектов. Однако такие позитивные тенденции происходили по ограниченному числу видов экономической деятельности. В большинстве стран СНГ повысился уровень монетизации экономики (отношение денежной массы к ВВП) при одновременном сокращении доли наличных денег в совокупной денежной массе; укрепились национальные валюты; существенно возросли объёмы кредитования. Начиная с 2006 г., доля долгосрочных кредитов преобладала в общем объеме предоставленных кредитов практически во всех странах. Наблюдалась тенденция к снижению доли просроченной задолженности по предоставленным кредитам к общему объему кредитов [1, 6–11, 16–18].

По показателю дефицита консолидированного бюджета Армения и Казахстан в 2015 г. превысили установленное количественное пороговое значение. По итогам 2015 г. в России и Кыргызстане наблюдался высокий уровень (около 3% или выше) бюджетного дефицита. Превышение количественного значения бюджетного дефицита в государствах-членах ЕАЭС в 2015 г. Произошло, главным образом, в результате проведения стимулирующей бюджетно-налоговой политики в условиях сокращения доходов. Республика Беларусь, напротив, формировала бюджетный профицит в целях погашения и обслуживания внешнего долга. По результатам анализа макроэкономических показателей, определяющих устойчивость экономического развития государств-членов ЕАЭС, показано превышение пороговых значений следующих показателей: государственный долг (Кыргызстан) и инфляция (Беларусь, Казахстан, Россия), а также годовой уровень бюджетного дефицита (во всех государствах-членах ЕАЭС, кроме Беларуси) [6–11].

С 2010 г. по 2015 г. финансово-бюджетное положение стран ЕАЭС испытывало сильное влияние внешних факторов. С одной стороны, оживление мировой экономической активности в 2010–2013 гг., несмотря на сохраняющуюся неопределённость в ряде стран еврозоны, способствовало постепенному восстановлению финансовой системы стран ЕАЭС, росту бюджетных доходов, стабилизации банковского сектора и укреплению национальных валют. С другой стороны, нарастание международной напряженности, резкое снижение цен на энергоносители и падение внешнеторгового товарооборота в 2014–2015 гг. в большинстве стран ЕАЭС сопровождалось замедлением экономического роста и сужением рынка кредитных ресурсов, а в отдельных странах – сокращением объёма денежных переводов. Состояние государственных финансов стран ЕАЭС также несколько ухудшилось: в 2014–2015 гг. бюджеты большинства стран региона сводились с дефицитом. Центральные банки большинства стран ЕАЭС в 2014 г. были вынуждены ужесточить свою политику и на фоне высоких рисков в экономике подняли

ставки рефинансирования [6–11].

*Предложения по корректировке дисбалансов в системе межбюджетных отношений.* В качестве возможных способов корректировки бюджетной политики, способствующей ликвидации существующих дисбалансов в структуре межбюджетных отношений, можно предложить следующие [6–11]:

1. Зачисление 60% налога на добавленную стоимость на товары (работы, услуги), реализуемые на территории Российской Федерации, в бюджеты субъектов федерации. Сейчас 100% указанного налога зачисляется в федеральный бюджет. Данная мера позволила бы дополнительно привлечь не менее 1,3 трлн руб. в региональные бюджеты (здесь и далее расчет берётся, исходя из отчёта об исполнении консолидированного бюджета РФ за 2014 г.).

2. Зачисление 100% налога на прибыль в бюджеты субъектов федерации. Сейчас в региональные бюджеты поступает примерно 83% указанного налога, 17% направляется в федеральный бюджет. Данная мера позволила бы дополнительно привлечь не менее 400 млрд руб. Однако одновременно необходимо на законодательном уровне закрепить обязанность уплаты налога на прибыль в регионе, где по факту осуществляется экономическая деятельность предприятия-налогоплательщика. В противном же случае стопроцентное зачисление налога на прибыль в региональные бюджеты будет способствовать ещё большему увеличению социально-экономическому неравенству регионов. На сегодняшний день значительное число корпораций и крупных финансово-промышленных групп зарегистрированы и платят налоги в двух городах федерального подчинения — Москве и Санкт-Петербурге.

Предложенный налоговый маневр позволил бы пополнить консолидированные бюджеты субъектов федерации не менее чем 1,7 трлн руб., что позволило бы снять остроту бюджетного кризиса в регионах, избежать дефолтов региональных бюджетов и увеличить финансирование социальной части бюджетов субъектов федерации.

3. Вместе с перераспределением части налоговых поступлений в пользу бюджетов субъектов федерации следует предоставить местным властям возможность регулировать размер ставки по налогу на прибыль и передаваемой регионам части НДС. Данная мера позволит региональным властям стимулировать экономическую активность. Регулирование ставки должно ограничиваться определённым коридором, чтобы избежать появления в отдельных регионах «внутренних офшоров», с помощью которых крупные корпорации смогут уходить от уплаты налогов.

4. Выпадающие в случае перераспределения налогов доходы федерального бюджета следует компенсировать в первую очередь за счёт повышения качества управления предприятиями, находящимися в государственной собственности. В частности, необходимо избрание в советы директоров госкомпаний независимых директоров, из которых сформировать комитеты по аудиту и номинациям. Данная мера должна способствовать внедрению международных корпоративных стандартов прозрачности и внутреннего контроля, обеспечить конкурентный и обоснованный порядок привлечения и компенсации топ-менеджеров, включая руководителей компаний. Повышение качества управления госкомпаниями позволит, с одной стороны, увеличить доходы федерального бюджета, с другой стороны — снизить его расходы. В 2014 г. расходы по статье «национальная экономика» составили 3,06 трлн руб., это вторая по объёму расходов статья федерального бюджета. Приватизация части госкомпаний как альтернативный способ увеличения доходов федерального бюджета возможна только после завершения реформы управления госсектором. В противном случае она не сможет способствовать выполнению как фискальной функции (максимизации доходов бюджета от продажи государственных активов), так и структурной — повышению эффективности и конкурентоспособности национальной экономики.

#### *Литература*

1. 25 лет СНГ 1991–2010 гг. : стат. сборник / МСК СНГ. — М., 2015.
2. Годовой доклад за 2015 г. / Об итогах и перспективах социально-экономического развития государств-членов ЕАЭС и мерах, предпринятых государствами-членами в области макроэкономической политики. — М. : ЕЭК, 2016.
3. Дохолян, С. В. Концептуальные подходы к достижению устойчивого экономического развития региона как социо-экономико-экологической системы / С.В. Дохолян, А.М. Садыкова, А.С. Дохолян // *Апробация*. 2015. № 5. С. 60–66.

4. Дохолян, С. В. Мотивационный менеджмент на предприятиях машиностроительного комплекса / С.В. Дохолян, К.Г. Асриянц. — Махачкала : Изд-во ИСЭИ ДНЦ РАН, 2005.
5. Дохолян, С. В. Стратегический подход к формированию и реализации региональной социально-экономической политики // Экономика и предпринимательство. 2013. № 9. С. 139–144.
6. Зоидов, К. Х., Янкаускас, К. С. Формирование эффективной модели регулирования финансово-бюджетных отношений между федеральными и региональными уровнями в условиях интеграции и нестабильности. Часть I // Региональные проблемы преобразования экономики. 2016. № 3(65). С. 114–128.
7. Зоидов, К. Х., Янкаускас, К. С. Формирование эффективной модели регулирования финансово-бюджетных отношений между федеральными и региональными уровнями в условиях интеграции и нестабильности. Часть II // Региональные проблемы преобразования экономики. 2016. № 4(66). С. 82–94.
8. Зоидов, К. Х., Янкаускас, К. С. Система межбюджетных отношений в России : циклическая динамика развития, существующие риски, вызовы и перспективы развития. Россия в XXI веке : глобальные вызовы и перспективы развития : пленарные доклады // Материалы Пятого международного форума. Москва, 6, 8–9 декабря 2016 г. ; под ред. чл.-корр. РАН В.А. Цветкова. — М. : ИПР РАН, 2016. С.129–137.
9. Зоидов, К. Х. Эффективное регулирование системы финансово-бюджетных отношений стран ЕАЭС в условиях нарастающей глобальной нестабильности. Формирование финансово-кредитных механизмов обеспечения стабильности и экономического роста с учетом перспектив развития интеграции в ЕАЭС // Материалы международной научно-практической конференции. Москва, 25–26 февраля 2016 г. ; под ред. чл.-корр. РАН В.А. Цветкова. — М. : ЦЭМИ РАН / ИПР РАН, 2016. С. 189–198.
10. Зоидов, К. Х. Оптимизация системы межбюджетных отношений России в рамках интеграции в ЕАЭС в условиях нарастающей глобальной нестабильности // 25 лет СНГ : основные итоги, проблемы, перспективы развития : материалы международной научно-практической конференции. Москва, 29–30 июня 2016 г. ; под ред. чл.-корр. РАН В.А. Цветкова. — М. : ЦЭМИ РАН / ИПР РАН, 2016. С. 252–257.
11. Зоидов, К. Х. К проблеме моделирования системы финансово-бюджетных отношений России в рамках развития и расширения ЕАЭС в условиях нестабильности // Евразийская экономическая интеграция как фактор повышения стабильного и поступательного развития национальных хозяйственных систем : материалы международной научно-практической конференции. Москва, 29–30 сентября 2016 г. ; под ред. чл.-корр. РАН В.А. Цветкова. — М. : ИПР РАН, 2016. С. 95–135.
12. Мировой финансовый кризис в постсоветских странах : национальные особенности и экономические последствия ; под общ. ред. д.э.н., профессора Л.Б. Вардомского. — М. : ИЭ РАН, 2009.
13. Счетная палата : Резервный фонд полностью будет исчерпан в 2017 г. 12 декабря 2016 г. [Электронный ресурс]. — М., 2016. — URL : <http://www.vedomosti.ru/economics/news/2016/12/12/669168-schetnaya-palata>, свободный. — Загл. с экрана.
14. Силуанов, А. Г. Межбюджетные отношения в условиях развития федерализма в России. — М. : Изд-во «Дело» РАНХиГС, 2011.
15. Социально-экономическое развитие постсоветских стран : итоги двадцатилетия. — М. : ИЭ РАН, 2012.
16. Стратегия регионального развития в условиях инновационных преобразований экономики / В.З. Петросянци, С.В. Дохолян, Д.В. Петросянци, А.А. Баширова ; под общ. ред. д.э.н., проф. В.З. Петросянца / РАН; Дагестан. науч. центр; Ин-т соц.-экон. исследований. — М. : Экономика, 2011.
17. Центр отучает регионы от бесплатных денег / Вадим Вислогузов // Коммерсант-газета [Электронный ресурс]. — М., 2016. — URL : <http://www.kommersant.ru/doc/3170156/>, свободный. — Загл. с экрана.
18. Цветков, В. А., Зоидов, К. Х. и др. Исследование экономических циклов в странах постсоветского пространства. — М. : ЦЭМИ РАН, 2010.
19. Цветков, В. А., Зоидов, К. Х. и др. Постсоветское экономическое пространство : современное состояние и перспективы развития. — М. : Финансы и кредит, 2009.
20. Цветков, В. А., Зоидов, К. Х., и др. Администрирование внешнеторговых грузопотоков // Труды ЭАЦ «Модернизация». Вып. 7. — М. : ЭАЦ «Модернизация», 2013.
21. Alchian, A. A. Uncertainty, Evolution and Economic Theory // Journal of Political Economy. 1950. Vol. 58. P. 211–221.
22. Nelson, R. R., Winter, S. J. An evolutionary theory of economic change. — М. : Finstatinform, 2000.
23. The Conference Board Total Economy Database, September 2010. [Электронный ресурс]. — М., 2010. — URL : <http://www.conferenceboard.org/data/economydatabase/> (дата обращения 15.10.2016), свободный. — Загл. с экрана.

#### References:

1. 25 years of CIS period from 1991 to 2010 : Stat. coll. / MSK CIS. — М., 2015.
2. Annual report for 2015 on the results and prospects for socio-economic development of the member States of the EAEC and the measures taken by member States in the area of macroeconomic policy. — М. : EEK, 2016.
3. Dokholyan, S. V. Conceptual approaches to the achievement of sustainable economic development of the region as socio-economic-ecological systems / S.V. Dokholyan, A.M. Sadykov, A.S. Dokholyan // Testing. 2015. No. 5. P. 60–66.
4. Dokholyan, S. V. Motivation management at the enterprises of machine-building complex / S.V. Dokholyan, K.G. Asriyants. — Makhachkala: ISER DAS RAS 2005.
5. Dokholyan, S. V. Strategic approach to the development and implementation of regional socio-economic

- policy // *Economics and entrepreneurship*. 2013. No. 9. P. 139–144.
6. Zoidov, K. Kh., Jankauskas, K. S. Formation of effective model of regulation of the financial-budgetary relations between the Federal and regional levels in terms of integration and instability. Part I // *Regional problems of transformation of the economy*. 2016. No. 3(65). P. 114–128.
7. Zoidov, K. Kh., Jankauskas, K. S. Formation of effective model of regulation of the financial-budgetary relations between the Federal and regional levels in terms of integration and instability. Part II // *Regional problems of transformation of the economy*. 2016. No. 4(66). P. 82–94.
8. Zoidov, K. Kh., Jankauskas, K. S. System of interbudgetary relations in Russia : the cyclical dynamics of development, the existing risks, challenges and prospects. *Russia in the XXI century: global challenges and perspectives of development : plenary // Proceedings of the Fifth International forum*. Moscow, 6, 8–9 December 2016 ; under the editorship of corresponding member RAS V.A. Tsvetkov. — M. : MEI RAS, 2016. P. 129–137.
9. Zoidov, K. Kh. Effective regulation of the financial-budgetary relations of the countries of the EEU in the context of growing global instability. Formation of financial-credit mechanisms of stability and economic growth, taking into account prospects of development of the integration in the EAEU // *Materials of international scientific-practical conference*. Moscow, February 25–26, 2016 ; under the editorship of corresponding member RAS V.A. Tsvetkov. — M. : CEMI RAS / MEI RAS, 2016. P. 189–198.
10. Zoidov, K. Kh. Optimization of the system of interbudgetary relations of Russia within the framework of integration into the EEU in the context of growing global instability // *25 years of CIS : main results, problems, prospects of development : materials of international scientific-practical conference*. Moscow, June 29–30, 2016 ; under the editorship of corresponding member Q. RAS V. A. Tsvetkov. — M. : CEMI RAS / MEI RAS, 2016. P. 252–257.
11. Zoidov, K. Kh. To the problem of modeling of the system of financial-budgetary relations of Russia within the framework of the development and expansion of the Eurasian economic Union in conditions of instability // *Eurasian economic integration as a factor of increasing stable and sustainable development of national economic systems : proceedings of the international scientific-practical conference*. Moscow, September 29–30, 2016 ; under the editorship of corresponding member RAS V.A. Tsvetkov. — M. : MEI RAS, 2016. P. 95–135.
12. The global financial crisis in post-Soviet countries : national characteristics and economic consequences ; under the General editorship of doctor of Economics, Professor L.B. Vardomskii. — M. : IE RAS, 2009.
13. Audit chamber : the Reserve Fund will be fully depleted in 2017. 12 December 2016 [Electronic resource]. — M., 2016. — URL : <http://www.vedomosti.ru/economics/news/2016/12/12/669168-schetnaya-palata> free. The title screen.
14. Siluanov, A. G. *Inter-budgetary relations in the conditions of development of federalism in Russia*. — M. : Publishing House «Delo» RANXiGC, 2011.
15. *Socio-economic development of post-Soviet countries : results of the twentieth anniversary*. — M. : Institute of Economics of RAS, 2012.
16. *The regional development strategy in the conditions of innovative transformations of economy / V.Z. Petrosyants, S.V. Dokholyan, D.V. Petrosyants, A.A. Bashirova ; under gen. ed. doctor of Economics, Professor V. Z. Petrosyants / Russian Academy of Sciences; Dagestan. Scientific. Centre; Institute of social.-econ. research*. — M. : Economics, 2011.
17. *Center disaccustoms regions from free money / Vadim Visloguzov // Kommersant newspaper [Electronic resource]*. — M., 2016. — URL : <http://www.kommersant.ru/doc/3170156/> free. The title screen.
18. Tsvetkov, V. A., Zoidov, K. Kh. and others. *The Study of economic cycles in the countries of the former Soviet Union*. — M. : CEMI Russian Academy of Sciences, 2010.
19. Tsvetkov, V. A., Zoidov, K. Kh. and others. *Post-Soviet economic space : current state and prospects of development*. — M. : Finance and credit, 2009.
20. Tsvetkov, V. A., Zoidov, K. Kh. and others. *Administration of foreign trade cargo flows // Proceedings of EAC «Modernization»*. Vol. 7. — M. : EAC «Modernization», 2013.
21. Alchian, A. A. *Uncertainty, Evolution and Economic Theory // Journal of Political Economy*. 1950. Vol. 58. P. 211–221.
22. Nelson, R. R., Winter, S. J. *An evolutionary theory of economic change*. — M. : Finstatinform, 2000.
23. *The Conference Board Total Economy Database, September 2010*. [Electronic resource]. — M., 2010. — URL : <http://www.conferenceboard.org/data/economydatabase/> (date of access 15.10.2016), free. The title screen.

УДК 330.368: 339.91

**ЗОИДОВ КОБИЛЖОН ХОДЖИЕВИЧ**

к.ф.-м.н., доцент, заведующий лабораторией Интеграции российской экономики в мировое хозяйство ФГБУН «Институт проблем рынка РАН», e-mail: kobiljonz@mail.ru

**МЕДКОВ АЛЕКСЕЙ АНАТОЛЬЕВИЧ**

к.э.н, ведущий научный сотрудник, руководитель Центра исследований транзитной экономики Лаборатории интеграции российской экономики в мировое хозяйство ФГБУН «Институт проблем рынка РАН», e-mail: medkov71@mail.ru

## ПРОБЛЕМЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ СОПРЯЖЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ С ДРУГИМИ СТРАНАМИ ЕАЭС<sup>1</sup>

**Аннотация. Предмет.** В работе рассматриваются основные проблемы и противоречия сопряжения социально-экономического развития России, Казахстана и Белоруссии, как на двусторонней основе, так и в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС). **Цель работы.** Особо подчёркивается важность для интеграционных процессов осуществления совместных инфраструктурных проектов и налаживания взаимодействия между хозяйствующими субъектами в реальном секторе экономики. **Методология проведения работы.** В процессе исследования использованы методы эволюционно-институциональной теории, эконометрического моделирования и аналитической оценки. **Результаты работы.** Отмечено, что, несмотря на заявления глав государств, правительств и решения наднационального органа управления, Казахстан и Белоруссия осуществляют нескоординированную с Россией финансово-экономическую политику и выполняют самостоятельные программы развития транспортно-транзитных систем. **Выводы.** Большинство проблем на пути сопряжения социально-экономического развития России, Казахстана и Белоруссии будет решено посредством углубления интеграционных связей вплоть до проведения единой денежно-кредитной политики (ДКП), что, однако, возможно лишь в отдалённой перспективе. **Область применения результатов.** Результаты исследования могут быть использованы органами власти России и ЕАЭС для ликвидации существующих проблем в системе финансово-бюджетных и межбюджетных отношений, при реализации структурных реформ, реформы системы государственных финансов, изменении налоговой политики. Разработанные предложения и механизмы эффективного регулирования основных проблем и противоречия сопряжения социально-экономического развития России с другими странами ЕАЭС в условиях нестабильности могут быть востребованы для сохранения и усиления конкурентных преимуществ национальных экономик и ЕАЭС в целом.

**Ключевые слова:** реальный сектор экономики, финансово-экономическая система, ЕАЭС, экономические санкции, таможенная политика, транспортно-транзитные системы, международные транспортные коридоры, железнодорожный транспорт.

---

**ZOIDOV KOBILZHON KHODJIEVICH**

Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Associate Professor, Head of the Laboratory of Integration of Russian Economy into International Economy FSBIS "Institute of Market Problems of the RAS", e-mail: kobiljonz@mail.ru

**MEDKOV ALEXEY ANATOLIEVICH**

Candidate of Economic Sciences, Lead Research Associate, Head of the Center of Studies of the Transit Economy of the Laboratory of Integration of the Russian Economy in the International Economy FSBIS "Institute of Market Problems of the RAS", e-mail: medkov71@mail.ru

---

<sup>1</sup> Исследование проведено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 14-02-00446 а).

## PROBLEMS AND CONTRADICTIONS OF SOCIAL-ECONOMIC DEVELOPMENT OF RUSSIA WITH OTHER COUNTRIES OF THE EAGE

**Abstract. The subject.** The paper discusses the main problems and inconsistencies of intersection of the social-economic development of Russia, Kazakhstan and Belorussia both on a bilateral basis, and in the context of the Eurasian Economic Union (EEU). **The goal of the paper.** The importance for integrational processes of completing joint infrastructural projects and adjusting the cooperation between economic subjects in the real sector of the economy is specifically emphasized. **The methodology of performing work.** In the process of the study the methods of the evolutionary-institutional theory, econometric modelling and analytical evaluation have been used. **The results of the study.** It has been noted that despite the statements of heads of states, governments and solutions by the supra-national management authority, Kazakhstan and Belorussia are performing an uncoordinated with Russia financial-economic policy, and are completing independent programs of development of transportation-transit systems. **Conclusions.** The majority of the problems on the road of interlinking of the social-economic development of Russia, Kazakhstan and Belorussia will be solved through an enhancement of integrational connections up to the point of establishing a united monetary policy (MP) which, however, is only possible in a distant perspective. **The area of application of the results.** The results of the study may be used by the governmental authorities in Russia and the EEU to liquidate of the existing problems in the system of financial-budgetary and inter-budgetary relationships, when implementing structural reforms, the reform of the system of governmental finance, changing the taxation policy. The suggestions developed and the mechanisms of effective regulation of the main problems and contradictions of the interlinking of the social-economic development of Russia with other countries of the EEU in the conditions of instability may be needed and used to preserve and strengthen competitive advantages of national economies and the EEU overall.

**Keywords:** the real sector of the economy, the financial-economic system, the EEU, economic sanctions, a customs policy, transportation-transit systems, international transport corridors, rail-road transport.

### Введение

В настоящее время идёт процесс формирования полноценного интеграционного объединения — Евразийского экономического союза (ЕАЭС), который закончится не ранее 2025 г. В скором времени в его состав может войти Таджикистан. На качественном уровне происходит отстаивание собственных интересов, объективно чувствуется нежелание авторитарных руководителей Казахстана и Белоруссии терять действенные инструменты управления социально-экономическим развитием своих государств. Происходит много контактов на уровне глав государств, правительств, отдельных органов власти, однако, примеров взаимодействия и совместных проектов в реальном секторе экономики меньше, чем хотелось бы. К несомненным достижениям ЕАЭС можно отнести принятие нового Таможенного кодекса Таможенного союза, перенос таможенного контроля на внешние границы союза, создание наднациональных органов управления, институтов финансирования и кредитования, образование общего рынка труда. В то же время существуют различные особенности социально-экономического развития трёх стран, задача сопряжения которых требует преодоления ряда проблем.

«Игра на разнице». Пока же эти проблемы не преодолены, происходят финансово-экономические процессы, связанные со следующими различиями:

- игра на разных уровнях инфляции и обменного курса национальных валют;
- разница в ставках акцизов и ценах на товары (например, разница в ставках акцизов и ценах на табачную продукцию приводит к росту контрабандных поставок, в частности, сигарет из Казахстана и Белоруссии);
- разная скорость вхождения России, Казахстана и Белоруссии в ВТО (при этом Белоруссия ещё не является членом этой организации);
- разные условия вхождения в ВТО (прежде всего, уровень таможенных тарифов) Казахстана и России может привести к наплыву товаров из Казахстана на российский и белорус-

ский рынок;

– разница между мировыми ценами на нефть и газ и теми, по которым их поставляют в Белоруссию.

*Многовекторность внешней и внешнеэкономической политики.* Введение экономических санкций в отношении России со стороны США, Европейского союза (ЕС) и других стран, а также ответные российские санкции оказали как негативное воздействие на социально-экономическое развитие Казахстана и Белоруссии, так и открыли для них новые возможности.

Европейские санкции в отношении России препятствуют интеграции как ЕАЭС и ЕС, так и интеграционным процессам отдельных стран-членов, в т. ч. Казахстана и Белоруссии. Между тем, по словам директора центра интеграционных исследований Евразийского банка развития (ЕАБР) Е. Винокурова, «Евросоюз — торговый партнер номер один для России и, несмотря на огромную географическую дистанцию, для Казахстана. И опосредованно, через Россию, главный торговый партнер для Беларуси» [3].

*Проблемы реэкспорта и пресечение схем обхода экономических санкций.* В 2014 г. после введения российских контрсанкций получили распространение операции по незаконной поставке мясной продукции на российский рынок с использованием казахстанского транзита. При этом таможенной и ветеринарной службами Белоруссии не осуществлялся досмотр незаконно поставленной продукции. Далее груз в качестве транзитного следовал через территорию России в Казахстан, где проводилось ветеринарное и таможенное оформление с выпуском товаров в свободное обращение.

Для исправления ситуации Россельхознадзор ввёл временный запрет на ввоз некоторых продовольственных товаров из Белоруссии по причинам их несоответствия фитосанитарным нормам. Но проблема дальнейшего использования подобных схем и для неуплаты таможенных пошлин не исчезла. По словам руководителя пресс-службы Россельхознадзора А. Алексеенко, существует два основных канала поставки «санкционных» продуктов — ложный транзит с фальшивыми сопроводительными документами и поставка с документами «товаров прикрытия», не поднадзорных государственной ветеринарной службе. Объем ввоза овощей-фруктов из Белоруссии вырос с момента ввода санкций минимум в 50 раз. По словам экспертов, замена документов стоила 500–1000 долл. с одного большегрузного автомобиля [4].

В целях борьбы с реэкспортом Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК) подготовила новый проект правил происхождения импортных товаров в страны ЕАЭС. В частности, им предусмотрен перечень операций, осуществление которых не позволит отнести товар к категории переработанных, например, заморозку и размораживание, мойку, чистку, покраску, печать этикеток, упаковку, а также «простые сборочные операции» (то есть такие, для которых не требуется применение специальных умений и оборудования).

*Новый Таможенный кодекс ТС* предусматривает переход на электронный документооборот, упрощение таможенных процедур, правил определения таможенной стоимости (в частности, её отложенного определения), а также регулирует статус уполномоченных экономических операторов, в отношении которых применяются упрощенные таможенные процедуры.

*Проблемы сопряжения проектов развития транспортно-транзитного сектора экономики России, Казахстана и Белоруссии.* Развитие транспортно-транзитного сектора экономики имеет большое значение для всех стран-участников ЕАЭС. Однако складывается впечатление, что в настоящее время такое развитие происходит не в результате реализации совместных проектов по созданию транспортной инфраструктуры и предложению конкурентных перевозочных технологий, а самостоятельно, более того, за счет друг друга.

*Создание и функционирование АО «Объединенная транспортно-логистическая компания» (ОТЛК) без наделения его реальными активами («лёгкий» вариант).* Неблагоприятным фактором, касающимся перспектив развития евроазиатского контейнерного транзита, стала инициированная новым руководством ОАО «РЖД» и казахстанскими компаниями смена формата образования и деятельности АО «Объединенная транспортно-логистическая компания» (ОТЛК). Из масштабного интеграционного проекта, крупной, наделенной собственностью и реально функционирующей структуры ОТЛК перешла в разряд сервисных компаний.

В её акционерный капитал не будут вноситься реальные транспортные активы (терминалы, подвижной состав, контейнеры и пр.), ОАО «РЖД» выводит из ОТЛК акции своих дочерних

компаний ПАО «ТрансКонтейнер» и АО «РЖД Логистика». Транспортные компании из Казахстана и Белоруссии освобождены от необходимости доводить свои доли в акционерном капитале ОТЛК до паритетных с российским вкладом. Кроме того, они будут управлять своими таможенными терминалами самостоятельно. При прежних условиях формирования компании, представляющие Казахстан и Белоруссию, теряли непосредственное управление своими таможенными терминалами.

Изначально образование ОТЛК было продиктовано, в т. ч., текущими политическими и бизнес-интересами. Например, внесение акций ПАО «ТрансКонтейнер» в акционерный капитал ОТЛК во многом было обусловлено стремлением бывшего руководства ОАО «РЖД» во главе с президентом компании В. Якуниным не допустить приватизации главного контейнерного оператора страны. После смены руководства ОАО «РЖД» возобладали более либеральный подход к приватизации, учитывающий интересы иных участников транспортного рынка. В сложившихся экономической ситуации «легкий» вариант (без внесения активов) стал выглядеть более динамичным, гибким, выгодным, дающим возможность «привлечь большее количество операторов и не создавать конфликта интересов» [5].

Изменение формата ОТЛК не только отражает сложность интеграционных процессов в ЕАЭС, но и свидетельствует о приоритетности узкорыночного подхода к созданию и функционированию новых компаний, а также является результатом лоббистских усилий конкретных бизнес-групп. Заместитель председателя комитета по логистике ТПП РФ Л. Симонова указывает на то, что «нужно учитывать “особые” отношения Казахстана и Китая и четко понимать, что создание ОТЛК вряд ли способно существенно изменить ситуацию и повысить роль России в обслуживании транзитного потока из Китая в Европу, идущего по территории Казахстана» [6].

### 1. Россия и Казахстан: проблемы сопряжения социально-экономического развития

1. Структуры экономик России и Казахстана во многом схожи (табл. 1–2), более того, в Республике Казахстан добывается больше нефти в расчёте на душу населения, поэтому проекты диверсификации производственной деятельности, несмотря на множество принятых программ, осуществляются с не меньшим трудом, чем в России. Внешние шоки, прежде всего, падение цен на углеводороды, вызвали замедление темпов роста (и уменьшение) ВВП двух стран. Однако девальвация национальной валюты в Казахстане произошла позже, чем в России, что вызвало временный эффект дешёвого рубля. Последствием стала массовая скупка казахстанскими экономическими агентами российских активов, недвижимости, товаров.

Таблица 1

#### ВВП и структура валовой добавленной стоимости (ВДС) России в период 1991–2015 гг. [1]

Годы	У - ВВП в индексах	ВВП, млрд долл.	ВДС	Промышленность	Сельское, лесное и рыбное хозяйство	Строительство	Услуги
1991	100	2411	100 <sup>1</sup>	39,4 <sup>2</sup>	14,0	9,4	37,2
1992	85,5	98,7	100 <sup>1</sup>	35,0 <sup>2</sup>	7,2	6,3	51,5
1995	65,4	313,7	100 <sup>1</sup>	28,4 <sup>2</sup>	7,5	9,1	55,0
2000	70,8	259,7	100 <sup>1</sup>	31,9 <sup>2</sup>	6,7	6,6	54,8
2001	74,4	306,6	100 <sup>1</sup>	29,0 <sup>2</sup>	6,8	7,4	56,8
2005	95,4	764,1	100	32,7	5,0	5,3	57,0
2010	113,4	1525	100	31,0	4,0	5,7	59,3
2011	118,3	2034	100	30,6	4,3	6,6	58,5
2012	122,4	2154	100	31,5	3,4	6,1	59
2013	124	2232	100	29,0	4,0	7,2	59,8
2014	124,9	2053	100	29,3	4,2	6,5	60,0
2015	120,3	1332	100	26,7	4,6	5,9	62,8

<sup>1</sup> До исключения услуг финансового посредничества, измеряемых косвенным образом.

<sup>2</sup> Включая прочие виды деятельности сферы материального производства.

Таблица 2

**ВВП и структура валовой добавленной стоимости (ВДС)  
Казахстана в период 1991–2015 гг. [1]**

Годы	У - ВВП в индексах	ВВП, млрд долл.	ВДС	Промышленность	Сельское, лесное и рыбное хозяйство	Строительство	Услуги
1991	100	148	100	26,4	28,6	8,9	36,1
1995	69	16,6	100	24,5	12,8	6,7	56,0
2000	78	18,3	100	34,6	8,6	5,5	51,3
2005	127,7	57,1	100	31,0	6,6	8,2	54,2
2010	172,7	148,1	100	33,2	4,5	7,7	54,6
2011	185,2	200,4	100	33,8	5,5	7,1	53,6
2012	193,7	215,9	100	32,8	4,7	6,7	55,8
2013	204,9	243,8	100	30,4	4,9	6,5	58,2
2014	213,3	227,4	100	29,5	4,7	6,4	59,4
2015	215,9	184,4	100	26,6	5,0	6,6	61,8

2. *Сопряжение функционирования трубопроводных систем и систем товародвижения.* Экспорт российской нефти в Китай через Казахстан осуществляются путём поставки нефти компанией «Роснефть» на Павлодарский НПЗ, а Казахстан в качестве компенсации поставляет свою нефть в Китай по нефтепроводу Атасу – Алашанькоу. По экспертным данным, такие поставки более выгодны, чем при использовании альтернативных маршрутов. В настоящее время поставки НК «Роснефть» в Китай осуществляются также танкерами через нефтяной терминал Козьмино на Дальнем Востоке и по нефтепроводу Сковородино – Мохэ.

Такие схемы поставок можно применять и на рынке зерна в целях сокращения транспортных плеч доставки российского зерна в южном направлении, в страны и порты Персидского залива. Создание зернового пула с организацией мощных зерновых терминалов на территории Казахстана не только послужит обеспечением реальной евразийской интеграции, но и станет ответом на транзитные амбиции Ирана в этой области.

3. *Институциональное оформление интеграционных процессов* требует предоставления равного доступа перевозчиков одной страны на рынок транспортных услуг другой страны, что может оказывать противоречивое влияние на экономическую безопасность инфраструктурных систем двух стран. В ходе формирования единого транспортного пространства национальная железнодорожная компания Казахстана АО «Казахстан темир жолы» (КТЖ) окажется в ситуации не только более тесного сотрудничества, но и острой конкуренции с ОАО «РЖД», частными компаниями – операторами подвижного состава.

Координация транспортной политики в области железнодорожных перевозок грузов и пассажиров позволит:

- оптимизировать загрузку различных участков национальной сети железных дорог;
- усовершенствовать график движения транзитных перевозок;
- создать единые правовые и технологические условия движения грузов и пассажиров.

Основной продукцией, перевозимой из Казахстана и других стран Центральной Азии в Россию и далее в страны Европы автомобильным транспортом, являются овощи и фрукты. Места зарождения этих грузопотоков во многом обуславливают преимущества местных автоперевозчиков. При этом на обратном пути они могут взять попутный груз по демпинговым тарифам. Для российских перевозчиков доступ к этим грузопотокам возможен путём создания совместных российско-казахстанских автотранспортных предприятий. Между тем защита собственных автомобильных перевозчиков — неотъемлемая часть транспортной политики Казахстана, в частности, власти страны сократили таможенные ставки на ввоз грузовых автомобилей, поспособствовали распространению лизинговых схем приобретения автотранспортной техники.

Республика жестко отстаивает собственные интересы в сфере транзитных перевозок. Ка-

захстан активно проводит политику по затруднению и увеличению стоимости доступа российских компаний на рынок перевозок грузов автомобильным транспортом по территории республики, навязывает дополнительные дорогостоящие услуги российским транзитным перевозчикам (например, сопровождение грузов).

4. *Диверсификация маршрутов экспортных поставок.* Исторически, географически и экономически транспортно-коммуникационная инфраструктура Казахстана тесно связана (замыкается) с российскими путями сообщения. Однако республика активно проводит политику диверсификации маршрутов выхода на мировые рынки, что обусловлено:

– необходимостью инфраструктурного обеспечения роста объёмов экспортно-импортных и транзитных грузопотоков;

– стремлением к независимости внешнеэкономической деятельности;

– возможностью привлечения инвестиций и средств на выгодных условиях из Китая, от международных институтов развития и других источников, ориентирующихся на финансирование (кредитование) реализации инфраструктурных проектов.

5. *Самостоятельная транспортно-транзитная политика Казахстана.*

5.1. *Программы развития.* Казахстан реализует собственные проекты развития транспортно-транзитного потенциала, во многом не зависящие от России и зачастую конкурирующие с российскими проектами. В 2014 г. в Казахстане была объявлена Программа развития и реализации транспортно-транзитного потенциала страны «Нурлы жол – Путь в будущее». С 1 января 2016 г. начался этап практической реализации Плана нации «100 конкретных шагов по реализации 5 институциональных реформ», который, помимо прочего, предусматривает дерегулирование контейнерных перевозок, что позволит в ближайшие 5 лет увеличить их объёмы более чем на 500 тыс. тонн [7].

Государственная политика Казахстана направлена на создание мультимодального Евразийского трансконтинентального коридора и логистического хаба. Этому способствуют особенности реализации китайской инициативы «Экономический пояс Шёлкового пути», который затрагивает многие страны, но Казахстан наряду с Ираном и Пакистаном находится в числе приоритетных государств. На статус «Сердца Евразии» и важных торговых пунктов на древнем Великом Шёлковом пути претендуют и российские регионы, в частности, Челябинская и Оренбургская области.

5.2. *Инфраструктурное обеспечение.* В целях выполнения этих задач Казахстан сформировал сеть железных дорог в направлениях Китай – Европа и Север – Юг. За последние 6 лет было построено 1700 км новых железнодорожных линий. Завершено строительство железных дорог «Узень – госграница с Туркменистаном» и «Жетыген – Коргас – Государственная граница Республики Казахстан» с вводом второго пограничного перехода с КНР – ст. Алтынколь. Введена в эксплуатацию новая железная дорога «Жезказган – Бейнеу», которая обеспечит прямой выход грузов из центрального региона Казахстана и ст. Достык на запад Казахстана и далее в Европу.

5.3. *Активное участие Казахстана в развитии МТК в обход территории России.* Прежде всего, речь идёт об МТК ТРАСЕКА (транспортный коридор Европа – Кавказ – Азия). В рамках развития транспортно-транзитного потенциала Казахстана в обход России АО «KTZ Express» подписала соглашение о развитии международных интермодальных перевозок в направлении Азия – Европа – Азия с крупнейшей транспортно-экспедиционной компанией Венгрии «Rail Cargo Hungaria Zrt». Благодаря этому обе компании смогут развивать мультимодальный сервис по Транскаспийскому международному транспортному маршруту, при этом планируется использовать возможности пограничных станций (казахстанских – Достык и Алтынколь, венгерских – Захонь и Эперешке), инфраструктуры транспортно-логистических центров в Астане и Шымкенте, мультимодального комплекса портов Курык и Актау и крупнейшего интермодального терминала Rail Cargo Terminal – ЗАО БИЛК. Следует заметить, что при этом будут активно использоваться порты и железнодорожная инфраструктура Украины.

5.4. *Увеличение объёмов транзитных перевозок контейнеров.* В рамках проекта Евразийского трансконтинентального коридора Казахстан рассчитывает увеличить объём транзитных перевозок на 80% к 2020 г. В 2011 г. железнодорожным транспортом в сообщении Китай – Европа через территорию Казахстана было перевезено 1,1 тыс. ДФЭ. По итогам 2015 г. в

направлении Китай – Европа перевезено 47,4 тыс. ДФЭ, что в два раза превосходило объём 2014 г. В 2016 г. ожидаемый объём перевозок в направлении КНР – ЕС должен составить около 95 тыс. ДФЭ.

Свою роль в увеличении объёмов транзитных перевозок грузов железнодорожным транспортом играет запуск новых контейнерных поездов в направлении России, Ирана и стран Южного Кавказа. В области институционального оформления достигнута договоренность с Министерством железнодорожного транспорта Туркменистана и железными дорогами Исламской Республики Иран об установлении льготных тарифных условий для перевозки из России зерна, черных металлов, алюминия, асбеста в/через Иран, а также единых ставок по территориям Казахстана, Туркменистана и Ирана для контейнерных поездов из Китая в Иран и транзитом через его территорию по новой железнодорожной линии Узень – Болашак – Берекет – Горган.

В 2015 г. доходы КТЖ от осуществления транзитных перевозок составили 706 млн долл. (30% от всех доходов). В среднесрочной перспективе ставится задача довести этот показатель до 50%.

К 2020 г. КТЖ планирует довести объём перевозок контейнеров до 800 тыс. ДФЭ, а по самым оптимистическим прогнозам — до 1,9 млн ДФЭ в год. В национальной железнодорожной компании, ссылаясь на расчёты консультационной компании McKinsey & Company, отмечают, что потенциал прироста контейнерного транзита через территорию РК оценивается в 1,7 млн ДФЭ в год к 2020 г., в т. ч. по направлениям:

1. Европа – Китай – 650 тыс. ДФЭ;
2. Китай – Кавказ/Турция/Южная Европа – 300 тыс. ДФЭ;
3. Север – Юг – 563 тыс. ДФЭ (в т. ч. Китай – Персидский залив – 350 тыс. ДФЭ);
4. Россия – Центральная Азия – 200 тыс. ДФЭ [8].

*5.5. Развитие морских портов на Каспийском море.* В порту Актау проводится работа по увеличению мощностей перевалки грузов с 16,5 млн тонн до 25 млн тонн в год.

В 2013 г. на базе КТЖ была создана судоходная компания «KTZ Express Shipping», которая приобрела два сухогрузных судна дедвейтом 5000 тонн для перевозки зерна, металлопродукции и других видов генеральных грузов, экспортируемых через порт Актау. В 2016 г. флот пополнился сухогрузами «Жібек жолы» и «Атамекен», а к 2020 г. будет доведён до 20 единиц. Основы полагающим стал принцип: «свой груз – свой порт – свой флот».

В 2016 г. КТЖ заключило контракт с судостроительной верфью Ulanik (Хорватия) на строительство двух железнодорожных паромов. Паромный сервис обеспечит транспортную связь между Китаем и Европой в обход России через Казахстан, Азербайджан, Грузию и Турцию. Для реализации этих планов на Каспии реализуется проект по строительству паромного комплекса в порту Курык, открытие которого было запланировано на декабрь 2016 г.

*5.6. Планы по созданию совместных предприятий и терминалов в иностранных портах – грузообразующих центрах.*

Китай, терминал в порту Ляньюньган. В 2015 г. в терминале порта Ляньюньган было обработано 193 тыс. ДФЭ. Ведётся подготовительная работа по созданию терминальных мощностей порта Ляньюньган общей площадью 450 га, что позволит увеличить объём консолидации грузов до 2,2 млн ДФЭ к 2020 г. [9]. Наличие совместного терминала в порту Ляньюньган привлекает грузовладельцев и из Южной Кореи, на которых рассчитывают и российские компании, развивая транспортно-транзитные сервисы на Дальнем Востоке.

Использование совместного казахстанско-китайского терминала в порту Ляньюньган увязано с развитием также СЭЗ (специальная экономическая зона) «Хоргос – Восточные ворота». В 2013 г. китайские строители полностью завершили реконструкцию автомобильной транс Ляньюньган – Хоргос протяженностью 3,4 тыс. км. Казахстан планировал ввести свой участок автомагистрали в 2016 г. Работы осуществляются в рамках развития автомобильного МТК «Европа – Западный Китай»

Иран, терминал в порту Бендер-Аббас. Компании из Казахстана и Ирана планирует совместное строительство терминала в морском порту Бендер-Аббас и объектов инфраструктуры по принципу сухого порта вблизи станции Инче-Бурун. Таким образом, происходит создание центров консолидации и распределения грузопотоков в основных морских портах Евразии, в т. ч. в портах Персидского залива.

Эстония, терминалы в таллинском порту Палдиски. Дочерняя компания КТЖ – АО «KTZ

Express» ведёт переговоры по использованию транспортно-логистической инфраструктуры в странах Балтии. Планируется создание совместного предприятия, строительство транзитного центра и терминалов в Северном порту Палдиски (Таллинн, Эстония), который будет использоваться для поставок товаров на скандинавский рынок. Этот порт на Балтийском море будет дополнять уже существующий казахстанский терминал в порту Вентспилс (Латвия).

Казахстанские компании приходят и на российский рынок транспортно-логистических услуг. В настоящее время «KTZ Express» реализует проект строительства мультимодального транспортно-логистического комплекса в Домодедовском районе Московской области совместно с российской девелоперской компанией «Coalco». Аналогичные проекты компания осуществляет в Турции.

5.7. *Создание автомобильного МТК «Европа – Западный Китай».* Китайский участок автомобильного коридора протяжённостью 3425 км полностью построен, Казахстан должен был завершить работы на своём участке в 2016 г. Примечательно, что строительство последних участков коридора осуществит АО «НК «КазАвтоЖол», которое находится в доверительном управлении КТЖ. Таким образом, по факту, железнодорожная компания является координатором совместного развития перевозок грузов и пассажиров различными видами транспорта, что является несомненным преимуществом казахстанской компании. В целом почти весь транспортный сектор республики регулируется холдингом по управлению государственными активами – ФНБ «Самрук-Казына», что, при прочих равных, облегчает переговорный процесс по реализации совместных российско-казахстанских инфраструктурных проектов и создание совместных предприятий.

Российская сторона (протяженность её части трассы — 2233 км) затягивает проведение работ и планирует сдать последние реконструированные участки МТК к 2019–2020 гг. Налицо отсутствие синхронности в действиях партнёров по проекту, что снижает его эффективность.

5.8. *Ограниченный срок действия программы «Нурлы жол – Новый путь».* Отмечается, что программа «Нурлы жол» является, прежде всего, антикризисной и только во вторую очередь направлена на развитие транспортно-транзитной системы страны. Действие программы заканчивается в 2019 г., последние проекты должны быть закончены в 2020 г. Кроме того, большая часть средств на дорожное строительство привлекается из внешних источников, что увеличивает долговую нагрузку правительства. Все эти факторы вынуждают с опасением смотреть на дальнейшие перспективы транспортно-дорожного комплекса Казахстана [10].

6. *Противоречия в области воздушного транспорта.* Получили известность конфликты по поводу взимания платы с казахстанских воздушных перевозчиков за полёты по транссибирским маршрутам и недопущению на рынок воздушных перевозок Казахстана других российских авиакомпаний, кроме «Аэрофлота».

В марте 2016 г. авиационные власти России отказались разрешить казахстанской национальной авиакомпании Air Astana безвозмездно летать по транссибирскому маршруту в Улан-Батор, чтобы не создавать прецедент пролёта иностранных компаний без уплаты платежей (роялти). Кроме того, Россия требовала назначить второго перевозчика для полетов между странами, на что Казахстан не согласился по причине отсутствия в стране второй конкурентоспособной авиакомпании. Стратегия Air Astana строится на развитии полётов по маршруту Восточная Азия – Ближний Восток, при этом альтернативы полётам через Россию (например, через территорию КНР) пока не просматривается.

Вообще, Россия выступает за либерализацию воздушного сообщения, введения принципа «открытого неба» внутри ЕАЭС. Так, Минтранс РФ направил властям Казахстана проект концепции «открытого неба», который может стать основой взаимодействия для создания единого воздушного пространства между странами ЕАЭС (РФ, Белоруссия, Казахстан, Армения, Киргизия).

С другой стороны, Минтранс России неоправданно затянул сроки ратификации Монреальской конвенции перевозок воздушным транспортом<sup>2</sup>, упрощающей процедуры оформления авиаперевозок грузов и пассажиров. Промедление в решении этого вопроса может привести к

<sup>2</sup> Монреальская конвенция перевозок воздушным транспортом принята в 1999 г., вступила в силу в 2003 г., её участниками уже являются 119 государств. Документ унифицирует правила международных воздушных перевозок, обеспечивает защиту интересов потребителей, предполагает внедрение электронного оформления авиагрузов, стандарта e-freight и электронного таможенного оформления.

сокращению транзитного потенциала России: грузопотоки могут уйти в Казахстан, который уже присоединился к конвенции.

7. *Конкуренция на зарубежных рынках в области транспортного машиностроения.* Казахстан является конкурентом России на рынке продукции железнодорожного машиностроения. Так, в настоящее время обсуждается возможность поставок для иранских железных дорог тепловозов серии «Evolution», пассажирских электровозов, грузовых вагонов, пассажирских вагонов производства ТОО «Тулпар-Тальго», рельсов и стрелочных переводов, произведённых и собранных на казахстанских предприятиях.

## 2. Россия и Белоруссия: проблемы сопряжения социально-экономического развития

Республика Беларусь — экспортно-ориентированное государство с развитой промышленностью, сектором услуг и сельским хозяйством. По итогам 2015 г. белорусская экономика упала на 3,9% по сравнению с 2014 г. В денежном выражении ВВП Беларуси составил 869,7 трлн руб. (53,5 млрд долл.). Объем выпуска промышленной продукции снизился на 6,6% (в деньгах — 729 трлн руб. или 44,9 млрд долл.) и составил 193,6 от уровня 1991 г. Выпуск сельскохозяйственной продукции хозяйствами всех категорий собственности уменьшился на 2,8% (табл. 3).

Таблица 3

**ВВП и структура валовой добавленной стоимости (ВДС)  
Беларуси в период 1991–2015 гг. [1]**

Годы	У - ВВП в индексах	ВВП, млрд долл.	ВДС	Промышленность	Сельское, лесное и рыбное хозяйство	Строительство	Услуги
1991	100	150,2	100	41,5 <sup>2</sup>	20,6	7,7	30,2
1992	90,4	4,8	100	39,8 <sup>2</sup>	23,1	7,1	30,0
1993	83,5	3,1	100	27,6 <sup>2</sup>	16,8	7,7	47,9
1995	69	10,5	100	29,8 <sup>2</sup>	16,8	5,8	47,6
2000	78	11,4	100	31,0 <sup>2</sup>	13,9	7,4	47,7
2005	127,7	30,2	100	35,8	9,8	7,7	46,8
2010	182,8	54,9	100	30,2	10,2	10,6	49,0
2011	192,8	58,8	100	33,9	9,1	7,3	49,7
2012	196,1	63,4	100	33,5	9,5	8,3	48,7
2013	198,1	72,4	100	29,6	7,9	11,3	51,1
2014	201,4	75,8	100	28,6	8,4	11,7	51,4
2015	193,6	53,5	100	29,5	7,5	9,3	53,6

Отношения России с Белоруссией являются более тесными, чем отношения России с любой другой страной на постсоветском пространстве. Однако реальные итоги интеграции и сотрудничества двух стран пока далеки от тех целей, которые были озвучены в многочисленных двух- и многосторонних соглашениях. Прежде всего, необходимо отметить высокую степень политизированности российско-белорусских отношений, связанную с важным геостратегическим положением Белоруссии как западного форпоста России.

1. *Нефтегазовые споры* касаются:

- объёмов поставок, порядка расчета и изменения стоимости газа и нефти;
- уровня транзитных тарифов, методики их расчёта и объёмов прокачки;
- погашения задолженности за поставленные углеводороды;
- получения субсидий, компенсационных выплат и льготных кредитов из Евразийского фонда стабилизации и развития, находящегося под управлением ЕАБР.

Во время газового конфликта в 2010 г., когда Белоруссия накопила около 200 млн долл. долга, «Газпром» на несколько дней сократил подачу газа в страну.

В настоящее время противоречия между странами в этой сфере сводятся к:

1) Сокращению поставок нефти в Белоруссию в целях возврата долга «Газпрому» в размере 425 млн долл. Сокращения поставок нефти со стороны России, которым нет альтернативы, крайне невыгодны для Белоруссии, так как грозят потерями от простоя заводов и снижения переработки. Президент Белоруссии А. Лукашенко потребовал заместить сокращение поставок российской нефти в страну альтернативными вариантами.

2) Согласно Белоруссии оплатить долг за газ при условии выделения новых траншей кредита из Евразийского фонда стабилизации и развития ЕАЭС, а также предоставления субсидии в виде 300 млн долл. ежегодной компенсации за высокие цены на газ. Механизм предоставления субсидии должен быть следующим: в белорусский бюджет зачисляются пошлины от экспорта поставляемой в страну российской нефти (так это происходит и с выработанными из нее нефтепродуктами). При нынешней цене на нефть «льготный объём» для формирования субсидии 300 млн долл. может составить примерно 3 млн тонн в год [11].

3) Спорам вокруг транзитных тарифов на прокачку нефти. Белорусские власти намерены повысить транзитные тарифы на 20,5%, российская сторона согласна с ростом тарифов на 5,5%.

4) Ухудшению взаимоотношений между РФ и Белоруссией может произойти после проведения в России налогового манёвра в виде снижения (обнуления) экспортной пошлины на нефть, компенсируемого ростом поступлений от налога на добычу полезных ископаемых (НДПИ). Для Белоруссии, которая и в настоящее время получает российскую нефть беспошлинно, российский налоговый маневр означает рост цен на нефть.

5) Установлению пониженных (по сравнению с мировым уровнем) цен на российский газ для Белоруссии требует компенсации «Газпрому» выпадающих по этой причине доходов из государственного бюджета России: в 2016 г. необходимо выплатить 25 млрд руб., в 2017 г. размер газовой субсидии может составить 56 млрд руб.

2. *Проблемы совместного трейдинга минеральных удобрений на мировых рынках.* В 2013 г. российская компания «Уралкалий» отказалась от совместного с компанией «Беларуськалий» трейдинга минеральных удобрений. Под воздействием конкуренции цены на минеральные удобрения в рамках долгосрочных контрактов с двумя ключевыми потребителями — Китаем и Индией — упали. В настоящее время российские компании вынуждены ориентироваться на уровень цен, установленных в результате договорённостей с Китаем и Индией трейдинговой структуры «Беларуськалия» — Белорусской калийной компании (БКК).

3. *Независимая транспортно-транзитная политика Белоруссии.* Белоруссия стала главным получателем выгод от большинства транспортно-транзитных и санкционных конфликтов, затрагивающих интересы России. Кроме того, страна активно участвует в китайском проекте ЭПШП, строя альтернативные российским транспортно-логистические центры на своей территории<sup>3</sup>. Белоруссия активно контактирует с Украиной и странами Балтии в области развития собственной транспортно-транзитной системы. В рамках концепции ЭПШП происходит создание китайско-белорусского индустриального парка «Великий камень», который может стать крупнейшим в Европе. Его транспортное обслуживание является приоритетным проектом для Белорусской железной дороги (БЖД). Особое внимание уделяется электрификации участков и их модернизации, повышению скоростей на модернизируемых направлениях и применению подвижного состава нового поколения. В мае 2016 г. в индустриальный парк прибыл первый контейнерный состав, проследовавший по маршруту Баодин (провинция Хэбэй, КНР) – Колядичи (Минск, Белоруссия) и доставивший на 28 платформах 43 сорокафутовых контейнера с металлоконструкциями для строительства парка. Таким образом, уже в ходе его сооружения отрабатываются маршруты и перевозочные технологии. Привлечением инвестиций в парк, строительством инфраструктуры, управлением недвижимостью и землёй, а также рядом других функций занимается китайско-белорусское совместное ЗАО «Компания по развитию индустриального парка», доля Белоруссии в предприятии составляет 40%, Китая — 60%.

4. *Участие российских компаний в развитии транзитных перевозок по территории Белоруссии.* Развитие ТТС Белоруссии происходит и при участии российских компаний. В частно-

<sup>3</sup> Вообще, стратегия Китая заключается в том, чтобы на расстоянии 1–2 тыс. км друг от друга создать несколько параллельных транспортных коридоров в целях обеспечения наибольшей эффективности, независимости и безопасности перевозок.

сти, речь идёт совместной работе по доставке продуктов питания в рефконтейнерах. Российская группа группы компаний «Термокон» и ГП «Белинтертранс – транспортно-логистический центр» БЖД осуществляют перевозки скоропортящихся грузов по маршруту Калининград – Москва – Калининград. Российско-белорусским проектом является и запуск пассажирского поезда Москва – Берлин с использованием инновационного состава «Гальго» испанского производства, что сократило время в пути до 16–17 часов вместо 28. В Бресте спроектировано и построено путевое устройство для автоматического перехода с российской на европейскую железнодорожную колею.

### **Заключение**

Процесс евразийской интеграции подвергается испытаниям в ходе российско-украинского конфликта. С начала 2016 г. Россия ввела требование поставлять украинские товары, направляемые в Казахстан (а с июля и в Кыргызстан) только через территорию Белоруссии, при этом грузовые автомобили должны использовать метки системы ГЛОНАСС, следовать по установленному маршруту в сопровождении представителей таможенной службы. Кроме того, по территории России запрещены транзитные перевозки товаров, попавших под введённые в августе 2014 г. российские контрсанкции, и тех, пошлины на которые в ЕАЭС выше нуля. В связи с этим Министерство по инвестициям и развитию Республики Казахстан рекомендовало перевозчикам, выполняющим международные перевозки из Украины в Казахстан, с 1 июля 2016 г. пользоваться маршрутами в обход России через Грузию и Азербайджан, а также через Турцию, Иран, Туркменистан и Узбекистан. Таким образом, российские решения способствуют развитию перевозок по маршруту «Южного Шёлкового пути» (Украина – Грузия – Азербайджан – Казахстан – Китай).

Развивая транспортно-коммуникационные связи с Украиной, Белоруссия также способствует активизации перевозок грузов по маршрутам в обход территории России. Например, в 2017 г. ПАО «Укрзалізниця» (УЗ) планирует завершить работы по электрификации сообщения с Белоруссией, в частности, участка Овруч – Коростень – Выступовичи/Словечно (госграница). По оценке УЗ, реализация проекта позволит создать маршрут Белоруссия – Чёрное море, полностью электрифицированный переменным током. Электрификация проводится в рамках развития проекта курсирования контейнерного поезда «Викинг» (Балтийское море – Чёрное море), в т. ч. для его состыковки с маршрутом «Южного Шёлкового пути». Примечательно, что финансирование проекта планируется осуществлять за счёт средств международных финансовых институтов. БЖД, в свою очередь, планирует электрифицировать линию Барбаров – Калинковичи – госграница в целях улучшения условий перевозок белорусских нефтепродуктов в направлении Украины.

В целом реальная интеграция экономик стран-членов ЕАЭС существует только на рынке труда. Продолжается процесс формирования институциональных основ взаимодействия России и Казахстана, России и Белоруссии в рамках евразийской интеграции. Реально сблизить страны можно только путём осуществления совместных проектов в реальном секторе экономики. Упор следовало бы делать не просто на экспорт, а на развитие технологического сотрудничества и создание партнерских, кооперационных связей. Чтобы налаживать такие цепочки, нужно, чтобы российские компании могли владеть активами на территории Казахстана, а казахстанские — в России. По нашему мнению, только появление предприятий в совместной собственности позволит странам создать единое транспортное пространство.

Большим конкурентным преимуществом Казахстана является владение казахстанскими компаниями терминалом в китайском порту Ляньюньган, планы совместного с Ираном строительства терминала в морском порту Бендер-Аббас. Российским транспортно-логистическим компаниям также следует активизировать своё участие в установлении контроля над точками зарождения и концентрации грузопотоков и/или активно интегрировать свою деятельность с казахстанскими партнёрами. Большинство проблем на пути сопряжения социально-экономического развития России, Казахстана и Белоруссии будет решено посредством углубления интеграционных связей вплоть до проведения единой денежно-кредитной политики (ДКП), что, однако, возможно лишь в отдалённой перспективе.

## Литература

1. 25 лет СНГ 1991–2010 гг.: стат. сб. / МСК СНГ. — М., 2015.
2. Об итогах и перспективах социально-экономического развития государств-членов ЕАЭС и мерах, предпринятых государствами-членами в области макроэкономической политики : годовой доклад за 2015 г. — М. : ЕЭК, 2016.
3. Винокурова, Е. От Ханоя до Дублина : интервью директора центра интеграционных исследований ЕАБР (ЦИИ) // Эксперт Казахстан. 2016. №23 (567). 5 декабря–19 декабря. [Электронный ресурс]. — URL : <http://expertonline.kz/a14645/> (дата обращения: 20.01.2017), свободный. — Загл. с экрана.
4. Боярский, А. Хитрая еда // Коммерсантъ Деньги. 2014. № 49 от 15.12. [Электронный ресурс]. — URL : <http://www.kommersant.ru/doc/2624279>. (дата обращения: 20.01.2017), свободный. — Загл. с экрана.
5. Можаровская, А. Возможная смена формата ОТЛК // РЖД-Партнер. 21.01.2016. [Электронный ресурс]. — URL : <http://www.rzd-partner.ru/news/zheleznodorozhnaia-infrastruktura/vozmozhnaia-smena-formata-otlk/> (дата обращения: 21.01.2016), свободный. — Загл. с экрана.
6. Симонова, Л. Говорить об ОТЛК как единой компании еще рано // РЖД-Партнер. 09.02.2016. [Электронный ресурс]. — URL : <http://www.rzd-partner.ru/interviews/mneniia/govorit-ob-otlk-kak-edinoi-kompanii-eshe-rano/> (дата обращения: 16.02.2016), свободный. — Загл. с экрана.
7. План нации — путь к казахстанской мечте : статья главы государства / Официальный сайт президента Республики Казахстан. 6 января 2016. [Электронный ресурс]. — URL : [http://www.akorda.kz/ru/events/akorda\\_news/press\\_conferences/statya-glavy-gosudarstva-plan-nacii-put-k-kazahstanskoi-mechte](http://www.akorda.kz/ru/events/akorda_news/press_conferences/statya-glavy-gosudarstva-plan-nacii-put-k-kazahstanskoi-mechte) (дата обращения: 20.01.2017), свободный. — Загл. с экрана.
8. Касымов, А. Путь к транзиту // Эксперт Казахстан. 2016. № 17 (561). 26 сентября–2 октября. [Электронный ресурс]. — URL : <http://expertonline.kz/a14508/> (дата обращения: 11.11.2016), свободный. — Загл. с экрана.
9. Ставка на транзит // Эксперт Казахстан. 2016. № 15 (559). 22 августа–4 сентября. [Электронный ресурс]. — URL : <http://expertonline.kz/a14465/> (дата обращения: 11.11.2016).
10. Домнин, С. Поворот на автобан // Эксперт Казахстан. 2016. № 20 (564). 31 октября–14 ноября. [Электронный ресурс]. — URL : <http://expertonline.kz/a14569/> (дата обращения: 11.11.2016), свободный. — Загл. с экрана.
11. Барсуков, Ю., Мордюшенко, О. Союзное газодарство // Коммерсантъ. 2016. № 234. 16.12. С. 1. [Электронный ресурс]. — URL : <http://www.kommersant.ru/doc/3171494>. (дата обращения: 20.01.2017), свободный. — Загл. с экрана.
12. Дохолян, С. В. Концептуальные подходы к достижению устойчивого экономического развития региона, как социо-экономико-экологической системы / С.В. Дохолян, А.М. Садыкова, А.С. Дохолян // Апробация. 2015. № 5. С. 60–66.
13. Дохолян, С. В. Мотивационный менеджмент на предприятиях машиностроительного комплекса / С.В. Дохолян, К.Г. Асриянц. — Махачкала : Изд-во ИСЭИ ДНЦ РАН, 2005.
14. Дохолян, С. В. Стратегический подход к формированию и реализации региональной социально-экономической политики // Экономика и предпринимательство. 2013. № 9. С. 139–144.
15. Зоидов, К. Х., Медков, А. А., Зоидов, З. К. Развитие транзитной экономики — основа стабильности, безопасности и модернизации России и стран Центральной Азии ; под ред. чл.-корр. РАН В.А. Цветкова. — М. : ЦЭМИ РАН / ИПР РАН, 2016.
16. Зоидов, К. Х., Медков, А. А., Зоидов, З. К. Государственно-частное партнёрство — основа стабильности, развития и экономической безопасности транспортно-транзитной системы России ; под ред. чл.-корр. РАН В.А. Цветкова. — М. : ИПР РАН, 2016.
17. Зоидов, К. Х., Ионичева, В. Н., Медков, А. А. Современные проблемы и перспективы развития Евразийской экономической интеграции в условиях нестабильности // Региональные проблемы преобразования экономики. 2014. № 9(47). С. 247–258.
18. Зоидов, К. Х., Янкаускас, К. С. Формирование эффективной модели регулирования финансово-бюджетных отношений между федеральными и региональными уровнями в условиях интеграции и нестабильности. Часть I // Региональные проблемы преобразования экономики. 2016. № 3(65). С. 114–128.
19. Зоидов, К. Х., Янкаускас, К. С. Формирование эффективной модели регулирования финансово-бюджетных отношений между федеральными и региональными уровнями в условиях интеграции и нестабильности. Часть II // Региональные проблемы преобразования экономики. 2016. № 4(66). С. 82–94.
20. Стратегия регионального развития в условиях инновационных преобразований экономики / В.З. Петросяни, С.В. Дохолян, Д.В. Петросяни, А.А. Баширова ; под общ. ред. д.э.н., проф. В.З. Петросяни / РАН; Дагестан. науч. центр; Ин-т соц.-экон. исследований. — М. : Экономика, 2011.
21. Цветков, В. А., Аносов, А. В., Зоидов, К. Х. Формирование модели регулирования финансово-бюджетного отношения в условиях глобальной нестабильности // Региональные проблемы преобразования экономики. 2014. № 9(47). С. 82–90.
22. Цветков, В. А., Аносов, А. В., Зоидов, К. Х. Цикличность динамики финансового рынка в странах мирового экономического пространства в условиях нестабильности // Региональные проблемы преобразования экономики. 2014. № 11(49). С. 173–183.
23. Цветков, В. А., Логинов, Е. Л. Цели и организационная модель манипулятивного обрушения цен на нефть — 2014 : аналитический доклад. — М. : ЦЭМИ РАН / ИПР РАН, 2015.
24. Цветков, В. А., Логинов, Е. Л. Системная финансовая нестабильность в экономике Китая : в каком направлении движется китайский «локомотив» развития мировой экономики? : аналитический до-

клад. — М. : ИПР РАН, 2015.

25. Цветков, В. А. Меры по поддержке населения и реального сектора экономики России в условиях кризиса // *Вестник Финансового университета*. 2015. № 3 (87). С. 73–78.

26. Цветков, В. А. Пять проблем экономической безопасности и экономического роста в современной России // *Вестник Финансового университета*, 2016. № 2. С. 6–15.

27. Tsvetkov, V. A. Economic security and economic growth in modern Russia : five key problems // *Review of Business and Economics Studies*. 2016. No. 2. С. 5–14.

28. Alchian, A. A. Uncertainty, Evolution and Economic Theory // *Journal of Political Economy*. 1950. Vol. 58. P. 211–221.

29. Nelson, R. R., Winter, S. J. *An evolutionary theory of economic change*. — М. : Finstatinform, 2000.

30. The Conference Board Total Economy Database, September 2010. [Электронный ресурс]. — URL : <http://www.conferenceboard.org/data/economydatabase/> (дата обращения 15.10.2016), free. — The title screen.

### References:

1. 25 years of CIS period from 1991 to 2010 : stat. coll. / MSK CIS. — М., 2015.

2. Annual report for 2015 on the results and prospects for socio-economic development of the member States of the EAEC and the measures taken by member States in the area of macroeconomic policy. — М. : EEK, 2016.

3. Vinokurova, E. From Hanoi to Dublin. Interview Director of the EDB center for integration studies (TSII) // *Expert Kazakhstan*. 2016. No. 23 (567) December 5–December 19. [Electronic resource]. — URL : <http://expertonline.kz/a14645/> (accessed: 20.01.2017), free. The title screen.

4. Boyarsky, A. Cunnning food // *Kommersant Dengi*. 2014. No.49. 15.12. [Electronic resource]. — URL : <http://www.kommersant.doc/2624279.> (Yes-the treatment: 20.01.2017), free. The title screen.

5. Mozharovskiy, A. Potential format change UTLC // *RZD-Partner*. 21.01.2016. [Electronic resource]. — URL : <http://www.rzd-partner.ru/news/zheleznodorozhnaia-infrastruktura/vozmozhnaia-smena-formata-otlk/> (date of increments: 21.01.2016), free. The title screen.

6. Simonova, L. To Talk about the UTLC as a single company even before // *RZD-Partner*. 09.02.2016. [Electronic resource]. — URL : <http://www.rzd-partner.ru/interviews/mneniia/govorit-ob-otlk-kak-edinoi-kompanii-eshche-rano/> (accessed: 16.02.2016), free. The title screen.

7. the Plan — the Path to the Kazakhstani dream : the article / Official website of the President of the Republic of Kazakhstan. January 6, 2016. [Electronic resource]. — URL : [http://www.akorda.kz/ru/events/akorda\\_news/press\\_conferences/statya-glavy-gosudarstva-plan-nacii-put-k-kazahstanskoi-mechte](http://www.akorda.kz/ru/events/akorda_news/press_conferences/statya-glavy-gosudarstva-plan-nacii-put-k-kazahstanskoi-mechte) (date accessed: 20.01.2017), free. The title screen.

8. Kasymov, A. the Path of the transit // *Expert Kazakhstan*. 2016. No. 17 (561). 26 September–2 October. [Electronic resource]. — URL : <http://expertonline.kz/a14508/> (accessed: 11.11.2016), free. The title screen.

9. The rate of transit // *Expert Kazakhstan*. 2016. No. 15 (559). 22 August to 4 September. [Electronic resource]. — URL : <http://expertonline.kz/a14465/> (accessed: 11.11.2016).

10. Domnin, S. Turn on the highway // *Expert Kazakhstan*. 2016. No. 20 (564)/ October 31–November 14/ [Electronic resource]. — URL: <http://expertonline.kz/a14569/> (accessed: 11.11.2016), free. The title screen.

11. Barsukov, Yu., Gordusenko, O. Union gasudarstvo // *Kommersant*. 2016. No. 234. 16.12. P. 1. [Electronic resource]. — URL: <http://www.kommersant.doc/3171494.> (date accessed: 20.01.2017), free. The title screen.

12. Dokholyan, S. V. Conceptual approaches to the achievement of sustainable economic development of the region as socio-economic-ecological systems / S.V. Dokholyan, A.M. Sadykov, A.S. Dokholyan // *Testing*. 2015. No. 5. P. 60–66.

13. Dokholyan, S. V. Motivation management at the enterprises of machine-building complex / S.V. Dokholyan, K.G. Asriyants. — *Makhachkala; Moscow : ISER DAS RAS* 2005.

14. Dokholyan, S. V. Strategic approach to the development and implementation of regional socio-economic policy // *Economics and entrepreneurship*. 2013. No. 9. P. 139–144.

15. Zoidov, K. Kh., Medkov, A. A., Zoidov, Z. K. Development of a transit economy — the Foundation of stability, security and the modernization of Russia and the countries of Central Asia ; under the editorship of corresponding member RAS V.A. Tsvetkov. — М. : CEMI RAS / MEI RAS, 2016.

16. Zoidov, K. Kh., Medkov, A. A., Zoidov, Z. K. Public-private partnership — the Foundation of stability, development and economic security of the transport-transit system of Russia ; under the editorship of corresponding member RAS V.A. Tsvetkov. — М. : MEI RAS, 2016.

17. Zoidov, K. Kh., Ionicheva, V. N., Medkov, A. A. the Modern problems and prospects of development of Eurasian economic integration in conditions of instability // *Regional problems of transformation of the economy*. 2014. No. 9(47). P. 247–258.

18. Zoidov, K. Kh., Jankauskas, K. S. Formation of effective model of regulation of the financial-budgetary relations between the Federal and regional levels in terms of integration and instability. Part I // *Regional problems of transformation of the economy*. 2016. No. 3(65). P.114–128.

19. Zoidov, K. Kh., Jankauskas, K. S. Formation of effective model of regulation of the financial-budgetary relations between the Federal and regional levels in terms of integration and instability. Part II // *Regional problems of transformation of the economy*. 2016. No. 4(66). P. 82–94.

20. The regional development strategy in the conditions of innovative transformations of economy / V.Z. Petrosyants, S.V. Dokholyan, D.V. Petrosyants, A.A. Bashirova ; gen. ed. doctor of Economics, Professor V. Z. Petrosyants / *Russian Academy of Sciences; Dagestan. Scientific. Centre; Institute of social.-econ. research*. — М. : Economics, 2011.

21. Tsvetkov, V. A., Anosov, V. A., Zoidov, K. Kh. The Formation of a model regulation of the financial-budgetary relations in the conditions of global instability // *Regional problems of transformation of the econo-*

my. 2014. No. 9(47). P. 82–90.

22. Tsvetkov, V. A., Anosov, V. A., Zoidov, K. Kh. *Cyclical dynamics of the financial market in countries in the global economic space in the conditions of instability* // *Regional problems of transformation of the economy*. 2014. No. 11(49). P. 173–183.

23. Tsvetkov, V. A., Loginov, E. L. *Goals and organizational model manipulative the collapse of oil prices in 2014 : analytical report*. — М. : CEMI RAS / MEI RAS, 2015.

24. Tsvetkov, V. A., Loginov, E. L. *Systemic financial instability in the Chinese economy : the direction of the Chinese «locomotive» of the global economy? : analytical report*. — М. : MEI RAS, 2015.

25. Tsvetkov, V. A. *Measures to support the population and real sector of economy of Russia in conditions of crisis* // *the Bulletin of the Financial University*. 2015. No. 3 (87). P. 73–78.

26. Tsvetkov, V.A. *Five issues of economic security and economic growth in modern Russia* // *Vestnik of Financial University*. 2016. No. 2. P. 6–15.

27. Tsvetkov, V.A. *Economic security and economic growth in modern Russia : five key problems* // *Review of Business and Economics Studies*. 2016. No. 2. P. 5–14.

28. Alchian, A. A. *Uncertainty, Evolution and Economic Theory* // *Journal of Political Economy*. 1950. Vol. 58. P. 211–221.

29. Nelson, R. R., Winter, S. J. *An evolutionary theory of economic change*. — М. : Finstatinform, 2000.

30. *The Conference Board Total Economy Database, September 2010*. [Электронный ресурс]. — URL : <http://www.conferenceboard.org/data/economydatabase/> (дата обращения 15.10.2016), free. — The title screen.

## **ЦВЕТКОВ ВАЛЕРИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ**

д.э.н., профессор, член-корреспондент РАН, директор ФГБУН  
«Институт проблем рынка РАН»,  
e-mail: tsvetkov@ipr-ras.ru

## **ДОХОЛЯН СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ**

д.э.н., профессор, директор ФГБУН  
«Институт социально-экономических исследований ДНЦ РАН»,  
e-mail: sergsvd@mail.ru

## **ЗОИДОВ КОБИЛЖОН ХОДЖИЕВИЧ**

к.ф.-м.н., доцент, заведующий лабораторией Интеграции российской экономики  
в мировое хозяйство ФГБУН «Институт проблем рынка РАН», e-mail: kobiljonz@mail.ru

### **ПЯТЫЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФОРУМ «РОССИЯ В XXI ВЕКЕ: ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ»<sup>1</sup>**

**Аннотация.** Пятый Международный форум посвящен актуальным вопросам устойчивого развития российской экономики, решения которых на современном этапе требуют улучшения межрегиональной интеграции и активизации международного сотрудничества в условиях глобальной нестабильности. Работа форума проходила на пленарном заседании в рамках круглого стола и в четырех секциях. Форум проведен в период, когда стоящие перед Россией глобальные вызовы обострились. Сегодня они несут в себе как новые возможности по повышению конкурентоспособности российской экономики и стимулированию импортозамещения, так и новые угрозы инвестиционного и технологического характера. Ключевыми темами научных дискуссий стали вопросы укрепления ЕАЭС и его взаимодействие с другими интеграционными объединениями, соотношение экономики и политики в глобальных интеграционных процессах, способы обеспечения прозрачности и защиты предпринимательской среды от финансовых угроз и рисков. На форуме также были обсуждены следующие научные проблемы: новые направления финансовой политики России в условиях нестабильности; проблемы и перспективы развития российского финансового рынка; устойчивое развитие финансовых рынков, продуктов и технологий как необходимое условие модернизации российской экономики; соотношение экономики и политики в глобальных и региональных интеграционных процессах; укрепление ЕАЭС и возможные развилки в его развитии; современные интеграционные процессы в мире; модернизация как фактор экономической безопасности России; модернизация инновационного и инвестиционного потенциала регионов; социально-демографические проблемы модернизации; эффективная финансово-денежная политика как необходимое условие достижения экономической безопасности; задачи, приоритеты и механизмы реализации современной промышленной политики; возможна ли модернизация промышленности без изменения системы социально-трудовых отношений; способы обеспечения прозрачности и защиты предпринимательской среды от финансовых угроз и рисков; место регионов в социально-экономической интеграции приграничных государств; повышение роли субъектов Российской Федерации и муниципалитетов в модернизации экономики; межрегиональные экономические отношения — интеграционный фактор российской экономики; экономические инструменты обеспечения экологической безопасности. Эти и другие близкие к ним научные проблемы находились в центре внимания участников форума. В связи с этим цель проведения форума заключается в научно-методическом обосновании направлений и разработке практических рекомендаций по современным проблемам преобразования экономики в условиях интеграции и глобальной нестабильности. Для дости-

<sup>1</sup> Пятый Международный форум «Россия в XXI веке: глобальные вызовы и перспективы развития» проводился при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 16-06-20857 г) и Российского гуманитарного научного фонда (проект № 16-02-14046 г).

жения поставленной цели участники форума рассмотрели и обсудили следующие вопросы: в поисках новой финансовой политики России: вызовы и перспективы развития; финансовая политика экономического роста: таргетирование инфляции или увеличение денежного предложения; от новой реальности к новой экономической модели развития; Евразийская интеграция в условиях глобальной нестабильности; модернизация и экономическая безопасность; региональные проблемы пространственного развития экономики; экологические проблемы экономического развития. Результаты форума заключаются в научном обосновании направлений развития современной экономики в условиях глобальной нестабильности и формировании на этой основе практических рекомендаций, позволяющих повысить эффективность управления и обеспечить устойчивое развитие современной экономики России в условиях модернизации и интеграции. В докладах, выступлениях и принятых на форуме рекомендациях освещается широкий круг проблем, связанных с формированием эффективной государственной и региональной политики, механизмами ее реализации в сферах трансформации национальной экономики в условиях модернизации, интеграции и глобальной нестабильности.

**Ключевые слова:** Евразийский экономический союз, мировая экономика, финансовые рынки и институты, финансовая политика, межрегиональная интеграция, модернизированный потенциал, пространственное развитие, интеграция, постсоветское пространство, таргетирование инфляции, увеличение денежного предложения, циклические процессы, государственное регулирование.

---

**TSVETKOV VALERIY ANATOLIEVICH**

Doctor of Economic Sciences, Professor, Associate Member of the RAS,  
Director of FSBS "Institute of Market Problems of the RAS",  
e-mail: tsvetkov@ipr-ras.ru

**DOKHOLYAN SERGEY VLADIMIROVICH**

Doctor of Economic Sciences, Professor, Director of FSBS  
"Institute of Social-Economic Studies of DSC of the RAS",  
e-mail: sergsvd@mail.ru

**ZOIDOV KOBILZHON KHODJIEVICH**

Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Associate Professor, Head of the  
Laboratory of Integration of Russian Economy into International Economy FSBS  
"Institute of Market Problems of the RAS", e-mail: kobiljonz@mail.ru

**FIFTH INTERNATIONAL FORUM "RUSSIA IN THE XXI CENTURY:  
GLOBAL CHALLENGES AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT"**

**Abstract.** The Fifth International Forum is devoted to the relevant issues of sustainable development of the Russian economy, the solutions of which at the modern stage require an improvement of inter-regional integration and activation of the international cooperation in the conditions of global instability. The work of the forum took place at the plenary meeting, within the context of a round table, and in four sections. The forum took place in the period when global challenges that Russia faces have intensified. Today they are carrying both new opportunities of improving the competitiveness of the Russian economy and stimulating import substitution, as well as new threats of the investment and technological character. The key topics of scientific discussions became the issues of strengthening of the EEU and its interaction with other integrational unions, the balance of the economy and politics in global integrational processes, ways of providing for transparency and protection of the entrepreneurial environment from financial threats and risks. The following scientific issues have also been discussed during the Forum: new areas of focus of the financial policy of Russia in the conditions of instability; problems and prospects of development of the Russian financial markets; sustainable development of financial markets, products and technologies as the necessary condition of modernization of the Russian economy; the correlation of the economy and politics in the global and regional integration processes; strengthening of the EEU, and possible diverge points in its development; modern integration processes in the world; modernization as a factor of the economic security of Russia; modernization of the innovative and investment potential of the regions; the social-demographic problems of modernization;

*an effective financial-monetary policy as the necessary condition of achieving the economic security; the tasks, priorities and mechanisms of implementation of modern industrial policy; whether modernization of manufacturing is possible without the changes in the system of social-labor relations; ways of providing for transparency and protection of entrepreneurial environment from financial threats and risks; the place of regions in the social-economic integration of border states; increasing the role of entities of the Russian Federation and municipalities in the modernization of the economy; inter-regional economic relations - the integration factor of the Russian economy; economic instruments providing for environmental security. These and other associated with these scientific problems were in the center of attention of the forum participants. In relation to this, the goal of hosting a forum is in the scientific-methodical substantiation of areas of focus and development of practical recommendations on the modern problems of transformation of the economy in the conditions of integration and global instability. To achieve the goal set, forum participants discussed the following issues: searching for a new financial policy in Russia: challenges and prospects of development; the financial policy of economic growth: targeting the inflation or increasing the monetary offers; from the new reality to a new economic model of development; the Eurasian integration in the conditions of global instability; modernization and economic security; regional problems of spatial development of the economy; environmental problems of economic development. The results of the forum are in a scientific substantiation of areas of focus of development of the modern economy in the conditions of the global instability and forming on this basis of practical recommendations allowing to increase the effectiveness of management and provide for sustainable development of the modern economy of Russia in the conditions of modernization and integration. The speeches, presentations and recommendations made during the Forum, covered a wide range of problems, including those related to the formation of an effective, state and regional policy, mechanisms of its implementation in the conditions of transformation of the national economy in the conditions of modernization, integration and global instability.*

**Keywords:** *the Eurasian economic union, the world economy, financial markets and institutes, the financial policy, inter-regional integration, modernized potential, spatial development, integration, post-Soviet space, targeting the inflation, increase in the monetary offers, cyclic processes, state regulation.*

---

6, 8–9 декабря 2016 года в Москве под эгидой Интеграционного клуба при председателе Совета Федерации прошел Пятый Международный форум «Россия в XXI веке: глобальные вызовы и перспективы развития». На форум были приглашены участники из стран СНГ, ЕС, Китая, Японии и регионов РФ. Целью проведения форума стали научно-методическое обоснование направлений и разработка практических рекомендаций по современным проблемам преобразования экономики в условиях интеграции в рамках ЕАЭС и глобальной нестабильности. Для достижения поставленной цели участники форума рассмотрели и обсудили следующие вопросы:

- в поисках новой финансовой политики России: вызовы и перспективы развития;
- финансовая политика экономического роста: таргетирование инфляции или увеличение денежного предложения;
- от новой реальности к новой экономической модели развития;
- Евразийская интеграция в условиях глобальной нестабильности;
- модернизация и экономическая безопасность;
- региональные проблемы пространственного развития экономики;
- экологические проблемы экономического развития.

Результаты форума заключаются в научном обосновании направлений развития современной экономики в условиях глобальной нестабильности и формировании на этой основе практических рекомендаций, позволяющих повысить эффективность управления и обеспечить устойчивое развитие современной экономики России в условиях модернизации и интеграции. В докладах, выступлениях и принятых на форуме рекомендациях освещается широкий круг проблем, связанных с формированием эффективной государственной и региональной политики, механизмами ее реализации в условиях трансформации национальной экономики в условиях модернизации, интеграции и глобальной нестабильности [1–12].

Открывая форум, чл.-корр. РАН **Валерий Анатольевич Цветков** передал приветственное слово сопредседателю оргкомитета Форума, д. э. н., профессору, заслуженному деятелю науки РФ, академику РАО, ректору ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» **Михаилу Абдурахмановичу Эскиндарову**, гостям и участникам Пятого Международного форума и отметил актуальность вопросов, вынесенных на обсуждение. «В рамках общей темы должны рассматриваться проблемы евразийской интеграции в рамках глобальной нестабильности как с социально-финансово-экономической, так и с политической точек зрения. Только объединение наших усилий позволит преодолеть те невзгоды, в которых мы оказались».

В. А. Цветков отметил, что прошло 25 лет реформ. Но до сих пор как не было, так и нет никакого четкого плана социальной защиты малоимущих, программы развития национальной промышленности. Как были мы ориентированы на сырьевые отрасли, так на этом и остались. Как не было высокотехнологичного экспорта, так его и нет. Класс собственников-стабилизаторов общества создать не удалось. Народ сегодня начинает отворачиваться от рынка, связывая с ним лишь негативные стороны нашей жизни (спекуляцию, обогащение путем обмана, неоправданное социальное расслоение и т. д.).

И все они очень непростые. «Например, в разных странах ЕАЭС наблюдается различный уровень инфляции. Мы должны понимать, что если мы не приведем это все к единому знаменателю, то процесс объединения будет значительно сложнее», — добавил В. А. Цветков.

На пленарном заседании с приветственным словом выступил заместитель председателя Совета Федерации ФС РФ **И. М. Умаханов**. Он начал свое выступление, зачитав приветственное послание председателя Совета Федерации Валентины Матвиенко. «На пространстве стран СНГ постоянно возрастает интерес к теме евразийской интеграции, поэтому важен открытый диалог ученых и экспертов. Такой откровенный разговор помогает людям понять проблемы и выгоды интеграции в рамках Евразийского экономического союза, сформировать широкую общественную поддержку нашим объединительным процессам», — говорится в нем.

«Интеграционный клуб при председателе Совета Федерации был создан пять лет назад и за это время зарекомендовал себя открытой площадкой для обмена мнениями, генерации новых идей развития интеграции на евразийском пространстве», — сказал сенатор.

«Актуальность данного направления работы нарастает год от года. Как вы помните, Президент Российской Федерации **Владимир Владимирович Путин** в недавнем послании Федеральному Собранию еще раз подчеркнул, что «приоритетом внешней политики России было и остается дальнейшее углубление сотрудничества в рамках Евразийского экономического союза, взаимодействие с другими государствами СНГ». Он также говорил о необходимости «формирования многоуровневой интеграционной модели в Евразии — большого евразийского партнерства», — отметил вице-спикер Совета Федерации.

«Должен отметить, что идея необходимости разноуровневой и разноскоростной интеграции была высказана на одном из первых заседаний Интеграционного клуба **Евгением Максимовичем Примаковым**, который до последнего времени активно участвовал в работе клуба наряду со многими известными учеными и практиками. Выступающий сегодня с докладом академик РАН, советник Президента России **Сергей Юрьевич Глазьев** также входит в состав правления Клуба», — сказал сенатор.

«Уже не первый год данный форум, его отдельные секции проводятся под эгидой Интеграционного клуба. Мне особенно приятно, что в этом году форум проходит на площадке Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. Хочу отметить большую личную заслугу **Михаила Абдурахмановича Эскендерова** в том, что взаимодействие Финансового университета и Совета Федерации проходит по нарастающей, охватывает разные плоскости по самым актуальным проблемам развития нашей страны. Мы, законодатели, чувствуем помощь, которую оказывает коллектив Финансового университета, и благодарны за то, что многие законопроекты получают хорошую научно-методическую основу», — отметил заместитель председателя Совета Федерации ФС РФ.

Он также отметил, что это относится в полной мере также и к другим ведущим вузам и научным центрам нашей страны. Буквально две недели назад мы провели заседание правления Интеграционного клуба на базе МГИМО МИД России, посвященное актуальным проблемам

выработки и проведения согласованной политики в научно-образовательной сфере. Скоро пройдет заседание Клуба в Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова, посвященное стратегическим инфраструктурным проектам как локомотивом роста на евразийском пространстве. Мероприятия под эгидой клуба проводятся также в регионах России и других странах СНГ.

«По итогам каждого года работы издается Ежегодный доклад Интеграционного клуба. Доклад за текущий год посвящен теме "Евразийская интеграция: современные вызовы и новые горизонты". В него войдут материалы мероприятий клуба по проблемам интеграционных процессов в информационном пространстве, выработке согласованной политики в научно-образовательной сфере, стратегическим инфраструктурным проектам. Приглашаю вас участвовать в работе над докладом и присылать на мой адрес или на электронный адрес Аналитического управления Совета Федерации свои предложения и материалы», — подчеркнул заместитель председателя верхней палаты.

Парламентарий отметил, что Совет Федерации как палата регионов нацелен на всестороннюю поддержку межрегионального взаимодействия в рамках евразийских интеграционных процессов. Преимущества межрегиональных связей в том, что они менее политизированы, позволяют партнерам на региональном уровне контактировать напрямую, без посредников. В результате эффективность такого сотрудничества возрастает в разы.

Ильяс Умаханов также выразил мнение о том, что все эти и другие вопросы требуют научного переосмысления, выработки новых подходов и решений. Убеден, что представительный состав участников сегодняшнего мероприятия обеспечит высокий уровень предстоящих дискуссий, а итоги обсуждения, рекомендации секций внесут свой весомый вклад в дальнейшее развитие евразийской интеграции. Желаю вам успешной работы!».

**Глазьев Сергей Юрьевич** — д. э. н., профессор, академик РАН, советник Президента РФ — выступил с докладом «Перспективы развития российской экономики в условиях смены технологических и мирохозяйственных укладов». Он отметил, что «...нет высокой инфляции и в развитых странах, проводящих политику количественного смягчения. Несмотря на более чем удвоение денежной базы мировых валют и перевод ставок рефинансирования в отрицательную зону, инфляция остается низкой. Смысл этой политики заключается в создании благоприятных условий для перехода экономики на новый технологический уклад. В этих странах у предпринимателей и ученых нет проблем с финансированием своих инновационных и инвестиционных проектов. Денежные власти США, ЕС и Японии, по сути, принуждают своей политикой банкиров к кредитованию инвестиций в модернизацию и рост производства. Можно сомневаться в эффективности этой политики, но фактом является возможность любому добросовестному предпринимателю получить кредит на нужный срок по приемлемой ставке. В условиях структурной перестройки мировой экономики, обусловленной сменой технологических и мирохозяйственных укладов, проводимая в России денежно-кредитная политика является экономическим самоубийством. В то время как все другие страны наращивают денежную эмиссию для кредитования роста нового технологического уклада под символические проценты, снижая риски для новаторов и поддерживая инвесторов, российская экономика искусственно загоняется в стагфляционную ловушку и обрекается на нарастающее технологическое отставание и деградацию. Ущерб от политики Банка России с момента перехода к таргетированию инфляции уже превысил 10 трлн руб. в пересчете на невыпущенную продукцию и 3 трлн руб. неделанных инвестиций, не говоря уже о потерянных рабочих местах и снижающихся все это время доходах населения».

О проблемах и перспективах развития высокотехнологичных отраслей российской медицинской промышленности и ее влиянии на демографические процессы выступил с неординарным докладом д. м. н., профессор, академик РАН, главный ученый секретарь Президиума Российской академии наук **Михаил Александрович Пальцев**.

В своем выступлении председатель Федерального Совета ВПП «Партия дела», президент ООО «Новое Содружество» и ассоциации «Росагроماش» **Константин Анатольевич Бабкин** обсудил причины экономического спада и высказал предложения по повышению эффективности отраслей российской экономики, в том числе сельскохозяйственного машиностроения.

С научным докладом на тему «Россия — Китай: глобальные и региональные аспекты взаи-

модействия по укреплению мира и стабильности» выступил д. и. н., профессор, директор ИДВ РАН, руководитель Центра изучения стратегических проблем СВА и ШОС **Сергей Геннадьевич Лузянин**. Началом создания «общего евразийского экономического пространства» он назвал совместное заявление о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и «экономического пояса Шелкового пути», подписанное 8 мая 2015 года Президентом России Владимиром Путиным и председателем КНР Си Цзиньпином.

«Сопряжение — очень большой совместный проект, на воплощение которого уйдет долгое время, но после важных переговоров в Москве стороны фактически признали прогрессивность, с одной стороны, Шелкового пути, с другой стороны — Евразийского экономического союза. Стороны подтвердили, что эти проекты укрепляют друг друга и работают на взаимное развитие», — сказал **С. Г. Лузянин**.

По его словам, «страны стоят на пороге создания "новой Евразийской геополитики", что в классической американской политологии называлось "Хартлендом", дугой, которая проходит по главному континенту». «Сейчас создается новый мирный, открытый "российско-китайский Хартленд", который предполагает невоенный и несиловой вариант развития. Сила российско-китайских инициатив по стыковке "экономического пояса Шелкового пути" и Евразийского экономического союза в том, что они экономические и кооперационные, а не военные и силовые. Россия и Китай создают "Евразийскую ось", которая может стать новым центром будущего экономического мира», — прогнозирует директор ИДВ РАН **С. Г. Лузянин**.

На основе монографии «Россия-2015. Оптимистический сценарий», выпущенной в 1999 году в ИЭ РАН, сделал свой доклад д. э. н., профессор, член-корреспондент РАН, научный руководитель ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» **Дмитрий Евгеньевич Сорокин**. Рассказывая об итогах 25-летнего цикла экономических реформ на постсоветском пространстве, докладчик пришел к следующему выводу: «... Геополитическое положение России делает безальтернативным с точки зрения сохранения ее исторической перспективы в нынешних пространственных параметрах поддержание статуса России в качестве великой державы (одного из мировых полюсов роста, а, следовательно, и силы). Любой другой сценарий ... не для России в нынешнем ее понимании как государства».

С актуальным научным докладом на тему «Новая индустриализация как условие формирования инновационной модели развития российской экономики» выступила д. э. н., директор Института экономики РАН **Елена Борисовна Ленчук**. Она отметила, что содержанием политики «новой индустриализации» на Западе является процесс распространения прорывных технологий, который охватывает как формирование новых отраслей и секторов промышленности, воспроизводящих эти прорывные технологии, так и их распространение в традиционных отраслях промышленности, обеспечивающих модернизацию производственного аппарата (аддитивные технологии, робототехника, новые материалы, «Интернет вещей» и т. п.).

По мнению автора доклада, «Новая индустриализация для России» означает: необходимость остановить ярко выраженные тенденции деиндустриализации и примитивизации структуры экономики и обеспечить восстановление отраслей традиционных укладов на новой технологической основе (т. е. речь идет о реиндустриализации); необходимость сосредоточить усилия в части создания конкурентного сектора, связанного с развитием прорывных технологий высших технологических укладов, формируя для этого технологическую базу. Новая индустриализация — это важнейший и неотъемлемый этап перехода российской экономики к инновационной модели развития».

Социально-экономические факторы консолидации и диссолидации российской нации представлены в докладе д. с. н., профессора, директора ИСЭПН РАН **Вячеслава Вениаминовича Локосова** (Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН). Автором доклада отмечено, что более противоречивы внутренние, прежде всего социально-экономические, факторы консолидации. Их ядро расположено в трех проблемных полях: во-первых, адаптации населения к новым условиям жизни и рынку труда; во-вторых, размерах социально-экономического неравенства; в-третьих, реализации функций социального государства.

По мнению докладчика, в целом социально-экономическая система, несмотря на ее явные издержки, стала легитимной, т. е. поддерживаемой большинством граждан. Особенно важно,

что наиболее активную поддержку проявляет молодежь.

«Сегодня российское общество столь поляризовано по уровню доходов, по мировоззрению, что возникает вопрос: а может ли такое общество объединиться? Проведенный анализ дает на этот вопрос утвердительный ответ. Существуют базовые социально-экономические условия, на основе которых возможна консолидация современной российской нации», — пришел к такому выводу на основе проведенного исследования автор доклада.

Северокавказский федеральный округ: угрозы безопасности, экономические возможности и направления развития представлены в докладе **Сергея Владимировича Дохоляна, Виктора Завеневича Петросянца** (Институт социально-экономических исследований ДНЦ РАН). Авторами отмечено, что социально-экономические и политические преобразования в современной России, децентрализация власти усложнили проблемы регионального обустройства страны, выдвинули на первый план пространственные аспекты развития российского общества. При этом обострение политической ситуации, введение со стороны США, Евросоюза и других стран НАТО экономических санкций, нарастание кризисных явлений актуализируют вопросы эффективного использования резервов социально-экономического развития регионов определяют необходимость в формировании принципиально иной среды для решения социальных и экономических проблем в рамках их взаимодействия с Федеральным центром и между собой.

В докладе авторами перелagается модель устойчивого экономического роста субъектов СКФО, которая выстроена не только с точки зрения формирования традиционных социально-экономических и организационно-правовых блоков, но и прежде всего с позиций создания благоприятной общественной среды, базирующейся на культурно-нравственных и морально-этических ценностях населяющих их народов. Без этого ни одна модель устойчивого экономического роста региона, как бы она ни была совершенна, не может быть реализована в полной мере с позиций достижения поставленных целей и задач в области социально-экономического обустройства.

«Естественно, перечисленные общего характера направления развития экономики регионов Северного Кавказа ни в коей мере не исчерпывают их перечень. Имеет место множество конкретно детализированных направлений развития экономики регионов Северного Кавказа (транспорт и логистика, малое предпринимательство, туризм и рекреация и т. д. и т. п.).

Обеспечение равного соблюдения законности для всех, борьба с коррупцией, защита прав человека — вот те условия, которые смогут обеспечить построение стабильного и способного к развитию как "проблемного" Северокавказского региона, так и единого Российского государства», — пришли к такому выводу авторы доклада.

С научным докладом на тему «Проблемы формирования стратегии пространственного развития РФ» выступила д. э. н., временно исполняющая обязанности директора Института экономики УрО РАН **Юлия Георгиевна Лаврикова**. Она отметила, что в настоящее время в условиях освоения большей части мировой поверхности, пригодной для проживания, экономическое пространство Российской Федерации становится тем фактором, который может сыграть как глубоко положительную роль в социально-экономическом развитии России, так и не менее глубоко отрицательную роль при формальном его использовании или отсутствии такого.

«Следует помнить, что применение проектного подхода требует соблюдения двух условий. Во-первых, проекты должны быть встроены в систему комплекса документов стратегического планирования страны, округа, регионов, муниципалитетов. Иными словами, данные проекты по своей сути должны стать стратегическими проектами, встроенными в логическую цепочку общефедерального стратегического управления. Во-вторых, при таком подходе стратегические проекты превращаются в конкретные механизмы (институты) реализации стратегических программ развития страны, округа, регионов, муниципалитетов. Их разработка, как и документов, из которых они вытекают, осуществляется на основе взаимодействия всех участников территориального сообщества: частного бизнеса, органов власти и управления всех уровней, науки, образования, представителей общественности.

Уважаемые коллеги! **Российская Федерация за счет научно обоснованного управления пространственным развитием может стать экономически мощной державой усилиями**

**федерального руководства, устойчивым развитием регионов и активностью бизнеса и населения!»** — пришла к такому выводу автор доклада.

Стоимостная оценка нематериальных активов (НМА) как фактор развития российской экономики представлена в докладе д. э. н., профессора, руководителя Департамента корпоративных финансов и корпоративных управления ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» **Марины Алексеевны Федотовой**. В своем докладе она привела пример разработки предложений по совершенствованию нормативно-правовой и информационной базы стоимостной оценки НМА: оценка стоимости НМА в странах Европы и США основывается на трех базовых подходах, которые не отличаются от российских; за рубежом рынок НМА более развит, чем в России, поэтому есть возможность отследить сделки с ОИС и использовать данную информацию для оценки методами сравнительного подхода; отдельные западноевропейские фирмы предлагают нестандартные методы оценки НМА, включающие элементы методов оценки других видов активов, модифицированные и адаптированные к особенностям интеллектуальной собственности.

В итоге **М. А. Федотова** выдвинула «предложения по совершенствованию нормативно-правовой базы стоимостной оценки НМА. Предлагается внести следующие изменения и дополнения:

1. В состав объектов интеллектуальной собственности в главу 69 Гражданского кодекса части четвертой в статью 1225 «Охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации» предлагается ввести дополнительный объект правовой охраны — «научные открытия». Необходимо включить «научные открытия» в качестве самостоятельного объекта интеллектуальной собственности в статью 1225 ГК РФ и, соответственно, внести его затем в нормативные акты финансового, бухгалтерского и управленческого учета.

2. В составе нематериальных активов и объектов интеллектуальной собственности следует учитывать доменные имена, которые в соответствии со статьей 1225 ГК РФ пока не относятся к результатам интеллектуальной деятельности и, соответственно, к объектам интеллектуальной собственности.

3. Внести дополнения в ФСО № 11 «Оценка нематериальных активов и интеллектуальной собственности» и разработать Методические рекомендации по оценке стоимости НМА.

Государственно-частное партнерство — основа экономической безопасности, инновационного развития и интеграции транспортно-транзитной системы России в мировое хозяйство — представлено в сообщениях **Кобилджона Ходжиевича Зоидова, Алексея Анатольевича Медкова, Зафара Кобилджоновича Зоидова**. Авторами отмечено, что в условиях падения спроса и снижения мировых цен на основные товары российского экспорта возрастает актуальность замены сырьевой ренты на иные виды доходов государственного и региональных бюджетов, хозяйствующих субъектов и населения. Одновременно появились факторы, негативно влияющие на реализацию транспортно-транзитного потенциала России и величину экспорта транспортных услуг, доходы от которого могли бы стать весомым дополнением к поступлениям от поставок углеводородов и других видов сырья на мировые рынки. Сократились возможности государственного финансирования развития и реализации транзитного потенциала России как естественного моста между Европой и Азией. Этим обусловлено повышенное внимание к такому институту реализации и финансирования инвестиционных проектов в области развития транспортной инфраструктуры, как государственно-частное партнерство (ГЧП). В настоящее время необходимость расширения использования института ГЧП обусловлено прежде всего необходимостью сокращения государственных расходов. В этих условиях требуется привлечение средств частных инвесторов в те отрасли, которые традиционно финансировались государством, использование предпринимательской активности и накопленных в бизнесе компетенций.

Завершая пленарное заседание форума, д. э. н., профессор, член-корреспондент РАН, директор ИПР РАН, проректор по научной работе ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» **Валерий Анатольевич ЦВЕТКОВ** отметил, что формирование ЕАЭС — это начало предельно сложного пути. Перспективы этот союз будет иметь, только если страны-участницы не будут ограничиваться расширением форм их экономического взаимодействия. Кроме того, по мнению Валерия Анатольевича, важной и слабо

исследованной проблемой является «цена» объединения. О необходимости изучения этого вопроса говорят события, происходящие сегодня в Европе.

По итогам пленарного заседания форума ведущие эксперты в области экономики, политики, социологии разработали рекомендации с целью максимизировать эффективность интеграционных процессов в рамках ЕАЭС. Предложения участников форума направлены на рассмотрение в Совет Федерации и Евразийскую комиссию.

Случались на форуме и жаркие дискуссии. Немало копий было сломано и вокруг перспектив российской экономики и проблем интеграции на постсоветском пространстве. Помимо российских ученых, в обсуждениях приняли участие также исследователи и специалисты из Италии, Германии, Китая, Японии и ряда государств СНГ. Несмотря на сложную внешнеполитическую ситуацию, заседания и дискуссии проходили в конструктивной и дружественной атмосфере.

Для участия в работе **первой секции «В поисках новой финансовой политики России»** поступили 42 заявки и тезиса докладов. Заявки пришли из различных регионов РФ — г. Москвы (Института экономики РАН, ЦЭМИ РАН, Финансового университета при Правительстве РФ, РЭУ им. Г. В. Плеханова, РАНХиГС, МГУ им. М. В. Ломоносова), г. Петрозаводска (Институт экономики КарНЦ РАН).

С докладами выступили 26 участников по тематике секции:

1. **ДЕМИДОВ Александр Юрьевич** — заместитель руководителя Федерального казначейства Российской Федерации — «Совершенствование системы государственного финансового контроля в Российской Федерации».

2. **КАЗАКОВЦЕВ Олег Александрович** — член комитета Совета Федерации по науке, образованию и культуре Федерального собрания Российской Федерации.

3. **ГОЛОВНИН Михаил Юрьевич** — д. э. н., профессор, чл.-корр. РАН, первый заместитель директора Института экономики РАН.

4. **ЛАВРУШИН Олег Иванович** — д. э. н., профессор, руководитель Департамента финансовых рынков и банков ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» — «О модернизации институциональной структуры национального банковского сектора».

5. **БЫВШЕВ Виктор Алексеевич** — д. э. н., профессор ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации». **БРОВКИНА Наталья Евгеньевна** — к. э. н., доцент ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» — «Оценка влияния кредитного рынка на показатели экономического роста».

6. **ЗВОНОВА Елена Анатольевна** — д. э. н., руководитель Департамента мировой экономики и мировых финансов ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» — «Современные проблемы участия России в процессах трансформации мировой финансовой архитектуры».

7. **ХОТИНСКАЯ Галина Игоревна** — д. э. н., проф. Департамента КФиКУ ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» — «Экономический рост: количество или качество?».

8. **ЛУКАСЕВИЧ Игорь Ярославович** — д. э. н., проф. Департамента КФиКУ ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» — «Дивидендная политика российских корпораций в современных условиях».

9. **ПАШТОВА Лейла Германовна** — д. э. н., профессор Департамента КФиКУ ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» — «Развитие венчурного финансирования в России».

10. **ИШИНА Ирина Валериевна** — д. э. н., профессор Департамента общественных финансов ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» — «Финансирование социальной сферы: траектория развития в условиях глобальных вызовов».

11. **АБРАМОВА Марина Александровна** — д. э. н., профессор Департамента финансовых рынков и банков ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» — «Денежно-кредитная политика в контексте развития интеграционных процессов в ЕАЭС: новые вызовы и потенциал развития».

12. БРЮХАНОВ Юрий Михайлович — к. э. н., доцент кафедры организационно-управленческих инноваций ФГБОУ ВО им. Г. В. Плеханова — «Риск-ориентированный подход к оценке потенциала интеграции евразийского экономического союза».

13. ПИНСКАЯ Миляуша Рашидовна — д. э. н., профессор ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» — «Проблемы гармонизации налоговой политики в ЕАЭС».

14. МЕШКОВА Елена Ивановна — к. э. н., доцент ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» — «Соглашение по капиталу БАЗЕЛЬ III: устойчивость и/или кредитная активность банков?».

15. ДУБОВА Светлана Евгеньевна — д. э. н., профессор Департамента финансовых рынков и банков ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве РФ» — «Развитие системы регулирования деятельности коммерческих банков в нестабильной экономической среде».

16. ЗАХАРОВА Ольга Владимировна — ст. преподаватель Департамента финансовых рынков и банков ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» — «Формирование современной системы регулирования деятельности российских кредитных организаций».

17. АННЕНСКАЯ Наталья Евгеньевна — к. э. н., доцент Департамента финансовых рынков и банков ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» — «Регулирование институтов финансового рынка: как повысить эффективность, не убив отрасль?».

18. КОСАРЕВ Владимир Евгеньевич — кандидат технических наук, доцент Департамента финансовых рынков и банков ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» — «Дистанционное банковское обслуживание, виртуальные банки — новые банковские риски».

19. РУДАКОВА Ольга Степановна — д. э. н., профессор Департамента финансовых рынков и банков ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» — «Влияние цифровых технологий на развитие банковского сектора».

20. МАКЕЕВ Александр Викторович — председатель Совета Ассоциации участников вексельного рынка (АУВЕР), старший преподаватель Департамента финансовых рынков и банков ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» — «Об использовании опыта учета и переучета товарного векселя как основной исторической формы эмиссии кредитных денег в современных условиях».

21. РОЗАНОВА Людмила Ивановна — к. э. н., доцент, с. н. с. Института экономики Карельского НЦ РАН — «Расчистка рынка микрофинансирования: цели, интересы, результаты, перспективы».

22. ТАЗИХИНА Татьяна Викторовна — к. э. н., профессор Департамента КФиКУ ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» — «Нематериальные активы как фактор роста капитализации российских компаний».

23. ЛИХАЧЕВА Ольга Николаевна — к. э. н., доцент Департамента КФиКУ ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» — «Корпоративное финансовое планирование: современные тенденции, проблемы и их решение».

24. ТЮТЮКИНА Елена Борисовна — д. э. н., профессор Департамента КФиКУ ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» — «Финансирование инфраструктурных проектов в России: потенциальные инвесторы и инструменты».

25. СТЕПАНОВА Елена Олеговна — начальник инвестиционного отдела АО «Мосинжпроект» — «Оценка риска сделок мезонинного финансирования».

26. ВАСЮНИНА Маргарита Леонидовна — к. э. н., доцент Департамента общественных финансов ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» — «В поисках инструментов эффективного управления бюджетными расходами».

**В первой секции** были обсуждены следующие вопросы:

– эффекты государственной финансовой политики в России: оценки с учетом глобальных вызовов;

- какие приоритеты бюджетной политики нужны для стимулирования экономического развития России?;
- инициаторы роста стоимости компании в условиях неопределенности;
- оценка финансовой нестабильности корпораций в условиях экономического спада;
- изменения в налоговой политике в современных условиях.

Для участия в работе **второй секции «Современный финансовый рынок России: вызовы и перспективы развития»** поступили 62 заявки и 45 тезисов докладов. Заявки пришли из различных регионов РФ — **г. Москвы** (ИПР РАН, ИЭ РАН, ИСЭРТ РАН, Российский экономический Университет им. Плеханова, Центр промышленной политики Института экономической политики и проблем экономической безопасности при Финансовом университете при Правительстве РФ); **Крымского федерального округа** (Институт экономики и управления Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского); **Молдовы, г. Кишинева** (Европейский университет).

С докладами выступили 23 участника по тематике секции:

1. ПОНКРАТОВ Вадим Витальевич — к. э. н., директор Центра финансовой политики Департамента общественных финансов ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» — «Финансовая политика России в условиях низких цен на энергоресурсы и санкционного давления на экономику».

2. ЖУРАВЛЕВА Ирина Александровна — к. э. н., доцент Департамента налоговой политики и таможенно-тарифного регулирования ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» — «Финансово-экономическое значение НДС на современном этапе развития экономики: проблемы агрессивного планирования».

3. КУЗЬМИН Антон Юрьевич — д. э. н., профессор Департамента анализа данных, принятия решений и финансовых технологий ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» — «Эффективность современной валютной и денежно-кредитной политики».

4. НИКОЛАЕВА Ольга Евгеньевна — к. э. н., доцент МГУ им М. В. Ломоносова, кафедра «Учета, анализа и аудита», профессор расширенного факультета Калифорнийского государственного университета (г. Хейвард) — «Прозрачность корпоративной отчетности как необходимое условие инвестиционной привлекательности в условиях антироссийских санкций».

5. ВОЛОШИН Дмитрий Александрович — к. э. н., старший научный сотрудник кафедры учета, анализа и аудита экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова — «Становление и развитие интегрированной отчетности как неотъемлемой части корпоративной отчетности ведущих российских компаний».

6. ЧАЛДАЕВА Лариса Алексеевна — д. э. н., профессор кафедры «Экономика организации» ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» — «Интеграционные процессы биржевого рынка как источник финансирования стран-участниц евразийского экономического союза».

7. АМОСОВА Наталия Анатольевна — д. э. н., доцент, профессор Департамента финансовых рынков и банков ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» — «Превенция, деликт-менеджмент и другие направления повышения конкурентоспособности российских коммерческих банков».

8. ВАЛЕНЦЕВА Наталья Игорьевна — д. э. н., профессор Департамента финансовых рынков и банков ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве РФ» — «Современные приоритеты в управлении ресурсной базой коммерческих банков».

9. ШАТАЛОВА Елена Петровна — к. э. н., доцент Департамента финансовых рынков и банков ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве РФ» — «Особенности оценки кредитоспособности государственных и муниципальных образований».

10. КАЛАБИХИНА Ирина Евгеньевна — д. э. н., профессор кафедры народонаселения экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова — «Становление и развитие интегрированной отчетности как неотъемлемой части корпоративной отчетности ведущих российских компаний».

11. МЕДВЕДЕВА Евгения Александровна — ассистент Департамента «Мировая экономика и мировые финансы», аспирант ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» — «Новые подходы к созданию валютно-финансовой интеграции: опыт ЕС и ЕАЭС».

12. СОКОЛИНСКАЯ Наталия Эвальдовна — к. э. н., профессор Департамента финансовых рынков и банков ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» — «Факторы, влияющие на необходимость разработки и внедрения инновационных банковских продуктов».

13. МАРКОВА Ольга Михайловна — к. э. н., доцент Департамента финансовых рынков и банков ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» — «Формирование национальной гарантийной системы поддержки малого и среднего предпринимательства в РФ».

14. ЕГОРОВА Ирина Сергеевна — к. э. н., доцент Департамента учета, анализа и аудита ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», член комитета по повышению квалификации и аттестации аудиторов СРО РСА — «Проблематика обеспечения финансовой безопасности в рамках аудиторской деятельности».

15. ТЕРНОВСКАЯ Елена Петровна — к. э. н., профессор Департамента финансовых рынков и банков ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» — «Место коммерческих банков в реализации перспективных форм финансово-кредитной поддержки российской экономики».

16. ЧИЧУЛЕНКОВ Денис Андреевич — к. э. н., старший преподаватель Департамента финансовых рынков и банков ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» — «Эволюция социально ориентированной модели банковской деятельности».

17. РУБЦОВ Борис Борисович — д. э. н., профессор, заместитель руководителя Департамента финансовых рынков и банков ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» — «Влияние внешних факторов на развитие российского фондового рынка».

18. АВИС Олег Ушеревич — к. э. н., доцент Департамента финансовых рынков и банков ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» — «Теневой банкинг — возможность развития или угроза банковскому делу?».

19. ПАШКОВСКАЯ Ирина Владимировна — к. э. н., доцент Департамента финансовых рынков и банков ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» — «Совершенствования методов и инструментов реструктуризации проблемных банков в условиях финансовой неопределенности».

20. ЗУБКОВА Светлана Валерьевна — к. э. н., доцент Департамента финансовых рынков и банков ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» — «Развитие кредитования в России в контексте современных требований к ликвидности коммерческих банков».

21. ГУРНАК Александр Владимирович — к. э. н., доцент Департамента налоговой политики и таможенно-тарифного регулирования ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» — «Налоговая политика России в контексте проблемы перехода к экономическому росту».

22. МАЛКОВА Юлия Васильевна — к. э. н., доцент Департамента налоговой политики и таможенно-тарифного регулирования ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» — «Оценка эффективности налоговых льгот: проблемы и их решения».

23. НАЗАРОВА Наталья Александровна — к. э. н., доцент Департамента налоговой политики и таможенно-тарифного регулирования ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» — «Резервы роста налоговых поступлений в региональные бюджеты».

Во **второй секции** были обсуждены следующие вопросы:

– эффекты государственной финансовой политики в России: финансовый сектор и реальная

экономика: особенности взаимодействия;

- соотношение государственного и частного в банковском секторе: есть ли критерии оптимальности? Финансовые рынки: есть ли границы глобализации?;
- регулирование институтов финансового рынка: как повысить эффективность, не убив отрасль?;
- финансовые рынки на пространстве ЕАЭС: перспективы интеграции. Финансовый рынок как объект макропруденциального регулирования: особенности России;
- деятельность Банка России как мегарегулятора финансового рынка: оценка эффектов для экономики;
- можно ли с помощью кредитной экспансии ускорить экономическое развитие, не разгоня инфляцию?;
- если у банков будущее в условиях развития современных технологий?;
- социальный банкинг: очередной призыв к добру или реальная экономическая выгода?;
- доверие к субъектам финансового рынка: его оценка и влияние на финансовую устойчивость;
- международные стандарты ликвидности субъектов финансового рынка и проблемы их внедрения в условиях макроэкономической нестабильности.

Для участия в работе **третьей секции «От новой реальности к новой экономической модели развития»** поступило 37 заявок и тезисов докладов. Заявки пришли из различных регионов РФ — **г. Москвы** (Институт экономики РАН, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН РЭУ им. Г. В. Плеханова, Финансовый университет при Правительстве РФ, Московский промышленно-финансовый университет «Синергия», Российский новый университет), **г. Кемерова** (Кемеровский государственный университет), **г. Петрозаводска** (Институт экономики Карельского НЦ РАН), **Республики Казахстан** (Агентство Республики Казахстан по делам государственной службы и противодействию коррупции).

С докладами выступило 26 участников по тематике секции:

1. **ЦВЕТКОВ Валерий Анатольевич** — член-корреспондент РАН, проректор по научной работе ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» — «Возможные направления развития реального сектора российской экономики в условиях углубляющегося кризиса».

2. **БУРАК Петр Иосифович** — д. э. н., проф., вице-президент РАЕН, директор Института региональных экономических исследований — «Пути преодоления дезинтеграционных тенденций в экономическом пространстве России».

3. **ВАРДОМСКИЙ Леонид Борисович** — д. э. н., профессор, руководитель центра постсоветских исследований Института экономики РАН — «Экономические отношения России и новых независимых государств: итоги 25-летия».

4. **ЗИЯДУЛЛАЕВ Наби Саидкаримович** — д. э. н., проф., главный научный сотрудник ИПР РАН — «Евразийские интеграционные проекты: итоги 25 лет трансформации».

5. **ПЕРСКАЯ Виктория Вадимовна** — д. э. н., проф., заслуженный экономист РФ, директор Института исследований МЭО ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» — «Интеграция стран ЕАЭС — межгосударственность или "полная интеграция"».

6. **СУХАРЕВ Олег Сергеевич** — д. э. н., профессор, заведующий сектором Института экономики РАН — «Траектория экономического роста в России: преодоление мифов».

7. **КОВАЛЬЧУК Юлия Александровна** — д. э. н., профессор кафедры экономики и финансового менеджмента Рязанского государственного радиотехнического университета; **СТЕПНОВ Игорь Михайлович** — д. э. н., профессор, заведующий кафедрой экономики и финансового менеджмента Рязанского государственного радиотехнического университета — «Кластерный дизайн рынка: новая парадигма или мистификация?».

8. **ШАРКОВА Антонина Васильевна** — д. э. н., профессор, заведующий кафедрой «Экономика организации» ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»; **ХАРИТОНОВА Татьяна Викторовна** — к. э. н., доцент ФГОБУ ВО

«Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» — «К вопросу о регулировании развития мельчайших форм бизнеса в России».

9. ЛОГИНОВ Евгений Леонидович — д. э. н., профессор РАН, зам. директора по научной работе ИПР РАН — «Консолидированное управление экспортом топливно-энергетических ресурсов: Россия, ЕАЭС, большое евразийское партнерство».

10. АЛКЛЫЧЕВ Алклыч Магомедович — д. э. н., профессор кафедры «Финансы и кредит» Института экономики и финансов ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет» — «Формирование рациональной системы цен как основы единого национального рынка».

11. СИМАГИН Юрий Алексеевич — кандидат географических наук, доцент, зав. лабораторией социального и экономического поведения Института социально-экономических проблем народонаселения РАН.

12. СТРОКОВ Владимир Александрович — д. т. н., профессор РЭУ им. Г. В. Плеханова — «Производительные силы постиндустриального периода».

13. ТЕРЕНТЬЕВ Николай Евгеньевич — к. э. н., с.н.с. Института народнохозяйственного прогнозирования РАН (ИНП РАН) — «Мировые мегаполисы: вызовы и стратегии устойчивого развития».

14. ШВАНДАР Дарья Владимировна — к. э. н., доцент ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» — «Импортозамещение и экономический рост: калейдоскоп парадигм».

15. НАРИНЯН Наталья Евгеньевна — научный сотрудник и соискатель аспирантуры Центрального экономико-математического Института РАН — «Пионерский шаг евразийской интеграции: реформа летоисчисления Петра I».

16. ЗОЙДОВ Кобилжон Ходжиевич — к. ф.-м. н., доцент, заведующий лабораторией Интеграции российской экономики в мировое хозяйство Института проблем рынка РАН — «Циклическая динамика развития экономических систем стран БРИКС».

17. САЙФИЕВА Светлана Николаевна — к. э. н., доцент, заведующая лабораторией Института проблем рынка РАН; СОЛОВЬЕВА Светлана Викторовна — к. э. н., ведущий научный сотрудник Института проблем рынка РАН — «Активизация инвестиционной деятельности в целях повышения экономической безопасности российской экономики».

18. ТУЛУПОВ Александр Сергеевич — д. э. н., заведующий лабораторией экономического регулирования экологически устойчивого хозяйствования, Институт проблем рынка РАН — «Оценка вреда от нарушения природоохранного законодательства: проблемы и перспективы информационно-методического обеспечения».

19. ТРИФОНОВ Павел Владимирович — к. э. н., доцент департамента Менеджмент ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» — «Анализ динамики отраслей экономики России».

20. МЕДКОВ Алексей Анатольевич — к. э. н., руководитель центра транзитной экономики ИПР РАН — «Государственно-частное партнерство — основа экономической безопасности, инновационного развития и интеграции транспортно-транзитной системы России в мировое хозяйство».

21. ПОНОМАРЕВА Марина Александровна — к. э. н., доцент кафедры «Экономика организации» ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» — «Зарубежный опыт пенсионной политики и социальная защита пенсионеров, возможность реализации и целесообразность применения в России».

22. ПЕТРОСЯНЦ Даниэл Викторович — к. э. н., с. н. с. Института проблем рынка РАН — «Формирование механизма функционирования региональных инновационных кластеров на базе ведущих российских университетов в контексте сотрудничества в рамках ЕАЭС».

23. ПРУДНИКОВА Анна Анатольевна — к. э. н., доцент департамента мировой экономики и мировых финансов ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» — «Перспективы развития национальной платежной системы России».

24. КОМИЛОВ Сироджиддин Джалолитдинович — д. э. н., профессор кафедры экономической теории Российско-Таджикского (славянского) университета; ГАФАРОВ Фирузджон Мухридинович — аспирант кафедры экономики и управления Технологического университе-

та Таджикистана — «Основные факторы, воздействующие на рост инвестиционного потенциала региона».

25. УСМАНОВ Далер Ирматович — к. э. н., ст. преподаватель кафедры менеджмента и маркетинга Белгородского государственного национального исследовательского университета — «Влияние факторов глобализации на интеграционные процессы регионов в условиях нестабильной экономики».

26. МАРЫГАНОВА Елена Александровна — к. э. н., доцент кафедры экономической теории РЭУ им. Г. В. Плеханова — «Развитие конкурентной среды как фактора становления инновационной экономики в России».

На **третьей секции** были обсуждены следующие проблемы:

– новые экономические модели развития государств-членов ЕАЭС во взаимодействии с СНГ, ШОС, ЕС, БРИКС и другими интеграционными объединениями;

– выработка союзно ориентированных подходов к обеспечению экономической безопасности России и других государств-членов ЕАЭС;

– механизмы стратегии перехода от экспортно-сырьевой к инновационной модели развития экономики;

– механизмы повышения роли субъектов Российской Федерации и муниципалитетов в модернизации национальной экономики: экономическое выравнивание регионов или опора на регионы-лидеры?;

– экономические инструменты повышения экологической безопасности России и других государств-членов ЕАЭС.

06 декабря 2016 года **четвертая секция** «Финансовая политика экономического роста: таргетирование инфляции или увеличение денежного предложения» прошла в Торгово-промышленной палате Российской Федерации. На четвертой секции были обсуждены следующие проблемы: финансовые причины затяжного экономического кризиса в России. Спикеры: Солнцев О. Г. (ЦМАКП), Блинов С. Н. (КамАЗ). Стратегия развития российских финансовых рынков. Спикеры: Платонов С. Р. (Минфин), Орлов А. А. (Банк России). Банковская система в экономике: финансовая опора или черная дыра. Спикеры: Иванов О. М. (Ассоциация региональных банков), Емелин А. В. (НСФР), Самиев П. А. (НАФИ). Российский фондовый рынок: перспективы роста. Спикеры: Волков К. А. (НФА), Тимофеев А. В. (НАУФОР). Приоритеты финансовой политики: налоги, бюджет, инфляция, инвестиции, кредиты.

По материалам Пятого Международного форума были приняты предложения и рекомендации, а также был выпущен сборник пленарных докладов «Россия в XXI веке: глобальные вызовы и перспективы развития. Пленарные доклады / Материалы Пятого Международного форума. Москва, 06, 08–09 декабря 2016 г. Под ред. чл.-корр. РАН В. А. Цветкова. — М.: ИПР РАН, 2016. — 372 с. (23,2 п. л.)», включающий в себя 32 доклада. Пленарные доклады Пятого Международного форума были изданы общим тиражом 300 экземпляров. По неопубликованным остальным пленарным докладам и секционным материалам будет выпущен сборник тезисов докладов «Россия в XXI веке: глобальные вызовы и перспективы развития / Материалы Пятого Международного форума. Москва, 06, 08–09 декабря 2016 г. Под ред. чл.-корр. РАН В.А. Цветкова. — М.: ИПР РАН, 2016» (120 докладов). Наиболее интересные выступления и статьи участников форума будут опубликованы в журналах информационных спонсоров форума («Вестник Финансового университета», «Журнал экономической теории», «Международная торговля и торговая политика», «Науковедение», «Общественные науки и современность», «Проблемы теории и практики управления», «Региональные проблемы преобразования экономики», «Федерализм», «Экологический вестник России», «Экономика региона», «Экономист» и «Эксперт»). Предложения и рекомендации, подготовленные по итогам работы круглых столов, были направлены в адрес Администрации Президента РФ, Правительства РФ, Совета Федерации РФ и Государственной Думы РФ, переданы профильным министерствам и ведомствам.

#### *Литература*

1. *Региональные проблемы преобразования экономики: международное сотрудничество и межрегиональная интеграция: Материалы Первого Международного форума. Москва, 25–26 сентября 2012 г.: Под ред. академика РАН Н.Я. Петракова. — М.: Издательство Перо, 2012. — 1320 с.*

2. *Россия в XXI веке: глобальные вызовы и перспективы развития / Материалы Второго Международного форума. Москва, 12–13 ноября 2013 г.: Под ред. академика РАН Н.Я. Петракова. — М.: Издательство Перо, 2013. — 1142 с.*
3. *Россия в XXI веке: глобальные вызовы и перспективы развития / Материалы Третьего Международного форума. Москва, 21–22 октября 2014 г. Под ред. чл.-корр. РАН В.А. Цветкова. — Москва, ИПР РАН, 2014. — 1124 с.*
4. *Россия в XXI веке: глобальные вызовы и перспективы развития / Материалы Четвертого Международного форума. Москва, 20, 22 октября 2015 г. Под ред. чл.-корр. РАН В.А. Цветкова. — Москва, ИПР РАН, 2015. — 845 с.*
5. *Россия в XXI веке: глобальные вызовы и перспективы развития / Материалы Пятого Международного форума. Москва, 06, 8–9 декабря 2016 г. Под ред. чл.-корр. РАН В.А. Цветкова. — Москва, ИПР РАН, 2016 (в печати).*
6. *Россия в XXI веке: глобальные вызовы и перспективы развития. Пленарные доклады / Материалы Второго Международного форума. Москва, 12–13 ноября 2013 г.: Под ред. академика РАН Н. Я. Петракова. — М.: ЦЭМИ РАН, 2013. — 210 с.*
7. *Россия в XXI веке: глобальные вызовы и перспективы развития. Пленарные доклады / Материалы Третьего Международного форума. Москва, 21–22 октября 2014 г. Под ред. член-корр. РАН В. А. Цветкова. — М.: ИПР РАН, 2014. — 242 с.*
8. *Россия в XXI веке: глобальные вызовы и перспективы развития. Пленарные доклады / Материалы Четвертого Международного форума. Под ред. чл.-корр. РАН В.А. Цветкова. — М. ЦЭМИ РАН / ИПР РАН, 2015. — 284 с.*
9. *Россия в XXI веке: глобальные вызовы и перспективы развития. Пленарные доклады / Материалы Пятого Международного форума. Москва, 06, 08–09 декабря 2016 г. Под ред. чл.-корр. РАН В. А. Цветкова. — М.: ИПР РАН, 2016. — 393 с.*
10. *Цветков В. А., Дохолян С. В., Зоидов К. Х. Второй Международный форум «Россия в XXI веке: глобальные вызовы и перспективы развития» // Региональные проблемы преобразования экономики, 2014. — № 1(39). — С. 74–87.*
11. *Цветков В. А., Дохолян С. В., Зоидов К. Х. Четвертый Международный форум «Россия в XXI веке: глобальные вызовы и перспективы развития» // Региональные проблемы преобразования экономики, 2015. — № 11(61). — С. 239–256.*
12. *Цветков В.А., Дохолян С.В., Зоидов К. Х. Третий Международный форум «Россия в XXI веке: глобальные вызовы и перспективы развития» // Региональные проблемы преобразования экономики, 2014. — № 11(49). — С. 252–273.*

#### References:

1. *Regional problems of transformation of the economy: international cooperation and inter-regional integration: Proceedings of the First International Forum. Moscow, 25-26 September 2012: Ed. Academician N.YU. Petrakov. M.: MEI RAS, 2012. 1320.*
2. *Russia in XXI century: global challenges and development prospects / Proceedings of the Second International Forum. Moscow, 12-13 November 2013: Ed. Academician N.YU. Petrakov. M.: MEI RAS, 2013. 1142 p.*
3. *Russia in XXI century: global challenges and development prospects / Proceedings of the Third International Forum. Moscow, 21–22 October 2014, ed. corr. RAS V.A. Tsvetkov. Moscow, MEI RAS, 2014. 1124 p.*
4. *Russia in XXI century: global challenges and development prospects / Proceedings of the Fourth International Forum. Moscow, 20 October 22, 2015 Ed. corr. RAS V. A. Tsvetkov. Moscow, MEI RAS, 2015. 845 p.*
5. *Russia in XXI century: global challenges and development prospects / Proceedings of the Fourth International Forum. Moscow, 06, 8–9 December 2016. Ed. corr. RAS V.A. Tsvetkov. Moscow, MEI RAS, 2016.*
6. *Russia in XXI century: global challenges and prospects for development. Plenary presentations / Materials of the Second International Forum. Moscow, 12-13 November 2013: Ed. Academician N.YU. Petrakov. M.: CEMI RAS / MEI RAS, 2013. 210 p.*
7. *Russia in XXI century: global challenges and prospects for development. Plenary presentations / Proceedings of the Third International Forum. Moscow, 21-22 October 2014, ed. Corresponding Member RAS V. A. Tsvetkov. M.: CEMI RAS / MEI RAS, 2014. 242 p.*
8. *Russia in XXI century: global challenges and prospects for development. Plenary presentations / Proceedings of the Fourth International Forum. Ed. corr. RAS V. A. Tsvetkov. M. CEMI RAS / MEI RAS, 2015. 284 p.*
9. *Russia in XXI century: global challenges and prospects for development. Plenary presentations / Proceedings of the Fourth International Forum. 06, 8-9 December 2016. Ed. corr. RAS V. A. Tsvetkov. M. CEMI RAS / MEI RAS, 2015. 393 p.*
10. *Tsvetkov V. A., Dokholyan S. V., Zoidov K. KH. Second International Forum «Russia in XXI Century: Global Challenges and Prospects» // Regional problems of economic transformation. 2014. No. 1 (39). P. 74–87.*
11. *Tsvetkov V. A., Dokholyan S. V., Zoidov K. Kh. The Fourth international forum «Russia in the XXI century: global challenges and perspectives of development» // Regional problems of transformation of the economy. 2015. No. 11(61). P. 239–256.*
12. *Tsvetkov V. A., Dokholyan S. V., Zoidov K. KH. The Third International Forum «Russia in XXI Century: Global Challenges and Prospects» // Regional problems of economic transformation, 2014. No. 11 (49). P. 252–273*

---

## СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

---

<b>Аллахвердиев Аликбер Ибрагимович</b>	д.э.н., профессор ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный аграрный университет им. М.М. Джембулатова», e-mail: <a href="mailto:ifl1993@mail.ru">ifl1993@mail.ru</a>
<b>Антамошкина Елена Николаевна</b>	к.э.н., доцент ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный аграрный университет», e-mail: <a href="mailto:antamoshkina@mail.ru">antamoshkina@mail.ru</a>
<b>Арсланов Шамиль Джавадович</b>	к.э.н., старший научный сотрудник ФГБУН «Институт социально-экономических исследований ДНЦ РАН», e-mail: <a href="mailto:ars_dgu@mail.ru">ars_dgu@mail.ru</a>
<b>Асриянц Карине Геннадьевна</b>	к.э.н., доцент, доцент кафедры «Государственного и муниципального управления» ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет», e-mail: <a href="mailto:divikas@mail.ru">divikas@mail.ru</a>
<b>Багавудинова Калимат Багавудиновна</b>	магистр направления «Государственное и муниципальное управление» ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет», e-mail: <a href="mailto:kalya.b@mail.ru">kalya.b@mail.ru</a>
<b>Багомедов Магомед Алиевич</b>	к.э.н., заведующий отделом ФГБУН «Институт социально-экономических исследований ДНЦ РАН», e-mail: <a href="mailto:bagron18@yandex.ru">bagron18@yandex.ru</a>
<b>Бобиев Ахроридин Кумридинович</b>	соискатель Института экономики и демографии Академии наук Республики Таджикистан, e-mail: <a href="mailto:adolat1@mail.ru">adolat1@mail.ru</a>
<b>Догеев Гасан Догеевич</b>	к.э.н., доцент ФГБНУ «Дагестанский научно-исследовательский институт сельского хозяйства имени Ф.Г.Кисриева», e-mail: <a href="mailto:muradin92@rambler.ru">muradin92@rambler.ru</a>
<b>Дохолян Сергей Владимирович</b>	д.э.н., профессор, директор ФГБУН «Институт социально-экономических исследований ДНЦ РАН», e-mail: <a href="mailto:serasvd@mail.ru">serasvd@mail.ru</a>
<b>Ермилина Диана Александровна</b>	к.э.н., старший научный сотрудник Лаборатории финансово-денежного регулирования национальной экономики, ФГБУН «Институт проблем рынка РАН», e-mail: <a href="mailto:diana.ermilina@mail.ru">diana.ermilina@mail.ru</a>
<b>Жук Софья Сергеевна</b>	к.э.н., доцент ФГБОУ ВО Финансовый университет при Правительстве РФ, e-mail: <a href="mailto:szhuk@fa.ru">szhuk@fa.ru</a>
<b>Зоилов Зафар Кобилджонович</b>	научный сотрудник ФГБУН «Институт проблем рынка РАН», e-mail: <a href="mailto:zafar2608@mail.ru">zafar2608@mail.ru</a>
<b>Зоилов Кобилжон Ходжиевич</b>	к.ф.-м.н., доцент, заведующий лабораторией Интеграции российской экономики в мировое хозяйство ФГБУН «Институт проблем рынка РАН», e-mail: <a href="mailto:kobiljonz@mail.ru">kobiljonz@mail.ru</a>
<b>Зоилов Хуршеджон Кобилджонович</b>	младший научный сотрудник ФГБУН «Институт проблем рынка РАН», e-mail: <a href="mailto:mirkhursheed@mail.ru">mirkhursheed@mail.ru</a>
<b>Ионичев Василий Николаевич</b>	научный сотрудник лаборатории макроэкономики и отраслевых рынков ФГБУН «Институт проблем рынка РАН», e-mail: <a href="mailto:v.ionichev@gmail.com">v.ionichev@gmail.com</a>
<b>Камилов Магомагази Камилович</b>	д.э.н., профессор ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный аграрный университет им. М.М. Джембулатова», e-mail: <a href="mailto:qas7508@mail.ru">qas7508@mail.ru</a>
<b>Карпенко Елена Зугумовна</b>	к.э.н., доцент, доцент кафедры «Управление человеческими ресурсами» ФГБОУ ВПО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова», e-mail: <a href="mailto:elena-2167@mail.ru">elena-2167@mail.ru</a>
<b>Керимов Салик Героевич</b>	к.э.н., доцент ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный технический университет», e-mail: <a href="mailto:sal072013@mail.ru">sal072013@mail.ru</a>
<b>Кобил Шабнами</b>	младший научный сотрудник ФГБУН «Институт проблем рынка РАН», e-mail: <a href="mailto:shabnam.91@list.ru">shabnam.91@list.ru</a>
<b>Кутаев Шихрагим Кутаевич</b>	д.э.н., заведующий отделом ФГБУН «Институт социально-экономических исследований» ДНЦ РАН, профессор кафедры «Финансы и кредит-1» ГАОУ ВО «Дагестанский государственный университет народного хозяйства», e-mail: <a href="mailto:kutaev.sh@mail.ru">kutaev.sh@mail.ru</a>
<b>Луценко Яна Викторовна</b>	аспирант ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный аграрный университет», e-mail: <a href="mailto:jana-yana2007@mail.ru">jana-yana2007@mail.ru</a>

---

## СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

---

<b>Магомедов Арбули Гунашевич</b>	д.э.н., профессор, профессор кафедры «Организация и управление строительными предприятиями и предприятиями нефтегазовой отрасли» ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный технический университет», e-mail: <a href="mailto:dstu@dstu.ru">dstu@dstu.ru</a>
<b>Магомедханов Магомедхан Магомедович</b>	д.и.н., заведующий отделом этнографии ФГБУН «Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН», e-mail: <a href="mailto:mkhan@yandex.ru">mkhan@yandex.ru</a>
<b>Мамбетова Фатимат Абдуллаховна</b>	д.э.н., ведущий научный сотрудник отдела «Экономика инновационного процесса», ученый секретарь Института информатики и проблем регионального управления филиал ФБУН «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», e-mail: <a href="mailto:fatima-mambetova@rambler.ru">fatima-mambetova@rambler.ru</a>
<b>Медков Алексей Анатолевич</b>	к.э.н., ведущий научный сотрудник, руководитель Центра исследований транзитной экономики Лаборатории интеграции российской экономики в мировое хозяйство ФГБУН «Институт проблем рынка РАН», e-mail: <a href="mailto:medkov71@mail.ru">medkov71@mail.ru</a>
<b>Мустаев Мовсар Мусаевич</b>	к.э.н., доцент кафедры «Управление персоналом» ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет», e-mail: <a href="mailto:fatima-mambetova@rambler.ru">fatima-mambetova@rambler.ru</a>
<b>Нечаев Анатолий Сергеевич</b>	аспирант ФГБУН «Институт социально-политических исследований РАН», e-mail: <a href="mailto:nechaev-a@mail.ru">nechaev-a@mail.ru</a>
<b>Ниналалова Лейла Гаджигурбановна</b>	младший научный сотрудник ФГБУН «Институт социально-экономических исследований ДНЦ РАН», e-mail: <a href="mailto:leylaskka-n@mail.ru">leylaskka-n@mail.ru</a>
<b>Петросянц Даниэл Викторович</b>	к.э.н., заместитель руководителя Департамента Политологии, ФГБОУ ВО Финансовый университет при Правительстве РФ, e-mail: <a href="mailto:dan-basa@yandex.ru">dan-basa@yandex.ru</a>
<b>Рамазанова Зоя Буттаевна</b>	д.и.н., ведущий научный сотрудник отдела этнографии ФГБУН «Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН», e-mail: <a href="mailto:zoya.ram@mail.ru">zoya.ram@mail.ru</a>
<b>Ростовцев Андрей Игоревич</b>	соискатель докторантуры ФГБУН «Институт проблем рынка РАН», e-mail: <a href="mailto:vols85-85@mail.ru">vols85-85@mail.ru</a>
<b>Рыбасова Юлия Викторовна</b>	к.э.н., доцент, доцент кафедры «Экономическая теория и экономика АПК» ФГБОУ ВО «Ставропольский государственный аграрный университет», e-mail: <a href="mailto:r-yuliya2006@rambler.ru">r-yuliya2006@rambler.ru</a>
<b>Сайфиева Светлана Николаевна</b>	к.э.н., доцент, заведующая лабораторией ФГБУН «Институт проблем рынка РАН», e-mail: <a href="mailto:sajfieva@ipr-ras.ru">sajfieva@ipr-ras.ru</a>
<b>Сампиева Лейла Даудовна</b>	старший преподаватель кафедры «Экономика и управление производством» ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет», г. Грозный, e-mail: <a href="mailto:sampieva.l.d@mail.ru">sampieva.l.d@mail.ru</a>
<b>Селезнев Павел Сергеевич</b>	д.полит.н. ФГБОУ ВО Финансовый университет при Правительстве РФ, e-mail: <a href="mailto:sps@fa.ru">sps@fa.ru</a>
<b>Ханбабаев Темирлан Гайдарбекович</b>	к.э.н., доцент ФГБНУ «Дагестанский научно-исследовательский институт сельского хозяйства имени Ф.Г.Кисриева», e-mail: <a href="mailto:muradin92@rambler.ru">muradin92@rambler.ru</a>
<b>Цветков Валерий Анатолевич</b>	д.э.н., профессор, член-корреспондент РАН, директор ФГБУН «Институт проблем рынка РАН», e-mail: <a href="mailto:tsvetkov@ipr-ras.ru">tsvetkov@ipr-ras.ru</a>
<b>Чередниченко Ольга Александровна</b>	к.э.н., доцент, доцент кафедры «Экономическая теория и экономика АПК» ФГБОУ ВО «Ставропольский государственный аграрный университет», e-mail: <a href="mailto:chered72@mail.ru">chered72@mail.ru</a>
<b>Чернявский Сергей Владимирович</b>	д.э.н., главный научный сотрудник ФГБУН «Институт проблем рынка РАН», e-mail: <a href="mailto:vols85-85@mail.ru">vols85-85@mail.ru</a>
<b>Шагалов Григорий Лазаревич</b>	д.э.н., профессор, главный научный сотрудник ФГБУН «Институт проблем рынка РАН», e-mail: <a href="mailto:shaagalov@mtu-net.ru">shaagalov@mtu-net.ru</a>
<b>Юшков Игорь Валерьевич</b>	ассистент ФГБОУ ВО Финансовый университет при Правительстве РФ, e-mail: <a href="mailto:ushkoviq-or@gmail.com">ushkoviq-or@gmail.com</a>

---

## INFORMATION ABOUT AUTHOR

---

- Allakhverdiev Alikber Ibragimovich** *Doctor of Economic Sciences, Professor of FSBEI of HE "Dagestan State Agrarian University named after M.M. Jambulatov", e-mail: [ifl1993@mail.ru](mailto:ifl1993@mail.ru)*
- Antamoshkina Elena Nikolaevna** *Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of FSBEI of HE "Volgograd State Agrarian University", e-mail: [antamoshkina@mail.ru](mailto:antamoshkina@mail.ru)*
- Arslanov Shamil Dzhavadovich** *Candidate of Economic Sciences, Senior Research Associate of FSBIS "Institute of Social-Economic Studies of DSC of the RAS", e-mail: [ars\\_dgu@mail.ru](mailto:ars_dgu@mail.ru)*
- Asriyants Karine Gennadievna** *Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of "State and Municipal Management" of FSEBI of HE "Dagestan State University", e-mail: [divi-kas@mail.ru](mailto:divi-kas@mail.ru)*
- Bagavudinova Kalimat Bagavudinovna** *Master of the School of "State and Municipal Management" of FSEBI of HE "Dagestan State University", e-mail: [kalya.b@mail.ru](mailto:kalya.b@mail.ru)*
- Bagomedov Magomed Alievich** *Candidate of Economic Sciences, Head of the Department of FSBIS "Institute of Social-Economic Studies of DSC of the RAS", e-mail: [bagron18@yandex.ru](mailto:bagron18@yandex.ru)*
- Bobiev Akhroridin Kumridinovich** *Doctoral Candidate of the Institute of Economics and Demographics of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan, e-mail: [adolat1@mail.ru](mailto:adolat1@mail.ru)*
- Dogeev Gasan Dogeevich** *Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of FSBIS "Dagestan Scientific and Research Institute of Agriculture named after F.G.Kisriev", e-mail: [muradin92@rambler.ru](mailto:muradin92@rambler.ru)*
- Dokholyan Sergey Vladimirovich** *Doctor of Economic Sciences, Professor, Director of FSBIS "Institute of Social-Economic Studies of DSC of the RAS", e-mail: [sergsvd@mail.ru](mailto:sergsvd@mail.ru)*
- Ermilina Diana Alexandrovna** *Candidate of Economic Sciences, Senior Research Associate of the Laboratory of Financial-Monetary Regulation of the National Economy, FSBIS "Institute of Market Problems of the RAS", e-mail: [diana.ermilina@mail.ru](mailto:diana.ermilina@mail.ru)*
- Zhuk Sofia Sergeevna** *Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of FSEBI of HE Financial University affiliated to the Government of the RF, e-mail: [zhuk@fa.ru](mailto:zhuk@fa.ru)*
- Zoidov Zaphar Kobildzhonovich** *Research Associate of FSBIS "Institute of Market Problems of the RAS", e-mail: [zafar2608@mail.ru](mailto:zafar2608@mail.ru)*
- Zoidov Kobilzhon Khodjievich** *Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Associate Professor, Head of the Laboratory of Integration of Russian Economy into International Economy FSBIS "Institute of Market Problems of the RAS", e-mail: [kobiljonz@mail.ru](mailto:kobiljonz@mail.ru)*
- Zoidov Khurshedjon Kobildzhonovich** *Junior Research Associate of FSBIS "Institute of Market Problems of the RAS", e-mail: [mirkhurshed@mail.ru](mailto:mirkhurshed@mail.ru)*
- Ionichev Vasily Nikolaevich** *Research Associate of the Laboratory of Macroeconomics and Industry Markets of FSBIS "Institute of Market Problems of the RAS", e-mail: [v.ionichev@gmail.com](mailto:v.ionichev@gmail.com)*
- Kamilov Magomagazi Kamilovich** *Doctor of Economic Sciences, Professor of FSBEI of HE "Dagestan State Agrarian University named after M.M. Jambulatov", e-mail: [qas7508@mail.ru](mailto:qas7508@mail.ru)*
- Karpenko Elena Zugumovna** *Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of FSBEI of HPE "Russian Economic University named after G.V.Plekhanov", e-mail: [elena-2167@mail.ru](mailto:elena-2167@mail.ru)*
- Kerimov Salik Geroevich** *Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of FSEBI of HE "Dagestan State Technical University", e-mail:*
- Kobil Shabnami** *Junior Research Associate of FSBIS "Institute of Market Problems of the RAS", e-mail: [shabnam.91@list.ru](mailto:shabnam.91@list.ru)*
- Kutaev Shikhragim Kutaevich** *Doctor of Economic Sciences, Head of the Department of FSBIS "Institute of Social-Economic Studies of DSC of the RAS", Professor of the Faculty of "Finances and Credit-1" of SAEI of HE "Dagestan State University of National Economy", e-mail: [kutaev.sh@mail.ru](mailto:kutaev.sh@mail.ru)*
- Lutsenko Yana Victorovna** *Doctoral Candidate of FSBEI of HE "Volgograd State Agrarian University", e-mail: [jana-yana2007@mail.ru](mailto:jana-yana2007@mail.ru)*

---

## INFORMATION ABOUT AUTHOR

---

<b>Magomedov Arbuli Gunashevich</b>	Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor of the Faculty of "Organization and Management of Construction Enterprises and Enterprises of Oil and Gas Industry" of FSBEI of HE "Dagestan State Technical University", e-mail: <a href="mailto:dstu@dstu.ru">dstu@dstu.ru</a>
<b>Magomedkhanov Magomedkhan Magomedovich</b>	Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of Ethnography of FSBS "Institute of History, Archeology and Ethnography of DSC of the RAS", e-mail: <a href="mailto:mkhan@yandex.ru">mkhan@yandex.ru</a>
<b>Mambetova Fatimat Abdullakhovna</b>	Doctor of Economic Sciences, Lead Research Associate of the Department of "Economics of the Innovative Process", the Academic Secretary of the Institute of Computer Science and Problems of Regional Management, the branch of FBIS "Federal Science Center of "Kabardino-Balkaria Scientific Center of the Russian Academy of Sciences", e-mail: <a href="mailto:fatima-mambetova@rambler.ru">fatima-mambetova@rambler.ru</a>
<b>Medkov Alexey Anatolievich</b>	Candidate of Economic Sciences, Lead Research Associate, Head of the Center of Studies of the Transit Economy of the Laboratory of Integration of the Russian Economy in the International Economy FSBS "Institute of Market Problems of the RAS", e-mail: <a href="mailto:medkov71@mail.ru">medkov71@mail.ru</a>
<b>Mustaev Movsar Musaevich</b>	Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Faculty of "Personnel Management" of FSBEI of HE "Chechen State University", e-mail: <a href="mailto:fatima-mambetova@rambler.ru">fatima-mambetova@rambler.ru</a>
<b>Nechaev Anatoly Sergeevich</b>	Doctoral Candidate of FSBS "Institute of Social-Political Studies of the RAS", e-mail: <a href="mailto:nechaev-a@mail.ru">nechaev-a@mail.ru</a>
<b>Ninalalova Leila Gajikurbanovna</b>	Junior Research Associate of FSBS "Institute of Social-Economic Studies of DSC of the RAS", e-mail: <a href="mailto:leylashka-n@mail.ru">leylashka-n@mail.ru</a>
<b>Petrosyants Daniel Victorovich</b>	Candidate of Economic Sciences, Assistant of the Head of the Department of Political Science, FSEBI of HE Financial University Affiliated to the Government of the RF, e-mail: <a href="mailto:dan-basa@yandex.ru">dan-basa@yandex.ru</a>
<b>Ramazanova Zoya Buttaevna</b>	Doctor of Historical Sciences, Lead Research Associate of the Department of Ethnography of FSBS "Institute of History, Archeology and Ethnography of DSC of the RAS", e-mail: <a href="mailto:zoya.ram@mail.ru">zoya.ram@mail.ru</a>
<b>Rostovtsev Andrey Igorevich</b>	Doctoral Candidate of FSBS "Institute of Market Problems of the RAS", e-mail: <a href="mailto:vols85-85@mail.ru">vols85-85@mail.ru</a>
<b>Rybasova Yuliya Victorovna</b>	Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Faculty of "Economic Theory and Economics of the AIC" of FSBEI of HE "Stavropol State Agrarian University", e-mail: <a href="mailto:ryuliya2006@rambler.ru">ryuliya2006@rambler.ru</a>
<b>Saifieva Svetlana Nikolaevna</b>	Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Head of the Laboratory of FSBS "Institute of Market Problems of the RAS", e-mail: <a href="mailto:sajfieva@ipr-ras.ru">sajfieva@ipr-ras.ru</a>
<b>Sampieva Layla Daudovna</b>	senior lecturer "Economics and production management" FSBEI "Chechen state University", Grozny, <a href="mailto:sampieva.l.d@mail.ru">sampieva.l.d@mail.ru</a>
<b>Seleznev Pavel Sergeevich</b>	Doctor of Political Science of FSEBI of HE Financial University Affiliated to the Government of the RF, e-mail: <a href="mailto:sps@fa.ru">sps@fa.ru</a>
<b>Khanbabaev Temirlan Gajdarbekovich</b>	Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of FSBS "Dagestan Scientific and Research Institute of Agriculture named after F.G.Kisriev", e-mail: <a href="mailto:muradin92@rambler.ru">muradin92@rambler.ru</a>
<b>Tsvetkov Valeriy Anatolievich</b>	Doctor of Economic Sciences, Professor, Associate Member of the RAS, Director of FSBS "Institute of Market Problems of the RAS", e-mail: <a href="mailto:tsvetkov@ipr-ras.ru">tsvetkov@ipr-ras.ru</a>
<b>Cherednichenko Olga Alexandrovna</b>	Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Faculty of "Economic Theory and Economics of the AIC" of FSBEI of HE "Stavropol State Agrarian University", e-mail: <a href="mailto:chered72@mail.ru">chered72@mail.ru</a>
<b>Chernyavsky Sergey Vladimirovich</b>	Doctor of Economic Sciences, Chief Research Associate of FSBS "Institute of Market Problems of the RAS", e-mail: <a href="mailto:vols85-85@mail.ru">vols85-85@mail.ru</a>
<b>Shagalov Grigoriy Lazarevich</b>	Doctor of Economic Sciences, Professor, Head Research Associate of FSBS "Institute of Market Problems of the RAS", e-mail: <a href="mailto:shagalov@mtu-nef.ru">shagalov@mtu-nef.ru</a>
<b>Yushkov Igor Valerievich</b>	Assistant of FSEBI of HE Financial University Affiliated to the Government of the RF, e-mail: <a href="mailto:ushkovigor@gmail.com">ushkovigor@gmail.com</a>

Авторы	Название статьи	Номер журнала	Стр.
<b>ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ</b>			
Гасанов Г.А., Гасанов Т.А.	Стоимостные категории в теории неоклассического синтеза	№1	6-12
Гасанов Г.А., Гасанов Т.А.	Теоретические положения государственного регулирования экономики в учении маржинализма	№2	4-9
Гасанов Г.А., Гасанов Т.А.	Противоречия российской экономики в условиях нестабильности	№3	4-9
Гасанов Г.А., Гасанов Т.А., Санникова Е.В.	Современная рыночная экономика - исторический процесс развития	№8	4-10
Гасанов Г.А., Гасанов Т.А., Шейхова П.М.	Исследование прибыли в теории неоклассического синтеза	№11	4-11
Кольванов В.Ю.	Введение в системологию организации управления хозяйствующим субъектом	№2	10-18
Сагидов Ю.Н.	Развитие региона-аутсайдера страны в контексте теории периферийной экономики (на примере Республики Дагестан)	№5	4-13
Кадиев Р.А.	Модель общего поля регулятора как инструмент институционального анализа на примере анализа террористического подполья в Республике Дагестан	№9	4-15
<b>ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ НАРОДНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ</b> <b>Экономика, организация и управление предприятиями, отраслями, комплексами</b> <i>Промышленность</i>			
Ахмедуев А.Ш.	Промышленная политика Дагестана: основные цели, задачи и направления совершенствования	№1	13-19
Амирханян В.А.	Венчурное финансирование как инструмент повышения конкурентоспособности наукоемких отраслей промышленности Республики Армения	№1	20-24
Ультан С.И., Шамсутдинова Н.Р.	Сравнительный анализ методов идентификации отраслевых кластеров в России и за рубежом	№2	19-23
Якубов Т.В., Махаев А.С.	О состоянии и некоторых направлениях развития промышленного комплекса Чеченской Республики	№4	4-11
Абрамов В.А., Александров В.Л., Горелик Б.А., Макаров В.Г., Смирнов А.Ю.	Конкурентоспособность и инновационный потенциал судостроительной промышленности	№5	14-22
Мудрецов А.Ф., Тулупов А.С.	Нетрадиционные и возобновляемые источники энергии в новом технологическом укладе современной России	№11	12-20
Ростовцев А.И., Чернявский С.В.	Ориентация российской газовой отрасли на внутренний региональный рынок как основа устойчивого развития экономики в условиях нестабильности	№12	6-11
<b>АПК и сельское хозяйство</b>			
Пулатов З.Ф.	Углубление специализации сельского хозяйства – ключевое направление импортозамещения в Дагестане	№1	25-31
Пулатов З.Ф.	Специализация сельского хозяйства – ключевое направление импортозамещения в Дагестане	№2	31-37
Пулатов З.Ф.	Интеграционные процессы в региональном агропромышленном производстве – магистральное направление его устойчивого и эффективного развития	№11	51-59
Юнусова П.С.	Развитие социальной инфраструктуры как неотъемлемое условие Мотивации работников села	№1	32-37
Юнусова П.С.	Влияние наличия уникальной программы развития АПК региона на рост объемов сельскохозяйственной продукции	№2	24-30
Юнусова П.С.	Экономическая доступность продовольствия в регионах Северо-Кавказского федерального округа	№4	12-19
Юнусова П.С.	Тенденции в научно-технологическом обеспечении АПК	№11	42-50
Балянец К.М.	Особенности оценки эффективности информационных технологий в управленческой деятельности в АПК	№1	38-43
Гусейнова Д.А.	Методические подходы к оценке инвестиционной привлекательности предприятий АПК	№1	44-55
Гусейнова Д.А.	Алгоритм управления инвестиционной привлекательностью агропромышленных предприятий	№3	44-54
Баширова А.А., Гимбатов Г.М.	К вопросу управления предприятиями аквакультуры (рыбоводства) горной зоны Республики Дагестан	№1	56-61

Гимбатов Г.М.	Современное состояние и перспективы развития рыболовства в Республике Дагестан	№2	38-45
Гимбатов Г.М., Ахмедова Ж.А.	Плодоовощеконсервная промышленность Дагестана: состояние и перспективы	№8	31-37
Шуайбуева З.Д.	Контроллинг как инструмент высокоэффективного управления на пищевых и перерабатывающих предприятиях АПК	№2	46-52
Камбарова С.Р.	Концептуальные положения современной системы планирования на предприятиях АПК	№2	53-61
Махачев Д.М.	Управление инвестиционными процессами и разработка инвестиционной политики в АПК	№3	10-19
Махачев Д.М.	Особенности формирования инвестиционной политики АПК на региональном уровне	№4	29-39
Махачев Д.М.	Инвестиционная привлекательность АПК региона: сущность, понятие, показатели	№6	4-14
Абдурахманова Л.С.	Продовольственная безопасность региона: сущность, угрозы, факторы ее определяющие	№3	20-25
Абдурахманова Л.С.	Развитие агропромышленного комплекса Республики Дагестан в рамках решения задачи обеспечения продовольственной безопасности региона	№6	47-53
Мусостов Ш.А.	Теоретические основы выбора стратегии развития перерабатывающими предприятиями АПК	№3	26-34
Гаджимурадова Л.А.	Принципы диагностики экономического состояния агропромышленного предприятия	№3	35-43
Курбанов К.К., Петросянц В.З., Фейзуллаева А.Р.	Оптимизация использования ресурсного потенциала АПК СКФО на основе повышения инновационной активности	№4	20-24
Курбанов К.К., Джабраилов Р.А., Махмудов М.К.	Использование ресурсного потенциала регионального АПК при решении задач импортозамещения	№9	43-49
Багавудинова М.Б.	Совершенствование мер государственного регулирования АПК в условиях рыночной экономики	№4	25-28
Белан А.И., Валиева Д.Г.	Тенденции и проблемы развития регионального птицеводства	№4	40-44
Белан А.И., Валиева Д.Г.	Развитие молочного скотоводства региона в условиях импортозамещения	№8	11-16
Казиханов А.М.	Земельная собственность и новый земельный строй в России	№5	23-28
Варганова М.Л.	Основные направления обеспечения продовольственной безопасности в Российской Федерации	№5	29-39
Варганова М.Л.	Оценка современного состояния производства сельскохозяйственной продукции в субъектах Северо-Кавказского федерального округа	№6	26-39
Варганова М.Л.	Необходимость обеспечения прогнозирования безопасности регионального продовольственного рынка в новых экономических условиях	№7	4-12
Варганова М.Л.	Механизм взаимодействия и взаимозависимость приоритетов продовольственного обеспечения и стратегий развития агропромышленного комплекса	№9	16-29
Варганова М.Л.	Системный подход и основные экономические модели в обеспечении продовольственной безопасности регионов Российской Федерации	№10	4-19
Варганова М.Л.	Совершенствование межрегиональных и межотраслевых связей как основа социально-экономического развития продовольственного рынка страны	№11	21-33
Дохолян С.В., Петросянц В.З., Садыкова А.М.	Оценка эффективности системы инновационного развития АПК региона	№5	40-48
Дохолян С.В., Ботгаев Ж.Х., Умаев Ю.Д.	Анализ теоретических и методологических подходов к устойчивости развития агропромышленных предприятий	№9	30-42
Эминова Э.М., Баширова А.А., Белан А.И.	Особенности управления инновационным развитием в АПК региона	№5	49-57
Арсланов Ш.Д.	Современные проблемы инвестиционного развития сельского хозяйства	№5	58-62
Арсланов Ш.Д., Гаджиева А.Г.	Развитие сельского хозяйства: мотивация труда	№10	32-38
Арсланов Ш.Д., Ниналалова Л.Г.	Политика государственной поддержки и развития сельского хозяйства: зарубежный опыт	№12	49-55
Камилов М.К., Камилова П.Д., Эминова Э.М.	Проблемы и перспективы развития пищевой и перерабатывающей промышленности в АПК	№6	15-25

Камилов М.К., Камилова П.Д., Камилова З.М.	Агропромышленный комплекс России и Китая: сравнительный анализ	№10	19-30
Шахабасов Р.А.	Диверсификация как способ повышения уровня конкурентоспособности предприятий АПК региона	№6	40-46
Наминова К.А.	Современное состояние страхования рисков сельскохозяйственных организаций с государственной поддержкой в России	№7	13-19
Подречнева И.Ю., Баранов А.В., Баранова Н.С.	Использование иммуногенетических маркеров групп крови для характеристики и оптимизации системы подбора в новых заводских семействах костромской породы	№7	20-26
Гасанов М.А.	Исследование влияния производственной инфраструктуры на экономику АПК региона	№7	27-33
Прокопьев М.Г.	Тенденции развития российского рынка мяса	№8	17-23
Кардашова М.А.-Г., Далгатова И.Д.	Сравнительный анализ логистического и стратегического развития АПК на региональном уровне	№8	24-30
Гарунова А.В.	Особенности формирования системы мониторинга экономического состояния агропромышленного предприятия	№8	38-46
Буржалиева З.Н.	Обоснование организационно-экономического механизма функционирования кластера садоводства в Республике Дагестан	№9	50-59
Шейхова П.М., Ашурбекова Ф.А.	Эффективные механизмы господдержки – ключевой фактор динамичного развития АПК региона в условиях импортозамещения	№9	60-68
Аллахвердиев А.И.	Методические подходы к разработке моделей крестьянских (фермерских) хозяйств и их кооперативов	№10	38-45
Аллахвердиев А.И., Камилов М.-Г.К.	Формирование ресурсосберегающего механизма развития регионального АПК	№11	34-41
Аллахвердиев А.И., Камилов М.К., Ханбабаев Т.Г., Догеев Г.Д.	Эффективность сельскохозяйственного использования земель и земельные отношения в регионе	№12	31-38
Асриянц К.Г.	Особенности формирования стратегического управления на предприятиях АПК	№10	55-61
Асриянц К.Г., Алиев М.М.	Разработка конкурентной стратегии предприятий перерабатывающей промышленности АПК	№11	60-70
Асриянц К.Г., Багавудинова К.Б.	Оценка эффективности реализации целевых программ развития АПК региона	№12	39-48
Bayadyan A.A.	On new mechanism of financing for agriculture	№11	71-76
Антамошкина Е.Н.	Анализ эффективности агропродовольственной политики на основе экономико-математического моделирования	№10	46-54
Антамошкина Е.Н., Луценко Я.В.	Оценка показателей продовольственной обеспеченности ЮФО	№12	12-19
Чередниченко О.А., Рыбасова Ю.В.	Продовольственная и экологическая безопасность в регионе: компромиссы и противоречия	№12	20-30
Магомедханов М.М., Рамазанова З.Б.	Трансформация традиций землепользования в Нагорном Дагестане: исторический опыт и социально-экономический эффект	№12	56-62
Сампиева Л.Д.	Основные направления реструктуризации сельскохозяйственных предприятий	№12	63-71
<i>Строительство</i>			
Гасанова Н.М., Кольванова Е.К.	Методологические основы формирования организационного механизма управления развитием строительного комплекса в условиях инновационных преобразований	№1	62-72
Гасанова Н.М., Кольванова Е.К.	Формирование маркетинговой системы управления развитием предприятий строительного комплекса	№2	62-67
Гасанова Н.М.	Методы и инструменты стимулирования инновационной деятельности предприятий строительного комплекса	№3	55-62
Атаева В.Х., Эмирбекова Д.Р.	Маркетинг инновационных процессов и его значение в планировании развития строительного производства	№3	63-69
Магомедов А.Г.	Организационно-экономические аспекты управления инвестиционными и производственными рисками в линейном строительстве	№12	72-78
<i>Транспорт</i>			
Мельников А.А., Павлов А.В.	Теоретические аспекты угрозообразования в рамках правового регулирования системы экономической безопасности в сфере водного транспорта	№6	54-60
Кардашова М.А.-Г., Далгатова И.Д.	Перспективы развития транспортной логистики	№9	69-75

<i>Сфера услуг</i>			
Большакова Ю.М.	Стандарты качества и критерии удовлетворенности как инструмент оценки качества государственных услуг (сравнительный анализ)	№1	73-76
Магомедтагиров М.М., Айгубов С.З.	Некоторые вопросы финансирования социальных проектов в современных условиях	№4	45-50
Жук С.С., Селезнев П.С., Стуканова И.П.	Государственные социальные проекты в сфере здравоохранения: актуальность развития в России и опыт зарубежных стран	№7	47-54
Жук С.С., Селезнев П.С.	Социальные проекты как инструмент реализации социально-экономической политики государства	№12	79-85
Кияницына Л.Н.	Оценка эффективности и прогноз развития институтов медицинского страхования в регионе (на примере ХМАО-Югры)	№9	76-88
Бобиев А.К.	Методологические подходы к анализу конкурентоспособности субъектов сферы высшего профессионального образования	№12	86-95
<b>Управление инновациями</b>			
Гордеев О.И., Гордеев С.О.	Теоретические и методологические основы экономического роста на этапе становления инновационной экономики	№1	77-82
Гамидуллаев Б.Н., Абдуллаева Т.К., Гамидуллаев Р.Б.	Инвестиционно-инновационный подход развития производства на региональном уровне	№1	83-86
Петросянц Д.В.	Опыт государственной инновационной политики Японии: парадигма прогресса для XXI века	№2	68-75
Метелев С.Е., Метелев А.Е.	Методология механизма резонансного роста инновационной экономики	№3	70-80
Симонов К.В., Петросянц Д.В., Махмутова Е.В., Корнилова А.С.	Инновационная развилка: социальный запрос или элитарный проект?	№7	34-41
Нагдиева М.Г., Нагдиева М.С.	Некоторые аспекты инновационно-инвестиционной политики государства в современных условиях	№10	62-70
Мустаев М.М., Мамбетова Ф.А.	Сетевая форма организации экономики как эффективная модель взаимодействия субъектов инновационной системы	№12	96-106
<b>Региональная экономика</b>			
Ткачев С.А., Болотов Д.А., Межевич Н.М.	Приграничное сотрудничество в региональном социально-экономическом развитии: теория, российская практика	№1	87-93
Горячих М.В.	Создание и аспекты функционирования СЭЗ в Крыму	№1	94-100
Текиев М.В., Мирзабекова М.Ю.	Формирование инфраструктуры рыночной экономики в России	№1	101-105
Мызникова М.Н.	Методика оценки эффективности энергопотребления региональной экономики	№1	106-111
Алиев М.А.	Проблема взаимодействия культуры и экономики	№1	112-116
Ахмедуев А.Ш.	Механизмы государственного регулирования инвестиционной деятельности в Республике Дагестан	№2	76-84
Гамидуллаев Б.Н., Абдуллаева Т.К., Гусейнов А.Г.	Модель потенциальных источников дохода Республики Дагестан в условия кризиса и некоторые механизмы ее обеспечения	№2	85-89
Амадзиева Н.А., Хизриев А.Ш.	Возобновляемая энергетика как один из факторов энергосбережения на сельских территориях Республики Дагестан	№2	90-96
Гордеев О.И., Гордеев С.О.	Создание условий устойчивого развития национального и регионального хозяйства на основе неуклонного экономического роста и возрастания качественных изменений	№2	97-102
Идзиев Г.И.	Региональные особенности развития институтов рыночной инфраструктуры	№3	81-88
Петросянц В.З., Дохолян С.В., Петросянц Д.В.	Концептуальные основы формирования организационно-экономического механизма регулирования регионального развития	№4	51-58
Петросянц В.З., Ниналалова Л.Г.	Программно-целевые методы в системе регулирования развития проблемных регионов	№5	63-70
Петросянц В.З., Арсланова Х.Д., Ниналалова Л.Г.	Зарубежный опыт государственного регулирования регионального развития	№10	99-105
Арсланов Ш.Д.	Проблемы формирования и развития инвестиционной политики региона на основе стратегии его социально-экономического развития	№4	59-62

Арсланов Ш.Д., Гаджиева А.Г.	Формирование и развитие современной инвестиционной политики регионов СКФО	№11	77-86
Абдулаев Ш.-С.О., Деневизюк Д.А., Садыкова А.М.	Методологические основы преодоления кризиса социально-экономического и политического развития субъекта РФ (на примере РД)	№4	63-67
Деневизюк Д.А.	Программно-целевой метод в управлении социально-экономическим развитием проблемных территорий	№10	106-113
Леженина Т.В.	Модернизация экономического потенциала Дальнего Востока и Байкальского региона России	№6	61-67
Рабаданова К.А.	Структурная политика государства в условиях инновационных преобразований в экономике	№6	68-76
Идзиева М.К.	Влияние производственных и инвестиционных эффектов на рост валового регионального продукта	№7	42-47
Петросянц Д.В.	Социально-политические аспекты развития психообщественной инфраструктуры проблемного региона	№8	55-61
Баширова А.А.	Условия и особенности модернизационных и инновационных процессов в экономике проблемного региона в аспекте его устойчивого развития	№8	62-67
Денисова И.П., Белов М.Т.	Алгоритм формирования комплексной программы социальной поддержки на уровне региона	№8	68-73
Шахбанова М.М.	Патриотические установки в общественном сознании дагестанских народов	№8	74-85
Чернышов М.М.	Макрорегион как новый объект государственной политики социально-экономического развития территорий России: интеграционный аспект	№9	89-11
Чернышов М.М.	Научные подходы к формированию новой региональной политики социально-экономического развития на основе интеграционный ресурс экономического роста	№10	71-77
Сагидов Ю.Н.	Активизация развития аграрно-ориентированных регионов России	№9	102-111
Рошупкина В.В.	Управление потенциалом по налогу на прибыль организаций как фактор обеспечения налоговой безопасности региона	№9	112-117
Хубиева Ж.К.	Анализ методик моделирования социально-экономического развития региона	№9	118-124
Эльканов А.Х., Хубиева Ж.К.	Разработка системы показателей оценки социально-экономического потенциала региона	№10	78-83
Курбанов К.К., Фейзуллаева А.Р.	Системный подход в регулировании процессами развития экономики проблемных регионов (на примере регионов СКФО)	№11	87-92
Ермилина Д.А.	Сравнительный анализ конкурентоспособности российских территорий	№12	107-117
Багомедов М.А.	Модернизация социальной сферы и экономическая безопасность в проблемных регионах СКФО	№12	118-132
<b>Экономика труда</b>			
Дунаева Ю.Г.	Информационные технологии как инструменты университетского образования	№2	103-108
Кутаев Ш.К.	Развитие системы подготовки востребованных кадров как драйвер роста экономики региона	№3	89-93
Рязанцев С.В., Сигарева Е.П.	Демографические, социально-экономические и политические последствия миграционных процессов для Российской Федерации	№3	94-102
Нечаев А.С.	Газификация, как направление социально-экономического и демографического развития территории	№3	103-106
Полищук Е.А.	Приоритетные направления регулирования рынка труда молодежи Республики Крым	№7	48-54
Рязанцева М.В., Смирнов В.М.	Зарубежный опыт социального партнерства на рынке труда и в профессиональном образовании	№9	125-134
Будзинская О.В., Демидова А.В.	Человеческий капитал и инвестиции в образование	№9	135-143
Гичиев Н.С.	Взаимосвязь экономического роста с экзогенными условиями пространственного развития внешней торговли макрорегиона	№10	84-91
Михайлов А.С.	Комплексный подход к идентификации границы территориальной общности	№10	92-98
Карпенко Е.З.	Формирование и развитие человеческого капитала: роль университетов нового типа	№10	114-120
Карпенко Е.З.	Риски развития человеческого капитала организации	№11	93-100
Карпенко Е.З.	Качество человеческого капитала в условиях становления инновационной экономики	№12	143-149
Петросянц Д.В., Юшков И.В.	Прогнозирование возможной динамики политической активности студенческой молодежи в новом электоральном цикле	№12	133-142

<b>Экономика народонаселения и демография</b>			
Абдулманапов П.Г.	Тенденции демографического развития регионов Северо-Кавказского федерального округа	№1	117-123
Абдулманапов П.Г.	Мониторинг демографической ситуации в Республике Дагестан	№9	144-152
Хаджалова Х.М.	Влияние современного качества жизни населения на формирование человеческого капитала	№2	109-115
Хаджалова Х.М.	Качество жизни и человеческий капитал в формировании инновационного развития регионов	№8	104-110
Шахбанова М.М., Абдулагатов З.М.	Типы социальной идентичности в массовом сознании дагестанских народов: состояние и динамика	№7	55-67
Мудрецов А.Ф.	Человеческий потенциал устойчивого развития	№8	98-103
Кутаев Ш.К.	Особенности воспроизводства населения и трудовых ресурсов в регионах СКФО	№12	150-157
Нечаев А.С.	Влияние обеспеченности инженерной инфраструктурой на социально-экономическое и демографическое развитие территории	№12	158-163
<b>Экономика природопользования</b>			
Курганов С.Д.	Развитие малых и средних предприятий в России и Китае	№7	68-73
Тулупов А.С., Шалина А.Е.	Расчет вероятностей страховых случаев и тарифных ставок стимулирующей системы экологического страхования (на примере ОАО «ЭНПО «Неорганика»)	№10	121-128
Чернявский С.В., Чернявский В.С.	Классическая и сверхприбыльная концепции природной ренты: теоретические и практические разногласия в современном периоде	№11	101-107
<b>Экономика предпринимательства</b>			
Абдулаева З.З.	Развитие малого предпринимательства и занятости населения в приоритетных отраслях экономики субъектов СКФО	№1	124-130
Слободенюк А.С., Слободенюк А.В.	Исследование процессов формирования рынка инжиниринговых услуг в Дальневосточном регионе	№1	131-135
Бутгаева С.М., Бабаева Д.Р.	Концептуальные основы управления предпринимательством на современном этапе рыночных преобразований	№3	107-113
Магомедова Э.А., Гаджиева Н.А.	Региональное регулирование развития малого бизнеса в сфере услуг	№4	68-74
Рабаданов А.Р., Иразиханова С.А.	Методические подходы к обоснованию критериев и показателей оценки предпринимательской деятельности предприятий малого бизнеса	№4	75-81
<b>Менеджмент</b>			
Корнеев Д.В.	Диагностика методов и инструментов системы управления рисками интегрированных предпринимательских структур	№10	129-140
<b>Экономическая безопасность</b>			
Метелёв С.Е., Косьмин А.Д.	Природа и основные направления минимизации коррупции	№1	136-144
Сайфиева С.Н.	Современная финансовая политика и экономическая безопасность	№12	164-173
Ионичев В.Н.	Внедрение информационных технологий в процесс управления закупками компании с государственным участием в контексте обеспечения экономической безопасности	№12	174-183
<b>ФИНАНСЫ, ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ И КРЕДИТ</b>			
Зоидов К.Х., Янкаускас К.С.	Формирование эффективной модели регулирования финансово-бюджетных отношений между федеральным и региональными уровнями в условиях интеграции и нестабильности. Часть I	№3	114-128
Зоидов К.Х., Янкаускас К.С.	Формирование эффективной модели регулирования финансово-бюджетных отношений между федеральным и региональными уровнями в условиях интеграции и нестабильности. Часть II	№4	82-94
Рощупкина В.В.	Концептуальные основы оптимизации налогообложения прибыли организаций в Российской Федерации в условиях финансовой нестабильности	№5	71-77
Narutyunyan V.L., Narutyunyan T.V.	The conceptual approach towards tax administration issues	№8	111-116
Прудникова А.А., Николаенкова М.С.	Отрицательная процентная ставка как нетрадиционный инструмент денежно-кредитной политики	№11	108-114
Абасова Х.У.	Налоговая система как регулятор экономики и предпринимательской активности	№11	115-123
Шагалов Г.Л., Зоидов З.К., Керимов С.Г.	Возможности и перспективы использования плавающего валютного курса в целях модернизации экономики	№12	184-198

<b>БУХГАЛТЕРСКИЙ УЧЕТ, СТАТИСТИКА</b>			
Бузуртанова Л.В., Бекботова Л.А.	Проблемы организации бухгалтерского учета на малых предприятиях и пути их решения	№1	145-148
<b>МАТЕМАТИЧЕСКИЕ И ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫЕ МЕТОДЫ ЭКОНОМИКИ</b>			
Прокопьев М. Г.	Калибровка эластичностей: теоретические предпосылки и практическая реализация	№9	153-164
Кобил Ш., Зоидов Х.К.	Моделирование анализа циклической динамики структуры и механизмы регулирования интегрированного кластера рынков топливно-энергетических ресурсов государств-членов ЕАЭС	№12	199-221
Зоидов К.Х.	Система межбюджетных отношений в России и других странах ЕАЭС: циклическая динамика развития, существующие риски, вызовы и перспективы развития	№12	222-235
<b>МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА</b>			
Sargsyan K.S.	Evaluation of the effectiveness of state anti-crisis regulation in the Republic of Armenia	№1	149-155
Талипова Н.Т.	Российская Федерация и Республика Узбекистан: региональная интеграция и внешнеэкономические связи	№1	156-165
Зиядуллаев Н.С., Симонова Ю.С., Зоидов З.К.	Проблемы и перспективы совершенствования международной деятельности банков в условиях интеграции и глобальной нестабильности	№5	78-89
Зиядуллаев Н.С., Зиядуллаев С.Н.	25 лет трансформации и структурирования постсоветского экономического пространства	№6	77-85
Фам В.Ф., Тригубенко М.Е.	Опыт инвестиционной политики Вьетнама в условиях перехода к инновационной экономике	№6	86-93
Зульфугарзаде Т.Э., Метелев С.Е.	Основополагающие принципы законодательного регулирования зонирования территорий в США	№6	94-98
Нагарятуян А.А.	The issue of participation in the drafting of the developmental programs in Armenia	№6	99-109
Narutyunyan V.L., Narutyunyan T.V.	The role of the tax system and its administration in contributing to the economic growth in Armenia	№8	117-122
Толорая Г.Д., Тригубенко М.Е., Яковлева Л.Н.	Перспективы реформирования северокорейской экономики	№9	165-174
Нгуен Куок Хунг	Отношения Вьетнама с Лаосом и Камбоджей: путь к объединению для коллективного решения крупных проблем стран Индокитая	№10	141-144
Зоидов К.Х.	Моделирование циклической динамики структурных изменений в экономике стран постсоветского пространства. Часть V	№10	145-158
Зоидов К.Х., Медков А.А.	Проблемы и противоречия сопряжения социально-экономического развития России с другими странами ЕАЭС	№12	236-249
Татевосян Г.М., Магомедов Р.Ш.	Опыт реализации отраслевых программ во Франции 1960 – 1970-х гг.	№11	124-136
<b>НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ</b>			
Кутаев Ш.К.	Социально-трудовые отношения в контексте научного обсуждения (по итогам Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Актуальные проблемы социально-трудовых отношений»)	№4	95-101
Курбанов К.К.	Импортозамещение в АПК региона: проблемы и перспективы (по итогам круглого стола «Актуальные вопросы развития АПК региона в условиях импортозамещения»)	№8	123-127
Цветков В.А., Дохолян С.В., Зоидов К.Х.	Пятый международный форум «Россия в XXI веке: глобальные вызовы и перспективы развития»	№12	250-265

*Научное издание*

*Ежемесячный научный журнал*

## **РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ЭКОНОМИКИ**

**Главный редактор:** Дохолян С.В.  
**Компьютерный дизайн-верстка:** Джамилев А.М.  
**Корректур:** Брезман А., Мирохватова М.

Подписано в печать 27.01.2017 г. Сдано в печать 29.01.2017г.  
Формат 60\*84 /8. Гарнитура «Times». Бумага офсетная  
Тираж 1000. Усл. п.л. 33,75. Заказ № 364.

© НП «Редакция журнала «Региональные  
проблемы преобразования экономики»  
Тел.: 8-8722-62-45-16, 8-928-800-222-0  
e-mail: rpre@mail.ru

---

Отпечатано на типографской базе  
ООО «Апробация»  
367008, РД, г. Махачкала, ул. Дзержинского, 17<sup>б</sup>  
Тел.: 8 (989)-669 –15 –15

Для заметок

---